

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

СОРОКЪ-ВТОРОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ IV.

ГОДЪ LXXII. — ТОМЪ CDXX. — 1/14 ІЮЛЯ 1907.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ

ДВѢСТИ-СОРОКЪ-ШЕСТОЙ ТОМЪ

СОРОКЪ-ВТОРОЙ ГОДЪ

ТОМЪ IV

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ": ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
Васильевскій-Островъ, 5-я линія,
№ 28.

Экспедиція журнала:
Петербургская-Сторона,
Кронверкская ул., 21.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1907

3642

УНИВЕРСИТЕТСКІЙ ВОПРОСЪ

ВЪ

ЦАРСТВОВАНІЕ ИМП. ЕКАТЕРИНЫ II

И СИСТЕМА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

по Уставамъ 1804 года

Памяти А. Н. Пыпина.

Извѣстно, какое великое значеніе въ исторіи русскаго просвѣщенія имѣла учебная реформа начала царствованія императора Александра I, опиравшаяся на два основные законодательные акта: 1) Предварительныя правила народнаго просвѣщенія 24 января 1803 года и 2) Уставы университетовъ и подвѣдомственныхъ имъ училищъ 5 ноября 1804 года. Оба эти акта служатъ краеугольными камнями, на которыхъ строилась политика просвѣщенія въ Россіи въ теченіе всего XIX столѣтія. Съ другой стороны, „предварительныя правила“ 1803 года и подробно развивавшіе ихъ уставы 1804 года явились результатомъ, завершавшимъ рядъ болѣе или менѣе крупныхъ просвѣтительныхъ предпріятій XVIII вѣка. Настоящее изслѣдованіе и имѣетъ цѣлью освѣтить учебную реформу начала прошлаго вѣка со стороны ея связи съ реформами предшествующей эпохи — императрицы Екатерины II, въ частности раскрыть центральное значеніе университетскаго вопроса, какъ узла, въ которомъ связывался конецъ реформы Екатерининской съ началомъ реформы Александровской.

I.

Ко времени царствованія Екатерины II господство сословно-профессіональнаго образованія, заведеннаго Петромъ Великимъ, было уже поколеблено, и передъ правительствомъ открывалась новая задача: положить въ основаніе политики народнаго просвѣщенія принципъ образованія *общаго и всесословнаго*. Кое-что въ этомъ направленіи было уже сдѣлано при предшественникахъ Екатерины II: Академическій и Московскій университеты, академическая, московскія и казанскія гимназіи были первыми опытами устроенія общеобразовательныхъ школъ, открытыхъ для юношества разныхъ сословій. Но эти опыты страдали однимъ коренным недостаткомъ: они не были подчинены одному общему плану, не связывались въ единую систему. Сословно-профессіональное образованіе первой половины XVIII вѣка замыкалось въ изолированные циклы, опредѣляемые профессіональными интересами каждаго отдѣльнаго сословія. Въ каждомъ изъ этихъ цикловъ, въ зависимости отъ высоты и сложности сословной профессіи, доминировали элементы низшаго, средняго или высшаго образованія. Но всѣ отдѣльные циклы сословно-профессіональнаго образованія оставались разобщенными, не связывались между собою въ опредѣленномъ іерархическомъ порядкѣ. Между тѣмъ образованіе общее и безсословное по самому существу своему требуетъ, чтобы всѣ типы школъ низшихъ, среднихъ и высшихъ соединялись въ одну систему, ибо цѣлесообразность каждаго отдѣльнаго типа общеобразовательной школы всегда опредѣляется тѣмъ положеніемъ, какое этотъ типъ занимаетъ въ законченной системѣ образованія.

Первое выраженіе мысли о необходимости насаждать общее образованіе не изолированными, но органически связанными между собою послѣдовательными циклами можно видѣть въ учрежденіи при Академіи наукъ университета и гимназіи. Въ другомъ мѣстѣ мы уже указали [1]), что этотъ на практикѣ плохо удавшійся опытъ соединенія ученаго учрежденія съ высшей и средней школой не былъ безпочвеннымъ капризомъ творческой мысли Петра Великаго. Исторія русской школы за два послѣднія столѣтія опровергла старыя разсужденія, что университеты были

---

[1]) Эпоха преобразованій Петра Великаго и русская школа новаго времени, въ „Русской Школѣ“, 1903 г.

нужнѣе Академіи наукъ, что среднія школы нужнѣе университетовъ, а начальныя школы нужнѣе гимназій. Въ дѣйствительности жизненные интересы школъ всѣхъ степеней всегда органически сплачивали эти школы въ одну систему. Университетъ, съ одной стороны, долженъ былъ питаться учеными силами, извѣдавшими глубину теоретической науки; съ другой стороны, онъ не могъ обойтись безъ гимназіи, какъ приготовительной къ нему школы. Въ свою очередь для гимназій университетъ всегда былъ разсадникомъ педагогическихъ силъ, а содержаніе и высота гимназическаго курса необходимо сообразовались съ интересами университетской науки. По мѣткому замѣчанію Ломоносова, высшая школа безъ средней уподобилась бы „пашнѣ безъ сѣмянъ", и потому одновременно съ Московскимъ университетомъ при немъ была учреждена гимназія, для дворянъ и разночинцевъ, для обученія языкамъ и „первымъ основаніямъ наукъ". Но и гимназія, подобно университету, осталась бы безплодной пашней, еслибы не получала сѣмянъ отъ начальной школы.

Этотъ принципъ органической связи всѣхъ послѣдовательныхъ цикловъ общаго образованія все яснѣе выступалъ въ просвѣтительныхъ предпріятіяхъ со второй половины XVIII вѣка. И. И. Шуваловъ, представивъ въ 1760 году проектъ учрежденія гимназій „во всѣхъ знатныхъ городахъ", находилъ необходимымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, широко поставить и вопросъ о начальномъ обученіи, органически связанномъ съ образованіемъ среднимъ; устроенныя во всѣхъ малыхъ городахъ начальныя школы должны были подготовлять молодежь къ гимназіямъ, а послѣднія—къ университетамъ и кадетскому корпусу [1]).

Оставшійся на практикѣ неосуществленнымъ, проектъ И. И. Шувалова можно разсматривать, какъ поворотный пунктъ въ исторіи политики просвѣщенія XVIII вѣка. Этотъ проектъ намѣчалъ основныя черты той схемы, которую послѣдующему времени предстояло разработать въ законченную „систему народнаго просвѣщенія". Основные циклы общаго образованія, низшаго, средняго и высшаго, впервые связывались въ одно неразрывное цѣлое, въ одну систему, представленную тремя типами общеобразовательной школы: начальнымъ училищемъ, гимназіей и университетомъ.

Но, намѣтивъ основные типы общеобразовательныхъ школъ и ихъ взаимную связь, проектъ Шувалова оставлялъ открытымъ самый существенный вопросъ—о содержаніи тѣхъ цикловъ обра-

---

[1]) П. С. З. № 11144. Чтенія въ Обществѣ ист. и древн. росс., 1858, кн. 3.

зованія, которые были представлены вновь проектированными школами. И самъ Шуваловъ, и привлеченные къ обсужденію даннаго вопроса члены Академіи наукъ искали на него отвѣта въ кругу традиціонныхъ, уже отживавшихъ свое время сословно-профессіональныхъ воззрѣній. По мысли Шувалова, вновь заводимыя начальныя школы и гимназіи должны были служить, главнымъ образомъ, интересамъ дворянства, подготовляя дворянскую молодежь къ университету и кадетскому корпусу и черезъ нихъ къ государственной службѣ. Такой же сословно-профессіональной тенденціей окрашены и мнѣнія академиковъ [1]). Такъ, напримѣръ, академикъ Фишеръ высказалъ, что „словесныя и высокія науки суть разнаго рода, также и обучающіеся въ школахъ и гимназіяхъ суть различнаго состоянія и достоинства. Изъ чего ясно видѣть можно, что не всякому всему обучаться должно, напримѣръ, земледѣльцу довольно знать нѣкоторыя дерева, камни, металлы и свойства земли, о чемъ наипаче стараться долженъ; сего жъ довольно знать и купцамъ, а кромѣ того еще ариѳметику и нѣсколько геометріи и географіи обучить довольно. Сіе самое надлежитъ знать солдату, а сверхъ того обучить ему должно военную архитектуру и артиллерію. Придворному человѣку пристойно знать географію, исторію народовъ, войны, политику, экспериментальную физику, и изъ нравоучительной философіи ту часть, которая разсуждаетъ о человѣческомъ разумѣ и нравахъ; кромѣ того упражняться ему должно въ фехтованіи, что нынѣ за главное дѣло и благородному и изрядно воспитанному человѣку за приличное почитается". Академикъ Цейгеръ, съ которымъ согласились Миллеръ и Эпинусъ, находилъ неправильною самую идею безсословной и общеобразовательной школы. „Во всѣхъ почти европейскихъ школахъ,—писалъ онъ,—обыкновенная находится погрѣшность", что учениковъ, предназначающихъ себя къ различнымъ профессіямъ, „во всѣхъ классахъ одинакимъ образомъ и безъ всякаго различія обучаютъ, а оттого происходитъ, что желающіе быть учеными не довольно, а прочіе вдругъ такимъ наукамъ обучаются, коихъ напослѣдокъ въ жизни своей ни продолжать и ниже употреблять не могутъ". Дальше подобныхъ общихъ разсужденій академики не пошли, и задуманный Шуваловымъ планъ обширной учебной реформы не былъ облеченъ въ практически осуществимыя нормы.

Въ первыхъ опытахъ насажденія общаго образованія въ Россіи въ XVIII вѣкѣ особенно ярко выступаетъ одна своеобраз-

---

[1]) Сухомлиновъ, Исторія Россійской Академіи, вып. 3. Стр. 330, 332.

ная черта: въ первую очередь выдвигается вопросъ о высшемъ образованіи, а затѣмъ уже, по связи съ послѣднимъ, вопросъ объ образованіи среднемъ и низшемъ. Такая послѣдовательность, въ исторіи общеобразовательной школы, была неизбѣжна въ силу господствовавшихъ въ первой половинѣ XVIII столѣтія утилитарныхъ воззрѣній на задачи образованія. Высшая школа, университетъ, для государственныхъ цѣлей, признавалась нужнѣе средней или низшей, такъ какъ она приготовляла своихъ питомцевъ къ государственной службѣ. Въ высшихъ ученыхъ и учебныхъ учрежденіяхъ, въ академіяхъ наукъ и университетахъ, культивировалась та теоретическая наука, въ которой государство нуждалось прежде всего, какъ въ источникѣ и опорѣ всякихъ прикладныхъ, профессіональныхъ знаній. Въ этомъ заключалась важнѣйшая причина, по которой учрежденіе академіи наукъ и университетовъ выдвигалось въ первую очередь; среднее же и низшее образованіе насаждалось лишь въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ оно необходимо было для доставленія высшимъ школамъ подготовленныхъ слушателей. Гимназіи—академическая, московскія и казанскія—учреждались не какъ самостоятельныя школы, но какъ служебныя заведенія при университетахъ.

Такимъ образомъ вся проблема *общаго* образованія, задачи котораго еще очень неясно отграничивались отъ задачъ образованія профессіональнаго, до 60-хъ годовъ XVIII вѣка сводилась къ вопросу объ учрежденіи высшихъ учено-учебныхъ заведеній, университетовъ, съ академіей наукъ во главѣ. Разрѣшеніе этого вопроса являлось исходнымъ пунктомъ и такихъ просвѣтительныхъ предпріятій, которыя, какъ планъ Шувалова, захватывали также области средняго и низшаго образованія.

II.

Царствованіе Екатерины II принесло съ собой новыя побужденія къ широкой постановкѣ народнаго просвѣщенія и новыя средства къ разрѣшенію центральнаго вопроса о системѣ общаго и безсословнаго образованія.

Просвѣтительные замыслы императрицы-философа, опиравшіеся на основныя идеи „педагогическаго вѣка“, тѣсно связывались съ ея политическимъ міросозерцаніемъ. Широко разлитое въ массахъ просвѣщеніе должно было создать то „народное умоначертаніе“, въ которомъ Екатерина видѣла залогъ успѣха всѣхъ прочихъ реформъ, направленныхъ къ достиженію „все-

общаго блага". Въ такой перспективѣ проблема народнаго просвѣщенія получала особенную глубину и широту.

Жизненнымъ идеаломъ, котораго должно было достигать образованіе, являлся теперь уже не искусный профессіональный работникъ, а просвѣщенный „человѣкъ и гражданинъ". Для достиженія этого идеала необходимо было организовать такія образовательныя средства, которыя бы не только культивировали ту или другую группу природныхъ способностей человѣка, сообразно съ его наслѣдственной профессіей и соціальнымъ положеніемъ, но всесторонне и гармонично совершенствовали бы всѣ стороны человѣческой природы. Задачи научнаго *образованія* сливались съ задачами нравственнаго *воспитанія*, и оба эти термина во второй половинѣ XVIII вѣка становятся синонимами.

Образованіе, которое имѣло своей конечной цѣлью вырабатывать просвѣщеннаго человѣка и гражданина, создавать новую породу отцовъ и матерей, можетъ быть названо, въ противоположность профессіонально-сословному образованію первой половины XVIII вѣка, *общимъ* какъ по своему содержанію, такъ и по сферѣ своего распространенія. Стремясь гармонично развивать всѣ силы и способности человѣческой природы, оно предназначалось для всѣхъ классовъ населенія.

Но общее образованіе, чуждое всякихъ профессіональныхъ и сословныхъ тенденцій, въ срединѣ XVIII вѣка являлось такимъ же отвлеченнымъ идеаломъ, какимъ былъ идеалъ просвѣщеннаго человѣка и гражданина. Тѣ конкретныя формы, въ которыя этотъ идеалъ воплощался, проекты учебныхъ реформъ второй половины XVIII вѣка, въ силу историческихъ условій и реальныхъ потребностей даннаго времени, не могли не воспринять извѣстныхъ профессіональныхъ и сословныхъ элементовъ. Въ профессіональномъ образованіи и государственная власть, и высшіе общественные классы продолжали нуждаться и въ данную эпоху не менѣе, чѣмъ въ первую половину XVIII вѣка. Разграничить же точно обѣ сферы образованія, общаго и профессіональнаго, практически было такъ же трудно, какъ отдѣлить человѣка и гражданина отъ дворянина, купца, крестьянина и т. п. Если профессіональныя школы первой половины XVIII вѣка нуждались въ извѣстномъ общеобразовательномъ фундаментѣ, то, въ свою очередь, и школы общеобразовательныя не могли обойтись безъ профессіональныхъ элементовъ, которые плодамъ образованія сообщали опредѣленную практическую цѣнность.

Не могла быть сразу осуществлена во всей своей чистотѣ и идея безсословной школы. Во вторую половину XVIII столѣтія,

когда формулировались новые просвѣтительные идеалы, — окончательно складывался сословный строй русскаго общества. Сословныя различія въ это время опирались уже не только на разверстку между общественными классами разныхъ видовъ государственной службы и тягла, но также на признаніе за каждымъ „родомъ людей" особыхъ внутреннихъ качествъ, составляющихъ сущность его соціальной природы. „Благородство", со всѣми проистекавшими изъ него добродѣтелями, составляло существо дворянскаго званія, „добронравіе и трудолюбіе" служили основаніемъ среднему роду людей, трудолюбіе же и трезвость объявлялись главнѣйшими добродѣтелями земледѣльческаго состоянія, благочестіе и примѣрное поведеніе—добродѣтелями состоянія духовнаго.

Этимъ взглядомъ на различіе нравственной природы разныхъ общественныхъ классовъ, облекавшимъ въ осязательныя, конкретныя формы отвлеченный идеалъ человѣка и гражданина, поддерживался старый принципъ сословности образованія. Пнинъ въ своемъ извѣстномъ трудѣ „Опытъ о просвѣщеніи относительно Россіи" строилъ систему сословныхъ школъ, исходя изъ того положенія, что „просвѣщеніе не должно быть для всѣхъ гражданъ одинаковое", что „средоточіемъ просвѣщенія" для каждаго сословія должны служить его „главнѣйшія добродѣтели", изъ круга которыхъ „оно (просвѣщеніе) не должно выходить".

Таковы были причины, по которымъ сословно-профессіональная школа не могла сразу и безусловно уступить мѣсто школѣ безсословной и общеобразовательной, преслѣдующей исключительно педагогическія цѣли.

III.

Въ первые годы своего царствованія Екатерина II, какъ извѣстно, особенно заинтересовалась той проблемой въ области народнаго просвѣщенія, въ которой она видѣла „корень всему злу и добру", проблемой *воспитанія*. Въ первую очередь поставлены были задачи „произвести способомъ воспитанія, такъ сказать, новую породу или новыхъ отцовъ и матерей, которые бы дѣтямъ своимъ тѣ же прямыя и основательныя воспитанія правила въ сердцѣ вселить могли, какія получили они сами, и отъ нихъ дѣти передали бы паки своимъ дѣвямъ, и такъ, слѣдуя изъ родовъ въ роды, въ будущіе вѣки". Для достиженія этой цѣли предполагалось во всѣхъ губерніяхъ Россійской Имперіи

„завести воспитательныя училища для обоего пола дѣтей, которыхъ принимать отнюдь не старше, какъ по пятому и шестому году“; „безвыходное пребываніе“ молодежи въ этихъ училищахъ должно было продолжаться до 18—20-ти-лѣтняго возраста, т.-е. до окончанія и научнаго образованія. Слѣдовательно, названіе „*воспитательныя* училища“ не передавало всей широты новаго просвѣтительнаго предпріятія. Являясь плодомъ теоретическаго увлеченія новыми педагогическими идеями, это предпріятіе должно было послужить исходнымъ пунктомъ къ разрѣшенію исторически подготовленной задачи — создать законченную систему общаго образованія отъ элементарныхъ народныхъ школъ до университетовъ.

„Генеральнымъ учрежденіемъ о воспитаніи обоего пола юношества“, 12 марта 1764 года, возложена была на И. И. Бецкаго обязанность составить регламенты и инструкціи для воспитательныхъ училищъ: „во-первыхъ, въ Санктпетербургѣ при Академіи художествъ, второе, *во всѣхъ губерніяхъ Россійской Имперіи*; третье, для двухсотъ дворянскихъ дѣвицъ“, въ Смольномъ монастырѣ [1]). Бецкій успѣлъ осуществить лишь часть этого обширнаго плана; подъ его непосредственнымъ руководствомъ были устроены воспитательныя училища для малолѣтнихъ при Академіи художествъ, Сухопутномъ шляхетномъ корпусѣ, гимназіи Академіи наукъ, и учреждено Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ. Но главная и самая сложная задача—составить планъ воспитательныхъ училищъ, какъ самостоятельныхъ заведеній, для всей вообще Имперіи, другими словами, начертать цѣлую систему народнаго просвѣщенія, — была выполнена другими лицами.

Повидимому, вскорѣ послѣ „Генеральнаго учрежденія“ 1764 г. появился весьма интересный „Проектъ о учрежденіи внутри Государства училищъ и гимназій“, составленный профессоромъ Московскаго университета Филиппомъ Дильтеемъ, исторіографомъ Герардомъ Миллеромъ, Тимоѳеемъ Клингштетомъ, статсъ-секретаремъ императрицы Г. Н. Тепловымъ [2]) и нѣкоторыми другими лицами. По этому плану предполагалось учредить „такія дѣтскія воспитательныя академіи, въ которыхъ бы съ обученіемъ наукъ и художествъ отъ самой юности дѣти воспитываны были въ страхѣ Божіи и поученіи Его Закона, въ познаніи прямыхъ добродѣтелей, яко то любви ближняго, сострацанія бѣдствующимъ, учтиваго и честнаго обхо-

---

[1]) П. С. З. № 12103.

[2]) Госуд. Архивъ, XVII, 58.

жденія въ обществѣ, милосердія, страннопріимства, любленія къ правдѣ и омерзенія ко всѣмъ порокамъ; словомъ: все, что человѣка благонравнымъ и полезнымъ дѣлаетъ въ обществѣ, то бы въ сихъ дѣтскихъ академіяхъ съ воспитаніемъ или, лучше сказать, со вскормленіемъ отъ младыхъ лѣтъ добрыми воспитателями въ сердце сущимъ еще младенцамъ обоего пола вливаемо было".

Названныя въ предварительномъ докладѣ императрицѣ „дѣтскими воспитательными академіями", новыя школы предназначались не только для дѣтскаго возраста и не ограничивались кругомъ элементарнаго образованія. Какъ видно изъ заглавія устава,—„Генеральнаго плана гимназій или государственныхъ училищъ",—эти учебныя заведенія, открытыя для „всѣхъ рожденныхъ россійскихъ подданныхъ греческаго исповѣданія, кромѣ крѣпостныхъ", должны были давать законченное образованіе и готовить юношество прямо къ государственной службѣ и другимъ профессіямъ. Курсъ ученья раздѣлялся на три класса, по четыре года въ каждомъ, такъ что ученики, поступившіе дѣтьми, въ шестилѣтнемъ возрастѣ, должны были выходить изъ училища уже зрѣлыми восемнадцатилѣтними юношами. „Для избѣжанія безпорядочнаго ученія, которому свойственно воспослѣдовать, ежели обучать въ одномъ училищѣ дѣтей, назначенныхъ къ разному званію и роду житія", всѣ заводимыя по новому плану училища предполагалось раздѣлить на четыре рода: 1) для ученыхъ людей, 2) военныя, 3) гражданскія, 4) купеческія. Въ первыхъ двухъ классахъ училищъ всѣхъ категорій воспитаніе и обученіе поставлено совершенно одинаково, „понеже главное попеченіе будетъ о томъ, чтобы всѣхъ учениковъ сихъ училищъ извлечь изъ невѣжества и сдѣлать полезными и способными ко всякому роду житія, которое они впредь себѣ изберутъ". Но послѣдній, третій классъ училищъ каждой категоріи получалъ профессіональный характеръ, специализировался „сходственно съ родомъ житія, къ которому сіи дѣти себя опредѣлятъ". Всѣ принятыя въ училища дѣти, какого бы званія или происхожденія ни были, объявлялись вольными людьми, „такъ что никто, ни подъ какимъ видомъ, не можетъ на нихъ имѣть претензіи". По окончаніи курса, воспитанники военныхъ училищъ поступаютъ на службу офицерами, воспитанники гражданскихъ школъ — „по различной способности, канцеляристами и канцелярскими служителями офицерскаго ранга", воспитанники „ученыхъ" школъ „употребляются преимущественно учителями при сихъ школахъ и при прочихъ таковыхъ мѣстахъ, яко-то при государствен-

номъ университетѣ и академіяхъ, гдѣ надобны ученые люди"; наконецъ, окончившіе курсъ коммерческихъ училищъ „имѣютъ свободу обучаться практической коммерціи въ конторахъ и на домахъ у купцовъ или могутъ сами начать производить торги".

Управленіе училищами объединяется подъ главнымъ начальствомъ „протектора" или попечителя, „знатнѣйшей особы, удостоенной отъ ея императорскаго величества особливой довѣренности и имѣющей къ императорскому престолу всегда вольный доступъ". При попечителѣ состоитъ совѣтъ изъ директоровъ училищъ. На содержаніе каждаго училища или гимназіи требовалось по 20.000 руб. ежегодно.

Таковъ былъ въ главныхъ чертахъ первый проектъ новой системы образованія, построенный на принципахъ Генеральнаго учрежденія о воспитаніи обоего пола юношества 1764 года. Этотъ проектъ ярко типиченъ для даннаго времени, времени особеннаго увлеченія императрицы Екатерины и ея сотрудниковъ педагогическими проблемами. На первое мѣсто въ проектѣ выдвинуты задачи воспитанія: цѣль школы — сначала воспитать юношей въ благонравіи, „вперяя въ нихъ вкусъ къ доброму, тихому и трудолюбивому житію", и затѣмъ уже „украсить ихъ разумъ всѣми тѣми науками, къ которымъ они окажутся способными". Далѣе, въ новой системѣ элементы общеобразовательные получали преобладаніе надъ профессіональными. Характерно, наконецъ, стремленіе сконцентрировать законченную систему воспитанія и образованія въ рамкахъ одного училища, совмѣщающаго въ себѣ задачи и элементарнаго обученія, и высшаго образованія. Это стремленіе, очевидно, вытекало изъ того педагогическаго убѣжденія, что только „безвыходное" пребываніе въ школѣ отъ ранняго дѣтскаго до зрѣлаго юношескаго возраста, подъ непрерывнымъ и систематическимъ воздѣйствіемъ опредѣленнаго педагогическаго режима, можетъ дать благотворный результатъ.

Какъ ни широки были задачи, поставленныя новымъ „гимназіямъ или государственнымъ училищамъ", послѣднія не могли, конечно, совмѣстить въ себѣ цѣлую систему народнаго просвѣщенія. Одновременно съ проектомъ „публичныхъ гимназій" составленъ былъ особый планъ, „какимъ образомъ во всѣхъ россійскихъ городахъ и мѣстечкахъ учредить школы *для простого народа*, безъ всякаго государственнаго расхода и народнаго отягощенія" [1]). Предполагалось по этому плану создать элементар-

[1]) Тамъ же.

ныя школы для обязательнаго обученія дѣтей простого народа въ возрастѣ 6—14 лѣтъ; учительствовать въ этихъ школахъ должно было приходское духовенство. Съ другой стороны, проектъ гимназій не упразднялъ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній,—но отношеніе къ нимъ гимназій, какъ училищъ, призванныхъ давать юношеству законченное образованіе и готовить къ разнымъ поприщамъ государственной и общественной дѣятельности, осталось совершенно невыясненнымъ.

Оба проекта, — и гимназій, и элементарныхъ школъ, для простого народа,—утвержденія не получили и были погребены въ архивахъ.

Въ концѣ 1764 года одинъ изъ составителей проекта о гимназіяхъ, профессоръ Филиппъ Дильтей, выступилъ съ своимъ особымъ „Планомъ о учрежденіи разныхъ училищъ для распространенія наукъ и исправленія нравовъ“ [1]). Первымъ и самымъ оригинальнымъ пунктомъ этого обширнаго плана является проектъ учрежденія въ Петербургѣ и Москвѣ „рабскихъ школъ“, на которыя Дильтей указывалъ, какъ на „первое основаніе добраго воспитанія“. Рабскія школы предназначались для „воспитанія крѣпостныхъ дядекъ“, которые обучали бы дворянскую молодежь „первымъ основаніямъ языковъ и наукъ“, а также цѣлому обиходу добраго поведенія: „какъ почитать родителей, какъ говорить съ иностранными, какъ стоять, ходить, сидѣть по правиламъ нравовъ должны, какъ пищу и питіе употреблять надлежитъ, какія тѣлодвиженія благопристойныя и какія неблагопристойныя бываютъ, какъ и когда дозволено смѣяться, какія слова говорить и когда молчать должно“.

Услугами „ученыхъ и добронравныхъ дядекъ“ могла воспользоваться, конечно, лишь небольшая часть дворянской молодежи. Для элементарнаго же обученія и воспитанія въ правилахъ „добропорядочнаго житія“ массы „какъ благородныхъ, такъ купеческихъ и другихъ не подлаго состоянія“ дѣтей, Дильтей предлагалъ учредить во всѣхъ губерніяхъ „тривіальныя школы“, за которыми слѣдуютъ гимназіи съ четырехгодичнымъ курсомъ, предназначенныя также для дѣтей всѣхъ состояній, кромѣ крѣпостныхъ. Какъ въ тривіальныхъ школахъ, такъ и въ гимназіяхъ, дѣти благородныхъ и неблагородныхъ состояній „столами отличены будутъ, дабы смѣшеніе благородныхъ и разночинцевъ зависти и препятствія не имѣло въ ученіи“.

Гимназіи приготовляютъ юношество къ университетамъ; кромѣ

[1]) Тамъ же. Краткія свѣдѣнія объ этомъ проектѣ сообщены А. И. Кирпичниковымъ въ „Историч. Вѣстникѣ“, 1885, № 9.

существующаго Московскаго, Дильтей намѣчалъ два новыхъ университета: въ Малороссіи—въ Батуринѣ, и въ Лифляндіи—въ Дерптѣ. Между тремя университетами распредѣляется завѣдываніе гимназіями и тривіальными школами; тамъ же, гдѣ нѣтъ университета, среднія и низшія училища находятся „подъ особеннымъ покровительствомъ“ губернатора. Каждый университетъ состоитъ изъ четырехъ факультетовъ: философскаго, медицинскаго, юридическаго и богословскаго. Двухлѣтній курсъ философскаго факультета (философія, исторія, математика, краснорѣчіе, греческій и одинъ изъ новыхъ языковъ) имѣетъ пропедевтическое значеніе: лишь по окончаніи этого курса студенты распредѣляются по тремъ „высшимъ“ факультетамъ. Стоимость ежегоднаго содержанія всѣхъ проектируемыхъ учебныхъ заведеній (двухъ „рабскихъ“ школъ, 21 тривіальной школы, 9 гимназій и 3-хъ университетовъ) Дильтей исчислялъ въ 104.721 руб.

Какъ отнеслась Екатерина къ проекту Дильтея, мы не знаемъ. Во всякомъ случаѣ онъ не получилъ практическаго осуществленія, какъ и предшествующіе проекты, примыкавшіе къ основному закону—„Генеральному плану о воспитаніи обоего пола юношества“.

Такая же участь постигла и новую серію проектовъ, явившуюся въ первой половинѣ 70-хъ годовъ, въ связи съ дѣятельностью коммиссіи по составленію проекта Новаго Уложенія и коммиссіи о церковныхъ имѣніяхъ. Въ „Начертаніи о приведеніи къ окончанію“ работъ первой коммиссіи, 8 апрѣля 1768 года, императрица обратила ея вниманіе на „училища народныя, какъ-то: общественныя школы, гимназіи, университеты, сирѣчь нижнія, среднія и верховныя училища“; для разработки соотвѣтствующаго законодательства образована была новая частная „коммиссія объ училищахъ и призрѣнія требующихъ“ [1]). Исполняя данную ей инструкцію, училищная коммиссія представила въ дирекціонную коммиссію общій планъ своихъ работъ, на основаніи котораго надлежало составить уставы низшихъ, среднихъ и высшихъ училищъ. Выполнить этотъ планъ въ цѣломъ коммиссія не успѣла. Начавъ свои занятія въ концѣ мая 1768 года, училищная коммиссія черезъ 3 года, къ октябрю 1771 года выработала проекты: о нижнихъ деревенскихъ и городскихъ училищахъ, объ училищахъ для иновѣрцевъ, о сред-

---

[1]) Архивъ Государственнаго Совѣта, дѣла коммиссіи о составленіи проекта Нов. Уложенія. Графъ Д. А. Толстой, Взглядъ на учебн. часть въ Россіи въ XVIII вѣкѣ. Сборн. Отд. русск. яз. и слов. Импер. Академіи Наукъ, т. 38, стр. 63—76.

нихъ училищахъ или гимназіяхъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій поднятъ былъ и вопросъ объ университетахъ, но дальше общихъ предварительныхъ разсужденій коммиссія въ этомъ вопросѣ не пошла.

Еслибы коммиссія успѣла составить проектъ и объ университетахъ, то вся ея работа вылилась бы въ законченный планъ цѣльной системы общаго образованія, который по своей практической цѣлесообразности несомнѣнно представлялъ бы значительный шагъ впередъ сравнительно съ проектомъ „дѣтскихъ воспитательныхъ академій". Элементарное обученіе для сельскаго и городского населенія предполагалось сдѣлать обязательнымъ, въ городахъ для дѣтей школьнаго возраста (8—12 лѣтъ) обоего пола, въ сельскихъ мѣстностяхъ—только для мальчиковъ. Кругъ обученія въ сельскихъ школахъ ограничивался краткимъ катехизисомъ, церковной и гражданской грамотой, изложеніемъ обязанностей крестьянина. Въ городахъ, гдѣ не было среднихъ школъ, кромѣ элементарныхъ, признавались нужными еще особыя ариѳметическія школы. Для инородческаго населенія проектировались особыя училища, въ которыхъ обученіе велось бы особымъ способомъ, сообразно съ родомъ жизни и вѣры мѣстнаго населенія. Среднее образованіе сосредоточивалось въ гимназіяхъ, закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ, которыя должны были замѣнить собою и духовныя семинаріи. Въ составъ гимназическаго курса входили древніе и новые языки, философія, математика, геодезія, архитектура, коммерція, политика, юриспруденція, медицина. Высшій надзоръ за сельскими и городскими школами въ каждой губерніи ввѣрялся мѣстному архіерею и губернатору, ближайшее же завѣдываніе—дворянамъ, выбираемымъ уѣздными обществами. Главными начальниками или попечителями гимназій, помѣщаемыхъ въ большихъ монастыряхъ, являлись также епархіальные архіереи и губернаторы; непосредственное же начальство надъ гимназіями сосредоточивалось совмѣстно въ рукахъ архимандритовъ и свѣтскихъ ректоровъ, опредѣляемыхъ синодомъ и университетомъ. Объединеніе всѣхъ учебныхъ заведеній Имперіи подъ вѣдѣніемъ особаго „Главнаго Правленія надъ училищами", какъ органа центральной администраціи министерства народнаго просвѣщенія, коммиссія признала излишнимъ, находя болѣе удобнымъ оставить училища попрежнему въ вѣдѣніи правительствующаго сената.

Къ вопросу о начальномъ народномъ образованіи привлечена была также коммиссія о церковныхъ имѣніяхъ, разсматривавшая въ 1772 году составленный архіепископомъ с.-петербургскимъ

Гавріиломъ и Г. Н. Тепловымъ планъ учрежденія повсемѣстно „градскихъ" церковно-приходскихъ школъ [1]). Представляя свои замѣчанія на этотъ планъ императрицѣ, коммиссія (архіепископы с.-петербургскій Гавріилъ и псковскій Иннокентій, Гр. Тепловъ и П. Чебышовъ) просила предпослать учрежденію проектированныхъ „градскихъ школъ" рядъ предварительныхъ мѣръ: назначить „главнаго опекуна" этихъ школъ, „который бы по званію своему возъимѣлъ стараніе о необходимо нужномъ предустроеніи сего дѣла"; поручить синоду составленіе учебныхъ руководствъ; предписать мѣстнымъ властямъ, свѣтскимъ и духовнымъ, приготовить для школъ помѣщенія и учителей; наконецъ, объявить народу о готовящемся учрежденіи школъ особымъ манифестомъ.

Составленные коммиссіей объ училищахъ проекты низшихъ сельскихъ и городскихъ школъ были переданы въ дирекціонную коммиссію, но дальнѣйшаго движенія не получили; проектъ же среднихъ школъ, какъ незаконченный обсужденіемъ, повидимому оффиціально не былъ представленъ и въ дирекціонную коммиссію. Графъ Д. А. Толстой, первый изъ историковъ изучившій эти проекты, не сомнѣвался, „что императрица не видѣла работъ коммиссіи и не слыхала о нихъ; иначе было бы невѣроятно, чтобы такая умная и энергическая государыня, дѣйствительно желавшая просвѣщенія Россіи и обращавшаяся ко многимъ лицамъ и вдалекѣ за совѣтами по учебной части, не воспользовалась тѣмъ, что у нея было подъ рукою" [2]). Не рѣшаемся раздѣлить этой увѣренности въ томъ, что Екатерина не знала трудовъ коммиссіи объ училищахъ, даже не слыхала о нихъ. Вполнѣ возможно противоположное предположеніе, что императрицѣ проекты коммиссіи были извѣстны, но, какъ и многіе другіе, признаны почему-либо неосуществимыми.

Итакъ, за „Генеральнымъ учрежденіемъ" 12 марта 1764 года послѣдовалъ цѣлый рядъ проектовъ, въ которыхъ даны были болѣе или менѣе обстоятельные отвѣты на всѣ важнѣйшіе очередные вопросы политики просвѣщенія: всѣ проекты построены на идеѣ общаго образованія; если они и не проводятъ послѣдовательно принципы безсословности образованія, то, съ другой стороны, традиціонныя сословныя тенденціи получаютъ въ нихъ очень умѣренное выраженіе; разграничиваются три основныхъ цикла общаго образованія, представляемые тремя типами школъ,

---

[1]) Госуд. Архивъ, XVII, 58. Архивъ Св. Синода, дѣла Коммиссіи о духовн. имѣніяхъ, 154—68.

[2]) Сборн. Отд. русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ, т. 38, стр. 75.

низшей, средней и высшей — университетомъ; всѣ три цикла приводятся между собою въ органическую связь; затрагивался, наконецъ, вопросъ о выдѣленіи въ составѣ высшей администраціи особаго учебнаго вѣдомства. По всѣмъ этимъ вопросамъ проекты 60-хъ и первой половины 70-хъ годовъ давали, несомнѣнно, значительный матеріалъ для законодательной обработки. Но законодательство прошло мимо этого матеріала. Плоды добросовѣстной и широкой работы разныхъ коммиссій и отдѣльныхъ лицъ по вопросамъ народнаго просвѣщенія вовсе не отразились на томъ, по мѣткому выраженію графа Д. А. Толстого, „бюрократическомъ обрывкѣ многосложнаго законодательства о губерніяхъ", какой представляли собою постановленія о школахъ, заводимыхъ приказами общественнаго призрѣнія по закону 7 ноября 1775 года. Предписанное приказомъ общественнаго призрѣнія „попеченіе и надзираніе о установленіи и прочномъ основаніи народныхъ школъ" должно было оставаться мертвою буквой до тѣхъ поръ, пока спеціальное школьное законодательство не выработало дѣйствительныхъ средствъ этого „попеченія и надзиранія" и не вооружило ими компетентные органы власти.

Не рѣшаясь остановиться на проектахъ учебныхъ реформъ, съ которыми мы познакомились выше, Екатерина съ 1774 года обращается за помощью къ своимъ заграничнымъ друзьямъ-философамъ, приглашая ихъ составить „планъ образованія для молодыхъ людей, начиная съ азбуки и кончая университетомъ". Но и проекты Гримма, Дальберга, Дидро не внушили Екатеринѣ рѣшимости приняться за дѣло учебной реформы. Еще въ 1780 году, когда у нея собралась цѣлая коллекція проектовъ о школахъ, гимназіяхъ и университетахъ, она находила, что не все готово для работы и что „яблоко не созрѣло". Въ чемъ именно заключался корень всѣхъ затрудненій, смущавшихъ императрицу, ясно выражено въ письмѣ ея къ Гримму 27 февраля 1775 года: „мнѣ говорятъ, что нужны три рода школъ, но я, не учившаяся и не бывавшая даже въ Парижѣ, не имѣю для того ни знаній, ни ума и, потому, не представляю себѣ, чему слѣдуетъ учить, чему можно учить, и гдѣ почерпнуть все это, какъ не у васъ... *Я съ большимъ трудомъ усвоиваю идею объ университетѣ и объ управленіи его гимназіями и школами* (Je suis fort en peine d'avoir une idée d'université, de sa régie de gymnases et de sa régie d'écoles et de sa régie...)".

Эти откровенныя признанія показываютъ, что Екатерина II, теряясь въ выборѣ путей учебной реформы, вѣрно схватывала центральный, исторически назрѣвшій вопросъ послѣдней. Мы

знаемъ уже, въ чемъ онъ состоялъ: нельзя было насаждать отдѣльныхъ цикловъ общаго образованія, не связывая ихъ органически въ одну цѣльную систему, и все направленіе этой системы должно было опредѣляться постановкой высшаго, университетскаго образованія; въ зависимости отъ того, какія цѣли поставлялись высшему образованію,—складывались основы организаціи средней и низшей школы.

Въ первой половинѣ XVIII вѣка, когда и правительствомъ и обществомъ превыше всего цѣнились практическіе плоды европейской образованности, учрежденіе Академіи наукъ и университетовъ предшествовало учрежденію гимназій и низшихъ школъ. Когда же интересы педагогическіе возобладали надъ интересами грубаго утилитаризма, общее образованіе—надъ профессіональнымъ, тогда центръ тяжести всей учебной политики перемѣстился въ область низшаго и средняго образованія, такъ какъ именно эти области, не соприкасающіяся непосредственно съ конечными практическими цѣлями образованія, представляли широкое и свободное поле для педагогической работы, чуждой какихъ-либо утилитарныхъ тенденцій. Но нельзя было строить новой системы образованія на однихъ чистыхъ педагогическихъ принципахъ, не считаясь съ многообразными условіями реальной, общественной и политической жизни, съ ея практическими интересами. Наиболѣе же полно и глубоко отвѣчала этимъ интересамъ высшая школа, вѣнчающая собою всю систему образованія. Поэтому построеніе новой „педагогической" учебной системы должно было начаться съ элементарныхъ школъ и закончиться университетами. Такъ университетскій вопросъ являлся центральной проблемой политики народнаго просвѣщенія въ XVIII-мъ столѣтіи. Это значеніе университетскаго вопроса ясно раскрыто было послѣдующими реформами, исходными пунктами которыхъ послужили учрежденіе коммиссіи о народныхъ училищахъ въ 1782 году и учрежденіе министерства народнаго просвѣщенія въ 1802 году.

IV.

Одной изъ важнѣйшихъ причинъ неудачи, постигшей многіе проекты учебныхъ реформъ XVIII вѣка, было отсутствіе такихъ компетентныхъ органовъ власти, которые спеціально вѣдали бы дѣло народнаго образованія. Всѣ попытки навязать органамъ общей администраціи, центральной или областной, учебно-административныя обязанности всегда оказывались безрезультатными,

и со времени Петра Великаго появляется мысль, что попеченіе о народномъ просвѣщеніи должно быть выдѣлено въ особую, самостоятельную отрасль управленія, представленную спеціальнымъ учебнымъ вѣдомствомъ. Такъ Лейбницъ совѣтовалъ Петру учредить особую высшую коллегію, „подобную той, которая существуетъ въ Китаѣ"; „эта коллегія издавала бы полезныя предписанія, могла бы дать хорошее устройство воспитанію юношества, пріискивать хорошихъ учителей, составлять учебники, изображать науки въ рисункахъ и моделяхъ, такъ чтобы преподаваніе ихъ было не только устнымъ, но и нагляднымъ" [1]). Татищевъ въ „Разговорѣ о пользѣ наукъ и училищъ" находилъ весьма нужнымъ („понеже науки училища разныхъ качествъ и много о всемъ разсужденій требуютъ") учредить „особливое собраніе или коллегію, которая бъ всегда на всѣ училища, какого-бъ оныя званія ни были, внятное надзираніе на ихъ порядки и поступки, а ко исправленію и лучшему учрежденію власть имѣла". Та же мысль послѣдовательно проводится въ проектахъ 60 хъ и 70 хъ годовъ. Въ „Генеральномъ планѣ гимназій или государственныхъ училищъ", составленномъ Дильтеемъ, Миллеромъ, Тепловымъ и другими, проектировалась, какъ было показано выше, должность „протектора" или „главнаго попечителя" училищъ, управляющаго ими съ помощью совѣта директоровъ. О „главномъ опекунѣ" народныхъ училищъ, облеченномъ особой довѣренностью верховной власти, говорилось въ проектѣ духовной коммиссіи 1772 года. Академія наукъ предлагала учредить учебное „правительство", непосредственно подчиненное верховной власти и состоящее изъ знатныхъ просвѣщенныхъ любителей наукъ и изъ ученыхъ.

Такимъ „правительствомъ", спеціальнымъ учебно-административнымъ органомъ, явилась „коммиссія о учрежденіи народныхъ училищъ", на которую указомъ 1782 года возложена была обязанность пересадить въ Россію австрійскую систему народныхъ школъ. Дѣятельность этой коммиссіи, именуемой въ уставѣ народныхъ училищъ 5-го августа 1786 года „главнымъ училищнымъ правительствомъ", создала прочный фундаментъ для построенія законченной системы народнаго просвѣщенія.

Для нашей темы нѣтъ надобности останавливаться на подробностяхъ организаціи народныхъ училищъ по уставу 1786 года. Намъ важно отмѣтить лишь тѣ стороны этой организаціи, на

[1]) „Журн. Мин. Нар. Просв.", 1870 г., февраль, стр. 414. Владимірскій-Будановъ, Государство и народн. образованіе въ Россіи XVIII вѣка, стр. 242—244.

которыя опирались послѣдующія реформы. По первоначальному плану, конфирмованному 17-го сентября 1782 года, предполагалось устроить три категоріи училищъ: *малыя* двухклассныя, *среднія* трехклассныя и *главныя* четырехклассныя. Учебные планы училищъ всѣхъ трехъ категорій были расположены концентрически, такъ что два младшіе класса главнаго училища представляли малое училище, а три класса—училище среднее. Подробный же уставъ 5-го августа 1786 года упразднилъ среднее звено и оставилъ двѣ категоріи училищъ: *малыя*, элементарныя школы, и *главныя* училища, являвшіяся по высотѣ своей задачи средней общеобразовательной школой съ курсомъ, въ которомъ элементы гуманитарнаго и реальнаго образованія не получили преобладанія одни надъ другими.

Народныя училища имѣли большой успѣхъ: въ 1800 г. ихъ насчитывалось 315 съ 790 учащихъ, 18.128 учащихся мужескаго пола и 1.787 женскаго пола. Учились въ нихъ дѣти самыхъ различныхъ состояній, отъ дворянъ до „господскихъ людей", т. е. крѣпостныхъ. Этотъ быстрый успѣхъ народныхъ училищъ, видимо удовлетворявшихъ запросамъ широкихъ общественныхъ круговъ, объясняется не столько преимуществами содержанія ихъ курса, сравнительно съ проектами 60-хъ и 70-хъ годовъ, сколько умѣньемъ коммиссіи создать тѣ педагогическія средства, безъ которыхъ не могла быть поставлена на ноги ни одна общеобразовательная школа. Главный недостатокъ большинства проектовъ XVIII вѣка, не получившихъ осуществленія, заключался въ томъ, что, представляя разнообразные типы школъ, они не обезпечивали этихъ школъ ни педагогически образованнымъ контингентомъ учителей, ни систематически подобранной учебной литературой. То и другое впервые было создано для русской общеобразовательной школы коммиссіей объ учрежденіи народныхъ училищъ; не широта и глубина курса народныхъ училищъ, а педагогически правильные методы его усвоенія содѣйствовали неожиданному успѣху реформы конца царствованія Екатерины.

Не успѣли народныя училища пріобрѣсти прочное положеніе, какъ правительство стало настойчиво стремиться къ распространенію новыхъ учебныхъ порядковъ, какъ нормальныхъ и образцовыхъ, на всѣ вообще низшія и среднія школы, болѣе или менѣе близко подходившія по своимъ задачамъ къ народнымъ училищамъ. Преобразованіямъ въ этомъ смыслѣ подверглись: училища Воспитательнаго общества благородныхъ и мѣщанскихъ дѣвицъ, сухопутный и инженерный кадетскіе корпуса, казанскія гимназіи, училища солдатскихъ дѣтей, рязанское дворянское учи-

лище, духовныя семинаріи, инородческія школы. Цѣлью всѣхъ преобразованій поставлялось „единообразіе въ книгахъ и учебномъ способѣ, чтобъ не воспослѣдовало ни въ учителяхъ, ни въ книгахъ какого разврата ко вреду общей пользы".

Признавъ малыя и главныя народныя училища нормальными типами низшей и средней общеобразовательной школы, правительство не могло обойти вопроса объ отношеніи этихъ новыхъ школъ къ гимназіямъ и университетамъ. Уставомъ 1786 года этотъ вопросъ уже былъ затронутъ: въ курсѣ главныхъ народныхъ училищъ введенъ былъ латинскій языкъ „для желающихъ ученіе свое продолжать въ высшихъ училищахъ, какъ-то гимназіяхъ или университетахъ".

Еще раньше, чѣмъ коммиссія покончила съ уставомъ народныхъ училищъ, именно въ февралѣ 1786 года, она получила указъ „о сочиненіи плана университетовъ и гимназій". Этотъ новый трудъ коммиссія выполнила въ теченіе года, и въ апрѣлѣ 1787 года поднесла императрицѣ „планъ учрежденія въ Россіи университетовъ", подписанный П. Завадовскимъ, П. Пастуховымъ, Ф. Эпинусомъ и Ѳ. Крейдеманомъ [1]). Этотъ замѣчательный проектъ доселѣ обращалъ на себя въ исторической литературѣ меньше вниманія, чѣмъ онъ того заслуживаетъ. Между тѣмъ въ той постановкѣ университетскаго вопроса, съ которой мы знакомимся по плану 1787 года, заключается, на нашъ взглядъ, центральный узелъ, соединяющій обѣ учебныя реформы— Екатерины II и Александра I.

Изъ предисловія къ плану, содержащаго „предварительное разсужденіе о народномъ въ Россіи просвѣщеніи", узнаемъ, что коммиссія смотрѣла на учрежденіе университетовъ не какъ на отдѣльное просвѣтительное предпріятіе, но какъ на логическое завершеніе цѣльной системы народнаго просвѣщенія:

„Разсматривая, отъ чего въ Россіи по сіе время былъ совершенный въ ученыхъ людяхъ недостатокъ и по какимъ причинамъ отъ прежде заведенныхъ вышнихъ училищъ просвѣщеніе въ россійскомъ народѣ не могло распространиться, каждому видно будетъ, что сіе произошло частію отъ недостатка въ побужденіяхъ къ ученію, частію же оттого, что въ Россіи до царствованія ея императорскаго величества не было учреждено народныхъ училищъ, яко перваго средства ко всеобщему просвѣщенію, ибо, по расположенію самой природы, начальное ученіе долженствуетъ всегда предшествовать ученію вышнихъ наукъ.

---

[1]) Сухомлиновъ, Исторія Россійской Академіи, вып. 6, стр. 53—123.

Вышнія училища какъ бы хорошо устроены ни были, но если нѣтъ въ томъ же государствѣ достаточнаго числа нижнихъ школъ, въ коихъ бы юношество пріобрѣтало первоначальныя въ наукахъ знанія; то науки неминуемо останутся токмо въ университетахъ и академіяхъ, а народъ пребудетъ въ невѣжествѣ. Университеты и всѣ вышнія училища вообще, существующія въ другихъ государствахъ, приносятъ ожидаемую пользу и распространяютъ успѣшно въ народѣ просвѣщеніе и потому, что во всѣхъ европейскихъ государствахъ, въ коихъ учреждены порядочные университеты и академіи, учреждены также въ великомъ числѣ и народныя школы, въ которыхъ юноши пріобрѣтаютъ познаніе языковъ и первоначальныхъ наукъ; слѣдственно, приходятъ въ университеты приготовленными и сдѣлавшись способными къ пріобрѣтенію знанія въ вышнихъ наукахъ".

„Нынѣ не можетъ уже недостатокъ въ народныхъ школахъ препятствовать вышнимъ заводимымъ училищамъ приносить Россіи пользу и распространять отъ себя въ народѣ просвѣщеніе, ибо ея императорское величество, прежде устроенія университетовъ, повелѣть изволила учредить народныя училища, которыя и учреждены въ 26 губерніяхъ сея Имперіи. Слѣдовательно, россіянамъ открыты нынѣ пути къ просвѣщенію, чрезъ которое желающіе пріобрѣсти знаніе вышнихъ наукъ могутъ доходить и до ученія университетскаго".

Итакъ, по взгляду коммиссіи, учрежденіе университетовъ, вслѣдъ за широкимъ развитіемъ сѣти народныхъ училищъ, разрѣшало проблему „всеобщаго просвѣщенія", объемлющаго интересы всего народа, а не отдѣльныхъ классовъ, какъ было дотолѣ. Новая система просвѣщенія строится „по расположенію самой природы", начиная съ „нижнихъ", элементарныхъ школъ и завершаясь „вышними", университетами и академіями. Ставя въ такія широкія рамки разрѣшеніе университетскаго вопроса, коммиссія естественно должна была пересмотрѣть и существующую систему низшаго и средняго образованія, дабы привести ее въ органическую связь съ образованіемъ университетскимъ. Если, по вѣрному замѣчанію коммиссіи, университеты не могли принести надлежащей пользы „всеобщему просвѣщенію" безъ среднихъ и низшихъ школъ, то и наоборотъ—образованіе среднее и низшее не могло быть хорошо поставлено внѣ законченной системы образованія, увѣнчиваемой университетами. Университетъ указывалъ идеальный уровень, до котораго должна была подниматься средняя школа; задачей приготовленія слушателей для университета ясно опредѣлялся объемъ средняго обра-

зованія, что, въ свою очередь, позволяло провести болѣе точную границу между среднимъ и низшимъ образованіемъ.

Практически вопросъ заключался въ томъ, могутъ ли малыя и главныя народныя училища по уставу 1786 года служить надежнымъ базисомъ для университетовъ, или учрежденіе послѣднихъ должно было повлечь за собою коренную перестройку этого базиса? Въ главѣ „о расположеніи ученія университетскаго" коммиссія намѣтила такую схему „всеобщаго просвѣщенія":

„*Школы народныя* опредѣлены для образованія земледѣльца, ремесленника, нѣкоторыхъ художниковъ и имъ подобныхъ. Онѣ заключаютъ въ себѣ *сельскія* или *земскія школы*, то-есть, что по деревнямъ; *городскія школы* или *уѣздныя* и *главныя* или *губернскія*, что въ главномъ городѣ губерній, гдѣ образуются также учители для школъ первыхъ двухъ родовъ".

„Дѣти, кои, выходя изъ главныя школы, имѣютъ еще по состоянію и виду своему принять дальнѣйшее въ наукахъ наставленіе, вступаютъ въ училища высшихъ степеней, гдѣ будущіе государственные чины пріуготовляются по всѣмъ степенямъ".

„Училища высшихъ степеней суть *гимназіи* и *университеты*".

„Изъ главнаго народнаго училища или по совершеніи домашняго ученія юноша переходитъ къ такъ называемымъ высшимъ наукамъ".

Остановимся сначала на внѣшней конструкціи этой схемы. Она значительно сложнѣе системы народныхъ училищъ по уставу 1786 года. Начальнымъ звеномъ новой іерархіи школъ являются сельскія или земскія училища, отдѣляемыя отъ „малыхъ" городскихъ училищъ по уставу 1786 года; за главнымъ или губернскимъ училищемъ слѣдуетъ, какъ особое звено, гимназія, входящая, вмѣстѣ съ университетомъ, въ область высшихъ наукъ. Но это была идеальная система „всеобщаго просвѣщенія". Практическое значеніе для даннаго момента имѣлъ вопросъ о соотношеніи двухъ смежныхъ типовъ средней школы, главнаго народнаго училища и гимназіи. По смыслу изложенной выше схемы слѣдовало бы заключить, что главное народное училище должно приготовлять юношество къ гимназіямъ, какъ къ переходной ступени въ университетъ. Но, опредѣляя условія поступленія въ университеты, коммиссія постановила, что первымъ условіемъ должна быть наличность „свидѣтельства отъ котораго-нибудь *главнаго народнаго училища* о знаніяхъ необходимо нужныхъ. Хотя юноша и не обучался въ главномъ народномъ училищѣ, но у себя дома или въ другомъ какомъ училищѣ, однакожъ со всѣмъ тѣмъ, прежде вступленія въ университетъ, онъ

долженъ быть въ которомъ ни на есть главномъ училищѣ, или въ самомъ университетѣ, испытанъ въ нужныхъ школьныхъ наукахъ, и имѣть о знаніяхъ своихъ свидѣтельство". Далѣе, раздѣляя „высшія науки" на „пріуготовительныя" и „науки званія", коммиссія сосредоточила первыя не въ гимназіяхъ, а въ „философическихъ" факультетахъ. Такимъ образомъ роль средней школы, подготовляющей къ университету, усваивалась всецѣло главному народному училищу, и гимназія оказывалась лишнимъ звеномъ школьной іерархіи.

Мотивы, которыми руководилась коммиссія въ вопросѣ о соотношеніи главнаго народнаго училища и гимназіи, разъяснились впослѣдствіи, въ слѣдующемъ эпизодѣ. Еще до изданія устава народныхъ училищъ, въ сентябрѣ 1785 года предписано было передать казанскія гимназіи въ вѣдѣніе мѣстнаго приказа общественнаго призрѣнія. Дѣло это встрѣтило разныя препятствія, затянулось, и только въ августѣ 1789 года коммиссія объ учрежденіи народныхъ училищъ представила сенату слѣдующее постановленіе по данному дѣлу: „разсматривая вѣдомости о состояніи казанскихъ гимназій, коммиссія находитъ, что бывшее въ оныхъ ученіе ни числомъ наукъ, ни пространствомъ оныхъ не токмо не превосходитъ открытаго между тѣмъ въ Казани главнаго народнаго училища, но еще сему гораздо уступаетъ по выбору лучшихъ и полезнѣйшихъ предметовъ... Посему разсуждаетъ коммиссія, что обучившіеся въ оныхъ гимназіяхъ не токмо безъ потери, но еще съ вящею пользою могутъ ученіе свое продолжать въ упомянутыхъ главныхъ народныхъ училищахъ, споспѣшествуемы будучи и лучшимъ способомъ наставленія; и что даже до будущаго о гимназіяхъ по всему государству постановленія, тамошнему юношеству нѣтъ почти нужды въ ученіи тѣхъ гимназій на такомъ основаніи, какъ оно до сего времени было" [1].

Итакъ, начертывая идеальную схему всеобщаго просвѣщенія, коммиссія не находила нужнымъ немедленное ея осуществленіе въ полномъ объемѣ въ связи съ учрежденіемъ университетовъ. Народныя училища по уставу 1786 года являлись, въ глазахъ коммиссіи, надежнымъ базисомъ для университетовъ.

Обратимся къ внутреннему содержанію того круга „вышнихъ наукъ", который долженъ былъ завершать систему „всеобщаго просвѣщенія". И этому вопросу коммиссія старалась

---

[1]) Арх. Минист. Народн. просв., журналы коммиссіи объ учрежденіи народн. училищъ за 1789 г.

дать широкое принципіальное освѣщеніе. „Расположенію университетскаго ученія“ предпослано разсужденіе о задачахъ „учебнаго образованія“ вообще. Приводимъ цѣликомъ это характерное разсужденіе, резюмирующее основныя просвѣтительныя идеи „педагогическаго вѣка“.

„Учебное образованіе имѣетъ предметомъ умъ и сердце растущаго гражданина. На послѣднее дѣйствуютъ науки посредствомъ перваго. Непосредственный предметъ учебнаго плана есть просвѣщеніе разума и украшеніе онаго. Въ отношеніи къ первому науки необходимы; въ отношеніи же къ послѣднему полезны. Отсюда выходитъ различность степеней ихъ потребности, подобно какъ въ вещахъ домашняго быту, гдѣ необходимое полагать должно напередъ, за онымъ полезное, а наконецъ, къ великолѣпію принадлежащее, возвѣщающее богатство и довольство“.

„Образованіе гражданина предполагаетъ образованіе человѣка“.

„Человѣка въ собственномъ разумѣніи образуетъ законоучитель. Поелику же нравоученіе есть основаніе будущаго образа мыслей и дѣяній, и какъ оно во многихъ случаяхъ долженствуетъ или замѣнять законы, или укрѣплять къ онымъ повиновеніе, то нравоученіе и есть для государства предметъ весьма важный. Правительство взираетъ на образованіе человѣка при обращеніи нравоученія на жизнь гражданскую въ таковомъ видѣ, что каждый гражданинъ напоенъ быть долженъ правилами нравоученія и притомъ такими, кои бы съ законами государства согласовали и къ наблюденію оныхъ предуготовляли“.

„Званіе мужа, отца и домостроителя суть равно званія какъ человѣка, такъ и гражданина. Мужъ имѣетъ у себя жену, отецъ дѣтей, а хозяинъ дому домочадцевъ. Связь сихъ домашнихъ и семейственныхъ отношеній съ просвѣщеніемъ ощутительна, особливо въ утвержденіи супружескаго согласія, въ приличномъ воспитаніи дѣтей и въ добромъ порядкѣ домочадцевъ, въ такихъ вообще предметахъ, гдѣ учредительное законодательство безъ предуготовительнаго, а заповѣдь безъ удостовѣренія о проразумѣніи не будутъ имѣть ни уваженія, ни силы“.

„Гражданинъ состоитъ въ отношеніи ко всему государству и порознь ко гражданамъ онаго. По сему двоякому отношенію имѣетъ онъ выполнять обязанности и взывать права. О томъ и другомъ долженъ онъ имѣть понятіе и знать обширность и предѣлы оныхъ. Отъ сего зависитъ покорность его къ государству и взаимная справедливость къ согражданамъ. Паче всего не упу-

скать ни единаго случая ко вразумленію нераздѣлимаго союза частныя пользы со всеобщимъ порядкомъ и всеобщаго порядка съ наблюденіемъ всякой должности. Черезъ то будетъ каждый гражданинъ увѣренъ, что онъ, исполняя свою должность, свое собственное благо утверждаетъ, и потому будетъ онъ должности свои исполнять, помышляя о самомъ себѣ, и какъ бы для собственныя корысти, и станетъ любить свои должности, такъ какъ онъ любитъ свою пользу. Вотъ великолѣпнѣйшая, но притомъ и нелицемѣрнѣйшая похвала наукамъ, что онѣ умножаютъ приверженность ко всеобщему порядку и повиновенію къ законамъ, дѣлая внѣшнее принужденіе чрезъ внутреннее убѣжденіе ненужнымъ и приводя законодательство въ состояніе уменьшить свою строгость".

Ставя университетамъ двѣ послѣдовательныя задачи, образованіе *человѣка* и образованіе *гражданина*, проектъ раздѣляетъ весь кругъ университетскаго образованія на двѣ слѣдующія одна за другой области: 1) *наукъ пріуготовительныхъ* и 2) *наукъ званія*.

„Науки пріуготовительныя заключаютъ въ себѣ то, что къ каждому искусственному званію возрастающаго гражданина или какъ основаніе необходимо нужно, или, по крайней мѣрѣ, какъ пособіе, несомнительно полезно".

„Науки званія суть тѣ, посредствомъ коихъ учащійся пріобрѣтаетъ себѣ въ общежительствѣ особенное званіе".

„Науки пріуготовительныя называются всѣ вмѣстѣ ученіемъ философическимъ".

„Науки званія суть: врачебная наука и правовѣдѣніе, извѣстныя подъ названіемъ медицинскаго и юридическаго отдѣленія или факультета. Богословскій факультетъ высочайшимъ ея императорскаго величества указомъ отъ 29 января 1786 года предоставляется училищамъ духовнымъ и изъ университетовъ исключается".

Такимъ образомъ, по проекту 1787 года русскіе университеты должны были состоять изъ трехъ факультетовъ: философскаго, медицинскаго и юридическаго, при чемъ трехгодичный курсъ философскаго факультета предназначался служить основаніемъ для двухъ высшихъ спеціальныхъ факультетовъ.

Съ точки зрѣнія интересовъ цѣльной системы всеобщаго просвѣщенія особенно важное значеніе пріобрѣталъ философскій факультетъ, такъ какъ „ученіе философское соединяло главныя народныя школы съ высшими науками". „Философическій" факультетъ являлся, поэтому, „среднимъ звеномъ той цѣпи, которая

начальное ученіе съ науками званія соединяетъ и къ обоимъ имѣетъ свое отношеніе: къ первому, дабы предшествовавшее собрать, устроить, умножить и приложить; а къ послѣднимъ дабы пріуготовить". Эта широкая задача сообщала курсу философскаго факультета энциклопедическій характеръ; въ составъ его входили: логика, метафизика, нравственная философія, математика чистая и прикладная, физика, натуральная исторія, исторія всемірная и русская, классическая филологія, словесныя науки. Преподаваніе всѣхъ этихъ наукъ располагалось такимъ образомъ, „чтобы одна другой служила пріуготовленіемъ и какъ бы лѣствицею и чтобы каждый предметъ толковался сперва по одной наружности, потомъ по правиламъ и, наконецъ, практически".

Такъ уставъ народныхъ училищъ 1786 года и планъ университетовъ 1787 года создавали въ совокупности законченную систему *общаго* образованія, представленную стройной іерархіей учебныхъ заведеній, отъ элементарной народной школы до университета. Особенно характерна для этой іерархіи постановка философскаго факультета, перерабатывавшаго элементы низшаго и средняго образованія и подготовлявшаго почву для высшаго спеціальнаго образованія. Философское образованіе, составляя сердце всей системы, ярко выражало общеобразовательный характеръ послѣдней. Но старыя традиціи живучи. Онѣ еще вплетаются замѣтною нитью въ новые планы. Традиція государственной пользы нашла себѣ выраженіе и въ проектѣ 1787 года. Вотъ какъ опредѣляетъ онъ назначеніе университета: „главная цѣль каждаго университета есть доставленіе государству людей, могущихъ отправлять служенія, кои въ отправляющемъ предполагаютъ знанія нѣкоторыхъ высшихъ наукъ, почему и называются университеты вышними училищами".

Другой идеей, которую надлежало провести черезъ новую систему просвѣщенія, была идея *безсословной* школы. Мы видѣли выше, что народныя училища по уставу 1786 года были открыты для дѣтей всѣхъ сословій. И въ планѣ 1787 года убѣжденно и энергично отстаивается та же идея:

„Коммиссія, не отъемля у несвободныхъ права, принадлежащаго человѣчеству—пріобрѣтать просвѣщеніе, полагаетъ, чтобъ и они къ университетскому ученію были, какъ и прочіе, допускаемы. Когда несвободные люди будутъ въ университетахъ, какъ и прочіе студенты, то симъ науки и ученые люди ни мало не будутъ унижаемы, такъ какъ цари и князи не унижаются тѣмъ, когда несвободные бываютъ съ ними вмѣстѣ въ храмахъ и слушаютъ слово Божіе. Науки называются свободными для того,

что всякому оставлена свобода ихъ пріобрѣтать, а не для того, чтобъ сіе право предоставлялось только людямъ свободнымъ. Путь къ просвѣщенію, изливающемуся на всѣхъ и каждаго чрезъ науки, не долженствуетъ быть возбраненъ ни единому человѣку. Но какъ въ университетахъ заведены будутъ разные чины и достоинства, какъ-то магистры, доктора и прочіе, то къ полученію таковыхъ достоинствъ предоставляется право единственно только людямъ свободнымъ. Въ древнія времена, когда варварскіе законы лишали несвободныхъ людей права человѣчества и почитали ихъ наравнѣ съ вещами неодушевленными, тогда и путь къ пріобрѣтенію просвѣщенія затворялся имъ рукою жестокой власти. Но въ просвѣщенный вѣкъ, а паче подъ кроткою державою премудрой и премилосердой нашей самодержицы, не можетъ путь къ просвѣщенію возбраненъ быть и несвободнымъ людямъ, яко человѣкамъ и членамъ россійскаго народа, на коего десница ея изливаетъ непрестанно щедроты, устрояющія твердое онаго блаженство".

„Званіе студентское не есть достоинство или чинъ, но только способъ къ пріобрѣтенію оныхъ, ибо каждый *учащійся* есть *студентъ*, хотя бы онъ и не былъ записанъ въ студенты, слѣдовательно сіе званіе можетъ принять на себя и человѣкъ несвободный безъ всякаго наукамъ предосужденія. Путь къ просвѣщенію отверзается каждому, лишь бы желающій просвѣтиться былъ человѣкъ, имѣющій неповрежденный умъ. Да и исторія, какъ древняя, такъ и новая, доказываетъ, что люди самаго низкаго состоянія пріобрѣли себѣ науками безсмертную славу. Въ отечествѣ нашемъ стяжавшій оную Ломоносовъ служитъ неоспоримымъ истины сей доказательствомъ".

Итакъ, съ учрежденіемъ университетовъ система новыхъ училищъ замыкалась не внѣшнимъ только образомъ. Проектъ университетскаго устава 1787 года впервые разрѣшалъ центральную проблему въ исторіи русской школы за два послѣднія столѣтія, проблему о взаимной внутренней зависимости школъ разныхъ степеней, въ которой заключался залогъ ихъ жизненности.

Въ самомъ проектѣ 1787 года ясно была выражена мысль, что высшее образованіе не можетъ быть устроено безъ надлежащей широкой постановки среднихъ и низшихъ школъ. Съ другой стороны, одинъ изъ составителей проекта справедливо, хотя и односторонне, доказывалъ, что для успѣховъ средней школы необходимы университеты. Въ отчетѣ о ревизіи народныхъ училищъ О. П. Козодавлевъ писалъ: „единственное сред-

ство къ собранію зрѣлыхъ плодовъ отъ главныхъ народныхъ училищъ есть обнародованіе плана учрежденію въ Россіи университетовъ. Когда увидятъ, что для пріобрѣтенія въ службѣ мѣста надобны науки, въ университетахъ преподаваемыя, а о знаніи оныхъ свидѣтельство, а чтобы быть допущену въ университетъ для ученія надобно свидѣтельство о знаніи предметовъ главнаго народнаго училища, тогда всякій увидитъ цѣль ученія, въ главныхъ народныхъ училищахъ преподаваемаго, и выгоду, отъ того ученія происходящую" [1]).

Однако учрежденіе университетовъ такъ и осталось въ проектѣ. Всѣхъ препятствій, заставившихъ отказаться отъ его осуществленія, мы не знаемъ. Нѣкоторый свѣтъ на этотъ вопросъ проливаютъ журналы коммиссіи о народныхъ училищахъ. Въ самомъ началѣ работы надъ проектомъ университетскаго устава, весной 1786 года, графъ Завадовскій обратился къ директору Академіи наукъ, княгинѣ Дашковой, и къ куратору Московскаго университета И. И. Шувалову съ запросомъ, не могутъ ли академія и университетъ доставить нѣкоторое число профессоровъ для вновь заводимыхъ университетовъ. Отвѣты получились неутѣшительные. Княгиня Дашкова заявила, что среди россійскихъ академиковъ не нашлось ни одного охотника поступить профессоромъ въ новые университеты; къ тому же русскіе ученые нужны самой Академіи. Шуваловъ обѣщалъ приготовить изъ московскихъ студентовъ нѣсколько профессоровъ, „при началѣ нужныхъ".

Вынужденная отказаться отъ помощи Академіи наукъ и Московскаго университета, не имѣя возможности обставить новые университеты русскими учеными силами, коммиссія остановилась было на мысли выписать иностранныхъ профессоровъ и между ними непремѣнно нѣсколько знаменитостей: „иногда и одинъ,— разсуждала коммиссія, — знаніями своими и сочиненіями знаменитый профессоръ можетъ присутствіемъ своимъ возвести устрояющійся университетъ на весьма высокую степень славы. Таковой человѣкъ преподаваніемъ своимъ и привлеченіемъ учащихся не только прославитъ университетъ, но и принесетъ государству великую пользу".

Другимъ препятствіемъ къ осуществленію плана университетовъ являлся недостатокъ матеріальныхъ средствъ. Указомъ 16-го октября 1786 года на имя Завадовскаго, состоявшаго въ то время также директоромъ Государственнаго заемнаго банка,

---

[1]) Сухомлиновъ, Ист. Росс. Акад., вып. 6, стр. 49—50.

въ пользу проектированныхъ университетовъ обращены были различныя свободныя суммы, всего 568.000 руб. По разсчету же коммиссіи содержаніе каждаго новаго университета должно было обойтись не болѣе, какъ въ 40.000 руб., т.-е. вдвое менѣе штатной суммы, положенной на Московскій университетъ.

Свои соображенія о приглашеніи иностранныхъ профессоровъ и о штатахъ для новыхъ университетовъ коммиссія изложила въ особомъ докладѣ, при которомъ былъ поднесенъ императрицѣ проектъ университетскаго устава. Въ виду всѣхъ грозившихъ ея планамъ препятствій коммиссія высказалась за открытіе на первыхъ порахъ только одного университета и просила высочайшаго указанія, какой городъ будетъ для того избранъ, а также повелѣнія мѣстному генералъ-губернатору озаботиться пріисканіемъ необходимаго помѣщенія [1]). Къ сожалѣнію, осталась неизвѣстной резолюція императрицы на этотъ докладъ коммиссіи. Она, можетъ быть, объяснила бы мотивы, заставившіе Екатерину отказаться отъ выполненія послѣднихъ осторожныхъ и скромныхъ предположеній коммиссіи.

V.

Предпринятое Екатериной II созданіе цѣльной системы народнаго просвѣщенія, послѣ неудачи, постигшей университетскій проектъ, остановилось на полупути, и творческая дѣятельность коммиссіи о народныхъ училищахъ постепенно замерла. Она возродилась въ началѣ слѣдующаго столѣтія, при новыхъ условіяхъ государственной и общественной жизни, которыя не только не измѣнили, но расширили и расчистили путь, по которому шли реформы Екатерины II.

Обстоятельства первыхъ лѣтъ царствованія императора Александра I связали учебную реформу съ административной. Негласный комитетъ въ первомъ же своемъ разсужденіи о народномъ просвѣщеніи намѣтилъ такой общій планъ реформы, который вполнѣ совпадалъ съ очередной задачей народнаго просвѣщенія, выдвинутой въ предшествующую эпоху. Въ настоящемъ своемъ положеніи, въ началѣ XIX вѣка, народное просвѣщеніе въ Россіи представляло, по мнѣнію комитета, „зрѣлище крайней пестроты“ (formait un tableau d'une bigarrure extrême). Слѣдовательно, первой и главной цѣлью предпринимаемой реформы являлось созданіе „системы“ просвѣщенія, утвер-

[1]) Журн. коммиссіи за 1787 г.

жденіе общаго, всесословнаго образованія, какъ необходимой основы для высшаго профессіональнаго образованія. Въ замѣткѣ, резюмирующей намѣченныя комитетомъ задачи, графъ П. А. Строгановъ на первомъ мѣстѣ поставилъ общій планъ учебной реформы: „*instruction publique*" — „ne point faire de réformes partielles, mais se former un système général pour son organisation" [1]).

Эта учебная реформа связывалась съ административной не случайно и не внѣшнимъ только образомъ. Какъ показывалъ опытъ просвѣтительныхъ предпріятій XVIII вѣка, ихъ шаткость и малоуспѣшность обусловливались, между прочимъ, тѣмъ, что попеченіе о народномъ образованіи не выдѣлялось въ самостоятельную задачу высшаго государственнаго управленія. Отдѣльныя школы и другія просвѣтительныя предпріятія, возникавшія отъ времени до времени, ввѣрялись заботамъ самыхъ различныхъ правительственныхъ вѣдомствъ и всегда были для послѣднихъ лишней тягостью, непріятной обузой. Созданіе системы *общаго* образованія необходимо требовало учрежденія компетентнаго органа высшей администраціи, какъ это выяснилось уже при Екатеринѣ II. Такимъ органомъ и явилось министерство народнаго просвѣщенія. Съ другой стороны, для цѣлесообразной организаціи самого новоучрежденнаго министерства необходимо было установить принципы общаго плана учебной реформы, такъ какъ осуществленіемъ этого плана исчерпывалась на первыхъ порахъ вся дѣятельность министерства.

Съ чего же должно было начать свою работу министерство просвѣщенія или, правильнѣе, та *коммиссія объ училищахъ*, которая составила промежуточное звено между старой Екатерининской *коммиссіей объ учрежденіи народныхъ училищъ* и министерствомъ, и которая въ началѣ 1803 года была преобразована въ Главное Правленіе училищъ. Указъ 8-го сентября далъ коммиссіи слѣдующую инструкцію: „члены сей коммиссіи раздѣлятъ между собою вѣдѣніе всѣхъ состоящихъ въ Имперіи верхнихъ и нижнихъ училищъ по полосамъ или провинціямъ и, получая вѣдомости о состояніи и представленія по дѣламъ училищъ своего отдѣленія, обязаны особенно пещись о успѣхахъ всѣхъ заведеній, для распространенія просвѣщенія учрежденныхъ, по соображенію нуждъ и удобностей каждаго отдѣленія, нѣсколько губерній объемлющаго... *Главною цѣлью, которую должны имѣть члены тѣхъ отдѣленій, гдѣ еще нѣтъ университетовъ, есть*

[1]) Великій Князь Николай Михаиловичъ, „Графъ П. А. Строгановъ", т. II.

учрежденіе оныхъ. Университеты, расширяя кругъ познаній въ своихъ отдѣленіяхъ, могутъ удобно принять на себя надзираніе надъ всѣми прочими училищами и вспомоществовать членамъ въ управленіи ихъ отдѣленій. Такимъ образомъ не токмо облегчится, а скорѣе совершенства достигать можетъ важнѣйшая сія часть государственной попечительности, образуя повсемѣстно просвѣщенныхъ и благонравныхъ гражданъ для всѣхъ родовъ службы и должностей общественныхъ... Коммиссія не оставитъ сочинить и представить намъ полный планъ, по которому она поступать будетъ, согласно съ симъ указомъ, для скорѣйшаго и надежнѣйшаго достиженія своего назначенія. Въ ономъ объяснятся и тѣ правила, на которыхъ должны быть основаны сношеніе и зависимость окружныхъ училищъ отъ центральныхъ университетовъ, а сихъ послѣднихъ отъ членовъ коммиссіи" [1]). Итакъ, указъ требовалъ начать осуществленіе новой учебной системы съ учрежденія университетовъ, то-есть, съ того именно пункта, на которомъ остановилась реформа Екатерины II.

Эта мысль, что новая система народнаго просвѣщенія должна не разрушить Екатерининскія учрежденія, но усовершенствовать ихъ и дополнить, была опредѣленно высказана и самими членами новой коммиссіи. Академикъ Н. И. Фусъ, особенно много потрудившійся надъ планомъ новой учебной системы, полагалъ основную задачу коммиссіи въ томъ, чтобы „на основаніи, положенномъ императрицей Екатериной II, воздвигнуть новое зданіе".

Эту мысль Фусъ подробно развилъ въ своемъ проектѣ новой учебной системы. Намѣчая три послѣдовательно расположенныхъ типа низшей и средней школы (начальное сельское училище, уѣздное училище и губернское училище или гимназію), Фусъ предлагалъ по возможности придерживаться устава народныхъ училищъ 1786 г. „Произведеніе въ дѣйство сего плана,— говорилъ Фусъ о своемъ проектѣ, — тѣмъ удобнѣе, что предложенныя здѣсь перемѣны (въ системѣ училищъ) зависятъ единственно отъ перемѣщенія предметовъ учебныхъ одной школы къ другой. Шестнадцать протекшихъ лѣтъ отъ учрежденія народныхъ училищъ сами по себѣ сблизили сіи переиначенія и пріуготовили производство прекраснаго начертанія къ распространенію успѣховъ въ просвѣщеніи". Система завершалась университетами, въ организаціи которыхъ Фусъ отступалъ отъ плана 1787 года. Сначала онъ дѣлилъ университеты на три,

[1]) Сборн. постан. по Минист. народн. просв., т. I, № 7—8.

а въ окончательномъ проектѣ на четыре факультета: 1) наукъ филологическихъ и словесныхъ (belles lettres), 2) математическихъ и физическихъ, 3) медицинскихъ и хирургическихъ, 4) философскихъ, моральныхъ и политическихъ. Первые два факультета, по мысли Фуса, должны были имѣть то „пріуготовительное" значеніе, какое принадлежало по плану 1787 года факультету философскому: „les deux premières sections embrassent toutes les sciences préparatoires, c'est par les cours de ces deux sections que ceux, qui viennent étudier aux universités, commencent leurs études, en choisissant les leçons qui conviennent à leur vocation, et dont le cours entier est de trois ans. Après quoi ceux qui se vouent au service des loix ou de l'administration, passent dans la quatrième section, dont le cours est de trois ans".

Естественно не желалъ порвать со старой системой и главный творецъ послѣдней, Ѳ. И. Янковичъ-де-Миріево. Устанавливая ту же градацію общеобразовательныхъ училищъ, что̀ и Фусъ, онъ предлагалъ сохранить нѣкоторые старые административные и учебные порядки; гимназіи, не перемѣняя ихъ названія, соединить съ главными народными училищами; дворянскія училища подчинить только по учебной части директорамъ гимназій, а въ прочихъ отношеніяхъ, по прежнему, губернаторамъ; народныя училища оставить въ вѣдѣніи приказовъ общественнаго призрѣнія; преподаваніе въ народныхъ училищахъ продолжать по книгамъ, предписаннымъ уставомъ 5-го августа 1786 года. Университеты Янковичъ дѣлилъ на четыре традиціонныхъ факультета: философскій, юридическій, медицинскій и богословскій, причемъ полный составъ факультетовъ, по его плану, должны были имѣть только Виленскій и Дерптскій университеты; въ Кіевскомъ и Казанскомъ университетахъ Янковичъ проектировалъ три факультета (философскій, юридическій и медицинскій), а въ С.-Петербургскомъ и Московскомъ только два—философскій и юридическій; медицинскій факультетъ изъ нихъ исключался въ виду того, что въ обѣихъ столицахъ существовали медико-хирургическія академіи.

Съ третьимъ проектомъ, оказавшимъ рѣшающее вліяніе на направленіе работъ коммиссіи, выступилъ князь Адамъ Чарторыйскій. Нельзя особенно не пожалѣть, что этотъ обширный планъ, озаглавленный: „Начала для образованія народнаго воспитанія въ Россійской Имперіи", утраченъ, повидимому, безнадежно вмѣстѣ со всѣми другими приложеніями къ журналамъ коммиссіи 1802 года. Тогда какъ о проектахъ Фуса и Янковича въ этихъ журналахъ сообщаются нѣкоторыя подробности, о планѣ Чарторый-

3*

скаго сказано только, что онъ состоялъ изъ десяти отдѣленій и ста двухъ статей и предлагалъ учрежденіе школъ приходскихъ, уѣздныхъ, губернскихъ и университетовъ, „съ постепенною однѣхъ отъ другихъ зависимостію и подчиненіемъ“; университеты (въ Москвѣ, С.-Петербургѣ, Казани, Дерптѣ, Вильнѣ и Харьковѣ) „средоточіемъ своимъ должны имѣть коммиссію о училищахъ, подлежащую вѣдѣнію министра народнаго просвѣщенія“. Вотъ все, что намъ непосредственно извѣстно о планѣ князя Чарторыйскаго.

Возможно, однако, по нѣкоторымъ косвеннымъ указаніямъ составить болѣе ясное представленіе о содержаніи этого плана и объ его главномъ источникѣ. Въ томъ же засѣданіи коммиссіи, 4-го октября 1802 года, въ которомъ былъ выслушанъ и одобренъ планъ Чарторыйскаго, министръ, „находя полезнымъ хотя въ одной части Имперіи привести въ дѣйство благотворныя намѣренія его императорскаго величества относительно до распредѣленія училищъ такъ, чтобъ они имѣли общее средоточіе, одну систему зависимости и управленія, чтобъ содержаніе ихъ было обезпечено одинаковымъ или подобнымъ образомъ“, предложилъ графу С. О. Потоцкому и князю Чарторыйскому „заняться соображеніемъ всего касающагося до университета виленскаго, *слѣдуя тому расположенію, какое имѣла бывшая въ Польшѣ эдукаціонная коммиссія*“. Дѣйствительно, представленный княземъ Чарторыйскимъ въ главное управленіе училищъ и 25-го апрѣля 1803 года высочайше утвержденный уставъ Виленскаго университета и училищъ его округа воспроизводилъ въ существенныхъ чертахъ ту же іерархію общеобразовательныхъ школъ, какая была устроена польской эдукаціонной коммиссіей по уставу 1783 года. Даже „въ расположеніи времени и часовъ для наукъ въ училищахъ“ сохраненъ былъ, съ нѣкоторыми частичными измѣненіями, прежній порядокъ, заведенный эдукаціонной коммиссіей. Съ другой стороны, училищный уставъ виленскаго округа согласовался съ главными началами общегосударственной системы по предварительнымъ правиламъ 24-го января 1803 года. Эти сопоставленія даютъ основаніе заключить, что и планъ общегосударственной системы народнаго просвѣщенія, съ которымъ князь Чарторыйскій выступилъ въ коммиссіи объ училищахъ, былъ основанъ на началахъ польской эдукаціонной коммиссіи и вмѣстѣ съ тѣмъ представлялъ близкую аналогію съ планами, построенными изъ элементовъ старой, Екатерининской учебной системы. Для патріотическихъ цѣлей Чарторыйскаго это совпаденіе его плана съ результатами учебной реформы Екатерины II было обстоятельствомъ

чрезвычайно благопріятнымъ. Органическая связь національной польской системы просвѣщенія съ системой общегосударственной надолго обезпечивала торжество польской національной идеи въ обширномъ виленскомъ учебномъ округѣ, охватывавшемъ весь сѣверо- и юго-западный край Россіи.

На основаніи проектовъ Фуса, Янковича и Чарторыйскаго правителемъ дѣлъ коммиссіи В. Н. Каразинымъ составленъ былъ общій планъ реформы, — „Предначертаніе устава о общественномъ воспитаніи". Къ сожалѣнію, журналы коммиссіи объ училищахъ, обрывающіеся на засѣданіи 22 октября 1082 года, ничего не сообщаютъ ни о содержаніи работы Каразина, ни о дальнѣйшей исторіи выработки общаго плана учебной реформы [1]).

VI.

24 января 1803 года утверждено было наконецъ основаніе новой учебной системы — „Предварительныя правила народнаго просвѣщенія".

Этотъ основной законъ такъ формулировалъ цѣль и содержаніе новой учебной системы: „для нравственнаго образованія гражданъ, соотвѣтственно обязанностямъ и пользамъ каждаго состоянія, опредѣляются четыре рода училищъ: 1) училища приходскія, 2) уѣздныя, 3) губернскія или гимназіи и 4) университеты" [2]).

Предварительныя правила намѣтили въ общихъ чертахъ программу учебной реформы. Ея подробнымъ развитіемъ явились уставы университетовъ и подвѣдомственныхъ имъ училищъ 5 ноября 1804 года. Раздѣляясь на двѣ самостоятельныя части: 1) тождественные между собою, за исключеніемъ мелкихъ частностей, уставы университетовъ Московскаго, Харьковскаго и Казанскаго, и 2) уставъ училищъ, подвѣдомственныхъ университетамъ, т.-е. гимназій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ, — оба устава составляли по существу единый законодательный актъ. Такъ внѣшнимъ образомъ выразилась цѣльность реформы, смыкавшей всѣ категоріи общеобразовательныхъ школъ, отъ университетовъ до приходскихъ училищъ, въ одну систему. Эта цѣльность реформы, какъ мы знаемъ, была необходимымъ результа-

---

[1]) Журналы коммиссіи объ училищахъ въ Сборн. матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи, изд. Мин. нар. просв., т. II. Проекты Фуса и Янковича еще въ Арх. Мин. Нар. Просв., карт. 134, дѣло 9805 и 9740.

[2]) Сборн. постан. по Мин. нар. просв., т. I, № 63—64.

томъ всѣхъ отдѣльныхъ просвѣтительныхъ предпріятій XVIII столѣтія.

Ясно выступаетъ въ уставахъ 1804 года, если разсматривать ихъ, какъ единый законодательный актъ, и другая характерная черта реформы—ея внѣшняя послѣдовательность; уставы университетовъ предшествуютъ уставу подвѣдомственныхъ имъ среднихъ и низшихъ училищъ; постановленія послѣдняго устава расположены въ нисходящемъ порядкѣ степеней образованія, отъ гимназій до приходскихъ училищъ. Такой порядокъ расположенія уставовъ соотвѣтствовалъ фактической послѣдовательности реформы. Мы видѣли, что указъ 8 сентября 1802 года прямо предписывалъ начать ее съ учрежденія университетовъ, какъ учебно-административныхъ центровъ для каждаго учебнаго округа.

Современники, вникавшіе въ смыслъ реформы, успѣли вѣрно оцѣнить практическую цѣлесообразность этой внѣшней послѣдовательности реформы. „Что сначала были учреждены высшія учебныя заведенія,—писалъ академикъ А. К. Шторхъ,—можетъ удивлять лишь людей незнакомыхъ съ положеніемъ дѣла. Для цѣлесообразнаго устройства низшихъ учебныхъ заведеній сперва должны были существовать университеты, ибо какимъ инымъ путемъ Главное Правленіе училищъ могло бы ознакомиться съ мѣстными обстоятельствами разнородныхъ частей Имперіи, на которыя, при устройствѣ школъ, слѣдовало обратить вниманіе, и кому другому оно могло бы поручить исполненіе своихъ начертаній?“ Это мнѣніе, справедливое по существу, освѣщало однако только одну сторону дѣла. Мы знаемъ, что не одними соображеніями практическаго удобства обусловливалась внѣшняя послѣдовательность реформы; она имѣла глубокія основанія въ создавшихъ ее историческихъ условіяхъ. Реформа 1803—1804 годовъ началась съ университетовъ, потому что университетскій вопросъ являлся узломъ, въ которомъ органически соединялись обѣ обширныя реформы—Екатерины II и Александра I.

Какъ разрѣшена была въ рамкахъ новой учебной системы основная проблема реформы, формулированная предварительными правилами 1803 года: „нравственное образованіе гражданъ, соотвѣтственное обязанностямъ и пользамъ каждаго состоянія“? Насколько полно и послѣдовательно проведены были уставами 1804 года принципы всесословности и общеобразовательности но-

вой системы? Постараемся выяснить ея основныя черты съ указанныхъ сейчасъ точекъ зрѣнія; начнемъ съ университетовъ.

Давно уже выяснено, что организація русскихъ университетовъ по уставамъ 1804 года воспроизводила многія существенныя черты германскихъ университетовъ, для которыхъ первая четверть XIX вѣка была эпохой возрожденія: изъ старыхъ школъ, убѣжищъ педантизма и схоластики, далеко иногда отстававшихъ отъ движенія философіи и науки, германскіе университеты преобразовываются въ центры и разсадники свободнаго научнаго изслѣдованія. „Die Universität, — говоритъ проф. Паульсенъ, — verlegt den Schwerpunkt ihrer Leistungen in die selbständige wissenschaftliche Forschung und stellt auch an den Studierenden die Forderung: wissenschaftlich arbeiten zu lernen“ [1]. Вотъ идеалъ, которому съ такимъ блескомъ послужили германскіе университеты XIX вѣка!

Въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ организовались наши университеты по уставу 1804 года, этотъ идеалъ закрывался другими, болѣе практическими интересами. Вся совокупность учебной реформы начала XIX вѣка приводила къ тому, что ученая функція университета уступала первенство функціи образовательной, преподавательской. Университетъ былъ поставленъ во главѣ цѣлой системы народнаго просвѣщенія въ своемъ округѣ, какъ ея непосредственный руководитель: на университетъ возлагалась сложная обязанность „надзиранія за воспитаніемъ и ученіемъ во всѣхъ губерніяхъ, округъ его составляющихъ“, „особенное и неутомимое попеченіе, дабы гимназіи, уѣздныя и приходскія училища вездѣ, гдѣ онымъ быть положено, учреждены и снабжены были знающими и благонравными учителями и учебными пособіями и дабы порядокъ ученія соблюдаемъ былъ вездѣ неослабно“. Эти административно-педагогическія обязанности университетовъ вполнѣ отвѣчали ихъ собственнымъ жизненнымъ потребностямъ. Въ интересахъ своего собственнаго существованія университеты должны были озаботиться правильной постановкой средняго и низшаго образованія, обезпечивающаго имъ надлежащій подборъ слушателей.

Другимъ условіемъ, опредѣлявшимъ взаимоотношеніе разныхъ функцій университета, было воззрѣніе, выработанное въ XVIII вѣкѣ опытомъ соединенія университета съ академіей наукъ, что университетъ есть только высшая школа, уступающая собственно ученыя функціи другому учрежденію — академіи наукъ. Это

---

[1] Paulsen, Geschichte des gelehrten Unterrichts, t. II, p. 254.

воззрѣніе ясно выразилось въ регламентѣ Академіи наукъ 25 іюня 1803 года. Регламентъ сохранилъ институтъ „академическихъ воспитанниковъ“, готовящихся къ высшей научной дѣятельности, на томъ основаніи, что „науки, коихъ усовершенствованіемъ академія въ силу сего устава должна заниматься, преподаются *только до нѣкоторой степени ихъ* во всѣхъ заведеніяхъ, для образованія юношества учрежденныхъ, *даже и въ самыхъ университетахъ* [1]).

Такъ, съ одной стороны, условія обширной реформы, въ центрѣ которой стояли университеты и традиціи предшествующей эпохи, выдвигали на первый планъ образовательныя функціи университетовъ, съ другой стороны—примѣръ германскихъ университетовъ побуждалъ относить къ „особливому достоинству“ университетовъ ихъ ученую дѣятельность.

Обращаясь къ уставу 1804 года, мы видимъ, дѣйствительно, что онъ усвоиваетъ университетамъ двоякое назначеніе: „университетъ есть вышнее *ученое* сословіе, для *преподаванія наукъ* учрежденное“. Ученая функція университета выражается въ учрежденіи ученыхъ обществъ, въ особыхъ собраніяхъ совѣта для разсужденій „о сочиненіяхъ, новыхъ открытіяхъ, опытахъ, наблюденіяхъ и изслѣдованіяхъ“, въ ежегодномъ назначеніи задачи, „служащей къ распространенію наукъ“. Это новости, которыхъ нѣтъ въ проектѣ 1787 года. Что же касается назначенія университета, какъ высшаго учебнаго заведенія, то уставъ 1804 года опредѣляетъ его въ томъ же духѣ государственнаго утилитаризма, какъ и проектъ 1787 года:

Уставъ 1804 г. „Въ немъ (въ университетѣ) пріуготовляется юношество для вступленія въ различныя званія государственной службы“.	Проектъ 1787 г. „Главная цѣль каждаго университета есть доставленіе государству людей, могущихъ отправлять служенія, кои въ отправляющемъ предполагаютъ знаніе нѣкоторыхъ вышнихъ наукъ, почему и называются университеты вышними училищами“.

Если главная задача университета, какъ учебнаго заведенія, заключалась въ приготовленіи юношества къ государственной службѣ, то возникалъ вопросъ, могутъ ли свободно проходить черезъ университеты тѣ, кто по происхожденію своему не имѣлъ

[1]) Сборн. Постан. по Мин. нар. просв., т. I, № 28.

права на вступленіе въ государственную службу, не грозила ли университету опасность превратиться въ сословно-профессіональную школу для привилегированныхъ классовъ? За этимъ вопросомъ стоялъ другой: могло ли образованіе быть признано условіемъ полученія права на государственную службу, равнозначащимъ съ сословной привилегіей? Предварительныя правила 24 января 1803 года предупреждали, „что ни въ какой губерніи, спустя пять лѣтъ по устроеніи въ округѣ, къ которому она принадлежитъ, на основаніи сихъ правилъ, училищной части, никто не будетъ опредѣленъ въ гражданской должности, требующей юридическихъ и другихъ познаній, не окончивъ ученья въ общественномъ или частномъ училищѣ". Относилось ли это предупрежденіе только къ привилегированнымъ классамъ, или оно имѣло болѣе широкій смыслъ, что образовательный цензъ, какъ непремѣнное условіе пріобрѣтенія права государственной службы, вообще замѣнялъ собою сословную привилегію?

Неясность законодательства начала XIX столѣтія, опредѣлявшаго права разныхъ сословій на вступленіе въ государственную службу, внесла нѣкоторыя колебанія въ разрѣшеніе вопроса о сословномъ составѣ учащихся въ университетахъ. Въ самомъ университетскомъ уставѣ 1804 года не было такого же категорическаго указанія о пріемѣ „всякаго званія" или „различнаго состоянія" учащихся, какъ въ уставѣ среднихъ и низшихъ училищъ. Вполнѣ опредѣленно выражено лишь одно условіе принятія въ университетъ—удостовѣреніе въ познаніяхъ, нужныхъ для слушанія университетскихъ курсовъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ отъ поступающаго требовалось и представленіе „свидѣтельства о своемъ состояніи". Какую роль должно было играть это свидѣтельство, въ какихъ случаяхъ оно могло послужить препятствіемъ къ принятію въ университетъ, уставъ не разъясняетъ. Одинъ фактъ позволяетъ предположить, что эта неясность была умышленная. Когда при составленіи особаго устава Дерптскаго университета министръ графъ Завадовскій предложилъ въ статьѣ І-й къ словамъ: „университетъ принимаетъ въ студенты людей всякаго состоянія"—добавить: „свободнаго", то Главное Правленіе училищъ возразило, что это добавленіе „можетъ въ чужихъ краяхъ подать поводъ къ непріятнымъ заключеніямъ и толкамъ". По мнѣнію Главнаго Правленія, „злоупотребленія, которыя могли бы произойти отъ неограниченнаго принятія въ университетъ людей всѣхъ состояній, останавливаются сами собою въ началѣ мѣрами, предписанными впослѣдствіи сего Устава, какъ то предписаніемъ не принимать иныхъ, кромѣ представляющихъ о себѣ

законное свидѣтельство". Весьма возможно, что такимъ же соображеніемъ Главное Правленіе руководствовалось и при составленіи устава 1804 года [1]).

Неясность постановленій этого устава повела къ принципіальнымъ недоумѣніямъ, всѣмъ ли сословіямъ на одинаковыхъ правахъ открытъ доступъ въ университеты. Такъ, напримѣръ, въ 1808 году Харьковскій университетъ просилъ министерство исходатайствовать ему общее разрѣшеніе принимать въ студенты, какъ казеннокоштные, такъ и своекоштные, тѣхъ лицъ купеческаго званія, которые учились въ гимназіяхъ съ отличнымъ успѣхомъ и показали хорошія дарованія. Главное правленіе училищъ дало уклончивый отвѣтъ: предоставило университету „руководствоваться въ семъ обстоятельствѣ изданными для онаго Высочайшими постановленіями". Принципіальный вопросъ о правѣ податныхъ классовъ на высшее, университетское образованіе разрѣшенъ былъ въ положительномъ смыслѣ указомъ 10 ноября 1811 года, которымъ повелѣвалось: „студентовъ, поступающихъ въ университеты изъ состояній, въ окладъ положенныхъ, и кои бы пожелали посвятить себя ученому званію или же военной и гражданской службѣ, исключать изъ оклада не прежде, какъ по окончаніи ими полнаго курса ученья въ университетахъ: о чемъ начальство учебное, согласно изъявленному отъ нихъ желанью, всякій разъ имѣетъ представлять Правительствующему Сенату".

Этотъ указъ, категорически подтверждая принципъ всесословности университетскаго образованія и санкціонируя новую роль образованія, какъ конкуррирующаго съ сословной привилегіей условія пріобрѣтенія права на государственную службу, не избавилъ, однако, учащихся изъ податныхъ состояній отъ весьма существенныхъ, хотя и временныхъ, стѣсненій, установленныхъ министерскими распоряженіями. Въ 1813 году, 6 сентября, воспрещено было принимать студентовъ изъ податныхъ состояній на казенныя вакансіи на томъ основаніи, что учебное начальство, „по несвободному состоянію" этихъ лицъ, не могло бы распоряжаться ими по окончаніи курса ученья. Ссылка на „несвободное состояніе" студентовъ изъ податныхъ классовъ въ данномъ случаѣ была, конечно, неубѣдительна: указъ 10 ноября 1811 года не стѣснялъ этихъ студентовъ въ свободѣ выбора профессіи по окончаніи университетскаго курса.

Вскорѣ послѣдовали новыя ограниченія правъ учащихся изъ податныхъ классовъ. Циркуляромъ 16 марта 1814 года министръ

---

[1]) Журн. Главн. Правл. училищъ за 1803 г. въ Архивѣ Мин. нар. просв.

графъ Разумовскій предписалъ именовать ихъ не студентами, а вольнослушателями. 8-го октября того же года сдѣлано было распоряженіе, чтобы лица изъ податныхъ состояній при поступленіи на учебную службу обязываемы были подпиской продолжать ее не менѣе шести лѣтъ. Это были также явно несправедливыя мѣры, такъ какъ законъ обязывалъ шестилѣтней службой по учебному вѣдомству только казеннокоштныхъ студентовъ [1]).

Такъ рядомъ министерскихъ распоряженій, далеко не согласныхъ съ закономъ, учащіеся податныхъ состояній превратились изъ полноправныхъ гражданъ университета въ лишь терпимый соціальный элементъ, обставленный весьма чувствительными стѣсненіями. Правда, эти стѣсненія дѣйствовали не долго. При князѣ А. Н. Голицынѣ своекоштнымъ студентамъ изъ податныхъ состояній была предоставлена полная свобода не только служить по учебной части, сколько пожелаютъ, но и „не вступать даже вовсе въ оную, хотя бы и изъ подушнаго оклада освобождены были". Затѣмъ постепенно пало запрещеніе принимать учащихся изъ податныхъ состояній на казенныя вакансіи. Наконецъ, съ теченіемъ времени измѣнилось и понятіе вольнослушателя. Подъ это наименованіе стали подходить и всѣ вообще своекоштные студенты, и посторонніе слушатели отдѣльныхъ курсовъ, не искавшіе никакихъ дипломовъ, ни ученыхъ степеней, и наконецъ, чиновники, готовившіеся къ экзаменамъ по закону 6 августа 1809 года [2]). Названіе „вольныхъ слушателей" послѣ того перестало обозначать особую сословную группу учащихся изъ податныхъ состояній, и послѣдніе вновь сдѣлались полноправными гражданами университета. Принципъ всесословности университетскаго образованія остался, такимъ образомъ, непоколебленнымъ [3]).

Коренному измѣненію, сравнительно съ проектомъ 1787 года, подверглась факультетская организація университетовъ. Эта организація послужила исходнымъ пунктомъ перестройки всей вообще системы средняго и низшаго образованія. Какъ было показано выше, планъ 1787 года давалъ традиціонную схему факультетской организаціи: факультетъ философическій, содержавшій въ себѣ циклъ „пріуготовительныхъ" наукъ, являлся общимъ базисомъ для факультетовъ „вышнихъ" наукъ, медицинскаго и юридическаго. Уставъ 1804 года раздѣлилъ университетъ, согласно

---

[1]) Сборн. постан. по Мин. нар. просв., т. I, № 241. сборн. распор. по Мин. нар. просв., т. I, №№ 95, 110. Журн. Главн. Правл. училищъ за 1808 г.

[2]) Сборн. распор., т. I, № 169.

[3]) Подробности см. въ нашей статьѣ: „Сословный вопросъ въ русск. университетахъ въ первой четверти XIX вѣка". Журн. Мин. Нар. Просв., 1907 г., май.

плану Фуса, на четыре факультета: 1) наукъ нравственныхъ и политическихъ, 2) наукъ физическихъ и математическихъ, 3) наукъ медицинскихъ, 4) наукъ словесныхъ. Но тогда какъ Фусъ отчетливо проводилъ раздѣленіе общихъ и спеціальныхъ элементовъ университетскаго курса, усвоивая приготовительную роль стараго философскаго факультета словесному и физико-математическому факультетамъ, уставъ 1804 года разрѣшалъ этотъ вопросъ очень неясно.

„Между науками, въ университетѣ преподаваемыми, — гласилъ § 112,—находятся такія, которымъ необходимо должны учиться всѣ желающіе быть полезными себѣ и отечеству, какой бы родъ жизни и какую службу ни избрали, а для того тотъ только можетъ перейти въ главное отдѣленіе наукъ, соотвѣтствующихъ будущему состоянію (т.-е. факультетъ), кто прослушалъ науки пріуготовительныя". Но какія именно науки слѣдовало считать „пріуготовительными", въ какой срокъ слѣдовало ихъ проходить, въ какомъ отношеніи эти приготовительные курсы должны стоять къ факультетской схемѣ,—уставъ не разъяснялъ. Во всякомъ случаѣ, мысль Фуса о пропедевтической роли факультетовъ словеснаго и физико-математическаго не нашла себѣ отраженія въ уставѣ 1804 года; оба эти факультета получили такой же спеціальный характеръ, какъ и два остальныхъ, медицинскій и философско-политическій. Въ практикѣ же отдѣльныхъ, вновь основанныхъ университетовъ „пріуготовительные курсы" сыграли весьма важную, хотя и временную роль, замѣняя курсъ старшихъ классовъ средней школы, которая въ періодъ преобразованія главныхъ народныхъ училищъ въ гимназіи не могла доставлять университету хорошо подготовленныхъ слушателей.

Попечитель Харьковскаго университета, графъ С. О. Потоцкій, въ февралѣ 1803 года, т.-е. еще до изданія устава, предполагалъ открыть первымъ философскій факультетъ или „отдѣленіе общихъ приготовительныхъ наукъ". Но это предположеніе не осуществилось, такъ какъ уставъ 1804 года далъ философскому факультету совершенно иную постановку. Тогда графъ Потоцкій рѣшилъ открыть при университетѣ, взамѣнъ философскаго факультета, приготовительный классъ, въ которомъ „молодые люди, пріобрѣтая достаточныя познанія, будутъ снискивать способность къ слушанію лекцій высшихъ наукъ". Но этотъ приготовительный классъ, по мысли графа Потоцкаго, долженъ былъ сыграть лишь временную роль, „пока гимназіи не будутъ приведены въ лучшее состояніе". „Ежели университетъ, — разсуждалъ Потоцкій, — сохранилъ бы въ строгомъ смыслѣ всѣ правила, коими

долженъ онъ руководствоваться въ пріемѣ слушателей лекцій, то отъ сего могли бъ произойти непріятныя послѣдствія: 1) онъ не имѣлъ бы нынѣ ни одного студента, 2) молодые люди, не пріобрѣтшіе достаточныхъ свѣдѣній для сего званія, принуждены бъ были вступить въ службу, оставаясь навсегда необразованными; то-есть, цѣлому поколѣнію оныхъ надлежало бы заградить путь къ просвѣщенію, и, наконецъ, 3) таковое отдѣленіе ихъ при первомъ шагѣ могло бы произвести во всемъ дворянствѣ совершенное отвращеніе отъ университета" [1]).

Новая организація университетовъ по уставу 1804 года потребовала соотвѣтственной перестройки средней школы. Мы видѣли, что университетскій проектъ 1787 года только упомянулъ о гимназіяхъ, какъ школахъ, относящихся къ области „вышнихъ пріуготовительныхъ наукъ", но въ дѣйствительности сосредоточилъ эти науки въ философическихъ факультетахъ, открывъ въ нихъ прямой доступъ воспитанникамъ главныхъ народныхъ училищъ. Уставъ 1804 года, раздѣливъ подготовительный „философическій" факультетъ на два спеціальныхъ—словесный и физико-математическій, поставилъ на его мѣсто гимназію, которой усвоена была двоякая цѣль: „1) приготовленіе къ университетскимъ наукамъ юношества, которое по склонности къ онымъ, или званію своему, требующему дальнѣйшихъ познаній, пожелаетъ усовершенствовать себя въ университетахъ; 2) преподаваніе наукъ, хотя начальныхъ, но полныхъ въ разсужденіи предметовъ ученія, тѣмъ, кои не имѣя намѣренія продолжать оные въ университетахъ, пожелаютъ пріобрѣсти свѣдѣнія, необходимыя для благовоспитаннаго человѣка". Сообразно съ такимъ двоякимъ назначеніемъ, въ курсъ гимназіи, состоящій изъ четырехъ годичныхъ классовъ, были включены: языки латинскій (16 часовъ въ недѣлю), нѣмецкій и французскій (по 16 ч.), математика чистая и прикладная и физика (18 ч.), исторія съ миѳологіей и древностями, географія, статистика, общая и частная россійская (18 ч.), философія (логика, всеобщая грамматика, психологія, нравоученіе), изящныя науки (эстетика, риторика), право естественное и народное, политическая экономія (20 ч.), естественная исторія, технологія, коммерческія науки (16 ч.), рисованіе (12 ч.). Сравнивая этотъ энциклопедическій курсъ, на который съ разныхъ сторонъ напали впослѣдствіи, съ курсами главнаго народнаго училища, съ одной стороны, и философскаго факультета къ проекту 1787 года—съ другой, приходимъ къ заключенію, что

---

[1]) Архивъ Минист. народн. просв., карт. 152, дѣло № 5430.

сущность преобразованія главныхъ народныхъ училищъ въ гимназіи заключалась въ перемѣщеніи центра общаго философскаго образованія изъ университета въ среднюю школу. Это былъ непосредственный результатъ новой университетской организаціи, сравнительно съ проектомъ 1787 года.

С. В. Рождественскій.

ДВА РАЗСКАЗА

I.

Нашъ капитанъ.

Изъ записной книжки.

Уже стемнѣло, когда одна рота пѣхоты, къ которой прикомандировали меня со взводомъ драгунъ для донесеній и развѣдокъ, заняла холмъ на флангѣ. Послѣ того, какъ рота оріентировалась и залегла въ цѣпь, а немного ниже, въ молодомъ дубнякѣ расположился взводъ, капитанъ роты познакомился со мною.

Это былъ высокій, плечистый, чернобородый мужчина лѣтъ сорока, одѣтый въ темнозеленую косоворотку съ погонами; грустно было выраженіе на его блѣдномъ усталомъ лицѣ. Глядѣлъ онъ исподлобья, какъ большой черный комолый волъ, а говорилъ груднымъ басомъ и глухо, точно въ пустую бочку гудѣлъ, и когда говорилъ, то виновато улыбался, будто чего-то стѣснялся, и въ своемъ разговорѣ, нѣсколько дѣланномъ и пересыпанномъ своеобразными выраженьями завзятаго фронтовика, часто ссылался на „безлюдье", на то, что, дескать, тутъ, въ Маньчжуріи, не только говорить, а даже мыслить по-человѣчески отвыкаешь. Въ паузахъ же попыхивалъ дымкомъ изъ носогрѣйки, тоскливо поглядывалъ на горизонтъ и тихо что-то напѣвалъ.

Тихій грустный смѣхъ, впрочемъ рѣдкій, и вставки въ минуту одушевленія: „хорошъ соколъ-то?!" или—„хороша пѣсня-то?!"—„какъ мать родила-съ!"—все это въ капитанской рѣчи сквозило безъ конца, сближало съ нимъ простотою, и мы разговорились...

— Да-съ. Оно, конечно, для молодого человѣка хорошо...— говорилъ мнѣ капитанъ, сидя на кочкѣ и покуривая изъ трубки:— Непремѣнно есть какая-то особенная прелесть, напримѣръ, вставать съ разсвѣтомъ, а съ закатомъ ложиться; поголодать, а потомъ поѣсть до опьяненья; по солнцу, по небу, по травѣ узнавать, который часъ. Опредѣлять страны свѣта по мху на старыхъ деревьяхъ, по Медвѣдицѣ, по лунѣ, или узнавать по запаху близость жилья, а то еще и большее... противника. По состоянію духа предсказывать погоду. И т. д., и т. д... Словомъ, чувствовать какое-то очень близкое родство съ природою. Но живешь и знаешь, что одно изъ двухъ тебя не обойдетъ: или коронуешься (капитанъ намекалъ на сумасшествіе), или... или сольешься съ нею въ одно... Были въ бою?—вдругъ перемѣнилъ онъ тонъ.

— Нѣтъ, не былъ. А побывать хочется.

Тотъ покачалъ головою:

— Ая-яй!—И, немного подумавъ, произнесъ:

— Оно конечно... да... интересно. Но, все-таки, что за охота? Я здѣсь пробылъ ровно годъ, раненъ два раза и, надо вамъ сказать, кое къ чему присмотрѣлся, но уморился страшно. Скверное дѣло. Если не сегодня, то завтра навѣрняка влѣпятъ въ лобъ... Вотъ вамъ и все! А дома—семья и средствъ никакихъ... Да. Печальное недоразумѣніе—эта война. Я самъ, надо вамъ сказать, охотникомъ навострился, а вышла чепуха. Вышло, что и старъ, и боленъ, и...—онъ махнулъ рукою.

— Легли бы въ госпиталь...

— Э-э, батенька! Госпиталь, госпиталь! Вы видите—на всю роту я одинъ, всѣ отсюда разбѣжались и никого нѣту больше... Госпиталь для молодежи, тамъ—сестры и тру-ла-ла! А намъ, старикамъ,—„тяни лямку, пока не выкопаютъ ямку“!

— Гу-гу-гу-у, гу-гу-гу-у,—погудѣлъ капитанъ и продолжалъ:

— Да. Все какъ-то, это самое, чепуховато-съ! Но вы еще молодой... мальчикъ, мечтатель, такъ сказать. Не знаете вы еще жизни... Не знаете вы того, что всюду грязь, ложь, мерзость—и только. Впрочемъ, рѣчь не о семъ... Скажу одно-съ. Чѣмъ больше скитаешься, мытарствуешь здѣсь, тѣмъ больше чувствуешь какой-то странный, непримиримый разладъ ума съ волею, тѣмъ меньше у тебя общихъ точекъ сближенія съ людьми новыми, здоровыми, сильными. Какой-то неизъяснимый подъемъ къ труду, къ тишинѣ, и вмѣстѣ съ этимъ странная тягота сытостью, довольствомъ, властью и прочими пустяками, волнующими особенно въ вашемъ счастливомъ возрастѣ! Можете ли себѣ представить, подчасъ этотъ подъемъ настолько кажется широкимъ и несообразнымъ съ обыден-

щиной или посредственностью, что, ей-же-ей, мало удивительнаго въ томъ, что тамъ въ Россіи, при обыденной, невзрачной жизни, его излечиваютъ врачи, прибѣгая къ помощи теплыхъ ваннъ, окутываній, праздности, усиленнаго питанія и проч... Кончится война—обязательно уйду въ отставку... куда-нибудь въ земскіе начальники, что-ли, все равно... Но ближе къ дѣтишкамъ, работать, отдыхать...

Помолчали.

Онъ выбилъ о сапогъ трубку и заговорилъ безъ видимой связи:

— Говорятъ, что вамъ, кавалеристамъ, легче. При строгой вышколенной „выѣздкѣ“ воля всадника согласуется съ волею лошади, и это—хорошій плюсъ къ противодѣйствію той отвратительной силѣ, силѣ, связующей васъ, которую мы наблюдаемъ здѣсь сплошь въ усталости, въ неврастеніи, анеміи, постоянномъ напряженіи и прочей ерундѣ... Впрочемъ, къ чертямъ философію! Давайте лучше о другомъ.—И онъ насупился...

Однако, нужно было и отдохнуть, и наша бесѣда скоро прекратилась, а тутъ, кстати, капитанъ вспомнилъ про донесеніе, которое собирался отправить, и засуетился.

— Ну, что же имъ доносить?—спросилъ онъ себя вслухъ и пожалъ плечами; но, вынувъ изъ кармана широкихъ шароваръ книжку, принялся писать крупнымъ торопливымъ почеркомъ:

„Холмъ занялъ. Непріятеля не видно. По первой стрѣльбѣ со стороны японцевъ—буду отвѣчать, о чемъ немедленно донесу. Капитанъ Син...“—фамилію я не могъ разобрать.

Запечатавъ это въ маленькій конвертъ дикаго волокнистаго цвѣта и назначивъ „перемѣнный аллюръ“, онъ обратился ко мнѣ:

— Темно... Кое-какъ нацарапалъ... Но вотъ вамъ цидулка, снарядите гонца какого побойчѣе. Вица нѣтъ ли?..

— Къ кому?—спросилъ я, стараясь прочесть адресъ.

— Къ начальнику дивизіи.

— Отлично.—И съ этимъ я отправился ко взводу.

Наладивъ донесенье, я не вернулся къ капитану, а остался внизу, заглядѣвшись на горы, обступившія насъ черными зубцами со всѣхъ сторонъ...

Совсѣмъ потемнѣло. Обильная роса умыла зелень на ночь, и послѣдній вѣтерокъ шаловливо пошелестѣлъ листвою молодыхъ дубковъ, баюкая ихъ теплымъ шопотомъ ночи, словно ласкающей матери, пошелестѣлъ и смолкъ. Въ послѣдній разъ далеко на бивакахъ вьючные ослы попеременно пропѣли свои неутѣшныя однообразно-разнообразныя пѣсни, и эхо ихъ взревѣло въ горахъ. Луна еще не всходила, но небо въ ея сторонѣ было темное,

багровое; точно по немъ только-что провели густые мазки какой-то огромной кистью, которую предварительно окунули въ кровь всѣхъ перераненныхъ здѣсь, и впечатлѣніе отъ этой картины было красивое, трогательное, торжественно-печальное.

Внизу свѣтился ручей. Въ кустахъ серебрились стремена порознь бродившихъ лошадей, и выше, на холмѣ, сверкали штыки залегшей въ цѣпь пѣхоты. Настала тишина и отдыхъ. Вотъ что-то далеко раскатилось, и чуткое эхо отгрянуло въ горахъ. Потомъ послышалась съ биваковъ музыка, едва слышная, проиграла „на молитву“, и мотивъ ея, чудилось, долго искалъ *чего-то*, тоскуя жалобно въ далекихъ затихнувшихъ лощинахъ. Затѣмъ онъ стихъ, и гдѣ-то очень далеко протяжно запѣли:

— „Царю Небесны-ый!“—началъ тамъ кто-то, и остальные подхватили хоромъ:—„У-тѣ-ши-те-лю...“

И дружные, едва внятные голоса молящихся разнеслись по окрестности и полились въ молчаливое пространство темнаго, сосредоточенно-серьезнаго неба; и чувство, очень похожее на то, которое посѣщаетъ одержимыхъ ностальгіею, на секунду дохнуло холодкомъ въ грудь.

— Что вы здѣсь дѣлаете?—услышалъ я вдругъ возлѣ себя голосъ капитана.

— Да, вотъ, слушаю.

— Такъ, такъ, такъ...—пробормоталъ онъ и вздохнулъ.— Музыка на меня производитъ сладкое, утомляющее дѣйствіе, ажъ глаза слипаются... Что это?—продолжалъ онъ тихо, протирая ладонями глаза и улыбаясь:—Однако, у япошей подъ носомъ и поютъ—этого не понимаю я. Впрочемъ, япоши—народъ хитрый: ихъ здѣсь очень мало. Всѣ—или вправо, или влѣво подались... Мы огонь, мое почтенье, сосредоточимъ на центрѣ, а они... они... ха-ха-ха-ха! Намъ въ тылъ упрутся!

Немного помолчали, послушали.

— А завтра бой будетъ. Непремѣнно будетъ... Съ разсвѣтомъ, пожалуй... Япоши такъ всегда начинаютъ. Мои сегодня бѣлыя рубахи надѣвали. Да-съ, завтра „ломайло“ [1]) и...,—глухо проговорилъ капитанъ.

— А можетъ быть и выиграемъ?!

— Какъ разъ! Но... я вижу, вы что-то грустный, ась? Побаиваетесь, что-ли?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я просто, и мнѣ вдругъ захотѣлось высказать глубокомысліе; я сказалъ:—Ничего я такъ не боюсь,

---

[1]) Русское слово, перековерканное туземцами.

какъ страсти, господинъ капитанъ. Ей Богу! Она увлекательна, красива, я люблю ее и все, что хотите тамъ... Но для меня она—не счастіе, а гибель. И чаще я холоденъ, тихъ и задумчивъ. Да и лучше: сердце ровнѣе бьется.

Я сказалъ именно такъ, и самъ не зналъ, для чего сказалъ. Тотъ не отвѣтилъ.

Опять помолчали.

— А я сюда покурить спустился. И какая, надо вамъ сказать, дрянь этотъ табакъ маньчжурка; прямо-таки уму помраченье. Сейчасъ мнѣ фельдфебель махорочки далъ—такъ просто прелесть, знаете ли. Блаженство-съ!

И съ этими словами онъ отошелъ, а черезъ минуту до моего уха долетѣлъ его взволнованный, кого-то распекавшій басъ:

— Эй, умная головка! Ишь, выдумалъ что!.. Винтовку разобрать... Фельдфебель! Гдѣ фельдфебель? Подать фельдфебеля!.. Фельдфебель, ты что же это, а? На именинахъ что-ли? Смотри ты... Хорошъ соколъ-то, а?

Прошло пять—десять минутъ, и все кругомъ затихло. Лишь устало пофыркивали лошади, да кое-кто протяжно зѣвалъ... Ночь замѣтно свѣжѣла.

Въ воздухѣ уже тянуло по осеннему; перестали по ночамъ пахнуть травы и не трещатъ взапуски кузнечики, а на разсвѣтѣ, поднявшись высоко надъ войсками, тянутся съ гиканьемъ къ югу дикіе гуси. Осень, осень и осень... Сыро ночью и днемъ, и вся Манчжурія, какъ оскорбленная невѣста, плачетъ слезами росы.

А дома, вѣроятно, давно надъ садомъ, одичалымъ и потускнѣвшимъ, пролетаютъ, каркая, одинокіе грачи.

— Тоска-а! Тоска-а! — кричатъ они протяжно. А „листья желтые, иронія судьбы моей, насмѣшка“, шумно шуршатъ подъ шагами. Надъ моремъ—туманъ. На пристани кричитъ сирена. Братъ-гимназистъ выходитъ въ садъ, съ латинскою книжкою въ рукахъ, должно быть задумчивый и грустный,—тамъ сердито и зло онъ долбитъ Цезаря:

— „Gallia divisa est in partes tres“...

Долбитъ и ходитъ взадъ и впередъ.

Вотъ изъ дома волною пробѣжала струна віолончели, пробѣжала и смолкла. И снова побѣжала, ровная, прямая, чистая, похожая на голосъ человѣка. „Къ намъ, къ намъ!“ — звали звуки: „Тебя мы любимъ, тебя мы ждемъ!“

Я прилегъ на землю и крѣпко задумался.

Скоро мнѣ начало казаться, что все то, что окружаетъ меня—

горы, ручей, темныя фигуры людей въ цѣпи и кружокъ луны—все занято какимъ-то широкимъ, неизмѣримымъ вопросомъ, отъ котораго мнѣ дѣлалось холодно. Этотъ вопросъ казался настолько значительнымъ и важнымъ, что почему-то ничего не было мудренаго въ томъ, что надъ нимъ простерлось высокое небо, глядѣвшее глубиною, любовью, равенствомъ. И чѣмъ глубже и молчаливѣе все окружающее, тихое, окутанное темнымъ плащомъ ночи, погружалось въ этотъ *странно-родственный* природѣ вопросъ, тѣмъ больше задумывался я, тѣмъ труднѣе отгадывалъ его, тѣмъ холоднѣе становилось мнѣ. Не знаю, что было это — холодъ ли осени, полусонъ, или похожія, родственныя настроенія людей, сообщившіяся другъ-дружкѣ въ способствующей этому обстановкѣ и тишинѣ и слившіяся въ какую-то громадную сумму неразгаданныхъ интересныхъ настроеній,—мнѣ ли было судить? Дремота начала щекотать мнѣ вѣки и губы. Я сталъ дремать и чувствовалъ холодъ сквозь дрему.

А то—вдругъ чудилось, что на горѣ противъ меня начинали копошиться темныя палочки людей, какъ тусклый отсвѣтъ того важнаго вопроса, что люди, которые у меня за спиною въ цѣпи, вовсе не догадываются про тонкую штуку этихъ темныхъ палочекъ; я начиналъ думать, что это японскій „секретъ", и страшно мнѣ становилось отъ той мысли, что они почему-то видятъ только меня одного съ моимъ похолодѣвшимъ, отдѣлившимся отъ чего-то одиночествомъ мыслей, и мнѣ неудержимо хотѣлось идти къ капитану и умолять его дать по секрету хоть одинъ залпъ.

Послѣ того, уже сквозь сонъ, я услыхалъ, какъ въ цѣпи стали выбивать дружными палками большой тяжелый коверъ и какъ далеко за цѣпью нехотя раздирали огромную шолковую матерію, и тонкій свистъ, очень похожій на свистъ налетавшаго вальдшнепа, проносился высоко надъ головою.

Къ этому времени мнѣ сдѣлалось такъ тепло, нестрашно и хорошо, что я подумалъ:

„Пусть стрѣляютъ—буду себѣ спать".

И я видѣлъ, какъ, немного погодя, размахивая руками и натыкаясь въ полутьмѣ на кочки, мимо меня прошелъ капитанъ, который голосомъ, очень похожимъ на жизнь, на дѣйствительность (такъ почему-то мнѣ показалось), громко прокричалъ:

— Рѣже, ребята! Да, смотри, головъ не высовывай!

Мнѣ и вѣрить не хотѣлось въ то, что начали стрѣлять, чтобы убивать,—такъ мнѣ было хорошо и такъ все кругомъ чудилось маленькимъ, миніатюрнымъ въ сравненіи съ тѣмъ широкимъ и теплымъ, что обнимало меня. И если капитанъ, размахивая ру-

ками и предостерегая людей — былъ правъ, если братъ сердито долбилъ Цезаря и былъ тоже правъ, и все было право и хорошо..?

И мысль оборвалась и перелетѣла въ сонъ...

Когда я вдругъ проснулся и вскочилъ на ноги, востокъ алѣлъ. Рота молчала и шолковой матеріи не разрывали, а зато по линіямъ позицій метались огоньки и однотонно гоготали пушки. Земля такъ тряслась, что будто подъ нею всѣ—сколько ни было тамъ чертей—откалывали какой-то дьявольскій танецъ. Шимозы захлебывались воздухомъ, который разбѣгался отъ нихъ и что-то бормоталъ невнятное. Однѣ изъ нихъ пѣли на *о* — „о-о-о", другія—на *у*—„у-у-у", а то такъ: „оу-у-у", но всѣ, точно сговорившись, ложились только влѣво, то тамъ, то сямъ хлопая и вздымаясь оранжевыми снопами дыма. Нѣкоторыя батареи уже пристрѣлялись и сыпали залпами, почти безпрерывно:

Бу-бу-бу-бу... Бу-бу-бу-бу...

Да! Да! Да! Да!—отвѣчали наши назойливо и задорно.

Было и весело, и жутко.

Драгуны не спали. Я пошелъ къ цѣпи. Тамъ меня встрѣтилъ капитанъ.

— Что, батенька? Хороша пѣсня-то, а?—обратился онъ ко мнѣ: — Каково засмаливаютъ, подлецы? Просто слушать любо! Послушайте-ка! Довольно удачно посылаемъ гостинцы. Лупимъ... Они, ей Богу, хуже.

На всѣхъ лицахъ тутъ было написано что-то одно: какое-то нѣмое согласіе, нѣмое до тупости во всѣхъ выраженіяхъ, со всѣмъ происходившимъ вокругъ. Всѣ были закутаны сами собою, словно дырявыми балахонами, со множествомъ сквозившихъ, недосказанныхъ пробѣловъ... Вой гранатъ былъ отвратителенъ, однотоненъ, почти усыпляющъ. Когда ссыпали намъ снаряды японцы, капитанъ бормоталъ имъ въ тонъ угрюмо и тихо:

— Ой-ой-ой-ой... Ой-ой-ой-ой...

А когда подзадоривали наши, онъ оживлялся и поддакивалъ:

— Бей! Бей! Бей! Бей! Чтобъ ему...

— Смотрите-ка, смотрите-ка! — показалъ мнѣ вдругъ капитанъ, кивнувъ головою влѣво, куда глядѣлъ. Но я уже видѣлъ. Снаряды стали падать ближе, ближе и подбирались къ намъ. Обстрѣлъ пошелъ „площадью".

— Отведите своихъ лошадей въ лощину! — крикнулъ онъ мнѣ и покраснѣлъ.

Я поторопился внизъ. Помню, какое чувство тутъ охватило меня, какъ поскакалъ я внизъ съ мотивомъ „Риголетто" изъ второго акта, выдѣлывая на ходу ногами антраша и напѣвая:

— Ла-ла! Ла-ла! Ла-ла!..

И тутъ-то я впервые понялъ, какіе интересные жизненные уголки души умѣетъ въ человѣкѣ тревожить бой!..

Когда, исполнивъ свое дѣло, я возвращался въ цѣпь, то у дубовъ встрѣтилъ капитана. Два солдата—одинъ озабоченнаго, дѣлового, другой растеряннаго вида—вели его подъ руки; онъ заплеталъ ногами и шатался. Фельдшеръ, въ желтыхъ сапогахъ, съ сумкою черезъ плечо, быстро шелъ позади и торопливо разматывалъ бинты. Грудь, животъ и лицо капитана, желтое отъ ядовитыхъ газовъ шимозы — дѣлали страшныя судорожныя движенія.

— Оды... Одышка, сволочь! Это упалъ я... Пройдетъ... Сейчасъ, ребята... Упалъ я... — бормоталъ онъ и подкидывалъ глаза къ небу.

Но тутъ не „одышка“ и не „упалъ“... На его пояснинцѣ, поближе къ правому боку, была сильно, въ клочки и ленточки изодрана рубаха, все слиплось и перемѣшалось въ крови, которая обильно стекала по шароварамъ. Вотъ онъ уперся въ землю слабыми ногами, помоталъ головою, точно отдѣлываясь отъ непріятныхъ мыслей, и, сдѣлавъ еще два-три конвульсивныхъ движенія, слабо застоналъ и сталъ грузно опускаться на землю. Ему помогли, и солдатскія руки тотчасъ же осторожно отстранились. Подошелъ фельдшеръ и опустился передъ нимъ на колѣна. Но тотъ вздохнулъ, началъ быстро-быстро-быстро чернѣть и вытянулся.

— Царство небесное! — сказалъ фельдшеръ и поднялся на ноги.

Побѣжали еще двое. И четыре человѣка поспѣшно и тяжело подняли его съ земли; руки капитана безпомощно свисли, голова клюнулась въ бороду; и всѣ четверо, безпорядочно ступая ногами, понесли трупъ къ носилкамъ.

— Тише... Полегше... Гляди-ка-сь, вонъ кочка...

Я побрелъ за ними. Шелъ, глядѣлъ на капитана, и мнѣ казалось, что онъ умеръ потому только, что его слабая человѣческая воля, постоянно считаясь здѣсь съ новыми и новыми тайниками души, утративъ равновѣсіе, не могла больше служить для человѣка и сдѣлалась первоначальнымъ продуктомъ природы.

Черезъ часъ на помощь ротѣ пришелъ цѣлый баталіонъ, меня же смѣнила казачья сотня генерала Г., и я пробирался шагомъ по лощинѣ, чтобы примкнуть къ своему эскадрону и..., должно быть, отступать. Батареи гремѣли... Солнце глянуло изъ-за горъ и разомъ хлынуло лучами на росистую землю. Розоватыя

тучки лѣниво расплывались, разливая улыбку утра все шире, привѣтливѣе; птицы, прыгая и порхая, спѣшили щебетать о счастьи. Лошади весело встряхивали головами, подковы чмокали по сырой травѣ, солдаты ёжились отъ холода и переговаривались. Тѣло чувствовало здоровье, бодрость, энергію...

Лощина была и глубока, и далека, и живописна. Хотѣлось долго, очень долго ѣхать по ней, ѣхать здѣсь, гдѣ миръ, покой, гдѣ щебетъ птицъ, гдѣ царство утра, ѣхать—и никогда не видать ея конца. И чудилось, что вся моя жизнь укладывалась въ этой зеленой лощинѣ, и та, какая была, и та, что̀ будетъ или течетъ теперь... Но это было не надолго. Я вспомнилъ о капитанѣ, и въ груди шевельнулся какой-то странный, щекочущій комочекъ, шевельнулся и безпокойно закопошился, перемѣшивая страхъ, радость, надежды въ какое-то очень широкое рѣдкое чувство, которое росло, росло, превратилось во что-то большое, душное, грозившее не найти себѣ мѣста въ тѣсномъ помѣщеніи груди... Наконецъ сладкій восторгъ хлынулъ черезъ край, жадно захотѣлось мнѣ вдругъ протянуть свои руки и къ чистому небу, и къ этой лощинѣ, и къ сверкающей росѣ, какъ къ правдивой радости единства, тишины и жизни, но я только подумалъ:

„Какая пытка—чуять жизнь и не жить въ одно и то же время!“

Бу-бу-бу-бу... Бу-бу-бу-бу... — гдѣ-то ссыпали японцы...

А вдали, направо, покачивалось на фонѣ неба маленькое желтенькое пятнышко—величиною съ горошину,—это парилъ нашъ аэростатъ...

II.

Ночью.

Была ночь.

Громадный пассажирскій „компаундъ“, тонко свистя предохранителемъ и пощелкивая взлетающими надъ трубой бѣловатыми клубками пара отъ тормазнаго насоса, стоялъ у платформы небольшой станціи, готовый отойти съ поѣздомъ.

Третій звонокъ только-что пробилъ, и кондуктора спѣшно захлопывали дверцы по вагонамъ.

Помощникъ машиниста, практикантъ - студентъ, молоденькій блондинъ въ засаленной тужуркѣ технолога, уже выглянулъ изъ паровозной будки и, настороживщись, старался поймать оберъ-кондукторскій свистокъ сквозь шипящія захлебыванія инжектора, подававшаго въ котелъ воду.

Машинистъ Меркуловъ, брюзлый, толстый мужчина, съ большой желтой бородой, въ широкихъ штанахъ, запрятанныхъ въ высокіе простые сапоги, сидѣлъ на рессорномъ сидѣньи у „винтового" рычага, сложа на животѣ руки, и съ привычнымъ полусоннымъ хладнокровіемъ ждалъ отправки.

— Свистятъ!—вдругъ, обернувшись, крикнулъ студентъ.

Меркуловъ зашевелился.

— Свистятъ?—переспросилъ онъ и вяло, точно нехотя, потянулся къ рычажку свистка.

И паровозъ, какъ сказочный гигантскій звѣрь, вскрикнулъ короткимъ гудкомъ.

— Второй! — крикнулъ студентъ и бросился къ вентелю отъ нефти, держа въ рукахъ клочокъ бумажки разрѣшительной депеши.

Громкій жалобный гудокъ прорѣзалъ ночную темноту, оборвался, смолкъ и полетѣлъ эхомъ куда-то въ поля.

Меркуловъ всталъ; расшатанной, тяжелой походкой онъ подошелъ къ регулятору, обѣими руками ухватился за него, поналегъ и сдвинулъ. Компаундъ, сотрясаясь всей махиной грузнаго, гигантскаго тѣла, медленно подался впередъ и черезъ полминуты вздохнулъ, выбрасывая изъ трубы снопъ пара. За вздохомъ раздался еще вздохъ, могучѣе и сильнѣе перваго, потомъ еще и еще, и, колыхаясь по рельсамъ, гремя колесами, шипя и клокоча, локомотивъ потащилъ тяжелый поѣздъ. Коричневые, синіе и зеленые, отполированные вагоны медленно поплыли во тьму...

— Пошли-поѣхали!—весело крикнулъ студентъ.

— Въ полночь по петербургскому на „Колыванцево" приходимъ! — дребезжащимъ теноромъ заявилъ Меркуловъ, силясь перекричать паровозный шумъ:—Два пролета осталось...

Справа и слѣва замелькали бѣлые и зеленые огни стрѣлокъ, но вотъ заскрипѣли рельсы послѣдней изъ нихъ,—и ничего не стало видно по сторонамъ, а въ будку, слабо освѣщенную двумя тусклыми фонарями, потянуло чувствительной прохладой ночи.

— Мы съ маленькимъ опозданіемъ,—закричалъ машинистъ,— „Цыбульская" задержала!

— Какъ?

— Опоздали на четверть часа!

— Ничего я не слышу!

— Тьфу!

— Правый бы крейцкопфъ подтянуть!..

Меркуловъ широко открылъ глаза.

— А шутъ ихъ знаетъ!—махнувъ рукою, крикнулъ онъ недовольно.

— Правый бы крейцкопфъ подвинтить!—повторилъ студентъ громче.

— А—а! Вишь, оно что! Вы про Ивана, а я про Петра. Думалъ, что о начальствѣ спрашиваете. Сзади ѣдутъ... Вѣрно, на „Провалѣ" мы имъ пропускъ дадимъ. Пообождемъ, что дѣлать...

Но студентъ не разслышалъ и, вытирая руки сальнымъ пучкомъ нитяныхъ волоконъ, впился глазами въ переднее окно будки, гдѣ за огромнымъ чернымъ котломъ, уходя въ пасть ночи, блестѣли двѣ нити рельсовъ подъ яркимъ освѣщеніемъ рефлектора.

Черезъ нѣсколько минутъ Меркуловъ перевелъ рычагъ на одинъ зубецъ ниже, и студентъ, слегка пошатываясь на непокойномъ полу будки, подошелъ изъ любопытства къ прибору, устроенному надъ головою машиниста. Стрѣлка того показывала „43 версты въ часъ".

— Засмаливай!—воскликнулъ студентъ съ открытой простотой рабочаго человѣка.

— На этомъ мѣстѣ шибко ходимъ!—отвѣтилъ другой.

Студентъ потрогалъ рычажокъ свистка.

— Громкій ревунъ!—замѣтилъ онъ.

Сильно запахло водою, мимо мелькнулъ огонекъ, и тотчасъ же подъ паровозомъ задребезжало желѣзо, а по сторонамъ будки замахали мостовыя переборки, сквозь которыя виднѣлась свѣтлая рѣка съ черными берегами и одинокимъ челнокомъ, привязаннымъ по серединѣ... Но не прошло и минуты, какъ поѣздъ снова мчался среди тьмы, моргая по насыпи кровавымъ свѣтомъ поддувала.

— Грѣшнымъ дѣломъ, на „Колыванцево" рюмочку хочу пропустить!—рѣзко задребезжалъ Меркуловъ:—Что-й-то холодновато?!

— Животу тепло, а спинѣ холодно!—отвѣтилъ машинально помощникъ и началъ открывать инжекторъ, а машинистъ склонился головой къ рычагу и, покачиваясь всей фигурой въ тактъ ходу сотрясавшагося поѣзда, сталъ дремать.

Затѣмъ студентъ, крѣпко держась обѣими руками, выглянулъ изъ будки на поѣздъ. Свѣжій вѣтеръ мгновенно охватилъ его, донося сыроватый запахъ ночи. Онъ только и увидѣлъ свѣтлыя окна вагоновъ на черномъ скатѣ насыпи.

Полною грудью онъ втянулъ воздухъ и запѣлъ съ душою:

Ахъ, ты, но-о-чушка!

Но сейчасъ же и смолкъ, едва услыхавъ свой голосъ, который заглушалъ паровозный стукъ.

— Илья Степанычъ!—съ тоскою въ голосѣ крикнулъ онъ:—полно вамъ, душенька, спать-то!

Меркуловъ пожевалъ губами, клюнулъ головою, постепенно выпрямился и открылъ глаза, упираясь ими въ своего помощника.

— Я говорю, будетъ вамъ дремать!—громко повторилъ студентъ, подходя къ Меркулову.—Ночь-то, ночь-то какая?! Вы только поглядите! И въ такую ночь вдругъ спать?!

Меркуловъ сладко зѣвнулъ.

— На мѣсто пріѣдемъ въ девять двадцать,—сказалъ онъ, потягиваясь:—покуда отцѣпимся, да покуда въ депо станемъ... тамъ то, да сё—анъ и всѣ одиннадцать... Жена на именины потянетъ. Тутъ бы спать, а тутъ именины!

— Вѣдь, все равно, не выспитесь... А ночь-то, ночь-то! Удивительная ночь! Весенняя, прохладная, съ запахомъ поля...

Но тотъ опять зѣвнулъ.

— Что мнѣ до нея!..—сказалъ онъ.

— Ничего-то вы не понимаете, Илья Степанычъ!

— Тутъ и понимать нечего. Вы—молодой, румянецъ во всю щеку, теперь весна, а я — почти старикъ, женатый, дѣтишки... У васъ все впереди, а мнѣ—день прошелъ и слава Богу.

— Пустите-ка, здѣсь уклонъ восьмитысячный!.. — добавилъ дѣловито онъ. Профиль пути Меркуловъ зналъ на память.

Тяжело поднявшись съ сидѣнья, онъ перегнулся къ регулятору, заперъ паръ, потомъ медленно спустилъ рычагъ и далъ свистокъ.

Безъ паровъ паровозъ помчался мягко, безъ излишнихъ вздрагиваній и толчковъ, развивая все больше и больше свою скорость.

— Шестьдесятъ идемъ! Закатывай!—повеселѣлъ Меркуловъ.

Студентъ словно обрадовался его голосу, приблизился къ нему и пріятельски хлопнулъ его по плечу.

— Ни эта ночь, ни этотъ компаундъ, ни вся жизнь — безъ женщины, по моему, не полна, голубчикъ, Илья Степанычъ!

— Ха-ха-ха-ха! — сухо засмѣялся Меркуловъ, взглядывая мелькомъ на путь.

— Серьезно!—продолжалъ тотъ.

— А я гляжу, вотъ, и думаю, что вы влюблены. А? Или нѣтъ?

— Да не о томъ! — топнулъ ногою студентъ, строя плаксивую гримасу.

— О бабѣ же? О чемъ же больше?

— Посмотрите, посмотрите!—закричалъ оживленно студентъ, показывая пальцемъ въ сторону.

— Что жъ тамъ ?

— Молодой мѣсяцъ!

— Вотъ ерунда!..—замѣтилъ Меркуловъ.

— Красиво-то какъ!—воскликнулъ студентъ и высунулъ голову изъ будки.

Вѣтеръ зашумѣлъ у него въ ушахъ и донесъ случайно пощелкиванiе соловья и запахъ молодого дуба. При всходѣ мѣсяца было еще темно, но можно было различить какую-то спящую деревушку, озеро со спящею зеркальною водою, кустарникъ и деревья, разбросанныя въ немъ по одиночкѣ.

Поѣздъ несся, разсѣкая воздухъ и далеко оглашая трескомъ окрестность.

— Соловьи слышны, Илья Степанычъ!—удивился студентъ.

— Пусть ихъ себѣ... Это „пулькаютъ“ и „раскатываются“... Знаю ихъ...

Студентъ быстро скинулъ съ себя тужурку и бросилъ ее въ тендеръ, и та, падая, попала на какiя-то жестянки. Вѣтеръ ворвался въ распахнутый воротъ его тонкой рубашки и затеребилъ ее, охвативъ холодомъ тѣло.

Ахъ, ты, но-о-чушка!

—запѣлъ студентъ, и на этотъ разъ его голосъ оказался слышнѣе.

Онъ пѣлъ, экспромптомъ подбирая слова, и трудно было разобраться въ напѣвѣ: онъ то просилъ у этой неподвижной, весенней ночи, то томила она его невыразимою тоскою, то радовался онъ вдругъ, вспыхивая какою-то надеждою.

— Хорошо!—похвалилъ Меркуловъ, открывая паръ.—У васъ голосъ сильный и слухъ есть!

Тотъ не разслышалъ, но, повидимому, расчувствовался и, подойдя къ Меркулову, заговорилъ ему надъ ухомъ:

— Эхъ, Илья Степанычъ! Милый вы мой да хорошiй! Опять весна: смѣется солнце, съ луговъ насмѣшливо киваютъ первые цвѣты, а я одинъ, одинъ какъ палецъ. Нѣтъ у меня ни родныхъ, ни постояннаго угла. А силы-то, силы-то набралось, молодой, жизненной, увлекательной—такъ, вотъ, кажется, сталъ бы на пути и грудью цѣлый поѣздъ встрѣтилъ! Вы вотъ посмѣиваетесь, глядя на меня, а я вамъ всю правду выкладываю... У нашего начальника депо Закомель-Коврецкаго дочь есть... Можетъ быть, знаете?

— Знать—знаю и, признаться, про васъ кое-что слышалъ. Что-жъ? Молода, богата и вдобавокъ хорошенькая. И вы...— далѣе заикнулся было Меркуловъ.

Но тотъ перебилъ:

— Постойте, постойте, я не влюбленъ...

— Ну, такъ влюбитесь!

— Ахъ, не забѣгайте впередъ, Илья Степанычъ!

— Ха-ха-ха-ха! Ну, я слушаю.

И студентъ, подъ честнымъ словомъ не выдавать его секрета, сталъ разсказывать, съ оттѣнкомъ таинственности въ глазахъ, какъ годъ назадъ, когда она была еще шестнадцатилѣтнею гимназисткою, онъ случайно встрѣтилъ ее гдѣ-то „на группахъ“ quasi-матроной въ кричащихъ нарядахъ и окруженною студентами, офицерами и гимназистами; потомъ подробно описалъ его знакомство съ нею; съ замѣтной ноткой разочарованья повѣствовалъ о томъ, что она оказалась взбалмошною, капризною, совсѣмъ не соотвѣтствовавшею его вкусамъ...

— Представьте вы себѣ дѣвочку, почти ребенка,—говорилъ онъ съ грустнымъ смѣхомъ,—ребенка, да, который выслушиваетъ цѣлые монологи любви и отвѣчаетъ на нихъ не иначе, какъ со звонкимъ смѣхомъ: „Да, не можетъ быть?!“ или: „Возможно-ль?!“ Представьте же эту самую дѣвочку, какъ она вдругъ, выпятивъ нижнюю губку и топнувъ ножкой, повелѣваетъ: „Нюся хочетъ!“ или: „Нюся не хочетъ!“

Далѣе онъ говорилъ, что подъ видомъ ухаживанія за нею рѣшилъ на нее *повліять*. И когда послѣ длиннаго года преслѣдованій ея, онъ, со свойственной его лѣтамъ горячностью, наконецъ ей доказалъ, что истинная женщина должна мужчину захватывать страстью сразу, что женщина—тормазъ прогресса, что онъ, мужчина, разлюбитъ ее раньше ровно настолько, насколько позже она будетъ его, что, наконецъ, правъ и славенъ Исаія, озаривъ ее свѣтомъ текста: „будетъ время—семь женщинъ ухватятся за одного мужчину и скажутъ: мы свой хлѣбъ будемъ ѣсть и свою одежду носить, только сними позоръ нашъ!“—и тутъ-то она отдалась ему...

А дальше? Дальше Меркуловъ все зналъ самъ. Онъ зналъ, что на станціи N., гдѣ ихъ депо, Нюся со слезами на глазахъ глядитъ на компаундъ и на его помощника всякій разъ, какъ только отходитъ ихъ поѣздъ. Зналъ, что она всегда машетъ платкомъ уплывающимъ вдаль отъ нея вагонамъ; что записочки, которыя приноситъ студенту горничная—отъ нея, и всѣ переполнены самыми нѣжными ласками любви. Часто на отдыхѣ теп-

лыми темными вечерами передъ весною, хорошенечко отоспавшись и выкупавшись, Меркуловъ выходилъ побродить около депо, подышать воздухомъ, и когда въ это время ему случалось проходить мимо садика начальника — до него доносился шорохъ платья и голосъ студента, а съ недѣлю назадъ онъ слышалъ тамъ же:

— Ну, бѣленькій, ну, нехорошій, ахъ, невозможный мой!— съ невыразимой грустью говорила Нюся:—Ты совсѣмъ пересталъ любить свою маленькую крошку. Теперь весна—о, и такъ еще хочется пожить!.. Скажи, желанный: ты съ нею холоденъ, задумчивъ, страненъ... Ты такъ далекъ отъ ея малюсенькаго счастья! Ты слышишь?... Папа хочетъ просить, умолять тебя, чтобъ ты женился...

— Какая скука!—отвѣчалъ тотъ:—Ахъ, какая скука!

Много было у Меркулова практикантовъ. Въ прошломъ году были X. и Д., въ нынѣшнемъ—А., а въ будущемъ ужъ, вѣроятно, какого-нибудь еще навяжутъ. Всѣ они—люди образованные, интересные, общительные... X — подавалъ проектъ горнаго паровоза, Д—развивалъ идею соціализма, и все это было просто и понятно, а этотъ...

„Почему этотъ не женится?"—Да, это былъ первый и животрепещущій вопросъ, волновавшій Меркулова за все его время знакомства съ практикантами. И вопросъ этотъ тѣмъ болѣе осложнялся въ его умѣ, чѣмъ болѣе она, т.-е. Нюся, казалась въ его глазахъ красивой, богатой, воспитанной, а онъ—обыкновеннымъ бѣднякомъ-студентомъ...

Меркуловъ вдругъ встрепенулся. Онъ всталъ и захлопнулъ регуляторъ.

— Пропала моя водка!—сказалъ онъ угрюмо.—Не пуститъ насъ мимо „Провалъ". Ждать начальства будемъ...

Потомъ медленно спустилъ рычагъ и взялся рукою за свистокъ.

И протяжный вой ревуна заглушилъ слова студента, который все еще продолжалъ говорить.

Впереди въ потемкахъ виднѣлись огни станціи, и мимо съ жужжаньемъ мелькнулъ дискъ.

— ...Еслибы мы, какъ птицы, или какъ звѣри, были свободны въ любви...—врывался голосъ студента, заглушаемый шумомъ паровоза.

Машинистъ взялся за тормазной кранъ Вестингауза, и сильное шипѣнье воздуха, двинувшагося изъ-подъ вагоновъ по трубѣ, окончательно заглушило студента.

Меркуловъ же глядѣлъ въ окошко на мерцавшіе впереди огоньки, думалъ о „Колыванцево“, о томъ, что выпьетъ тамъ рюмку водки, и, все-таки, не понималъ: почему студентъ не женится.

А поѣздъ, гремя по рельсамъ, колыхаясь и шумя, несся къ станціи, прорѣзывая воздухъ мощной грудью компаунда.

А. С. Полянскій.

ПО ПУТИ
ВЪ
КИТАЙ

Замѣтки и личныя наблюденія.

Въ апрѣлѣ прошедшаго года я началъ свой обратный путь въ Китай изъ Генуи, гдѣ я сѣлъ на пароходъ „Roon", принадлежащій Обществу „Norddeutscher Lloyd" и совершающій регулярные рейсы на Дальній Востокъ, начиная отъ Бремена до Токіо, съ заходомъ по пути въ разные европейскіе и азіатскіе города. Такимъ образомъ, этотъ пароходъ заѣхалъ и въ Геную, гдѣ я и ждалъ его прибытія.—Несмотря на то, что я не пользовался имъ отъ Бремена и до Генуи, съ меня взяли ту же цѣну, какъ еслибы я выѣхалъ изъ Бремена, а цѣна переѣзда въ Японію довольно значительна: въ I-мъ классѣ 1.250 и во II-мъ 850 марокъ—отъ Бремена и до Токіо, безразлично, какъ я сказалъ, садитесь ли вы на пароходъ въ Бременѣ, или въ какомъ-нибудь другомъ европейскомъ пунктѣ, а также выйдете ли вы въ Токіо, или, не доѣзжая до него, высадитесь въ какомъ-нибудь другомъ, болѣе близкомъ азіатскомъ пунктѣ.

Совершивъ путь вдоль береговъ Италіи съ новыми заѣздами, нашъ пароходъ направился къ Красному морю и утромъ 6 апрѣля вошелъ въ восточный рогъ его залива.

По обѣимъ сторонамъ этого узкаго залива рѣзко въ синевѣ жгучаго воздуха выдѣлялись цѣпи красныхъ скалистыхъ, лишенныхъ всякой растительности, горъ, прибрежныхъ желто-цвѣтныхъ

песчаныхъ холмовъ и бугровъ; безконечною лентой тянулась вдоль безплодная, безлюдная, однообразная желто-песчаная береговая полоса.

Одно мѣсто этой береговой полосы, гдѣ среди холмовъ африканскаго берега выступаетъ широкая солончаковая долина, любители фантазировать пріурочиваютъ къ мѣсту перехода евреевъ чрезъ Красное море... Странное чувство, однако, пробудила эта унылая, жгучая, одинокая мѣстность. Она вызывала изъ глубины души знакомые образы, давнія впечатлѣнія и воспоминанія, связанныя съ временемъ дѣтства.

Вставали въ памяти школьные годы, вспоминались ушедшіе уже навсегда люди, оживали въ яркой окраскѣ библейскія сцены...

Весь день 6-го апрѣля мы шли въ берегахъ Синайскаго полуострова, а къ вечеру сталъ рисоваться въ лучахъ заходящаго солнца Синайскій хребетъ и выглядывавшая изъ-за него вершина великой Синайской горы. Въ падавшихъ на нее косыхъ лучахъ солнца вершина Синая казалась прозрачной.

Синай! Ты далъ человѣчеству, при грохотѣ громовыхъ раскатовъ и ослѣпительномъ сверканіи молній, законы братской любви и правды, но владыки міра сего обратили твои завѣты въ пустой звукъ, замѣнивъ ихъ созданіемъ своихъ беззаконій.

Ты стоишь нынѣ, Синай, молчаливый и угрюмый, ты не призываешь отмщенія на главы осквернителей твоихъ завѣтовъ и поруганныхъ святынь. Ты знаешь, что нечестивцы приготовили сами себѣ своими руками отмщеніе за низверженіе данныхъ тобою заповѣдей!..

Войдя въ Красное море, большинство путниковъ думало найти и красный цвѣтъ воды, который объяснилъ бы наименованіе моря; — но цвѣтъ воды въ массѣ своей былъ темносиній, съ особымъ прицвѣтомъ, и только внимательно приглядываясь къ пѣнѣ и брызгамъ разбивавшихся волнъ, можно было ясно различить лежавшій на нихъ темнокрасный, чермный отцвѣтъ.

Этотъ отцвѣтъ замѣчался только въ предѣлахъ береговъ. Когда же мы вышли въ открытое море, то цвѣтъ воды сталъ совершенно чистый темносиній.

I.

Въ Красномъ морѣ мы узнали и знойные дни, и особенно тяжкія, знойныя, душныя ночи.

Днемъ жгучій зной еще хоть немного умѣрялся утреннимъ

и вечернимъ вѣтеркомъ, но ночи были безъ всякаго движенія воздуха. Раскаленная, душная ночь висѣла неподвижно надъ бѣдными людьми, обливавшимися пòтомъ и метавшимися безпомощно на своихъ узкихъ койкахъ.

Электрическіе вѣера мало помогали, охлаждая воздухъ лишь на очень ограниченномъ пространствѣ каюты.

Переходъ черезъ Красное море довольно скученъ, однообразенъ и тяжелъ. Единственное развлеченіе, которое хоть на время отвлекало отъ вялой бездѣятельности, это были стада летающихъ рыбокъ, вспугиваемыхъ пароходомъ; онѣ бросались въ разсыпную и сверкали на солнцѣ своими серебристыми спинками.

Въ полдень 7-го апрѣля показались снова скалистые берега, мѣстами красиво очерченные, мѣстами покрытые яркой зеленой растительностью, мѣстами совершенно голые.

На вершинахъ ихъ бѣлѣли маяки.

Мы вошли въ Баб-эль-Мандебскій проливъ.

Близость земли, близость Адена, надежда на возможность сойти на берегъ, увѣренность въ болѣе свѣжей температурѣ, которую даетъ Индійскій океанъ, заставили всѣхъ развеселиться.

Вооружась биноклями, мы разсматривали берега и особенно интересовались разглядѣть скалистый Перимъ, ключъ въ рукахъ англичанъ для пропуска въ Индійскій океанъ изъ Краснаго моря. Перимъ, въ настоящее время сильная англійская крѣпость, имѣетъ свою поучительную исторію.

При входѣ въ Индійскій океанъ англичане уже владѣли съ 1839 года торговымъ пунктомъ Аденомъ, который они мало-помалу также обращали въ крѣпость. Въ Аденѣ жилъ комендантъ. Случилось, что военная французская канонерка зашла въ 1857 году въ Аденъ. Англичанинъ-комендантъ былъ очень заинтересованъ цѣлью прибытія французскаго военнаго судна и такъ радушно наугощалъ французскаго капитана, что тотъ проболтался о назначеніи идти въ Перимъ, на который уже зарились французы.

Комендантъ тотчасъ же пишетъ приказаніе командиру англійской военной лодки „Mahi“ идти немедленно и занять Перимъ. Когда французское военное судно подошло къ Периму, то на его вершинѣ уже развѣвался англійскій флагъ.

Такимъ образомъ, Перимъ и Аденъ въ настоящее время въ рукахъ англичанъ и держатъ ключъ отъ воротъ въ Индійскій океанъ... На рейдъ Адена мы пришли въ шесть часовъ вечера.

Мѣстность тяжелая, унылая. Полукругомъ стоятъ голыя, черныя скалистыя горы и угрюмыя скалы спускаются къ морю.

У подножія ихъ и раскинулся на небольшой площадкѣ Аденъ.

Туземный, арабскій Аденъ состоитъ изъ узенькихъ, тѣсныхъ и довольно грязныхъ улочекъ, упирающихся въ горы, а англійскій—изъ ряда европейскихъ зданій по береговой полосѣ и ряда казармъ, въ которыхъ располагается аденскій гарнизонъ.

Какъ только „Roon" бросилъ якорь, такъ онъ былъ тотчасъ же окруженъ лодками, съ которыхъ продавцы-арабы предлагали свои товары: страусовыя перья, вѣера изъ страусовыхъ перьевъ, яйца страусовъ, рога сернъ, плетеныя корзинки, ожерелья и браслеты изъ ракушекъ, табакъ и папиросы.

Такъ какъ на пароходъ торговцевъ не пускали, то торгъ совершался самымъ первобытнымъ способомъ. Сговорившись въ цѣнѣ, продавецъ клалъ свой товаръ въ корзину, конецъ отъ которой бросалъ покупателю. Тотъ ловилъ веревку и втаскивалъ корзинку съ купленной вещью на пароходъ. Затѣмъ клалъ въ корзинку деньги и спускалъ ее по веревкѣ обратно въ лодку.

Страусовыя перья, боа изъ страусовыхъ перьевъ можно купить не дорого: за дюжину хорошихъ перьевъ нужно заплатить 8—10 руб., за боа—6—8 руб., вѣеръ 2—3 рубля и т. д.

Самъ по себѣ Аденъ есть скучный, угрюмый городъ, и кромѣ своихъ цистернъ, высѣченныхъ въ скалахъ, не имѣетъ никакихъ достопримѣчательностей.

Но и цистерны эти обычно стоятъ пустыя, такъ какъ періодъ дождей бываетъ здѣсь разъ въ пять лѣтъ, и тогда только эти колоссальныя каменныя вмѣстилища наполняются дождевою водою.

Въ Аденѣ поэтому всегда нужда въ водѣ, и вода, доставляемая изъ окрестностей на осликахъ, оплачивается дорого.

Въ туземной части Адена интересно посмотрѣть торговые ряды и торговую площадь. Караваны верблюдовъ, которыхъ нагружаютъ товарами, стада овецъ, типичные старики въ чалмахъ—сирійскіе евреи, арабы, женщины въ покрывалахъ—все уноситъ воображеніе въ даль библейскихъ временъ...

Въ Аденѣ мы простояли ночь и поутру 8-го апрѣля вошли въ Индійскій океанъ.

Исполинъ красавецъ принялъ насъ привѣтливо; дулъ попутный слабый муссонъ, давшій прохладу и отдыхъ послѣ знойныхъ дней и ночей, проведенныхъ въ Красномъ морѣ.

Чудная погода, спокойное море, красота цвѣта воды, напоминавшаго самый чистый густой сапфиръ, стада летающихъ рыбокъ, все это дѣйствовало пріятнымъ, оживляющимъ образомъ на настроеніе духа.

Чаще чѣмъ когда-либо устраивалась на палубѣ партія въ

bull-spiel и shuffle-board, въ которыхъ принимали участіе и дамы. Сущность игры bull-spiel — бычачьей — состоитъ въ слѣдующемъ. На палубѣ кладется большая квадратная доска съ приподнятымъ верхнимъ краемъ. Доска эта раздѣлена вертикально на три ряда клѣтокъ, по четыре клѣтки въ каждомъ рядѣ. Въ крайней верхней клѣткѣ перваго ряда нарисована голова быка, а въ послѣдующихъ клѣткахъ этого ряда написаны цифры 8. 3. 4.

Въ среднемъ ряду въ верхней клѣткѣ поставлена цифра 10, а въ послѣдующихъ клѣткахъ написаны цифры 1. 5. 9. Въ третьемъ ряду въ верхней клѣткѣ нарисована голова барана, а въ послѣдующихъ клѣткахъ — цифры 6. 7. 2. Играютъ и вдвоемъ, и партіями. На руки играющихъ выдается шесть мѣшечковъ, наполненныхъ пескомъ. Каждый играющій бросаетъ свои шесть мѣшечковъ одинъ за другимъ съ разстоянія шести шаговъ отъ доски, стараясь попасть на всѣ цифры послѣдовательно отъ 1 до 10, и затѣмъ на барана и на голову быка. Послѣ этого онъ старается продѣлать то же самое, но только въ обратномъ порядкѣ, т.-е. начинаетъ съ барана, быка и спускается послѣдовательно отъ 10 до 1.

Если въ игрѣ участвуютъ дамы, то мужчины въ складчину покупаютъ какую-нибудь серебряную вещицу и подносятъ выигравшей въ партіи; а если играютъ только мужчины, то играютъ обычно на „дринкъ", т.-е. проигравшая партія угощаетъ выигравшую сода-виски, пивомъ, шампанскимъ, смотря по условію.

Суть игры въ shuffle-board состоитъ въ слѣдующемъ.

На палубѣ мѣломъ рисуется площадка, дѣленная на три ряда, и въ каждомъ ряду по пяти клѣтокъ.

Въ первомъ ряду въ верхней клѣткѣ ставится знакъ +, а въ послѣдующихъ клѣткахъ пишутся цифры 8. 3. 4. Въ нижней клѣткѣ ставится знакъ —.

Въ среднемъ ряду въ клѣткахъ пишутся цифры 10. 1. 5. 9. 10.

Въ третьемъ ряду въ верхней клѣткѣ ставится опять знакъ + и пишутся въ клѣткахъ цифры 6. 7. 2. Въ нижней клѣткѣ ставится снова знакъ —.

Такимъ образомъ, цифра 10 въ верхнемъ ряду стоитъ между двухъ знаковъ +, а въ нижнемъ между двухъ знаковъ —.

Играющимъ дается по длинной лопаточкѣ и по шести дисковъ, окрашенныхъ въ красный и коричневый цвѣтъ.

Съ разстоянія десяти шаговъ каждый играющій старается свой дискъ толкнуть лопаточкой съ такою силою, чтобы онъ остановился на той или другой цифрѣ, которая служитъ счетомъ для

выигрыша. Противникъ старается прежде всего сбить диски съ занятыхъ ими цифръ и самому занять ихъ мѣста.

Если дискъ попадаетъ на + 10, то цифра эта приписывается къ суммѣ выигрыша, а если на — 10, то списывается...

День незамѣтно прошелъ и смѣнился быстро наступившей, безъ сумерекъ, ночью, полной красоты, полной величавой таинственности.

Дивныя ночи въ Индійскомъ океанѣ нельзя забыть: ихъ уносишь съ собою. Уносишь съ собой въ памяти сердца и великій небесный куполъ, заполненный крупными, яркими звѣздами, сверкающими изъ глубины лазури, какъ лампады; уносишь и „Южный Крестъ", свѣтящій такъ мягко и кротко своими небесными очами, уносишь съ собою и полную дивной красоты глубину океана!

Изъ нея, этой полной тайны глубины, тоже вырываются яркія звѣзды, тоже зажигаются и меркнутъ свѣтящіяся лампады. Это—фосфоризація моря.

Глазъ не хочетъ оторваться отъ ея красоты, мысль не хочетъ оставаться на пароходѣ, а уносится въ далекіе тайники ушедшей и прошедшей жизни.

И въ пройденной дали житейскаго моря для каждаго изъ насъ также зажигались и меркли дивныя лампады, горѣвшія небеснымъ огнемъ, дававшія нашей душѣ и свѣтъ, и тепло, и миръ, и любовь, и счастье.

И звѣзды неба, и звѣзды моря, и звѣзды сердца человѣческаго, какъ вы дивно хороши!..

Шесть дней перехода отъ Адена до Коломбо были одной пріятной прогулкой: ни разу сильно не качало, а налетавшіе временами шквалы, приносившіе дождь и вѣтеръ, быстро проходили и оставляли за собой пріятную прохладу.

Всѣ мы одинаково чувствовали и отвѣчали на печальную русскую современность, которую намъ освѣщали фактами изъ жизни недавняго нашего Портъ-Артура и давняго нашего Амурскаго края К. и М.

Ставшій уже достояніемъ исторіи Портъ-Артуръ и вся печальная наша японо-русская война слишкомъ еще колючи для насъ, а потому является понятнымъ, что бесѣды наши касались наичаще нашихъ больныхъ мѣстъ.

— Не было человѣка въ Артурѣ, который бы любилъ или уважалъ Стесселя,—говорилъ К.—Наоборотъ, его всѣ ненавидѣли, кромѣ, конечно, его штаба и родственниковъ, которыхъ онъ отличалъ.

Всегда грубый, всегда нетерпимый, всегда тщеславный и оскорблявшій самолюбіе моряковъ, Стессель не обращалъ никакого вниманія на городъ, никакой не проявилъ заботы о населеніи. Все рѣшалъ самъ, рѣшалъ быстро, руководясь личнымъ своимъ произволомъ.

Прокричали его по газетамъ лишь его штабные и родня, которымъ онъ раздавалъ ордена и деньги.

Вѣдь ни для кого изъ насъ не было секретомъ, что Стессель былъ признанъ вреднымъ для обороны Артура, и было рѣшено объявить Стесселя сумасшедшимъ, чтобы устранить его отъ вліянія на оборону. Одинъ только генер. Смирновъ воспротивился этому.

Только рабской душой, безъидейностью развращеннаго чиновника можно объяснить общую подавленность и молчаніе...

Да, будь во главѣ обороны не Стессель, а другой человѣкъ, и исходъ обороны, и судьба Портъ-Артура были бы другіе!..

— Безобразова я видѣлъ только одинъ разъ у намѣстника Алексѣева, который призвалъ меня къ себѣ по дѣлу Товарищества. Я былъ пораженъ, что намѣстникъ, нашъ портъ-артурскій богъ и царь, раболѣпно улыбался и стоялъ передъ развалившимся въ креслѣ сановитаго вида старикомъ съ большой бородой. Это былъ Безобразовъ...

— Надо правду сказать,—говорилъ М.,—что въ чиновничьихъ кабинетахъ министерствъ не имѣютъ никакого представленія о томъ, что̀ изображаютъ собою современная настоящая Сибирь вообще и въ частности Амурская область. Всѣ повторяютъ затверженный урокъ: природныя богатства Сибири неистощимы. Сибирь, Амурскій край, Уссурійскій край—золотое дно.

Да, они были, эти природныя богатства, сорокъ-пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, но въ настоящее время отъ этихъ богатствъ, кромѣ воспоминанія о ихъ бытіи, ничего, къ сожалѣнію, не осталось.

— Были природные дивные строевые лѣса, были кедровые лѣса, были дубовые лѣса, была лиственица, мачтовый лѣсъ,—но въ настоящее время ничего нѣтъ.

Лѣса истреблены лѣтними пожарами и хищнической вырубкой.

Я помню, когда еще кедровые орѣхи продавались за грошъ, а теперь ихъ не достать.

Я засталъ начало хищничества, когда поселенцы-казаки, чтобы не лазать на кедры, собирать шишки, срубали деревья.

Дубовые лѣса продавали за безцѣнокъ китайцамъ, которые рубили дубы, а на гніющихъ пняхъ разводили древесные грибы,

для сбыта ихъ въ Китай, гдѣ древесный грибъ дорого цѣнится, какъ лакомство.

Было у насъ природное богатство—сибирскій пушной звѣрь, но гдѣ онъ теперь? Гдѣ теперь сибирская бѣлка, гдѣ соболь, гдѣ горностай? Все хищнически выловлено, уничтожено.

Было еще у насъ въ Сибири природное богатство, и оставалось оно до сего дня, никакъ не могли его уничтожить,—это рыба. Но въ настоящее время это природное богатство отдали японцамъ.

— Что̀ ни возьмете, на что̀ ни посмотрите въ Сибири—вездѣ увидите самое ужасное невѣжество, произволъ, чиновничью бездушность и безмысліе. Наше переселенческое дѣло—сколькихъ человѣческихъ жертвъ оно стоило? Сколько было разорено и погибло народу?

А поселеніе корейцевъ, которыхъ начали сманивать обѣщаніемъ всякихъ благъ въ 1868 году?

Вотъ фактъ изъ того времени. Поддались увѣщаніямъ нѣсколько сотъ корейскихъ семей и двинулись въ Пріамурье на новыя земли. Пришли, но никого и ничего не нашли. Послали искать начальство; но начальство совершенно забыло о существованіи корейцевъ, когда они пришли въ предѣлы россійской земли.

Начался среди корейцевъ голодъ, началась смертность, и вотъ разсказъ П., который, проѣзжая по Амуру, увидалъ на берегу, у опушки лѣса сидящихъ семьдесятъ человѣкъ корейцевъ.

П. присталъ къ берегу и спросилъ, что̀ это за люди.

„Пришли умирать“, получается отвѣтъ.

Дѣтей и женщинъ привязали въ лѣсу къ деревьямъ, чтобы не слышно было ихъ мученій.

И только благодаря этой встрѣчѣ П. вспомнили о корейцахъ, пришедшихъ на поселеніе въ Амурскій край.

— Вся исторія культуры и заселенія Сибири и Пріамурья написана кровью и страданіями народа, — такъ закончилъ свой разсказъ М.

II.

Въ Коломбо мы пришли 12 апрѣля въ 10 часовъ утра. День былъ жаркій; море тихо, и не пришлось увидать той дивной картины, когда водяной пылью и бѣлой пѣной вздымаются волны, отбрасываемыя стѣною мола, выведеннаго для защиты гавани отъ океана.

Въ Коломбо пароходы не подходятъ къ пристани и останавливаются, войдя въ защищенное моломъ пространство.

Не успѣлъ еще „Roon" окончательно остановиться, какъ былъ окруженъ туземными лодками, составленными изъ трехъ узкихъ сбитыхъ брусьевъ и ловко управляемыми однимъ весломъ сингалезца, стоявшаго на колѣнкахъ на своей утлой посудинѣ.

Черноволосые, черноглазые, съ бѣлыми блестящими бѣлками глазъ и бѣлыми зубами, чернотѣлые, прикрытые лишь кускомъ матеріи, сингалезцы ловко шныряли около парохода и, указывая на воду, кричали скороговоркой: „à la mer, à la mer, à la mer", приглашая криками и жестами бросать деньги въ воду, за которыми они тотчасъ же бросались головою внизъ и ловко ихъ хватали.

Охотниковъ бросать деньги было достаточно, а ныряніе сингалезцевъ, среди которыхъ большинство были люди взрослые, видимо, публикѣ доставляло удовольствіе.

Коломбо съ рейда представляется уголкомъ чрезвычайно живописнымъ, окруженнымъ пышной и яркой тропической растительностью.

Повсюду видны высокія, широколистныя пальмы.

Пристань въ Коломбо—большая, удобная, и за переѣздъ съ парохода платится по 25 центовъ съ человѣка.

На пристани прежде всего встрѣчаютъ мѣнялы, предлагающіе мѣнять деньги, такъ какъ въ Коломбо своя монета — рупіи, а затѣмъ пристаютъ неизбѣжные и здѣсь проводники, которые всегда безошибочно набрасываются на русскихъ и, безцеремонно хватая за рукавъ, кричатъ: „Иди, русскій, идемъ Маргарита, хорошій покажу Маргарита!"

Выйдя съ пристани, прежде всего поражаешься краснымъ цвѣтомъ улицъ, прекрасно шоссированныхъ и чисто содержимыхъ.

Налѣво отъ пристани, на площадкѣ, поставлена прекрасно-исполненная изъ бѣлаго мрамора статуя сидящей на тронѣ императрицы Индіи, Викторіи, а направо идетъ береговая улица, съ таможней, служебными зданіями, переходя постепенно въ берегъ Индійскаго океана.

Пройдя маленькую площадку, входишь въ большую улицу Іоркъ-Стритъ, на которой находятся магазины, отели и дѣловыя учрежденія.

По обѣимъ сторонамъ улицы, точно у насъ по Апраксину рынку, приходится пройти сквозь строй торговцевъ, которые зазываютъ въ свои магазины посмотрѣть драгоцѣнные камни, индійскія вышивки, мелкія туземныя работы.

— Русскій, русскій, иди, хорошій покажу опалъ, хорошій есть сапфиръ, рубинъ! Покупай не надо, иди посмотри!

И отъ магазина до магазина хватаютъ сперва руки торговцевъ, которые суютъ адресы своихъ магазиновъ, а затѣмъ надоѣдаютъ проводники и рикши, неотступно слѣдуя по пятамъ и назойливо предлагая свои услуги проводить къ „хорошей Маргаритъ“ или, въ лучшемъ случаѣ, показать достопримѣчательности Коломбо.

Чтобы избавиться отъ назойливости проводниковъ и рикшъ, надо сѣсть или въ электрическій трамвай, идущій съ угла этой улицы въ противоположные концы туземнаго или „чернаго города“, или взять экипажъ.

Я предпочелъ трамвай, хотя это и признается англичанами „шокингъ“. Уважающій себя англичанинъ никогда не сядетъ вмѣстѣ съ туземцемъ, почему въ трамѣ только и былъ я одинъ среди сингалезовъ.

Для европейцевъ—отдѣльные вагоны на желѣзныхъ дорогахъ; сингалезъ не посмѣетъ войти ни въ одинъ европейскій ресторанъ...

Обѣ части туземнаго Коломбо чрезвычайно интересны и по природѣ, и по бытовому складу жизни сингалезовъ.

Сперва трамъ идетъ по европейской части города, мимо уютныхъ, расположенныхъ среди пальмъ и окруженныхъ цвѣтниками и цвѣтущими деревьями дачъ европейцевъ, затѣмъ вступаетъ въ туземную часть.

Вездѣ природа является во всей мощи своей производительности: повсюду пальмы, пальмы и пальмы—кокосовыя, финиковыя, вѣерообразныя, достигающія громадной высоты.

Банановыя деревья съ спускающимися отъ вѣтвей связками зеленовато-желтѣющихъ продолговатыхъ плодовъ, чудныя акаціи, бамбуковыя рощи, фиговыя деревья, цвѣтущія мальвы, яркокрасные цвѣты высокихъ кротоновыхъ деревьевъ, темнозеленая листва раскидистаго хлѣбнаго дерева...

Все растетъ и живетъ полною жизнью, все дышитъ отъ полной свободной груди природы!

То-и-дѣло проѣзжаешь мимо такой чащи зарослей, что жутко становится!

Среди этой пышной растительности выдѣляются крытыя пальмовыми листьями кровли туземныхъ хатъ. Около нихъ царствуютъ густая тѣнь и прохлада.

Въ людныхъ улицахъ туземнаго города, на базарѣ, жизнь идетъ яркая, шумная, оживленная.

Вездѣ движеніе. Идутъ сингалезки, худощавыя, стройно-

сложенныя, высокаго роста, смуглолицыя, съ черными глазами и тонкими чертами лица. Однѣ изъ нихъ, съ открытой грудью, обернутыя въ пестро-цвѣтное одѣяніе до пояса, несутъ своихъ дѣтей на рукахъ; другія несутъ на головѣ ношу; третьи, перекинувъ черезъ плечо и закрывъ половину груди шалью, покупаютъ въ лавкахъ необходимое для своего хозяйства; четвертыя у порога своей хижины нянчатся съ дѣтьми, или очищаютъ отъ насѣкомыхъ голову своихъ дочерей, выбрасывая насѣкомыхъ въ уличную пыль, такъ какъ великій Будда запретилъ лишать жизни не только животное, но даже растеніе. Женщины-сингалезки стройны, высоки, худощавы и изящны въ своихъ движеніяхъ. Мужчины тоже одѣты до пояса въ тѣсно облекающую ихъ станъ пестро-цвѣтную матерію. Одни изъ нихъ носятъ на головѣ тюрбанъ,—это магометане; другіе ходятъ съ непокрытою головою, завязывая волосы узломъ на макушкѣ, третьи носятъ на головѣ низенькія круглыя шапочки. И мужчины, и женщины ходятъ босикомъ.

Мужчины и женщины охотно носятъ, особенно женщины, на рукахъ браслеты и въ ушахъ серьги.

Въ туземномъ Коломбо можно видѣть нѣсколько очень интересныхъ по своей архитектурѣ буддійскихъ храмовъ.

Въ европейскомъ Коломбо много очень красивыхъ по архитектурѣ зданій, каковы: почта, дворецъ губернатора, ратуша, старинная голландская башня и другія.

Коломбо, кромѣ общаго пріятнаго расположенія, имѣетъ и нѣсколько прелестныхъ общественныхъ мѣстъ для прогулокъ. Прежде всего Victoria-park — громадный паркъ, въ которомъ англичане играютъ въ теннисъ, въ крокетъ, ѣздятъ на велосипедахъ, верхомъ, предаваясь своему излюбленному спорту. Второе любимое мѣсто—набережная океана, служащая для вечернихъ прогулокъ.

Изъ окрестностей чрезвычайно живописна мѣстность Mount Lavinia, съ рестораномъ среди пальмъ и на берегу океана.

Интересно также проѣхать къ рѣкѣ Келарни, чтобы полюбоваться лотосами и осмотрѣть резервуары воды, служащей для питья города.

Островъ Цейлонъ представляетъ собою выдающійся интересъ, но для этого нужно пожить и совершить рядъ путешествій внутрь острова.

Самъ по себѣ Коломбо является лишь сборнымъ пунктомъ.

Первыми европейцами, поселившимися въ Коломбо съ торговыми цѣлями, были португальцы, основавшіе здѣсь свою факторію и владѣвшіе Коломбо съ 1517 по 1638 годъ.

Португальцы, однако, должны были уступить свое первенство въ водахъ Индійскаго океана голландцамъ, которые, вытѣснивъ съ Коломбо португальцевъ, мало-по-малу завладѣли всѣми ихъ укрѣпленіями.

Владычество голландцевъ длилось съ 1638 по 1658 годъ и было для нихъ самихъ, вслѣдствіе постоянныхъ войнъ съ мѣстными владѣтельными князьями, настолько тяжело, что удержаться на островѣ они не могли.

Въ 1795 году появляются англичане, которые утверждаются на Цейлонѣ, какъ „Торговая Восточно-Индійская Компанія".

До 1815 года англичане уживались сравнительно мирно съ туземными владѣльцами, но возстаніе населенія въ этомъ году и особенно сильное возстаніе противъ владычества англичанъ въ 1848 году показало, что они далеко не были желанными въ странѣ. Съ страшной жестокостью и безчеловѣчностью англичане подавили возстаніе и присоединили къ себѣ Цейлонъ окончательно. Надо отдать все же должное дѣловитости и энергіи англичанъ, которыя внесли они въ управленіе островомъ.

Они проводятъ повсюду прекрасные пути сообщенія, устраиваютъ водопроводы, открываютъ школы, больницы, почтовыя учрежденія и телеграфы. Въ настоящее время Цейлонъ съ сѣвера на югъ уже прорѣзанъ желѣзной дорогой.

Грандіозное сооруженіе мола, протяженіемъ въ 4.200 футъ, стоившее $7^1/_2$ милліоновъ рублей, доставило неизмѣримыя удобства Коломбо для стоянки судовъ, защищая ихъ въ искусственно созданной гавани отъ бурь.

Такимъ образомъ, Коломбо не только имѣетъ самой природой данныя самыя благопріятныя условія для развитія торговаго значенія для всей Европы, но къ нему пришли и люди съ энергіей и знаніемъ.

Изъ Европы въ Коломбо привозятся произведенія мануфактуры и каменный уголь, а изъ Коломбо въ Европу и Америку вывозятся природныя богатства острова, кокосовое масло, копра, графитъ, кофе, какао, чай, драгоцѣнные камни. Главное богатство острова—это пальмы, и по справедливости онъ можетъ быть названъ островомъ пальмъ.

На Цейлонѣ считаютъ плодоносныхъ кокосовыхъ пальмъ свыше 50 милліоновъ деревьевъ, а каждая пальма даетъ ежегодно не менѣе сотни орѣховъ. Молоко орѣха идетъ на производство масла, листья идутъ на плетенье матовъ, циновокъ, на крыши и хозяйственныя потребности. На фабрикахъ въ Коломбо тысячи рабочихъ заняты около кокосовыхъ орѣховъ.

Чайныя плантаціи даютъ цейлонскій чай, завоевавшій уже себѣ рынки.

Цейлонскіе рубины, опалы, сапфиры, топазы, жемчугъ—пользуются заслуженной извѣстностью.

Богатства плодовыхъ деревьевъ—манго, мангустанъ, гранатъ, бананъ, апельсины, лимоны, фисташки, ананасы, хлѣбное дерево и др.—даютъ средства жизни бѣднѣйшему населенію.

Европейскаго населенія въ Коломбо считается до шести тысячъ; большинство—англичане. На долю нѣмцевъ, австрійцевъ, шведовъ приходится до двухъ тысячъ.

Изъ русскихъ имѣются: консулъ, представитель Добровольнаго флота, нѣсколько служащихъ въ чайныхъ русскихъ фирмахъ и нѣкоторое количество разнаго сорта проходимцевъ, разсѣвшихся здѣсь для прославленія русскаго имени.

Туземцевъ насчитываютъ до двухъ милліоновъ на пространствѣ Цейлона въ 64 тысячи кв. километровъ.

Главное населеніе—сингалезы. Кромѣ сингалезовъ, насчитывается еще до 700 тысячъ тамиловъ, пришедшихъ на островъ изъ южной Индіи, и до двухъ тысячъ первобытнаго населенія веддъ, живущихъ въ горахъ и лѣсахъ, крайне нелюдимыхъ и свободолюбивыхъ, но вымирающихъ.

Что касается религіи туземнаго населенія, то и въ этомъ отношеніи жизнь сложилась на островѣ чрезвычайно благопріятно: преобладающая религія—буддизмъ, почему кастъ, съ ихъ замкнутостью и нетерпимостью, составляющихъ такое зло въ Индіи, здѣсь нѣтъ.

Гарнизонъ Коломбо, какъ говорятъ, не великъ: до шести тысячъ европейскихъ и туземныхъ войскъ.

Въ составъ туземныхъ войскъ входитъ и полиція, такъ называемые сикки, слѣдящіе за порядкомъ на улицахъ Коломбо въ высокихъ тюрбанахъ.

На улицахъ Коломбо встрѣчается много интереснаго. Интересенъ, между прочимъ, и способъ передвиженія у населенія въ крытыхъ арбахъ, запряженныхъ малорослыми, но крѣпкими, длинно- и пряморогими, съ горбомъ, буйволами.

Поразилъ меня въ Коломбо и многолюдный китайскій торговый и ремесленный кварталъ. Китайцы и здѣсь внесли весь свой укладъ уличной жизни и привычекъ, такъ уже опротивѣвшихъ за двѣнадцатилѣтнее пребываніе мое среди нихъ въ Пекинѣ...

Возвратясь на пароходъ, я засталъ на палубѣ торговцевъ, предлагавшихъ кольца, булавки и драгоцѣнные камни.

Но драгоцѣнные камни были такъ плохи, и притомъ такъ

было много, вмѣсто камней, окрашеннаго стекла, что даже любители набрасываться на всякую дрянь должны были отказаться покупать, въ виду явнаго обмана.

Были, какъ и всегда, продавцы изъ чернаго дерева (дерево, очень прочно пропитанное красящимъ чернымъ составомъ) разной величины выдѣланныхъ слоновъ и слониковъ изъ кости, продавцы ящиковъ изъ иглъ дикобраза и другой мелочи.

Но, усталые послѣ цѣлаго дня пребыванія на воздухѣ, мы искали только отдыха...

III.

Въ шесть часовъ вечера 17-го апрѣля мы снялись съ якоря съ рейда Коломбо.

Я стоялъ у борта и любовался зеленымъ берегомъ пальмъ, какъ вдругъ услыхалъ русское обращеніе:

— Здравствуйте! Узнаете меня?

Вглядываюсь и узнаю Т., пріѣзжавшаго два года тому назадъ въ Пекинъ для практики въ китайскомъ языкѣ. Т. уже окончилъ курсъ въ университетѣ, но, вмѣсто Китая, назначенъ на службу въ Японію, хотя японскаго языка Т. совершенно не знаетъ, а знаетъ прекрасно китайскій.

— Какъ вы попали въ Коломбо?—спрашиваю я.

— Я отправился изъ Одессы на добровольцѣ „Казань“,—отвѣчалъ Т.;—но „Казань“ потерпѣла близъ Коломбо крушеніе. Насъ, четырехъ частныхъ пассажировъ, снялъ англійскій пароходъ и доставилъ обратно въ Коломбо, а затѣмъ мы попали сегодня на „Roon“.

Т. разсказалъ мнѣ слѣдующія подробности крушенія „Казани“:

„Казань“ шла съ грузомъ военнаго вѣдомства во Владивостокъ, притомъ съ грузомъ спѣшнымъ, состоявшимъ изъ 150 тысячъ комплектовъ обмундировки для нашей арміи на Дальнемъ Востокѣ.

Кромѣ казеннаго груза, застрахованнаго въ 2 милліона рублей, на „Казани“ было много и частнаго груза: мануфактура, книжный товаръ, много піанино, много другихъ музыкальныхъ инструментовъ, экипажей, была даже прекрасная лошадь, ящики съ папиросами и др.

Командиромъ „Казани“ былъ г. Исааковъ, старшій штурманъ, который лѣтъ двадцать тому назадъ плавалъ ревизоромъ на добровольцахъ, а затѣмъ находился въ отставкѣ. Это былъ

его первый рейсъ въ качествѣ командира. Помощникъ его, старшій офицеръ Задонскій—морякъ.

До Коломбо плаванье шло превосходно, и вся маленькая каютъ-компанія составляла дружную семью.

Изъ Коломбо „Казань" вышла въ два часа дня, выведенная лоцманомъ на курсъ, но, къ удивленію всѣхъ моряковъ въ Коломбо, „Казань" уклонилась отъ обычнаго курса и пошла къ берегу.

— Мы шли совсѣмъ около берега,—говорилъ Т.,—и я замѣчалъ красные флажки отъ плававшихъ бакановъ.

Днемъ выхода изъ Коломбо „Казани" былъ первый день Пасхи. Въ шесть съ половиной часовъ, когда стали накрывать обѣденный столъ, послышался страшный трескъ и толчокъ, отъ котораго тарелки попадали на полъ, затѣмъ—новый толчокъ и трескъ, и „Казань" стала.

Тотчасъ же послѣ этого выбѣжалъ взволнованный механикъ и заявилъ, что въ машинномъ отдѣленіи — вода, и онъ едва успѣлъ только предупредить взрывъ котловъ, выпустивъ пары.

„Казань" стала быстро крениться на одинъ бокъ и погружаться въ воду. Черезъ 15—20 минутъ кренъ былъ уже такъ великъ, что съ одной стороны парохода на другую сторону приходилось карабкаться, какъ въ гору.

Погода была ясная и тихая, что помогало спасенію пассажировъ и команды. Какъ только стало ясно, что пароходъ наскочилъ на рифъ, такъ тотчасъ же стали давать сигналы о помощи, стрѣляли даже изъ пушки.

Помощь тотчасъ же подалъ шедшій слѣдомъ за „Казанью", только въ дальнемъ разстояніи, англійскій пароходъ.

Онъ спустилъ свои шлюпки, которыя подошли къ „Казани" черезъ 15 минутъ, и на шлюпкахъ перевезъ къ себѣ пассажировъ и команду, а затѣмъ помогалъ спасать, насколько было возможно, грузъ.

Изъ своихъ девяти шлюпокъ съ „Казани" могли спустить только четыре.

Измѣреніемъ глубины воды было опредѣлено, что „Казань" налетѣла на продольный рифъ и плотно на немъ помѣстилась на глубинѣ пяти футъ, а съ другой стороны парохода глубина была свыше 30-ти футъ.

Когда „Казань" такъ основательно помѣстилась, то тотчасъ же съ берега на нее набросились на своихъ лодкахъ сингалезы. Они, какъ мухи, облѣпили пароходъ и начали грабить все, что попадало подъ руку.

Вытащили ящики съ виномъ и тутъ же многіе перепились; вытащили ящики съ папиросами, разбили ихъ и засыпали всю палубу, словно снѣгомъ; вытащили ящики съ мануфактурными товарами, разбросали книги и затѣмъ добрались до солдатской обмундировки.

Надѣли на себя солдатскую одежду, а на своихъ лодкахъ все награбленное свозили на берегъ.

Англійскій пароходъ, взявъ команду и пассажировъ, отвезъ ихъ обратно въ Коломбо, откуда отправились къ мѣсту крушенія съ баржами для спасанія груза агентъ Добровольнаго флота и страховые агенты, въ обществахъ которыхъ, будто бы, Добровольный флотъ уже отъ себя перестраховалъ свой грузъ.

Времени отъ момента крушенія и до прибытія „начальствующихъ лицъ“ изъ Коломбо прошло, какъ сообщаетъ Т., четырнадцать часовъ.

На пяти баржахъ, пришедшихъ изъ Коломбо, были спасены экипажи, нѣсколько піанино, вынуты верхніе слои подмоченной обмундировки и все, что̀ было на поверхности. Трюмъ уже былъ наполненъ водой.

Прибывшія въ Коломбо пять баржъ съ спасенными вещами были сданы подъ охрану сингалезцевъ, а затѣмъ оказалось на другой день, что въ ночь были украдены двѣ баржи съ экипажемъ и разными предметами обстановки.

Англійская полиція тотчасъ же произвела дознаніе и открыла, что одинъ экипажъ и много вещей находятся во дворѣ мѣстнаго кулака-сингалезца, до котораго давно уже добирается англійская полиція.

Съ добытыми данными агентъ англійской полиціи отправился къ агенту Добровольнаго флота и предложилъ ему сдѣлать заявленіе объ украденныхъ вещахъ, которыя тотчасъ же будутъ найдены.

Агентъ Добровольнаго флота, *будто бы*, отклонилъ это предложеніе на томъ основаніи, что сингалезецъ этотъ состоитъ поставщикомъ Добровольнаго флота и человѣкъ для нихъ очень полезный, почему съ нимъ нельзя ссориться.

За достовѣрность слышаннаго мною не ручаюсь, но тѣмъ не менѣе могу сказать, что все это хотя и странно, но возможно...

Тѣмъ не менѣе, англійская полиція все-таки притянула этого поставщика Добровольнаго флота къ суду, предъявивъ къ нему обвиненіе въ провозѣ контрабанды, такъ какъ экипажъ и другія уворованныя вещи въ его дворѣ не были оплачены пошлиной.

И въ три дня дѣло было разобрано—сингалезецъ былъ приговоренъ въ тюрьму на полгода...

Такъ какъ Т. не умѣлъ или не хотѣлъ объяснить причину, по которой капитанъ „Казани“ шелъ берегомъ, а замѣтка, появившаяся въ мѣстной газетѣ, будто „дамѣ, которая находилась въ числѣ пассажировъ, хотѣлось любоваться береговыми видами“, очевидно, представляетъ собою нелѣпость злобной англійской прессы,—то невольно промелькнула у насъ мысль, не было ли здѣсь злого умысла, чтобы, погубивъ 150 тысячъ комплектовъ солдатской обмундировки, вызвать недовольство въ нашей стапятидесяти-тысячной арміи на Дальнемъ Востокѣ, страшно обносившейся.

Оказалось, что эта мысль промелькнула и въ Петербургѣ, откуда былъ будто бы даже, по этому поводу, запросъ.

Такое предположеніе имѣло за себя нѣкоторое основаніе, такъ какъ недѣли за двѣ до „Казани“ шелъ во Владивостокъ пароходъ „Мюнхенъ“, который тоже имѣлъ грузъ военнаго вѣдомства.

Не доходя нѣсколькихъ часовъ до Коломбо, „Мюнхенъ“ сталъ тонуть безъ всякой видимой причины.

Когда же бросились въ трюмы искать причину, то нашли, что кинстоуны кѣмъ-то открыты и вода уже заполнила трюмы.

Съ большимъ трудомъ воду откачали, и „Мюнхенъ“ еле-еле добрался до Коломбо. Виновный найденъ не былъ.

Предположеніе, что капитанъ и команда, по случаю перваго дня Пасхи, были въ особо праздничномъ состояніи, отрицается пассажирами, которые единогласно утверждали, что всѣ были трезвы.

Гдѣ же лежала причина крушенія „Казани“?

Съ этимъ вопросомъ мы обратились къ старшему офицеру „Roon“'а, который сообщилъ намъ слѣдующее:

Въ Коломбо ему передавали служащіе на маякѣ и станціи, что когда лоцманъ вывелъ „Казань“ на путь, то, къ удивленію всѣхъ, „Казань“ пошла не указаннымъ курсомъ, а стала направляться къ берегу, прямо на гряды рифовъ. Крушеніе „Казани“ у самаго Коломбо казалось столь неизбѣжнымъ, что на спасательной станціи стали приготовлять шлюпки.

Но „Казань“ на этотъ разъ удачно попала въ узкій каналъ между двухъ грядъ рифовъ и пошла благополучно впередъ, но все уклонялась къ берегу и въ концѣ концовъ все-таки наскочила на рифы.

Весь этотъ береговой путь обозначенъ на морскихъ картахъ, какъ опасный; имъ пользуются только мелко-сидящіе пароходы, совершающіе лишь береговое плаваніе по мѣстнымъ береговымъ портамъ.

Такимъ образомъ, только двѣ причины могутъ объяснить крушеніе „Казани“: или поголовное пьянство, или полное незнаніе пути и неимѣніе морской карты.

Опять я обратился къ Т. съ вопросомъ: была ли у капитана карта. Оказывается, что была русская карта изданія 1904 года.

Какъ бы то ни было, но крушеніе „Казани“ — грустное явленіе, которое еще разъ подтверждаетъ и подчеркиваетъ, что на всѣхъ путяхъ русской государственной и общественно-служебной жизни господствуетъ одинъ общій разладъ и распадъ.

На спасеніе груза, какъ рѣшили въ Коломбо, а тѣмъ болѣе парохода, нѣтъ никакой надежды.

Грузъ настолько весь промокнетъ, что его и выгрузить будетъ нельзя, а часть раскраденнаго груза уже появилась въ продажѣ въ Коломбо.

Солдатскія шинели продаются по гривеннику и скупаются однимъ изъ русскихъ евреевъ, какъ говорятъ, дезертиромъ, который засѣлъ въ Коломбо и открылъ свои гешефты: публичный домъ, рулетку, ростовщичество и всевозможную куплю-продажу.

Весьма вѣроятно, что онъ скупитъ солдатскую обмундировку, высушитъ и отправитъ ее на продажу во Владивостокъ.

Случай съ „Казанью“ навелъ М. на воспоминанія о цѣломъ рядѣ случаевъ въ Добровольномъ флотѣ, которые рисовали яркую, узорчатую картину произвола и полнаго духовнаго растлѣнія нравовъ въ этомъ привилегированномъ учрежденіи...

Между тѣмъ, путешествіе начало уже сильно утомлять. Многіе пассажиры, особенно мужчины, начали нервничать и томиться.

Для развлеченія капитанъ „Roon“'а придумалъ предложить взвѣшиваніе. Принесли вѣсы, подвѣсили на палубѣ къ балкѣ, и потянулись любители узнавать свой собственный вѣсъ. Но это заняло и развлекло не надолго, почему на слѣдующій вечеръ капитанъ устроилъ балъ и пригласилъ на палубу I-го класса всѣхъ танцующихъ пассажировъ изъ II-го класса. Балъ удался какъ нельзя лучше. Несмотря на жару, нѣмецкая публика, подъ звуки англійскаго „two steps“, съ увлеченіемъ отплясывала и польку, и вальсъ...

Для насъ, русскихъ, и немногихъ иностранцевъ доставляло большое удовольствіе пѣніе нашей милой спутницы, М. Г. М—ой, которая, владѣя прекрасно-обработаннымъ, сильнымъ голосомъ, пѣла и изъ оперъ Глинки, Рубинштейна, и романсы Чайковскаго, Даргомыжскаго, и, какъ француженка, съ милой игривостью не забывала французскихъ пѣсенокъ, вызывая общіе апплодисменты.

Замѣчу мимоходомъ, что въ массѣ своей иностранцы поражаютъ крайней неразвитостью и малой потребностью въ стремленіи къ духовнымъ удовольствіямъ. Громадное большинство изъ нихъ предпочитало на пароходѣ всегда и во всемъ пиво, карты, спортъ. Все это прежде всего люди тѣла, а не духа... Только одинъ изъ нихъ, молодой англичанинъ, проявлялъ высшее общечеловѣческое развитіе... И все-таки мужчины нервничали. Ихъ раздражали дѣти, которыя бѣгали по палубѣ, шумѣли, играли и мѣшали спать въ лонгшэзахъ отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ, когда такъ морила и томила жара.

Дѣтей, правда, на этотъ разъ было очень много, и, конечно, очень было бы хорошо, еслибы для дѣтей на пароходѣ было отведено особое помѣщеніе, гдѣ былъ бы для нихъ песокъ, игры, занятія, свойственныя ихъ возрасту.

Мужчины сердились на дѣтей, матери и дамы негодовали на эгоизмъ сильной половины человѣческаго рода, и все вмѣстѣ взятое вносило маленькое разнообразіе въ однообразную жизнь на пароходѣ „отъ ѣды до ѣды".

— Я сегодня страшно серди*лься*, — говоритъ мнѣ добрякъ русскій остзейскій нѣмецъ. — Только я задремалъ, какъ слышу около оретъ ребенокъ, а мать его успокаиваетъ. Я не выдержалъ, и вскочилъ, и громко крякнулъ.

— И что же,—спрашиваю я,—ребенокъ замолкъ?

— Нэтъ, мать его унесла.

И это происшествіе разсказывается всѣмъ знакомымъ и сочувственно выслушивается мужчинами, терпящими обиды отъ дѣтей...

Другое явленіе, которое начинаетъ отъ Коломбо рѣзко бросаться въ глаза, это—усиливающійся флиртъ. Жара, нервность, сильный морской воздухъ, прекрасное питаніе и бездѣлье — все дѣйствуетъ раздражающе на нервы.

IV.

Съ восходомъ солнца, 20-го апрѣля, мы подошли къ Сингапуру.

Болѣе живописнаго, болѣе очаровательнаго вида, который представился при входѣ въ Сингапуръ, я нигдѣ не встрѣчалъ.

Со стороны земли виднѣлся высокій берегъ, весь покрытый густой тропической растительностью съ преобладающими пальмами, а со стороны моря—ряды правильно расположенныхъ зеленыхъ островковъ съ правильными между ними улицами воды.

Со стороны земли—голубыя вдали очертанія горъ, а со стороны моря—безпредѣльная блѣдно-голубая даль...

Въ Сингапурѣ пароходы подходятъ вплотную къ пристани и всегда здѣсь стоитъ нѣсколько большихъ пароходовъ въ ожиданіи нагрузки.

Какъ только „Roon" сталъ подтягиваться къ пристани, такъ былъ уже окруженъ утлыми туземными челночками, съ которыхъ мальчуганы и взрослые малайцы бросались въ воду за бросаемыми имъ монетами и кричали: „давай, давай еще"!..

Въ Сингапуръ пришли мы 4-го мая. Было знойно, душно, влажно въ воздухѣ. Сингапуръ—самый тяжелый по климату пунктъ для жизни европейцевъ.

Сойдя на берегъ, мы взяли одноконную каретку, управляемую малайцемъ-кучеромъ, и направились въ Зоологическій садъ. Отъ пристани пришлось болѣе версты проѣхать по прекрасно шоссированной дамбѣ, проложенной по болотистой мѣстности, затопляемой водой. Мелкая поросль кустарниковъ, мѣстами водянистая низина, съ которой несется удушливый запахъ испареній, одиноко стоящія на сваяхъ хижины малайцевъ.

Затѣмъ мѣстность повышается; чувствуется твердый грунтъ и начинаются городскія постройки: склады, амбары, лавки, трактиры. На нѣкоторыхъ трактирахъ видны даже русскія вывѣски.

Отсюда начинается китайскій городъ и расходятся во всѣ стороны улицы одноэтажныхъ, окрашенныхъ въ синій цвѣтъ лавокъ съ дѣятельнымъ людскимъ муравейникомъ китайскаго населенія.

Тутъ магазины и лавки, и лавчонки, и харчевни, и портные, и сапожники, и всякіе другіе ремесленники, и пекарни и фруктовыя лавки.

Повсюду китайцы; повсюду своеобразный, крайне характерный китайскій гамъ и шумъ; отовсюду несутся знакомые китайскіе звуки, встрѣчаются почти исключительно китайскія лица и обоняются отвратительные китайскіе запахи...

Сингапуръ—первый по пути на Востокъ городъ, въ которомъ сразу попадаешь въ китайскую гущу, отъ которой довольно-таки тошно... Миновавъ китайскій городъ съ его уличной жизнью, мы въѣхали въ европейскій кварталъ.

Разительная перемѣна: прекрасныя зданія, много площадей и скверовъ съ зеленой травой и древесной растительностью, съ чисто содержимыми дорожками и массой играющихъ дѣтей.

Въ скверахъ и на площадяхъ видны памятники, воздвигнутые въ честь людей, создававшихъ благополучіе грядущихъ по-

колѣній. Встрѣчается по пути много церквей, встрѣчается много школьниковъ и школьницъ, идущихъ съ книжками.

Вездѣ по улицамъ оживленное, но спокойное и дѣловитое движенiе электрическихъ трамваевъ, экипажей, рикшъ, пѣшеходовъ...

Миновали европейскiй Сингапуръ и въѣхали въ чудную аллею высокихъ деревьевъ, ведущую къ Зоологическому саду.

По обѣ стороны пути—густая тропическая растительность, много разновидностей пальмъ, много уютно-глядящихъ европейскихъ дачъ...

Ботаническiй садъ въ Сингапурѣ занимаетъ громадное пространство, на которомъ имѣется прекрасный паркъ для прогулокъ, дорога для верховыхъ и велосипедистовъ, небольшая оранжерея съ интереснымъ собранiемъ орхидей и папоротниковъ, клочокъ первобытнаго лѣса съ густотой деревьевъ, перевитыхъ лiанами и джёнглями, куда не проникаетъ свѣтъ солнца и въ который невозможно пройти. Въ паркѣ расбросаны тамъ и сямъ клумбы цвѣтовъ и всѣ деревья мѣстныхъ породъ означены деревянными ярлычками.

Я углубился по дорожкамъ парка и зашелъ сперва на громадный питомникъ засѣянныхъ деревьевъ, а когда вернулся искать паркъ, то попалъ въ лѣсъ съ лужайкой, на которой рѣзвилось стадо маленькихъ обезьянъ.

Увидавъ меня, обезьянки подняли крикъ, въ припрыжку перебѣжали лужайку и ловко вскарабкались на деревья, откуда продолжали кричать. Я въ первый разъ въ жизни попалъ такъ неожиданно въ большое общество обезьянъ, а потому былъ не только смущенъ, но въ первую минуту даже струхнулъ...

Изъ Ботаническаго сада мы проѣхали въ городской музей, въ которомъ есть очень интересная и полная коллекцiя мѣстныхъ бабочекъ, насѣкомыхъ, раковинъ, кораллов.

Въ отдѣльной комнатѣ собраны образцы жизни малайскаго населенiя. Хорошо очень воспроизведена малайская хижина, очень подробно представлены всѣ орудiя малайскихъ промысловъ, работъ, рыбной ловли. Въ особыхъ витринахъ находятся образцы одеждъ...

Изъ музея мы отправились позавтракать въ отель, носящiй историческое имя „Raffle's Hôtel".

Сэръ Стамфордъ Рафль былъ англiйскимъ губернаторомъ на островѣ Ява. Предвидя громадное торговое значенiе Малакскаго полуострова, сэръ Рафль въ 1819 году прiобрѣлъ у одного изъ малакскихъ князей за дешевую цѣну бѣдное рыбачье поселенiе

и городокъ Львиный-Сингапуръ... Сингапуръ, находясь на перепутьи между Востокомъ и Европой, явился прежде всего важнымъ складочнымъ мѣстомъ для торговли „Остъ-Индской Компаніи", а затѣмъ скоро уже пріобрѣлъ громадное значеніе, какъ самостоятельный торговый пунктъ въ сношеніяхъ не только между Азіей и Европой, но между Азіей, Явой, Суматрой, Австраліей.

Значеніе Сингапура въ настоящее время громадно, и въ силу его торговли, и въ силу оборудованности его порта.

Въ настоящее время не минетъ Сингапура ни одинъ пароходъ.

Насколько велико значеніе Сингапура, видно изъ его роста: въ 1819 году это былъ бѣдный поселокъ, а нынѣ онъ имѣетъ слишкомъ 200 тысячъ населенія, изъ котораго на долю китайцевъ приходится 150 тысячъ, малайцевъ 36 тысячъ, 16 тысячъ—на долю всѣхъ другихъ народностей.

Быстрому росту Сингапура и его младшаго брата, Пенанга, помимо общихъ благопріятныхъ условій со стороны природы и географическаго положенія, способствовала и та система свободы, которая принята англійскимъ правительствомъ для успѣховъ и развитія англійскихъ колоній.

Сингапуръ и Пенангъ пользуются правами „straits settlements".

Они пользуются не только правами по самоуправленію и прочими льготами колоній, но пользуются правомъ имѣть свои почтовыя марки и свою собственную монету, которая обязательна только для Сингапура и Пенанга.

На ихъ монетѣ на одной сторонѣ находится изображеніе короля Эдуарда VII, съ надписью: „Edward VII King and Emperor", а съ другой—„Straits Settlements". И ни имперія не тѣснитъ свободы своихъ подданныхъ, ни далекіе подданные не тяготятся связью своей съ имперіей, но твердо знаютъ одно: они—англичане. Нигдѣ съ такимъ уваженіемъ не относятся и нигдѣ съ такимъ постоянствомъ не звучитъ національный гимнъ, какъ звучитъ „God save the King" у англичанъ.

Звучитъ же у англичанъ онъ повсюду такъ властно и могущественно потому, что въ личности короля объединяется весь англійскій народъ, все его могущество и вся его законность, а не произволъ и самовольство немногихъ...

Климатъ Сингапура тяжелъ своей жарой и влажностью.

Одинъ изъ живущихъ въ Сингапурѣ русскихъ, представитель коммерческой фирмы, образно выразился о климатѣ Сингапура такъ: „Сингапурскую жару можно себѣ представить, если вообразить себя голымъ, сидящимъ на горячей плитѣ, съ бананомъ въ

рукѣ“. Послѣ англичанъ самая обширная европейская колонія въ Сингапурѣ—нѣмецкая.

Много виднѣется нѣмецкихъ фирмъ, слышится нерѣдко нѣмецкая рѣчь и открывается нѣмецкій банкъ.

Возвращаясь на пароходъ, мы нашли на пристани цѣлую ярмарку: была тутъ масса разнообразныхъ, чрезвычайно красивыхъ раковинъ, кораллловъ бѣлыхъ и красныхъ, связки банановъ, ананасы...

Въ Сингапурѣ запаслись мы газетами и телеграммами, изъ которыхъ узнали о тяжелыхъ событіяхъ въ Россіи, о возмущеніяхъ во флотѣ въ Севастополѣ... Вечеромъ снялись съ якоря и вышли на Фу-чжоу и Гонгъ-Конгъ.

Жаль было покинуть Индійскій океанъ, жаль разстаться съ „Южнымъ Крестомъ“, но какъ ни великъ и прекрасенъ океанъ, какъ ни мягокъ и ласкающъ блескъ звѣздъ Южнаго Креста, все же испытывалось уже утомленіе.

Поднимаясь къ сѣверу, чувствовалась близость дома...

Тяжело отозвались на насъ извѣстія съ родины. М., знавшій хорошо лично адмирала Чухнина за бытность его во Владивостокѣ, отзывался объ адмиралѣ какъ о честномъ служакѣ, строгомъ, требовательномъ, старомъ „морскомъ волкѣ“, но какъ человѣкѣ крайне недалекомъ и совершенно неспособномъ понять наставшее освободительное движеніе.

— Чухнина слѣдовало бы послать въ бой съ японцами. Онъ былъ бы здѣсь на своемъ мѣстѣ и былъ бы полезенъ. Чухнинъ любитъ матроса, заботится о немъ,—этого отнять нельзя,—онъ храбръ и упрямъ,—но назначить Чухнина въ Севастополь—это была крупная ошибка...

— Скрыдловъ, вотъ ловкій, смѣлый и энергичный человѣкъ, популярный у матросовъ. Правда, онъ большой дипломатъ, но онъ съумѣетъ выйти изъ затруднительнаго положенія, а Чухнинъ можетъ идти только на проломъ...

— Вообще у насъ бѣда въ томъ, что власть дается временщикамъ.

Взялъ силу на Востокѣ адмиралъ Алексѣевъ—и должны были уйти съ Востока Гильденбантъ, Бирилевъ, Суботичъ, которые не могли оставаться...

Гильденбантъ—это идеальный, честный служака...

Генералъ Суботичъ—энергичный, честный, умница. Его всѣ безусловно уважали, хотя многіе не любили за вспыльчивость характера, за самостоятельность и несогласія съ Алексѣевымъ. Суботича затерли и убрали... И остались на Востокѣ лишь льстивыя, пьяныя и бездарныя креатуры адмирала Алексѣева...

Въ Сингапурѣ сѣло много нѣмцевъ и японцевъ до Шанхая. Японцы составили свою обособленную группу. Многіе изъ нихъ одѣлись въ свои національные костюмы.

Среди сѣвшихъ въ Сингапурѣ на пароходъ японцевъ оказалось двое миссіонеровъ, возвращавшихся изъ Индіи. Они прочли для японцевъ и англичанъ лекцію о своемъ пребываніи въ Индіи. Лекція состоялась въ присутствіи англичанъ и японцевъ въ столовой, которая ради этого была украшена англійскими, японскими и нѣмецкими флагами. Наблюдая японцевъ въ европейской средѣ, японцевъ, принявшихъ европейскую внѣшность, все же приходишь къ убѣжденію, что внутренность ихъ остается японской. Возвращался изъ Европы въ Японію японскій консулъ съ женой. Оба люди молодые, оба одѣваются по-европейски, но, гуляя по палубѣ, мужъ всегда шелъ впереди, а жена—за нимъ слѣдомъ сзади. Рядомъ жена шла только тогда, когда ее подзывалъ мужъ, а оставалась одна на своемъ мѣстѣ только тогда, когда мужъ это ей приказывалъ...

Формозскій проливъ прошли мы благополучно, безъ качки, и 7-го мая вошли лишь на нѣсколько часовъ въ Фу-чжоу.

Какая роскошная, помѣстительная бухта, какое живописное, гористое мѣстоположеніе! Тѣмъ не менѣе, входъ въ Фу-чжоускую бухту опасенъ, въ виду имѣющихся отмелей, почему на пароходъ всегда берется мѣстный лоцманъ.

Фу-чжоу (Фу-чеу-фу)—громадный городъ провинціи Фу-цзянъ (Фу-кіэнъ). Самъ городъ отъ устья рѣки находится на разстояніи слишкомъ пятидесяти верстъ; въ устьѣ рѣки Минъ-Кіангъ на берегу находится лишь таможня, склады товаровъ, а на возвышенности—маякъ и казармы.

Фу-чжоу насчитываетъ 624 тысячи населенія. Еще недавно это былъ главный пунктъ по отправкѣ чаевъ въ Англію, но въ настоящее время все чайное дѣло отошло отъ него къ Цейлону.

Фу-чжоу расположенъ на лѣвомъ берегу Минъ-Кіангъ, въ живописной мѣстности. Въ немъ живетъ небольшая европейская колонія и есть русскій консулъ. Изъ достопримѣчательностей города считаютъ его мостъ, такъ называемый „мостъ десяти тысячъ лѣтъ“, длиною въ 400 метровъ, соединяющій городъ съ населеннымъ островомъ Нанъ-тай, лежащемъ посреди рѣки.

Фу-чжоу—одинъ изъ интеллигентныхъ китайскихъ городовъ. Въ немъ живетъ много ученыхъ, много чиновниковъ, расположены войска.

Торговлю Фу-чжоу ведетъ шолкомъ, шерстью, китайской бумагой, издѣліями изъ дерева.

Изъ Фу-чжоу мы вышли уже вечеромъ, когда рейдъ и гористые берега такъ пріятно сверкали огоньками.

Переходъ отъ Фу-чжоу до Гонгъ-Конга небольшой: всего двое съ половиной сутокъ. Все время перехода стояла прекрасная погода, море было тихо, пріятный голубоватый цвѣтъ воды, свѣжіе утра и вечера, нежаркіе дни.

Только подъ самымъ уже Гонгъ-Конгомъ почувствовали мы рѣзкую перемѣну: стало душно, сыро, а къ вечеру поднялся такой туманъ, что „Roon“ подвигался впередъ ощупью, давая каждыя пять минутъ густые свистки.

Наконецъ, идти стало невозможно—и бросили якорь.

Простояли на якорѣ слишкомъ два часа. Хотя и непріятно стоять въ туманѣ на якорѣ, но идти въ туманѣ, слыша постоянные трубные звуки, прямо жутко. Эти трубные звуки тяготятъ...

Къ 11-ти часамъ туманъ разсѣялся и пошелъ мелкій дождь, что дало возможность и намъ сняться съ якоря и подойти къ Гонгъ-Конгу.

Весь живописный входъ въ бухту между многихъ острововъ, къ сожалѣнію, пропалъ, такъ какъ пробирались мы мимо нихъ во мглѣ и подъ дождемъ. Утро 10-го мая было пасмурное, сырое, было душно.

Но какая наблюдалась повсюду кипучая дѣятельность!

Большія китайскія джонки подъ красными, черными и бѣлыми парусами; маленькіе грузовые пароходики, шныряющіе вдоль и поперекъ бухты; по берегу бѣгаютъ постоянно электрическіе трамваи. Вездѣ жизнь, вездѣ движеніе...

Къ 11-ти часамъ утра мы подтянулись къ пристани въ Коулунѣ, гдѣ останавливаются всѣ пароходы, гдѣ сосредоточена вся торговая дѣятельность. Послѣ завтрака мы отправились на маленькій пароходикъ, который каждыя пять минутъ перевозитъ пассажировъ на противоположный берегъ бухты въ Гонгъ-Конгъ, а оттуда беретъ пассажировъ на Коулунъ.

В. Іовль.

ВЪ БОРЬБѢ

ПОВѢСТЬ.

I.

Работа на одной изъ крупныхъ финляндскихъ писчебумажныхъ фабрикъ кипѣла, заказовъ было много, большинство изъ нихъ спѣшные, и диспонентъ фабрики, Фабіанъ Хагманъ, съ удовольствіемъ потиралъ руки, высчитывая въ умѣ прибыль.

А завѣдывавшій на фабрикѣ техническимъ производствомъ, инженеръ Эрикъ Седерлундъ, только-что вернувшійся въ контору, съ озабоченнымъ видомъ разсматривалъ въ большой пробиркѣ бумажную массу, взятую имъ изъ заторнаго чана.

— Что ты такъ пристально ее разсматриваешь, Седерлундъ? Жидка что-ли масса, или плохо выбѣлилась? — спросилъ диспонентъ, поднимая отъ кассовой книги свое красноватое полное лицо человѣка, вступившаго въ пятидесятилѣтній возрастъ.

— Ничего, при такомъ горячемъ спросѣ сойдетъ, — весело продолжалъ диспонентъ, высокимъ, срывавшимся голосомъ.

— Бѣда не въ томъ, Фабіанъ, — отозвался инженеръ, его зять: — мнѣ кажется, что въ массѣ примѣшанъ песокъ, я слышалъ хрустъ его...

Улыбающееся лицо Хагмана сразу осунулось.

— Ты не шутишь? Значитъ, весь заторъ испорченъ теперь, когда для насъ каждая минута дорога! Подумай, какъ же мы успѣемъ выполнить всѣ заказы! — съ отчаяніемъ въ голосѣ продолжалъ диспонентъ: — Кто, кто эта каналья, которая рѣшилась сдѣлать намъ гадость! Конкурренты изъ зависти?

Эрикъ Седерлундъ, продолжая изслѣдовать бумажную массу, отрицательно покачалъ головой.

— Въ такомъ случаѣ кто же,—свои рабочіе?

— Да,—коротко прозвучалъ отвѣтъ серьезнаго инженера:—я почти въ этомъ увѣренъ. Еще вчера, въ собраніи отдѣленія рабочаго союза, они обсуждали графикъ расцѣночныхъ работъ. Куста Ніеми настаивалъ, что — въ виду большихъ спѣшныхъ заказовъ, полученныхъ нашей фабрикой,—мы должны имъ прибавить...

— Знаю, знаю я это, — нетерпѣливо прервалъ его диспонентъ: — они были у меня утромъ съ этой просьбой, и я имъ наотрѣзъ отказалъ.

Инженеръ недовольно пожалъ плечами. Хагманъ подмѣтилъ это движеніе.

— Что же, по твоему, я долженъ былъ сейчасъ же согласиться на ихъ требованія? Развѣ они плохо зарабатываютъ у насъ? Вѣдь это значило отдать себя всецѣло въ руки рабочаго союза! Благодарю, я обойдусь и безъ его покровительства.

— Результатъ сегодняшней твоей горячности на лицо,—нервно замѣтилъ Седерлундъ, передавая диспоненту листъ бѣлой протёчной бумаги, на которомъ онъ отжалъ изъ массы песокъ: крупныя песчинки прилипли къ протёкѣ.

— Негодяи!—вырвалось у Хагмана.

— Ты, Фабіанъ, вѣроятно забылъ, что, съ возникновеніемъ отдѣленія рабочаго союза, наши рабочіе далеко не прежніе; всѣ, даже старики, работающіе здѣсь много лѣтъ и видѣвшіе въ тебѣ не только хозяина, но и друга, теперь относятся совсѣмъ иначе! Ты имъ врагъ!

— Я!—опѣшилъ диспонентъ.—Почему?

Седерлундъ поправилъ рукою очки.

— Не ты одинъ, — всѣ хозяева, всѣ владѣльцы фабрикъ, заводовъ, однимъ словомъ—капиталисты.

— Понимаю, ты говоришь съ точки зрѣнія соціализма, этихъ утопическихъ бредней.

— Бредни или дѣйствительность будущаго строя человѣчества, спорить я съ тобою не буду, но боюсь не ошибиться, если скажу, что предстоящіе теперь въ Финляндіи всесословные выборы преподнесутъ намъ немало изумленія.

— Пустяки ты толкуешь, Эрикъ! — презрительно сказалъ Хагманъ. — Развѣ мыслимо,—ты только обсуди,—чтобы рабочіе могли взять первенство надъ нами на выборахъ? Сколько лѣтъ шведы и младо-финны управляютъ страною; они изучили до тонкости все устройство этого громаднаго механизма, каждая пружина имъ извѣстна! Вспомни при суровомъ режимѣ убитаго

Боба, при желѣзномъ кольцѣ русскаго владычества, мы всегда умѣли сохранить нашу власть вездѣ, и въ сенатѣ, и въ сеймѣ, въ магистратѣ, и въ сельскихъ общинахъ; а теперь, когда все это миновало, когда мы полновластные хозяева въ краѣ, когда съ нами нашъ Лео, мы уступимъ этому мужичью? Никогда!

И Хагманъ сильно ударилъ ладонью руки по крышкѣ высокой конторки, за которой занимался.

Точно отголоскомъ его удара на фабрикѣ гулко раздался звонокъ, возвѣщавшій объ окончаніи работы.

Диспонентъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на Седерлунда, и затѣмъ оба перевели глаза на большіе часы, висѣвшіе на стѣнѣ между окнами.

— Это что̀ значитъ? Только пять часовъ?—протянулъ Хагманъ и вмѣстѣ съ инженеромъ вышелъ изъ конторы.

Колоколъ продолжалъ еще гудѣть, когда они дошли до узкаго прохода, по которому рабочіе уходили съ фабрики.

II.

Около колокола стояла молодая работница, Рауха Каппери, спокойно выслушивая кричавшаго на нее старика-сторожа.

Изъ фабрики потянулась масса рабочихъ, вызванная колоколомъ.

— Кто, кто звонилъ?—строго спросилъ диспонентъ сторожа.

— Я!—смѣло отвѣтила работница.

— Ты, Рауха?—отступая назадъ, изумился диспонентъ.

— Къ чему ты это сдѣлала?—въ свою очередь спросилъ инженеръ.

— Мнѣ такъ хотѣлось! — небрежно отвѣтила дѣвушка; улыбка самодовольства промелькнула по ея лицу.

— Хорошо! Пройди въ контору, тамъ получишь разсчетъ, и никогда не смѣй больше появляться здѣсь на фабрикѣ! — вскипѣлъ Хагманъ.—Ну, ступай!

Рауха громко засмѣялась, но не двинулась съ мѣста.

Полное лицо диспонента сразу покраснѣло.

— Каппери, тебѣ сказано уходить, уходи!—слегка волнуясь, замѣтилъ Седерлундъ.

— Вы не смѣете ее гнать съ завода!—раздалось изъ толпы рабочихъ, сбившихся у прохода.

— Не смѣю! Вотъ я покажу, какъ не смѣю! — закричалъ диспонентъ.—Вонъ сейчасъ!

Толпа глухо заворчала.

— Если ее прогоните, то и мы уйдемъ,—послышались недовольные голоса.

— Васъ никто не гонитъ,—пробовалъ успокоить толпу инженеръ, но вышедшій изъ себя Хагманъ, вопреки благоразумію Седерлунда, своего компаньона, громко крикнулъ:

— Кто хочетъ, можетъ уходить,—мнѣ такихъ работниковъ не надо!

— Что жъ, уйдемъ, вспомните и о насъ!—волновались рабочіе и длинной лентой потянулись черезъ щелкающій турникетъ. Изъ восьмисотъ человѣкъ осталось не болѣе сотни.

Послѣдніе сиротливо столпились въ громадной пріемной, тогда какъ ушедшіе подняли на улицѣ цѣлый кошачій концертъ, свистѣли, орали, пѣли...

— Безобразничаютъ!—промолвилъ стоявшій въ группѣ рабочихъ смотритель Сандбакъ и махнулъ рукою. Взволнованный диспонентъ грузно опустился на широкую скамейку пріемной и тяжело дышалъ. Седерлундъ разговаривалъ съ оставшимися рабочими, стараясь выяснить причину преждевременнаго прекращенія работъ на фабрикѣ.

— Это дѣло Ніеми Кусты, онъ все подстроилъ,—объяснялъ одинъ изъ стариковъ рабочихъ:—цѣлыми днями, точно досадливая муха, онъ такъ и жужжалъ надъ ухомъ: „требуйте прибавки“! Мы работаемъ у васъ много лѣтъ, обжились здѣсь, привыкли, а имъ что! они—пришлый, молодой народъ, горячія головы...

— Обойдемся и безъ нихъ, другихъ найдемъ.

Рабочій пожалъ плечами.

— Грозили: если начальство фабрики попробуетъ нанять другихъ рабочихъ, они силой погасятъ огонь подъ паровыми котлами электрическаго освѣщенія,—прошепталъ онъ.

— Не посмѣютъ!

— Плохо вы ихъ, г. инженеръ, знаете. Они ни передъ чѣмъ не остановятся. Ніеми Куста — человѣкъ, которому все равно, одно слово—головорѣзъ, а Рауха Каппери, его сожительница, по его слову, хоть всю фабрику взорветъ! Имъ никого и ничего не жаль: хотя бы теперь,—вѣдь больше четырехсотъ семействъ безъ хлѣба останутся!

— А еслибы мы могли выслать ихъ обоихъ отсюда, при помощи полиціи?

— Не дѣлайте этого, г. инженеръ: еще больше ихъ озлобите, убьютъ васъ.

— Я не боюсь,—усмѣхнулся Седерлундъ;—безъ нихъ, зато, все успокоится.

— Ну, едва-ли; найдутся и другіе крикуны: Олли Юнтуненъ, Матти Сорса, ихъ друзья, надѣлаютъ еще больше непріятностей.

Успокоившійся диспонентъ подошелъ къ говорившимъ.

— Продолжайте работу, — обратился онъ къ рабочимъ:—я всѣмъ вамъ охотно прибавлю, разъ вы не послѣдовали за этими негодяями! Многіе изъ васъ—второй смѣны, значитъ, ночью работа не остановится. Отправляйтесь по своимъ мѣстамъ, что время терять даромъ! — закончилъ онъ, дружески похлопывая рукой по плечу стараго рабочаго.

Пріемная быстро опустѣла. Оба компаньона прошли въ контору.

— Какъ же быть, Фабіанъ?—спросилъ инженеръ.

— Переждемъ, Эрикъ, пока, можетъ быть, опамятуются...

— А если нѣтъ?

— Наберемъ новыхъ!—рѣшительно отвѣтилъ диспонентъ.— Я не могу допустить, чтобы посторонніе агитаторы вмѣшивались въ отношенія между рабочими и мною!.. Они не постѣснились остановить широкую дѣятельность фабрики и лишить заработка и пропитанія восемьсотъ человѣкъ!

— Лучше бы какъ-нибудь сойтись съ ними; не то время, чтобы ссориться съ этой силой.

Хагманъ упрямо мотнулъ головой.

— Какъ хочешь, это твое дѣло, а все же подумай! — настойчиво повторилъ Седерлундъ.

Диспонентъ ничего ему не отвѣтилъ, дѣлая видъ, что онъ погрузился въ работу.

III.

Недостатокъ въ рабочихъ быстро сказался. Ночная смѣна еле выработала половину нужнаго количества. Седерлунду пришлось, во избѣжаніе полной остановки, вступить осторожно въ переговоры съ ушедшими рабочими.

Въ тотъ же день они подали въ правленіе фабрики заявленіе, что не намѣрены продолжать переговоры на предлагаемыхъ правленіемъ условіяхъ. На работу согласятся стать только по установленіи примирительнаго соглашенія и продолжаютъ настаивать на обратномъ принятіи на фабрику работницы Каппери.

— На это соглашеніе съ ними я не пойду!—сердито сказалъ диспонентъ: — дѣвчонки этой я ни за что не верну на фабрику; тогда всѣ въ глаза мнѣ будутъ смѣяться. Я сегодня же поѣду самъ подыскивать новыхъ рабочихъ.

— Не ѣзди, слушай меня, Фабіанъ, постарайся уладить какъ-нибудь съ ними,—совѣтовалъ инженеръ.

— Нѣтъ, сто разъ нѣтъ, — упрямо повторялъ Хагманъ, и въ тотъ же день, подъ вечеръ, уѣхалъ въ городъ для найма новыхъ рабочихъ.

Отъѣздъ диспонента и причины, вызвавшія его, не прошли незамѣченными и скоро стали извѣстны всѣмъ на фабрикѣ, достигли и до ушей забастовавшихъ рабочихъ.

— Если на то пошло, то покажемъ мы себя,—сказалъ Ніеми Куста:—сегодня ночью я взорву котлы электрическихъ машинъ.

Молодой парень, яркій типъ убѣжденнаго соціалиста-революціонера, подговорилъ обоихъ своихъ пріятелей, Олли и Матти, а также свою сожительницу, Рауху Каппери, и вмѣстѣ съ ними отправился на фабрику.

Пробраться во внутрь ея было нелегко, тѣмъ болѣе, что, въ виду тревожныхъ обстоятельствъ, число сторожей было значительно усилено, спущены на веревкахъ собаки.

— Ловко устроились, ни откуда не попасть!—ворчалъ Ніеми, тщетно пытаясь проникнуть.—Какъ же быть?

— Я знаю, какъ пробраться, Куста,—предложила Рауха,—только это удобно мнѣ одной сдѣлать...

Рабочіе недовѣрчиво ее слушали.

— А какъ ты надумала?—спросилъ Куста.

— Слушайте. Ночью работы въ заводѣ не такъ много, какъ днемъ, а въ особенности теперь, когда народу стало меньше, воды изъ водопада пускаютъ совсѣмъ мало. Большой жолобъ почти пустъ; я пролѣзу сквозь него, попаду въ турбинное отдѣленіе,—оно недалеко отъ электрическихъ котловъ,—заложу подъ нихъ по динамитному патрону, а сама бѣгомъ опять въ жолобъ и уйду.

Смѣлый планъ дѣвушки поразилъ рабочихъ.

— Молодецъ! — съ восхищеніемъ воскликнулъ Ніеми: — смѣла же ты, Рауха, придумала ловко! А мы тебя подождемъ у водопада.

Разъяснять планъ было нечего, все было такъ понятно. Скоро они достигли отверстія жолоба. Слова Раухи оправдались: вода бѣжала въ него слабою струею, главная сила водопада была спущена черезъ шлюзъ.

Туго обвязавъ юбку веревкой, спрятавъ динамитные патроны на груди, дѣвушка смѣло спустилась въ отверстіе громаднаго жолоба и исчезла въ немъ; не перестававшая бѣжать струя воды хотя и промочила ея одежду насквозь, но помогала ей самой

передвигаться гораздо скорѣе. Сырость воды замѣняла ей отчасти и воздухъ. Не много прошло времени, какъ звонкое шлепанье турбинныхъ лопастей по водѣ заставило ее ловко вылѣзти изъ жолоба и осторожно спуститься на землю.

Съ прилипшими къ тѣлу сырыми юбкой и рубашкой, Рауха, какъ тѣнь, перебѣжала изъ турбинной въ освѣтительное отдѣленіе, — стараясь не быть замѣченной, — хотя въ этомъ особой опасности и не предвидѣлось, такъ какъ небольшое число оставшихся на фабрикѣ рабочихъ были на своихъ мѣстахъ,—турбинная была пуста, а изъ освѣтительнаго отдѣленія мастеръ куда-то вышелъ. Заложить патроны подъ котлы и прицѣпить къ нимъ бикфордовъ шнуръ было для ловкой дѣвушки недолго. Она сейчасъ же, не дожидаясь результатовъ своей преступной работы, отправилась тѣмъ же путемъ, черезъ жолобъ, обратно.

На этотъ разъ пробираться ей пришлось тяжелѣе: бѣгущая вода задерживала все-таки ея движеніе; къ тому же жолобъ постепенно повышался; приходилось ползти, придерживаясь за его стѣнки. Ноги скользили о выглаженное водою, отъ времени даже илистое дно жолоба, пальцы срывались отъ напряженныхъ усилій, дыханіе усиливалось, а воздуху было мало. Рауха задыхалась; она настойчиво подвигалась впередъ, не переставая думать о взрывахъ, которые каждую минуту должны были послѣдовать.

Дѣвушка добралась почти до конца своего труднаго пути, когда позади нея, гдѣ-то внизу, точно кто-то громко вздохнулъ, и звукъ оглушительно раздался по жолобу. Неожиданно ворвавшійся токъ свѣжаго воздуха выкинулъ ее изъ жолоба. Она упала на мягкій талый снѣгъ и со страхомъ ожидала второго взрыва, но онъ не послѣдовалъ. Рауха пыталась приподняться, но не могла, и только застонала: обломками разрушеннаго жолоба ей ударило по плечу и больно ушибло ногу.

На стоны ея прибѣжали дожидавшіе ее рабочіе; Олли и Матти понесли ее домой, а Куста остался дожидать результатовъ взрыва...

Ярко освѣщенная фабрика сразу погрузилась во тьму. Оттуда неслись крики, а тамъ царило смятеніе. Куста довольно улыбнулся, погрозилъ для чего-то кулакомъ и пошелъ по дорогѣ къ фабрикѣ.

IV.

Почти у самыхъ зданій ея онъ остановился и прислушался. Шумъ на фабрикѣ не прекращался. Куста подошелъ ко входу.

Странное чувство какой-то двойственности охватило молодого парня: онъ радовался разрушенію, которое онъ внесъ сюда, и въ то же самое время на душѣ у него легъ тяжелый камень сомнѣнія, хорошо ли онъ поступилъ, что уничтожилъ учрежденіе, благодаря которому кормилась такая масса людей.

Какъ убійцу притягиваетъ то мѣсто, гдѣ онъ убилъ человѣка, такъ и Кусту тянула эта фабрика. Пользуясь, что у входа не было сторожа, убѣжавшаго къ мѣсту взрыва, молодой агитаторъ вошелъ въ темную пріемную. Ему стало неожиданно жутко. Изъ фабрики несся неясный гулъ голосовъ; идти туда Куста не рѣшался.

Ему послышались шаги по темному проходу; кто-то шелъ въ пріемную.

— Это возвращается сторожъ!—рѣшилъ Ніеми, но вмѣсто сутуловатаго сторожа Пуро передъ агитаторомъ выросла рослая фигура Седерлунда; Куста сразу узналъ его и невольно вздрогнулъ.

— Кто здѣсь?—громко спросилъ инженеръ, замѣтивъ его.

— Я!—смѣло отозвался Ніеми.

— Куста Ніеми! Разумѣется, кто же, кромѣ тебя, рѣшился бы сюда явиться, чтобы полюбоваться своею подлою работою, негодяй!

— Я сдѣлалъ только то, что меня обязывалъ долгъ въ защиту угнетенныхъ капиталомъ рабочихъ! Повторяю, что сдѣлаю это второй, третій, въ тысячный разъ, если это будетъ нужно!

— Послушалъ бы ты, какъ стонутъ два обожженные и раненые рабочіе, не сталъ бы тогда пѣть гимны своему безчеловѣчному поступку! — съ негодованіемъ проговорилъ Седерлундъ и подошелъ ближе къ Ніеми.

— Пусть кричатъ, страдаютъ, мучатся! Они—жертвы капитала, а не моего дѣла,—это они скоро сами поймутъ, я имъ объясню.

— Едва-ли! Отсюда ты не уйдешь.—Инженеръ быстро обошелъ молодого человѣка и загородилъ ему выходъ на улицу.

— Пустите! — сжимая губы, настойчиво сказалъ агитаторъ.

— Не выпущу.

— Пустите, иначе будетъ худо,—повторилъ Куста; слышно было, какъ голосъ его дрожалъ.

Фигура Седерлунда попрежнему загораживала выходъ.

Ніеми, какъ кошка, бросился къ нему и острой пукой ударилъ въ нижнюю часть живота. Инженеръ громко вскрикнулъ и перегнулся навзничь, черезъ перила.

Убійца не сталъ медлить, стрѣлою промчался по узкому проходу и скрылся на улицѣ.

Громкій разговоръ и крикъ, стоны раненаго привлекли вниманіе бывшихъ на фабрикѣ рабочихъ,—въ пріемную вбѣжали люди. Кто-то чиркнулъ спичкой.

— Инженеръ убитъ!—послышались испуганные голоса.

Раненаго осторожно положили на скамейку, побѣжали за врачомъ, находившимся внутри фабрики.

Седерлундъ продолжалъ тихо стонать; онъ не могъ говорить отъ боли.

— Переносить его сейчасъ опасно,—рѣшилъ докторъ, осмотрѣвъ раненаго: — у него порѣзанъ сальникъ, пробита печень. Дѣло плохо, едва-ли до разсвѣта выживетъ!

Вѣсть объ убійствѣ быстро облетѣла весь фабричный поселокъ, на фабрику явились многіе изъ бастующихъ рабочихъ.

— Вы его убійцы, — обвиняли ихъ не забастовавшіе товарищи,—вашъ союзъ приказалъ его убить.

— Неправда, — горячо возражали забастовщики: — нашъ союзъ никому не только не приказывалъ убивать, но не давалъ даже права на это.

— Пока не услышимъ отъ самого инженера имя его убійцы— не повѣримъ.

Послѣ долгихъ усилій, эѳирныхъ вспрыскиваній, врачу удалось привести въ чувство раненаго. Тяжело полуоткрылись мутные глаза, на нихъ лежала уже печать смерти, дыханіе съ трудомъ вырывалось изъ груди. Этой минутой воспользовались обвиняемые рабочіе.

— Господинъ инженеръ, мы просимъ васъ, какъ честнаго человѣка, скажите всѣмъ открыто, виновенъ ли въ нанесеніи вамъ раны нашъ рабочій союзъ?

Седерлундъ вперилъ тусклые зрачки въ спрашивающаго его рабочаго и слабо, но отчетливо отвѣтилъ:

— Нѣтъ, организованный союзъ рабочихъ не виновенъ!

Оправданные рабочіе торжествующе взглянули на своихъ обвинителей.

— Скажи, кто же тебя ранилъ? — допытывалъ диспонентъ инженера.

— Скажу, но не здѣсь, не людямъ, а Богу! Онъ насъ разсудитъ!—медленно, но твердо сказалъ раненый. Разспросы утомили его; онъ снова закрылъ глаза, грудь стала опускаться все тише, на закрытыя вѣки легли синеватыя тѣни. Какой-то неясный не то вздохъ, не то стонъ вырвался изъ его груди, вы-

сокая фигура инженера еще больше вытянулась,—Седерлунда не стало.

Черезъ часъ послѣ его смерти забастовщики послали въ свою газету „Työmies", въ Гельсингфорсъ, телеграмму: „Мы, рабочіе, признали, что инженеръ Седерлундъ честно исполнилъ свой долгъ гражданина, объявивъ на смертномъ одрѣ о невинности организованныхъ рабочихъ въ его смерти".

V.

На свѣтѣ ничего нѣтъ вѣчнаго. Прошло двѣ недѣли послѣ убійства Седерлунда, диспонентъ снова сошелся съ забастовавшими рабочими, на мѣстѣ убитаго появился его замѣститель, молодой инженеръ, очень оживленный, веселый.

Заболѣвшій фабричный организмъ выздоровѣлъ, работа снова закипѣла, срочные заказы не могли мириться съ задержкой, колесо промышленнаго труда стремительно завертѣлось снова. Бастовавшіе рабочіе хотя и не знали настоящихъ виновниковъ убійства Седерлунда и взрыва котловъ электрическаго освѣщенія, но инстинктивно сторонились Кусты Ніеми и его сожительницы и общимъ голосомъ просили диспонента не брать ихъ на фабрику.

Послѣдній былъ очень доволенъ этимъ постановленіемъ и охотно на него согласился.

Куста съ Раухой ушли изъ поселка, возмущенные неблагодарностью рабочихъ, ради которыхъ они „старались".

— Намъ не нужно вашихъ стараній,—сказалъ имъ на прощанье одинъ изъ рабочихъ.—Мы обошлись бы и безъ нихъ.

— Вспомните о насъ, какъ диспонентъ съ его деньгами сядетъ вамъ совсѣмъ на шею! — грозилъ Ніеми, уходя изъ поселка.

Убійство хозяйскаго родственника, взрывъ на фабрикѣ—временно примирили рабочихъ съ диспонентомъ, но крѣпко вкоренившаяся съ нѣкоторыхъ поръ рознь между трудомъ и капиталомъ не погасла.

Новые всесословные выборы въ сеймъ были не за горами; прежняя система ихъ давала большія преимущества богатымъ и знатнымъ быть въ большинствѣ на сеймѣ и распоряжаться краемъ по своему усмотрѣнію.

Младо-финская партія, представлявшая изъ себя силу капитала, и шведоманская, олицетворявшая собою дворянство, не обращали никакого вниманія на остальныя партіи, которыя, несмотря

па свой количественный перевѣсъ, не имѣли до сихъ поръ никакого значенія, благодаря прежнимъ условіямъ выборовъ.

Но теперь сразу все перемѣнилось: передъ младо-финнами и шведоманами встала грозная сила народа и людей труда въ лицѣ старо-финской партіи и соціалъ-демократовъ; къ нимъ присоединились еще аграрный союзъ и партія христіанскаго направленія. Но шведы и младо-финны, такъ долго державшіе власть въ своихъ рукахъ, пе представляли себѣ ясно настоящей опасности и попрежнему презрительно смотрѣли и относились къ своимъ противникамъ, что не мѣшало имъ дѣятельно готовиться къ выборамъ, мобилизировать свои силы и подсчитывать голоса.

Не дремали и ихъ соперники,—они тоже собирались на митинги, агитировали въ деревняхъ, селахъ, по торпамъ, въ народныхъ школахъ, на фабрикахъ, заводахъ, на каменоломняхъ, среди рыбаковъ, лѣсопромышленниковъ. Немало помогъ имъ и новый законъ, согласно которому женщина получила на выборахъ тѣ же права, какъ и мужчина, т.-е. избирать и быть самой избираемой.

Первый разъ въ Европѣ она стала равноправна мужчинѣ.

Финская женщина проникнулась этимъ сознаніемъ; она поняла, что многое, о чемъ теперь могутъ мечтать, какъ о несбыточной мечтѣ, утопіи, можетъ, при ея энергичномъ содѣйствіи и начинаніи, осуществиться во-очію.

Женскіе союзы и общества принялись усиленно агитировать среди женщинъ всѣхъ слоевъ общества, причемъ выяснилось, что большинство ихъ симпатій—на сторонѣ народной партіи.

VI.

Въ фабричномъ поселкѣ тоже дѣятельно готовились къ выборамъ. Помимо собраній разныхъ политическихъ партій среди мужчинъ, жены рабочихъ и сосѣднихъ крестьянъ и торпарей тоже собирались часто въ мѣстной школѣ.

— У меня въ школѣ для васъ удобно,—привѣтливо приглашала союзница Алла Ауранепъ, пожилая учительница, чрезвычайно сочувствовавшая женскому равноправію. Сама она не рѣшалась выступать ораторшей, ей мѣшали ея природная застѣнчивость и уродство. Ауранепъ была горбата, но, несмотря на это, вопреки сложившемуся убѣжденію, что всѣ горбатые — злы, рѣдко было встрѣтить существо болѣе привѣтливое, отзывчивое на всякое горе. Она привязывалась всѣмъ своимъ незлобливымъ сердцемъ

къ ученикамъ и ученицамъ своей школы. Въ свою очередь они также любили ее.

Въ поселкѣ ее прозвали „Добрый верблюдъ“, но это названіе было ей дано не въ виду ея уродства, а только благодаря случайности. Одинъ изъ дѣтей читалъ въ классѣ какую-то нравоучительную сказку, въ которой верблюдъ игралъ добродѣтельную роль и спасалъ своего хозяина отъ разбойниковъ.

— Ты знаешь, что̀ такое верблюдъ,—спросила учительница одного мальчика:—на что̀ онъ походитъ?

— Знаю, тетя Алла.

— А ну, скажи!

— На тебя, тетя: ты такая же добрая, какъ и онъ,—увѣренно отвѣтилъ ребенокъ.

Учительница поблѣднѣла; съ перваго раза ей пришла въ голову мысль, что мальчика кто-нибудь подучилъ сказать это, чтобы посмѣяться надъ ея физическимъ недостаткомъ, и она, внутренно волнуясь, ожидала, что остальныя дѣти сейчасъ же начнутъ надъ нею смѣяться, но всѣ они смотрѣли на учительницу серьезно, въ особенности въ глазкахъ предполагаемаго маленькаго виновника она прочитала одну дѣтскую наивность, и успокоилась.

Съ тѣхъ поръ это прозвище осталось за нею и не только не сердило учительницу, но даже доставляло ей удовольствіе.

Иногда—послушать, какъ разсуждаютъ „бабы“—заходили въ школу и рабочіе съ фабрики. Для нихъ это было до сихъ поръ неслыханное дѣло; отчасти это ихъ занимало, но съ нѣкоторыхъ поръ мужчины стали относиться болѣе серьезно къ женскому равноправію.

— Слышали новость?—сказала другая учительница, Ида, статная, высокая блондинка, жена Эро Рауніо, работника на фабрикѣ, входя въ помѣщеніе школы послѣ окончанія классовъ. И не дожидаясь отвѣта отъ Аллы, пріостановившейся вязать свой неизмѣнный чулокъ, она, точно торопясь передать новость, продолжала:

— Хилья Ярвиненъ пріѣхала изъ Америки!

Дѣйствительно, эта новость была неожиданной для учительницы. Хилья Ярвиненъ заставила своего мужа, Тайво, зажиточнаго торпаря, бросить свою торпу, которую обрабатывали еще его отецъ и дѣдъ, и переселиться въ Америку.

— Она вернулась! Послѣ того, какъ сама говорила, что никогда ея нога не ступитъ на землю Суоми! И Тойво съ нею?—спросила Алла, снова принимаясь механически за спицы.

— Нѣтъ, онъ остался тамъ; она одна прискакала сюда,—заслышала о полученныхъ нами правахъ.

— Вотъ какъ! Иначе я ничего не могу и придумать; они уѣхали въ Америку еще нѣтъ и года...

— Тетя Алла, мнѣ кажется, выборы выборами, а Куста Ніеми самъ по себѣ!—злорадно замѣтила Ида о сплетнѣ относительно связи Хильи съ ушедшимъ съ завода агитаторомъ.

По лицу горбатой промелькнула печальная улыбка.

— Ахъ, Ида, къ чему вспоминать глупыя сплетни, тѣмъ болѣе теперь, когда Куста не находится больше на заводѣ!

— Я такъ просто, въ шутку...—смутилась молодая женщина замѣчаніемъ учительницы. Красивый парень нравился ей самой, и въ прошломъ году она не разъ ссорилась со своею счастливой соперницею, Хильей.

— Она, вѣроятно, явится на наше завтрашнее собраніе,— высказала свое предположеніе учительница.

— Непремѣнно! Развѣ такая горланка лишитъ себя удовольствія поговорить? Въ прошломъ году она рвалась на митинги къ мужчинамъ, да ее никуда не пускали! Будь моя воля, я запретила бы ей у насъ говорить.

— Она теперь ужъ не наша, американка! — презрительно протягивая послѣднее слово, закончила Ида.

— Пусть говоритъ, запрещать это мы никому не можемъ; я увѣрена, что она выскажетъ не мало чего полезнаго; цѣлый годъ, прожитый въ чужой странѣ, научилъ ее многому.

— Какъ заводить новыхъ любовниковъ!—не вытерпѣла Ида похвалы своей бывшей соперницѣ.

— Къ чему такой упрекъ, фру Рауніо?—покачавъ головой, сказала горбатая.

Ида поспѣшно протянула ей руку, и выбѣжала изъ школы.

Февральскій день спокойно догоралъ; солнце почти уже зашло, только послѣдніе лучи его расплавленнымъ золотомъ разлились по стекламъ верхней части большого окна, кидая рѣзкія тѣни, уходившія все выше и выше.

Солнце погасло.

Мягкое, еле видимое, скорѣе ощущаемое, покрывало сумерекъ проникло въ классную и затушевало дальніе углы. Въ большой, пустой комнатѣ чувствовался покой; сошелъ онъ и въ душу учительницы Аураненъ, этого одинокаго существа. Она наслаждалась имъ послѣ шумнаго школьнаго дня, сидя въ креслѣ-качалкѣ, этой непремѣнной принадлежности каждаго финскаго дома. Мысли Аллы, вопреки ея волѣ, проникали во всѣ тайники ея сердца, будили въ нихъ уже заснувшія надежды, мечты...

Все это было въ прошломъ; настоящее отзывалось слишкомъ суровой дѣйствительностью.

Учительница вспомнила время, когда она была еще молоденькой дѣвушкой, дочерью богатаго купца. Положеніе единственной наслѣдницы было завидное, на ея уродство не обращали вниманія, отъ жениховъ не было отбою; въ особенности ей нравился Фабіанъ Хагманъ, тогда еще служившій бухгалтеромъ у ея отца.

Красивый молодой человѣкъ сдѣлалъ ей предложеніе, но старикъ отецъ Аллы, грустно улыбнувшись, сказалъ ей:

— Не вѣрь ему, онъ не любитъ тебя, ему нужны только твои деньги!

Привыкшая вѣрить во всемъ отцу, Алла, послѣ долгаго колебанія, отказала бухгалтеру, несмотря на то, что сама его любила.

Неудачныя спекуляціи пошатнули денежныя обстоятельства старика Ауранена, онъ разорился.

Всѣ женихи сразу исчезли изъ ихъ дома,—кому изъ нихъ нужна была въ жены бѣдная дѣвушка и притомъ еще съ физическимъ недостаткомъ; о мягкомъ, впечатлительномъ ея сердцѣ, о чудной душѣ никто не хотѣлъ и думать. Отсталъ и Хагманъ, продолжавшій ухаживать за нею, несмотря на отказъ...

Вспомнились старой дѣвушкѣ ея занятія въ университетѣ, куда она поступила послѣ смерти отца, ея первая медаль, дипломъ на доктора философіи, ея печатные труды и „Методика начальнаго элементарнаго обученія“ и „Женщина какъ свѣточъ истинно-христіанской любви“, получившіе такую широкую распространенность и...

Кто-то постучалъ въ дверь. Алла вздрогнула, мечты о прошломъ разлетѣлись, она вернулась къ дѣйствительности, къ скромной, но полезной дѣятельности народной учительницы въ фабричномъ поселкѣ.

VII.

— Войдите, дверь не заперта!—громко сказала Алла.

Въ комнату вошла скромно, но чисто одѣтая женщина; Алла сейчасъ же ее узнала.

— Это вы, фру Хилья Ярвиненъ,—милости просимъ, очень рада васъ видѣть, хотя и не ожидала такъ скоро встрѣтиться; садитесь.

— По правдѣ сказать, я и сама не думала, что такъ скоро вернусь на родину, тетя Алла,—отвѣтила Хилья, садясь на низенькую скамейку за одну изъ партъ. Ея низкій голосъ, довольно

пріятный, немного хрипѣлъ; въ сгущавшихся все больше и больше сумеркахъ трудно было разсмотрѣть лицо пришедшей.

— Хорошо ли устроились на новомъ мѣстѣ? — заботливо спросила учительница.

— Очень хорошо: земли купили достаточно и недорого, земля хорошая, обстроились немного, урожай одинъ уже сняли. По правдѣ сказать, все устроилось лучше, чѣмъ ожидали. Тойво сначала скучалъ по родной странѣ, теперь привыкъ...

— Ну, а вы, фру Ярвиненъ, тоже привыкли? вы вѣдь такъ стремились отсюда уѣхать!

Молодая женщина молчала, опустивъ голову.

— Не буду предъ вами скрываться, тетя Алла; мнѣ оказалось это не подъ силу! Океанъ отдѣлялъ отъ меня родную Суоми, но мысль о ней ни на минуту меня не покидала. Тщетно пыталась я забыться въ работѣ,—меня тянуло сюда все сильнѣе и сильнѣе... Но я все же крѣпилась. Когда же къ намъ, въ Канаду, пришло извѣстіе, что женщина получила избирательныя права, что для дѣятельности ея открыта широкая дорога, я была не въ силахъ оставаться тамъ дольше и вернулась сюда!

— А вашъ мужъ, фру Ярвиненъ?

— Онъ не хотѣлъ покидать землю, онъ сталъ къ ней привыкать... Я обѣщала ему черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вернуться,— чуть слышно проговорила Хилья.

Въ комнатѣ стало совсѣмъ темно. Учительница встала съ качалки и зажгла лампу; свѣтъ лѣниво поползъ по всѣмъ закоулкамъ классной, освѣтилъ онъ и сидѣвшую на скамейкѣ гостью.

Высокаго роста, съ немного рѣзкими чертами темноватаго лица, съ черными, вьющимися волосами, блестящими темнокарими глазами, она ничѣмъ не напоминала финку.

Кочевавшій цыганскій таборъ, снявшійся поспѣшно ночью со становища, преслѣдуемый полиціей за конокрадство, впопыхахъ забылъ малютку—дѣвочку лѣтъ трехъ. Зажиточная вдова Ильмариненъ воспитала ее и выдала замужъ за торпаря Тойво Ярвиненъ.

Вотъ происхожденіе Хильи, объясняющее ея чуждый для Финляндіи типъ.

Она училась здѣсь же у Аллы, и, благодаря своей находчивости, способностямъ, живости характера, была ея любимицей.

— Я остановилась у моей названной матери,—поспѣшила объяснить Хилья, точно ожидая этого вопроса со стороны хозяйки.

— А у насъ, слышали, какія непріятности были на заводѣ?— замѣтила послѣдняя.

— Да, мнѣ говорили! Ихъ нужно было предвидѣть: диспонентъ самъ во многомъ виноватъ.

Учительница вздрогнула; рѣзкое замѣчаніе Хильи относительно Хагмана, къ которому старая дѣвушка до сихъ поръ чувствовала невольную слабость, обидѣло ее.

— Седерлунда мнѣ жаль; онъ былъ прямой и честный человѣкъ; жаль, что вмѣсто него не убили диспонента.

Алла не могла сдержать дольше своего негодованія.

— Къ чему такое жестокое желаніе, Хилья? Этого Хагманъ не заслужилъ.

— А инженеръ еще меньше его! Кто убилъ?—послѣдовалъ ея короткій вопросъ.

— Этого никто не знаетъ,—уклонилась отъ прямого отвѣта Алла.

— Мнѣ говорили, что подозрѣваютъ Кусту Ніеми...

Хилья сразу замолчала, рѣзкимъ движеніемъ повернула голову и, уставившись глазами въ лицо хозяйки, отчетливо сказала:

— Я увѣрена, что убилъ онъ! Ніеми одинъ способенъ на это дѣло, середины онъ не признаетъ. Жаль, что онъ самъ не признался; инженеръ поступилъ честнѣе его,—не выдалъ имени убійцы!

Разговоръ объ убійствѣ, уже успѣвшемъ утратить свой острый интересъ, былъ непріятенъ для Аураненъ; ей невольно вспомнились всѣ подробности его, и чувствительное сердце старой дѣвушки снова забилось.

— Я знаю, куда ушелъ Куста,—продолжала Хилья:—онъ у торпарей въ баронскомъ имѣніи, агитируетъ среди нихъ и, кажется, успѣшно; баронъ успѣлъ уже принести имъ много непріятностей!

— Откуда, Хилья, вы все это знаете?—изумилась Алла:—вѣдь вы всего только со вчерашняго дня здѣсь!

— Чтобы узнать о человѣческихъ несправедливостяхъ, достаточно одного мгновенія; хорошія вѣсти узнаются гораздо позднѣе!

— Нужно сознаться, что это такъ; а лучше, еслибы это было наоборотъ!

— Лучше — еслибы совсѣмъ зло исчезло! — перебила ее гостья и, потягиваясь, поднялась съ неудобной скамейки.

— Завтра у васъ въ школѣ собраніе женскаго союза,—я приду,—прощаясь съ учительницей, проговорила Хилья и медленно вышла изъ классной. Алла задумчиво посмотрѣла ей вслѣдъ; рѣзкость сужденій молодой женщины ее поражала.

— Это не то, что я,—прошептала Алла: — у нея большой характеръ!

VIII.

Вечеромъ на другой день школа начала наполняться женщинами изъ фабричнаго поселка; собранію предстояло разобраться въ нѣсколькихъ важныхъ вопросахъ, первымъ изъ которыхъ былъ вопросъ о всеобщей трезвости, проведеніе котораго въ жизнь, какъ законопроекта въ новомъ всесословномъ сеймѣ, ожидался большинствомъ женщинъ.

Въ немъ онѣ видѣли единственное спасеніе своихъ семей и себя отъ нищеты, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже отъ тюрьмы и больницы.

Идея Матти Хеленіуса, этого поборника трезвости, съ быстротою молніи облетѣла всю страну. Едва-ли когда-нибудь она была такъ горячо привѣтствуема.

Кромѣ различныхъ союзовъ трезвости, за нее ухватилась партія христіанскаго направленія, и это дало ей возможность пополнить свои ряды женщинами.

На сегодняшнемъ собраніи союза долженъ былъ рѣшиться вопросъ, нужно ли для успѣха борьбы съ алкоголемъ присоединяться къ партіи христіанскаго направленія и проводить его кандидатовъ и кандидатокъ въ сеймъ, или же оставаться въ болѣе близкихъ къ нимъ по общимъ интересамъ партіяхъ старофинской и соціалъ-демократической, поддерживая ихъ кандидатовъ?

Вторымъ вопросомъ было поставлено обсужденіе о немедленномъ уничтоженіи регламентированной проституціи; законопроектъ относительно этого вопроса долженъ былъ быть внесеннымъ однимъ изъ первыхъ въ новый сеймъ.

Его уже докладывали въ сенатѣ по ходатайству партіи христіанскаго направленія, союза трезвости женщинъ Финляндіи и союза нравственности „Бѣлая лента"; но сенатъ, принципіально согласившись съ этими ходатайствами, назначалъ особую коммиссію для разработки проекта мѣръ.

Такое промедленіе не нравилось женщинамъ,—онѣ желали болѣе скораго рѣшенія этого вопроса.

Администрація завода косо посматривала на эти собранія въ школѣ, но воспретить ихъ не могла. Сенатъ спохватился немного поздно, когда опасность отъ подобныхъ собраній для успѣха шведской и младо-финской партій стала очевидною, и выпустилъ

новый законъ о нихъ, но вступить въ силу онъ могъ не раньше конца февраля,—и потому союзы попрежнему собирались безпрепятственно. Чуть ли не всѣ женщины изъ поселка явились въ школу; не пришли только пасторша, ярая шведоманка, да нѣсколько женъ рабочихъ-шведокъ. Дочь короннаго лэндсмана, Елена Фриманъ, шведка, тѣмъ не менѣе явилась; несмотря на вражду, существовавшую между обѣими націями, она сочувствовала женской равноправности и много говорила на собраніяхъ союза. Кромѣ вышеупомянутыхъ существенныхъ вопросовъ, большинство женщинъ привлекло сюда появленіе Хильи Ярвиненъ; она слыла въ поселкѣ одною изъ энергичныхъ дѣятельницъ женскаго движенія.

Характерный тюркскій типъ лица преобладалъ среди собравшихся; круглое, мало выразительное лицо съ выдающимися скулами, съ маленькими глазами, свѣтлые, въ большинствѣ случаевъ, волосы, приземистыя, ширококостыя фигуры съ угловатыми движеніями—вотъ портретъ большинства финскихъ женщинъ.

Только стройная брюнетка Хилья, высокая, миловидная Ида Рауніо да хрупкая блондинка дочь лэндсмана выдѣлялись среди нихъ.

Обычной женской болтовни, трескотни на этотъ разъ не было слышно,—угрюмыя финки рѣдко смѣются, въ особенности когда онѣ сознаютъ важность обсуждаемаго ими дѣла.

Большое помѣщеніе классной было переполнено. Всѣ скамейки у партъ и самыя парты были заняты; сидѣли даже на подоконникахъ. Для предсѣдательницы былъ поставленъ у дальней стѣны небольшой столъ.

Съ послѣднимъ ударомъ восьми часовъ мѣсто это заняла Елена Фриманъ; она отлично исполняла обязанности предсѣдательницы, и потому оставалась на всѣхъ собраніяхъ женщинъ несмѣняемою.

При звукѣ колокольчика сразу замолкли даже тѣ тихіе разговоры, которые велись среди различныхъ группъ собравшихся.

— Я не буду говорить вамъ о важности разсматриваемыхъ нами сегодня вопросовъ,—обращаю вниманіе на Хилью Ярвиненъ, присутствующую здѣсь, среди насъ. Она вернулась изъ далекой страны, изъ Америки, гдѣ многое для борьбы съ алкоголемъ уже сдѣлано, а потому прошу ее, отъ имени собранія, подѣлиться съ нами своими знаніями.

Женскій рой зашумѣлъ, выражая свое согласіе съ предсѣдательницей.

— Просимъ Хилью Ярвиненъ, пусть она намъ разскажетъ!—послышались голоса.

Стройная фигура прибывшей поднялась среди женскихъ головъ; она поклонилась собравшимся и приготовилась говорить.

IX.

— Вы меня просите разсказать вамъ, какъ борются ваши американскія сестры съ нашимъ общимъ врагомъ, алкоголемъ,— раздался голосъ Ярвиненъ среди воцарившейся въ комнатѣ тишины.—Къ сожалѣнію, я слишкомъ мало времени была въ этой странѣ, но то, что мнѣ удалось узнать и самой видѣть, я вамъ сообщу. — Борьба со спиртными напитками идетъ жестокая, а въ штатѣ Юва женщинамъ удалось, соединившись вмѣстѣ, начать наступленіе на своего врага. Онѣ уничтожили, гдѣ только могли, бочки, бутылки, фляги съ виски, съ ромомъ, коньякомъ, пивомъ и другими спиртными напитками. На защиту своего исконнаго друга — алкоголя — стали мужчины; во многихъ поселкахъ происходили драки, но въ концѣ концовъ женщины вышли побѣдительницами. Въ штатѣ запрещены закономъ выдѣлка и продажа спиртныхъ напитковъ.—Результаты этого воспрещенія получились блестящіе: число больныхъ значительно сократилось, точно также стало меньше преступленій, нѣкоторыя тюрьмы пустуютъ, и поговариваютъ даже о превращеніи ихъ въ богоугодныя заведенія. Нищета исчезаетъ, — я не говорю объ единичныхъ случаяхъ. Уменьшено и число полицейскихъ констэблей, а слѣдовательно и расходъ на нихъ. „Запретный законъ — пугали люди, имѣющіе выгоды отъ выдѣлки и продажи спиртныхъ напитковъ, — поведетъ за собою крайне неблагопріятныя послѣдствія: онъ сдѣлаетъ крупный переворотъ въ экономическомъ положеніи какъ казны, такъ и общины, принудитъ повысить налоги, вызоветъ неслыханный до сихъ поръ притокъ тайнаго ввоза алкоголя и его тайной продажи и тайнаго винокуренія,—однимъ словомъ, породитъ собою цѣлый переворотъ въ общественной и частной жизни и причинитъ массу народныхъ бѣдствій". И все это оказалось пустыми словами „bluff'омъ", какъ говорится въ Америкѣ. Я увѣрена, что, поднимая и ратуя за вопросъ всеобщей трезвости, финская женщина заслужила себѣ почетный вѣнокъ. Безъ сомнѣнія, примѣръ финскихъ женщинъ послужитъ образцомъ и ссылкой для женщинъ многихъ странъ.

Хилья воодушевилась къ концу рѣчи еще болѣе, обычная хрипота ея голоса исчезла,—онъ звучалъ мощно, красиво. Рѣчь ея

произвела большое впечатлѣніе; мало впечатлительнымъ, угрюмымъ финкамъ она очень понравилась.

— Изъ лагеря противниковъ трезвости выступаютъ личности, которыя стремятся ослабить значеніе запретнаго закона посредствомъ насмѣшекъ и подтруниванія надъ нимъ, говоря, что изъ этого ровно ничего не выйдетъ, что введеніе всеобщей трезвости — одна лишь мысль праздныхъ лѣнтяевъ, воздушные за̀мки фантазёра, которому желательно щегольнуть красивой фразой о высокой идеѣ трезвости,—подтвердила тактическій пріемъ противниковъ предсѣдательница Фриманъ.

— Развѣ обездоленныя пьянствомъ мужей, отцовъ, сыновей — жены, матери и семьи, съ мольбой простирающія руки о спасеніи ихъ отъ нищеты, проклинающія это всесильное чудовище, имя которому алкоголь,—праздные лѣнтяи? Неужели ихъ слезы, ихъ горе и отчаяніе похожи на красивыя фразы фантазёра?—горячо возразила снова Хилья.—Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ, нашъ врагъ долженъ быть уничтоженъ, пощады для него не существуетъ,—слишкомъ много зла принесъ онъ человѣчеству!

Слова молодой женщины воодушевили многихъ изъ присутствующихъ; имъ самимъ было близко это горе: пьянство среди рабочихъ—обыденное явленіе.

Со скамейки поднялась совсѣмъ дряхлая старуха. Слабымъ, прерывающимся отъ волненія голосомъ она сказала:

— Всѣ меня здѣсь кличутъ бабушкой Альфильдой, а мнѣ еще нѣтъ полныхъ пятидесяти лѣтъ. Я стара, слаба, работать не въ силахъ,—а кто этому виноватъ? Водка! Она съѣла мою молодость, силы, я пропила разумъ! Скрывать не стану—я начала пить, какъ только вышла замужъ. Покойный мужъ самъ пріучилъ меня къ водкѣ; мы пили оба—и что̀ же: самъ онъ сгорѣлъ отъ вина; изъ троихъ дѣтей, больныхъ, малосильныхъ, хилыхъ, выжилъ только одинъ, да и онъ не годится на трудную работу. Боритесь съ водкой, финскія женщины, не покладая рукъ; только уничтоживъ ее, вы вернете нашей Суоми благоденствіе и покой!

Воодушевившаяся на минуту, женщина тяжело опустилась на свое мѣсто; порывъ миновалъ,—она снова превратилась въ безпомощную старуху.

Черезъ-чуръ ярко представленъ былъ собравшимся вредъ отъ алкоголя, чтобы говорить еще объ этомъ болѣе. Онѣ молчали, вспоминая, сколько горя многимъ изъ нихъ также принесъ этотъ злой врагъ. Показная трезвость Финляндіи далеко не можетъ скрыть размѣровъ тайнаго пьянства, увеличивающагося годъ отъ году.

— Мы, женщины, должны помнить одно—что полученныя нами въ первый разъ избирательныя права должны быть использованы прежде всего на борьбу съ этимъ врагомъ!—резюмировала Елена Фриманъ сказанное.—Перейдемте теперь къ слѣдующему вопросу.

X.

Глубокіе корни пустилъ развратъ во всемъ мірѣ,—проросли они пышно и въ Финляндіи. Въ другихъ странахъ онъ вынесенъ на уличный просторъ, на него указываютъ пальцами,—здѣсь же, въ молчаливомъ, угрюмомъ краю, онъ такъ же, какъ и алкоголь, стыдливо прячется отъ людского взора, но это не мѣшаетъ ему процвѣтать.

Рѣдкая изъ присутствовавшихъ на собраніи женщина или дѣвушка не имѣла въ прошломъ, иная и въ настоящемъ, темнаго пятна. Объ этомъ знаютъ тихіе, озерные омуты, лѣсныя трясины. Не мало плодовъ увлеченія покоится въ мрачныхъ тайникахъ.

Внѣшняя суровость родителей, жестокіе до сихъ поръ, существующіе въ краѣ, средневѣковые шведскіе законы не мѣшаютъ финской женщинѣ, еще на порогѣ весны жизни, имѣть любовниковъ,—обычай этотъ настолько привился въ Финляндіи, что имѣетъ даже свои традиціи; заводская и фабричная промышленность внесла еще болѣе легкіе нравы.

Нѣкоторые изъ пасторовъ громятъ ихъ со своихъ церковныхъ каѳедръ, другіе относятся къ нимъ безразлично; за послѣднее время даже обнаружено нѣсколько случаевъ, когда лица изъ пасторовъ и народныхъ учителей сами обличены въ развратѣ со своими малолѣтними ученицами...

Про города и говорить не стоитъ,—развратъ тамъ составляетъ ихъ привилегію, въ особенности портовыхъ городовъ. Всевозможныя „бодеги", торгующія испанскими винами—одновременно пріюты запрещенной любви.

— Кто хочетъ высказаться по поводу предложенія союза „Бѣлая лента"? — тихо спросила предсѣдательница; ей, близко знавшей многія обстоятельства фабричной жизни, какъ дочери лэндсмана, было неловко взглянуть на собравшихся женщинъ. Всѣ онѣ сидѣли молча, съ угрюмыми, недовольными лицами, только глаза учительницы попрежнему наивно глядѣли на Елену.

— Никто не хочетъ говорить? — вторично спросила послѣдняя.

— Я!—раздалось въ заднихъ рядахъ, и къ столу подошла Ярвиненъ. Фриманъ изумленно на нее посмотрѣла, но уступила ей свое мѣсто и отошла въ сторону.

Недружелюбно взглянули на нее и остальныя женщины, среди нихъ послышался недовольный ропотъ. Хилья подмѣтила ихъ настроеніе; насмѣшливая улыбка искривила ея губы, она вызывающе крикнула собранію:

— Я замѣчаю, что на этотъ разъ вы недовольны, что я буду говорить! Я догадываюсь, что рѣдкая изъ васъ имѣетъ право опоясаться бѣлой лентой!

Безучастныя за минуту передъ тѣмъ лица, маленькіе глаза сонно смотрящіе изъ-подъ бѣлёсыхъ бровей, сразу оживились, въ нихъ вспыхнулъ злобный огонекъ.

— Я хочу ей отвѣтить! Позвольте мнѣ сказать нѣсколько словъ. Она насъ обидѣла, мы имѣемъ право возразить этой пришлой!—послышались голоса женщинъ; недавнее сочувствіе, съ которымъ приняли ея первую рѣчь, исчезло, симпатіи къ Хильѣ были сметены точно вихремъ. Враждебное чувство къ этой чужой по племени, по взглядамъ, по характеру женщинѣ, къ тому же переселившейся за океанъ, все больше и больше овладѣвало собравшимися.

Смущенная предсѣдательница не знала, что ей дѣлать, кому позволить говорить.

— Слушай, ты, заморская!—раздался грубый голосъ учительницы Иды Рауніо изъ толпы женщинъ:—Много ты о себѣ возмнила! Вернулась изъ Америки бѣлѣе снѣга, святая, безгрѣшная!.. Должно быть, это тамъ водится—каждой шлюхѣ выдавать ангельскій дипломъ!

Поблѣднѣвшая Хилья вздрогнула, оперлась руками о столъ и хотѣла что-то отвѣтить разошедшейся соперницѣ, но та еще громче закричала:

— Забыла, должно быть, какъ прошедшій годъ съ Кустой Ніеми здѣсь хороводилась, а? Помнишь, какъ онъ тебя избилъ? Забыла, можетъ быть? Оттого и увезъ тебя Тойво въ Америку!

Какой-то радостный ревъ удовлетворенной обиды вырвался изъ сотни женскихъ глотокъ при грубомъ оскорбленіи, нанесенномъ ихъ товаркою пріѣзжей,—онѣ были отмщены лучше, чѣмъ могли ожидать.

— Молчала бы лучше, сама лѣзла къ парню,—сквозь зубы сказала Хилья, попрежнему не перемѣняя своего положенія.

Ида сдѣлала видъ, что не слышала ея словъ.

— Ужъ не ты ли, больше чѣмъ кто-нибудь, достойна обвя-

зать себя этой лентой? Посмотримъ,—неужели до этого дойдетъ твое нахальство!—продолжала истерично выкрикивать Ида.

— Замолчи,—бѣшеная!—не могла сдержаться дольше Хилья, и, быстро подбѣжавъ къ работницѣ, бросилась на нее.

Завязалась драка.

Точно стихійный смерчъ въ своемъ полетѣ захватилъ это мирное до сихъ поръ собраніе; женскія страсти разыгрались, въ классной комнатѣ воцарился какой-то хаосъ. Женщины, обратившія всю свою ненависть и злобу противъ Хильи Ярвиненъ, бросились всей гурьбой ее бить.

Тщетно старались перепуганныя Фриманъ и учительница Алла ихъ успокаивать,—крики, дикій вой усиливался, женщины превратились въ бѣсноватыхъ; не слушая ничего и не разбирая, онѣ дрались...

Необычайный шумъ въ школѣ привлекъ сторожей; скоро узналъ о немъ самъ диспонентъ Хагманъ. Только при появленіи его въ классной комнатѣ побоище окончилось.

Дравшіяся женщины смущенно, но тѣмъ не менѣе угрюмо смотрѣли на хозяина.

— Что у васъ тутъ за шумъ?—брезгливо спросилъ диспонентъ и, обратившись къ учительницѣ Аллѣ, сурово сказалъ ей:

— Соглашаясь на ваше избраніе учительницею сюда въ школу, я никогда не могъ думать, чтобы вы допустили въ ней такое безобразіе! Надѣюсь, что черезъ двѣ недѣли я больше васъ здѣсь не увижу! Прощайте!

И Хагманъ, гордо поднявъ голову, вышелъ изъ школы, не посмотрѣвъ даже на убитую неожиданнымъ горемъ горбатую дѣвушку, руки которой онъ нѣкогда добивался съ такою настойчивостью.

XI.

Нелегко было оставаться въ поселкѣ и Хильѣ; ненависть оскорбленныхъ ею женщинъ дѣлала ея пребываніе здѣсь невозможнымъ; онѣ перестали узнавать ее и всячески старались сдѣлать ей непріятность. Онѣ науськивали на Хилью своихъ мужей, выдумывая всевозможныя небылицы.

Рабочіе насмѣшливо выслушивали ихъ розсказни и, махнувъ рукой, повторяли:—Завидуете Хильѣ, красивѣе она васъ всѣхъ!—но мало-по-малу подпадали подъ вліяніе своихъ женъ настолько, что, черезъ нѣсколько дней послѣ скандала въ школѣ, угрюмый Сандбокъ, смотритель на фабрикѣ, обратился къ новому инженеру, Фокштрему:

— Господинъ инженеръ, нельзя ли какъ-нибудь эту потаскушку, Хилью Ярвиненъ, выжить изъ нашего поселка: вредная она женщина!

Молодой Фокштремъ улыбнулся; онъ встрѣтилъ американскую переселенку, ему она очень понравилась.

— Милый мой Сандбокъ, я не понимаю, почему она вредная женщина; я нахожу, напротивъ того, что она очень хорошенькая!

Но, замѣтивъ, что смотритель недовольно насупился, сейчасъ же измѣнилъ свой шутливый тонъ на болѣе серьезный.

— Впрочемъ, вамъ это лучше знать; обратитесь во всякомъ случаѣ къ самому диспоненту!

Настойчивый, но мало разсуждающій Сандбокъ, весь находившійся подъ вліяніемъ своей жены Кондрады, немедленно исполнилъ совѣтъ инженера и доложилъ Хагману.

— Вы правы, Сандбокъ,—Ярвиненъ опасная для нашей фабрики женщина; она привезла съ собою изъ Америки странные взгляды, даже соціализмъ ея какой-то особенный! Я слышалъ также, что и нравственность ея не высокаго качества,—правда?

— Г-нъ пасторъ еще прошедшій годъ неособенно лестно о ней отзывался,—пробормоталъ смотритель;—многія жены рабочихъ на нее жалуются, плохо ведетъ себя...

— Въ такомъ случаѣ, къ чему медлить? Ее нужно удалить изъ поселка,—живо сказалъ диспонентъ.

— Она живетъ у своей пріемной матери, г. диспонентъ; безъ приказа г. лэндсмана это трудно будетъ исполнить.

— Я напишу ему записку, онъ сдѣлаетъ для меня,—нетерпѣливо отозвался Хагманъ и прошелъ въ заводскую контору.

Участь Хильи была рѣшена, оставаться дольше въ фабричномъ поселкѣ ей было невозможно, ее чуть не насильно выдворяли отсюда.

Но съ настойчивой, сознающей себя ни въ чемъ невиноватой, женщиной справиться было не такъ-то легко.

Старуха, ея пріемная мать, замѣчая всеобщее недовольство, возбужденное Хильей, зная хорошо мстительную натуру финновъ, боязливо заявила пріѣзжей:

— Ты бы переѣхала куда-нибудь, Хилья, чтобы еще больше не раздражить ихъ. Бывать ты у меня можешь, когда желаешь, только не живи здѣсь!

— Хорошо, я уйду отъ васъ, но пусть онѣ не думаютъ, что такъ легко отъ меня отвязались! Раньше чѣмъ не окончатся выборы и не выяснятся ихъ результаты, я не уѣду изъ Финляндіи,—упрямо возразила молодая женщина.

— Хорошо, хорошо, въ этомъ тебѣ никто не мѣшаетъ, но только уѣзжай отсюда, пока тебѣ и мнѣ не сдѣлали какой-нибудь непріятности; ты сама хорошо знаешь, каковы здѣшнія женщины, когда разсердятся на кого-нибудь!

— Хорошо, я завтра переѣду къ сестрѣ моего мужа, въ имѣніе Хаукко,—рѣшила Хилья.

На лицѣ старухи показался испугъ.

— Боже тебя сохрани переѣхать туда! Ты знаешь, во-первыхъ, что тамъ идутъ большія непріятности между владѣльцемъ имѣнія и торпарями, а Туомасъ, мужъ сестры твоего мужа, Лайне, одинъ изъ главныхъ зачинщиковъ всей этой исторіи; затѣмъ... тамъ же Куста Ніеми...

Смуглое лицо Хильи залилось румянцемъ; она смѣло, даже съ излишнимъ подчеркиваніемъ сказала:

— Что же изъ этого? Онъ меня вѣдь не съѣстъ!

— Ты забыла, дочка, что съ нимъ Рауха Каппери: помнишь, что прошедшій годъ осенью между вами произошло, когда ты ей окровавила все лицо? Она обѣщала отмстить тебѣ при случаѣ; теперь—самое удобное время для этого; такія женщины, какъ Рауха, не забываютъ!

— Я не боюсь ея,—беззаботно возразила Ярвиненъ.—Да вообще, мама, помни всегда, что испугать меня чѣмъ бы то ни было нельзя! Я не таковская, нюни не распущу! — Старуха только развела руками, видя безнадежность своихъ увѣщаній.

Помѣстье Хаукко отстояло отъ фабрики недалеко; на другой же день Ярвиненъ перебралась въ торпу, въ семью зажиточнаго торпаря Хухтамяки, замужемъ за которымъ была Лайне, сестра мужа Хильи.

XII.

Старуха не преувеличила обостреннаго положенія, въ которомъ находились торпари къ владѣльцу имѣнія.

Большинство занимавшихъ эти участки торпарей унаслѣдовали ихъ отъ отцовъ, владѣвшихъ ими изъ рода въ родъ. Многіе изъ торпарскихъ родовъ осѣли на этихъ земляхъ гораздо ранѣе, чѣмъ эти имѣнія перешли къ ихъ нынѣшнему владѣльцу. Въ одномъ имѣніи Хаукко жило 128 торпарей, составлявшихъ вмѣстѣ съ семьями населеніе въ 839 человѣкъ, въ числѣ коихъ дѣтей ниже 12-лѣтняго 240 и стариковъ свыше 55-лѣтняго возраста 135 человѣкъ. Во владѣніи этихъ торпарей имѣнія Хаукко находилось въ общей сложности—1.000 гектаровъ земли, 900 па-

хотной и 200—луговъ. Нѣкоторые изъ торпарей владѣли участками отъ 16 до 20 гектаровъ, но у многихъ было не больше 1 гектара земли, или, въ среднемъ, на каждаго торпаря $8^1/_2$ гектаровъ. За право пользованія этою землею они ежегодно уплачивали владѣльцу, въ общей сложности, деньгами около 5.500 марокъ, поденныхъ рабочихъ дней съ лошадью—8.600, безлошадныхъ 5.000. Средняя поденная плата рабочему съ лошадью выходила по 6 м. въ день и безлошадному—по 3 м. 50 пенни. Кромѣ того, торпари ежегодно уплачивали сельскими продуктами, рожью, яйцами, брусникой, масломъ и жердями. Въ среднемъ, по 72 м. каждый гектаръ земли, или же по 600 м. на каждую торпу въ годъ. Кромѣ того, они платили еще за страхованіе торпъ отъ огня. Тѣмъ не менѣе, несмотря на такую высокую плату, торпари жили безбѣдно, а нѣкоторые изъ нихъ—даже зажиточно.

Очень можетъ быть, что та и другая сторона продолжала бы мирно уживаться между собою, еслибы новый законъ о реформѣ сейма не заставилъ владѣльца имѣнія увидѣть въ своихъ торпаряхъ-арендаторахъ несомнѣнныхъ враговъ шведской или дворянской партіи.

Начались всевозможныя неправильныя взысканія, незаконные поборы, штрафы... Недовольные торпари стали въ свою очередь волноваться, отказываться отъ ихъ уплаты, спорить; ссора мало-по-малу перешла на партійную почву, страсти разгорались все больше и больше.

Туго натянувшаяся струна зазвучала совсѣмъ враждебно; всѣ способы возможнаго соглашенія съ владѣльцемъ-барономъ были исчерпаны торпарями; онъ не шелъ ни на какія уступки, не принималъ завѣдомо никакихъ условій. Торпарямъ грозило выселеніе изъ домовъ ихъ дѣдовъ и отцовъ, гдѣ они сами родились, выросли, женились и надѣялись, что ихъ дѣти въ свою очередь унаслѣдуютъ эту землю и дома. Гордая шведская кровь заговорила въ баронѣ; онъ упрямо отклонилъ даже предложеніе торпарей, внесенное въ сенатъ, выбрать для разбора ихъ общихъ недоразумѣній близко стоящее къ земельному хозяйству и хорошо его знающее лицо, и даже когда торпарями было предложено ему купить чрезъ посредство правительства это имѣніе, чтобы потомъ по частямъ перепродать его имъ, баронъ надменно сказалъ:

— Никогда землей моихъ предковъ не будетъ владѣть финское мужичье!

Это обидное восклицаніе помѣщика было передано слово въ

слово торпарямъ, и война разгорѣлась еще сильнѣе, еще упорнѣе. Къ этому земельному спору были прикованы взоры всей страны; крестьянская народная партія, старо-финны, была глубоко обижена подобнымъ отношеніемъ къ финскому безземельному крестьянину-торпарю, и еще тѣснѣе сплотилась, чтобы дружно стоять на выборахъ за своихъ кандидатовъ въ новый сеймъ.

Встревоженные отчасти, хотя и увѣренные въ своихъ силахъ и въ несомнѣнной побѣдѣ, шведы совѣтовали барону сойтись какъ-нибудь со своими арендаторами-торпарями, но уговорить закусившаго удила упрямаго владѣльца имѣнія было невозможно.

— Я не отступлю ни отъ одного моего слова!—твердо рѣшилъ баронъ и отклонилъ всякое посредничество.

Вотъ въ какомъ положеніи находились эти 128 торпарскихъ семействъ передъ общими выборами.

XIII.

— Да, невесело у васъ тутъ, Туомасъ, — сказала Хилья мужу Лайне, сестры ея мужа, когда торпарь разсказалъ ей о неурядицахъ ихъ съ барономъ:—вѣдь это полное разореніе!

Угрюмо посмотрѣлъ на нее хозяинъ и махнулъ рукою.

— Не знаемъ, что начать, помѣщикъ ни на что не соглашается, придется выселяться, уѣхать съ того мѣста, гдѣ родился.

— Переселяйтесь въ Америку, Туомасъ, — для тѣхъ, кто хочетъ трудиться, тамъ мѣсто найдется.

Торпарь тяжело вздохнулъ, суровый взглядъ его выцвѣтшихъ глазъ смягчился; онъ печально посмотрѣлъ на разстилавшееся за окномъ дома небольшое пространство поля, покрытое снѣгомъ, на лѣсъ, тянувшійся синеватой сумрачной полосой на далекомъ горизонтѣ... Любовь къ родинѣ, къ этой бѣдной природѣ, кормившей его предковъ—своими скудными плодами, стоящими немало труда и пота...

— Я вѣрю, Хилья, что у васъ, въ Америкѣ хорошо,—мнѣ объ этомъ писали товарищи, которые туда переселились,—знаю, что заработокъ мой будетъ тамъ лучше... но кто мнѣ замѣнитъ родное поле, этотъ лѣсъ, наши тихія озера!?

— Всего этого немало и за океаномъ, земля лучше, даетъ больше,—спокойно отвѣтила Ярвиненъ; ея цыганская натура не представляла себѣ ясно, за что можно любить эту каменистую, угрюмую, непривѣтливую страну, въ особенности когда прихо-

дится такъ много переносить непріятностей только ради того, чтобы съ большимъ трудомъ зарабатывать себѣ пропитаніе.

Дочь кочующаго племени признавала родину только тамъ, гдѣ хорошо жилось и деньги зарабатывались легче.

— Тебѣ не понять этого, Хилья! Спроси нашихъ финновъ, переселившихся въ Америку, чувствуютъ ли они себя счастливыми? Рѣдкій отвѣтитъ тебѣ: „да, счастливъ“; всѣ они томятся, тоскуютъ по своей родной Суоми! Развѣ мало нашихъ братьевъ возвращаются оттуда, мѣняютъ хорошую, привольную жизнь на тяжелый трудъ въ родной странѣ!

— Ну, мой Тойво не вернется,—увѣренно замѣтила женщина,—ему тамъ хорошо!

— Не вѣрю! можетъ быть, онъ слушается тебя, но финнъ вездѣ остается финномъ! Сама же ты вернулась, а развѣ это стоило дешево!

— Я вернулась не потому, чтобы была недовольна нашимъ новымъ мѣстомъ: мнѣ хотѣлось участвовать въ первыхъ женскихъ выборахъ, на этомъ торжествѣ женщины, получившей равныя права съ мужчиной.

— Только ради этого?—пристально глядя на собесѣдницу, спросилъ торпарь.

Хилья перенесла его пытливый взглядъ спокойно,—она была не изъ тѣхъ слабохарактерныхъ женщинъ, которыя невольно, подъ впечатлѣніемъ неожиданнаго вопроса, обнаруживаютъ свои тайныя намѣренія и мысли.

— Да, только ради этого!—спокойно прозвучалъ ея увѣренный отвѣтъ. — Права на голосованіе у меня не отняты, мы съ мужемъ не считаемся еще эмигрантами, торповье еще за нами!

Туомасъ разсѣянно ее слушалъ; всѣ его помыслы были сосредоточены на предстоящемъ въ скоромъ времени ихъ выселеніи съ баронскихъ земель.

— Куста Ніеми здѣсь? — неожиданно для самой себя, слѣдуя теченію какой-то необъяснимой мысли, спросила Хилья.

Торпарь изумленно посмотрѣлъ на нее.

— Онъ жилъ здѣсь больше недѣли, но лэндсманъ выселилъ его отсюда; баронъ жаловался, что Куста агитируетъ противъ него среди нашихъ торпарей. А тебѣ онъ нуженъ?

— Нѣтъ, я такъ спросила... Рауха была съ нимъ?

— Разумѣется, иначе и быть нельзя,—точно нитка за иголкой все за нимъ тянется. Теперь, какъ я слышалъ, они перебрались въ городъ, тамъ среди мастеровыхъ стараются...

— Ну, и что же?—оживленно допытывалась Хилья.

— Куста—парень ловкій на эти дѣла. Кто-то вчера говорилъ, что у плотниковъ ему удалось,—собираются, обсуждаютъ.

— Не забастовали еще?

— До выборовъ едва-ли станутъ бастовать,—не до того,— ну, а послѣ нихъ примутся.

— Вотъ бы и вы!

— Этого только и добивается владѣлецъ имѣнія; только мы бросимъ работать—сейчасъ же выселитъ насъ, торпы другимъ отдастъ. Что скажутъ выборы.

Въ торпу вернулась Лайне, жена Туомаса; она ходила съ двумя дѣтьми въ школу, чтобы переговорить съ учительницей.

— Бѣда никогда не ходитъ въ одиночку, сестра,—сказала эта не по лѣтамъ состарившаяся женщина: — моей Христѣ девять лѣтъ, а Аннѣ нѣтъ еще и восьми; пасторъ нашъ узналъ, что онѣ еще не учатся въ народной школѣ, пришелъ третьяго дня къ намъ, поднялъ цѣлую бурю. „Если не пошлете ихъ на этой недѣлѣ въ школу, — сказалъ онъ мнѣ, — я сведу ихъ самъ туда, а вы лишитесь родительскихъ правъ надъ ними, да еще штрафъ уплатите!“ Ты сама знаешь, близко ли отъ насъ школа; по такимъ морозамъ какъ посылать туда дѣтей? А все же пришлось, иначе еще больше непріятностей вышло бы!

— Альфдаль все еще у васъ пасторомъ?—спросила гостья.

— Разумѣется, онъ; баронъ его любитъ; шведъ не назначитъ финна пасторомъ въ общину, разъ такой большой помѣщикъ не хочетъ,—отвѣтилъ за жену Туомасъ.

— А старикъ Коскиненъ, вѣдь онъ тоже служилъ въ церкви?

— Выгнали вонъ; выдумали, что онъ знахарствомъ занимается, а онъ просто мазь дѣлалъ отъ обжоговъ и давалъ ее кому нужно.

Тяжелое молчаніе водворилось въ маленькомъ домикѣ торпаря. Каждый изъ присутствующихъ былъ занятъ своими мыслями. Хилья пришла къ нимъ довольно поздно; за разговоромъ спустились цѣпкія сумерки. Стало совсѣмъ темно, на небѣ образовался блѣдный дискъ мѣсяца. Лайне укладывала спать уставшихъ дальнею дорогой дѣтей; изъ экономіи, въ виду тяжелыхъ обстоятельствъ, медлили засвѣчать лампу.

— Скучно у васъ, точно камнемъ какимъ давитъ,—невольно высказалась Хилья.

— Ты отвыкла, сестрица,—замѣтила горько Лайне:—а мы и замѣчать о скукѣ перестали, она постоянно съ нами, никуда ее не дѣнешь!

Туомасъ молча сидѣлъ, низко наклонивши голову, на старой дѣдовской качалкѣ; ему ни о чемъ не хотѣлось думать.

Живая натура Хильи чувствовала себя точно въ какомъ-то склепѣ.

XIV.

Вся страна зашевелилась; отовсюду, даже изъ самыхъ захолустныхъ уголковъ Финляндіи, получались извѣстія, что приближеніе выборовъ поставило на ноги весь финскій народъ.

До сихъ поръ въ народной массѣ замѣчалось слишкомъ много равнодушія, много спячки. Но теперь пробудились и оживились всѣ народные слои. Изъ самыхъ отдаленныхъ одиночныхъ хижинъ глухихъ трущобъ спѣшили къ избирательной урнѣ мужчины и женщины, чтобы сказать свое слово, выразить тотъ взглядъ, который назрѣлъ у нихъ вѣками и въ которомъ заключалось ихъ собственное благополучіе, а съ нимъ вмѣстѣ счастье и процвѣтаніе всей страны.

Въ какой мѣрѣ исполнятся его надежды и желанія — это покажетъ будущность. Но не въ одномъ соціализмѣ — счастье; оно кроется въ государственномъ строительствѣ, а не въ разрушеніи.

Въ политическихъ сферахъ западной Европы съ удивленіемъ на все это смотрѣли и ждали съ большимъ интересомъ, насколько финская женщина окажется способной въ своей новой роли, ожидая, что покажетъ недалекая будущность. Кто въ концѣ концовъ окажется правъ: молодое ли маленькое финляндское представительство съ мужчинами и женщинами, или же мудрые и великіе западноевропейскіе политики, не допускающіе и самой мысли, что женщина можетъ быть способна къ политической дѣятельности. Энергія, съ которой каждая партія отстаивала свои взгляды, достигла апогея, чего никогда еще не было въ этой странѣ, да врядъ ли и въ другихъ краяхъ случалось когда-нибудь что-либо подобное.

Благодаря такому всеобщему воодушевленію, и самые выборы должны были пройти хорошо, хотя дѣло подачи голоса было для большинства совершенно новымъ и непривычнымъ дѣломъ.

Народъ долженъ былъ сказать свое слово, посредствомъ всеобщаго избирательнаго права выразить свое желаніе и безъ воодушевленія, безъ поддержки интереса къ такому важному акту, какъ избраніе народныхъ представителей, при новинкѣ выборныхъ началъ, онъ, можетъ быть, и не въ состояніи былъ бы оцѣнить высокаго достоинства предоставленнаго ему права.

Финскія женщины впервые выступали на политическомъ по-

прищѣ и на выборахъ должны были доказать свою способность къ дѣятельности въ этой сферѣ.

Знаменательные дни 15-го и 16-го марта 1907 года вѣчно будутъ помнить въ Суоми, этомъ суровомъ краѣ, когда его народъ совершенно ясно высказалъ свою волю и желаніе, передавая судьбу въ руки своихъ избранниковъ.

Ими были крестьяне, рабочіе, вообще люди, которымъ достается кусокъ хлѣба съ большимъ трудомъ. Старо-финны (крестьянство) и соціалъ-демократы (рабочіе) побѣдили своихъ исконныхъ враговъ—шведскую и младо-финскую партію. Еще недавно надменные, гордые своею властью, они, упавшіе духомъ послѣ пораженія, заискивающе повторяли:

— Время партійной борьбы теперь миновало, мы должны отложить наши личные счеты. Во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ послѣ кровопролитной войны, по заключеніи мира, побѣдитель подаетъ руку побѣжденному, и они братаются,—тѣмъ болѣе и намъ нужно помнить этотъ прекрасный обычай просвѣщенныхъ народовъ. Дни напряженія и горячей политической борьбы прошли, и теперь снова наступили миръ и тишина!

Но побѣдители сурово отнеслись къ этому заискиванью и уклончиво отвѣчали:

— Каждый изъ насъ интересовался этимъ дѣломъ, каждый обсуждалъ его, желая во что бы то ни стало сознательно подать свой голосъ за народнаго избранника, и если дѣйствительно это сознаніе успѣло уже привиться, то мы можемъ быть увѣренными, что наше представительство будетъ служить истиннымъ выразителемъ народныхъ желаній и стремленій: оно какъ разъ отразитъ въ себѣ то, чего народъ требуетъ, чего домогается!

— Но, къ сожалѣнію, обстоятельства у насъ сложились такъ, что выборы наши происходятъ не въ настощемъ, нормальномъ порядкѣ. Братская ненависть, партійные раздоры, гражданская вражда—все это, конечно, не можетъ не оставить своихъ дурныхъ послѣдствій на результатѣ выборовъ; поэтому еще немного рано представлять себѣ наше политическое движеніе въ розовомъ свѣтѣ, —пытались возразить имъ первые, все еще не теряя надежды на примиреніе.—Еслибы финскій народъ держался одного направленія, одного образа мыслей, то изъ маленькой Финляндіи онъ могъ бы создать цвѣтущую и счастливую во всѣхъ отношеніяхъ страну; однако мечта эта пока не можетъ осуществиться, благодаря слишкомъ укоренившемуся разногласію въ народныхъ слояхъ.

— Не можемъ мы протянуть имъ братски руку,—въ свою очередь говорили суометарьянцы.—Много зависти, много ковар-

ныхъ вліяній,—которыми крайне безцеремонно они старались воздѣйствовать на народныя массы, прибѣгая къ несовсѣмъ приличнымъ средствамъ, лишь бы оправдать свои скрытыя цѣли,—не позволяютъ намъ это сдѣлать. Будемъ надѣяться, что рано или поздно народъ самъ пойметъ и научится различать, что можетъ быть для него вредно и что полезно. Старый режимъ отжилъ свое время—и больше ему не возвратиться. Мы теперь приступимъ къ новому началу, къ новому созиданію, и пока оно приметъ твердые свои устои, ошибки будутъ, безъ ошибокъ ничто новое не создается. Ко всякому нововведенію относятся съ недовѣріемъ, но разъ цѣлесообразность его будетъ понятна, успѣхъ будетъ полный.

— Такого сильнаго давленія партій одной на другую, такой братской ненависти, какая теперь замѣчается у насъ, еще прежде никогда пе бывало. Такое печальное явленіе непремѣнно отразится и на народномъ представительствѣ!—съ негодованіемъ повторяли шведоманы.

Тѣмъ не менѣе, результатами первыхъ всесословныхъ выборовъ финскій народъ былъ доволенъ. Во многихъ мѣстахъ на выборы явилось женщинъ больше, нежели мужчинъ; но это свидѣтельствовало, что право голоса дано имъ не даромъ, а за выказанную энергію и тактику; оцѣнка же и достоинство финляндскихъ гражданъ опредѣлятся со стороны цивилизованнаго міра по тому, какое получится представительство и каковы будутъ результаты его работы.

„Этотъ праздникъ фактическаго осуществленія новой исторической эры Финляндіи пробуждаетъ чувства радости въ каждомъ любящемъ свою родину финнѣ",—торжественно заявила одна изъ самыхъ распространенныхъ финскихъ газетъ.

XV.

Въ фабричномъ поселкѣ, а равно и въ земледѣльческой, торпарской общинѣ всѣ были ошеломлены, когда наконецъ выяснился съ такимъ нетерпѣніемъ всѣми ожидаемый результатъ. Вначалѣ никто не хотѣлъ вѣрить народной побѣдѣ, всѣ настолько сжились съ мыслью, что, несмотря на всѣ усилія и хлопоты суометарьянцевъ и соціалъ-демократовъ, шведы и младо-финны пройдутъ въ депутаты въ сеймъ въ большинствѣ.

На станцію желѣзной дороги, отстоявшей отъ фабрики въ десяти километрахъ, ежедневно подъ вечеръ ходили рабочіе, чтобы,

не дожидаясь завтрашней газеты, разузнать что-нибудь новое о выборахъ.

Начальникъ станціи, шведъ, насмѣшливо повторялъ постоянно въ отвѣтъ:

— Вы думаете, что, бѣгая ежедневно по двадцати километровъ туда и обратно, вы этимъ вымолите у судьбы, что фамиліи будущихъ сеймовыхъ депутатовъ будутъ не на „квистъ" и „штремъ", а на „иненъ"? Глубоко ошибаетесь; судьба благоразумнѣе васъ,—она знаетъ, что для пользы и благоденствія края первые всегда полезнѣе послѣднихъ, и не доставитъ вамъ подобнаго удовольствія!

Къ этой насмѣшкѣ рабочіе уже привыкли, она даже не сердила ихъ. Явившіеся по заведенному обыкновенію за свѣдѣніями на станцію, Олли Юнтуненъ и Матти Сорса, не узнали на этотъ разъ надменнаго шведа: куда исчезла его презрительная улыбка, сопровождавшая его постоянный отвѣтъ; онъ казался растеряннымъ; даже побѣдоносно смотрѣвшіе къ небу усы его были опущены.

— Мнѣ кажется, это ошибка телеграфа; я прямо не могу вѣрить,—не дожидаясь ихъ вопроса, пробормоталъ начальникъ станціи.

— А что такое случилось? — спросили недоумѣвающіе рабочіе.

— Суометарьянцы и соціалъ-демократы взяли верхъ; изъ ихъ партіи прошло три четверти состава будущаго сейма; мы, на этотъ разъ, — онъ откровенно признался, что состоитъ въ шведской партіи,—прошли только въ большихъ портовыхъ центрахъ.

Рабочимъ сразу стало ясно его смущеніе, его неувѣренный тонъ; молодые парни сразу повѣрили ему и, ослѣпленные подобной блестящей побѣдой, не желая, чтобы вѣсть о ней явилась на фабрику къ товарищамъ отъ другихъ, бѣгомъ пустились въ обратный путь, грузно шлепая ногами по лужамъ, распустившимся днемъ на дорогѣ.

Хотя диспоненту и инженеру эта поразительная новость была сообщена еще раньше по телефону начальникомъ станціи, она тщательно скрывалась до времени отъ рабочихъ.

Хагмана почему-то пугало, какъ эта народная побѣда будетъ встрѣчена рабочими, не принесетъ ли она за собой на фабрику забастовку, которой онъ въ особенности опасался теперь, когда на фабрикѣ было получено такъ много спѣшныхъ заказовъ.

Но скрыть это удалось диспоненту только до возвращенія со

станціи обоихъ рабочихъ, съ торжествующимъ видомъ передававшихъ эту изумительную новость товарищамъ.

Послѣ минутнаго остолбенѣнія, кто-то изъ рабочихъ сказалъ рѣчь, сущность которой былъ девизъ: „Финляндія для финновъ". Кто-то запѣлъ „Herraa, Suomi!" (Пробуждайся, Финляндія!); пѣсню сейчасъ подхватили сотни голосовъ, и она властно вливалась въ помѣщеніе самого диспонента.

Хагману и его инженеру Фокштрему приходилось улыбаться рабочимъ, радоваться съ ними ихъ радостью, чтобы не выказать имъ своего неудовольствія.

— Я могу только радоваться, — лицемѣрно сказалъ Хагманъ, — что выборы дали такіе блестящіе результаты; народъ лучше насъ знаетъ кого ему выбрать, кому вручить власть и распорядокъ въ странѣ.

Молча слушали рабочіе слова диспонента, хорошо понимая ихъ неискренность.

— Будемте только жить мирно другъ съ другомъ, работодатели и рабочіе, и наша, дорогая для каждаго изъ насъ, Суоми достигнетъ высокаго процвѣтанія! — закончилъ чувствительно диспонентъ.

Старые рабочіе, повидимому, вѣрили искренности хозяйскихъ словъ, тогда какъ молодежь глухо волновалась.

— Живи съ нимъ мирно, нагибай рабочую шею, онъ верхомъ на нее сядетъ, — сказалъ Эро Рауніо: — знаемъ, не въ первый разъ его сладкія слова слышали, а самъ, небось, какіе барыши выколачиваетъ, отъ заказовъ отбою нѣтъ!

— Вотъ что, товарищи, благо онъ размякъ теперь, потолкуемте съ нимъ какъ слѣдуетъ, — предложилъ рабочимъ Олли Юнтуненъ, ярый соціалистъ, пріятель уволеннаго съ фабрики Кусты Ніеми.

— А вѣдь правду онъ говоритъ, — выяснимте наши требованія диспоненту, теперь ему не такъ легко будетъ отказать, какъ раньше, — согласился Рауніо.

Толпа одобрительно загудѣла и двинулась въ пріемную, побросавъ работы и не слушая увѣщаній старика-смотрителя, Сандбока.

Матти Сорса подбѣжалъ къ колоколу и, насмѣшливо глядя на Сандбока, пытавшагося отнять отъ него веревку, громко зазвонилъ...

Довольный тѣмъ вниманіемъ, съ которымъ его давеча выслушали рабочіе, Хагманъ спокойно занимался съ Фокштремомъ въ конторѣ; необычный въ это время звонъ колокола заставилъ его вздрогнуть.

— Опять!—озлобленно крикнулъ онъ:—вотъ и будь любезенъ съ этими скотами!

— Я пойду, узнаю, въ чемъ дѣло, — предложилъ инженеръ, поднимаясь со стула.

— Да, пожалуйста сходите, Фокштремъ, узнайте раньше, чего они хотятъ, сообщите мнѣ, а тогда я самъ съ ними переговорю.

Оставшись одинъ, диспонентъ, нервно настроенный, не могъ спокойно заниматься, ходилъ по комнатѣ, останавливаясь каждый разъ у окна, и смотрѣлъ на дворъ фабрики, точно надѣясь что-нибудь увидѣть черезъ него.

— Ну что?—пытливо вглядываясь въ лицо возвратившагося инженера, спросилъ Хагманъ:—что тамъ такое?

— Грозятъ форменной забастовкой, если мы не примемъ ихъ требованія.—На лицѣ диспонента появилась гримаса, онъ сердито ударилъ кулакомъ по пульту.

— Разлакомились негодяи! И, какъ нарочно, заказъ одинъ за другимъ такъ и валятъ; будь поменьше, распустилъ бы половину рабочихъ! Ну, что они хотятъ?

— Они требуютъ минимальной заработной платы по 35 пенни въ часъ, 9-часового рабочаго дня, пріема на работу исключительно принадлежащихъ къ организаціямъ рабочихъ и чтобы никто безпричинно не былъ увольняемъ съ работы.

— Только!—желчно замѣтилъ диспонентъ.

— Нѣтъ. Они просятъ,—замѣтьте, просятъ, а не требуютъ, чтобы вы вернули въ школу бывшую учительницу, Аллу Ауранёнъ...

Хагманъ засмѣялся.

— Вотъ эту просьбу я могу еще уважить, но что касается ихъ требованій, то едва-ли я на нихъ соглашусь!

— Но тогда полная забастовка, фабрика станетъ,—нерѣшительно проговорилъ молодой инженеръ.

— Это еще посмотримъ! Я пойду говорить къ нимъ самъ!

И сердито хлопнувъ дверью, диспонентъ вышелъ изъ конторы.

XVI.

Ему удалось значительно сократить требованія рабочихъ, далеко не согласныхъ между собою и потому пошедшихъ на уступки. Старожиламъ изъ нихъ не хотѣлось покидать насиженныя мѣста на фабрикѣ, въ особенности семейнымъ, и, будучи выкинутыми

на улицу, отыскивать новыхъ занятій на другихъ фабрикахъ и заводахъ. Они-то и умѣрили предъявленныя требованія, понизили пылъ молодежи и, отвѣчая на ругань послѣднихъ, увѣренно повторяли:

— Вамъ что, вы одни, сегодня тамъ, завтра еще въ другомъ мѣстѣ! Вамъ легко прыгать, ставить диспонентамъ свои условія, вы одни, а у насъ сзади хвосты—семьи, не далеко съ ними поскачешь, вѣдь ихъ кормить надо! Мы довольны и той прибавкой, что удалось получить отъ хозяина!

— Вы глупые ослы! — негодовалъ Матти Сорса: — еслибы вы поддержали наши требованія, всѣ бы ихъ принялъ диспонентъ: ему дѣваться некуда, безъ насъ онъ терпѣлъ бы громадные убытки!

— Ну, это еще на-двое сказано, согласился ли бы онъ еще!

Между тѣмъ возвращеніе въ школу любимой учительницы обрадовало весь поселокъ. Ауранснъ, еще не уѣхавшая изъ него, была поражена согласіемъ диспонента,—она хорошо знала его настойчивый, упорный характеръ.

— Я тоже очень рада, мои милые, что останусь съ вами,— чуть не плача отъ радости, сказала горбунья дѣтямъ, первымъ прибѣжавшимъ къ ней съ пріятной вѣстью:—вашъ „добрый верблюдъ" еще кое-чему васъ научитъ доброму.

Замѣстительницею Аллы на мѣстѣ учительницы еще никто не былъ назначенъ, а потому она на другое же утро начала снова занятія съ дѣтьми, прерванныя ея невольнымъ уходомъ.

Заря женской равноправности, загорѣвшаяся въ краѣ, благодаря которой въ сеймъ прошло девятнадцать женщинъ депутатами, взволновала самые медвѣжьи уголки Финляндіи.

Имена Маріи Лайне, Иды Аале, Луизы Кувіоя, Аильбы Кякикоски были у всѣхъ на языкѣ, а въ особенности популярной Мины Силляппя, редакторши газеты „Työläisnainen" (работница), ставшей органомъ женскаго соціалъ-демократическаго союза.

Алла была близко знакома со многими изъ нихъ, а съ Идой она сотрудничала вмѣстѣ въ народномъ университетѣ въ Виттисѣ. Онѣ обѣ много работали въ союзахъ трезвости.

Въ первый же свободный вечеръ въ школу собрались чуть ли не всѣ женщины изъ фабричнаго поселка; онѣ явились, чтобы услышать отъ учительницы подробныя свѣдѣнія о вновь избранныхъ женщинахъ-депутаткахъ.

Алла, немного робѣвшая въ виду непріятно окончившагося послѣдняго собранія союза трезвости, тѣмъ не менѣе была довольна вниманіемъ работницъ. Ея большіе, открытые глаза искри-

лись привѣтливо каждой вновь пришедшей. Среди знакомыхъ лицъ она не видѣла милаго ей лица Хильи и, вспомнивъ объ ея изгнаніи, тяжело вздохнула.

— Разскажите, тетя Алла, о чемъ должны хлопотать мы, женщины, въ сеймѣ прежде всего?—бойко спросила Ида Рауніо.

Учительница улыбнулась.

— Мы уже говорили объ этомъ: о всеобщей трезвости. Нашъ народъ организовалъ среди себя безчисленное множество обществъ, отдѣльныхъ кружковъ и союзовъ съ различными добрыми началами и старается по возможности изгнать изъ нихъ обычай, ложно принятый за правило,—выпивки. Это—начало...

— А затѣмъ что еще?—спросилъ кто-то изъ собравшихся женщинъ.

Учительница благоразумно умолчала на этотъ разъ о предложеніи союза „Бѣлая лента“, относительно уничтоженія проституціи, опасаясь новаго скандала.

— Необходимо выяснить права женщины въ семейномъ имущественномъ положеніи: вѣдь, согласно законамъ различныхъ годовъ, все это такъ теперь спуталось, такъ невыяснено, что у насъ уже въ настоящее время образовалось два разряда женщинъ: однѣхъ, гдѣ браки заключены были до 1899 года, во всемъ зависимые отъ мужчинъ; ко второму же разряду принадлежатъ женщины полузависимыя, въ силу предоставленныхъ имъ нѣкоторыхъ правъ. Теперь же предстоитъ образованіе еще женщинъ свободныхъ. Можетъ произойти такъ, что въ одномъ и томъ же домѣ бабушка будетъ лицо совершенно безправное, дочь—полуправная, а внучка—полноправная. Между тѣмъ вѣковыя традиціи и опытъ говорятъ намъ совершенно обратное: старшій въ родѣ всегда обладаетъ болѣе широкими правами, чѣмъ младшій.

Женщины заволновались, имъ было странно услышать подобный выводъ, додуматься до котораго сами онѣ никакъ не могли.

— Да, да, это невозможно! Такъ продолжаться не можетъ! Это надо измѣнить возможно скорѣе!—послышались среди нихъ обиженные голоса: женское достоинство ихъ было оскорблено подобнымъ выводомъ.

— Если сеймъ приступитъ прямо къ осуществленію намѣченнаго проекта по женскому вопросу, то можетъ произойти большое осложненіе — и большая часть женщинъ останется попрежнему въ зависимости отъ мужчинъ,—разъясняла учительница своимъ слушательницамъ; — потребуется еще много времени и много сложной работы народному представительству, прежде чѣмъ входить въ разсмотрѣніе проекта о положеніи женщины; придется

предварительно принять въ соображеніе всѣ изданныя постановленія о женскомъ вопросѣ раньше.

Собраніе въ школѣ затянулось до поздней ночи, и плохо спавшій послѣ сегодняшнихъ волненій диспонентъ не разъ подходилъ къ окну и, поднявъ штору, тревожно поглядывалъ на все еще освѣщенное школьное зданіе.

XVII.

Совсѣмъ иначе встрѣтилъ вѣсть о пораженіи шведской партіи баронъ, владѣлецъ громаднаго имѣнія, арендованнаго торпарями.

Онъ не сталъ заискивать передъ ними, какъ Хагманъ, сердито нахмурилъ свои сѣдыя брови и приказалъ управляющему настойчивѣе приняться за выселеніе непріятныхъ для него арендаторовъ отдѣльныхъ торпъ.

— Пусть побѣдители суометарьянцы помогутъ своимъ единомышленникамъ,—насмѣшливо сказалъ помѣщикъ:—у нихъ въ рукахъ будетъ теперь власть, они станутъ всесильными управителями края! А я буду поступать, какъ самъ хочу; за меня законъ, его умѣютъ уважать еще въ Финляндіи!

Глухое неудовольствіе среди торпарей усилилось, оно грозило перейти въ явное сопротивленіе.

— Ты знаешь, Лайне, что Ніеми вернулся сюда,—сказалъ Туомасъ женѣ, возвратившись домой отъ другого торпаря, торпа котораго находилась въ четырехъ километрахъ отъ ихъ дома. Хилья, все еще у нихъ гостившая, вздрогнула.

— Одинъ?—коротко спросила она, не смотря на хозяина.

— Пока одинъ, но Рауха Каппери пріѣдетъ завтра; она агитируетъ еще въ городѣ въ союзѣ женской прислуги.

— У кого остановился Куста?—продолжала разспрашивать гостья.

Туомасъ замялся; онъ боялся,—не проговорилась бы какънибудь Хилья о мѣстѣ пребыванія выселеннаго агитатора. Она поняла его нерѣшительность.

— Не бойтесь, Туомасъ, я никому не скажу, мнѣ только самой его нужно видѣть.

Хухтомяки, все еще недовѣрчиво на нее глядя, медленно сказалъ:

— Онъ у Норркуллы; тамъ его никто не найдетъ, если даже и узнаютъ объ его пріѣздѣ.

— Я пойду къ нему...

Мужъ и жена изумленно взглянули на гостью.

— Поздно, ночь на дворѣ, путь не близкій, туда и обратно восемь километровъ будетъ; лучше завтра утромъ.

— Мнѣ нужно его видѣть сегодня, сейчасъ,—повторила Хилья, порывисто надѣвая шубку и собираясь уходить.

— Я провожу тебя,—предложилъ хозяинъ.

— Я не боюсь, дойду и одна.

— Тебя не впустятъ къ нему, нужно знать условныя слова.

Хилья остановилась на порогѣ и ждала.

— Sorretuille oikeutta (права угнетенныхъ) отвѣчай, когда тебя спросятъ, что тебѣ нужно.

Этого было довольно, чтобы женщина выбѣжала изъ жилища торпаря и быстро пошла по дорогѣ къ лѣсу.

— Сумасшедшая!—кинулъ ей вслѣдъ хозяинъ.

— А все же, Туомасъ, хотя она и отказалась, ступай за ней!—заботливо сказала Лайне:—скоро ночь, въ лѣсу глухо, можетъ и волка встрѣтить.

Хухтомяки выслушалъ замѣчаніе жены, захватилъ съ собою дубину, наскоро одѣлся и зашагалъ по дорогѣ вслѣдъ за Хильей, уже исчезнувшей въ темнотѣ. Гдѣ-то далеко, въ сторону отъ его торпы, чуть слышно били часы.

— Девять!—мысленно сосчиталъ удары Туомасъ, чуть поёживаясь отъ заползавшаго къ нему за воротъ холоднаго вѣтра, мечтая, какъ хорошо было бы теперь остаться дома и лечь пораньше спать.

Догнать Хилью ему не удалось; она шла значительно быстрѣе уставшаго за цѣлый день торпаря; къ тому же впопыхахъ онъ забылъ подвязать къ ногамъ лыжи, эту необходимую принадлежность зимою въ Финляндіи.

XVIII.

Хилью, дѣйствительно, не хотѣли пустить въ домъ Норркуллы, и только благодаря паролю, переданному ей Туомасомъ, двери были для нея отперты.

Самъ Норркулла, пожилой, высокаго роста, крѣпкій какъ могучій дубъ, увидѣвъ незнакомое женское лицо, сдвинулъ брови, видимо не зная, пускать ли ее дальше въ комнату.

— Не бойтесь ничего, Норркулла,—поспѣшила успокоить его Хилья:—я жена Тойво Ярвинена, который уѣхалъ въ прошедшемъ году въ Америку.

— А, это вы, добро пожаловать! — смягчился хозяинъ, слышавшій уже раньше объ ея мужѣ.

— Куста Ніеми здѣсь?—спросила она его.

— Войдите, онъ во второй комнатѣ.

Какъ вихрь ворвалась Хилья въ домикъ торпаря и, пробѣжавъ первую комнату, нервно постучала въ запертую дверь второй. Щелкнулъ замокъ, дверь открылъ самъ Куста, еще заранѣе, во время переговоровъ торпаря съ женщиной у дома, потушившій лампу.

— Куста!—вся дрожа отъ волненія, воскликнула Хилья, узнавшая его сразу, несмотря на темноту.

— Хилья!.. Ты!—радостно прозвучалъ голосъ агитатора.

Воспоминанія о недавнемъ прошломъ нахлынули на нихъ одуряющей волной, захватили, овладѣли ими всецѣло.

Молодой человѣкъ закрылъ на ключъ дверь за вошедшей и, поддаваясь внутреннему порыву чувствъ, крѣпко обнялъ Хилью, страстно отвѣчавшую на его жаркіе поцѣлуи. Имъ казалось, что они не видѣлись много, много лѣтъ, хотя въ дѣйствительности со дня ихъ разлуки еще не истекло и года.

Еще дѣтьми они играли вмѣстѣ на зеленой лужайкѣ близъ фабрики; подростая, ихъ дѣтская дружба мало-по-малу переходила въ привязанность, съ тѣмъ, чтобы закончиться любовью...

Пріемная мать Хильи не согласилась выдать ее за этого бойкаго, не въ мѣру развитого рабочаго, находившагося къ тому же на плохомъ счету у фабричной администраціи. Куста былъ сыномъ прежняго сторожа на фабрикѣ, рано остался круглымъ сиротою и сейчасъ же попалъ подъ вліяніе соціалъ-демократовъ.

Во всѣхъ спорахъ, неурядицахъ, возникавшихъ между диспонентомъ и рабочими, онъ былъ первымъ зачинщикомъ. Молодежь его любила, считала своимъ вожатымъ, но старые рабочіе инстинктивно сторонились его, опасаясь потерять, благодаря ему, свой вѣрный кусокъ хлѣба.

Тою же мыслью руководствовалась и вдова, отказавшая выдать за него Хилью, несмотря на желаніе и согласіе дѣвушки на этотъ бракъ. Тутъ, какъ нарочно, подвернулся богатый крестьянинъ-торпарь Тойво Ярвиненъ, дѣвушка ему понравилась, и онъ къ ней посватался.

Можетъ быть, въ другое время Хилья со смѣхомъ отказала бы этому неуклюжему, некрасивому, хотя и доброму парню, еслибы не была разобижена измѣной Кусты.

Разстроенный отказомъ вдовы выдать за него свою пріемную дочь, молодой парень, съ отчаянія, связался съ недавно появив-

шейся на фабрикѣ рабочей Раухой Каппери, тоже поступившей сюда съ цѣлью пропаганды.

Хилья, узнавъ случайно объ ихъ связи, не стала долго раздумывать, и сейчасъ же вышла замужъ за Тойво.

Вскорѣ все разъяснилось, но ошибка была уже сдѣлана. Поправить ее было нелегко, и чтобы не мучить себя за нее, Хильѣ удалось уговорить слушавшаго ее во всемъ мужа переселиться въ Америку. Что̀ произошло между нею и Кустою Ніеми въ короткій срокъ передъ ихъ разлукой—никто не зналъ, но злые языки, а въ томъ числѣ и Ида Рауніо, тоже влюбленная въ красиваго, энергичнаго агитатора-рабочаго, вылили немало грязи на нихъ обоихъ.

— Какъ ты рѣшился, Куста, сюда пріѣхать?—заботливо сказала Хилья:—ты вѣдь знаешь, что баронъ выписалъ сюда полицію; завтра должны явиться самъ городской фискалъ и коронный фогтъ!

Ніеми ухарски тряхнулъ волосами.

— Тѣмъ лучше, они сами увидятъ, что Куста Ніеми ихъ не боится, а смѣло будетъ бороться противъ ихъ гнета!

— Это не легкая борьба.

— Для слабыхъ—это такъ, но для сильныхъ—одно удовольствіе! Борьба—это настоящая жизнь, внѣ ея—одно прозябаніе!

— Ты знаешь, что о выселеніи торпарей уже получено разрѣшеніе отъ сената.

— Знаю,—твердо отвѣтилъ бывшій рабочій, но они никогда не посмѣютъ приступить къ этому выселенію! Не забудь, что народъ высказалъ своимъ выборомъ депутатовъ въ сеймъ свою волю, а она далеко не согласуется съ мнѣніемъ нынѣшнихъ заправителей края.

— Мнѣ жаль тебя, Куста, ты можешь тяжело поплатиться!

— Никогда, Хилья,—не таковскіе мы люди съ Раухой.

Услышавъ имя соперницы, Ярвиненъ сдѣлала недовольное движеніе. Ніеми замѣтилъ это и понялъ свою ошибку.

— Я никогда не плавалъ по морю; говорятъ, что сразу охватываетъ жуткое чувство страха, когда пароходъ падаетъ съ высокой волны въ бе́здну, но все-таки испытываешь удовольствіе. Правда это?

— Да, я испытала это чувство, переѣзжая океанъ.

— Тогда ты должна меня понять; то же самое испытываю я при каждой опасности; она меня манитъ и, несмотря на невольный страхъ, доставляетъ жгучее наслажденіе, въ эту минуту я пьянѣю...

Хильѣ представилась Рауха, раздѣляющая съ любимымъ человѣкомъ этотъ жуткій, но прекрасный моментъ, и совершенно безсознательно она сказала:

— Счастливая!

— Мы еще увидимся, Хилья?—спросилъ Куста, не понявъ ея восклицанія.

— Да, но...

— Ее ты не встрѣтишь, мы будетъ одни,—досказалъ ея мысль Ніеми, и они разстались.

XIX.

Упрямый баронъ настоялъ на точномъ исполненіи буквы закона о немедленномъ выселеніи съ его земли торпарей-арендаторовъ. Посланный въ имѣніе отрядъ изъ пятидесяти полисмэновъ, подъ командою ротмистра, долженъ былъ въ присутствіи коронпаго фогта принудительно выселить торпарей. Всѣ справедливыя жалобы ихъ на слишкомъ большую продолжительность рабочаго дня и неопредѣленность заработной платы были отклонены сенатомъ; приходилось самому народу ихъ регулировать.

Въ имѣніяхъ шведовъ рабочій день считается отъ 12-ти до 14-ти часовъ, а заработная плата крайне неопредѣленна, при чемъ платятъ большею частью естественными продуктами, мукою, солью и т. д. Это страшно волновало сельское населеніе: подобное отношеніе къ торпарямъ и рабочимъ показывало презрѣніе господствующей національности къ другой.

Тяжело отзывалось на нихъ и отсутствіе правъ у торпарей пользоваться дровами изъ помѣщичьихъ лѣсовъ, пастьбой своего скота на помѣщичьихъ выгонахъ и пр. Торпарскій вопросъ въ Финляндіи настолько серьезенъ и насущенъ, что для разрѣшенія его нельзя прибѣгать къ палліативамъ, онъ требуетъ серьезныхъ коренныхъ реформъ.

Еще только-что забрезжило утро, въ усадьбу къ управляющему были созваны торпари; явились далеко не всѣ.

Несмотря на начало апрѣля, утренники были еще очень свѣжіе; собравшаяся передъ домомъ управляющаго кучка людей, ожидавшая, когда ихъ позовутъ къ нему, поёживалась отъ холода. Сумрачно-печальныя лица были у всѣхъ ихъ; они знали, что снисхожденія отъ барона никакого не будетъ; приходилось разставаться съ домами ихъ отцовъ и дѣдовъ, уходить изъ разореннаго родного гнѣзда, но куда? Они сами этого не знали!

Около семи часовъ, на крыльцѣ появилась высокая фигура управляющаго.

Поздоровавшись кивкомъ головы съ собравшимися торпарями, онъ, не сходя со ступеней лѣстницы, точно чего опасаясь, сухо проговорилъ:

— Вы знаете, что господинъ баронъ не соглашается на ваши предложенія; сенатъ рѣшилъ въ его пользу, но прежде чѣмъ приводить приговоръ этотъ въ исполненіе, онъ поручилъ мнѣ предложить вамъ: девятнадцати—немедленно добровольно выселиться, а прочимъ—выйти на работу и представить поручительства за свои арендные платежи!

— Очень благодаримъ его за подобную милость, — насмѣшливо отозвался Норркулла, вмѣстѣ съ Хухтомяки причисленный къ послѣднимъ,—но мы ничего этого не исполнимъ.

— А мы не выѣдемъ изъ нашихъ домовъ, — раздраженно крикнулъ одинъ изъ „девятнадцати“, — не отдадимъ землю, политую нашимъ потомъ!

— Какъ знаете! — сурово протянулъ управляющій. — Тогда пусть дѣйствуетъ законъ! — Онъ быстро вошелъ въ домъ, убѣдясь, что дальнѣйшіе переговоры излишни.

Перекидываясь отрывистыми словами, стали расходиться собравшіеся по своимъ торпамъ, въ ожиданіи непрошенныхъ, незванныхъ гостей, явившихся въ имѣніе еще наканунѣ.

Норркулла, Тоумасъ и Кирстула шли вмѣстѣ; недалеко отъ усадьбы, за ригой ихъ ожидалъ Куста Ніеми.

— Ты былъ правъ, Куста,—они созвали насъ только для того, чтобы лишній разъ поиздѣваться надъ нами! — сказалъ Норркулла.

— Неужели вы, какъ безсловесныя овцы, побѣжали изъ вашихъ жилищъ при первомъ ихъ появленіи? — желчно спросилъ агитаторъ.

— Что же остается намъ еще дѣлать?—отвѣтилъ болѣе спокойный Туомасъ; но его товарищи, попрежнему возбужденные, думали иначе.

— Я не пойду, пусть тащатъ меня силой! — рѣшилъ Кирстула.

— А мы съ женой уйдемъ до прихода полиціи и запечатаемъ всѣ окна, двери; законъ не позволяетъ вторгаться въ жилище, когда тамъ нѣтъ хозяевъ!

— Да, три дня, а затѣмъ они признаются выбывшими неизвѣстно куда!

— Нѣтъ, сдаваться безъ сопротивленія нельзя; пусть всѣ

узнаютъ, какъ обращаются съ простымъ народомъ эти зазнавшіеся шведы! — горячо сказалъ Куста.

Около полудня началось принудительное выселеніе торпарей.

Отрядъ полицейскихъ констэблей, вмѣстѣ съ своимъ начальникомъ ротмистромъ, явились въ домъ Кирстулы. Торпарь съ женою и дѣтьми сидѣли за столомъ, самъ Кирстула читалъ вслухъ библію.

— Читать удобнѣе на открытомъ воздухѣ, отправляйтесь отсюда вонъ! — насмѣшливо заявилъ одинъ изъ констэблей. Никто изъ сидящихъ не тронулся съ мѣста, они точно не слышали приказанія.

— Оглохли, должно быть! А ну-ка, товарищи, вытаскивайте все это вонъ! — сказалъ другимъ полицейскимъ первый констэбль.

Изъ дверей полетѣла вся незатѣйливая обстановка крестьянскаго обихода; сиротливо прижавшись въ углу комнаты, стояла семья торпаря, печально смотря на разрушеніе родного гнѣзда.

— Ну, маршъ вонъ отсюда! — приказалъ имъ злой ротмистръ, вошедшій въ домъ для послѣдняго осмотра, и замѣтивъ, что приказаніе его не исполняется, настойчиво повторилъ его.

— Если не пойдете сами, я прикажу вывести васъ силой!

Медленно, точно за гробомъ дорогого покойника, двинулась изъ торпы обездоленная семья.

Домъ сейчасъ же былъ опечатанъ; отрядъ двинулся дальше, не обращая вниманія на выселенныхъ съ ихъ жалкимъ, отчасти переломаннымъ скарбомъ.

За первымъ выселеніемъ послѣдовали и дальнѣйшія. Въ нѣкоторыхъ торпахъ полицейскіе принуждены были разрушить печи, выставлять окна, снимать съ петель двери, чтобы не дать возможности выселеннымъ поселиться снова въ торпѣ.

Почти нигдѣ не было оказано активнаго сопротивленія полиціи — финны уважаютъ законъ, — но одну торпу пришлось осаждать, чтобы выселить ея жителей; двѣ изъ нихъ были оставлены ея владѣльцами и запечатаны, въ томъ числѣ торпа Норркуллы.

— Хорошо, пусть потѣшится, — насмѣшливо замѣтилъ ротмистръ; — черезъ три дня мы вернемся сюда и все равно выкинемъ вонъ его тряпье!

Въ нѣкоторыхъ торпахъ движимость была описана на покрытіе взысканій въ пользу помѣщика. Постороннихъ зрителей въ этотъ день собралось немного.

Корреспондента газеты „Aamulehti“, присутствовавшаго при выселеніи торпарей, коронный фогтъ и ротмистръ не только лишили права присутствовать при исполнительныхъ дѣйствіяхъ,

но отобрали фотографическій аппаратъ и пластинки съ сдѣланными уже снимками.

— Вы не имѣете на это права!—горячился корреспондентъ.

— Право жаловаться на насъ губернатору остается за вами, это вѣрно,—возразилъ фогтъ, не обращая вниманія на угрозы журналиста.

Выселеніе торпарей принимало все бо̀льшіе размѣры, число разоренныхъ торпарскихъ хозяйствъ увеличивалось.

XX.

Къ ночи, тихонько крадучись, въ торпу Норркуллы вернулись самъ хозяинъ съ женою и Ніеми, весь день пробродившіе въ лѣсу. Торпарь снялъ свои печати, отворилъ двери, всѣ вошли въ домъ.

— Черезъ три дня, все равно, придется уходить отсюда навсегда!—задумчиво проговорила жена.

— Мы посмотримъ, какъ-то посмѣютъ они сюда сунуться!—пробормоталъ Куста, ощупывая револьверъ.

Самъ торпарь, тяжело опустивъ голову на руки, сидѣлъ у стола, пришибленный горемъ. Кто-то робко постучалъ въ стекло. Всѣ встрепенулись, пытливо глядя въ темное стекло.

— Это навѣрно Каппери, она хотѣла сегодня вернуться,—сказалъ Ніеми, отворяя дверь; въ комнату вошла Хилья.

Мужчины недоумѣвающе на нее посмотрѣли, ожидая, что̀ она имъ скажетъ.

— Послѣдними очищены двѣ маленькія торпы Пилонена и Койвисто, близъ деревни Паюлахти. У Пилонена всѣ постройки снесены; въ торпѣ Койвисто, выкинута вся движимость, опечатаны двери и окна,—торопливо разсказывала она имъ.

— А у васъ, у Туомаса,—спросила жена Норркуллы,—они были?

— Нѣтъ, сегодня не успѣли, далеко; вѣроятно—завтра...

— Чѣмъ рѣшилъ Хухтомяки?

— Онъ согласился ѣхать со мною въ Америку. Тойво подыщетъ ему земли рядомъ съ нами.

— Какъ, развѣ и ты уѣзжаешь? — спросилъ Куста.

Хилья пожала нерѣшительно плечами.

— Не сейчасъ еще, а послѣ....

— Жаль, ты мнѣ очень нужна теперь!

— У тебя есть Рауха,—рѣзко отвѣтила женщина.

— Что̀ жъ изъ этого? Вы обѣ можете оказать большую пользу нашему общему дѣлу.

— Ты меня знаешь, Куста, я дѣлиться не умѣю.

Ніеми закусилъ недовольно губу.

— Къ чему мелочное самолюбіе, когда дѣло идетъ о пользѣ родной страны!

— Оставайтесь ночевать у насъ, пока еще „у насъ“, — предложила хозяйка,—возвращаться къ зятю вамъ не близко.

Хилья безпокойно оглянулась, точно желая узнать, здѣсь ли Рауха.

— Рано утромъ мы снова всѣ уйдемъ въ лѣсъ; вы отправитесь съ нами.

Хилья не возражала.

Ночь вскорѣ миновала, стало свѣтлѣть, нужно было уходить въ лѣсъ.

— Я останусь здѣсь, а вы ступайте,—предложилъ агитаторъ;—привѣсьте замокъ къ двери, приложите печати и уходите.

— Все равно,—согласился торпарь:—разъ домъ запечатанъ, никто не смѣетъ въ него войти, а тебѣ, дѣйствительно, здѣсь безопаснѣе.—Идемте, Ярвиненъ.

Хилья видимо колебалась.

— Я останусь съ нимъ здѣсь,—тихо промолвила она.

— Къ чему? тебя никто не преслѣдуетъ, пойдемъ вмѣстѣ съ нами, я провожу тебя до самой торпы Хухтомяки.

— Нѣтъ, я останусь здѣсь,—рѣшительно отвѣтила Ярвиненъ.

— Какъ знаешь, тебѣ виднѣе.

Двери были запечатаны снаружи, и Норркулла съ женою сейчасъ же ушли въ лѣсъ; медлить дольше было нельзя: дорога изъ имѣнія къ неочищеннымъ еще торпамъ лежала здѣсь, распечатанныя двери дома могли обратить вниманіе констэблей.

Хилья и Куста остались вдвоемъ въ пустой торпѣ.

Въ это время полицейскій отрядъ проходилъ мимо дома.

— Хозяинъ все еще не возвращался, печати не сняты, — замѣтилъ ротмистръ,—подождемъ еще два дня.

Одинъ изъ констэблей подошелъ ближе къ окну, желая провѣрить, пустъ ли домъ дѣйствительно. Онъ осторожно заглянулъ въ комнату и сейчасъ же подбѣжалъ къ начальнику.

— Въ торпѣ кто-то есть. Я видѣлъ чье-то лицо,—передалъ онъ о своемъ наблюденіи.

— Тѣмъ лучше, намъ не придется терять лишняго времени и выжидать два дня.

Ротмистръ подошелъ къ двери и громко постучалъ въ нее.

— Именемъ закона—отворите, иначе я взломаю двери!

— Бѣги, Куста, черезъ окно!—испуганно прошептала Хилья,

убѣдившись, что ихъ пребываніе открыто.—Я задержу ихъ здѣсь, до лѣса недалеко.

— Это не удастся, у окна караулятъ!

— Можетъ быть, тебя они не знаютъ.

— Многіе изъ констэблей — мои старые знакомые, имъ не разъ приходилось за мною охотиться, да и самому ротмистру я не безъизвѣстенъ.

— Какъ же быть, что дѣлать? — съ отчаяніемъ повторила Хилья.

Не получая отвѣта, ротмистръ повторилъ еще разъ приказаніе.

— Выходи къ нимъ, Хилья, а я попробую спастись иначе,— подъ впечатлѣніемъ какой-то новой мысли, пришедшей въ голову, поспѣшно сказалъ Ніеми.—Ночью приходи къ лѣсу, я тебя тамъ встрѣчу.

И не ожидая отъ нея отвѣта, онъ вбѣжалъ во вторую комнату и заперъ за собою дверь; слышно было, какъ онъ ворочалъ тяжелымъ дѣдовскимъ комодомъ, заставляя имъ дверь.

Наружную дверь уже ломали.

— Вы вѣдь не жена торпаря Норркуллы? — немного смутившись, при видѣ красивой молодой женщины, спросилъ ротмистръ.

— Нѣтъ, я ночевала только здѣсь.

— Одна? Едва-ли: мы слышали голоса.

Хилья молчала; она не знала, что ей отвѣтить.

— Тамъ остался Норркулла?

— Нѣтъ, не онъ.—Она не хотѣла вредить торпарю.

— Такъ кто же, наконецъ?

Она не успѣла еще отвѣтить, какъ снаружи раздались крики полицейскихъ:

— Пожаръ! Пожаръ!

Ротмистръ бросился вонъ изъ горящей торпы, увлекая за собою Ярвиненъ, несмотря на ея сопротивленіе.

Задняя часть дома была вся въ огнѣ; старое, высохшее, какъ порохъ, строеніе пылало факеломъ.

Только теперь поняла Хилья намѣреніе агитатора поджечь торпу и въ суматохѣ пожара убѣжать.

— Куста, Куста! — съ отчаяніемъ закричала она, забывъ, что этимъ крикомъ выдаетъ его и пытаясь проникнуть въ горѣвшее зданіе.

— Вотъ какая птица спряталась въ торпѣ,—Куста Ніеми! Его нужно изловить живого,—сказалъ ротмистръ.—Обнаружено,

что онъ—главный виновникъ похищенія двадцати килограммовъ динамита въ Кюрекоски!

— Лэндсманъ дознался, что онъ же, Ніеми, убилъ инженера Седерлунда,—сообщилъ констэбль.

— Не упустите же его, если это такъ, смотрите хорошенько, гдѣ онъ выпрыгнетъ!

Торпа продолжала горѣть, но Куста не показывался изъ нея.

Съ широко-раскрытыми глазами, съ помертвѣвшимъ лицомъ стояла передъ пожарищемъ Хилья; она рвалась изъ рукъ державшихъ ее полицейскихъ.

— Неужели убѣжалъ? Жалко! — замѣтилъ ротмистръ, зорко слѣдя за догоравшимъ зданіемъ.

Рухнула крыша, провалились стѣны, догорали жалкіе обломки торпы...

Отъ лѣса бѣжали привлеченные пожаромъ своего жилища торпарь съ женою и какая-то женщина.

Констэбли подошли къ развалинамъ и стали растаскивать еще дымившіяся головешки.

Къ ротмистру подошелъ полицейскій и что-то ему тихо сказалъ. Офицеръ изумленно его выслушалъ.

— Неужели?

— Весь обгорѣлъ; трудно узнать даже, что это за человѣкъ!

Хильѣ удалось вырваться отъ державшихъ ее констэблей; точно дикая кошка, она въ нѣсколько прыжковъ подбѣжала къ пожарищу.

— Куста!—вырвался ея отчаянный крикъ.

Передъ ней, полуприкрытый сгорѣвшими обломками, лежалъ товарищъ ея дѣтскихъ игръ, обезображенный до-нельзя огнемъ!

— Куста! — точно эхомъ повторила подбѣжавшая одновременно Рауха.

Обѣ соперницы встрѣтились у трупа любимаго ими человѣка.

Спустя двѣ недѣли, черезъ Ганге отправлялся въ Америку Туомасъ Хухтомяки съ семьею; онъ везъ съ собою къ мужу помѣшавшуюся внезапно Хилью. Въ газетной хроникѣ было напечатано: „Вчера въ водопадъ, двигающій фабрику, принадлежащую диспоненту Хагману, бросилась работница Рауха Каппери“...

Г. Сѣверцевъ-Полиловъ.

МАКЕДОНІЯ

И

ТУРЕЦКІЕ ВЪ НЕЙ ПОРЯДКИ

Путевыя впечатлѣнія.

Три года назадъ, послѣ мюрцштегкаго соглашенія, Австрія и Россія съ большою помпою выступили въ роли реформаторовъ Македоніи. Тогда ихъ миссія была встрѣчена на Балканскомъ полуостровѣ съ восторгомъ многими политическими кругами, не хотѣвшими помнить традиціонную неискренность Австріи и ея всегдашнее несочувствіе прогрессивнымъ реформамъ, въ какомъ бы углу земного шара онѣ ни затѣвались. Еще менѣе въ Софіи и Салоникахъ задумывались надъ противорѣчивымъ положеніемъ русскаго правительства, которое одновременно являлось рѣшительнымъ врагомъ освободительнаго движенія у себя дома и собиралось энергично проводить реформы „за морями".

Теперь маска снята: восторженныя ожиданія смѣнились уныніемъ, всѣ карты открыты, и когда Англія, послѣ замѣны консервативнаго кабинета либеральнымъ, захотѣла взять на себя иниціативу различныхъ улучшеній въ Македоніи, Россія и Австрія откровенно высказались противъ этого, подъ предлогомъ „несвоевременности". Между тѣмъ, всего годъ тому назадъ, путешествуя по несчастной странѣ, страдающей и отъ турецкаго деспотизма, и отъ лицемѣрія непрошенныхъ благодѣтелей, я постоянно слышалъ, какъ дипломаты и другія оффиціальныя лица

не иначе говорили о нашемъ отечествѣ и объ Австро-Венгріи, какъ называя ихъ „les grandes puissances réformatrices".

Никто при этомъ не улыбался; одни слушали эти слова, другіе произносили ихъ совершенно серьезно. То была дань привычкѣ. Между тѣмъ результаты реформаторской дѣятельности „этихъ puissances" оказывались на лицо: я увидѣлъ женщинъ и дѣтей, прострѣленныхъ пулями турецкихъ солдатъ, присутствовалъ на политическихъ процессахъ, при которыхъ подсудимыхъ запираютъ въ желѣзную клѣтку, имѣлъ рѣдкую для туриста возможность посѣтить ужасную турецкую тюрьму Эди-куле, гдѣ встрѣтилъ болѣе тысячи заключенныхъ борцовъ за свободу.

Единогласныя утвержденія жителей, съ которыми мнѣ пришлось бесѣдовать, сводились къ тому, что никогда страданія болгарскаго элемента, численно преобладающаго въ странѣ, не были такъ велики, массовыя убійства—такъ безпрерывны, положеніе—такъ безнадежно, какъ въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ, когда турецкая власть, поощряемая присутствіемъ бездѣятельныхъ представителей Россіи и Австріи, глумится надъ упованіями порабощеннаго народа.

Страшно выговорить, а между тѣмъ это такъ: до мюрцштегскаго соглашенія Македонія, среди ужасовъ, творимыхъ турками, сохраняла лучъ надежды на вмѣшательство извнѣ, по временамъ аппелировала къ Европѣ, терпѣливо ожидая отъ нея помощи. Администрація, дѣйствующая именемъ падишаха, тоже считала подобную „помощь" возможной и поэтому держала себя хоть съ нѣкоторой опаской. Но когда явились представители Россіи и Австріи, гг. Демерикъ и Мюллеръ, совершенно подчинившіеся турецкому вліянію, всякая надежда исчезла, и Македонія превратилась въ Дантовъ адъ.

Генералъ-губернаторъ Хильми-паша не гоняется за мелочами; онъ ничего не имѣетъ противъ того, чтобы гражданскіе и военные представители иностранныхъ державъ жили подлѣ него со всевозможной пышностью, комфортомъ и давали полный просторъ своему тщеславію. Да, въ этомъ просвѣщенный турокъ не мѣшаетъ. Но, ревниво оберегая свою полную фактическую самостоятельность, онъ обезвредилъ иностранныхъ опекуновъ, помогая имъ получать награды отъ султана Абдулъ-Гамида.

Послѣднее обстоятельство, явно предосудительное, отнимаетъ у quasi-реформаторовъ всякое значеніе, потому что по существу ихъ миссія должна была идти въ разрѣзъ съ видами Порты. Такъ смотрѣла на это дѣло Европа и даже Турція, сперва встрѣтившая иностранцевъ довольно враждебно. Но восторжен-

ные отзывы объ этихъ непрошенныхъ помощникахъ, высказанные мнѣ Хильми-пашой, лучше всего доказываютъ, до какой степени они безполезны и даже вредны.

Наконецъ, финальнымъ аккордомъ въ ряду моихъ впечатлѣній явились слова начальника русской жандармеріи въ Македоніи. Генералъ съ похвальной откровенностью констатировалъ, что послѣ двухлѣтнихъ усилій иностранныхъ офицеровъ положеніе несчастнаго края еще ухудшилось.

Принимая во вниманіе современное положеніе Россіи и доказанную неспособность нашей бюрократіи къ творческой дѣятельности, нельзя не признать, что дипломатическій шагъ, приведшій насъ къ роли реформаторовъ въ чужомъ краю, создаетъ международный скандалъ, и чѣмъ скорѣе онъ прекратится, тѣмъ лучше.

Ознакомившись съ моими путевыми наблюденіями, читатель получитъ возможность судить, въ какой мѣрѣ справедливо рѣзкое замѣчаніе, сдѣланное въ послѣднихъ строкахъ.

I.

— Вы собираетесь въ Македонію?— сказалъ мнѣ знакомый профессоръ.—Это превосходная идея; но, скажите, кто за вами стоитъ? Въ турецкой имперіи вообще, а теперь въ особенности, для путешественника все сводится къ вопросу, подъ защитой какого консульства онъ находится. Американцы и англичане могутъ ожидать лишь маленькихъ непріятностей; довольно сносно поставлены въ этомъ отношеніи нѣмцы; но русскіе, болгары, армяне, переступая турецкую границу, должны имѣть въ карманѣ хорошія рекомендаціи, которыя тоже могли бы поставить ихъ подъ защиту англійскихъ, американскихъ или германскихъ консуловъ.

Такъ какъ, по разнымъ причинамъ, мнѣ разсчитывать на консуловъ не приходилось, то ученый мужъ, хорошо знакомый съ положеніемъ дѣлъ въ Македоніи, объявилъ послѣ минутной паузы, что при данныхъ обстоятельствахъ остается единственная возможность безопасно проникнуть въ запретный край, а именно, тѣми тайными каналами, которыми идутъ транспорты, почта и гонцы „внутренней македонской организаціи“.

Подобный планъ былъ очень соблазнителенъ, но я отказался отъ него потому, что цѣль поѣздки составляли не сенсаціонныя свѣдѣнія, на которыя такъ падка „желтая пресса“ всѣхъ странъ,

а, по возможности, разностороннія наблюденія надъ бытомъ обездоленнаго населенія, къ какой бы изъ борющихся группъ и національностей оно ни принадлежало. Между тѣмъ, отдать себя попеченіямъ самоотверженной „внутренней организаціи“ значило бы пробираться по ночамъ глухими тропинками по ущельямъ и скаламъ, а днемъ прятаться въ какой-нибудь пастушеской хижинѣ, обмѣниваясь мыслями съ удалымъ воеводой.

Не сомнѣваюсь, при подобной обстановкѣ можно встрѣтить много интересныхъ эпизодовъ и наткнуться на самыя романтискія приключенія. Но зато отсутствовала бы разносторонность наблюденій.

„Нѣтъ, — рѣшилъ я, — надо ѣхать скромно, съ обыкновеннымъ паспортомъ, не обращая на себя ничьего вниманія; а когда все будетъ кончено, можно въ Салоникахъ попросить свиданія съ Хильми-пашой и другими представителями оффиціальнаго міра“.

Однако, недаромъ сказано: „иллюзіи гибнутъ, — факты остаются“. Собесѣдникъ былъ неумолимъ. Онъ доказалъ, что шпіонство въ Турціи отнюдь не носитъ наивнаго характера. Это — сила могущественная, организованная. Въ такихъ деспотіяхъ можетъ не быть школъ, правосудія, можетъ даже не хватать денегъ на содержаніе порядочной арміи, но сыскъ поставленъ широко, роскошно и оплачивается щедро. Достаточно путешественнику появиться въ первомъ пограничномъ пунктѣ, какъ власти, посредствомъ телеграфныхъ сношеній, безъ труда установятъ, что передъ ними журналистъ, и отнимутъ всѣ способы наблюдать, изучать, видѣть, если за даннымъ лицомъ нѣтъ прямой и вліятельной дипломатической поддержки.

Взвѣсивъ всѣ эти обстоятельства, я вознамѣрился повести дѣло совершенно открыто, и попросилъ болгарскаго министра иностранныхъ дѣлъ снестись съ представителемъ Турціи, откровенно поставивъ послѣдняго въ извѣстность о цѣли моего путешествія.

Генералъ Петровъ, съ обычной деликатностью, устроилъ все очень быстро, и въ результатѣ на моемъ паспортѣ появилось нѣсколько строчекъ замысловатаго турецкаго письма, составлявшихъ своего рода охранную грамоту. Правда, и послѣ этого всѣ люди, знающіе Македонію, съ которыми я встрѣчался, скептически покачивали головами, увѣряя, что теперь тамъ настоящимъ, реальнымъ правительствомъ, располагающимъ организованнымъ кадромъ дисциплинированныхъ подчиненныхъ, является только „внутренняя организація“. Подобно тому, какъ всѣ до-

роги ведутъ въ Римъ, всѣ знакомые, даже стоящіе въ сторонѣ отъ македонскихъ дѣлъ, твердили въ одинъ голосъ: „повидайтесь съ предсѣдателемъ центральнаго комитета внутренней организаціи“.

Въ свое время Парнелля называли некоронованнымъ королемъ Ирландіи. Я убѣдился, что по отношенію къ Македоніи такое же положеніе занимаетъ человѣкъ, голосъ котораго, среди царящей въ странѣ анархіи, имѣетъ больше силы, чѣмъ султанскій фирманъ. Сѣть комитетовъ покрываетъ весь край; приказанія отдаются категорически, исполняются быстро и точно. Авторитетъ этого „правительства“, съ виду тиранническаго, громаденъ, такъ какъ оно поставлено самимъ населеніемъ.

Но гдѣ активъ? гдѣ плоды его дѣятельности?—спроситъ читатель. На этотъ вопросъ получается обстоятельный отвѣтъ: среди пожаровъ, убійствъ и всевозможныхъ насилій было трудно сплотиться, спокойно взвѣсить всѣ условія и овладѣть положеніемъ. Однако это сдѣлано. Прежде всего, не безъ борьбы, пришлось совершенно отказаться отъ услугъ повстанческихъ отрядовъ, приходящихъ извнѣ и дѣйствующихъ самостоятельно. Объясняя причины такого рѣшенія, ученый, о которомъ я упоминалъ, сказалъ мнѣ, что подобные отряды или четы не только не приносятъ измученному населенію Македоніи пользы, а наоборотъ, обыкновенно, являются источникомъ большихъ бѣдствій. Во-первыхъ, что совершенно естественно, они не такъ хорошо знаютъ мѣстность, какъ туземцы, и бываютъ вынуждены принять битву съ турецкими войсками въ неблагопріятныхъ условіяхъ. Между тѣмъ, при партизанской войнѣ диспозиція значитъ—все. Горсть храбрецовъ, засѣвшая въ неприступныхъ скалахъ, можетъ съ утра до вечера отбивать аттаку цѣлаго батальона и скрыться съ наступленіемъ ночи; тогда какъ случайная встрѣча повстанцевъ съ турецкими войсками на равнинѣ обрекаетъ первыхъ на гибель, благодаря постоянному численному перевѣсу турокъ. Кромѣ того, неожиданная битва, обыкновенно, компрометируетъ ближайшія селенія, такъ какъ, въ концѣ концовъ, въ пылу перестрѣлки повстанцы стремятся воспользоваться прикрытіемъ, отстрѣливаются изъ домовъ и изъ-за стѣнъ деревушки, а когда они будутъ перебиты или уйдутъ, турки жестоко отомстятъ населенію, сожгутъ деревню, переколютъ жителей. Во-вторыхъ, четы, приходящія со стороны, обыкновенно довольно велики, и почти невозможно снабжать ихъ провіантомъ изо дня въ день, не возбудивъ подозрѣнія властей. Между тѣмъ, отряды внутренней организаціи могутъ состоять изъ пяти, трехъ и даже двухъ человѣкъ, но они прекрасно

знаютъ, что къ ихъ услугамъ многочисленные склады оружія и тысячи товарищей по всей странѣ. Иногда нѣсколько инсургентовъ затѣваютъ перестрѣлку съ турками, и въ то время, какъ послѣдніе, опираясь на свою численность, уже собираются раздавить враговъ или окружить ихъ, въ тылу вдругъ появляются сотни повстанцевъ, обращающихъ турокъ въ бѣгство. Это значитъ, что сраженіе было умышленно начато съ малыми силами, а, по приказанію мѣстныхъ комитетовъ, въ рѣшительную минуту въ немъ приняли участіе вооруженные жители сосѣднихъ деревень, только ожидавшіе сигнала. Величайшимъ доказательствомъ силы внутренней организаціи было мѣропріятіе экономическаго характера, проведенное съ успѣхомъ. Она приказала поднять по всей странѣ плату за полевыя работы съ 1 фр. 20 сант. въ день до 2 фр., или, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, до 1 фр. 60 сант., но съ тѣмъ, чтобы пища была хозяйская и притомъ опредѣленнаго качества. Любопытные эпизоды разыгрались на почвѣ этого распоряженія, мгновенно получившаго силу непреложнаго закона. Бей (или бекъ) зоветъ работника на поденщину; тотъ заявляетъ о повышеніи цѣны, и при дальнѣйшихъ переговорахъ откровенно и ясно даетъ понять, что таково распоряженіе комитета. Бей озадаченъ, но, уже наученный опытомъ, понимаетъ, что говорящій съ нимъ „райя" тутъ не виноватъ: передъ ними обоими стоитъ неумолимая сила, которой обязаны подчиняться и наниматель, и наемникъ; въ противномъ случаѣ—комитетъ безпощаденъ,—его пуля найдетъ ослушника.

Я не дѣлаю выводовъ, а только разсказываю факты; худъ или хорошъ такой образъ дѣйствій, но, повидимому, онъ—единственно возможный среди анархіи, царящей въ странѣ. Центральный комитетъ слишкомъ далекъ отъ сентиментальности, и его голосъ явственно слышенъ среди зарева пожаровъ и ружейныхъ залповъ. Рѣшительно высказавшись за автономію, внутренняя организація взяла на себя тяжелый трудъ защищать обездоленныхъ, чинить правосудіе, возстановлять нарушенную справедливость, безразлично, касается ли дѣло отдѣльныхъ лицъ или цѣлаго общественнаго класса. Зрѣло обдуманная и настойчиво проведенная мѣра объ увеличеніи рабочей платы немедленно осуществлена повсемѣстно, и населеніе знаетъ, что на стражѣ его интересовъ стоятъ люди, внимательные къ экономическимъ нуждамъ и не упускающіе изъ вида перспективы вооруженнаго возстанія.

— Вамъ нужно повидаться съ главой центральнаго комитета,—сказалъ мнѣ давнишній пріятель, предсѣдатель одной изъ провинціальныхъ группъ. То же повторяли учителя, общественные

дѣятели, люди, только-что вернувшіеся съ македонскихъ пожарищъ, и я послѣдовалъ ихъ совѣту.

Предо мной нестарый человѣкъ, окончившій курсъ въ заграничномъ университетѣ и съ той поры не перестававшій одновременно работать на культурномъ и революціонномъ поприщѣ въ Македоніи. Онъ одинаково оцѣненъ обѣими сторонами, т.-е. извѣдалъ тяжесть турецкихъ кандаловъ, ручныхъ и ножныхъ, но зато извѣдалъ также и тяжесть отвѣтственности, возложенной на него довѣріемъ населенія. Получать десятки трагическихъ извѣстій, на каждое изъ нихъ реагировать въ самой активной формѣ, стараясь все предвидѣть, удерживать однихъ, поощрять другихъ, болѣть душой за всѣхъ и никогда не терять голову,—вотъ его миссія. Съ виду спокойный, безстрастный, твердый, какъ скала, онъ далъ мнѣ много интересныхъ свѣдѣній, пока не подлежащихъ опубликованію, сказавъ между прочимъ:

— Если васъ интересуетъ экономическій и юридическій бытъ моихъ соотечественниковъ, то обратите вниманіе на такія-то мѣстности. Европа содрогнется, узнавъ объ обширныхъ группахъ людей, лишенныхъ всѣхъ имущественныхъ и человѣческихъ правъ. Вы увидите сельскихъ жителей, у которыхъ нѣтъ ни движимой, ни недвижимой собственности; даже одежда этихъ людей принадлежитъ „беямъ“. Вѣчный трудъ на чужой нивѣ и другія условія жизни фактически превратили ихъ въ рабовъ; у нихъ нѣтъ права передвиженія, такъ какъ бекъ, являющійся кредиторомъ того или иного села, опираясь на турецкія власти, можетъ все запретить человѣку, состоящему въ неоплатномъ долгу и даже имѣющему на плечахъ одежду, принадлежащую ему, беку. Всего ужаснѣе, что экономическій гнетъ и юридическое безправіе убили въ этихъ несчастныхъ вѣру въ возможность лучшаго будущаго; они трепещутъ при звукѣ мало-мальски независимаго слова, и агентамъ комитета, въ мѣстностяхъ, правда, немногочисленныхъ, съ подобнымъ населеніемъ справляться со своей задачей очень трудно, такъ какъ нельзя спасать людей вопреки ихъ желанію. („Но какъ того освободить, кого пугаетъ видъ свободы?“)

По поводу оффиціальныхъ опекуновъ Македоніи глава внутренней организаціи замѣтилъ, что теперешняя система, къ которой прибѣгли комитеты, приводитъ въ негодованіе представителей Австріи. По мнѣнію одного изъ нихъ, можно было бы передушить всѣ четы, но совершенно нельзя бороться съ революціонными агентами, неуловимыми и почти незримыми, которые въ одиночку и парами наводняютъ страну, сохраняя столь невинную внѣшность, что невозможно распознать, агитаторъ ли это,

или обычный поселянинъ. Между тѣмъ, они знаютъ все, что кругомъ дѣлается, безпрестанно воодушевляютъ, организуютъ, контролируютъ...

— Итакъ, Австрія жалѣетъ, что не можетъ убить ячейки вашей свободы; а какова роль Демерика?—спросилъ я.

Послѣ нѣкоторой паузы, послѣдовалъ осторожный отвѣтъ:

— Ну, Демерикъ держитъ себя довольно нейтрально.

Выше я упомянулъ о турецкихъ кандалахъ; вотъ маленькій эпизодъ, иллюстрирующій эти слова. На дняхъ мнѣ пришлось встрѣтиться съ интеллигентнымъ человѣкомъ, который за участіе въ послѣднемъ возстаніи былъ приговоренъ къ каторгѣ *на 101 годъ*. Турки отправили его въ знаменитый Сен-Жан-д'Акръ, заковавъ въ кандалы; однако, осужденному и его товарищамъ было позволено взять съ собой необходимыя въ виду столь „продолжительнаго" заключенія вещи. Нѣкоторые захватили даже тюфяки. У моего знакомаго оказались задѣланными въ поясъ нѣсколько червонцевъ, и, несмотря на обыски, возможные во время трехнедѣльнаго пути, деньги эти найдены не были. По прибытіи на мѣсто, ихъ пришлось внести начальнику, который откровенно взялъ часть въ свою пользу, а остальныя позволилъ узнику расходовать на улучшеніе пищи. Кандалы были сняты еще дорогой. Въ С.-Жанъ-д'Акрѣ находится много каторжниковъ, главнымъ образомъ арабовъ, бедуиновъ; ихъ подвергаютъ суровому режиму, но положеніе болгаръ и армянъ гораздо хуже; невѣжественная стража знаетъ одно, что это враги падишаха,—ихъ, т.-е. человѣкъ восемьдесятъ, держали въ отдѣльной клѣткѣ, давая лишь ½ килограмма хлѣба въ сутки. Кто не имѣлъ денегъ, былъ вынужденъ заниматься работой, номинально добывая плетеніемъ корзинъ *30* сантимовъ въ день; фактически же этотъ заработокъ понижался до *5* сант., благодаря тому, что заказчики обкрадывали несчастныхъ, поставляя имъ по непомѣрно высокимъ цѣнамъ кофе и кусочки сахара. При такой обстановкѣ изнывалъ мой знакомый, перенесенный волей судебъ изъ стѣнъ вѣнскаго университета въ живую могилу.

Свобода пришла вдругъ, неожиданно. Султанъ объявилъ амнистію на основаніи болгаро-турецкаго соглашенія 1904 г. Какъ видите, о туркахъ можно сказать словами поэта: „Зла съ добромъ роковое смѣшеніе"... Съ одной стороны — кандалы и ½ кил. хлѣба въ день, но зато съ другой—тюфяки и совершенно реальная амнистія, превратившая *101* годъ каторги въ *1* годъ.

II.

Проѣхавъ нѣсколько верстъ между сплошными садами, я попалъ въ житницу западной Болгаріи.

Боже мой, какъ щедра здѣсь природа!

Издали вамъ кажется, что справа и слѣва отъ дороги— простыя заросли. Между тѣмъ, это знаменитые кюстендильскіе сады, гдѣ зрѣютъ сливы, сладкія, какъ медъ, и огромное количество винограда, составляющаго предметъ сбыта на столичномъ рынкѣ.

Въ какой степени плодородіе обусловливается трудами человѣческихъ рукъ—рѣшить трудно. Во всякомъ случаѣ, эти руки работаютъ здѣсь не слишкомъ много. Обильные урожаи въ садахъ и поляхъ зависятъ отъ превосходной почвы и исключительно благопріятнаго климата: кюстендильская котловина, съ окружностью въ нѣсколько десятковъ верстъ, со всѣхъ сторонъ окружена горами, благодаря чему нѣтъ ни рѣзкаго вѣтра, ни чувствительнаго мороза. Кромѣ того, горячіе ключи сочатся подъ землей и нагрѣваютъ ее. Здѣсь въ изобиліи встрѣчаются цѣлебные источники, сѣрные и желѣзные. Температура первыхъ доходитъ до 72° по Цельсію.

Мой спутникъ, соціалистическій писатель, еще ранѣе, чѣмъ экипажъ остановился передъ гостинницей, успѣваетъ узнать, что вечеромъ предстоитъ рабочее собраніе. Но въ этомъ городѣ, лишенномъ фабрикъ и заводовъ, гдѣ сытость населенія и изобиліе плодовъ земныхъ бьютъ въ глаза, отсутствуютъ самые могущественные рычаги, заставляющіе тружениковъ въ другихъ мѣстахъ сплотиться въ обширную группу или создать многолюдную организацію.

Не могу не подѣлиться съ читателемъ свѣдѣніями объ одной очень колоритной подробности болгарской общественной жизни. По мѣрѣ распространенія типографій, населеніе оповѣщается печатными объявленіями; но въ захолустьяхъ до сихъ поръ существуютъ глашатай и общественный барабанъ. Мнѣ случалось неоднократно слышать въ маленькихъ городахъ звуки барабана, сопровождаемые громкимъ заявленіемъ о томъ, что судебный приставъ будетъ продавать въ такомъ-то часу съ публичнаго торга такое-то имущество. Различныя распоряженія общиннаго управленія доводятся до свѣдѣнія публики такимъ же способомъ.

Однако, для меня было неожиданностью, что иногда пригла-

шенія на соціалистическія лекціи или собранія обставляются совершенно такъ же. Въ большинствѣ случаевъ, правда, прибѣгаютъ къ помощи печатнаго станка; но иногда, ради выигрыша времени и во избѣжаніе лишнихъ расходовъ, нанимается глашатай съ общиннымъ барабаномъ. Вотъ ужъ подлинно: „что городъ, то норовъ".

Маленькаго прикосновенія къ македонскимъ дѣламъ было достаточно, чтобы осязательно и конкретно столкнуться съ идеей политической свободы или, по крайней мѣрѣ, съ тѣми формами, въ которыхъ она воплотилась здѣсь. Я спросилъ слугу въ гостинницѣ, какимъ образомъ разыскать такое-то лицо. Продолжая смахивать пыль съ дорожнаго чемодана, тотъ невозмутимо отвѣтилъ:

— Онъ теперь засѣдаетъ въ македонскомъ революціонномъ комитетѣ, но скоро зайдетъ сюда ужинать.

Да, черезъ нѣсколько верстъ, по ту сторону границы, такія слова будетъ опасно произносить даже шопотомъ. А здѣсь дѣятельность внутренней македонской организаціи кипитъ у всѣхъ на глазахъ.

Нѣсколько минутъ спустя, вожакъ мѣстной македонской группы обсуждалъ со мною подробности предстоящей поѣздки. Онъ сообщилъ, что еще на дняхъ англійскіе журналисты, гг. Муръ и Бакстонъ, проѣхали черезъ Кюстендиль въ Оттоманскую имперію и сдѣлались предметомъ черезчуръ любезнаго вниманія турокъ, благодаря чему ихъ поѣздка съ конвоемъ превратилась въ поѣздку „подъ конвоемъ". Напримѣръ, подъ предлогомъ заботъ о спокойствіи и объ удобствахъ почетныхъ путешественниковъ, турецкія власти немедленно удаляли изъ гостинницы, гдѣ тѣ останавливались, всѣхъ прочихъ обитателей и ставили у дверей часовыхъ. Населеніе, настроенное весьма нервно, дѣлало усилія, чтобы завязать сношенія съ иностранцами; тѣ въ свою очередь старались видѣться и разговаривать съ потерпѣвшими отъ насилій и ихъ знакомыми, но прорвать любезный турецкій кордонъ удалось лишь съ большимъ трудомъ.

Только-что получено извѣстіе черезъ гонцовъ, что въ Кумановскомъ округѣ, по направленію Щипской казы, былъ слышенъ шумъ битвы и даже пушечные выстрѣлы. Результатъ неизвѣстенъ. Но такъ какъ артиллерія рѣдко употребляется при подавленіи четъ, то дѣлаютъ предположеніе о довольно серьезной стычкѣ. Мой путь лежитъ именно туда, черезъ Куманово, въ Ускюбъ (Скопіе). Два года назадъ, Кюстендиль напоминалъ повстанческій

арсеналъ. Тогда здѣсь открыто фабриковались бомбы, двѣ изъ которыхъ, конечно, неначиненныя, взятыя изъ рукъ воеводы, я тогда же демонстрировалъ въ Западной Европѣ, дѣлая публичные доклады о македонскомъ возстаніи. Теперь, несмотря на дѣятельныя заботы объ оружіи, о бомбахъ, о снаряженіи четниковъ, о помощи раненымъ, которые постоянно сюда являются,—центръ тяжести вниманія комитетовъ лежитъ въ культурныхъ и экономическихъ нуждахъ населенія. Глава здѣшней организаціи говорилъ мнѣ съ гораздо бо̀льшимъ сознаніемъ исполненнаго долга не о побѣдахъ четниковъ надъ турецкими войсками, а о побѣдахъ надъ турецкими нравами и несправедливыми соціальными условіями. По его словамъ, еще недавно вліятельные турки, являясь въ болгарское село, чтобы покутить, требовали мѣстныхъ женщинъ, которыя были вынуждены плясать, развлекать непрошенныхъ гостей и даже, по ихъ требованію, раздѣваться до нага. Теперь это отошло въ область преданій. Турки боятся комитетовъ и не позволяютъ себѣ ничего подобнаго.

Кромѣ того, чтобы достигнуть бо̀льшей справедливости въ экономическихъ отношеніяхъ, комитеты иногда объявляютъ бойкотъ землямъ богатаго турка. Вслѣдствіе этого никто не смѣетъ ихъ обрабатывать. Тогда хозяинъ вынужденъ къ продажѣ своей собственности. Но комитеты запрещаютъ населенію, въ подобныхъ случаяхъ, являться покупателемъ. Цѣна неизбѣжно начинаетъ падать, и когда она упадетъ достаточно низко, внутренняя организація разрѣшаетъ дѣлать покупку, но не отдѣльнымъ лицамъ, а цѣлой общинѣ.

Вскорѣ ко мнѣ зашелъ Петръ Соколички. Я уже разсказалъ въ „Вѣстникѣ Европы“, какъ, два года назадъ, старый ветеранъ македонскихъ возстаній, Марко Соколички, водилъ меня на мѣсто, гдѣ, за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ, страшный динамитный взрывъ разрушилъ домъ и погубилъ работавшихъ тамъ людей, среди которыхъ былъ и его сынъ Владиміръ. Но другой сынъ, Петръ, находился въ то время въ самомъ центрѣ македонскаго ада, и я не могъ съ нимъ познакомиться. Теперь онъ явился и сообщилъ, что отецъ немедленно уѣзжаетъ по какимъ-то дѣламъ на границу, попрежнему всецѣло поглощенный македонскими событіями.

Самому Петру походы, совершенные въ 1903 году, не сошли съ рукъ даромъ: онъ раненъ двумя пулями, а его воевода Крестю Асѣновъ убитъ. Это былъ племянникъ знаменитаго Ходжи-Димитра, являющагося однимъ изъ героевъ болгарскаго эпоса. Имя

Крестя Асѣнова часто упоминалось въ связи съ похищеніемъ американки миссъ Стонъ.

Солнце еще не всходило, а нѣсколько воеводъ уже пили кофе на верандѣ кюстендильской гостинницы. Между ними было двое, перешедшихъ границу лишь наканунѣ. Увидѣвъ меня, всѣ они стали дѣлать послѣднія напутствія, такъ какъ фаэтонъ, запряженный четверней, уже ждалъ у крыльца.

— Берегитесь турецкихъ шпіоновъ,—сказалъ одинъ.

— Всѣ ли книги и газеты вы оставили здѣсь? Малѣйшій клочокъ печатной бумаги надѣлаетъ вамъ на границѣ большихъ хлопотъ,—добавилъ другой.

Выпивъ по чашкѣ кофе, мы простились. Я постарался удержать въ памяти нѣкоторые адреса, полученные въ послѣднюю минуту, и тронулся въ путь.

Вновь потянулись сады; затѣмъ мелькнули живописные постоялые дворы, окруженные тополями. Все поднимаясь въ гору, мы черезъ три часа подъѣзжали къ границѣ.

Вотъ вправо знакомыя мѣста, гдѣ когда-то я посѣтилъ повстанческій лагерь въ то время, когда аріергардъ четы Атанасова ужиналъ, собираясь вторгнуться въ Македонію.

Теперь и дорога, и окрестныя поля, были не столь оживлены. Свободная и благоустроенная страна до послѣдней минуты давала намъ возможность лицезрѣть блага цивилизаціи: совсѣмъ на рубежѣ показалась красиво построенная болгарская школа, почтово-телеграфное бюро.

Шоссе, несмотря на крутой подъемъ, содержится безупречно. Правда, въ Турціи я тоже увижу школы и телеграфъ, но про нихъ можно сказать словами Гёте: „Dasselbe, aber mit anderen Worten“.

Члены болгарской таможни съ любопытствомъ обступили насъ и такъ настойчиво стали совѣтовать не вводить турокъ въ грѣхъ наличностью какихъ бы то ни было газетъ, что я съ грустью отперъ чемоданъ и досталъ послѣдніе нѣсколько №№ „Вѣстника Финансовъ“. Болгары чистосердечно настаивали на необходимости отослать домой и револьверы, строжайше запрещенные даже туристамъ,—распоряженіе болѣе чѣмъ странное, въ государствѣ, гдѣ пути не безопасны и убійства происходятъ ежедневно.

У послѣдняго постоялаго домика пожилая женщина держала въ поводу лошадь. Она навѣщала сына, работающаго гдѣ-то около Кюстендиля, но сама съ семьей живетъ въ Македоніи. Теперь старуха не рѣшалась войти въ любезное отечество, хорошо зная,

что солдаты и другіе блюстители порядка могутъ совершить надъ ней насиліе, несмотря на пятидесяти-лѣтній возрастъ. Она поджидала какого-нибудь попутчика и очень обрадовалась намъ. Черезъ нѣсколько минутъ экипажъ остановился у турецкой таможни. Мигомъ чемоданы вскрыты, все перевернуто, но подозрительнаго ничего не найдено, кромѣ карты Балканскаго полуострова; ее осматривали, переворачивали и, наконецъ, отнесли къ начальнику. Когда я вошелъ къ нему, онъ сидѣлъ, согнувшись, надъ моей картой и съ напряженіемъ вглядывался въ нее. Послѣ взаимныхъ привѣтствій, хозяинъ предложилъ кофе, спросилъ на ломаномъ французскомъ языкѣ, что я думаю о македонскомъ возстаніи, а затѣмъ со всевозможной деликатностью выразилъ желаніе узнать, для какой надобности везу я лежащій передъ нимъ „предметъ". Я отвѣчалъ, что это—карта Балканскаго полуострова, гдѣ изображены Болгарія, Сербія, Турція... Офицеръ еще пристальнѣе и съ большимъ любопытствомъ сталъ разсматривать изломанныя линіи; но тутъ вошелъ мой спутникъ, болгарскій писатель, и далъ подробныя указанія:—Поглядите—говорилъ онъ,—вотъ—Софія, вотъ—Кюстендиль, дорога, по которой мы пріѣхали, дальше—граница; вотъ точка, на которой вы и мы теперь сидимъ...

Таково политическое рабство. Человѣкъ, получившій приказаніе не пропускать въ страну печатной бумаги, ломаетъ голову надъ географической картой, а въ это время въ его районѣ, гдѣ-нибудь въ полуверстѣ, быть можетъ, окапывается вражеская чета.

Прошло около получаса.—Эфенди,—сказалъ я наконецъ,—предположите, что мы вамъ солгали, и это не карта Балканскаго полуострова, а, напримѣръ, карта Австраліи или Южной Америки,—развѣ даже въ такомъ случаѣ что-нибудь мѣняется къ худшему?

Нѣсколько минутъ спустя, мы получили обратно заподозрѣнный предметъ и разстались пріятелями.

Однако, какъ быть дальше? Не только опрятные болгарскіе солдаты смѣнились оборванными турецкими, но и превосходное шоссе обрывалось у таможни. Колеснаго пути уже не было, и мы довольно безпомощно усѣлись въ тѣни плохонькой корчмы, стоявшей въ сторонкѣ. Экипажъ уѣхалъ обратно; приходилось поджидать верховыхъ лошадей. Откупоривъ сардинки, развернувъ другіе, бывшіе съ нами, припасы, въ томъ числѣ фрукты и сыръ, мы послали приглашеніе начальнику таможни, который являлся, такъ сказать, властелиномъ данной территоріи. Онъ не замедлилъ

придти, оказался любезнымъ собесѣдникомъ, распорядился принести изъ своей квартиры кое-какую мебель, а также блюдо изъ риса, томатовъ и прованскаго масла.

Среди разговора я получилъ нѣкоторыя, немногочисленныя, впрочемъ, свѣдѣнія, представляющія интересъ.

Во-первыхъ, положеніе въ краѣ, по словамъ офицера, таково, что приходится, вопреки закону, удерживать подъ ружьемъ солдатъ, которымъ ужъ нѣсколько лѣтъ назадъ вышелъ срокъ службы. Во-вторыхъ, вполнѣ разрѣшенное закономъ и обычаемъ многоженство на практикѣ почти вывелось подъ вліяніемъ экономическихъ причинъ: содержать нѣсколько женъ—слишкомъ дорогое удовольствіе. Семья собесѣдника, т.-е. жена и дѣти, находится въ Паланкѣ, на разстояніи 12 верстъ отъ мѣста его службы, такъ какъ здѣсь, въ горахъ, нѣтъ даже мало-мальски сносной квартиры. Такимъ образомъ, получая шесть турецкихъ фунтовъ (около 53 руб.), онъ вынужденъ жить на два дома. Наконецъ, въ-третьихъ, я сразу убѣдился, какъ мертвитъ страну отсутствіе свободнаго слова, обмѣна свѣдѣній, живой печати и вообще стремленіе заставить всѣхъ и все молчать; напримѣръ, ему, офицеру, находящемуся въ турецкой имперіи, еще ничего не было извѣстно о битвѣ между войсками падишаха и сербской четой, хотя она произошла всего въ 35-ти верстахъ, тогда какъ я, будучи за-границей, зналъ о ней за сутки до этой бесѣды. Начальнику таможни, который въ то же время и начальникъ многолюднаго пограничнаго отряда, было бы далеко не лишнимъ знать о такихъ происшествіяхъ, хотя бы для того, чтобы воспрепятствовать вражескимъ силамъ, уцѣлѣвшимъ послѣ боя, скрыться за рубежъ.

Но вотъ представилась возможность ѣхать дальше: двѣ лошади, привозившія хлѣбъ солдатамъ, были къ нашимъ услугамъ. Однако, какой всадникъ гарцовалъ при подобной обстановкѣ! Представьте себѣ маленькую, взъерошенную лошаденку, покрытую на $^{2}/_{3}$ большимъ деревяннымъ остовомъ сѣдла, предназначеннымъ для вьюка; ноги, вмѣсто стремянъ, вставляются въ веревочныя петли; чемоданы привязываются къ многочисленнымъ деревяннымъ ручкамъ, вдѣланнымъ по краямъ сѣдла. Мы тронулись въ путь въ самомъ веселомъ настроеніи духа. На крутизнахъ и неожиданныхъ спускахъ турки опасливо кричали мнѣ: „Старче, старче!“ Но, зная, что въ затруднительныхъ случаяхъ надо предоставлять горной лошади полную инціативу, я былъ совершенно спокоенъ.

Минутъ черезъ пятнадцать насъ догналъ пѣшій жандармъ, очень

опрятно одѣтый, съ ружьемъ въ рукахъ; онъ, видимо, запыхался, и было ясно, что форсированный маршъ имѣлъ цѣлью именно догнать насъ, такъ какъ блюститель порядка не продолжалъ идти тѣмъ же аллюромъ, а спокойно присоединился къ нашему каравану. Жандармъ былъ разговорчивъ, услужливъ, свободно объяснялся на болгарскомъ языкѣ, но зато, когда мы пытались заговорить съ работавшими на мосту поденщиками, желая опредѣлить ихъ народность, стражъ отвѣчалъ за нихъ и, какъ впослѣдствіи оказалось, не совсѣмъ вѣрно, давая намъ преувеличенное понятіе о существующихъ цѣнахъ на трудъ.

Мы еще два раза повторили попытку при дальнѣйшихъ встрѣчахъ съ рабочими, но прежній результатъ достигался тѣмъ легче, что вопрошаемые отвѣчали не сразу, а предварительно съ явнымъ испугомъ глядѣли на жандарма, который быстро выпаливалъ отвѣты за нихъ.

Вспомнивъ судьбу нашихъ предшественниковъ, гг. Мура и Бакстона, которыхъ турки окружили цѣлымъ эскортомъ, мы нашли все происходящее въ порядкѣ вещей.

Кромѣ рабочихъ, занятыхъ исправленіемъ мостовъ, черезъ капризно извивающуюся горную рѣчку Эгри-Дере, мы не встрѣчали частныхъ людей; зато солдатъ было много. Путь почти все время шелъ между горами, то сближающимися въ тѣсное ущелье, то образующими маленькія долины. При переѣздѣ вбродъ черезъ рѣчку, я воспользовался тѣмъ, что всадники должны были переправляться въ одномъ мѣстѣ, а оба пѣшіе хозяина лошадей и жандармъ въ другомъ,—приблизился къ женщинѣ, о которой упомянуто выше, и вполголоса спросилъ, какъ разыскать болгарскій постоялый дворъ въ Паланкѣ; но она была уже неузнаваема: тамъ, на болгарской территоріи, общительная, толковая, привѣтливая, здѣсь она трепетала, испуганно оглянулась на турокъ и прошептала:—Услышатъ, услышатъ...

„Вотъ оно, проклятое политическое рабство!“ — сказалъ я себѣ; вопросъ о болгарскомъ постояломъ дворѣ можетъ быть причиной большихъ бѣдъ для моей спутницы: напримѣръ, ее зачислятъ въ категорію неблагонамѣренныхъ. Во всякомъ случаѣ, мѣстные порядки она знаетъ лучше меня.

Иногда, читая въ болгарскихъ газетахъ объ изнасилованіи какой-нибудь старухи цѣлымъ взводомъ солдатъ, я болѣе, чѣмъ сомнѣвался въ правдивости такихъ извѣстій; а одинъ скептикъ даже замѣтилъ, что подобныя происшествія возможны лишь на почвѣ большой дисциплины и по непосредственной командѣ начальства; но, глядя здѣсь на эту необузданную, озвѣрѣлую орду

подъ ружьемъ, обособленную отъ населенія, вынужденную цѣлыми годами жить въ горахъ, я считалъ ее способной на все. Изодранная одежда, ременные лапти, часто одѣтые на босую ногу, казармы и даже лазаретъ около Паланки безъ стеколъ, съ небольшими квадратными отверстіями въ стѣнахъ,—все это отдѣльные штрихи, изъ которыхъ слагается нѣкоторая картина. Не потому ли окна замѣнены просто дырами, что буйные обитатели все равно перебьютъ стекла? Говорятъ, будто зимой ихъ заклеиваютъ бумагой; но дыры малы, внутри казармъ и лазарета должно быть совершенно темно.

Запретъ Корана относительно спиртныхъ напитковъ турками не исполняется. Если мнѣ приходилось предложить кому-либо изъ нихъ стаканъ пива, вина или водки, то не было случая, чтобы угощаемый отказался; нѣкоторые даже не прочь слегка подшутить надъ запретами священной книги, весело замѣчая, что пиво не существовало при появленіи Корана, и поэтому ни въ какомъ случаѣ не могло войти въ списокъ изъятыхъ изъ употребленія предметовъ.

Однако, солдаты хотя и являются бичомъ той мѣстности, гдѣ они размѣщены, но это еще ангелы по сравненію съ арнаутами, вѣчно вооруженными, совершенно не знающими дисциплины и фактически свободными отъ какой-либо отвѣтственности. Порой, при ихъ поддержкѣ знаменитый Ахмедъ-бей создаетъ преинтересные комментаріи къ понятію, выраженному словами: „государство въ государствѣ". Напримѣръ, въ августѣ 1905 г., онъ узналъ, что вблизи одного изъ монастырей, всего въ нѣсколькихъ часахъ отъ Ускюба, найдены два мусульманскихъ трупа. Собравъ сотни арнаутовъ, онъ поспѣшилъ къ монастырю, гдѣ въ то время находились тысячи двѣ-три безоружныхъ богомольцевъ. Произошла бы грандіозная рѣзня, но, своевременно узнавъ о приближеніи Ахмедъ-бея, вся толпа хлынула внутрь монастырскихъ стѣнъ, и ворота были заперты. Такъ какъ арнауты не имѣли пушекъ, а ружейнымъ огнемъ не могли причинить вреда людямъ, укрывшимся за стѣнами, то Ахмедъ-бей приступилъ къ осадѣ, тѣмъ болѣе, что въ его планы входило перерѣзать христіанъ безъ всякой потери со своей стороны. На помощь къ нему прибывали все свѣжія силы; скоро число осаждающихъ дошло до 1.000 человѣкъ. Они отвели воду, и положеніе осажденныхъ стало невыносимымъ. Въ это время появилось турецкое войско и съ нимъ—представитель власти, командированный для переговоровъ съ Ахмедъ-беемъ. Урезонивать его, не имѣя подъ руками солидной военной силы, было бы безполезно; съ

другой стороны, вступать съ нимъ въ битву правительство и не имѣло въ виду; все дѣло свелось къ увѣщанію, на всякій случай подкрѣпленному авторитетомъ батальоновъ. Ахмедъ уступилъ и снялъ осаду, продолжавшуюся нѣсколько дней.

Правовыя нормы въ странѣ таковы, что лица, сообщившія мнѣ подробности описываемой исторіи, черезъ двѣ недѣли послѣ ея окончанія, все еще удивлялись, какъ чуду, что дѣло обошлось такъ благополучно, и богомольцы остались живы. Въ данномъ случаѣ обѣ, въ сущности, дружественныя стороны, т.-е. правительство и Ахмедъ-бей, имѣли только видимость противниковъ, вообще же они крѣпко поддерживаютъ другъ друга. Когда въ одномъ изъ имѣній упомянутаго бея, при дер. Алакинцы, Ускюбскаго вилайета, сгорѣло отъ неизвѣстной причины около 600 сноповъ соломы, онъ обратился къ поддержкѣ судебныхъ властей, добился примѣненія принципа круговой поруки и взысканія съ цѣлаго села колоссальной, по сравненію съ убыткомъ, суммы, вслѣдствіе чего была принудительно продана половина всего сельскаго скота.

III.

Турецкій городъ Эгри-Паланка находится всего въ двѣнадцати верстахъ отъ болгарской границы, но, проѣзжая это пространство верхомъ по крутизнамъ и оврагамъ, человѣкъ оставляетъ позади всѣ блага цивилизаціи и попадаетъ въ обстановку, отодвигающую его къ мраку среднихъ вѣковъ: здѣсь, въ Паланкѣ, есть телеграфъ, но имъ нельзя пользоваться, во-первыхъ, потому, что телеграфистъ знаетъ только турецкую грамоту; а во-вторыхъ, если бы я сумѣлъ написать по-турецки, то, все равно, телеграмма пойдетъ на цензуру въ Ускюбъ, неизбѣжно возбудитъ подозрѣнія и останется неотправленной.

Здѣсь есть почта, но она для меня безполезна: самое невинное извѣстіе, что я живъ, адресованное домашнимъ, не говоря уже о какой-нибудь газетной корреспонденціи, непремѣнно будетъ распечатано, по возможности прочитано и подъ какимъ-нибудь предлогомъ задержано. Здѣсь большое число войскъ, жандармеріи, полиціи, но населеніе трепещетъ тѣмъ болѣе, тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ближе оно находится къ этимъ представителямъ „порядка и охраны“.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, какъ я слѣзъ съ сѣдла, на порогѣ плохого постоялаго двора, „хана“, показался офицеръ, очень опрятный, вылощенный, сверкавшій металлическими

ножнами своей сабли. Онъ бойко заговорилъ на болгарскомъ языкѣ, заявляя, что пришелъ сдѣлать визитъ мадамъ Герасимовой (хозяйкѣ постоялаго двора). Но эта ложь была до такой степени очевидна, что никто не обратилъ на нее ни малѣйшаго вниманія. Гостя подвели прямо ко мнѣ и усадили рядомъ на диванѣ. Всѣ слишкомъ ясно сознавали, что офицеру былъ нуженъ именно я, а вовсе не бѣдная женщина, у которой турецкая пуля совсѣмъ недавно раздробила ключицу.

Офицеръ перешелъ на французскій языкъ, объявилъ, будто онъ пріятно изумленъ встрѣчей съ журналистомъ, столь неожиданной въ такой глуши, и продолжалъ лгать, что это простая случайность, такъ какъ онъ хотѣлъ только „faire une visite à madame Guérassimova“. На мои вопросы онъ заявилъ, что является представителемъ австро-венгерскаго офицерства, зачисленъ въ турецкую жандармерію съ чиномъ майора и жалованіемъ сорокъ-два турецкихъ фунта въ мѣсяцъ, т.-е. около двѣнадцати тысячъ франковъ въ годъ. Только насчетъ своей родины офицеръ никакъ не могъ дать точныхъ указаній и долго мямлилъ о своей службѣ въ Буковинѣ, такъ что, наконецъ, я подсказалъ ему: „la patrie du soldat est sous son drapeau“. Онъ съ живостью согласился и, подобно собесѣднику Неклюдова въ романѣ „Воскресеніе“, попытался перевести разговоръ на пикантную тему, горько жалуясь, что ни венгерки, ни нѣмки не хотятъ занять у него должность экономки, опасаясь ѣхать въ захолустье.

Однако, разговоръ въ такомъ направленіи продолжаться не могъ: я спѣшилъ перейти къ вопросамъ болѣе серьезнымъ и даже ужаснымъ. Зато и отвѣты получались тоже ужасные. Незадолго до моего пріѣзда, т.-е. въ августѣ 1905 г., газеты сообщили о совершенно непонятныхъ залпахъ по женщинамъ и дѣтямъ въ селѣ Конопница. Теперь, находясь въ шести верстахъ отъ этого села и сидя рядомъ съ представителемъ европейской жандармеріи, начальникомъ того самаго района, гдѣ происшествіе имѣло мѣсто, я хотѣлъ провѣрить истину, тѣмъ болѣе, что собесѣдникъ былъ очень говорливъ. Но онъ такъ долго ходилъ подлѣ да около, что я чуть ли не въ десятый разъ повторилъ мой вопросъ: „mais le massacre a eu lieu?“,—пока онъ, наконецъ, замолчалъ, выдержалъ паузу и совершенно категорически отвѣтилъ:

— Oui, le massacre a eu lieu (да, рѣзня произошла).

Воспользовавшись столь опредѣленной формой отвѣта, я сталъ настаивать на подробностяхъ, и майоръ назвалъ мнѣ по

именамъ всѣхъ четырнадцать человѣкъ, т.-е. восемь убитыхъ и шесть раненыхъ. Впрочемъ, большинство изъ нихъ даже не были взрослыми: часть убитыхъ и раненыхъ—дѣти, въ томъ числѣ грудныя. По поводу главнаго обстоятельства, т.-е. мотива, причины, цѣли такого избіенія, офицеръ сказалъ, что присутствіе въ деревнѣ Конопница вооруженныхъ четниковъ было констатировано. Медленно, отчеканивая каждый слогъ, онъ дважды повторилъ:

— La présence des gens armés a été constatée.

Одно оставалось совершенно непонятнымъ: какимъ образомъ, разыскивая вооруженныхъ четниковъ, турецкое войско убило и ранило двухъ безоружныхъ мужчинъ, пять женщинъ, семь дѣтей, и не ранило, не убило, не взяло въ плѣнъ ни одного четника.

Майоръ совершилъ чудеса діалектическаго искусства, доказывая, что, по причинамъ тактическимъ, стратегическимъ, топографическимъ, турки должны были стрѣлять въ разныя стороны, и такимъ образомъ пули попали въ женщинъ и дѣтей.

Едва удерживая негодованіе, я слушалъ эту очевидную ложь, и спросилъ, какія же доказательства убѣдили моего собесѣдника въ присутствіи четниковъ, если турки убивали кого угодно, но не этихъ послѣднихъ? Офицеръ помолчалъ и сперва загадочно отвѣтилъ:

— Nous sommes bien expérimentés (мы достаточно опытны).

Потомъ вдругъ вскочилъ съ мѣста, стремительно бросился къ двери, смертельно перепугавъ этимъ моихъ квартирныхъ хозяевъ, и сталъ представлять въ лицахъ, какъ четники могли сидѣть въ пустой корчмѣ и, услышавъ шумъ, открыть оттуда пальбу, вызвавъ этимъ отвѣтные залпы со стороны войскъ. Вотъ слѣды пуль на стѣнахъ, у двери корчмы, и убѣдили всю слѣдственную власть, что дѣло не обошлось безъ четниковъ. Я почти съ отчаяніемъ смотрѣлъ на этого человѣка. Вся исторія злосчастной Македоніи за два года проходила передъ моими глазами. Послѣдняя иллюзія исчезла: мы, иностранцы, въ простотѣ душевной, воображали, что европейская жандармерія, благодаря своей малочисленности, не можетъ остановить турецкихъ звѣрствъ, но она борется съ ними, протестуетъ противъ нихъ, защищаетъ слабыхъ и обездоленныхъ. Теперь, мгновенно, я понялъ все: за сорокъ-два турецкихъ фунта въ мѣсяцъ европейскій офицеръ и оружіемъ, и языкомъ, защищаетъ турецкіе интересы.

Такъ вотъ оно почему двухлѣтнее приложеніе европейскихъ реформъ привело къ анархіи, увеличило число безчинствъ и ободрило турокъ!

— Майоръ, — сказалъ я, — теперь, когда мы говоримъ съ вами, въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда, въ школѣ, при болгарской церкви, лежатъ умирающія дѣти, раненыя въ Конопницѣ. Вы должны гарантировать мнѣ возможность видѣть ихъ. Идемъ туда! — воскликнулъ я, подымаясь съ мѣста.

Офицеръ отвѣтилъ, что это совсѣмъ невозможно, такъ какъ теперь сумерки и мы побезпокоимъ больныхъ, которые уже спятъ. Тогда я выразилъ готовность отложить отъѣздъ съ шести утра на восемь и навѣстить больныхъ, когда взойдетъ солнце. Но собесѣдникъ не сдавался. Онъ пересчиталъ всѣ постоялые дворы, лежащіе на моемъ завтрашнемъ пути, всѣ подъемы и спуски, и съ часами въ рукахъ доказалъ, что я ни въ какомъ случаѣ не доѣду засвѣтло до города Куманова, если отложу отъѣздъ хоть на часъ. Между тѣмъ, болѣе чѣмъ вѣроятно, что меня застрѣлятъ, — „по ошибкѣ“, конечно, — коль скоро я вздумаю путешествовать послѣ заката солнца. Споръ закончился моей иронической ссылкой на полную невозможность подобныхъ убійствъ въ странѣ, въ которой водворяется порядокъ столь образцовой европейской жандармеріей.

Наступило неловкое молчаніе. Чувствуя потребность еще настойчивѣе подчеркнуть гуманность турецкихъ властей, офицеръ сталъ разсказывать мнѣ о битвѣ 13-го іюня, происходившей въ селеніи Петралица, Паланкинской казы. Тогда, по его словамъ, каймакамъ, явно рискуя собою, отправился въ линію огня, чтобы своевременно прекратить ружейные залпы, т.-е. помѣшать войскамъ убить четниковъ, если тѣ пожелаютъ сдаться. Однако, повѣствованіе неожиданно оборвалось, такъ какъ самъ разсказчикъ сообразилъ, что спасти повстанцевъ отъ пуль — значило отдать ихъ палачу для висѣлицы.

— Сколько же четниковъ было въ Петралицѣ? — спросилъ я.

— Трудно сказать, — отвѣтилъ майоръ. — Знаете, вотъ эти кости не сгораютъ, — продолжалъ онъ, хлопая себя по бедру. — И вотъ, судя по остаткамъ ножныхъ костей, мы заключаемъ, что четниковъ было около одиннадцати.

Вскорѣ для меня выяснился финалъ петралицкой битвы: войска, въ присутствіи майора, зажгли зданіе, въ которомъ укрывались повстанцы. Послѣдніе сгорѣли тамъ, въ числѣ, по меньшей мѣрѣ, одиннадцати.

— Скажите, — спросилъ я, — правда, что, нѣсколько дней назадъ, въ битвѣ съ сербами, вы употребляли пушки?

— О, да! — отвѣчалъ онъ. — Это было въ селеніи Гулинцы. Вы будете проѣзжать почти мимо. Пушки очень помогаютъ въ

такихъ случаяхъ. Сраженіе началось въ понедѣльникъ послѣ обѣда, а во вторникъ все уже было кончено. Девять сербскихъ труповъ остались на полѣ битвы.

Этотъ мясникъ, имѣющій возможность выводить по цѣлому батальону противъ каждаго повстанца, не на шутку воображаетъ себя Александромъ Македонскимъ или Наполеономъ. Онъ съ большимъ чувствомъ выговаривалъ такія слова, какъ „le champ de bataille". Говоря о подробностяхъ послѣдней битвы, окончившейся 30-го августа, майоръ призналъ, что съ турецкой стороны пало семь солдатъ и два офицера. Четники пытались укрыться въ мельницѣ, но артиллерія разрушила зданіе и покончила съ ними.

Мой собесѣдникъ, какъ оказалось, одновременно является и героемъ битвъ, и „мужемъ совѣта": теперь онъ занимается сыскомъ и, руководясь записками, найденными на трупахъ убитыхъ сербовъ, старается опредѣлить ихъ связи, мѣсто ихъ прежняго жительства и, можетъ быть, въ концѣ концовъ, направитъ турецкую мстительность на тѣ села, въ которыхъ жили убитые.

Въ заключеніе, онъ доказывалъ мнѣ, что изъ Турціи я не могу ни писать, ни телеграфировать, что всякую телеграмму, какую я подамъ, напримѣръ, въ Кумановѣ, отправятъ па цензуру въ Скопію, тамъ продержатъ нѣсколько дней и затѣмъ прикажутъ оставить на мѣстѣ, подъ предлогомъ какой-нибудь орѳографической или каллиграфической ошибки, хотя бы и вымышленной. Что же касается до заказныхъ писемъ, то турки ихъ прочитываютъ и стараются деликатно обезвредить.

— Напримѣръ,—добавилъ онъ,—если я хочу отправить корреспонденцію въ Москву, то ее, подъ видомъ невинной ошибки, отправятъ въ Мадагаскаръ.

Возмущенный всѣмъ слышаннымъ, я сказалъ майору, что, въ виду такихъ порядковъ, населеніе, можетъ быть, не совсѣмъ неправо, поднимая возстаніе. Онъ загадочно отвѣтилъ:

— Nous sommes impartials.

Затѣмъ онъ загремѣлъ оружіемъ, съ большой галантностью расшаркался передъ дамами, простился со мной и ушелъ.

Во время бесѣды хозяинъ безпрестанно подносилъ ему воду съ вареньемъ, кофе, водку. Человѣкъ, получающій сорокъ-два фунта въ мѣсяцъ, безъ всякой церемоніи пилъ у мало знакомыхъ людей, не заботясь о томъ, что хозяйскій сынъ заработываетъ всего три съ половиной фунта въ годъ.

Стояли сумерки. Турецкіе таборы, послѣ вечерней зари, трижды прокричали: „да здравствуетъ султанъ"! Я бросился на

постель, давъ себѣ слово быть сдержаннымъ, чтобы возможно больше узнать о жизни несчастной страны. Еще солнце не всходило, когда мой спутникъ и я вышли изъ дому. Христіане знали, куда мы идемъ, и не хотѣли провожать насъ. Турки съ любопытствомъ и негодованіемъ смотрѣли на людей, дерзающихъ показаться не въ фескахъ, а въ шляпахъ. Не сознавая опасности нашего положенія, мы шли по еще полутемнымъ, грязнымъ переулкамъ Паланки къ болгарской церкви. Служанка, встрѣченная во дворѣ, сама догадалась о цѣли прихода иностранцевъ и повела насъ въ школу.

Никогда не забуду охватившаго меня тамъ ощущенія. Въ очень просторной пустой комнатѣ былъ занятъ только одинъ уголъ, гдѣ сгрудилось нѣсколько тѣлъ.

— Вотъ эта женщина сегодня умретъ,— сказала служанка.

Умирающая не стонала и не шевелилась. Повидимому, наступилъ послѣдній фазисъ агоніи. Турецкая пуля прострѣлила ей животъ и спину. Женщину звали Велика. Рядомъ находилась другая, по имени Стоянка Филиппова. Она слабымъ, убитымъ голосомъ отвѣчала на вопросы, видимо еще находясь подъ впечатлѣніемъ трагедіи. Ее ранили въ руку и въ то же время убили грудного ребенка, бывшаго при ней. Десятилѣтняя Мара, раненная въ шею навылетъ, молча глядѣла на насъ; зато Юрданка Троянова, двѣнадцати лѣтъ, у которой пуля вошла въ бокъ и вылетѣла около груди, вступила въ разговоръ, но, внезапно пошевелившись, мучительно застонала отъ боли, а затѣмъ закричала раздирающимъ душу голосомъ.

Мы поспѣшили изъ этой могилы и черезъ часъ были уже около Конопницы, гдѣ, 6-го августа, при полной лунѣ, турки разстрѣливали несчастныхъ на разстояніи трехъ или четырехъ метровъ.

IV.

Несмотря на ранній часъ, солнце палило нестерпимо. По кривымъ и узкимъ улицамъ Паланки бѣжали быстрыя струи горной рѣчки Эгри-Дере, раздѣлившейся на нѣсколько рукавовъ. Въ санитарномъ отношеніи эти бурные ручейки—сущее благодѣяніе. Въ городѣ, гдѣ никто никогда не заботится о чистотѣ, неустанно бѣгущая вода промываетъ улицы и базары, унося все лишнее. Хозяева постоялаго двора угрюмо провожали насъ, какъ люди, еще находящіеся подъ впечатлѣніемъ передряги. Четыре мѣсяца назадъ, пуля турецкаго заптія раздробила хозяйкѣ плечо, самъ

хозяинъ былъ арестованъ; трактирчикъ, дававшій имъ средства къ жизни, остается закрытымъ еще и теперь. Туземцы увѣряютъ, будто изъ подобныхъ случайностей состоитъ вся жизнь.

Несчастные случаи имѣютъ мѣсто и въ тихой Швейцаріи, и въ спокойной Англіи; но тамъ они составляютъ исключенія, о которыхъ потомъ вспоминаютъ годами. Здѣсь же подъ каждой крышей—трагедія.

По субботамъ въ Паланкѣ собирается базаръ, и, выѣзжая изъ города, мы встрѣчали толпы поселянъ, везшихъ или несшихъ для продажи перецъ, сливы и сыръ. Всѣ, безъ исключенія, одѣты въ фески: христіанинъ не можетъ появиться въ шапкѣ, не рискуя быть избитымъ. Однако, различать обѣ расы можно безъ труда, чуть не за версту; турки вооружены съ ногъ до головы: кинжалъ и десятки патроновъ у пояса, ружье за плечами или въ рукахъ. Турокъ въ полѣ, на дорогѣ, на базарѣ, даже въ своей мастерской—непремѣнно при ружьѣ. Христіане не только безоружны, но противъ любого изъ нихъ считалось бы опасной уликой малѣйшее подозрѣніе въ томъ, будто онъ обладаетъ ружьемъ, саблей или револьверомъ; имѣть подобныя вещи имъ строжайше воспрещено подъ угрозой политическаго процесса и тюрьмы. Въ данномъ случаѣ оружіе это — не фикція, не принадлежность туалета, составляющая привилегію для одного и запрещенная другому; нѣтъ, оружіе здѣсь имѣетъ самый реальный смыслъ, особенно въ такую историческую минуту, когда мусульмане и христіане готовы вцѣпиться другъ другу въ горло и ежедневно происходятъ убійства. Болгары и сербы, идущіе съ пустыми руками, понурые, беззащитные, и турки, поглядывающіе на нихъ свысока съ ружьями въ рукахъ, производятъ сильное впечатлѣніе, похожее на то, которое вызывается жестокимъ спортомъ: напримѣръ, еслибы посадить въ клѣтку кроликовъ вмѣстѣ съ волками. Македонія уже давно играетъ роль такой клѣтки.

Верстахъ въ шести отъ Паланки мы остановили экипажъ противъ деревни Конопница, гдѣ въ лунную ночь, 6-го августа, избивались женщины и дѣти. Наконецъ-то, хоть нѣкоторый намекъ на истинную причину злодѣянія намъ удалось услышать. Одинъ турокъ, имѣющій собственность въ Конопницѣ, провѣдалъ, что ночью въ село собираются четники, вскочилъ на коня и переполошилъ все начальство въ Паланкѣ. Однако, когда военные отряды, пришедшіе съ разныхъ сторонъ, обложили деревню, четниковъ не оказалось. Тогда турецкій офицеръ, раздраженный неудачей, воскликнулъ: „Стрѣляйте въ женщинъ; у

меня былъ случай, когда четники спаслись, переодѣвшись женщинами“. Умный поселянинъ, самъ бывшій свидѣтелемъ упомянутаго распоряженія, спокойно и разсудительно добавилъ: „У этого офицера, дѣйствительно, былъ подобный случай“. Черезъ нѣсколько дней Хильми-паша, въ разговорѣ со мной, назвалъ „ошибкой“ приказъ стрѣлять, данный въ Конопницѣ, но имѣлъ столько ума и такта, что моментально согласился, когда я возразилъ, что есть ошибки, граничащія съ преступленіемъ. Увы,— для бѣдныхъ дѣвочекъ, пронизанныхъ пулями, которыхъ я видѣлъ въ Паланкѣ, безразлично, какъ квалифицируютъ турецкую команду: злодѣяніемъ или ошибкой!

Чѣмъ дальше я ѣхалъ, тѣмъ больше давался диву: деревень почти не было видно. Изрѣдка, въ сторонѣ показывался убогій „ханъ“ или группа обветшалыхъ избъ, крытыхъ соломой. Большая половина земель остается невоздѣланной, и лишь въ одномъ изобиліе, а именно—попрежнему всюду встрѣчаются солдаты: то промелькнетъ казарма, то отдѣльный постъ, то встрѣтится взводъ, устало идущій съ дальняго обхода.

— Что дѣлаютъ здѣсь эти ребята? — спросилъ я у поселянина, указывая на десятокъ солдатъ, отдыхающихъ въ тѣни.

— Ждутъ кумановской почты,—отвѣтилъ онъ,—чтобы провожать ее въ Паланку.

Но вотъ мы отъѣхали тридцать верстъ. Въ чистомъ полѣ—внушительное зданіе телеграфной станціи, пустопорожній „ханъ“, въ которомъ нѣтъ даже кофе, и казарма съ войсками. Въ первую минуту и не сообразишь, какую публику должна обслуживать телеграфная станція въ этой пустынѣ, но въ деспотіяхъ не заботятся объ интересахъ публики; въ данномъ случаѣ имѣлись въ виду соображенія чисто стратегическія. Появляются четы, противъ нихъ надо двинуть всѣ ближайшіе гарнизоны — тутъ то телеграфъ и нуженъ.

Кругомъ было такъ уныло, на душѣ становилось такъ горько, что путникъ не находилъ себѣ мѣста. Въ „ханѣ“—запустѣніе; хозяинъ озлобленъ, такъ какъ турки все забираютъ у него даромъ; гулять по окрестностямъ противно, потому что на каждомъ холмѣ часовой, и даже изъ окна телеграфной конторы торчитъ стволъ ружья.

Подъѣхало нѣсколько экипажей съ путешественниками изъ Кратова; среди нихъ былъ молодой, задумчивый сербскій учитель.

— Отчего вы въ фескѣ? — спросилъ я, когда мы разговорились.

— Потому что я—подданный султана,—отвѣчалъ онъ.

Черезъ минуту, сдѣлавшись довѣрчивѣе, учитель разсказалъ, что пробовалъ носить соломенную шляпу, но турки избили его, а шляпу порвали. Узнавъ, что я—корреспондентъ, онъ грустно поглядѣлъ на меня и прерывающимся отъ волненія голосомъ проговорилъ: „Моего татку убили".

Въ этихъ печальныхъ словахъ была жалоба, былъ безполезный протестъ, какой-то дѣтскій укоръ, адресованный въ пространство.

Я взялъ его за руку и спросилъ, гдѣ и когда это случилось. Онъ отвѣчалъ, что отецъ убитъ всего два мѣсяца назадъ, при исполненіи своихъ обязанностей архіерейскаго намѣстника въ с. Пещевѣ, Малешевской казы. Покойному было лишь 48 лѣтъ; онъ возвращался домой изъ Берова со своимъ родственникомъ, когда раздались выстрѣлы. Архіерейскій намѣстникъ убитъ тутъже, а родственникъ его бросился впередъ, дѣлая зигзаги, и спасся. Убійцами были болгары, подъ предводительствомъ воеводы Павла Дадукъ. Вскорѣ явились турецкіе солдаты, убили нѣсколькихъ болгаръ; воевода былъ раненъ, но успѣлъ скрыться.

До какой всепожирающей взаимной ненависти доходятъ христіанскія племена въ Македоніи,—я зналъ давно, и тѣмъ не менѣе былъ пораженъ этимъ фактомъ непонятнаго злодѣянія, такъ объективно сообщеннаго роднымъ сыномъ убитаго. Но черезъ сутки получилось нѣчто вродѣ разгадки: въ г. Кумановѣ, въ книжной лавкѣ, я перебиралъ фотографіи и остановилъ вниманіе на портретѣ Алексѣя Захарьева. Это былъ архіерейскій намѣстникъ, убитый также въ настоящемъ году въ февралѣ. Въ данномъ случаѣ погибъ уже не сербъ, а болгаринъ. Преступленіе совершено среди бѣла дня, подлѣ той самой лавки, гдѣ находился портретъ жертвы. Продавецъ отошелъ нѣсколько шаговъ отъ крыльца и сказалъ мнѣ: „Поглядите, вотъ здѣсь турокъ встрѣтилъ архіерейскаго намѣстника и убилъ наповалъ".

На допросѣ убійца сознался, что былъ подкупленъ сербами за 60 турецкихъ фунтовъ (около 500 руб.). Позже отъ людей, хорошо знающихъ психологію туземцевъ, я слышалъ такое разсужденіе: турокъ ничѣмъ не рисковалъ; ихъ за убійство христіанъ почти никогда не осуждаютъ, подъ предлогомъ отсутствія доказательствъ. Этотъ разъ вышло иначе: благодаря энергичному вмѣшательству европейскихъ консуловъ, убійца приговоренъ къ десятилѣтней тюрьмѣ, его сообщники—къ пятилѣтней; но всѣ убѣждены, что вскорѣ осужденные будутъ помилованы султаномъ по случаю одного изъ „высокоторжественныхъ" дней, вродѣ восшествія на престолъ или годовщины рожденія главы

государства. Надо помнить, что *60* лиръ—это для простолюдина въ Турціи сумма громадная, почти недосягаемая; ради нея можно пожертвовать кое-чѣмъ. Характерно, что убійца не ждалъ осужденія,—иначе онъ стрѣлялъ бы, напримѣръ, въ сумерки, а не среди бѣла дня.

Слушая подробный разсказъ, я начиналъ понимать: въ февралѣ этого года, благодаря сербскому подстрекательству, убитъ *болгарскій* архіерейскій намѣстникъ, Алексѣй Захарьевъ; въ іюлѣ, съ своей стороны, болгары убили сербскаго архіерейскаго намѣстника Георгія Драколовича. Кто распутаетъ эти историческіе узлы? Кто найдетъ начало главной нитки? Что духовенство и школа совершенно въ такой же степени, какъ и вооруженная чета, оказываются проводниками національной идеи, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Священникъ греческій, болгарскій, сербскій, одинаково являются представителями православной вѣры, но въ Македоніи у нихъ совсѣмъ разные, даже прямо противоположные интересы и задачи; потому они люто ненавидятъ другъ друга и давно уже обратили школу въ орудіе національной борьбы.

Ребенокъ въ Македоніи, въ смыслѣ обилія училищъ, поставленъ въ лучшія условія, чѣмъ гдѣ бы то ни было на земномъ шарѣ; соперничество борющихся сторонъ послужило тутъ въ пользу. Въ томъ же маленькомъ пыльномъ Кумановѣ, о которомъ я упоминалъ,—четыре болгарскихъ училища, одно-сербское и одно румынское, хотя румынскихъ семействъ всего пятнадцать. Греческихъ семействъ въ городѣ только—шесть, и у нихъ въ сложности три ребенка, однако съ этого года открывается и греческая школа.

Вотъ рѣдкій случай, когда антагонизмъ даетъ благіе результаты, вызывая къ жизни множество просвѣтительныхъ учрежденій, покрывающихъ страну; но, конечно, вмѣстѣ съ тѣмъ сѣются сѣмена національной вражды и обособленности со школьной скамьи.

IV.

Всякій знаетъ, что Оттоманская имперія съ ея правовыми нормами, порядками и системой управленія является темнымъ пятномъ на фонѣ „благоустроенной Европы". Разумѣется, плохъ и турецкій судъ, а такъ какъ всюду, во всѣхъ широтахъ и всѣхъ градусахъ долготы, правосудіе по политическимъ дѣламъ сильно похрамываетъ, то, признаюсь, я шелъ къ зданію конака въ Са-

лоникахъ съ большимъ предубѣжденіемъ. Публицисты и мыслители нерѣдко указывали на политическій судъ, какъ на комбинацію, при которой побѣдитель судитъ побѣжденнаго, а это исключаетъ мысль о безпристрастіи.

Въ тѣхъ странахъ, гдѣ слишкомъ часто мѣнялись формы правленія, и одинъ режимъ уступалъ мѣсто другому, особенно удобно наблюдать, какую унизительную роль игралъ политическій судъ. Мнѣ скажутъ, что одинъ Богъ безъ грѣха, поэтому и обыкновенная юстиція часто оказывается неудовлетворительной. Нѣтъ, отвѣчу я. Общія нормы, благодаря которымъ можно разобраться и рѣшить, что̀ преступно, остаются въ главныхъ чертахъ безъ измѣненія, отъ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней: „Не убей! не укради! не лжесвидѣтельствуй“!

Съ политическими преступленіями дѣло обстоитъ наоборотъ: какой-нибудь герой дореволюціонной Франціи, занимавшій высокій правительственный постъ, съ точки зрѣнія революціоннаго трибунала оказывался преступникомъ, достойнымъ эшафота.

Наступаетъ диктатура Наполеона, и судьи преспокойно приговариваютъ къ смерти герцога Ангіенскаго только за то, что онъ — роялистъ, дѣйствуетъ въ пользу короля и противъ Наполеона. Приходитъ очередь слѣдующаго режима, и, при реставраціи, судьи, наоборотъ, приговариваютъ къ смерти маршала Нея за то, что тотъ дѣйствовалъ въ пользу Наполеона и противъ короля.

Не хочу продолжать этого перечня и только отмѣчу, что въ подобныхъ случаяхъ представители правосудія, являющіеся лакеями власти, дѣлаютъ свое преступное дѣло важно, напыщенно, съ внѣшними признаками непогрѣшимости. У сильныхъ міра много приспѣшниковъ, много защитниковъ, много друзей,—зачѣмъ же и правосудію становиться къ нимъ на запятки?

Съ такими мыслями поднимался я по широкимъ ступенямъ турецкаго судилища. Зданіе просторно, и, повидимому, здѣсь помѣщаются судебныя учрежденія различныхъ типовъ.

До сихъ поръ не могу понять, почему простой вопросъ, задаваемый мною и моими двумя спутниками о томъ, гдѣ именно засѣдаетъ судъ, вѣдающій государственныя преступленія, заставлялъ всѣхъ встрѣчныхъ смущенно отходить въ сторону, не отвѣчая ни слова. Даже юркіе адвокаты, окружившіе насъ и съ готовностью вступившіе въ разговоръ, ушли, не давъ никакого отвѣта, узнавъ о цѣли нашего прихода.

Наконецъ, мы попали въ канцелярское бюро по политическимъ дѣламъ. Тамъ чиновный турокъ, владѣющій иностранными

языками, объяснилъ, что турецкое правосудіе происходитъ публично, и намъ не нужно предъявлять свои рекомендаціи, чтобы попасть въ залу засѣданія; дѣйствительно, минутъ черезъ пять мы вошли въ эту залу, помѣщающуюся въ одномъ изъ верхнихъ этажей. Она просторна и весь внѣшній декорумъ весьма приличенъ. Человѣкъ двадцать-пять или тридцать составляли публику. Большинство присутствующихъ одѣты бѣдно; это — христіане, повидимому, близкіе люди, друзья, знакомые, родственники подсудимыхъ.

Мы проходимъ впередъ, садимся на какія-то привилегированныя мѣста, совсѣмъ близко къ судейскому столу, и тутъ я замѣчаю, что вся середина комнаты занята большой желѣзной клѣткой. Прутья толще пальца; клѣтка высока и просторна. У ея дверей, плотно запертыхъ, стоятъ вооруженные жандармы, а внутри сидитъ человѣкъ, повидимому спокойно ожидающій своего приговора. Судей пока нѣтъ.

Но вотъ они возвращаются. Ихъ семеро. Четыре турка, одинъ еврей, одинъ грекъ и одинъ болгаринъ. Прокуроръ и секретарь занимаютъ свои мѣста; предсѣдатель читаетъ громко и внятно по-турецки; я не понимаю ни слова. Сосѣди говорятъ мнѣ, что подсудимый приговоренъ къ пятнадцати годамъ тюрьмы. Это македонскій революціонеръ, уличенный въ вооруженномъ возстаніи. Его немедленно уводятъ, и въ ту же минуту среди желѣзныхъ прутьевъ клѣтки появляется новая фигура, а жандармы уже захлопываютъ рѣшетчатую дверь. Происходятъ какія-то формальности, и предсѣдатель объявляетъ, что процессъ отложенъ.

Усиленный конвой доставляетъ четырехъ подсудимыхъ; предсѣдатель спрашиваетъ ихъ имена; вся процедура идетъ честь-честью, какъ и въ Россіи, но только у турокъ дѣло въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ обставлено благороднѣе. Во-первыхъ, въ залѣ присутствуетъ публика, которая у насъ, по политическимъ дѣламъ, обыкновенно не допускается; во-вторыхъ, въ составѣ судей есть хотя одинъ несомнѣнный сторонникъ подсудимаго, т.-е. въ данномъ случаѣ—болгаринъ.

Секретарь читаетъ обвинительный актъ. Затѣмъ между прокуроромъ и защитникомъ происходитъ какой-то обмѣнъ мнѣній, очевидно, по процессуальному вопросу, причемъ голосъ у адвоката дрожитъ, самъ онъ волнуется, робѣетъ и даже не старается скрыть это. Позже я узналъ, что адвокаты по политическимъ дѣламъ очень рискуютъ собою; каждую минуту могутъ ихъ избить или подъ какимъ-либо предлогомъ засадить въ тюрьму.

Вводятъ свидѣтеля. Это грекъ. Онъ возмущенъ, говоритъ не-

годующе, страстно. Его показанія — короткая восточная поэма, но яркая, колоритная, полная огня. Свидѣтель утверждаетъ, что въ ихъ селѣ прежде всѣ были грекоманами, всѣ уважали турецкую власть, и дѣла шли хорошо. Но нѣкоторые безумцы набрались гибельныхъ идей и стали утверждать, будто они — болгары и должны въ духовныхъ дѣлахъ подчиняться экзарху. Однажды эти люди (свидѣтель яростно тычетъ пальцемъ въ самую клѣтку) пришли къ нему и сказали, что вечеромъ въ селѣ будутъ гости. Догадавшись, о какихъ гостяхъ идетъ рѣчь, онъ, свидѣтель, бросился съ доносомъ къ турецкимъ властямъ и заявилъ, что вечеромъ къ нимъ, въ деревню, придутъ четники. Тогда были спѣшно вытребованы войска изъ сосѣдняго гарнизона и помѣщены при его домѣ. Между тѣмъ, вооруженные четники вечеромъ, дѣйствительно, явились и заняли одинъ изъ сосѣднихъ домовъ; началась перестрѣлка: повстанцы, забывъ стыдъ и совѣсть, стали стрѣлять въ войска падишаха. Но, благодареніе великому Богу, никто изъ императорскаго аскера раненъ не былъ; зато, вслѣдствіе помощи чорта, никто изъ повстанцевъ также не пострадалъ.

Окончивъ страстное обличеніе, свидѣтель тяжело дышитъ отъ волненія. Предсѣдатель награждаетъ его благодарнымъ взглядомъ; подсудимые пытаются возразить, переводчикъ начинаетъ переводить ихъ слова судьямъ, но тотъ же свидѣтель-грекъ вмѣшивается, перебиваетъ, спѣшитъ что-то досказать.

Трибуналъ рѣшаетъ отложить дѣло и вызвать начальника команды, участвовавшей въ перестрѣлкѣ. Разбираясь во впечатлѣніяхъ, полученныхъ въ этомъ засѣданіи, я медленно удаляюсь, но публика сидитъ на мѣстахъ: она еще чего-то ждетъ...

Конечно, вся казенщина этого судоговоренія мало напоминаетъ истинную юстицію, какъ она представляется уму гуманистовъ; но развѣ можно сдѣлать туркамъ упрекъ послѣ того какъ культурные французы уже при послѣдней республикѣ вотировали въ 1871 году законъ, предложенный Дюфоромъ и окрещенный кличкой „юридической митральезы"? При помощи этого закона можно было судить быстрѣе и строже, чѣмъ это дѣлаютъ турки. Послѣдніе приговариваютъ къ пятнадцати-лѣтней тюрьмѣ человѣка, участвовавшаго въ вооруженномъ возстаніи, а у насъ четырнадцати-лѣтнюю Викторію Гуковскую приговорили къ вѣчной ссылкѣ, гдѣ она и лишила себя жизни. Случалось, человѣка осуждали и казнили за какую-нибудь прокламацію (Разовскій)...

Да! у турокъ все хуже, чѣмъ у насъ. Почему же про ихъ политическій судъ этого сказать нельзя? По простой причинѣ:

судъ, вѣдающій государственныя преступленія, почти всюду плохъ; онъ по своей обстановкѣ и внутреннему смыслу имѣетъ такъ мало общаго съ правосудіемъ, что турки, отставшіе отъ насъ во многихъ отношеніяхъ, не могли, однако, создать политическаго суда, который былъ бы хуже нашего. Мнѣ скажутъ: а желѣзная клѣтка? Однако, спросите любого обвиняемаго, что предпочтетъ онъ—сидѣть на обыкновенной скамьѣ подсудимыхъ, но въ засѣданіи, откуда удалена публика, гдѣ клевета врага не можетъ быть отпарирована, гдѣ отвѣта подсудимаго не услышитъ ни представитель прессы, ни другъ, ни родственникъ,—или сидѣть въ клѣткѣ, но судиться гласно?

Героевъ на свѣтѣ вообще мало, потому-то они и замѣтны. Иногда ихъ встрѣчаешь совершенно неожиданно. Представьте себѣ рабскую страну, гдѣ не то, что геройствовать, а и разговаривать громко люди отвыкли; даже въ поляхъ или среди лѣса, какъ мнѣ случалось убѣдиться, христіанинъ въ Македоніи говоритъ вполголоса, боязливо оглядываясь, какъ бы кто посторонній не услышалъ.

Представьте себѣ далѣе, что на этой рабской территоріи воздвигнута мрачная тюрьма, гдѣ люди, уже завѣдомо для себя, живутъ подъ вѣчнымъ надзоромъ, гдѣ око врага все видитъ, гдѣ ни одно слово узника не останется незамѣченнымъ.

Рабскія привычки, пріобрѣтенныя еще внѣ острожныхъ стѣнъ, здѣсь усиливаются до послѣдней степени. Люди принижены,—это бросается въ глаза,—и вдругъ среди сотенъ подавленныхъ узниковъ я вижу героя. Его нельзя назвать бреттеромъ. Онъ не выставляется на показъ. Но, будучи замѣченъ и спрошенъ, отвѣчаетъ спокойно, твердо, непреклонно. Имя арестанта — Иванъ Николовъ. На него нельзя не обратить вниманія, такъ какъ изъ всѣхъ онъ одинъ одѣтъ въ какое-то форменное платье.

— Это мундиръ пограничной стражи?—спрашиваю я его.

— Нѣтъ, на мнѣ мундиръ революціонера,—отвѣчаетъ Николовъ, такъ же просто, глядя на турецкаго офицера, какъ будто предъ нимъ стоитъ тротуарная тумба. Одежда сшита изъ болгарскаго сукна и отдѣлана зелеными кантами. Лѣвый бортъ прострѣленъ пулей на груди и въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ пронизана самая грудь.

Это случилось въ апрѣлѣ 1905 г., во время нападенія воеводы Санданскаго на чету Юрдана Стоянова, о чемъ я своевременно писалъ въ столичныхъ газетахъ.

Теперь раненый выздоровѣлъ и уже вызывался въ судъ, гдѣ произвелъ впечатлѣніе своимъ мужественнымъ поведеніемъ и даже

превратился въ легендарную личность. Не безъ труда досталъ я протоколъ допроса. Вотъ какой діалогъ произошелъ между предсѣдателемъ суда и подсудимымъ:

— Откуда ты родомъ?.. Чѣмъ занимаешься?

— До 1901 года я занимался торговлей, а съ той поры—повстанецъ.

— Ради достиженія какой цѣли ты сдѣлался повстанцемъ?

— Какой цѣлью руководится революціонеръ, уважаемому суду извѣстно. Цѣли македонскаго возстанія знаетъ весь свѣтъ; онѣ не могутъ оставаться тайной и для судей.

Предсѣдатель, переходя на „вы“:

— Во всякомъ случаѣ судъ желаетъ слышать изъ вашихъ устъ, къ чему вы стремились?

— Наша цѣль—избавить народъ въ Македоніи отъ тяжкаго рабства, созданнаго несноснымъ режимомъ султана Абдулъ-Гамида.

Предсѣдатель, какъ бы недоумѣвая:

— Въ чемъ же, по твоему мнѣнію, состоитъ рабство въ Македоніи?

— Въ томъ, что народъ лишенъ элементарнѣйшихъ человѣческихъ правъ, въ особенности мы, болгары, которыхъ вы болѣе, чѣмъ всякую другую народность, старались уничтожить или унизить.

— Что эта за одежда, которую ты носишь?

— Это форма временной македонской арміи.

— Въ теченіе четырехъ лѣтъ твоего участія въ возстаніи былъ ли ты воеводой?

— Нѣтъ, я всегда оставался простымъ четникомъ—и ничѣмъ больше.

— Кто были твои воеводы?

— Дѣльчевъ, Протогеровъ и, наконецъ, капитанъ Стояновъ.

— Изъ сколькихъ душъ состояла ваша чета?

— Изъ пятидесяти человѣкъ.

— Изъ твоихъ прежнихъ показаній видно, что вашъ отрядъ перешелъ границу съ цѣлью убить Санданскаго?

— Хотя тѣ показанія въ мою пользу, но я прошу уважаемый судъ не принимать ихъ во вниманіе,—я былъ тогда почти мертвъ и лишь наполовину сознавалъ происходящее вокругъ. Наша цѣль заключалась въ борьбѣ за освобожденіе края, а не въ убійствѣ Санданскаго. Но седьмого апрѣля, среди ночи, обходя горы, около села Кашина, мы неожиданно наткнулись на засаду; грянулъ залпъ, шесть четниковъ пали замертво, а я и этотъ человѣкъ,—подсудимый указываетъ на своего товарища—(полевой

сторожъ, котораго мы насильно взяли въ качествѣ проводника), были ранены. На слѣдующій день войска нашли меня полумертвымъ, отвезли въ больницу, гдѣ военный врачъ сдѣлалъ мнѣ операцію, а уже черезъ два часа я былъ отправленъ въ такой казематъ, гдѣ и здоровый человѣкъ долженъ умереть, а тѣмъ болѣе больной, какимъ былъ я.

— Какія причины разногласія между Санданскимъ и капитаномъ Стояновымъ?

Подсудимый отвѣчаетъ, что когда начинается борьба за свободу, требующая участія тысячъ людей, то разногласія неизбѣжны (предъ лицомъ общаго врага онъ не хотѣлъ позорить Санданскаго, убившаго его товарищей и прострѣлившаго ему грудь).

— Какія ружья были у васъ?

— Системы Манлихера.

— У тебя есть сабля?

— Нѣтъ, она была бы безполезна.

— А динамитомъ, бомбами ты пользовался?

— Что̀ такое динамитъ, я хорошо знаю, но не имѣлъ его при себѣ; бомбы же у меня были, хотя еще не встрѣтилась надобность пользоваться ими.

— Въ сколькихъ сраженіяхъ съ войсками ты принималъ участіе?

— Не составлялъ списка для того, чтобы держать этотъ отвѣтъ.

— Не будучи вызваны со стороны войскъ, нападали ли вы на нихъ внезапно?

— Никогда! Лишь будучи преданы шпіонами, мы сражались съ войсками, которыя насъ преслѣдовали.

— Что̀ же вы столько времени дѣлали въ Македоніи?

— Готовили народъ ко всеобщей революціи.

— Кто васъ поддерживалъ?

— Наше тайное общество въ странѣ.

— Сколько солдатъ ты убилъ?

— Во время сраженія человѣкъ не считаетъ павшихъ враговъ; поэтому и я не могу дать вамъ точныхъ свѣдѣній.

— Во всякомъ случаѣ ты убивалъ солдатъ, не правда ли?

— Несомнѣнно.

— Что̀ заставило тебя сдѣлаться повстанцемъ?

Подсудимый объясняетъ, что онъ имѣлъ семнадцать лѣтъ отъ роду; когда отецъ его, кмэтъ (вродѣ нашего старшины), завелъ процессъ противъ турецкаго сборщика податей, Махмедъбея, нанесшаго ему кнутомъ ударъ въ глазъ. Процессъ обошелся

отцу въ 400 турецкихъ фунтовъ (около $3^1/_2$ тысячъ рублей) и въ концѣ концовъ былъ проигранъ отцомъ, который тогда же и умеръ. Затѣмъ подсудимый разсказываетъ о другихъ несправедливостяхъ, грабежахъ и насиліяхъ, перенесенныхъ имъ самимъ, точно указывая мѣсто и время, а также имена виновныхъ. Резюмируя, онъ заявляетъ, что всѣ эти обстоятельства убѣдили его въ невозможности жить въ Македоніи; онъ безъ паспорта бѣжалъ въ Болгарію, гдѣ зарабатывалъ средства къ жизни до 1901 года.

— Несмотря на всѣ эти несправедливости, я не сдѣлался бы повстанцемъ, еслибы турецкія войска въ 1901 году не совершили неслыханныхъ жестокостей надъ мирнымъ населеніемъ Македоніи. Тогда женщины, дѣти и старцы бѣжали въ Болгарію, такъ какъ ихъ жилища были сожжены, имущество разграблено, честь поругана; въ виду этого я рѣшился вернуться съ оружіемъ въ рукахъ, чтобы поддержать тѣхъ борцовъ за свободу, которые взяли на себя трудъ помочь населенію.

Приговоръ отложенъ, такъ какъ судъ встрѣтилъ надобность въ какомъ-то дополнительномъ разслѣдованіи.

Часто собесѣдники, находясь въ равныхъ условіяхъ, говорятъ рѣзко и независимо. Гораздо рѣже подобный тонъ встрѣчается при исключительной обстановкѣ, когда одинъ изъ разговаривающихъ можетъ отправить другого на эшафотъ. Я не присутствовалъ при допросѣ Ивана Ангіела Николова въ судѣ, но видѣлъ его въ острогѣ. Тамъ, предъ лицомъ враговъ, спокойный и неустрашимый, онъ производилъ неотразимое впечатлѣніе, совершенно гармонирующее съ его отвѣтами предсѣдателю, почерпнутыми мной изъ протоколовъ.

V.

Большая толпа наполняла храмъ; въ Софіи молились объ упокоеніи усопшихъ, — о новыхъ жертвахъ македонской неурядицы. Богослуженіе кончилось, и народъ вспомнилъ, что отецъ одного изъ убитыхъ живетъ тутъ же, въ болгарской столицѣ. Немедленно рѣшено было выразить подавленному горемъ старику сочувствіе, и процессія направилась къ его дому.

Выслушавъ пришедшихъ и не будучи въ состояніи сдерживать струившихся изъ очей слезъ, старецъ отвѣтилъ:

— Кровь моего сына выпита наполовину турками, а наполовину Европою.

Странными и неожиданными эти слова покажутся только для непосвященнаго въ истинный смыслъ политическихъ минъ и контръ-минъ, поставленныхъ на Балканскомъ полуостровѣ. Пока оффиціальная Европа не вмѣшивалась въ македонскія событія, ее упрекали только въ равнодушіи; но когда она вмѣшалась, обвиненія стали гораздо серьезнѣе. Все сложилось самымъ неблагопріятнымъ образомъ. На міровой аренѣ появились крупные политическіе вопросы, отвлекшіе вниманіе всего свѣта отъ обездоленной Македоніи, а тою порой представители державъ, штатскіе и военные, говоря деликатно, попали въ сферу турецкаго вліянія. Послѣ всего видѣннаго мною можно было бы выразиться и рѣзче. Судите сами: развѣ не ясно, какъ Божій день, что Турція съ одной стороны, а остальная Европа—съ другой, совершенно различно относились къ задачамъ такъ называемой „реформаторской" дѣятельности иностранныхъ офицеровъ и иныхъ друзей человѣчества, нахлынувшихъ въ Македонію по уполномочію державъ.

Принято думать, что солидарность—это сила, и, разумѣется, въ огромномъ числѣ случаевъ упомянутая мысль совершенно вѣрна; но существуютъ исключенія, по отношенію къ которымъ она совсѣмъ непримѣнима. Огонь и вода не могутъ быть солидарны; они только ослабляютъ другъ друга и созданы самою природой лишь для антагонизма.

Еслибы турки хотѣли реформъ, то иностранцамъ не понадобилось бы пріѣзжать и безпокоиться объ этомъ дѣлѣ. Вотъ почему, когда геніальный турецкій правитель Македоніи, Хильми-паша, съ нескрываемымъ восторгомъ сказалъ мнѣ, что присланные Европою реформаторы — его лучшіе друзья и помощники, онъ, въ сущности, призналъ, увы, безспорный фактъ полной побѣды надъ группой лицъ, опиравшихся и на дипломатическій престижъ, и даже, въ качествѣ военныхъ, на сабли. Да, эти господа явились, чтобы вводить именно тѣ реформы, которыхъ не хотѣли турки; какимъ же образомъ между первыми и вторыми возникла дружба, солидарность, какъ стала возможна ихъ взаимная поддержка? Есть пріемы старые, какъ міръ...

По отношенію къ большинству *дѣятелей*, оказавшихся въ Македоніи совершенно бездѣятельными, сыграли большую роль турецкія награды и вообще „хорошее обхожденіе". Въ данномъ случаѣ, разумѣется, было необходимо соблюдать всевозможную толерантность, но врядъ-ли при подобныхъ обстоятельствахъ допустимо и удобно принимать награды, даваемыя турками. Представьте себѣ дипломата, только-что получившаго, по представле-

нію Хильми-паши, крупный знакъ отличія; можетъ ли онъ проявлять настойчивость и явно наперекоръ упомянутому сановнику требовать мѣропріятій, непріятныхъ послѣднему?

Въ сентябрѣ 1905 года, телеграфируя въ одну газету, я довольно вульгарно выразился, что Хильми-паша геніально водитъ представителей Европы за носъ. Эти слова совершенно вѣрно опредѣляютъ положеніе; изъ двухъ враждебныхъ другъ другу началъ, изъ двухъ противоположныхъ политическихъ направленій явно и безспорно побѣдило одно: все совершается въ Македоніи такъ, какъ того хотятъ турки, и, конечно, они въ полномъ восторгѣ; реформаторы-европейцы получаютъ хорошіе оклады, пользуются почетомъ и тоже довольны, а населеніе, проливающее горючія слезы, обнищалое, униженное, истребляемое и арнаутами, и войсками, и междоусобицей,—разумѣется, находится не въ столь пріятномъ настроеніи духа, какъ турецкій сановникъ и его иностранные друзья.

Уже достаточно ясно представляя себѣ взаимныя отношенія сторонъ, я, по пріѣздѣ въ Салоники, отправилъ ко всемогущему тамъ Хильми-пашѣ записку, прося назначить часъ для пріема. Онъ внимателенъ и любезенъ съ представителями печати, такъ что желаемый отвѣтъ получился безъ промедленія.

Когда мой экипажъ остановился у генералъ-губернаторскаго дома, тамъ, на площадкѣ высокаго крыльца, стояли два европейца. Одинъ изъ нихъ, какъ мнѣ показалось, протиралъ пенснэ, собираясь войти въ пріемную. Позже мнѣ сказали, это это былъ Брайсъ, знаменитый историкъ и общественный дѣятель Англіи.

Той порой слуги, замѣтивъ, что слабое зрѣніе мѣшаетъ мнѣ свободно подниматься по ступенькамъ, окружили меня всевозможнымъ вниманіемъ, и, минуту спустя, можно было убѣдиться, что въ домѣ турецкаго сановника господствуетъ изумительный порядокъ, котораго часто совершенно тщетно добиваются люди, обставленные вполнѣ роскошно.

Черезъ нѣсколько мгновеній я былъ въ кабинетѣ турецкаго Меттерниха, выдающіяся способности котораго парализовали соединенный натискъ всей Европы.

Это—стройный человѣкъ лѣтъ пятидесяти, съ легкимъ оттѣнкомъ усталости въ голосѣ; онъ ежеминутно долженъ обдумывать и рѣшать множество самыхъ сложныхъ и трудныхъ дѣлъ. Его французскій языкъ, манеры и обходительность безупречны.

— J'ai beaucoup des amis parmi les Russes, — громко заговорилъ Хильми-паша, выходя навстрѣчу и стараясь поудобнѣе усадить меня.

Я отвѣтилъ, что немудрено, такъ какъ иностранцы очарованы его обхожденіемъ, и тутъ же напомнилъ, что два года назадъ Турція безъ всякаго удовольствія встрѣтила гражданскихъ реформаторовъ и офицеровъ, присланныхъ Европой.

— Напротивъ, напротивъ,—возразилъ онъ съ живостью,—они намъ очень помогли.

Но, увы! разговору не было суждено сохранить столь пріятный оттѣнокъ, такъ какъ я немедленно спросилъ: какіе же результаты достигнуты при участіи столь полезныхъ помощниковъ?

Не успѣлъ еще замереть послѣдній звукъ этого вопроса, какъ почувствовалась нѣкоторая неловкость. Мы оба превосходно знали, что страна находится въ анархіи, а главное, что турки поддерживаютъ эту анархію, желая разъ навсегда отучить населеніе отъ всякихъ протестовъ, обращенныхъ къ Европѣ. Горькая, жестокая историческая иронія заключается именно въ томъ, что послѣ появленія въ странѣ гражданскихъ и военныхъ представителей иностранныхъ державъ, рѣзня съ одной стороны и беззащитность населенія съ другой—еще усилились. Каждый ножъ, вонзенный въ горло ребенка, каждая пуля, направленная въ грудь женщины, какъ адское издѣвательство говорятъ несчастнымъ: „Вы ждали Европу, вы требовали ея помощи... вотъ она!"

Услышавъ вопросъ о результатахъ, Хильми-паша быстро взглянулъ на меня и, должно быть, рѣшивъ, что передъ нимъ простодушный дикарь, заговорилъ съ твердостью и увѣренностью въ тонѣ.

Каждая фраза была правдива и основательна, но въ ней вовсе не было отвѣта по интересовавшему меня обстоятельству. Онъ упомянулъ объ яростной національной враждѣ христіанъ на Балканскомъ полуостровѣ и замѣтилъ, что ихъ въ Македоніи всего милліонъ-четыреста-тысячъ. Между тѣмъ, если спросить болгаръ, сколько васъ здѣсь?—они отвѣтятъ: полтора милліона; сербы и греки тоже увѣряютъ, будто каждая изъ ихъ національностей представлена, по крайней мѣрѣ, милліономъ жителей. Примирить эти противоположные интересы невозможно. Борьба ведется посредствомъ школы, духовенства, наконецъ, посредствомъ оружія.

— Все это вѣрно,—сказалъ я,—но за послѣдніе два года не замѣчается ли обостренія, или, наоборотъ, существутъ лучъ надежды на умиротвореніе края?

— Конечно, существуетъ; вотъ, напримѣръ, финансовый контроль,—сказалъ онъ, стараясь перевести разговоръ на другую тему.

Бесѣда происходила въ началѣ сентября, когда Турція еще не приняла рѣшенія противиться контролю.

Вовсе не желая говорить что-нибудь непріятное хозяину дома, но крайне интересуясь именно его мнѣніемъ, я въ третій разъ повторилъ тотъ же вопросъ, а именно: смогли ли соединенныя усилія турецкой администраціи, войскъ и представителей Европы хоть немного облегчить бѣдствія края?

Мой собесѣдникъ, какъ истинно свѣтскій человѣкъ, глубоко скрывая начинавшееся раздраженіе, отвѣтилъ съ прежней любезностью въ тонѣ, что онъ далъ всѣ свѣдѣнія представителю Россіи, Демерику, о количествѣ убитыхъ, раненыхъ и арестованныхъ даже по національностямъ, и, конечно, г. Демерикъ подѣлится со мной этими свѣдѣніями...

— Кстати, объ убитыхъ и раненыхъ. Въ Конопницѣ, напримѣръ, племенной антагонизмъ былъ ни при чемъ; тамъ трагедія создана турецкими войсками?—спрашивалъ я.

— Да, это была печальная ошибка,—возразилъ генералъ-губернаторъ.

— Но, ваше превосходительство, не находите ли вы, что такія „ошибки" граничатъ съ преступленіемъ? Я самъ видѣлъ женщинъ и дѣтей, тяжело раненыхъ, почти въ упоръ; ихъ не могли принять за четниковъ.

— Конечно, конечно,—поспѣшно согласился онъ;—слѣдствіе будетъ произведено, и виновный обнаружится.

Я уже зналъ, что онъ говоритъ неправду, и что слѣдствіе производится какъ-разъ въ противоположномъ направленіи, съ цѣлью обнаружить нѣкоторую связь между жителями села Конопницы и четниками.

Потомъ рѣчь перешла на кровавую дѣятельность греческихъ бандъ, оперирующихъ не противъ турецкихъ войскъ, а противъ мирнаго болгарскаго населенія.

Я напрямикъ спросилъ, пользуются ли борющіяся стороны равноправіемъ, одинакова ли ихъ отвѣтственность передъ судомъ, ихъ охрана со стороны властей.

Собесѣдникъ съ легкой ироніей отвѣтилъ, что онъ лично не участвуетъ ни въ перестрѣлкѣ, ни въ задержаніи виновныхъ, но не понимаетъ, почему бы его подчиненнымъ не проявлять полнаго безпристрастія.

Въ эту минуту, однако, и онъ, и я прекрасно знали, что дѣло обстоитъ какъ-разъ наоборотъ.

Упомянувъ, что газета, по порученію которой предпринято мое путешествіе, правильно оцѣнила серьезность даннаго момента для дальнѣйшихъ судебъ Македоніи, я замѣтилъ, что редакція не получаетъ отъ меня никакихъ извѣстій, благодаря строгости

турецкой цензуры, и просилъ позволенія тутъ же составить телеграмму съ тѣмъ, чтобы мой любезный хозяинъ, убѣдившись въ полной невинности ея содержанія, сдѣлалъ соотвѣтствующую помѣту, избавляющую меня отъ дальнѣйшихъ цензурныхъ мытарствъ. Это было свыше его силъ. Этикетъ не позволялъ отвѣтить на просьбу гостя отказомъ; но, съ другой стороны, въ деспотіяхъ цензура— это высшая государственная святыня. Удвоивая любезность тона, Хильми-паша объявилъ, что я могу смѣло посылать телеграмму черезъ Константинополь,—тамъ ея, конечно, не задержатъ. Такой замаскированный отказъ подзадоривалъ меня получить хотя какой-нибудь реваншъ, и я обратился съ невозможной просьбой— разрѣшить мнѣ осмотръ мрачной тюрьмы Эди-куле, гдѣ содержится огромное количество политическихъ преступниковъ.

Хильми-паша выдержалъ минутную паузу и вдругъ совершенно неожиданно отвѣтилъ: „Хорошо". Узнавъ, что я остановился въ „Hôtel d'Angleterre" и хотѣлъ бы видѣть арестантовъ въ 10 часовъ слѣдующаго утра, онъ позвонилъ и отдалъ соотвѣтствующее приказаніе вошедшему въ комнату чиновнику.

Предупредительность всевластнаго паши была такъ велика, кофе, которымъ онъ меня угощалъ, такъ вкусно, умъ и дальновидность хозяина дома столь несомнѣнны, что будь на моемъ мѣстѣ мистеръ Стэдъ, — онъ бросился бы по болгарскимъ деревнямъ увѣрять жителей въ самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ генералъ-губернатора. Но я понималъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ мягкій диванъ, хорошее угощеніе и изысканный пріемъ, предложенные иностранному журналисту, могутъ идти рядомъ съ маузеровскими залпами и ударами ятагана по адресу мѣстнаго населенія; поэтому впечатлѣніе мое было тѣмъ безнадежнѣе, чѣмъ болѣе умнымъ, разностороннимъ и проницательнымъ оказался руководитель турецкой политики въ Македоніи.

Я собирался уже уходить, когда Хильми-пашѣ подали какую-то визитную карточку, и вслѣдъ затѣмъ вошелъ пожилой человѣкъ, котораго я принялъ и донынѣ принимаю за Брайса.

Поздоровавшись, хозяинъ спросилъ: доволенъ ли онъ путешествіемъ въ Битоль?

Гость, усѣвшись въ кресло, отвѣчалъ, что во все время пути чувствовалъ себя превосходно.

Странное дѣло,—несмотря на всю корректность и безупречность поведенія Хильми-паши, казалось, что онъ нѣсколько холоднѣе со знаменитымъ ученымъ, собирающимся дѣлать раскопки и изучающимъ эпоху Юстиніана, чѣмъ съ обыкновеннымъ журналистомъ, интересующимся злобами дня.

Съ наступленіемъ разсвѣта, генералъ-губернаторъ предполагалъ ѣхать съ экстреннымъ поѣздомъ въ Ускюбъ. Но это держалось въ секретѣ, такъ какъ существовала опасность взрыва. Два года тому назадъ, неоднократно совершались покушенія на цѣлость той же линіи, и путь не безопасенъ до сего времени. Однако въ оффиціальныхъ сферахъ еще за сутки было извѣстно объ отъѣздѣ Хильми-паши, такъ какъ скрыть громоздкія приготовленія не представлялось возможнымъ; личная безопасность являлась Ахиллесовой пятой этого геніальнаго политика, превратившаго грозныхъ реформаторовъ Македоніи въ простыхъ статистовъ.

Прощаясь съ нимъ, я выразилъ увѣренность, что не встрѣчу препятствій при осмотрѣ тюрьмы.

— Будьте спокойны!—отвѣчалъ онъ:—утромъ къ вамъ въ отель явится чиновникъ, владѣющій французскимъ языкомъ, снабженный соотвѣтствующими инструкціями.

VI.

Неужели я увижу сотни государственныхъ узниковъ, томящихся въ Салоникахъ подъ сводами Эди-куле? Авторитетные знатоки положенія увѣряли, что Хильми-паша просто подшутилъ надо мной, любезно соглашаясь на просьбу и дѣлая распоряженіе о безпрепятственномъ появленіи корреспондента въ стѣнахъ ужасной темницы. Но эти знатоки ошиблись: какъ было заранѣе условлено, къ 10-ти часамъ утра въ гостинницу явился чиновникъ, командированный сопровождать меня, молодой египтянинъ, владѣющій, по его словамъ, семью языками.

Было очень важно имѣть въ качествѣ спутника и г. Маркова, занимающаго въ Салоникахъ оффиціальное положеніе и прикомандированнаго къ тамошнему представителю Болгаріи. Этотъ человѣкъ, кончившій въ Петербургѣ одну изъ военныхъ академій, слѣдовательно владѣющій русскимъ языкомъ и, кромѣ того, превосходно знакомый съ мѣстными порядками, могъ быть очень полезенъ во время предстоящаго осмотра тюрьмы, но разрѣшеніе не распространялось на него. Однако, все кое-какъ уладилось, и въ экипажъ мы усѣлись втроемъ.

Съ моря дулъ ласкающій вѣтерокъ, дорога круто пошла въ гору мимо турецкаго квартала, и черезъ полчаса внѣшняя стѣна Эди-куле была уже видна. Старое сооруженіе, пережившее эпоху венеціанскаго владычества, предназначалось въ прежнія времена

для цитадели, откуда гарнизонъ безъ труда держалъ въ покорности населеніе многолюднаго города, а теперь здѣсь раздаются стоны заключенныхъ, число которыхъ, по турецкимъ источникамъ, въ описываемый день превышало тысячу-двѣсти человѣкъ, по словамъ же болгаръ—доходило до полуторы тысячи.

Экипажъ въѣхалъ въ полуразрушенныя ворота; справа потянулась очень высокая и толстая каменная стѣна, слѣва лѣпились другъ къ другу убогія хижины, въ которыхъ ютится турецкая бѣднота. Лишь миновавъ этотъ оригинальный и довольно длинный корридоръ, мы подъѣхали къ острожному зданію. Два человѣка въ форменной одеждѣ вышли на встрѣчу и отрекомендовались на французскомъ языкѣ; одинъ былъ тюремный докторъ, другой — начальникъ караула. Они были предупредительны съ оттѣнкомъ подобострастія. Насъ пригласили къ фонтану, находящемуся въ садикѣ, предложили кофе и, несмотря на мое желаніе приступить къ осмотру арестантскихъ камеръ безъ промедленія, произошла заминка, продолжавшаяся минутъ десять. Въ странѣ съ деспотическимъ режимомъ журналистъ считается самымъ опаснымъ ревизоромъ, и было ясно, что спѣшно заканчиваются послѣднія приготовленія къ пріему.

Но вотъ ворота отворились, и мы попали въ цѣлую систему неправильныхъ закоулковъ, мѣстами прегражденныхъ такими низенькими дверцами, что и начальству, не говоря уже о простыхъ смертныхъ, приходится пробираться почти ползкомъ. Неожиданно открылась боковая калитка, ведущая на одинъ изъ многочисленныхъ дворовъ тюрьмы, гдѣ была густая толпа арестантовъ, между ними человѣкъ въ священнической одеждѣ; такъ какъ заключеннымъ не полагается казеннаго платья, хотя бы они оставались въ острогѣ десять или пятнадцать лѣтъ, то осужденный служитель алтаря, понукаемый тюремною стражей наравнѣ съ другими преступниками, идетъ на допросъ или въ арестантскую камеру въ одѣяніи, присвоенномъ его сану, и, въ концѣ концовъ, глазъ къ этому привыкаетъ.

Переѣзавъ дворъ, мы вошли въ комнату, густо наполненную людьми.

— Сколько васъ здѣсь?—спросилъ я. на болгарскомъ языкѣ. Мнѣ отвѣтили:—Семьдесятъ-четыре. По словамъ сопровождавшихъ насъ турецкихъ чиновниковъ, внутренность даннаго помѣщенія не превышала семидесяти-двухъ квадратныхъ метровъ (метръ—менѣе полутора аршина, приблизительно двадцать-два съ половиной вершка). Надо же представить себѣ хоть на минуту положеніе заключенныхъ, живущихъ такъ изъ года въ годъ. Подумайте только:

десятки лѣтъ провести въ тюрьмѣ, имѣя въ своемъ распоряженіи пространство пола менѣе, чѣмъ полтора аршина въ квадратѣ. Мебели нѣтъ; люди должны ютиться на полу, плотно прижавшись другъ къ другу. Тамъ они ѣдятъ, пьютъ, спятъ, ссорятся, рыдаютъ, надѣются, приходятъ въ отчаяніе... Политическіе, уголовные, турки, болгары, греки, румыны, сербы, албанцы,—всѣ живутъ вмѣстѣ; но подавляющее большинство составляютъ болгары, осужденные за политическія преступленія, т.-е. люди, желающіе свободы своей родинѣ и готовые отдать ради нея свою жизнь. Въ этотъ день я увидѣлъ сотни такихъ мучениковъ, плотно набитыхъ въ десяткахъ камеръ, и вспомнилъ опредѣленіе защитника Вѣры Засуличъ, нынѣ покойнаго, Александрова. По его мнѣнію, вся вина политическаго преступника часто заключается въ томъ, что онъ опередилъ свое поколѣніе.

Передъ посѣщеніемъ Эди-куле я еще на разсвѣтѣ видѣлся съ человѣкомъ, который самъ сиживалъ тамъ; онъ далъ полезные для меня совѣты, благодаря которымъ можно было кое-какъ оріентироваться при осмотрѣ тюрьмы. Въ первой же камерѣ я просилъ доктора показать арестантскій клозетъ; онъ замялся и, не трогаясь съ мѣста, сказалъ, что тамъ на дняхъ предполагается устроить систему сифоновъ. Послѣ дальнѣйшихъ настояній, рѣшительныхъ, хотя до послѣдней степени деликатныхъ, я получилъ возможность видѣть то, что желалъ. Избавлю читателя отъ описанія; замѣчу лишь, что, какъ довольно неожиданно оказалось, пища приготовляется арестантами въ томъ же помѣщеніи, предназначенномъ для совершенно другой надобности. Здѣсь необходимо сдѣлать маленькое поясненіе: кромѣ хлѣба и воды, узникамъ рѣшительно ничего не отпускается; но желающіе, если у нихъ есть средства, могутъ покупать продукты и такъ или иначе изготовлять себѣ обѣдъ. Я ѣлъ арестантскій хлѣбъ; онъ недуренъ, но зато изъ года въ годъ бо̀льшая часть заключенныхъ лишена всякой иной пищи, что̀ должно быть очень тягостно.

Нѣкоторые счастливцы, несмотря на тѣсноту, занимаются кое-какимъ рукодѣльемъ; въ первой же камерѣ я взялъ на память бутылку и револьверный кабуръ, обдѣланный бисеромъ, вручивъ заключеннымъ двадцати-франковую монету, причемъ убѣдился, что имѣть деньги на рукахъ имъ не воспрещается.

— Будьте такъ добры, если возможно, покажите камеру, гдѣ содержатся дѣти,—сказалъ я, обращаясь къ доктору.

Онъ вопросительно посмотрѣлъ на начальника караула и на сопровождавшаго насъ чиновника; тотъ утвердительно кивнулъ

головой. Замѣтивъ колебаніе, я продолжалъ настаивать, постоянно прибавляя:—Si c'est possible!

Послѣ нѣкоторой заминки, мы отправились въ путь. Думая о маленькихъ узникахъ, я мысленно называлъ Голгоѳой отведенный для нихъ чердакъ, къ которому вела крутая лѣстница съ высѣченными изъ камня ступенями. Въ теченіе столѣтій на нихъ образовались выбоины, въ которыхъ стоитъ вода.

Изъ числа провожатыхъ двое поддерживали меня подъ-руки при этомъ тягостномъ подъемѣ.

Распахнулась дверь, и докторъ весело воскликнулъ:—Voilà le dortoir des enfants!

Предъ нами было какое-то логовище съ неправильными углами, гдѣ на пространствѣ 30 кв. метровъ помѣщалось 42 осужденныхъ подростка въ возрастѣ отъ 12-ти до 15-ти лѣтъ; одинъ изъ нихъ, приговоренный на четыре года, отвѣтилъ г. Маркову, что арестованъ „за кровь".

— Что же, ты зарѣзалъ кого-нибудь?—спросили мы его.

— Нѣтъ, застрѣлилъ изъ „мартынки",—возразилъ онъ.

Разспросить о подробностяхъ не хватало времени. Мысль работала быстро; сотни человѣческихъ существъ, мелькавшихъ передъ глазами и поставленныхъ въ столь исключительныя, противоестественныя условія, сливались въ цѣлый океанъ... Это былъ океанъ страданій; вѣдь каждый имѣлъ свою исторію, свою индивидуальность. Но для насъ, мгновенныхъ посѣтителей, она не существовала; ее стирала нивеллирующая тюрьма, нивеллирующее горе...

Подойти къ одному изъ этихъ несчастныхъ, подробно узнать о его судьбѣ, остаться съ нимъ цѣлый день, по-братски утѣшить его... что можетъ быть естественнѣе? Но бѣглые вопросы, единственно возможные при этой быстро смѣнявшейся панорамѣ лицъ, изъ которыхъ почти каждое являлось жертвой или участникомъ трагедіи, казались мнѣ оскорбительными и невольно замирали на устахъ.

При дальнѣйшемъ обходѣ тюрьмы, я спрашивалъ у начальствующихъ лицъ о „шкапахъ", куда запирали арестантовъ еще два года назадъ; но оказалось, что, благодаря настойчивости представителей Европы, „шкапы" эти уничтожены.

Безплоднымъ осталось и мое желаніе видѣть тюремный карцеръ. Докторъ притворялся непонимающимъ, а затѣмъ сталъ увѣрять, что никакого карцера не существуетъ. Когда же я настаивалъ, доказывая, что какія-нибудь репрессивныя мѣры несомнѣнно

примѣняются къ нарушителямъ установленнаго режима, онъ сказалъ, что ихъ запираютъ въ ручныя и ножныя оковы.

Быть можетъ, подмѣшивая иронію къ постояннымъ комплиментамъ, которыми, по восточному обычаю, онъ меня осыпалъ, докторъ замѣтилъ, что органъ, въ которомъ я работаю, долженъ быть доволенъ корреспондентомъ, вникающимъ рѣшительно во все, а черезъ минуту добавилъ, что видѣлъ портретъ русскаго писателя Толстого и находитъ большое сходство между мною и этимъ портретомъ. Я возразилъ, что, прежде всего, Толстой въ полтора раза старше меня, да и вообще сходства между мной и знаменитымъ писателемъ мало. Но собесѣдникъ любезно упирался, говоря, что, слѣдовательно, видѣлъ портретъ, снятый съ графа Толстого въ молодости.

Однако, почтенный эскулапъ обнаружилъ гораздо меньше словоохотливости, когда я спросилъ о тюремной больницѣ. Онъ увѣрялъ, что больныхъ всего тридцать-шесть. Цифра невѣроятная, если вспомнить, что заключенныхъ въ тюрьмѣ во всякомъ случаѣ болѣе 1.200 человѣкъ и живутъ они въ самыхъ антигигіеническихъ условіяхъ. Неохотно и лишь послѣ неоднократныхъ напоминаній съ моей стороны, докторъ направился къ больничной палатѣ. Тамъ, по словамъ г. Маркова, лежали только турки, одни на кроватяхъ и грязныхъ тюфякахъ, другіе—между кроватями на полу. Кажется, при осмотрѣ этого лазарета, я заразился,—по крайней мѣрѣ, къ вечеру того же дня я тяжело заболѣлъ.

Въ заключеніе надо было навѣстить арестанта Самарджіева и женское отдѣленіе. Относительно перваго я не безъ труда растолковалъ мое желаніе начальству. Наконецъ, докторъ „вспомнилъ", что у него нѣсколько мѣсяцевъ пролежалъ въ больницѣ такой субъектъ, сброшенный арестантами-турками съ лѣстницы и получившій тяжелый, чуть не смертельный ушибъ головы. При дальнѣйшемъ обходѣ тюремныхъ помѣщеній, его подвели къ намъ. Я сказалъ по-болгарски, что у насъ есть общіе друзья; узникъ сталъ хвалить доктора и сообщилъ, что турки, бросившіе его съ лѣстницы, были жестоко наказаны начальствомъ: они ходили въ тяжелыхъ кандалахъ три мѣсяца и, кромѣ того, преданы суду. Послѣ бесѣды я не вынесъ полнаго убѣжденія въ тождествѣ новаго знакомца съ Самарджіевымъ: возможна была и мистификація.

Женщинъ въ Эди-куле оказалось всего четырнадцать; ихъ положеніе было исключительно невыносимымъ. По многимъ причинамъ, позволительно сдѣлать такую догадку, хотя никакихъ конкретныхъ данныхъ на этотъ счетъ у меня нѣтъ.

Въ первой же небольшой комнатѣ женскаго особняка мы застали двухъ молодыхъ арестантокъ; одна изъ нихъ назвала себя Анной Арсовой; это имя произвело на меня сильнѣйшее впечатлѣніе! Еще въ Ускюбѣ мнѣ говорили, что въ настоящемъ году, среди многихъ другихъ, была арестована и совершенно исчезла народная учительница Анна Арсова. Теперь, благодаря случаю, я вдругъ нахожу ее такъ неожиданно въ Эди-куле. Миловидная, скромная, съ пріятнымъ голосомъ, молодая узница отвѣтила на мои вопросы, что у нея произвели обыскъ, нашли переписку съ революціонерами, и политическій судъ приговорилъ ее къ трехлѣтнему тюремному заключенію. Что-то знакомое, родственное и острое стало проникать въ мое сердце при этой бесѣдѣ. Коротенькія слова: „три года“ воображеніе немедленно пыталось размѣнять на мелкую и крупную монету ежедневныхъ огорченій, „тюремныхъ исторій“, пожалуй,—насилій. Кто защититъ дѣвушку въ турецкой тюрьмѣ Эди-куле? Кто знаетъ, до какихъ предѣловъ доходитъ здѣсь произволъ стражи? Съ грустью смотрѣлъ я то на арестантку, то на ея сторожей. Товарка Анны Арсовой—уголовная преступница, судьба которой еще тяжелѣе: у нея въ четырнадцать лѣтъ былъ несчастный романъ, а черезъ годъ судъ приговорилъ ее за дѣтоубійство къ пятнадцатилѣтнему тюремному заключенію. Она пробыла подъ замкомъ три года, т.-е. только одну пятую опредѣленнаго срока. Суждено ли ей дожить до счастливаго дня и оказаться на свободѣ?

Нельзя было болѣе злоупотреблять любезностью начальства,—мы уже провели въ Эди-куле два часа. У фонтана насъ ждалъ кофе.

Подавленный всей безпредѣльностью человѣческаго страданія и видомъ самихъ страдальцевъ, только-что промелькнувшихъ передъ глазами въ такомъ огромномъ количествѣ, я быстрыми шагами направился къ экипажу; лошади тронули, когда насъ догналъ заптій съ забытымъ мною пальто.

Теперь, при спускѣ съ горы, передъ нами была дивная картина: подъ ногами раскинулись Салоники, расцвѣченныя садами и упирающіяся въ широкую полосу моря. Верстахъ въ шестидесяти возвышалась вершина Олимпа, оригинальнаго въ своей красотѣ; онъ лишенъ предгорій, и конусъ его какъ бы выходитъ прямо изъ воды.

— Поглядите! — воскликнулъ мой спутникъ: — вонъ вправо отъ насъ знаменитая мечеть С.-Жоржъ; это былъ языческій

храмъ, но настали другія времена, и апостолъ Павелъ явился въ Салоники для распространенія христіанства. Въ этомъ же зданіи раздавалась его проповѣдь. Камень, служившій ему подножіемъ, увезенъ, всего два года назадъ, въ константинопольскій музей. Много столѣтій подъ-рядъ храмъ, переставшій быть языческимъ, служилъ мѣстомъ для христіанскаго богослуженія и назывался церковью св. Георгія; потомъ пришли мусульмане, исламъ властно водворился въ странѣ, и безстрастные своды храма такъ же гостепріимно даютъ убѣжище молящемуся магометанину, какъ нѣкогда они служили христіанамъ, а еще ранѣе—поклонникамъ Зевеса.

Слушая эту повѣсть, я не могъ оторваться отъ мысли объ Эди-куле и говорилъ себѣ: тюремныя стѣны также доставляютъ пріютъ самому разнообразному контингенту: сегодняшніе узники могли бы, послѣ освобожденія Македоніи, превратиться въ судей, а ихъ тюремщики—въ государственныхъ преступниковъ.

Черезъ часъ, за обѣдомъ, я встрѣтился съ земляками, пріѣхавшими на австрійскомъ пароходѣ. Въ трапезѣ принимало участіе общество многолюдное и притомъ интернаціональное; присутствовало и нѣсколько руссофиловъ. Слѣдуетъ помнить, что эта разновидность человѣческаго рода, очень досаждающая намъ на Востокѣ, страстно обожаетъ Россію, представляя ее себѣ въ какомъ-то византійскомъ освѣщеніи; такіе господа знаютъ по именамъ многихъ нашихъ генераловъ и даже статскихъ совѣтниковъ, но никогда не слышали о Герценѣ, Бѣлинскомъ, Чернышевскомъ, Добролюбовѣ, Салтыковѣ... Разговоръ за столомъ вертѣлся на Эди-куле. Одинъ изъ руссофиловъ, съ расплывающимся отъ улыбки лицомъ, сталъ наскакивать на меня съ назойливыми вопросами въ такомъ родѣ: — Ну, скажите, пожалуйста, возможно ли, чтобы человѣкъ съ широкимъ русскимъ сердцемъ придумалъ такую жестокость, какъ Эди-куле?

При этихъ словахъ, одинъ изъ пріѣзжихъ русскихъ вспыхнулъ и, отвѣчая на предложенный мнѣ вопросъ, громко закричалъ черезъ весь столъ:

— Милостивый государь, качествомъ политическихъ тюремъ не измѣряется народное сердце! Я больше васъ дорожу духовными свойствами нашего народа, но не могу безъ негодованія слушать, когда вы припутываете ихъ къ вопросамъ совершенно постороннимъ: развѣ русское общество изобрѣло шлиссельбургскую тюрьму? Развѣ оно придумало матовыя стекла

для одиночныхъ камеръ, чтобы заключенный не могъ видѣть даже клочка мутнаго, сѣраго неба? И вотъ, представьте себѣ, что годы, десятки лѣтъ человѣкъ, лишенный оптическихъ впечатлѣній, противъ воли изощрилъ свой слухъ; противъ воли, потому что долетающіе до камеры звуки могутъ только терзать душу; это—дикіе вопли сошедшихъ съ ума товарищей... Вдругъ, на разсвѣтѣ, раздается пронзительный ударъ топора. Арестантъ вскакиваетъ съ постели; онъ уже знаетъ, что̀ это значитъ: передъ казнью его товарищей были слышны тѣ же звуки воздвигаемаго эшафота. Но кого будутъ казнить сегодня? Отгадать невозможно. Одно несомнѣнно извѣстно: смерть приметъ другъ, политическій единомышленникъ... Да, отнять у человѣка всѣ впечатлѣнія, погрузить его на десятки лѣтъ въ полнѣйшую неизвѣстность относительно всего происходящаго въ окружающемъ мірѣ и взамѣнъ развлекать однимъ единственнымъ способомъ: т.-е., казнить подъ его окнами друзей, нарочно привезенныхъ туда для этой цѣли, какъ будто по всему необъятному лицу русской земли нельзя найти другого мѣста!!! Вѣдь Андреюшкинъ, Осипановъ, Ульяновъ, Шевыревъ, Генераловъ, Балмашевъ, Каляевъ, — они не были заключены въ шлиссельбургскую тюрьму,—ихъ привезли туда спеціально для казни. Соберите всѣхъ психологовъ цѣлаго свѣта; пусть они придумаютъ пытку утонченнѣе, чѣмъ это безмолвіе Шлиссельбурга, вотъ уже двадцать-одинъ годъ нарушаемое исключительно то воплями умалишенныхъ, то звуками воздвигаемаго эшафота. Повторяю: говоря о русскомъ сердцѣ, не припутывайте вопроса о тюрьмахъ, о которыхъ вы ровно ничего не знаете!

Эта страстная отповѣдь положила конецъ застольной бесѣдѣ; но кто положитъ конецъ политическимъ бреднямъ здѣшнихъ руссофиловъ?

VII.

Ранѣе чѣмъ уѣхать изъ Салоникъ, я отправился къ начальнику русской жандармеріи. Хотѣлось узнать, какого онъ мнѣнія о результатѣ своихъ двухлѣтнихъ трудовъ въ странѣ. Въ лучшей части города, на взморьѣ, проѣхавъ между садами, гдѣ зрѣютъ гранаты и винныя ягоды, я безъ труда разыскалъ генерала Шостакъ.

Этотъ человѣкъ, застѣнчивый, съ очень моложавымъ, почти дѣтскимъ голосомъ, одѣтый въ штатское платье, производилъ впечатлѣніе, которое никакъ не вязалось съ моими воспомина-

ніями о русскихъ жандармскихъ генералахъ. Онъ очень привѣтливъ и тономъ мученика объявилъ, что миссія его совершенно не удалась. Положеніе Македоніи измѣнилось къ худшему за послѣдніе два года. Турки поддерживаютъ грековъ, постоянно обагряющихъ руки въ крови болгаръ, а вмѣшательство иностранныхъ офицеровъ почти не приноситъ пользы, такъ какъ ихъ задача—реформировать турецкую жандармерію—понимается мѣстными властями лишь въ смыслѣ заботы о внѣшней выправкѣ.

Грустно было глядѣть на этого представителя могущественной державы, поставленнаго въ столь унизительное положеніе.

Въ Салоникахъ разсказываютъ, что между генераломъ Шостакъ и Хильми-пашой происходятъ сцены, исполненныя мрачнаго юмора. Первый является къ генералъ-губернатору, чтобы со всѣмъ апломбомъ своего оффиціальнаго положенія протестовать противъ рѣзни, произведенной турецкими войсками въ какой-нибудь болгарской деревнѣ. Но неуязвимый Хильми-паша хочетъ уничтожить своего собесѣдника и, сдѣлавъ печальное лицо, начинаетъ увѣрять, что ему чрезвычайно прискорбно, онъ жалѣетъ убитыхъ и утѣшаетъ себя единственно тѣмъ, что количество жертвъ было въ данномъ случаѣ значительно менѣе, чѣмъ, напримѣръ, въ Петербургѣ 9-го января.

Получивъ такой отвѣтъ, человѣкъ даже самый твердый и рѣшительный долженъ пожелать, по меньшей мѣрѣ, провалиться сквозь землю, и, принимая во вниманіе всѣ особенности настоящаго историческаго момента, нельзя не признать, что положеніе русскаго генерала, протестующаго противъ жестокостей и репрессалій въ другой странѣ, чрезвычайно тягостно и въ то же время комично. Между тѣмъ ему приходится быть свидѣтелемъ многихъ трагедій.

Эти строки были уже написаны, когда телеграфъ принесъ слѣдующее извѣстіе: „Англійскій король при свиданіи въ Фридрихсгофѣ, въ виду несомнѣнной неудачи мюрцштегской программы, съ вѣдома Италіи, пытался заручиться согласіемъ германскаго императора на слѣдующую комбинацію: Македонія и Старая Сербія получаютъ автономныя управленія, во главѣ которыхъ будетъ находиться губернаторъ изъ христіанъ. Губернаторомъ этимъ намѣченъ черногорскій княжичъ Мирко. Германія, будто бы, объявила по этому поводу, что поддержитъ всѣ мѣропріятія, которыми можно будетъ возстановить спокойствіе на Балканскомъ полуостровѣ. Однако Австрія и по всей вѣроятности Россія отклонятъ этотъ проектъ“. Извѣстіе, заключающееся въ приведенной телеграммѣ, какъ нельзя болѣе гармонируетъ съ

заявленіемъ „Русскаго Государства“, издававшагося во время премьерства графа Витте, а также съ опубликованными печатью Балканскаго полуострова утвержденіями г. Демерика;—и упомянутый оффиціозъ, и русскій дипломатъ совершенно солидарны, высказываясь въ такомъ родѣ: Россія не желаетъ допустить присоединенія Македоніи къ Болгаріи и, кромѣ того, находитъ, что правильно понятые интересы первой изъ нихъ не имѣютъ ничего общаго съ стремленіемъ къ независимости.

Такимъ образомъ, петербургское правительство входитъ въ полное противорѣчіе со своими собственными дезидератами, выраженными въ с.-стефанскомъ договорѣ 19-го февраля 1878 г. и повторенными, хотя и безъ успѣха, на Берлинскомъ конгрессѣ. По причинамъ, несовсѣмъ понятнымъ, оно пришло теперь къ убѣжденію, что турецкое иго, угнетавшее Македонію около пяти столѣтій, должно быть сохранено для многострадальнаго края и впредь. Наконецъ, представители того самаго режима, который дезорганизовалъ Россію, продолжаютъ твердить о необходимости реформъ для Македоніи. Но мало того,—они дерзаютъ выступать въ роли реформаторовъ. Каковъ результатъ этого лицемѣрія, я могъ судить во время прошлогодняго путешествія по странѣ. А на основаніи многочисленныхъ разсказовъ другихъ очевидцевъ говорю съ увѣренностью, что за послѣдніе одиннадцать мѣсяцевъ анархія и нищета еще увеличились въ трехъ македонскихъ вилайетахъ, гдѣ около 70% всѣхъ налоговъ расходуется на содержаніе войскъ и карательныя экспедиціи.

Спрашивая, почему не воздѣланы многія плодородныя поля, я не разъ получалъ въ отвѣтъ такое разъясненіе отъ самихъ поселянъ: налогъ, взимаемый турками натурой, хотя и называется „десятиной“, но въ дѣйствительности почти совершенно обезцѣниваетъ урожай, благодаря тѣмъ формальностямъ, къ которымъ прибѣгаютъ откупщики десятины. Ихъ произволъ, самовластіе беговъ, жадность и корыстолюбіе администраціи, а также жестокость и безнаказанность войскъ привели къ тому, что у поселянина опустились руки. Земледѣліе при такихъ условіяхъ теряетъ смыслъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ появились иностранные офицеры, поведеніе турокъ стало еще болѣе вызывающимъ.

Слушая подобныя рѣчи, я въ сотый разъ задавалъ себѣ вопросъ: зачѣмъ понадобилось русскому правительству брать на себя отвѣтственность за македонскія „реформы“, когда въ сущности его роль свелась къ совершенно открытой поддержкѣ деспотическаго режима?

У македонскаго „райи“ не было ни личной неприкосновенности, ни правового порядка, ни судебной защиты. Среди ада, въ которомъ онъ живетъ, была только одна отрада всѣхъ несчастныхъ—слабая надежда на лучшее будущее. Но наша дипломатія не поддержала этой надежды—напротивъ: независимость Македоніи не считаютъ у насъ нужною; соединенія ея съ Болгаріей не допустятъ!

Н. Кулябко-Корецкій.

ЗАШУМИТЪ ЛѢСЪ

ЭСКИЗЪ

по польскому роману Юзефа Маскоффа.

I.

Въ театрѣ мелкаго пограничнаго городка шла репетиція оперетки. Изъ коридора въ уборной танцовщицы Яблонской пробрались двое немолодыхъ уже мужчинъ, въ хорошихъ шубахъ. Одинъ изъ нихъ, какъ бы конфузясь собственнаго голоса въ такомъ мѣстѣ, неувѣренно спросилъ дѣвочку-служанку:

— Пани уже одѣта? Можно ее видѣть?

— Одѣта. Но къ ней нельзя; тамъ теперь полицмейстеръ.

— Ну, такъ мы подождемъ.

Въ уборной голоса раздались громче.

— Ну, ей-Богу, не могу!—увѣрялъ полиціймейстеръ Тагѣевъ. —Чортъ знаетъ, что вы это выдумали!

— Сейчасъ его выгонитъ,—улыбаясь, прошептала дѣвочка.

Шубы инстинктивно тронулись къ выходу.

— Пойдемте, г. адвокатъ, лучше съ нимъ не встрѣчаться; еще какъ-нибудь намъ гадить начнетъ.

Адвокатъ, однако, колебался.

— Я его не боюсь.

— Да я боюсь. Какъ городской врачъ, я — въ зависимости отъ него. Впрочемъ, на всякаго онъ можетъ донести что захочетъ. Я ухожу...

— Какъ хотите, не могу!—уже почти кричалъ Тагѣевъ.

— Такъ убирайтесь вонъ! — пропищалъ гнѣвный голосокъ.

— Мамзель Яблонская, для васъ я все готовъ сдѣлать... Но, помилуйте, вѣдь вы просите о такой вещи, которая зависитъ не отъ меня, а отъ жандармскаго управленія. Поймите же это!

Актриса топнула ногой.

— Мнѣ какое дѣло? Стану я ходить по жандармскимъ управленіямъ!

— Такъ пусть вашъ родственникъ самъ зайдетъ.

— Не говорите глупостей, а лучше достаньте мнѣ конфектъ.

— Это—другое дѣло. Конфекты я вамъ даже сейчасъ предоставлю.

И изъ уборной поспѣшно выскочилъ пѣхотный штабъ-офицеръ съ необыкновенно звонкими шпорами на лакированныхъ сапогахъ.

За нимъ въ дверяхъ показалась хорошенькая, совсѣмъ еще молодая актриса въ короткой балетной юбкѣ розоваго цвѣта.

— Гдѣ панъ Леонъ?—обратилась она къ служанкѣ.

— Въ мужской гардеробной.

— Сбѣгай, пусть придетъ сейчасъ, а сама стань въ коридорѣ и дай мнѣ знать, какъ только полиціймейстеръ покажется изъ буфета.

Черезъ минуту, въ уборную вошелъ молодой человѣкъ средняго роста, свѣтлый блондинъ съ большими сѣрыми глазами. Танцовщица приподнялась на носкахъ и наклонила къ нему голову.

— Будьте покойны... онъ мнѣ дастъ нужный вамъ пропускъ.

— Какъ мнѣ васъ благодарить!..

— Не стòитъ. Только бы мнѣ не забыть, какъ васъ зовутъ... Леонъ... Ахъ, нѣтъ, какое вамъ дать имя... Положимъ: Стефанъ Попелявскій... вы согласны?

— Хорошо.

— Запишу себѣ.—Она взяла коробку съ пудрой и, обернувъ ее, написала на днѣ тушью для бровей новое имя своего протэжè.

Молодой человѣкъ не сводилъ съ нея глазъ, въ которыхъ видвѣлись и печаль, и что-то вродѣ восхищенія.

— Какая вы добрая и какъ вы хороши!

Улыбнувшись, дѣвушка приняла классическую позу.

— Это только костюмъ хорошъ.

— И костюмъ, и все-таки—вы.

— Ахъ, еслибы только удалось!... Только тогда вздохну свободно, когда вручу вамъ этотъ пропускъ.

Въ голосѣ ея слышалась сердечность, искреннее желаніе спасти этого человѣка, котораго она, нѣсколько дней тому назадъ, совсѣмъ не знала. Она сама удивлялась тому тревожному чувству, которое заставляло ее мѣшаться въ это дѣло и выпрашивать у полиціймейстера пропускъ за границу, будто бы для кузена, съ порученіемъ привезти ей бархату на платье и пять метровъ кружевъ.

Оба они были одиноки на свѣтѣ и теперь какъ будто вдвоемъ укрывались отъ него, въ уголку, куда едва только долетали голоса со сцены. И несмотря на случайность и мимолетность такой встрѣчи, оба они сознавали, что ихъ связывало горячее сочувствіе.

— Бѣдный вы!—сказала она, протянувъ Леону руку. И оба были тронуты. Въ ней говорило женское чувство жалости къ этому юношѣ, который долженъ былъ скрываться, какъ звѣрь, передъ облавой такого множества людей сильныхъ, вооруженныхъ, бряцающихъ саблями и шпорами...

Власть представлялась ей всегда толпой нахмуренныхъ, гнѣвныхъ силачей въ фуражкахъ съ кокардами. За толпой этой виднѣлся неясный силуэтъ кого-то, изрекавшаго страшные приговоры и окруженнаго пиками. Людей этихъ было неисчислимое множество. А онъ—одинъ, такой худой, слабый, и сердце его навѣрное такъ билось, какъ у подстрѣленной серны.

Въ молодой актрисѣ дрогнула струна такого страха, какъ бы погоня шла за нею самой. И вотъ она невольно произнесла слово:—Бѣдный!

Леонъ взялъ ея руку и пожималъ въ обѣихъ своихъ, чувствуя, что слово шло отъ сердца.

Сильный стукъ въ дверь.—Идетъ!—крикнула служанка.

— Скорѣе—въ гардеробную!—сказала Яблонская:—и ждите меня.

Вошелъ Тагѣевъ, поставилъ на столъ коробку конфектъ и тотчасъ шепнулъ съ улыбкой:

— Вотъ ваши конфекты. А что касается легитимаціоннаго билета, то вы будете его имѣть.

Яблонская не смогла укрыть радости.

— Будто? Въ самомъ дѣлѣ?

— Серьёзно. Я встрѣтилъ въ буфетѣ жандармскаго ротмистра, и онъ обѣщалъ мнѣ это сдѣлать... Но какъ же фамилія вашего родственника? Вы мнѣ вѣдь не сказали.

— Стефанъ Попелявскій.

— Ну и прекрасно,—продолжалъ полиціймейстеръ полушо-

потомъ. — А только помните, что бумажка — на трехдневный срокъ. Честное слово, что онъ вернется черезъ три дня?

Яблонская стала смѣяться.

— Ну, конечно... Еще бы! — и вдругъ, припомнивъ: — вѣдь онъ же мнѣ бархатъ привезетъ.

Со сцены донеслись глухіе, процѣженные сквозь нѣсколько перегородокъ, звуки жидкаго оркестра. Полиціймейстеръ звякнулъ шпорами.

— А, это—та залихватская мазурка!—И, видя, что актриса, улыбаясь, смотрѣла на него, изъ-подъ своихъ подчерненныхъ рѣсницъ, онъ протянулъ къ ней руку.—Дайте поцѣловать вашу ручку.

Она, разсмѣявшись, подняла руки выше его головы и повторяла въ тактъ мазурки:

— Будетъ бархатъ, будетъ бархатъ!

Леону она дала знать черезъ служанку, что нужное ему пропускное свидѣтельство, вѣроятно, будетъ завтра, что пусть онъ ночуетъ не у товарища, какъ вчера, а въ кулисахъ, гдѣ спятъ машинисты, и завтра утромъ пусть будетъ опять на репетиціи. Очевидно, она хотѣла избавить его отъ опасности показываться днемъ на улицѣ.

Когда стемнѣло, Леонъ сходилъ къ Ясю, своему пріятелю, чтобы взять оставленныя у него деньги и проститься. Ясь былъ его товарищемъ въ старшемъ классѣ гимназіи, и надъ обоими ими стряслась одна бѣда. Ихъ выгнали изъ гимназіи за устройство тамъ „комитета народнаго обученія". Членами комитета были пятеро старшихъ гимназистовъ, а цѣлью — раздача „просвѣтительныхъ" брошюръ среди крестьянъ и рабочихъ на фабрикахъ, около Ченстохова. Брошюры сочинялись самими членами комитета и были довольно невиннаго свойства, хотя назначались, конечно, для распространенія „сознательности" по части стремленій патріотическихъ и даже соціальныхъ.

Но у комитета не было денегъ ни на печатный станокъ, ни хотя бы на гектографный приборъ. А между тѣмъ, и крестьяне, и большинство рабочихъ читали только „по печатному", то-есть, по молитвенникамъ. Но ужъ слишкомъ горячо было у юношей желаніе участвовать въ пробужденіи народной сознательности. И вотъ, они придумали — писать брошюры печатными буквами, пріучаясь съ великимъ трудомъ воспроизводить печатныя буквы, покрывать цѣлыя страницы мнимо-печатными строками и такіе листки сшивать подъ обложками. Первое удачное изготовленіе такой брошюры вызвало среди участниковъ настоящій восторгъ.

Каждый экземпляръ такой брошюры требовалъ неимовѣрнаго труда. Но это не остановило увлеченія редакторовъ, которые были вмѣстѣ и копіистами. Леонъ Орлицкій еще въ среднихъ классахъ проявилъ литературныя способности и среди учителей прослылъ „идеалистомъ“. Впослѣдствіи онъ овладѣлъ литературной формой. Брошюру написалъ онъ съ юношескимъ жаромъ и еще почти дѣтской чувствительностью. Въ ней говорилось крестьянамъ о Польшѣ, какою она нѣкогда была, какова есть теперь и какою должна быть—справедливой, отеческой для всего народа. Внушалось, что любить свою землю слѣдуетъ не только за то, что она родитъ зерно, картофель и рѣпу, но и за то, что эта земля—„наша“, несчастная, томящаяся въ рабствѣ.

Написанное Леономъ поправилъ Янъ, поубавивъ сентиментальности, но зато упомянувъ о произволѣ полиціи, тягости податей, о народномъ малоземельи и эмиграціи на заработки. Черезъ два мѣсяца были уже на готовѣ пятьдесятъ экземпляровъ брошюры, переписанныхъ печатными буквами. Рѣшено было, чтобы онѣ раздавались не только членами комитета, но еще и нѣсколькими пансіонерками, подругами сестры Яна, согласно его мудрому совѣту, что „безъ помощи бабъ мы не обойдемся“.

Но вскорѣ въ домѣ, гдѣ хранилась эта „нелегальная литература“, произведенъ былъ обыскъ, и въ ту же ночь Леонъ, Янъ и прочіе члены комитета были арестованы и отправлены въ губернскую тюрьму, откуда Леонъ и Янъ попали даже въ варшавскую цитадель. Просидѣвъ нѣсколько мѣсяцевъ, всѣ эти политическіе преступники были выпущены на свободу, но исключены изъ гимназіи, съ воспрещеніемъ пріема въ другія училища.

Изъ родни у Леона былъ въ живыхъ только дядя по матери, опекунъ его, хозяинъ мелкой гостинницы въ Кѣльцахъ. У того было нѣсколько сотъ рублей, оставшихся послѣ родителей Леона. Онъ платилъ въ гимназію, но нисколько не заботился о судьбѣ племянника и радъ былъ отдѣлаться отъ опеки, выдавъ ему двѣсти рублей, когда Леону представилась необходимость уѣхать за границу.

Необходимость же эта была вызвана новой опасностью. Леонъ попробовалъ написать въ заграничныя газеты нѣсколько „Писемъ изъ Конгресувки“. Письма эти понравились, и молодой человѣкъ сдѣлался постояннымъ корреспондентомъ тѣхъ газетъ, что дало ему хоть какія-нибудь средства къ жизни. Онъ чувствовалъ себя счастливымъ, такъ какъ могъ писать что хотѣлъ, писать отъ души. Въ одной изъ львовскихъ газетъ появились два его разсказа изъ гимназической жизни въ Царствѣ. Здѣсь

онъ описывалъ тягостныя впечатлѣнія, какія на него производили съ дѣтства жесткость и грубость учителей, ихъ глумленіе надъ его роднымъ языкомъ, прямая враждебность этой школы ко всему, что̀ въ семьѣ его учили любить и считать священнымъ.

Разсказы эти были безхитростные, не отдѣланные блестками вымученной фразеологіи. Но въ каждой строкѣ чувствовался стонъ души, горькая обида, возмущеніе насиліемъ, которое намѣренно оскорбляло дѣтей въ томъ, что̀ для нихъ было дорого. И разсказы эти были замѣчены въ печати.

Сотрудничество свое въ закордонныхъ газетахъ Леонъ хранилъ въ безусловной тайнѣ. Но вдругъ онъ узналъ, что тайна эта раскрыта. Нѣкоторыя подробности въ разсказахъ могли навести цензуру или гимназическое начальство на догадку о личности корреспондента. Онъ получилъ анонимное извѣщеніе „изъ вѣрнаго источника“, что у него будетъ произведенъ обыскъ, за которымъ, вѣроятно, послѣдуетъ арестованіе. Леонъ тотчасъ выѣхалъ, получилъ отъ дяди двѣсти рублей и прибылъ въ пограничный городокъ, гдѣ жилъ его пріятель Янъ, чтобы пробраться въ Галицію. Яну и пришла счастливая мысль просить за него Яблонскую, о которой весь городъ зналъ, что она знакома съ полиціймейстеромъ. Къ ней и явился Леонъ на другой день послѣ своего пріѣзда на границу.

Послѣ свиданія съ ней, онъ вечеромъ зашелъ къ Яну, взялъ оставленныя у него деньги, простился съ пріятелемъ и незадолго передъ закрытіемъ театра прошелъ за кулисы ночевать. Видѣли его также служанка и „машинисты“, но онъ ихъ не боялся, такъ какъ въ этой средѣ едва-ли бываютъ шпіоны.

Онъ зажегъ ручной фонарь, отыскалъ какой-то заваляцій диванчикъ, снялъ лежавшіе на немъ два ветхіе стула и осмотрѣлся, чѣмъ бы покрыться. За кулисами было холодно, хотя у стѣны стояла чугунка, въ которой топили днемъ. У одной кулисы Леонъ примѣтилъ прислоненный къ ней обрывокъ намалеваннаго холста, вѣроятно кусокъ стѣны или лѣса, а можетъ быть и озера. Онъ легъ и покрылся этимъ жесткимъ одѣяломъ.

Онъ былъ убѣжденъ, что не заснетъ всю ночь, такъ какъ въ умѣ его роились безпокойныя мысли и шли какъ бы бурныя пренія о собственной его судьбѣ. Только бы попасть черезъ границу... А потомъ? Онъ рѣшился ѣхать прямо въ Парижъ, пока еще денегъ хватитъ на это. Доѣхать можно, и еще останется нѣсколько десятковъ рублей. А послѣ—что̀? Правда, менѣе рискованно было остаться въ Галиціи и искать работы въ одной изъ газетъ, гдѣ онъ уже сотрудничалъ.

Но молодой человѣкъ сознавалъ, что способенъ онъ только для работы беллетристической. Для какой-либо иной онъ не былъ подготовленъ ни спеціальными знаніями, ни даже достаточнымъ общимъ образованіемъ. Личныхъ его впечатлѣній хватило на два разсказа, а какъ дальше? Нуженъ былъ болѣе широкій театръ для наблюденій, чѣмъ тотъ, который могъ представиться ему во Львовѣ или въ Краковѣ. А сверхъ того, развѣ главная задача жизни — заработокъ? Въ Парижѣ можно было примкнуть къ сильному революціонному союзу тамошней польской эмиграціи. Къ счастью, французскимъ языкомъ онъ занимался еще дома. Въ томъ великомъ центрѣ, навѣрное, найдутся и связи съ революціонерами всѣхъ странъ, найдутся и средства для наводненія всего Царства брошюрами, которыя пробудятъ народное сознаніе.

Послѣднимъ впечатлѣніемъ дня у Леона было ощущеніе холода, такъ какъ лежавшій на немъ кусокъ лѣса или озера безпрестанно сваливался. Но молодыя силы взяли свое—онъ уснулъ.

На слѣдующее утро Яблонская, увидавъ Леона за кулисами, послала его въ ложу партера и скоро пришла туда.

— Вотъ вамъ пропускъ!

— Дорогая, вы меня спасаете... можетъ быть, отъ ссылки.

— Отправитесь сегодня?

— Непремѣнно.

Съ полминуты они просидѣли молча. Актриса два раза несмѣло взглянула на него.

— Я васъ хотѣла о чемъ-то спросить...

— Что только хотите, я на все отвѣчу откровенно!

Она вертѣла въ рукахъ муфту. И вдругъ, схвативъ холодную руку Леона, она втянула ее въ муфту.

— Бѣдняга, онъ промерзъ! — сказала она въ шутливомъ тонѣ и, опустивъ глаза, прибавила шопотомъ: — Можетъ быть, вамъ на проѣздъ денегъ нужно? Много у меня нѣтъ, но вотъ пятнадцать рублей... Возьмите... — шептала она.—Золотой мой!

— Нѣтъ, нѣтъ!—возразилъ растроганный Леонъ.—У меня есть больше, чѣмъ надо на дорогу...—И прикоснувшись лицомъ къ ея рукаву, онъ сказалъ еще:—Какая, вы однако, хорошая!

Въ эту минуту каждый изъ нихъ чувствовалъ, что все-таки они не совсѣмъ одиноки на свѣтѣ.

II.

Ярко освѣщенная зала. Въ ней собрались польскіе эмигранты въ Парижѣ по поводу одной изъ патріотическихъ годовщинъ. Орлицкій пробирался сквозь толпу, стоявшую въ проходѣ, но остановился, оглядываясь вокругъ.

— Дальше, дальше... — проговорилъ художникъ Вимпфенъ, которому онъ былъ рекомендованъ и который ввелъ его сюда.— Впередъ, не надо останавливаться, это—не наши.

— Не поляки, иностранцы?

Вимпфенъ пожалъ плечами.

— Не то, но они не нашей партіи...—и онъ пальцами подвигалъ Леона впередъ.

Они прошли значительно далѣе.

— Вотъ наши,—сказалъ художникъ, приближаясь къ скамьямъ въ углу, на которыхъ сидѣли люди все молодые.

Имъ онъ и представилъ Леона Орлицкаго.

Къ Леону тотчасъ протянулось нѣсколько рукъ.

— Надолго?

— Навсегда.

— Что же это вы, — спросилъ Вимпфенъ:—развѣ совсѣмъ отказываетесь отъ возвращенія въ край?

Орлицкій отвѣчалъ тономъ убѣжденія:—Отсюда, на свободѣ, легче и съ бо̀льшимъ успѣхомъ можно работать для края.

— Вы полагаете?—и Вимпфенъ тотчасъ обратился въ сторону, къ проходившимъ дамамъ:—Вы къ намъ?

— Нисколько; мы—къ своимъ.

— Вашихъ сегодня будетъ мало. Грегоржевскій не придетъ; Ямульскій, какъ всегда, опоздаетъ. Некому будетъ выступить съ протестомъ.

— А я что жъ?—спросила дѣвушка, съ круглымъ, почти дѣтскимъ лицомъ.

— У васъ не хватитъ смѣлости.

— Не безпокойтесь... Задѣнутъ насъ, такъ и я съ ними расправлюсь!—и, улыбнувшись, она пошла далѣе.

— Это панна Мизя,—сказалъ Вимпфенъ Леону:—завзятая „дѣятельница“, влюблена въ Грегоржевскаго.

— А Грегоржевскій—кто?

— Ну, объ этомъ послѣ. Вонъ уже тузы всходятъ на эстраду.

Это была зала географическаго общества. Небольшая, она

вплоть наполнилась нѣсколькими сотнями представителей польской эмиграціи въ Парижѣ. Многимъ пришлось стоять въ проходахъ вдоль стѣны. Въ первомъ ряду стульевъ сидѣло нѣсколько древнихъ стариковъ. Два члена комитета вели подъ руки согбеннаго старца въ турецкой фескѣ; тотъ, идя, постоянно качалъ въ обѣ стороны головой.

— Этотъ остался еще отъ тридцать-перваго года,—шепнулъ Вимпфенъ. Для Леона это былъ уже человѣкъ легенды. Только что сѣвъ, онъ заговорилъ съ сосѣдомъ, также совсѣмъ сѣдымъ, который оказался повстанцемъ 1863 года и для Леона принадлежалъ еще къ дѣйствительности, къ людямъ, о которыхъ онъ мечталъ въ дѣтствѣ, засыпая съ думой, какъ будто самъ онъ дѣлитъ съ ними приключенія партизанской войны.

На эстраду вошли еще нѣсколько стариковъ, которые были похожи на бывшихъ военныхъ. Въ застегнутыхъ черныхъ сюртукахъ они держались прямо, даже нѣсколько натянуто. Въ серединѣ между ними занялъ мѣсто предсѣдатель, высокій человѣкъ съ совсѣмъ бѣлыми волосами. Леонъ услышалъ отъ Вимпфена имя одного изъ бывшихъ вождей возстанія—Богдановичъ. Въ это время Орлицкій примѣтилъ подходившаго прямо къ нему и взглянувшаго на него молодого человѣка въ черномъ, нѣсколько помятомъ костюмѣ, а вокругъ послышался шопотъ: —

— Грегоржевскій!—Гдѣ?—Вотъ, близко!

— И у насъ появились „развиватели",—сказалъ Вимпфенъ, а это—ихъ глава.—Одинъ изъ сосѣдей замѣтилъ, что не слѣдуетъ вызывать возраженій:—Какое намъ дѣло до ихъ развивательства? пусть себѣ бредятъ!—Орлицкій взглянулъ на говорившаго, и только теперь замѣтилъ, что какъ тотъ, такъ и всѣ сидѣвшіе вблизи молодые люди были одѣты изящно, волосы ихъ были коротко острижены, а бородки стояли клиномъ, очевидно подровненныя парикмахеромъ. Своимъ видомъ группа выдѣлялась среди иныхъ присутствовавшихъ, менѣе похожихъ на парижанъ. И тѣхъ, „иныхъ", волосы и бороды росли на свободѣ, какъ знали. Орлицкій догадался, что Вимпфенъ какъ бы предводительствовалъ въ этой группѣ, которую онъ назвалъ: „наши". И такъ какъ Вимпфенъ былъ художникъ, то и эти польскіе парижане, вѣроятно, были художниками, посреди которыхъ онъ случайно помѣстился.

Но вотъ на комитетскомъ столѣ прозвенѣлъ колокольчикъ, и тотчасъ началъ говорить первый ораторъ. Говорилъ онъ долго, складно и довольно интересно—для Леона Орлицкаго, не привыкшаго къ полной свободѣ слова. И однако, не сказалъ въ

сущности ничего, кромѣ отшлифованныхъ общихъ мѣстъ. Рѣчь его оказалась тепловатой водой умѣренности и произносилась, очевидно, по обязанности. Говорившій служилъ въ одномъ изъ парижскихъ страховыхъ обществъ, положеніе и бытъ его давно уже были урегулированы. Онъ прожилъ во Франціи лѣтъ тридцать, и родной край отошелъ для него въ область сновидѣній. Съ краемъ его связывало только сознаніе, что показывать привязанность къ родинѣ, не устраняться отъ заявленія этого чувства, требуетъ порядочность. Назывался онъ Медвѣйскій. Это былъ человѣкъ, уважаемый своимъ начальствомъ за исправное исполненіе должности, а умѣренной, хорошо устроившейся въ Парижѣ частью польской эмиграціи — за патріотизмъ, который выражался въ произнесеніи гладкихъ, дышавшихъ любовью къ краю рѣчей при всѣхъ особенныхъ случаяхъ, по рѣчей свободныхъ отъ всякаго бунтовщическаго духа. Болѣе или менѣе были похожи на него и другіе ораторы, выступавшіе отъ польскихъ умѣренныхъ союзовъ въ залѣ географическаго общества. Все это были люди солидные, давно жившіе въ Парижѣ, пристроившіеся къ торговлѣ или администраціи, почти всѣ—сѣдые.

— А изъ молодыхъ будетъ кто-нибудь говорить? — тихо спросилъ Орлицкій Вимпфена.

— Нѣтъ, это непринято.

— Слово — за полковникомъ Монталамберомъ! — произнесъ предсѣдатель.

Всталъ высокій, гибкій, даже не лишенный „граціи“ въ движеніяхъ старикъ, во фракѣ, бѣломъ галстукѣ, съ зачесаннымъ на лобъ сѣдымъ чубомъ à la Rochefort, эспаньолкой и ленточкой почетнаго легіона въ петлицѣ. Старинный театральный типъ французскаго штабъ-офицера.

— Mesdames, messieurs!—началъ полковникъ свою патетическую рѣчь. Онъ благодарилъ за честь, ему оказанную допущеніемъ въ это собраніе, разсыпался въ похвалахъ патріотизму поляковъ, который можетъ служить образцомъ для нѣкоторыхъ иныхъ народовъ. Онъ сообщилъ, что въ молодости своей, увлеченный святостью дѣла Польши, онъ самъ вступилъ въ 1863 году въ ряды инсургентовъ и сражался вмѣстѣ съ ними, хотя и не выдался впередъ изъ тѣхъ рядовъ, въ которыхъ каждый былъ героемъ. — Да, вы всегда были, господа, племенемъ героевъ. Каждый изъ васъ уже родится предназначеннымъ на мученичество и своимъ мужествомъ, своей любовью къ отечеству смѣняетъ впослѣдствіи этотъ терновый вѣнецъ на лавры, вѣнчающіе героевъ... Франція заслужила себѣ славу предводительницы въ

распространеніи идеи свободы. Но вы, господа, вѣками предупредили насъ въ этомъ дѣлѣ, дѣлѣ завоеванія человѣческой свободы...

— Дворянской свободы!—поправилъ оратора громкій голосъ изъ публики.

Вимпфенъ повернулся къ Леону и сказалъ весело:

— Это бомба Грегоржевскаго начинаетъ свое представленіе. Будетъ потѣха!

Но Орлицкій замѣтилъ, что это прервалъ оратора самъ Грегоржевскій. Какъ могъ, однако, Вимпфенъ называть „потѣхой“ рознь въ патріотическомъ собраніи?

Между тѣмъ, комитетскіе господа просили полковника не обращать вниманія на выходку клики скандалистовъ и продолжать свою рѣчь. Онъ перешелъ теперь къ Франціи, напоминая о той дружбѣ, которая нѣкогда соединяла оба народа, дружбѣ, запечатлѣнной кровью, пролитою поляками заграницей. Теперь времена перемѣнились, и онъ, полковникъ Монталамберъ, стыдится союза республиканской Франціи съ деспотической имперіею... Онъ заключилъ словами, произнесенными со свойственными французамъ увлеченіемъ и яркостью: — Къ счастью, много есть французовъ, которые чувствуютъ такъ же, какъ я, и отъ всего сердца готовы были бы воскликнуть со мной: долой деспотизмъ и да здравствуетъ польская свобода!

Раздался громъ апплодисментовъ, а Монталамберъ все еще стоялъ, раскланиваясь на всѣ стороны, улыбаясь дамамъ и вмѣстѣ утирая платкомъ глаза.

Полковника благодарилъ слѣдующій ораторъ, членъ комитета Шимборскій. Это былъ также одинъ изъ солидныхъ людей, давно устроившихся во Франціи, и началъ онъ совсѣмъ въ тонъ рѣчи Медвѣйскаго, стараясь сохранить спокойствіе и умѣренность. Но онъ не могъ удержаться отъ взглядовъ въ сторону Грегоржевскаго и, наконецъ, далъ волю своему чувству.

— И мы вѣримъ въ свою будущность,—сказалъ онъ,—вѣримъ, что край нашъ возстанетъ съ мученическаго ложа, оправится и процвѣтетъ. Но сбыться это можетъ въ такомъ лишь случаѣ, если онъ сохранитъ тѣ преданія, какія ему остались въ наслѣдство отъ нашихъ рыцарскихъ предковъ. А, къ сожалѣнію, и у насъ нынѣ появились, немногіе еще по счастью, индивидуумы, заразившіеся современной маніею презрѣнія ко всему, что было славнаго въ прошломъ... Люди эти плюютъ на гербы, добытые съ оружіемъ въ рукахъ, на поляхъ битвы. Но это еще — куда ни шло! А всего вреднѣе они тѣмъ, что подъ личиной

новыхъ, гуманитарныхъ идей, они отравляютъ общество рознью, фальсификуютъ національное движеніе, сводятъ все на нищету будто бы угнетаемаго дворянствомъ крестьянскаго населенія. Это—ложные пророки, лишенные любви къ отечеству...

Здѣсь отозвался Грегоржевскій:—Прошу слова!

Въ залѣ произошло смятеніе. Многіе поднялись съ мѣста, иные вскочили на скамейки. Раздались крики: „Не мѣшать... Молчать!.. Вонъ его!“ Всѣ почти, казалось, враждебно относились къ Грегоржевскому, который также всталъ и съ ироничеcкой усмѣшкой смотрѣлъ на бушевавшую толпу.

Но Вимпфенъ и его товарищи хотѣли „потѣхи“. Ихъ дружные, молодые голоса перекричали противниковъ: „Дать слово! Пусть говоритъ!“ Орлицкій кричалъ вмѣстѣ съ ними, находя несправедливымъ отказъ выслушать Грегоржевскаго. А тотъ стоялъ и смотрѣлъ вокругъ, слегка прижмуриваясь. За нимъ виднѣлась панна Мизя, схватившая за руку красивую, высокую, тонкую блондинку, еще нѣсколько женщинъ и молодыхъ людей съ лицами нѣсколько старообразными. Они-то вотъ и составляли всю „банду“ Грегоржевскаго.

Звонокъ предсѣдателя.—Слово за г. Грегоржевскимъ!

— Предшествующимъ ораторомъ брошено тяжкое обвиненіе,—началъ онъ.—Хотя въ обвиненіи этомъ не названъ никто, но всѣ поняли, что обличаемой имъ гангреной въ народномъ организмѣ, ракомъ на груди матери-отчизны являемся мы и наши единомышленники въ краѣ. И въ самомъ дѣлѣ, вина наша велика: мы не идемъ за благополучнымъ большинствомъ и въ работѣ для родины не видимъ простой формальности, исполняемой вдобавокъ къ обезпеченію за самимъ собой буржуазнаго благосостоянія. Нѣтъ, для насъ эта работа представляется цѣлью жизни, въ ней—вся жизнь наша!—По мѣрѣ того, какъ Грегоржевскій говорилъ, замѣчательно правильныя черты лица его озарялись какой-то идеальной красотой, а въ черныхъ глазахъ засверкалъ огонь души его.

— Польша можетъ возродиться, но уже не силой традицій о золотыхъ поясахъ, дамаскированныхъ сабляхъ и малиновыхъ сапогахъ, а только силой любви къ страждущей и эксплуатируемой народной массѣ. Для того, чтобы отечество наше могло возродиться, недостаточно патріотическихъ фразъ, а нужно внушить народу надежду, что въ этомъ отечествѣ онъ не будетъ недоѣдать и не досыпать, что трудъ дастъ ему довольство и свободу, и надежду эту необходимо оправдать на дѣлѣ. Мало твердить работнику: „люби родную землю“,—необходимо устроить

общественный бытъ такимъ образомъ, чтобы земля эта могла досыта кормить рабочаго и чтобы его дѣти не были принуждены вступать на путь кражи или разврата! Вотъ тогда станетъ легко, господа, осуществить и вашу миссію отчизнолюбія. Любовь къ родинѣ сама упрочится тогда въ сердцѣ каждаго поляка, потому что родина станетъ для него не мачихой, но родной матерью... А мать-кормилицу всякій будетъ любить и защищать отъ хищниковъ.

— Нечего вамъ махать передъ нашими глазами богатырскими дѣлами предковъ, закованныхъ въ стальные доспѣхи и скакавшихъ спасать Вѣну на коняхъ, также покрытыхъ кольчугой. И въ наше время совершаются подвиги не меньшіе, но болѣе достойные удивленія. Мы боремся не оружіемъ, которое было бы безсильно въ нашихъ рукахъ, но наша борьба нерѣдко бываетъ и болѣе упорной, и болѣе самоотверженной. Предки шли въ бой сомкнутой лавой, выступали тысячами противъ тысячъ. А наши современные рыцари идутъ въ одиночку или горстью, а ждутъ ихъ не раны или почетный плѣнъ, или хотя бы случайная смерть въ бою, но варшавская цитадель и висѣлица! Вы называете насъ выродками и безумцами, но подумали ли вы, усѣвшіеся на выгодныхъ мѣстахъ въ чужомъ краю, какое сердце должно биться въ такомъ выродкѣ или безумцѣ, который тамъ, на родинѣ, пробирается среди жандармовъ и шпіоновъ, чтобы будить въ народѣ сознаніе, разъяснять ему правду, ободрять падающихъ духомъ, раздувать гаснущія искры... И чѣмъ бьется это сердце, какой оно ждетъ награды? Ужъ, конечно, не дворянскаго герба, дававшагося за боевое отличіе... Сердце это бьется одной любовью къ народу, и только въ этой любви будетъ его награда, хотя бы въ тюрьмѣ или въ Сибири!

Вдругъ въ первомъ ряду нѣсколько хорошо одѣтыхъ, сѣдыхъ и сѣдоватыхъ слушателей поднялись и, пожавъ плечами или махнувъ рукой, вышли изъ залы. Нѣкоторые изъ членовъ комитета наклонились къ предсѣдателю, совѣтуя ему лишить Грегоржевскаго слова. Но тотъ самъ прервалъ свою рѣчь.

— А... впрочемъ... что тутъ говорить!.. Край расцвѣтетъ и безъ васъ, когда солнце равенства засіяетъ надъ всей Европой...

Онъ направился къ двери, сопровождаемый своимъ кружкомъ. Зала волновалась. Слышались шиканье, даже крики: „Вонъ! вонъ!“

Грегоржевскій въ дверяхъ обернулся къ собранію.—Да, да,—сказалъ онъ:—вонъ отсюда, на просторъ, на свѣжій воздухъ! Здѣсь слишкомъ пахнетъ и спѣсью, и могилой.

III.

Орлицкаго, который еще не выработалъ себѣ опредѣленныхъ убѣжденій, а руководился только патріотизмомъ и любовью къ народу, рѣчь Грегоржевскаго увлекла безповоротно. Она, конечно, не подѣйствовала бы такъ, еслибы ораторъ исходилъ изъ точки зрѣнія соціалистически-интернаціональной и обращался только къ уму. Но вѣдь Грегоржевскій говорилъ во имя національной идеи, отъ соціальной реформы онъ ожидалъ возрожденія Польши; слова его были проникнуты не сухимъ доктринерствомъ, но любовью къ народу. И слова его должны были найти въ душѣ Леона благодарную почву.

Изъ залы онъ вышелъ какъ въ чаду. Между тѣмъ, на бульварѣ Сенъ-Мишель кипѣло жизнью и весельемъ. На тротуарѣ студенты-французы сидѣли у столиковъ, попивая пиво и абсентъ, шутя со своими подругами и перекидываясь словами съ товарищами. Изъ кофейной лились потоки электрическаго свѣта. Мимо угловъ улицы проходили вагоны трамвая, издали слышался охрипшій баритонъ прохожаго: — Bonjour, Ninon, c'est moi qui passe!

Орлицкій бѣжалъ отъ этого шума и веселости и спѣшилъ укрыться въ нанятомъ имъ нумерѣ въ меблированныхъ комнатахъ на улицѣ Викторъ Массе.

На слѣдующее утро онъ провѣрилъ свою кассу, и оказалось, что дорога стоила ему немало. Слѣдовало скорѣе искать заработка. Янъ досталъ ему рекомендательныя письма къ Вимпфену и къ извѣстному польскому писателю П., разбогатѣвшему въ Парижѣ. У Вимпфена Леонъ былъ въ самый день пріѣзда, а теперь направился къ П., но только съ трудомъ добился аудіенціи. Не велѣно было принимать просителей, а особенно польскихъ эмигрантовъ, возвращающихся изъ Бразиліи. Леонъ шелъ къ этому знаменитому соотечественнику какъ на исповѣдь, думалъ разсказать ему свою судьбу, выложить передъ нимъ всю душу и просить совѣта, за что ему приняться во Франціи. Но П. принялъ его холодно, удивлялся, что „ихъ" такъ влечетъ къ этой странѣ. Впрочемъ, тронутый наивнымъ удивленіемъ, съ какимъ относился къ нему Орлицкій, далъ ему свою книгу „Рыцари", надписавъ на заглавной страницѣ: „Молодому человѣку на жизненный путь отъ автора". Книгу эту Леонъ оставилъ у консьержа подъ клѣткой попугая, который нѣсколько разъ спросилъ: „qui est là?" и смотрѣлъ на него очень серьёзно.

По дорогѣ домой онъ зашелъ въ чешскій ресторанъ и тамъ познакомился съ человѣкомъ, который читалъ газету „Kuryer Warszawski“. Человѣкъ это былъ еще молодой, но старообразный по морщинамъ на лицѣ. Замѣтивъ, что Орлицкій пристально смотрѣлъ на газету, онъ спросилъ по-польски: —Хотите просмотрѣть?

Изъ завязавшагося разговора оказалось, что оба они жили въ тѣхъ же меблированныхъ комнатахъ, и домой они пошли вмѣстѣ. Новый знакомый былъ малый веселый и добродушный. Онъ служилъ въ коммиссіонерствѣ Квятковскаго и К^0, на улицѣ Бюффо̀, и назывался Юльянъ Кренцкій. Леонъ сказалъ свою фамилію.

— Connais pas! Не слышалъ о васъ въ нашей колоніи.

— Да я вчера въ первый разъ ее и видѣлъ, въ собраніи. Но васъ тамъ не замѣтилъ.

— Ага, должно быть въ географической залѣ... Я, батенька, давно уже тамъ не бываю.

— А что?

— Да знаю всѣхъ ихъ на память. Вотъ я не былъ, а сейчасъ вамъ разскажу, что̀ тамъ происходило. На эстрадѣ—коллекція солидныхъ людей... и мой патронъ былъ, я видѣлъ, какъ онъ надѣвалъ черный сюртукъ... Пошли рѣчи, рѣчи и еще рѣчи; вдругъ банда Грегоржевскаго забушевала, выступила съ протестомъ, старики разсердились, Грегоржевскій отрѣзалъ имъ правду, и—разошлись.

— Да, было именно такъ.

— Вотъ видите.. Я самъ ходилъ на эти собранія въ первое время, но теперь нѐкогда. Носишься по Парижу съ коммиссіями, съ вещами, къ экспедиторамъ, торговцамъ, и все больше пѣшкомъ, такъ какъ мой патронъ кривится даже за издержку на трамвай. Къ вечеру едва ногами двигаешь, такъ гдѣ тутъ ходить и глядѣть, какъ они забавляются!

— Вѣдь они же не забавляются, а работаютъ.

— По-моему, это—забава. Грегоржевскій—студентъ медицины, но вѣдь на лекціи онъ не ходитъ. Да и всѣ они сидятъ здѣсь годами, будто что-то дѣлая, а дѣлаютъ они собственно одну только политику.

— Не всѣмъ же заниматься коммиссіонерствомъ... А впрочемъ, можно соединить одно съ другимъ.

— Не вѣрьте этому, почтеннѣйшій. Вотъ еслибы Грегоржевскому, какъ мнѣ, пришлось помогать старику-отцу, да двумъ сестрамъ, то и онъ не могъ бы все время посвящать своему

издательству и ходить по собраніямъ для проповѣдыванія своихъ идей.

— А... Итакъ, Грегоржевскій пишетъ, издаетъ?

— Да, да, онъ пишетъ, но какимъ образомъ издаетъ, этого я не понимаю, такъ какъ вся ихъ партія не имѣетъ ни гроша... А васъ они такъ интересуютъ? Меня, признаюсь,—нѣтъ. Быть можетъ, именно потому, что я происхожу изъ той трудовой среды, о которой они столько говорятъ. Люди, какъ извѣстно, неблагодарны. Мой отецъ былъ у помѣщика экономомъ, я бѣгалъ по полямъ босикомъ и загонялъ гусей... И вотъ, мнѣ кажется, Грегоржевскій хочетъ быть къ намъ близкимъ, но онъ очень далекъ отъ насъ.

Когда они пришли въ квартиру, Кренцкій пригласилъ Леона въ свой нумеръ.

— А Вильгельминку вы видѣли въ собраніи?

— Кто эта Вильгельминка?

— Какъ, не видали? Навѣрное сидѣла тамъ въ дверяхъ и продавала оттиски рѣчей. Тоже трудится, душечка. Вильгельминку я вамъ совѣтую посмотрѣть, шикъ-барышня, numéro un! Потомъ есть еще панна Мизя, круглое яблочко, хорошенькая, но это все-таки уже не Вильгельминка. А, въ общемъ, не совѣтую вамъ бывать тамъ. У меня, знаете, есть крестьянскій инстинктъ. Я сейчасъ узналъ, что вы—полякъ и провинціалъ. А теперь скажу вамъ, что вы, навѣрное, идеалистъ, увлекаетесь политикой; Грегоржевскій уже ослѣпилъ васъ, и если вы къ нимъ втянетесь, то бѣда. Капутъ вамъ! Они васъ заѣдятъ, при вашей нервной натурѣ.

Кренцкій скоро ушелъ въ контору и возвратился только къ вечеру. За чаемъ онъ разсказалъ Орлицкому свою жизнь. Отецъ его уѣхалъ въ Россію искать заработка, и молодому Кренцкому пришлось, еще будучи гимназистомъ, кормить не только себя, но и двухъ сестеръ. Фотографіи ихъ висѣли у него на стѣнѣ, а рядомъ съ ними—портреты двухъ бывшихъ его учеництъ, въ которыхъ онъ поочередно былъ влюбленъ. Онъ также побывалъ въ цитадели, но не за сочиненіе, а за раздачу книжекъ.

Орлицкій отвѣчалъ описаніемъ своей жизни, вплоть до посѣщенія П., знаменитаго соотечественника.

— А не далъ ли онъ вамъ своихъ „Рыцарей"?—спросилъ Кренцкій, снимая съ полки двѣ зеленыя книги.

— Далъ. Но я ихъ оставилъ у консьержа.

— Зачѣмъ же? А на моей есть даже собственноручная его надпись: „Молодому человѣку"...

— „На жизненный путь“, — докончилъ Леонъ. Молодые люди разсмѣялись.

— Знаете что—вѣдь вамъ надо искать работы. Такъ поступите въ нашу контору, моимъ помощникомъ. Жалованья вамъ сразу дадимъ тридцать франковъ въ мѣсяцъ, а потомъ повысимъ. Квятковскій будетъ ворчать, но онъ самъ не работаетъ и постепенно сдѣлаетъ все, что я захочу.

На другой день Леонъ явился въ контору, былъ принятъ на службу хозяиномъ и выслушалъ отъ него разныя служебныя и нравственныя наставленія. А Кренцкій тотчасъ велѣлъ ему затопить печь.

— Какъ, мнѣ—топить?

— Да, такъ. До сихъ поръ топилъ я, а теперь будете вы и еще мести будете въ конторѣ.

— Не знаю, привыкну ли я къ такой работѣ.—Кренцкій разсмѣялся.

— Ахъ, эти поляки!.. Конечно, легче водить перомъ по бумагѣ, но когда-то еще перо начнетъ кормить.

И началась для Леона жизнь монотонная и утомительная. Онъ долженъ былъ, стоя на дворѣ, запаковывать разныя вещи въ ящики и сдавать ихъ на почту. Потомъ онъ бѣгалъ по городу, исполняя разныя порученія и принося въ контору пачки разныхъ предметовъ для отправки. Если ему случалось что-нибудь отложить до завтра, то Кренцкій упрекалъ его: — Здѣсь не то, что у насъ; здѣсь торговцы строго соблюдаютъ пунктуальность; ею пріобрѣтается довѣріе.—Вдобавокъ, Кренцкій купилъ ему цилиндръ и настаивалъ, чтобы Леонъ ходилъ постоянно въ этомъ головномъ уборѣ по своимъ порученіямъ и со своими ношами.—Иначе, здѣшніе торговцы не захотятъ имѣть съ вами дѣла, не сочтутъ васъ серьезнымъ.

Случалось, что при спѣшной отправкѣ молодой человѣкъ и на дворѣ запаковывалъ вещи въ цилиндрѣ на головѣ.

Леонъ чувствовалъ себя униженнымъ и ненавидѣлъ свою работу.

— Контора убьетъ меня,—сказалъ онъ Кренцкому послѣ нѣкотораго времени.

— Не бойтесь, вѣдь меня же не убила.

— То—вы, а то—я.

Тогда Кренцкій подошелъ къ нему ближе, и въ первый разъ въ голубыхъ глазахъ товарища проглянула скорбная тѣнь.

— Послушайте,—сказалъ онъ:—вѣдь вы... не знаете и не узнаете никогда, что у меня въ душѣ. И я когда-то стремился

въ высь, но жизнь многому меня научила и заставила прижать крылья.

Какъ-то, когда хозяинъ Квятковскій и оба его подчиненные были вмѣстѣ, въ контору вошла высокая, красивая и элегантно одѣтая дѣвушка.

— Панна Вильгельминка!—воскликнулъ Кренцкій. Всѣ они встали, и Квятковскій придвинулъ ей кресло. — Чѣмъ могу служить?

— Во-первыхъ, я давно собиралась посѣтить васъ,—сказала она, обращаясь къ Квятковскому и Кренцкому.

— Не вѣрю!—возразилъ этотъ послѣдній.—У васъ навѣрное уже есть тамъ, въ карманѣ, какіе-нибудь билетики.

Дѣвушка разсмѣялась—очаровательно, а потому и нѣсколько дольше, чѣмъ стòило. Она бросила взглядъ кругомъ и замѣтила тономъ царевны, вошедшей въ избу:—Итакъ, вотъ это—контора.

— Вѣдь курите? — И Кренцкій поставилъ передъ ней коробку папиросъ.

— Я? Почему? Вы думаете, что каждая изъ насъ непремѣнно куритъ? Это ужъ такой допотопный взглядъ, что я удивляюсь... Лучше я васъ поподчую. — Она вынула изъ муфты изящную бонбоньерку съ позолоченными цѣпочками.—Это фіалки, вываренныя въ сахарѣ,—пожалуйста...

Кренцкій подскочилъ съ видомъ клоуна.

— Лапы у меня грязныя... Я упаковывалъ. Но пусть панна Вильгельминка сама положитъ мнѣ конфетку въ ротъ!—Леонъ удивился такому нахальству, а еще болѣе тому, что дѣвушка, снявъ бѣлую перчатку, длинными, розовыми на концахъ пальцами вложила конфетку Кренцкому въ ротъ.

— Цаца-барышня! — сказалъ онъ и чмокнулъ ее въ руку. Взглянувъ на Леона, она спрятала бонбоньерку.—Шикъ панненечка!—продолжалъ Кренцкій въ дѣтскомъ тонѣ, погладивъ вѐрхомъ руки ея муфту. — Блузочка плюшевая, платьице и шляпочка—Old England... ботиночки какія миленькія... чудо барышня!

Она это слушала милостиво,—очевидно, привыкла къ лестнымъ взглядамъ и словамъ мужчинъ. Квятковскій представилъ ей Леона, затѣмъ Кренцкій сталъ ей задавать банальные вопросы: что подѣлываетъ теперь тотъ или та изъ принадлежавшихъ къ польской колоніи.

Но Вильгельмина на всѣ вопросы отвѣчала: — Не знаю, не знаю, не скажу ничего. Отчего вы сами не придете къ намъ? Тогда и узнаете.

— Охъ, на вашу Гласьеру... Вѣдь это для меня за океа-

номъ. Времени нѣтъ.—Онъ взялъ и понюхалъ ея муфту.—Чудный запахъ... какими это фіалками... San Remo, Véra или Pinaud?—Она отняла у него муфту и вынула оттуда щепотку увядшихъ фіалокъ.

— Совсѣмъ обыкновенныя... бульварныя.—Потомъ вынимала фіалки изъ каршановъ блузки и бросала ими на Кренцкаго.—Вотъ и тутъ, и тутъ еще... А знаете,—обратилась она къ Квятковскому,—я бы и не нашла вашей конторы, еслибы не встрѣтилась съ полковникомъ Монталамберомъ.

— Да, онъ только-что былъ у меня.

— Въ самомъ дѣлѣ! Какой это милый человѣкъ и какъ онъ расположенъ къ полякамъ! Вы и не угадаете, что онъ мнѣ предлагалъ...

— Свою руку!—воскликнулъ Кренцкій.

— А вотъ и нѣтъ. Ему не пришла эта счастливая мысль. Онъ готовъ... Впрочемъ, безъ его позволенія не слѣдуетъ разсказывать.

Тутъ вмѣшался Кренцкій:—Ну, хорошо. А какіе же у васъ билетики въ сумочкѣ? На благотворительный балъ или концертъ? На лотерею или могилу Словацкаго?.. А можетъ быть, на таинственныя цѣли Грегоржевскаго?

Она сдѣлала нетерпѣливое движеніе.—Да, я въ самомъ дѣлѣ хотѣла предложить участіе въ небольшой подпискѣ. Но прежде всего попрошу, чтобы имя Грегоржевскаго никогда не произносилось при мнѣ въ шутливомъ тонѣ.

— Та-та-та!—произнесъ Кренцкій.—Конечно, такіе буржуи, какъ мы, не имѣемъ права произносить это имя даже въ какомъ бы то ни было тонѣ.

Леонъ взглянулъ на нее съ благодарностью и удивленіемъ. Но Квятковскій, который не любилъ никакихъ подписокъ, вдругъ принялъ серьезный видъ и началъ просматривать бумаги. Никакихъ благотворительныхъ цѣлей онъ не признавалъ. Недаромъ онъ былъ женатъ на француженкѣ, которая дѣтямъ дарила на новый годъ книжечки сберегательной кассы.

Но такъ какъ барышня ждала, онъ спросилъ:—А на какую цѣль?—На это она отвѣчала съ оттѣнкомъ просьбы.—Ужъ вы мнѣ позвольте не выдавать чужой тайны.—Тогда Квятковскій поклонился ей и вынулъ изъ ящика пять франковъ.—Пожалуйста, извините меня, что такъ мало, но...

Вильгельмина встала.—Вы напрасно извиняетесь... Самъ П. далъ столько же, а вѣдь онъ—милліонеръ. Вотъ, полковникъ Монталамберъ, тотъ у меня взялъ тридцать билетовъ... А вы?...—она обращалась къ Кренцкому.

— Я?—Онъ засмѣялся.—Что же я могу, если этакой П., нажившій на биржѣ сотни тысячъ, далъ вамъ всего сто су? А впрочемъ, такъ и быть, позвольте два билета, вотъ вамъ франкъ.

Къ Орлицкому она не обратилась, опустила бѣлую тюлевую вышитую вуальку и стала прощаться, еще разъ благодаря ихъ.

— Прибавьте: „спаси васъ Богъ“!

— На васъ не стоитъ и сердиться,—сказала она, улыбаясь и зашелестила шолковыми юбками, направляясь къ двери.—Квятковскій бросился провожать ее до омнибуса. А Кренцкій, возвратясь съ площадки лѣстницы, втянулъ въ себя воздухъ.

— Эта дѣвица всегда оставляетъ за собой запахъ свѣжихъ фіалокъ.

— А кто она?—спросилъ Леонъ.

— Студентка медицины... Совсѣмъ не подходитъ къ ней,—правда?

IV.

Не отдавая себѣ отчета, почему онъ это дѣлаетъ, Орлицкій, когда никого въ конторѣ не осталось, собралъ разбросанные Вильгельминой лепестки фіалокъ и вложилъ ихъ въ конвертъ съ бланкомъ конторы. Но потомъ онъ купилъ другой конвертъ и переложилъ въ него лепестки, такъ какъ ему непріятно было, что они находились въ конторской неволѣ, какъ и онъ самъ. Черезъ три недѣли по вступленіи въ контору, Квятковскій торжественно объявилъ, что прибавляетъ ему по двадцати франковъ въ мѣсяцъ, но не потому, чтобы былъ имъ доволенъ, а только чтобы подбодрить его, придать ему больше энергіи.

А Леонъ все-таки продолжалъ ненавидѣть свои занятія и исполнялъ ихъ совершенно машинально, думая объ иномъ. Наконецъ, несмотря на предостереженія Кренцкаго, онъ рѣшилъ воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы побывать на Гласьерѣ и познакомиться съ тѣми людьми, которые жили идеею.

Вильгельминка произвела на него впечатлѣніе, что замѣтилъ и Кренцкій, такъ что попытался выбить ему это изъ головы. По словамъ Кренцкаго, дѣйствительной цѣлью изящной барышни было во что бы то ни стало выйти замужъ, что ей въ Польшѣ почему-то не удалось. Медициной же она занималась только для вида. Многіе за ней ухаживали и съ нѣкоторыми она была особенно любезна, очевидно, намѣтивъ ихъ въ женихи. Теперь же она считалась невѣстой Грегоржевскаго, и потому дѣйствовала въ его кружкѣ или, какъ говорилось, его „партіи“.—Впрочемъ,

не только она, но и панна Мизя, и всѣ онѣ тамъ влюблены въ Грегоржевскаго,—такъ закончилъ свою аттестацію Кренцкій.

Но Орлицкій и хотѣлъ сблизиться не съ Вильгельминой, а съ самимъ Грегоржевскимъ, въ которомъ видѣлъ идеалъ не столько революціонера, сколько мученика и пророка народной будущности.

Грегоржевскій занималъ двѣ комнаты, которыхъ окна выходили на крышу. Одна была его рабочимъ кабинетомъ, и въ ней на столѣ, на полкахъ, стульяхъ и комодѣ лежали кучи книгъ, газетъ, бумаги и корректурныхъ листовъ. Другая же служила ему и кухней, и спальней—съ убогой желѣзной кроватью и потертымъ одѣяломъ. На стѣнѣ въ кабинетѣ примѣчателенъ былъ терновый вѣнокъ, перевязанный красной лентой. На печи, въ кухнѣ, бывшей спальнею, стоялъ приборъ для кипяченія на спиртѣ и навалено было нѣсколько разнородныхъ предметовъ, какъ чайникъ и сахарница, а рядомъ—щетки, куча брошюръ, груда писемъ и жестянка съ ваксой. Видно было, что въ кухонной печи топилось не часто.

Грегоржевскій сидѣлъ передъ письменнымъ столомъ и писалъ. Онъ проработалъ всю ночь надъ чѣмъ-то спѣшнымъ. Теперь онъ казался гораздо болѣе худощавымъ, чѣмъ въ залѣ. Лицо его даже какъ бы почернѣло, а ротъ былъ слегка раскрытъ, какъ то бываетъ при жаждѣ. Когда онъ всталъ, чтобы найти нужную книгу, то уже въ сдѣланныхъ имъ нѣсколькихъ шагахъ и во всей фигурѣ примѣтно было истощеніе силъ. Но неожиданной для него самого была на этотъ разъ дрожь въ ногахъ и какъ будто застылость рукъ, протянутыхъ имъ вверхъ, къ полкѣ. „Это такъ, случайно,—подумалъ онъ:—здѣсь ли только книги...“

Онъ продолжалъ искать, машинально отвѣтивъ: „войдите“ на услышанный легкій стукъ въ дверь.

Вошелъ Леонъ, блѣдный отъ волненія, и остановился подъ проницательнымъ взглядомъ Грегоржевскаго, который не задалъ ему никакого вопроса, а только пристально смотрѣлъ, отвернувшись отъ полки.

— Мнѣ нужно съ вами поговорить,—робко произнесъ Орлицкій. Тогда Грегоржевскій подошелъ къ столу, указалъ гостю на стулъ и, развернувъ газету, накрылъ ею все лежавшее на столѣ.

Эта обидная предосторожность кольнула Леона, но въ то же время она придала ему энергіи.—Не бойтесь меня, я не шпіонъ, —сказалъ онъ. Но Грегоржевскій только пожалъ плечами.

— И я, хотя сдѣлалъ еще очень мало, — пытался работать для края,—продолжалъ Орлицкій.—Дѣлалъ что могъ... какъ умѣлъ. Меня исключили изъ школы, я сталъ писать корреспонденціи; но когда напали на слѣдъ, я ушелъ за-границу и явился сюда, въ надеждѣ на работу болѣе полезную.... Я видѣлъ васъ въ географической залѣ, и съ того дня меня неудержимо тянуло къ вамъ; не могъ не придти сюда. Я вамъ принесъ свои напечатанныя работы... Если пожелаете просмотрѣть ихъ, то узнаете меня лучше, чѣмъ изъ моихъ словъ.—Вынувъ изъ кармана сюртука двѣ свои повѣсти и пачку корреспонденцій, Леонъ положилъ ихъ на ту газету, которою были прикрыты таинственные документы, а можетъ быть, и работа самого Грегоржевскаго.

Тотъ сталъ перелистывать повѣсти и, сѣвъ, нѣсколько минутъ читалъ одну изъ нихъ.—Вы сами пережили въ школѣ то, что здѣсь описываете?

— Да.

Грегоржевскій положилъ оттиски и сталъ ходить по комнатѣ, точно забывъ о посѣтителѣ. Но Леонъ этимъ не обижался; онъ предвидѣлъ, что здѣсь познакомиться будетъ не такъ легко, какъ съ Кренцкимъ. А Грегоржевскій продолжалъ ходить, о чемъ-то задумавшись... Вѣроятно, все о томъ же „Привислинскомъ краѣ“ и условіяхъ его жизни.

Наконецъ, остановившись посреди комнаты, онъ спросилъ:

— И такъ, васъ выгнали?

— И арестовали. Потомъ перевели въ цитадель.

— За что?

— За пропаганду въ народѣ.

— За пропаганду? — повторилъ Грегоржевскій, и, сдѣлавъ шагъ къ Орлицкому, устремилъ на него пристальный взглядъ, нервно подергивая рукой свою растрепанную бороду;—но какого рода пропаганду?—спросилъ онъ далѣе.

— Разумѣется, патріотическую, народную! Какую же иную? —удивленно возразилъ Леонъ.

— Да, да. Однакоже, какъ вы...

Послышался слабый стукъ въ дверь, которая затѣмъ отворилась, и въ комнату вошла та розовая, полненькая дѣвушка, которую въ географической залѣ называли Мизей. Она жила въ этомъ же домѣ и пришла безъ шляпы. Она слегка поклонилась Леону, который успѣлъ замѣтить, что она взглянула на него довѣрчиво. Грегоржевскій жестомъ отослалъ ее въ заднюю комнату:—Тамъ найдете все, что нужно, а скоро я принесу вамъ и вторую часть.—Потомъ онъ обратился къ Орлицкому.

— Дѣло не въ томъ — сказалъ онъ, понизивъ голосъ, — что вы были въ цитадели, но въ томъ, какимъ вы изъ нея вышли. Иной, посидѣвъ въ цитадели, считаетъ, что уже исполнилъ весь свой долгъ передъ народомъ и далѣе въ жизни уже имѣетъ право думать только о себѣ, о личной безопасности и наживѣ.

— Я смотрю иначе, а потому и пришелъ къ вамъ.

Вошла Мизя со стаканомъ чаю и поставила его передъ Грегоржевскимъ.—Пейте скорѣе, согрѣйтесь, у васъ такъ холодно.

— Холодно? А мнѣ, напротивъ, кажется жарко.

Вдругъ въ двери зашелестѣло, и въ эту мизерную комнату вошла элегантная дама, въ красивомъ беретѣ на черныхъ, слегка завитыхъ волосахъ, съ бобровой муфтой, на которой былъ приколотъ букетикъ фіалокъ.

Комната какъ будто повеселѣла, даже потеплѣла. Пахнýло духами.—Ахъ, какія у васъ холодныя руки!—замѣтила Вильгельмина, здороваясь съ Грегоржевскимъ. — Возьмите мою муфту, только не сомните моихъ фіалокъ... Я прямо изъ больницы Сентъ-Амèръ: Баллè на сегодняшней лекціи превзошелъ себя, но зато англичанинъ, которому изъ любезности разрѣшено было прочесть рефератъ, не сообщилъ ничего новаго...

Она подошла ближе къ Грегоржевскому и продолжала, понизивъ голосъ:

— Ну, что̀ Кентъ, прислалъ? Я вчера заходила къ нему и уговаривала, чтобы онъ не дѣлалъ глупостей, что мы ему скоро заплатимъ по послѣднимъ двумъ брошюрамъ. А деньги мы достанемъ устройствомъ лотереи.

— Кентъ прислалъ,—отвѣчалъ Грегоржевскій шопотомъ:— написалъ, что даетъ въ послѣдній разъ... Что̀ будетъ дальше—не знаю.

— Вчера приходилъ въ типографію полковникъ Монталамберъ; онъ предлагаетъ намъ ссуду.

Но Грегоржевскій закашлялся и, держа руку на лѣвомъ боку, лбомъ опираясь на полку, насилу оправился отъ припадка.

— Извините, что̀ вы сказали, я не разслышалъ?

Объ Орлицкомъ они какъ будто забыли. Но онъ не уходилъ. Какъ было уйти отъ Грегоржевскаго безъ позволенія помогать ему въ работѣ или не убѣдивъ его хотя бы въ своей преданности дѣлу?

— Возвращаю вамъ брошюрку, которую вы мнѣ давали, — сказала Вильгельмина, вынувъ изъ муфты нѣсколько сшитыхъ листковъ. — Знаете, это такъ наивно, искренно и мило, что я прямо очарована.

Грегоржевскій взялъ тетрадку.—А, это та брошюрка!—произнесъ онъ совсѣмъ инымъ голосомъ, чѣмъ тотъ, которымъ разспрашивалъ Леона. — Да, эта брошюрка! Мальчики писали ее печатными буквами, не имѣя шрифта... Дорогія дѣти! — прибавилъ онъ растроганнымъ голосомъ, смотря на брошюру.

Орлицкій тотчасъ узналъ ее: это было то его произведеніе, за которое онъ попалъ въ тюрьму и былъ лишенъ возможности продолжать ученье у себя, на родинѣ. И вдругъ теперь, въ критическую для него минуту, она точно провиденціальнымъ путемъ явилась сюда. Онъ воспрянулъ духомъ.

— Я узнаю эту книжку!—робко, но радостно сказалъ онъ.

Всѣ взглянули на него. — Вы ее читали еще въ нашемъ краѣ?—спросила Вильгельминка.

— Я ее написалъ и самъ переписывалъ въ десяти экземплярахъ: остальные были переписаны товарищами. Если это одинъ изъ моихъ экземпляровъ, то на немъ долженъ быть орелъ въ цѣпяхъ, очень плохо нарисованный.

Дѣйствительно, на книжкѣ оказался орелъ, обвитый мелкими кружками. Для бо̀льшаго удостовѣренія Орлицкій началъ даже читать имъ наизустъ первую страницу. Но его прервала Мизя восклицаніемъ:—Да мы вамъ вѣримъ!—Она произнесла это восторженно.

Тогда и Грегоржевскій, взглянувъ на него, сдѣлалъ жестъ обѣими руками, какъ бы раскрывая передъ нимъ все пространство комнаты.—Въ такомъ случаѣ—сказалъ онъ—вы здѣсь дома, вы нашъ... станемъ вмѣстѣ работать... У насъ вы научитесь любить край не безплодно, но съ пользой для него... Любить весь край, понимаете? Не одну только часть его или одну группу, а весь народъ и прежде всего тѣхъ, кто трудится и при этомъ терпитъ нужду.

Онъ протянулъ Леону руки и продолжалъ:—Насъ считаютъ одни—чудовищами, другіе—безумцами, и вамъ придется работать при несочувствіи большинства, въ тѣни и недостаткѣ, придется жертвовать собою. Но совѣсть ваша будетъ чиста, и беззавѣтная борьба за то, что̀ вамъ дороже всего на свѣтѣ, дастъ вамъ и силу, и награду сама въ себѣ.—При этомъ Грегоржевскій снялъ газетный листъ, которымъ прикрылъ было столъ при началѣ этого свиданія.

— Можете и сейчасъ приступить къ работѣ.—Грегоржевскій подалъ Леону коробку съ почтовыми марками и пачку бандеролей. — Панна Мизя покажетъ вамъ, что̀ должно быть отправлено... А вы, панна Вильгельмина, — обратился онъ къ другой

дѣвушкѣ,—сдѣлайте сокращеніе вотъ этой статьи!—Грегоржевскій указалъ на нѣмецкую соціалистическую газету и затѣмъ сталъ читать послѣднія строки своей рукописи, лежавшей на столѣ. Мизя повела Орлицкаго въ другую комнату, а Вильгельмина присѣла къ столу Грегоржевскаго и принялась читать данную ей статью.

Наступила тишина, которая прерывалась только шелестомъ бумаги и фальцовкою на столѣ, въ задней комнатѣ, отпечатанныхъ листовъ. Это „партія" Грегоржевскаго работала.

V.

То было въ воскресенье. Возвратясь домой, Орлицкій отклонилъ предложеніе Кренцкаго пойти съ нимъ вечеромъ въ какой-то café-concert, гдѣ пѣла Иветта, пообѣдалъ, заперся въ своей комнатѣ и принялся читать „Исторію русской революціи", Герцена, данную ему Мизей, которая при этомъ случаѣ сказала:

— Когда прочтете эту книгу, то убѣдитесь, что между русскимъ правительствомъ съ его чиновниками и русскимъ народомъ лежитъ цѣлая пропасть, и что народъ тотъ испыталъ не менѣе безправія и страданій, чѣмъ мы. Надо знать своихъ враговъ и отличать ихъ отъ тѣхъ, кто страдаютъ сами...

Книгу Герцена онъ читалъ весь вечеръ и всю ночь, не могъ оторваться отъ лихорадочнаго созерцанія этой давнишней борьбы смѣнявшейся горсти людей со всемогуществомъ неподвижнаго государства. Въ слѣдующее утро, когда Леонъ сходилъ съ лѣстницы, его задержала хозяйка меблированныхъ комнатъ, m-me Бауэръ.

— А вы уже сдѣлали свое заявленіе полиціи?—спросила она.

— Нѣтъ. А развѣ это непремѣнно нужно?

— А какъ же. Пожалуйста, поторопитесь, а то на меня навлечете непріятности.

— Я полагалъ, что во Франціи каждый свободно проживаетъ, гдѣ хочетъ.

— Каждый французъ — да, но иностранецъ—это совсѣмъ другое дѣло.

Въ конторѣ Квятковскій сдѣлалъ ему выговоръ за то, что онъ опоздалъ на полчаса. А когда вечеромъ Леонъ спросилъ Кренцкаго, какъ дѣлается заявленіе, тотъ отвѣчалъ:—Пойти въ префектуру полиціи и показать свой паспортъ. А въ это время васъ сфотографируютъ, какъ убійцу или вора.

— А если я не захочу?

— Снимутъ такъ, что вы и не замѣтите.

— На что же имъ нужна моя фотографія?

— А это ужъ дѣло здѣшней полиціи и посольства.

— А я считалъ, что мы здѣсь защищены...

— Мы, во Франціи? Да здѣсь за каждымъ изъ насъ полиція слѣдитъ больше, чѣмъ въ Варшавѣ. Здѣсь на каждый десятокъ эмигрантовъ—особый агентъ... Вотъ почему совѣтую вамъ держаться подальше отъ Гласьеры, какъ поступаю я. Тамъ дѣлаютъ глупости, а намъ надо трудиться.

— Не говорите такъ о Гласьерѣ!—прервалъ Леонъ Кренцкаго.—Вы недостойны развязать ремешка на обуви тѣхъ людей.

Кренцкій пристально взглянулъ на него.—Вы уже были тамъ?

— Это мое дѣло.

— Ну, вижу, что съ вами мнѣ будетъ больше хлопотъ, чѣмъ я полагалъ.—И Кренцкій покачалъ головой.

На другой день Орлицкій отправился въ префектуру полиціи и тамъ предъявилъ свое, давно просроченное, пропускное свидѣтельство. Чиновникъ вертѣлъ передъ собой эту бумажку, очевидно удивляясь русскому алфавиту, и потребовалъ, чтобы Леонъ продиктовалъ ему свою фамилію французскимъ шрифтомъ. Прождавъ изрядное время, Орлицкій получилъ extrait du régistre d'immatriculation, согласно закону 1893 года, съ обозначеніемъ: Stéfan Popielawski, né en Russie (Pologne). Слово „Pologne“, въ скобкахъ, было проставлено вслѣдствіе настоянія Леона. Но въ другомъ мѣстѣ вставлена была отмѣтка: nationalité — Russe. За этотъ новый, французскій паспортъ Леонъ уплатилъ 2 фр. 55 сант. Сверхъ того, съ него взыскали еще 4 фр. налога за право проживанія во Франціи. Во время этой операціи гдѣ-то чикнуло, и Леонъ испыталъ нервное впечатлѣніе, что съ него въ этотъ моментъ взятъ былъ снимокъ. Наконецъ, усталый и прозябшій, онъ вышелъ изъ этого зданія съ такимъ впечатлѣніемъ, что съ тротуара еще оглянулся—не идетъ ли кто-нибудь слѣдить за нимъ. Но никто не шелъ, и онъ только примѣтилъ надпись на зданіи: „liberté, egalité, fraternité“.

Но прежде, чѣмъ Орлицкій прошелъ мимо колоннъ префектуры, онъ увидѣлъ выходившаго изъ нея же Монталамбера, который направился прямо къ нему.—Здравствуйте, молодой человѣкъ!—сказалъ онъ, крѣпко пожимая руку Орлицкаго.—А вы что дѣлаете въ этомъ зданіи?—Когда Леонъ показалъ ему свой extrait, полковникъ выразилъ свое негодованіе на такой образъ дѣйствій по отношенію къ эмигрантамъ, и прибавилъ:—Впрочемъ,

почти всѣмъ случается побывать въ этомъ домѣ. Вотъ мнѣ сегодня пришлось подать здѣсь заявленіе о пропажѣ моей собаки... Que voulez-vous, jeune homme?—продолжалъ онъ въ меланхолическомъ тонѣ.—Старому, одинокому человѣку позволительно привязаться и къ собакѣ.

— А вы совсѣмъ одиноки?

— Да, у меня нѣтъ никого близкаго... Поэтому я бы и желалъ создать себѣ семью изъ васъ, изъ поляковъ, которыхъ люблю какъ родныхъ.—Вслѣдъ затѣмъ полковникъ предложилъ Леону заѣхать съ нимъ къ m-lle Борманъ. На возраженіе Орлицкаго, что онъ съ этой дамой незнакомъ, Монталамберъ спросилъ еще:— Какъ, вы не знаете очаровательной m-lle Вильгельмины?

— Ее я знаю.

— Такъ вѣдь ей же я и намѣренъ сдѣлать визитъ, m-lle Вильгельминѣ Борманъ.—Они сѣли въ собственную, повидимому, каретку полковника. На пути тотъ заговорилъ о Гласьерѣ и о Грегоржевскомъ съ такимъ сочувствіемъ, что совсѣмъ завоевалъ Леона.—Когда я узналъ этихъ людей, я долженъ былъ преклониться передъ ними. Они живутъ только для своей идеи... ничего не хотятъ для себя. Этотъ Грегоржевскій — человѣкъ необыкновенный. Получаетъ изъ дому всего что-то вродѣ восьмидесяти франковъ въ мѣсяцъ и живетъ этимъ, живетъ аскетомъ, питается хлѣбомъ и чаемъ, не пьетъ, не куритъ, все отдаетъ на свое издательство. Удивительное дѣло! Впрочемъ, вѣдь вы сами принадлежите къ нимъ?

— Да, — рѣшительно и съ чувствомъ гордости отвѣтилъ Леонъ.

Вильгельмина приняла ихъ въ своей гостиной, кромѣ которой у нея была только кухня. На ночь матрацъ и постель переносились въ гостиную изъ кухни, гдѣ они днемъ лежали на сундукѣ. Но гостиная была убрана съ дешевой элегантностью. Дѣвушка вышла къ гостямъ въ большомъ шолковомъ бѣломъ платкѣ, наскоро наброшенномъ на плечи, чтобы прикрыть скромную домашнюю блузку, и въ вышитыхъ золотомъ туфляхъ. Она сѣла на качающееся кресло, драпированное желтой плюшевой матеріей, и откинула голову назадъ, такъ что черные ея волосы красиво выдѣлялись на золотистомъ фонѣ, а лицо казалось еще бѣлѣе и нѣжнѣе. Гардины были розовыя, перевитыя кружевами, служившими прежде отдѣлкой на бальномъ платьѣ. Мнимо-японскія вазы и макартовскіе букеты, тонкіе стулья, шикарно изогнутые, но, конечно, недорогіе и служившіе только для украшенія, рѣзной шкафчикъ въ углу, гладко выполированный черепъ, съ

отверстіемъ, въ которое были вставлены цвѣты,—все, что было въ гостиной студентки,—показалось Леону верхомъ изящества.

Разговоръ направлялся и поддерживался хозяйкой, которая вела его со свободой и увѣренностью свѣтской дамы. Между прочимъ, коснулись и „собственнаго экипажа", который Вильгельмина замѣтила изъ окна.—Вы держите своихъ лошадей?—съ нѣкоторымъ удивленіемъ спросила она полковника, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, она задала еще вопросъ:—Отчего же вы не женитесь?

— Полковникъ не женится никогда,—отвѣтилъ за него Леонъ.—Онъ хочетъ сдѣлать себѣ семью изъ насъ, польскихъ эмигрантовъ.

Монталамберъ отозвался:—Правда, правда... Впрочемъ, знаете, человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ.

Послѣ бесѣды о разныхъ пустякахъ, полковникъ напомнилъ о дѣлѣ:—А какъ же будетъ съ нашимъ проектомъ?

— О пристанищѣ для молодыхъ людей, эмигрирующихъ изъ Россіи?—Вильгельмина формулировала этотъ вопросъ скорѣе для того, чтобы Леонъ понялъ, въ чемъ дѣло.

— Конечно. Вы не должны отказываться отъ моего предложенія... Всѣ издержки я беру на себя. Мнѣ хочется только, чтобы вы и Грегоржевскій признали это благотворительное предпріятіе, дали бы ему свою „фирму". Говорили вы съ нимъ?

— Да... Но Грегоржевскій не далъ отвѣта; сказалъ, что подумаетъ... Онъ, видимо, предпочелъ бы устроить это самъ.

Полковникъ вскочилъ и сталъ ходить по комнатѣ.

— Самъ, непремѣнно самъ!.. Хочетъ бороться съ самодержавіемъ, а постоянно требуетъ слѣпого подчиненія себѣ одному... Нельзя ли обойти его? Возьмите дѣло это въ свои руки... Вы или m-lle Мизя.

— Ну, вотъ—Мизя!

— Да, правда,—сказалъ Монталамберъ.—Она еще больше влюблена въ Грегоржевскаго, чѣмъ вы.

— Ошибаетесь, m-r Монталамберъ... Ни одна изъ насъ не „влюблена" въ Грегоржевскаго. Но мы „любимъ" его, а это—разница.

Гости встали и попрощались, но въ дверяхъ полковникъ воскликнулъ:

— А, нашъ дорогой лидеръ!

— Лидеръ?—возразилъ входившій Грегоржевскій.

— Да, конечно, лидеръ партіи.

Грегоржевскій повѣсилъ пальто на крючокъ.

— Никакой партіи нѣтъ,—значитъ, нѣтъ и лидера. Мнѣ надо съ вами поговорить,—сказалъ онъ, когда Монталамберъ ушелъ.

Леона удержалъ Грегоржевскій.

Дѣвушка придвинула для него кресло къ камину, гдѣ тлѣли остатки кокса, и повела его за руку.

— Вы прозябли... Какъ можно выходить въ такое время, надѣвъ пальто въ накидку!—И, щупая его пульсъ, она другую руку протянула къ часамъ, повѣшеннымъ на подставкѣ. Но онъ вырвалъ у нея свою руку и сказалъ съ радостью:

— Деньги пришли... братъ прислалъ триста рублей, подумайте... Заплатимъ типографіи...

— Нѣтъ, — прервала его Вильгельмина: — прежде всего вы должны ѣхать на югъ.

— Ну, на это будетъ время... Мои силы возстановятся, когда издательство мое окрѣпнетъ и разовьется... А теперь можно будетъ выпустить дополненіе къ послѣдней брошюрѣ. Первая была для фабричныхъ рабочихъ, вторая будетъ обработана для крестьянъ. Съ этой брошюрой мы отправимъ въ край кого-нибудь изъ нашихъ эмиссаромъ.

— Но мы не можемъ позволить, чтобы деньги, присланныя вамъ на поправленіе здоровья, были обращены на дѣло.—И Вильгельмина продолжала настойчиво: — Я вамъ говорю это, какъ врачъ!

— Нѣтъ, нѣтъ! Прежде—дѣло, а ужъ потомъ я... И особенно въ такой моментъ... Я получилъ изъ края извѣстія... Зашумѣлъ боръ листьями... вотъ, увидите...

Лицо Вильгельмины приняло выраженіе тяжкой рѣшимости.

— Я обязана сказать вамъ полную правду, — произнесла она.—Ваше положеніе очень плохо... и если вы не выѣдете, то эта зима въ Парижѣ... добьетъ васъ.

Она поблѣднѣла. И Леону въ словахъ этихъ послышался погребальный звонъ.

— А, вотъ какъ! —проговорилъ Грегоржевскій хриплымъ голосомъ.—Такъ вотъ что... Значитъ, я ужъ очень плохъ?—Онъ закрылъ глаза и на одну минуту какъ будто погрузился въ изслѣдованіе своего состоянія. Потомъ прошепталъ: — Да, да! — Но онъ тотчасъ поднялъ голову, и на лицѣ его заиграло лихорадочное оживленіе.—Но если я такъ боленъ, то именно поэтому мнѣ слѣдуетъ спѣшить. Мы должны удвоить свои усилія, разбросать по всему краю мысли пламенныя, какъ искры... Я не доживу до результатовъ своей работы, не увижу, какъ надъ Польшей займется заря пожара, которая потомъ обратится въ свѣтъ...

Но вы въ этомъ заревѣ увидите мой сѣвъ, мою кровь, всего меня... И когда настанетъ свобода, начнется отмѣна порядка, стоящаго на несправедливости и народной нищетѣ, вы скажете обо мнѣ, скажете, что только для этого дѣла я и жилъ, и умеръ.

Припадокъ кашля заставилъ его остановиться, но, оправившись, Грегоржевскій окончилъ свою рѣчь, какъ бы торопясь взять заключительный аккордъ:

— Можетъ быть, я еще успѣю высказать въ печати хотя бы основныя мои мысли... Пусть онѣ летятъ на родину и стучатся въ загрубѣвшія сердца и лѣнивые умы... Пусть будятъ крестьянина, рабочаго... и евреямъ внушаютъ мысль объ обязанности передъ страной, которая ихъ кормитъ... Пусть мысли мои залетятъ и до Вильна, до Бреста, на Украйну, откуда я родомъ... всюду, гдѣ слышенъ нашъ языкъ... Недалеко то время, и вы услышите: зашумитъ лѣсъ!

VI.

Грегоржевскій остался въ Парижѣ, и къ веснѣ состояніе его здоровья значительно ухудшилось. Къ Орлицкому онъ привязался, разгадавъ въ немъ природу, которую легко было увлечь идеей подвижничества. Рѣшено было издать повѣсть Леона, переработавъ ее такъ, чтобы въ ней отразились не только несправедливость къ національности, но и обида соціальная, не одно патріотическое возмущеніе, но и протестъ трудящихся классовъ.

— Когда наступитъ время истинной любви и дѣйствительнаго равенства для всѣхъ,—говорилъ Грегоржевскій,—то вѣдь и насъ, поляковъ, не оставятъ въ неволѣ. Нашу группу здѣсь, въ польской колоніи, называютъ національными соціалистами. Дѣло не въ кличкѣ, но совершенно вѣрно, что мы не исключаемъ и идеи національнаго возрожденія, какъ то дѣлаютъ приверженцы „Интернаціоналки"... А все-таки единственная надежда на возрожденіе Польши заключается въ ожиданіи торжества соціальной справедливости во всей Европѣ.

Къ этой мысли Грегоржевскій возвращался въ каждой бесѣдѣ съ Леономъ, который сталъ часто посѣщать его и помогать ему въ работѣ по издательству. Молодой человѣкъ таялъ, какъ воскъ, подъ вліяніемъ не только горячихъ словъ, но и самоотверженнаго примѣра Грегоржевскаго, который расточалъ всѣ свои силы и свои скудныя средства на дѣло, бывшее ему дороже жизни.

Орлицкій думалъ уже переѣхать на Гласьеру, но Грегоржевскій ему не позволилъ.

— Полиція считаетъ, что здѣсь нашъ центръ, и бдительно около него увивается. Останьтесь на правой сторонѣ рѣки. Иногда придется что-нибудь укрыть, такъ тамъ у васъ будетъ надежнѣе.

Поэтому Леонъ нанялъ себѣ комнату на Монмартрѣ, въ четвертомъ этажѣ, откуда былъ видъ на кладбище.

— Это вовсе не дружелюбно съ вашей стороны, что вы переѣзжаете,—замѣтилъ ему Кренцкій.—А еще я опять постарался для васъ, уговорилъ Квятковскаго дать вамъ учить его дѣтей по-польски, черезъ день, по часу въ будни, а въ воскресенье — по три часа. Квятковскій будетъ вамъ платить за это особо сорокъ франковъ въ мѣсяцъ, да и обѣдать вы у нихъ будете послѣ каждаго урока... А все-таки я долженъ пожурить васъ за часто невнимательное исполненіе работъ въ конторѣ и даваемыхъ вамъ порученій. Иногда мнѣ думается, что вы—нѣчто вродѣ Конрада Валленрода и служите въ ненавистномъ вамъ орденѣ, то-есть конторѣ, съ цѣлью погубить ее.

Орлицкій пожалъ плечами и продолжалъ укладывать въ ящикъ искусственные цвѣты, которыхъ отправка была поручена конторѣ, а въ умѣ слагалъ обороты для своей передѣлываемой повѣсти. Предложеніе Квятковскаго онъ все-таки принялъ. Это увеличивало его средства, а онъ поставилъ себѣ честолюбивой цѣлью—принять издержки по изданію повѣсти на свой счетъ, не обременяя ими издательства Грегоржевскаго.

Когда онъ заявилъ объ этомъ Грегоржевскому, тотъ сказалъ ему, что типографія требуетъ задатка только пятьдесятъ франковъ, а на остальную сумму можно будетъ выдать обязательство. Но у Орлицкаго въ то время было всего тридцать франковъ. Онъ занялъ двадцать франковъ у Кренцкаго и снесъ деньги на Гласьеру. Грегоржевскій сказалъ ему, что подождетъ, когда эта брошюра выйдетъ въ печати, и включитъ ее въ связку тѣхъ изданій, которыя уже готовы и предназначены къ отправкѣ въ Царство. Надо было послать для этого особаго эмиссара, который провезетъ эту, такъ называемую въ Россіи, „нелегальную литературу“ въ пограничное мѣстечко Галиціи, а оттуда долженъ будетъ проносить свой транспортъ по частямъ и раздавать брошюры тамъ, гдѣ найдетъ удобнымъ.

— Не найдется кого другого,—окончилъ Грегоржевскій,—поѣду я самъ... Деньги какъ-нибудь достану. Много и не надо... поѣду третьимъ классомъ, а ѣмъ я такъ мало...

Но прошли еще недѣли двѣ, а повѣсть еще не вышла изъ

печати. Между тѣмъ, какъ то случается въ Парижѣ, въ апрѣлѣ вдругъ наступилъ холодъ и даже пошелъ снѣгъ. Грегоржевскій опять простудился, и на этотъ разъ болѣзнь приняла такой оборотъ, что пришлось перевезти больного въ госпиталь. Мизю допустили къ нему, какъ сидѣлку, и она ухаживала за больнымъ день и ночь.

Посѣщали Грегоржевскаго въ госпиталѣ Вильгельмина, Орлицкій и принадлежавшій къ партіи студентъ медицины Браумцвейгъ. Врачи съ самаго начала давали имъ мало надежды.

Вотъ, больной открылъ глаза, пошевелилъ челюстями и обратилъ на Браумцвейга, стоявшаго у кровати, стеклянный взоръ.

— Ну, что же, а?

— Сейчасъ принесутъ корректуру.

— Просмотрите ее ужъ вы сами, здѣсь... при мнѣ... Надо, чтобы книжка была готова черезъ недѣлю...—Онъ долженъ былъ остановиться.—Черезъ недѣлю, авось, поправлюсь и поѣду...

— Поѣдемъ вмѣстѣ, — сказалъ Браумцвейгъ. Леонъ поправилъ подушку. Нѣсколько минутъ всѣ молчали. Тихонько вошла Мизя.

— А гдѣ же Вильгельмина?—шепнулъ ей Браумцвейгъ.

— Стоитъ въ корридорѣ. Боится, что нервы ея не выдержатъ, и она расплачется.

Вдругъ заговорилъ опять Грегоржевскій:

— Черезъ границу пройду легко... Сразу возьму немного... Нѣсколько сотъ экземпляровъ... разныхъ... Увижу край, увижу крестьянъ нашихъ и брата... Что же это корректура?

— Я схожу сейчасъ,—сказалъ Браумцвейгъ.

— Нѣтъ, подождите еще,—прошептала ему Мизя.—Я увѣрена, онъ ждетъ этой корректуры, чтобы умереть.

Но вотъ, наконецъ, приносятъ пачку корректурныхъ листовъ. Увидѣвъ ихъ, больной дѣлаетъ жестъ, чтобы ихъ поднесли къ нему, и пачку кладутъ къ нему на кровать. Онъ пробуетъ подняться, и въ лицѣ его мелькнула радость. Но тотчасъ же онъ опускается на подушки и перекладываетъ голову съ боку на бокъ, какъ будто защищая ее отъ ударовъ невидимой руки. Вдругъ костлявая рука его схватываетъ руку Леона.

— Вы... вы... — произноситъ больной, съ трудомъ переводя дыханіе.

Леонъ близко наклонился надъ нимъ.

— Что, дорогой?

— Вы... далѣе...

— Хорошо.

— Вы!

— Да, да!

Умирающій конвульсивно попытался вдохнуть еще воздуха, захрипѣлъ и, наконецъ, умолкнувъ, лежалъ неподвижно, съ открытыми глазами. По щекамъ его протекли двѣ слезы.

Браумцвейгъ снялъ съ кровати корректуру и хотѣлъ отдать ее Мизѣ.

— Возьмите это вы, у меня—экзамены...

Но Мизя указала на Леона.

— Вотъ кому отдайте! Развѣ вы не слышали, что „онъ" назначилъ васъ своимъ преемникомъ?—обратилась она къ Орлицкому. Только тогда тотъ понялъ, что̀ значили слова умиравшаго: „вы... далѣе".

Грегоржевскаго пришлось бы хоронить какъ нищаго, опустить въ „fosse commune". У всего кружка не было столько денегъ, чтобы устроить похороны, хотя бы по самому послѣднему разряду pompes funèbres. Но совершенно неожиданно Орлицкій встрѣтилъ, на другой день, на улицѣ Яблонскую, ту актрису, которая помогла ему переѣхать черезъ русскій пограничный кордонъ. Она обрадовалась встрѣчѣ и, взявъ его подъ-руку, повела въ свою квартиру. Яблонская только на тѣхъ дняхъ пріѣхала въ Парижъ со своимъ „дядей". Леона она заставила разсказать себѣ о его жизни въ Парижѣ, и, услыхавъ о смерти его друга, котораго не на что было похоронить, дала ему пятьдесятъ франковъ. У него самого было двадцать франковъ. То, что̀ могло еще понадобиться на похороны, обѣщалъ уплатить Кренцкій, который еще взялъ на себя всѣ хлопоты.

— Когда надо сдѣлать что-нибудь практическое, то безъ буржуя вы все-таки не обойдетесь,—добродушно кольнулъ онъ своего протэжѐ.

Окончивъ занятія въ конторѣ, Орлицкій въ этотъ вечеръ пошелъ къ Мизѣ, какъ она его просила. Здѣсь онъ, къ удивленію, засталъ почти всѣхъ членовъ кружка. Нѣкоторые изъ нихъ вязали вѣнки на гробъ Грегоржевскаго. Мизя представила Леона, взявъ его за руку:

— Г-нъ Орлицкій... Умершій поручилъ ему въ послѣднюю минуту руководство нашей дальнѣйшей работой, какъ я вамъ уже говорила.

Затѣмъ она начала представлять Леону тѣхъ членовъ кружка, съ которыми онъ еще не былъ знакомъ. Орлицкій сознавалъ, что эта минута должна была рѣшить вопросъ о его положеніи, и

можно было удивляться, какъ молодой человѣкъ сразу съумѣлъ принять видъ и тонъ, „соотвѣтствовавшіе“ значенію предводителя.

Всѣ они крѣпко пожимали ему руку и привѣтствовали его дружелюбно. Изъ ихъ крѣпкихъ рукопожатій и тона нѣсколькихъ сказанныхъ ими словъ онъ убѣждался, что принятіе имъ на себя роли предводителя кружка не возбуждаетъ въ нихъ никакой зависти, что они подчиняются волѣ умершаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ ожидаютъ многаго отъ своего новаго вождя.

— Относительно похоронъ все уже устроено,—громко сказалъ Орлицкій Мизѣ. И это было первымъ его успѣхомъ въ новой роли.—Что касается подробностей, то этимъ займется Кренцкій,—я не могу въ это входить.

Но въ эту минуту неожиданно взяло въ немъ верхъ чванство, и онъ прибавилъ:

— Я ему далъ, сколько нужно, и онъ обѣщалъ сдѣлать все, какъ слѣдуетъ.

Мизя жила въ томъ же домѣ, гдѣ находилась квартира Грегоржевскаго, умершаго въ госпиталѣ. Когда Браумцвейгъ вручилъ Леону ключъ отъ этой квартиры, то одинъ изъ сыновей консьержки этого дома, Роберъ, обратился къ Леону съ вопросомъ:

— Нѣтъ ли тамъ чего-нибудь... важнаго... такого, что могло бы васъ компрометировать?

— Пойдемъ сейчасъ туда!—сказалъ Браумцвейгъ.

Но молодой французъ покачалъ головой.

— Теперь уже поздно: они запечатали дверь...

— Кто они?

— Да наша полиція. Знаете—будто для соблюденія судебной формальности... Сегодня же или завтра они навѣрное придутъ опять, просмотрятъ все, заберутъ, что̀ имъ нужно, опять наложатъ печать, и нельзя будетъ доказать, что они унесли какія-нибудь книги или бумаги.

— Что̀ жъ теперь дѣлать?.. Вѣдь тамъ адресы, корреспонденція...—послышалось среди кружка.

— Oh, lâche nation, ces Français! — произнесъ нарочно по-французски одинъ изъ товарищей, Фарбахъ, низенькій человѣкъ съ кривыми ногами, который всегда щеголялъ патріотическими фразами и даже ходилъ въ черной чамаркѣ, здѣсь, въ Парижѣ, возбуждая любопытство на улицѣ.

— Напрасно вы такъ говорите о націи! — приподнятымъ голосомъ отвѣтилъ покраснѣвшій Роберъ.—Это ложь! Одно дѣло полиція, а другое дѣло — французскій народъ. И мы вамъ это

докажемъ. Пойдемъ, Жюль,—обратился онъ къ брату, и оба они вышли.

Среди оставшихся пошли толки о томъ, что̀ теперь дѣлать? Вѣдь тамъ были письма и адресы, которые могли быть сообщены кому слѣдуетъ, и отъ этого пострадали бы всѣ тѣ люди въ краѣ, которые довѣрились Грегоржевскому. То тотъ, то другой, при этихъ разговорахъ, взглядывали на Орлицкаго, ожидая, что̀ онъ скажетъ. И онъ не обманулъ ихъ ожиданія.

— Предоставьте это мнѣ,—произнесъ онъ въ рѣшительномъ тонѣ.—Я отправлюсь завтра къ прокурору республики.—Члены кружка разошлись, нѣсколько успокоенные.

На другой день Орлицкій и явился къ прокурору. Но у того въ этотъ день не было пріема.—Развѣ что-нибудь имѣете сообщить очень настоятельное,—прибавилъ дежурившій.—А общій пріемъ—завтра.

Орлицкій не рѣшился навязываться прокурору въ непріемный день. „До завтра все равно ничего не сдѣлаютъ", утѣшалъ онъ себя, сходя по лѣстницѣ. А впрочемъ, съ какимъ же требованіемъ онъ могъ обратиться къ прокурору? Тому легко было бы привести его въ замѣшательство простымъ вопросомъ: „А вы—наслѣдникъ что-ли, по какому вы праву вмѣшиваетесь въ это дѣло?"

Однако онъ рѣшилъ сказать сегодня на Гласьерѣ, что прокуроръ назначилъ ему пріемъ завтра. Придя домой, Леонъ прилегъ и, неожиданно, крѣпко заснулъ. Онъ не отдавалъ себѣ отчета, сколько времени онъ проспалъ, когда его разбудилъ стукъ въ дверь.

— Entrez!—Это былъ Робѐръ, который, не снимая шляпы, сказалъ ему:—Одѣньтесь скорѣе... Пойдемъ внизъ. Мы съ братомъ сорвали печать съ двери того господина, который померъ, и не нашли ничего въ его комнатѣ, кромѣ домашнихъ вещей, книгъ, бумагъ и писемъ... Бумаги и письма мы уложили въ корзинку и несли ее поочередно съ братомъ. Тяжелая... Но сюда вносить ее я не могу: ваша консьержка увидитъ, что ее принесъ вечеромъ посторонній человѣкъ. Корзину братъ донесетъ сейчасъ, но мы его встрѣтимъ, а потомъ, недалеко уже, несите ее сами и вталкивайте на лѣстницу.

— Кто же вамъ далъ мой адресъ?—спросилъ Орлицкій, уже на улицѣ.

— Когда мы отворили дверь, то m-lle Мизя сама собрала письма и бумаги и просила насъ снести къ вамъ.—Они пошли и на углу улицы Коленкуръ встрѣтили Жюля съ корзиной.

Орлицкій поблагодарилъ братьевъ и, нанявъ фіакръ, отвезъ корзину въ контору Квятковскаго, разсчитывая, что вѣрнѣе спрятать ее тамъ, чѣмъ на квартирѣ. Позвонивъ, онъ протащилъ корзинку по плитамъ мимо консьержки, сказавъ ей мимоходомъ: —

— Это я, m-me Мартэнъ, привезъ товаръ, который надо отправить завтра же.

Это былъ для Орлицкаго второй успѣхъ въ роли предводителя кружка. Онъ укрылъ бумаги, отъ потери которыхъ могло пострадать множество людей въ краѣ. И такимъ образомъ въ его рукахъ былъ матеріалъ, изъ котораго онъ могъ ближе познакомиться съ сношеніями и всей дѣятельностью „партіи“.

Третій успѣхъ выпалъ на его долю на похоронахъ Грегоржевскаго, когда онъ произнесъ надъ могилой задушевную рѣчь, которую ему внушили его патріотизмъ и искренняя привязанность къ покойному. Рѣчь всѣхъ тронула, и фигура красиваго молодого человѣка, который то склонялся надъ могилой, то металъ пламенные взгляды во всѣ стороны, произвела впечатлѣніе. Особенно полковникъ Монталамберъ былъ въ восторгѣ.

Но послѣ рукопожатій, съ которыми многіе подходили къ Леону, его отвелъ въ сторону, за нѣсколько могилъ, какой-то незнакомецъ.

— Я—Людвикъ Стронскій, делегатъ женевскаго комитета,— сказалъ онъ.—Вы говорили отъ имени вашего кружка. Позвольте же узнать, что у васъ рѣшено?

— Какъ что? — возразилъ Орлицкій, озадаченный этимъ вмѣшательствомъ. — Будемъ держаться пути, намѣченнаго Грегоржевскимъ.

— Извините меня, но покойный, при всемъ несомнѣнномъ своемъ талантѣ, былъ мечтатель и тратилъ свои, а также и ваши силы понапрасну.

Леона это взорвало.—И вы осмѣливаетесь чернить его при свѣжей еще могилѣ?

— Вотъ она, романтическая школа... „при свѣжей могилѣ“!.. Однѣ фразы. Извините меня, но съ ними вы недалеко уйдете.

— Во всякомъ случаѣ, здѣсь не мѣсто для такого разговора,— сердито сказалъ Леонъ и хотѣлъ уйти. Но Стронскій задержалъ его словами:

— Ну, пожалуй; такъ созовите собраніе. Мнѣ необходимо переговорить съ вашей партіей и предложить ей присоединиться къ нашей программѣ.

— Вы? А это съ какой стати?

Незнакомецъ отступилъ шагъ назадъ и произнесъ въ вызы-

вающемъ тонѣ: — Я-то? Стало быть, вамъ неизвѣстно, кто я и каковы мои полномочія? Въ такомъ случаѣ, извините, я вижу, что вы не были достаточно знакомы съ дѣлами вашей партіи.

Орлицкому кровь бросилась въ голову. Это былъ именно тотъ упрекъ, котораго онъ теперь наиболѣе боялся, такъ какъ и въ самомъ дѣлѣ онъ еще многаго не зналъ. — Напрасно вы напоминаете мнѣ о своемъ положеніи,—оно мнѣ извѣстно. Но вотъ вамъ, повидимому, неизвѣстно, что Грегоржевскій, умирая, назначилъ меня своимъ преемникомъ.

Стронскій усмѣхнулся. — Ага, наслѣдственный престолъ... Ну, все равно, съ вами, такъ съ вами... Но я хотѣлъ бы убѣдить васъ отказаться отъ слишкомъ сентиментальной, патріотической обстановки, отъ этихъ „національныхъ цвѣтовъ“ и въ рѣчахъ, и въ пропагандѣ. Положимъ, нѣкоторый своеобразный оттѣнокъ мы могли бы вамъ уступить. Но вамъ необходимо соединиться съ нами, съ людьми взглядовъ трезвыхъ... Одни вы ничего не сдѣлаете.

— А мы ни на какія уступки не пойдемъ! — Противники смѣрили другъ друга взглядомъ, но въ эту минуту подошелъ товарищъ Фарбахъ въ своей демонстративной чамаркѣ.

— Васъ зоветъ панна Вильгельмина.

Дольше всѣхъ оставались у могилы Мизя и Кренцкій. Они поправляли положенные на ней вѣнки. Наконецъ, Кренцкій поднялся и сказалъ: — Жалко его. — Тогда дѣвушка заплакала, припала къ могилѣ и цѣловала вянувшіе цвѣты.

VII.

Орлицкій переложилъ оставшіяся послѣ Грегоржевскаго бумаги и письма въ запиравшуюся на ключъ большую шкатулку и припряталъ ее въ чуланѣ конторы подъ разнымъ хламомъ. Когда всѣ расходились изъ конторы, онъ оставался тамъ подъ предлогомъ окончанія какой-нибудь работы и перечитывалъ тѣ листки, которые чѣмъ-либо привлекали его вниманіе. Порою онъ засиживался въ конторѣ до поздняго вечера.

И часто ходилъ онъ къ Мизѣ, работать съ нею, отъ нея узнавалъ многое, объяснявшее значеніе той или другой бумаги и общую связь всей дѣятельности кружка. Онъ убѣдился, что этой дѣвушкѣ ближе, чѣмъ кому-либо, были извѣстны начинанія Грегоржевскаго, у котораго она исполняла обязанность секретаря. Леонъ многому отъ нея научился, а ясный взглядъ, природный

умъ и образованіе, которымъ она превосходила новаго предводителя, придали ей большой авторитетъ въ его глазахъ. Она не только давала ему совѣты, но просто взяла его подъ свое руководство, нисколько не давая ему почувствовать это. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ всего, что Мизя въ этихъ бесѣдахъ сообщала ему объ умершемъ, ясно было, что она глубоко и вѣрно любила его, и теперь вся посвятила себя исключительно продолженію его дѣла.

Леонъ удивлялся, какъ могъ Грегоржевскій пройти мимо этой самоотверженной любви, не примѣтивъ ея. А между тѣмъ, и самъ онъ, Орлицкій, видѣлъ въ Мизѣ только вѣрнаго друга, нисколько не увлекся этой красивой и милой дѣвушкой, несмотря на интимность ихъ разговоровъ, и мечталъ только о Вильгельминкѣ.

Понятно, при такой раздвоенности его вниманія и труда, Орлицкій довольно небрежно исполнялъ свою должность въ конторѣ.

— Да бросьте вы, наконецъ, эту Гласьеру! — сказалъ ему разъ Кренцкій, упрекнувъ его въ нѣкоторыхъ упущеніяхъ. — Произнесли удачную, прочувствованную рѣчь надъ могилой, ну и ладно. Перестаньте играть агитатора и примитесь серьезно за работу.

— Никогда я въ агитатора не игралъ, но былъ имъ и буду. Удивляюсь вамъ: вы такъ приняли къ сердцу похороны Грегоржевскаго и видимо жалѣли о немъ, и вдругъ...

— Такъ что же? Во-первыхъ, смерть человѣка всегда дѣйствуетъ; а во-вторыхъ, вѣдь то былъ Грегоржевскій!

— А отчего же я не могъ бы современемъ сдѣлаться такимъ же Грегоржевскимъ?

Кренцкій, немножко помолчавъ, отвѣтилъ:—Оттого. Не знаю, но въ васъ нѣтъ ничего похожаго на Грегоржевскаго.

Вмѣстѣ съ продолженіемъ агитаціоннаго издательства, на Леона перешла и забота о прісканіи необходимыхъ денежныхъ средствъ. Онъ былъ въ большомъ затрудненіи, не зная, къ кому обратиться. Вдругъ, совсѣмъ неожиданно, его посѣтилъ Монталамберъ, поздравилъ съ „блестящей“ рѣчью и возобновилъ какъ выраженія своей привязанности къ народу, за свободу котораго онъ нѣкогда сражался, такъ и свои предложенія услугъ для польскаго дѣла. Орлицкій сперва было отклонилъ ихъ. Но черезъ нѣкоторое время, не найдя нигдѣ денегъ, онъ увидѣлъ передъ собой такой выборъ: или отказаться отъ предводительства партіей, такъ какъ издательство совсѣмъ пріостановилось, или воспользоваться нѣсколько разъ повтореннымъ предложеніемъ полковника.

Честолюбіе взяло верхъ; Леонъ обратился къ Монталамберу и было условлено, что тотъ будетъ регулярно каждый мѣсяцъ выплачивать лично Леону небольшую сумму, то-есть, практически сдѣлается издателемъ, но останется въ тѣни, а Орлицкій лично же будетъ ему давать отчетъ въ расходахъ и доставлять экземпляръ каждаго новаго изданія.

— О нашемъ договорѣ не говорите никому,—такъ закончилъ бесѣду новый издатель.—Поступайте деспотически, какъ Грегоржевскій. Иначе, какъ только начнете спрашивать совѣтовъ, то товарищи сядутъ вамъ на шею. Издателемъ, въ ихъ глазахъ, должны быть вы... Только тогда вы останетесь и полновластнымъ распорядителемъ. И я вмѣшиваться не буду... Я дѣлъ этихъ не знаю, вполнѣ вѣрю вамъ, а состояніе мое позволяетъ мнѣ доставить себѣ въ старости удовольствіе жертвовать этими небольшими средствами на то дѣло, для котораго, въ молодости, я готовъ былъ пожертвовать жизнью.

На другой день Леонъ получилъ отъ полковника, въ его квартирѣ, вложенную въ бумажникъ, условленную сумму. На эти хотя и очень скромныя средства можно было уже не только уплатить типографіи за послѣднюю брошюру, но и приступить къ изданію двухнедѣльнаго журнальчика въ форматѣ тетрадки. То и другое подняло значеніе Орлицкаго въ глазахъ кружка. Теперь Леону можно уже было бросить контору Квятковскаго. Поводомъ къ этому послужилъ крупный разговоръ съ Кренцкимъ, который, узнавъ отъ консьержки, что Леонъ часто просиживалъ въ конторѣ до поздняго вечера, догадался, что онъ тамъ работаетъ для партіи, и, стало быть, держитъ тамъ свои бумаги.

Орлицкій переѣхалъ на Гласьеру, на ту же улицу, гдѣ жила Вильгельмина; деньги на издательство пока были, а жить онъ могъ на уроки польскаго языка, которые онъ получилъ въ семьѣ содержателя магазина искусственныхъ цвѣтовъ, Загурскаго. Загурскій самъ былъ патріотъ, ничего, впрочемъ, не понимавшій въ политикѣ и соціальныхъ теоріяхъ. Онъ былъ на похоронахъ Грегоржевскаго, слышалъ рѣчь Леона и пожелалъ, чтобы дѣти научились говорить по-польски такъ же хорошо, какъ Орлицкій. Было условлено, что послѣ урока Леонъ будетъ оставаться у Загурскихъ на обѣдъ. Домъ, въ которомъ умеръ Грегоржевскій и гдѣ жила Мизя, находился вблизи. Когда Леонъ не работалъ или не сидѣлъ у Мизи или у Вильгельмины, онъ занимался чтеніемъ книгъ, оставшихся послѣ Грегоржевскаго, чтобы подготовиться къ редактированію журнала.

Однажды, когда Леонъ былъ у Вильгельмины, къ ней пришелъ тотъ женевскій делегатъ Стронскій.

— Вы знакомы?—спросила Вильгельминка.

— Познакомились на похоронахъ, — отвѣтилъ Стронскій и, сѣвъ, обратился къ Вильгельминѣ.—Я послѣ того былъ въ Женевѣ и только-что пріѣхалъ сюда назадъ.

— Надолго?

— Совсѣмъ. Здѣсь болѣе широкое поле для дѣйствія, — и, окинувъ взглядомъ комнату, онъ сказалъ: — Вы очень мило устроились.

— А вы?

— Я поселился здѣсь же... черезъ нѣсколько домовъ, № 112.

— Это какъ разъ напротивъ г. Орлицкаго.

— Квартиру я нанялъ побольше, такъ какъ намѣренъ съ 1-го іюля издавать ежемѣсячный журналъ. Я уже заручился значительнымъ запасомъ статей извѣстныхъ публицистовъ, и вотъ явился, чтобы предложить вамъ сотрудничество... Вѣдь вы хорошо знаете и англійскій языкъ, и я бы васъ просилъ теперь же приняться за передачу нѣсколькихъ статей, въ сокращеніи.

Тутъ вмѣшался Орлицкій: — Панна Вильгельмина, кромѣ своихъ научныхъ и практическихъ занятій въ клиникѣ, имѣетъ уже немало работы у насъ.

— Но вѣдь издательство ваше — отрывочное, непрочное, на участіе въ немъ много времени не требуется.

— Мы, кромѣ брошюръ, будемъ издавать еще двухнедѣльный журналъ.—И вставъ, Орлицкій напомнилъ Вильгельминѣ, чтобы она пришла къ нему въ тотъ вечеръ пораньше, на первое собраніе сотрудниковъ.

Стронскій былъ видимо озадаченъ этимъ извѣстіемъ. Но, видя, что Леонъ уже уходитъ, онъ спросилъ:

— А позвольте узнать, какъ будетъ называться вашъ журналъ, чтобы намъ не выбрать одного названія?

— О, навѣрное нѣтъ. Мой журналъ получитъ названіе ярко національное — „Hejnał“ [1]).

Дѣйствительно, въ теченіе мѣсяца вышли два нумера „Hejnału“, составленные очень недурно, съ пламенными, крайне рѣзкими передовыми статьями самого Орлицкаго и корреспонденціями изъ края и изъ западно-европейскихъ городовъ.

Во всей польской колоніи закипѣло. Во-первыхъ, всѣхъ заинте-

---

[1]) Старинная мелодія, которую играетъ на башнѣ собора Богоматери въ Краковѣ трубачъ, появляющійся при наступленіи каждаго часа.

ресовало появленіе новаго польскаго журнала и въ немъ талантливаго писателя, а во-вторыхъ, узнали, что Орлицкій за все расплачивается наличными деньгами.

Вильгельминка, которая давно кокетничала съ Леономъ, теперь вдругъ стала проявлять ревность къ Мизѣ. Она уже сняла свой трауръ по Грегоржевскомъ, одѣвалась въ модные цвѣта, снова стала веселой, бойкой, но всегда изящной въ движеніяхъ.

— Представьте себѣ,—щебетала она,—мои товарищи, студентки, ужасно заняты вами и хотѣли бы хоть взглянуть на васъ... Товарищъ Яскульская, товарищъ Розенгеймъ... ну, всѣ.

— А что же вы имъ отвѣтили?

— Разумѣется, отрицательно. Развѣ вы не знаете, что я ревнива?—И, поднявъ руку къ лицу Орлицкаго, она мило скомандовала:—Поцѣловать!—Никогда еще она не казалась ему такъ восхитительной, какъ теперь, въ своемъ блѣдно-лиловомъ кисейномъ платьѣ и поясѣ изъ бархатки фіалковаго цвѣта.

Но когда Вильгельминка, въ дальнѣйшемъ разговорѣ съ нимъ, стала придираться ко всему, что дѣлала Мизя, и обвиняла ее въ „строеніи ему минокъ", Леонъ заступился за ту добрую и уважаемую имъ дѣвушку, которая свой трауръ по Грегоржевскомъ носила не на плечахъ, а въ сердцѣ.

— Ну, хорошо, только пусть Мизя оставитъ васъ въ покоѣ. Вы мой и ничей больше. — Разговоръ этотъ окончился бы, вѣроятно, обмѣномъ обѣщаній, еслибы его не прервалъ вошедшій Фарбахъ.

— Вы не знаете?—тотчасъ началъ онъ:—Стронскій, нанявъ здѣсь квартиру, съѣздилъ еще въ Познань, а теперь уже окончательно устраивается въ Парижѣ. Я самъ видѣлъ, какъ къ нему вносили мебель... Журналъ его будетъ называться „Сила".

— Откуда вы это знаете?

— Я все знаю... знаю даже, что у Стронскаго уже сорокъ-два подписчика.

Возвратясь домой, Леонъ думалъ не столько объ очаровательной Вильгельминкѣ, сколько объ этомъ изданіи своего противника. Тотъ былъ также соціалистъ, даже крайній или „максимальный", какъ говорится теперь, но вмѣстѣ съ тѣмъ и равнодушный или, скорѣе, враждебный ко всему національному, сухой теоретикъ, интернаціоналистъ. А для Орлицкаго идея Польши была религіей.

Однако, въ данную минуту онъ сознавалъ, что въ немъ происходила какая-то перемѣна, что онъ дѣлался нравственно худ-

шимъ. Честолюбіе брало въ немъ верхъ даже надъ любовью къ краю.

Когда, черезъ нѣсколько дней, онъ увидѣлъ вышедшую наконецъ „Силу", то почувствовалъ ненависть къ Стронскому и сказалъ себѣ: „Для насъ двоихъ здѣсь слишкомъ тѣсно". И въ то же время въ сердцѣ его заныло чувство, что родной край былъ ему раньше болѣе близкимъ и дорогимъ, чѣмъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ началъ „дѣйствовать" для пользы этого края.

VIII.

Не довольствуясь выпускомъ первой книжки „Силы", Стронскій старался поднять значеніе своего кружка еще и внѣшнимъ престижемъ связей и кипучей дѣятельности. Недалеко отъ дома, гдѣ помѣщалась редакція, онъ открылъ еще читальню, а въ ней предпринялъ устроить цѣлый рядъ conférences, на которыхъ должны были выступать нѣсколько извѣстныхъ публицистовъ соціалистическаго лагеря. Вскорѣ и Орлицкій съ нѣкоторыми членами кружка „національныхъ соціалистовъ" получили програму „конференцій", съ которыми согласились выступить наиболѣе извѣстные члены соціалистической партіи въ Парижѣ, нѣсколько русскихъ, одинъ полякъ, членъ лондонскаго комитета и одинъ нѣмецъ, также изъ вождей партіи. Подъ спискомъ этихъ шумныхъ именъ и перечнемъ темъ, избранныхъ лекторами, красовалась подпись: „Людвикъ Стронскій".

На первой конференціи долженъ былъ говорить Аррюкò, а темой былъ—Герценъ. Аррюкò сдѣлался извѣстенъ какъ сотрудникъ журнала „Revue Verte". Одна изъ его статей—„Хлѣбъ для всѣхъ"—произвела большую сенсацію. Въ ней доказывалось, что государство обязано безплатно обезпечивать каждому гражданину ежедневную порцію хлѣба, подобно тому, какъ всѣ пользуются даромъ освѣщеніемъ улицъ, охраною отъ непріятельскаго нашествія, отъ убійцъ и воровъ, государственными шоссейными дорогами, водяными путями и публичными музеями. Эта мысль о „правѣ на хлѣбъ" очень понравилась. Но къ осуществленію ея не было приступлено по той причинѣ, что тѣ лица, которыя могли бы провести соотвѣтственный законъ, были обезпечены ежедневнымъ кускомъ хлѣба, а тѣ, кто обезпеченъ не былъ, не имѣли возможности издавать законовъ.

Въ кружкѣ національныхъ соціалистовъ эта программа конференцій произвела впечатлѣніе подавляющее. Какое значеніе

могла имѣть эта горсть неизвѣстныхъ патріотовъ, когда за плечами Стронскаго выступали всемірныя знаменитости, вродѣ Жореса и Гэда?

Но Вильгельминкѣ пришла счастливая мысль: „Они даютъ международныя конференціи, а мы устроимъ народный концертъ или балъ. Посмотримъ, что больше понравится". Эта мысль была одобрена, и Вильгельминка съ другими „товарищами" своего пола тотчасъ принялись за приготовленія.

Орлицкій пришелъ въ залу конференцій вмѣстѣ съ кучкой своихъ приверженцевъ, для чего они сперва собрались въ его квартирѣ. Стронскій поздоровался съ Леономъ на срединѣ залы. Здѣсь они застали уже довольно много публики, среди которой выдѣлялись двѣ группы. Одну изъ нихъ составляли, очевидно, поляки, судя по ихъ низкимъ шляпамъ и длиннымъ усамъ. Это были интернаціоналисты. Другая группа, въ которой преобладали бороды, а кое-гдѣ виднѣлись рубашки безъ воротничковъ, вышитыя вдоль шеи и по вороту краснымъ шолкомъ, состояла изъ русскихъ студентовъ, учившихся въ Парижѣ.

Стоя на эстрадѣ, Стронскій наблюдалъ за сборомъ публики. На некрасивомъ лицѣ его выражалось сосредоточенное вниманіе. Вотъ, онъ быстро направился съ эстрады къ входной двери навстрѣчу именитыхъ посѣтителей, которые прибывали позже заурядныхъ, своихъ. Въ числѣ этихъ запаздывающихъ, которыхъ Стронскій остается поджидать у двери уже до послѣдняго пріѣзда всѣхъ важнѣйшихъ, выдаются нѣкоторые странные, характерные типы, въ которыхъ угадывается желаніе выразить самой внѣшностью сильно развитую индивидуальность.

По мѣрѣ ихъ появленія, пробѣгаетъ шопотъ. Вотъ Тевенонъ, высокій, худощавый, съ мягкими движеніями, почти совершеннымъ отсутствіемъ губъ и съ полузакрытыми глазами, какъ у Будды. Леонъ читалъ о Тевенонѣ. Это—эстетикъ-анархистъ, укрывавшій бомбы въ своемъ столѣ, въ военномъ министерствѣ, гдѣ онъ служилъ. Вотъ Лео де-Такса, извѣстный своимъ пребываніемъ въ тюрьмѣ S-te Pélagie и на галерахъ. Вотъ Анри Эмиліонъ, блѣдный, хрупкій юноша со страшными, полными ненависти глазами.

Входятъ, одна за другой, четыре женщины, молодыя, красивыя и эстетичныя до-нѣльзя. Волосы у нихъ зачесаны низко на лобъ, на подобіе мистичныхъ дѣвственницъ, которыя встрѣчаются на страницахъ старинныхъ, расписанныхъ золотомъ и краснымъ цвѣтомъ миссаловъ. Платья ихъ—странной кройки, съ широкими, висящими въ складкахъ юбками. Одна изъ нихъ, мо-

лодая брюнетка въ ярко-красномъ платьѣ, держитъ за руку дѣвочку-подростка, въ трауръ.

— Дѣвочка эта—дочь Валльяна,—сообщаетъ Вильгельмина Леону.—Того, помните, который бросилъ бомбу въ палатѣ депутатовъ и былъ казненъ.

Были еще женскія фигуры въ платьяхъ, похожихъ на монашескія, и въ шляпахъ на подобіе тѣхъ, какія носились средневѣковыми пилигримками, а также фигуры мужскія, длинноволосыя, въ длинныхъ сюртукахъ, напоминавшихъ сутаны. Вся эта группа двинулась къ эстрадѣ и разсѣлась на ея ступеняхъ, лицомъ къ публикѣ, какъ декорація. По срединѣ они помѣстили дочь Валльяна, и дѣвочка, видимо привыкшая быть предметомъ общаго вниманія, бросала на собраніе притязательные взгляды.

— Что это, маскарадъ, что-ли?—спросилъ Загурскій, который не имѣлъ понятія о такихъ сверхчеловѣкахъ... Они, дѣйствительно, были бы только забавны. Но отъ нихъ вѣяло въ то же время и чѣмъ-то устрашительнымъ, такъ какъ нельзя было различить, кто изъ этихъ эстетовъ былъ только эстетомъ, а кто—эстетомъ-анархистомъ. Во всякомъ случаѣ, на нихъ падали ироническіе взгляды, а нѣкоторые смѣшливые зрители стали уже шушукаться между собой и улыбаться. Стронскій, который пригласилъ тѣхъ гостей, чтобы, придать своему собранію блескъ, начиналъ сознавать, что они производили совсѣмъ иное впечатлѣніе, не соотвѣтствовавшее серьезности конференцій.

А между тѣмъ, странныя эти фигуры возсѣдали неподвижно, принявъ позы, которыя напоминали сфинксовъ или факировъ. Наконецъ, появился Аррюкð. Его представляли себѣ какъ пламеннаго трибуна, съ молніеносным взглядомъ, порывистымъ словомъ и энергическимъ жестомъ. Но на эстраду взошелъ молодой, розовый, веселый французъ, кругленькій брюнетъ, скорѣе похожій на приказчика въ богатомъ магазинѣ, чѣмъ на вѣщаго пророка соціальной реформы.

Онъ сѣлъ и бѣгло заговорилъ о Герценѣ. Рѣчь его текла свободно, легко, но въ ней не сказывалось ни индивидуальнаго взгляда на дѣятельность великаго агитатора, ни увлеченія, которое можетъ дать только непосредственное знакомство съ произведеніями писателя. Фактическое изложеніе было вѣрно, рѣчь была украшена блестками стиля, но, очевидно, говорилась съ чужого голоса, по даннымъ оратору замѣткамъ. „Полярная Звѣзда“ свѣтила въ ней такъ же блѣдно, какъ на небѣ, и гладкая рѣчь скользила по предмету, не задѣвая жизни русскаго народа.

Лекторъ былъ награжденъ обычной, но средней данью аппло-

дисментовъ, а Стронскій подошелъ къ нему еще на эстрадѣ и благодарилъ его. Но въ этотъ моментъ публика стала расходиться, а взгляды тѣхъ, которые еще оставались, были обращены менѣе на Аррюкò и Стронскаго и даже на эстетовъ, чѣмъ на вставшій съ мѣста кружокъ соціалистовъ-народниковъ. Леонъ и Вильгельминка представлялись замѣчательно красивой четой, а рядомъ съ ними Загурскій съ его добродушнымъ взглядомъ и увѣсистыми усами, скромная, миловидная Мизя и товарищи ихъ, обыкновенные смертные, съ интеллигентными лицами, но безъ всякой позировки, являлись чѣмъ-то правдивымъ и жизненнымъ, успокоительнымъ для глазъ контрастомъ съ сидѣвшими подъ эстрадой выставочными фигурами.

Леонъ сравнивалъ въ умѣ впечатлѣніе, которое на него производилъ Герценъ въ тотъ вечеръ и всю ту ночь, когда русскій писатель неудержимо приковывалъ его къ себѣ, заставлялъ его трепетать и сознавать какъ бы въ реальномъ видѣніи и неодолимость государственной машины, и могучія волны ожидаемаго движенія народныхъ массъ Россіи,—съ бойкимъ, но блѣднымъ и безжизненнымъ очеркомъ, только-что прослушаннымъ. И Орлицкому думалось, что о великихъ умахъ и ихъ идеалахъ не слѣдуетъ говорить на конференціяхъ, служащихъ для развлеченія публики. Великіе умы и ихъ идеи сторонятся отъ праздной, тщеславной толпы, занятой мелочами. Мысль такого писателя, какъ Герценъ, можетъ быть понята, можетъ быть достойно оцѣнена и прочувствована только тогда, когда она постучится въ уединеніе, къ человѣку, думающему о великихъ скорбяхъ и великихъ жертвахъ.

Спустя нѣсколько недѣль, кружкомъ національныхъ соціалистовъ разослано было объявленіе о музыкальномъ вечерѣ, съ декламаціею и танцами, который состоится такого-то числа въ залѣ Moulin de la Villette, на улицѣ Тюрго. Выручка предназначалась на поправленіе могилъ польскихъ эмигрантовъ на Монмартрскомъ кладбищѣ.

Объявленіе это было встрѣчено въ колоніи съ удовольствіемъ. Давно уже польскаго бала въ Парижѣ не бывало. Покойный Грегоржевскій объ увеселеніяхъ не думалъ, а другіе польскіе кружки, возникшіе въ Парижѣ подъ разными названіями, не могли взяться за это дѣло, такъ какъ „Согласіе“ находилось въ постоянномъ несогласіи съ „Польскимъ Союзомъ“, а оба эти союза относились враждебно къ кружку „Единство“, которое считало себя привилегированнымъ и даже имѣло 73 франка неприкосновеннаго капитала, а также библіотеку, состоявшую изъ 26 томовъ.

Совсѣмъ отдѣльно стояли кружки „Гейнала" и „Силы". Хотя другіе союзы видѣли въ соціализмѣ нѣчто вродѣ чучела на огородѣ, нѣчто непрактичное и скучное, но все-таки онъ импонировалъ имъ своимъ научнымъ характеромъ и хотя бы своимъ страшнымъ видомъ. Хотя оба соціалистическіе кружка также враждовали между собой, но для остальной колоніи собранія, устраиваемыя ими, представлялись какъ бы нейтральной почвой. Поэтому и на конференцію интернаціоналистовъ пришло нѣкоторое число слушателей постороннихъ. Тѣмъ болѣе интереса внушалъ колоніи возвѣщенный націоналистами балъ, который долженъ былъ послѣдовать за концертомъ.

IX.

Между тѣмъ Орлицкимъ начинало овладѣвать уныніе. Казалось бы, онъ достигъ—чего хотѣлъ. Онъ могъ писать, не опасаясь запрещенія журнала, имѣлъ обезпеченныя средства на изданіе, стоялъ во главѣ „партіи", наконецъ, нравившаяся ему дѣвушка готова была стать его женой. Но подъ вліяніемъ хандры ему казалось тяжкимъ получать деньги отъ чужого человѣка, въ видѣ милости, несноснымъ—вдаваться въ споры и дрязги въ своемъ же кружкѣ и выслушивать сплетни, исходившія изъ партіи „Силы", легко распространявшіяся въ колоніи, вообще падкой на пересуды ближнихъ.

Къ тому же онъ не былъ увѣренъ въ Вильгельминкѣ. Правда, она дала обѣщаніе выйти за него. Но вѣдь она была невѣстой и Грегоржевскаго, а между тѣмъ призналась потомъ, что не любила его. Когда Леонъ былъ съ нею наединѣ, она охотно отдавала ему поцѣлуи, порой даже сама вызывала ихъ. Но впечатлительная натура Орлицкаго сознавала, что это была скорѣе намѣренная любезность, чѣмъ порывъ сердца и хотя бы только чувственности. Все это давило Леона и омрачало его дѣятельность, хотя онъ и старался убѣдить себя, что его просто мучила тоска по родинѣ. Конечно, и это могло быть, до извѣстной степени.

Концертъ вышелъ не особенный. Украшеніями его были нѣкій скрипачъ съ именемъ, но безъ таланта, и Яблонская, та танцовщица, которая задумала сдѣлаться пѣвицей и теперь брала уроки у Віардо. Но балъ отличался оживленіемъ и вообще имѣлъ большой успѣхъ. Однако передъ началомъ бала у Орлицкаго произошла „сцена" съ Вильгельминой.

— Какъ ты думаешь,— спросила она его, кивнувъ головой на Яблонскую,—раздѣлаться послѣ концерта съ этой... дѣвицей?

— Какъ что я думаю сдѣлать?.. Браумцвейгъ подастъ ей руку и введетъ ее въ бальную залу.

Вильгельмина прищурила глаза.

— Ты думаешь, собравшіяся дамы будутъ довольны имѣть ее въ своемъ обществѣ?

— А почему же нѣтъ? Ты слышала, какъ ей апплодировали?

— Апплодировали въ видѣ платы за пѣніе. А имѣть ее въ своемъ обществѣ—совсѣмъ другое дѣло.

— Не понимаю, почему.

— Потому, что, судя по ея костюму и манерѣ держать себя, это должна быть особа дурного поведенія. Впрочемъ, дѣлай какъ знаешь... Но предупреждаю, что какъ только она войдетъ въ бальную залу, я должна буду уѣхать домой.

— Ты шутишь?

— Нисколько.

И въ самомъ дѣлѣ Вильгельмина уѣхала раньше, чѣмъ начались танцы. Орлицкій черезъ нѣкоторое время одѣлся и вышелъ на улицу, чтобы поѣхать къ ней. Но потомъ ему подумалось:—„Пускай себѣ!“—И онъ вернулся.

На балу присутствовали Стронскій и нѣсколько его приверженцевъ, чтобы отдать націоналистамъ визитъ ихъ на конференціи. Былъ Монталамберъ, но было и много лицъ, не имѣвшихъ съ соціалистами ничего общаго. Монталамберъ взялъ Орлицкаго подъ-руку и прошелся съ нимъ по залѣ, говоря ему комплименты за удачу бала.

Услышавъ шумъ въ буфетѣ, откуда проникалъ табачный дымъ, Леонъ освободился отъ полковника и хотѣлъ-было войти туда, чтобы распорядиться. Но и этого сдѣлать ему вдругъ не захотѣлось, точно такъ, какъ передъ тѣмъ—ѣхать къ Вильгельминкѣ. Была это робость—или апатія? Вдругъ онъ услышалъ призывъ Стронскаго изъ сосѣдней ложи. Въ этой ложѣ сидѣли знаменитый писатель П., поощрявшій молодыхъ родичей подаркомъ своей книги, и вмѣстѣ съ нимъ нѣсколько сѣдыхъ джентльменовъ аристократическаго вида. Стронскій стоялъ передъ ними въ почтительной позѣ. Было ясно, что подозвалъ онъ Орлицкаго къ ложѣ по ихъ желанію.

П. обратился къ Леону, какъ къ знакомому, поздравилъ съ успѣхомъ въ Парижѣ, назвалъ его даже президентомъ комитета. Стронскій въ эту минуту раскланялся. А Леонъ сказалъ:

— Я не президентъ, но долженъ все-таки поблагодарить

васъ, господа, отъ имени комитета, за посѣщеніе нашего вечера.

Эти слова произвели хорошее впечатлѣніе.

— Но скажите же мнѣ, мой молодой компатріотъ, съ какой стати у васъ вонъ та фигура?—спросилъ П., взглядывая въ сторону, гдѣ присѣлъ Монталамберъ.

— Кто такой?

— Да вотъ тотъ сѣдой, съ чубомъ à la Rochefort.

— Это полковникъ Монталамберъ.

Здѣсь вмѣшался въ разговоръ сидѣвшій рядомъ съ П. необыкновенно толстый мужчина съ маленькими глазами, въ которыхъ проглядывала иронія.

— Полковникъ? Но какого рода оружія? Развѣ что шулеровъ или вотъ этихъ господъ въ пелеринкахъ?—онъ указалъ головой на стоявшаго у двери полицейскаго.

Орлицкаго пронзила холодная струя.

— Полковникъ Монталамберъ,—возразилъ онъ,—произнесъ хорошую рѣчь на нашемъ народномъ празднествѣ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, происходившемъ въ залѣ географическаго общества. И вездѣ высказываетъ свою привязанность къ полякамъ. Онъ далъ намъ доводы своего сочувствія... А когда-то онъ принималъ участіе въ возстаніи, дрался за насъ...

— Ага!—смѣялся графъ.—Гдѣ же это?

— Гдѣ, не помню,—продолжалъ Леонъ въ нѣкоторомъ смущеніи.—А впрочемъ, видите, у него ленточка Почетнаго Легіона.

При этихъ словахъ, и П., и толстый графъ Лещъ, и баронъ Фаренэбергъ уже громко разсмѣялись. Затѣмъ П. обратился къ графу:

— Такъ какъ мы позвали нашего молодого компатріота для того, чтобы его предостеречь, то скажите ему, что̀ вы знаете объ этомъ полковникѣ.

Графъ принялъ серьезную мину.

— Я видѣлъ его въ первый разъ въ Константинополѣ. Онъ держалъ тамъ игорный домъ и имѣлъ хорошенькую жену. Отъ скуки мы зашли туда раза два и убѣдились, что это былъ вертепъ. Въ то время Орьè... настоящая его фамилія Орьè—жилъ на большую ногу. Затѣмъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, онъ явился ко мнѣ, въ Парижъ, уже ободранный, нищій и умолялъ зайти къ нему, на улицу Муффетаръ. Тамъ я нашелъ совершенную нищету, а жена, сошедшая съ ума, была заперта въ чуланѣ. Я оставилъ ему немного денегъ. Спустя еще довольно долгое время, иду я разъ по бульварамъ съ Андріè, тогдашнимъ префектомъ

полиціи. Встрѣчаемъ этого господина, и онъ снимаетъ шляпу. Я отдалъ ему поклонъ, а удивленный этимъ Андріё предупредилъ меня, что это — агентъ сыскной полиціи и что такимъ людямъ не кланяются. Очень могло быть, что Орьё и не поклонился бы мнѣ, чтобы не вызвать разговора о себѣ, но онъ долженъ былъ снять шляпу передъ Андріё. Тогда,—продолжалъ графъ,— я уже принужденъ былъ разсказать ему, какимъ образомъ я знакомъ съ этимъ сыскнымъ агентомъ... И помню слова Андріё, что при опредѣленіи такихъ людей нельзя быть слишкомъ разборчивымъ, но что Орьё оказался сыщикомъ умнымъ и ловкимъ, такъ что его, впослѣдствіи, сочли возможнымъ отдать въ распоряженіе одного изъ посольствъ, просившаго о рекомендаціи надежнаго агента.

Орлицкій остолбенѣлъ. Передъ нимъ раскрылась страшная правда — вотъ на чьи деньги издавался „Гейналъ"! Нѣкоторое время онъ простоялъ у ложи, какъ вкопанный, какъ будто провалился въ пропасть, изъ которой не видѣлъ выхода. А въ ложѣ въ это время заговорили уже о другомъ.

— А куда дѣвался нашъ молодой баронъ? Не танцуетъ ли онъ?—спросилъ П.

— Не видно. Очень милый, скромный и неглупый человѣкъ,—замѣтилъ Лещъ.—Только не знаю, изъ какихъ онъ Стронскихъ. Есть Стронскіе бароны, сколько мнѣ извѣстно.

Леонъ услышалъ это. Итакъ, интернаціоналистъ Стронскій тамъ, гдѣ ему было нужно, выдавалъ себя за барона. Но не въ этомъ теперь дѣло. Что предпринять въ томъ ужасномъ положеніи, въ какое онъ самъ былъ поставленъ? Пойти, обличить Орьё публично и выгнать изъ этой залы? Но въ такомъ случаѣ и онъ публично скажетъ, что журналъ польской національно-соціалистической партіи издавался на его шпіонскія деньги!..

Орлицкаго, вдобавокъ, мучило опасеніе, что здѣсь, въ этой ложѣ, могли вѣдь и Стронскому разсказать правду о Монталамберѣ, когда онъ, Орлицкій, проходилъ подъ-руку съ этимъ сыщикомъ... Что это была правда, нельзя было сомнѣваться, такъ какъ Лещъ считался человѣкомъ серьезнымъ... А если Стронскій узналъ эту правду, то какое оружіе у него въ рукахъ!

Усилившійся шумъ въ буфетѣ заставилъ, наконецъ, Орлицкаго войти туда. Тамъ онъ увидѣлъ одного изъ своихъ товарищей, Ходзика, который былъ совершенно пьянъ и говорилъ чепуху, а Стронскій стоялъ передъ нимъ, задавалъ ему вопросы и потѣшался.

— Не стыдно ли вамъ,—обратился къ Стронскому Леонъ:—вѣдь вы видите, въ какомъ этотъ человѣкъ состояніи?!

— Какое же мнѣ дѣло? За него отвѣчаютъ, кто его сюда привелъ... Тотъ, кто въ польское общество вводитъ людей еще болѣе недостойныхъ...

Это былъ уже ясный намекъ на Монталамбера. Орлицкій окончательно потерялъ голову.

— Здѣсь не мѣсто,—сказалъ онъ и сдѣлалъ шагъ къ Стронскому, который отступилъ на бокъ.—Завтра я пришлю къ вамъ за объясненіемъ.

Утромъ Леонъ судорожно вскочилъ съ постели. Ему пришло на мысль, что въ бумагахъ его находится письмо Монталамбера, при которомъ этотъ шпіонъ разъ прислалъ ему деньги на квартиру. Онъ поспѣшно перебралъ бумаги... Письма не оказалось. Не было и списка подписчиковъ въ Царствѣ. Тогда ему припомнилось, что однажды онъ засталъ у себя Фарбаха, который, въ его отсутствіе, рылся въ его бумагахъ. Теперь этотъ списокъ долженъ уже былъ находиться гдѣ слѣдовало, и кто знаетъ, не были ли произведены у всѣхъ подписчиковъ обыски, не были ли иные изъ нихъ уже высланы въ восточныя губерніи, такъ какъ при этомъ случаѣ у нихъ могло быть найдено и еще что-нибудь, кромѣ „Гейнала".

Орлицкій рѣшилъ послать къ Стронскому секундантовъ. Пусть все выяснится и придетъ къ концу. Еще лучше было бы—не возвратиться съ поединка. Тоска, напрасныя усилія, несправедливость людей, разочарованіе... не стоило жить.

Секунданты Браумцвейгъ и Загурскій вернулись въ крайнемъ возбужденіи. Лицо Загурскаго было сине-багровое.

Войдя къ Леону, онъ крикнулъ:

— Вотъ подлость! Онъ отказался отъ поединка и говоритъ, мерзавецъ, что не можетъ драться ни съ вами, ни съ кѣмъ-либо изъ партіи, которая существовала... на шпіонскія деньги! Каковъ, шельмецъ!

Орлицкій взглянулъ на Браумцвейга, и по выраженію его лица угадалъ, что Стронскому было извѣстно все и что онъ не ограничился тѣмъ голословнымъ обвиненіемъ, какое передавалъ Загурскій. Очевидно, выкраденное Фарбахомъ письмо Монталамбера о деньгахъ было передано Стронскому, а о томъ, кѣмъ былъ Монталамберъ, Стронскій узналъ на балѣ отъ графа Леща, раньше еще, чѣмъ самъ Орлицкій.

Теперь все кончено.

— Ради Бога, скажите же что-нибудь, объяснитесь!—просилъ Браумцвейгъ.

И Леонъ объяснилъ имъ все съ полной откровенностью. Монталамбера онъ видѣлъ въ первый разъ на польскомъ празднествѣ въ залѣ географическаго общества, на которое тотъ былъ приглашенъ польскимъ комитетомъ, узналъ, что онъ—французскій полковникъ, слышалъ рѣчь его, проникнутую сочувствіемъ къ польскому дѣлу, за которое онъ, будто бы, самъ сражался. Потомъ Орлицкій былъ представленъ ему хозяиномъ коммиссіонной конторы, Квятковскимъ, былъ однажды съ Монталамберомъ у панны Вильгельмины Борманъ и слышалъ отъ него нѣсколько разъ предложеніе помогать деньгами польскимъ эмигрантамъ или ихъ патріотическому издательству. И вотъ, когда, по смерти Грегоржевскаго, издательство должно было пріостановиться, за неимѣніемъ средствъ, онъ, Орлицкій, не видѣлъ, почему нельзя было принять предложеніе Монталамбера, чтобы не только возобновить, но и расширить агитаціонное дѣло. А о томъ, что Монталамберъ былъ шпіономъ и давалъ не свои деньги, онъ, Орлицкій, узналъ только на балѣ отъ П. и Леща, послѣ Стронскаго.

Выслушавъ это признаніе, Загурскій молчалъ, а Браумцвейгъ, положивъ Леону руку на плечо, произнесъ, тономъ дружественнымъ, но съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ:

— Ну, теперь позвольте ужъ намъ исправить это дѣло.

Леонъ понялъ, что все значеніе его въ партіи съ этой минуты рушилось.

И вотъ, онъ снова подъѣзжаетъ къ русской таможенной границѣ. Теперь онъ ѣдетъ эмиссаромъ отъ того кружка, который, быть можетъ, распадется послѣ его отъѣзда. Въ карманѣ у него добытое Роберомъ французское свидѣтельство на проживаніе въ Россіи, выданное на имя Робера. Большой чемоданъ съ брошюрами, накопившимися послѣ смерти Грегоржевскаго, оставленъ Орлицкимъ по той сторонѣ границы и будетъ пронесенъ контрабандою, а онъ самъ станетъ разносить ихъ по деревнямъ и фабрикамъ въ Царствѣ.

Стоитъ уже ноябрь. Изъ окна вагона виднѣются широкія равнины застывающаго въ холодѣ края. Въ одномъ вагонѣ съ Орлицкимъ опять сидитъ тотъ молодой русскій жандармскій офицеръ, который ѣхалъ съ нимъ, когда онъ отправлялся за границу. Жандармъ бросилъ на Леона проницательный взглядъ. Быть можетъ, узналъ его? Но когда возвращали паспорты, тотъ же офицеръ протиснулся изъ корридора, гдѣ стоялъ Орлицкій, и только сказалъ:

— Pardon!

Леонъ пошелъ пѣшкомъ въ мѣстечко, искать пристанища. Покамѣстъ онъ не несъ на себѣ мѣшка съ книгами. Но его давило бремя болѣе тяжелое, бремя неудачи, уязвленнаго самолюбія, ошибки, которой онъ сдѣлался жертвой и которая могла отозваться на судьбѣ нѣсколькихъ человѣкъ въ краѣ... Передъ его глазами чернѣла дорога, мѣстами обрамленная замерзшими уже полосками воды, какъ бѣлыми плерёзами на траурной ткани.

Безлистныя деревья не подавали знака жизни, казалось, осужденныя на летаргію, которой не будетъ конца... Но онъ придетъ, этотъ конецъ. Соберется съ силами, просіяетъ и обогрѣетъ землю солнце, этотъ источникъ обновленія всей природы, эта свобода для воскресенія жизни. Листья пробьются снова изъ согрѣтыхъ вѣтвей... Прилетятъ теплые вѣтерки, согрѣются и вѣтры съ сѣвера, съ востока. Настанетъ лѣто—для всѣхъ... Сбудутся и ожиданія голодающихъ, и надежды притѣсненныхъ.

И Леону вспомнились слова Грегоржевскаго: „Зашумитъ лѣсъ“.

Л. А—въ.

МИНИСТЕРСКАЯ ПОЛЕМИКА

Изъ литературныхъ воспоминаній о гр. Дм. Андр. Толстомъ [1]).

Конецъ семидесятыхъ годовъ отличался замѣтнымъ общественнымъ и литературнымъ оживленіемъ, весьма похожимъ на нынѣшнее. Въ земскихъ собраніяхъ послышались новыя рѣчи; журналы и газеты также заговорили свободнѣе и стали касаться такихъ предметовъ, о которыхъ недавно еще и думать не смѣли: о правовомъ порядкѣ, о школьной системѣ, о дѣятельности III-го отдѣленія (которое вскорѣ затѣмъ было уничтожено или, вѣрнѣе, преобразовано въ особый департаментъ), объ административно-ссыльныхъ, о политическихъ процессахъ и т. п. Вообще, наступила передышка. Во главѣ печати сталъ человѣкъ просвѣщенный, отличавшійся широтою взглядовъ и терпимостью (Н. С. Абаза). Въ высшихъ сферахъ рѣзко обозначились два направленія: одно прежнее, ультра-реакціонное, а другое новое—прогрессивное. Старое, по обыкновенію, упиралось, продолжало пугать крамолой и кричать: „стой“, „тормази“, „задній ходъ!“—а новое говорило, что изъ этого не только ничего не выходитъ, но получаются еще какъ разъ обратные результаты. Особенно яркимъ примѣромъ этого было тогдашнее министерство народнаго просвѣщенія, во главѣ котораго стоялъ гр. Д. А. Толстой: тогдашніе гимназіи и университеты, съ ихъ необыкновенно душной атмосферой, строгостями и холоднымъ бездушіемъ, давали

[1]) Эта статья найдена въ бумагахъ покойнаго С. Н. Кривенка.—*Ред.*

именно только отрицательные итоги. Масса ежегодно исключаемой молодежи выходила въ жизнь измученной, издерганной, озлобленной и не знала, что дѣлать. Родители съ ужасомъ смотрѣли на исковерканную жизнь и будущее своихъ дѣтей и все больше и больше говорили: вотъ кто настоящій поставщикъ недовольныхъ элементовъ, обращающихся къ пропагандѣ и революціонной дѣятельности! Наконецъ, начало это сознаваться кое-кѣмъ и въ высшихъ петербургскихъ сферахъ. А гр. Толстой не только не внималъ этимъ голосамъ и доводамъ жизни, не только не слушалъ родительскаго и дѣтскаго плача, но точно еще больше ожесточался въ своихъ мѣропріятіяхъ. Классическое образованіе, которое, не будучи классикомъ [1]), онъ съ такимъ усердіемъ насаждалъ,—какъ это прекрасно потомъ доказалъ гр. Капнистъ [2]),—было въ его рукахъ вовсе не средствомъ просвѣщенія, а чисто политическимъ орудіемъ умственной дисциплины или, вѣрнѣе систематическаго притупленія молодежи. Гимназисты должны были, по возможности, совсѣмъ не имѣть свободнаго времени для чтенія и самостоятельнаго умственнаго развитія, и должны были всѣ свои силы употреблять на зубрёжку, чтобы потомъ превращаться въ исполнительныхъ чиновниковъ. Классическіе языки должны были дисциплинировать ихъ умы и такъ обмозоливать ихъ головы, чтобы онѣ становились непроницаемыми для вредныхъ идей. Кромѣ того, будучи самъ захудалаго рода, онъ тѣмъ съ большимъ усердіемъ придерживался аристократическихъ воззрѣній и не допускалъ слишкомъ большого количества образованнаго плебса, а потому обращалъ гимназію въ какой-то барьеръ или такое горнило, черезъ которое изъ низшихъ слоевъ могли проходить только особенно прочныя головы; все же остальное, что не выдерживало искуса и ломалось, выбрасывалось какъ бракъ, какъ мусоръ. Вѣроятно, при этомъ ему рисовались, съ одной стороны, древнія Аѳины, а съ другой—Англія (съ ея герцогами, лэндлордами и джентри), къ которой былъ такъ неравнодушенъ и знаменитый его современникъ Катковъ.

Отсюда—ограниченіе пріема евреевъ, семинаристовъ и прочихъ незнатнаго происхожденія юношей въ университеты; отсюда—безжалостное вышвыриваніе дѣтей изъ гимназій не только за дурныя отмѣтки, но и за чисто дѣтскіе проступки и многое другое, что укладывалось въ растяжимыя рамки „неодобрительнаго по-

[1]) Потомъ на это не разъ указывалось. Воспитывался онъ въ царскос. лицеѣ, гдѣ преподавался только одинъ латинскій языкъ.

[2]) Бывшій попечитель моск. учебн. округа, самъ большой сторонникъ классицизма, только вполнѣ раціонально поставленнаго.

веденія". Для такого рода дѣтей даже прогимназіи и реальныя училища (съ ихъ ограниченнымъ также курсомъ и правами) считались чуть не роскошью [1]). Педагогическій персоналъ, въ свою очередь подвергавшійся очисткѣ и подбору, не говоря уже о чехахъ, выписанныхъ на каѳедры древнихъ языковъ, никогда не блисталъ такимъ обиліемъ бездарностей и грубаго невѣжества, какъ въ то время. Достаточно сказать, что воздвигалось прямое гоненіе не только на современную литературу, но даже на естествознаніе, несмотря на то, что въ лучшихъ заграничныхъ классическихъ гимназіяхъ естествознанію отводилось почетное мѣсто. Это были не свѣточи, а настоящіе гасители истиннаго просвѣщенія и высшихъ духовныхъ стремленій юношества, которые даже изъ античнаго міра брали для своихъ коптильниковъ не лучшее масло, а мазутъ. Но все это—ничто, въ сравненіи съ грубымъ отношеніемъ къ личности учащихся и родительскимъ чувствамъ и правамъ. Поступленіе въ гимназію сопряжено было съ поклонами, такъ какъ частныхъ учебныхъ заведеній было очень мало и они лишь терпѣлись; а все время пребыванія въ гимназіи было безпрерывнымъ трепетомъ, какъ для самихъ учениковъ, такъ и для ихъ отцовъ и матерей. Съ послѣдними не разговаривали, а только вызывали ихъ, какъ въ участокъ, чтобы сказать: „вашъ сынъ дурно ведетъ себя и не можетъ быть терпимъ въ заведеніи"; или: „вашъ сынъ плохо учится, возьмите его,—иначе исключимъ". Тогда опять начинались унизительные поклоны и просьбы, а дома принимались разныя мѣры къ исправленію порочныхъ и нерадивыхъ, обращавшія и домашнюю жизнь въ какой-то адъ. Иногда родителямъ рекомендовались тѣлесныя наказанія, къ которымъ нѣкоторые изъ нихъ и прибѣгали; въ домахъ и квартирахъ ихъ производились обыски и провѣрка того, что̀ ихъ дѣти читаютъ; на нихъ кричали и топали ногами и т. д. Всѣ эти гнусности до такой степени срослись съ системой гимназическаго образованія, что долго продолжались и послѣ гр. Толстого. Исключенные и „добровольно вышедшіе" изъ гимназій переживали массу душевныхъ страданій и не знали, что̀ дѣлать, куда дѣваться. Часть шла въ юнкерскія, реальныя, желѣзнодорожныя и ремесленныя училища, другая — въ вольноопредѣляющіеся, въ почтово-телеграфную службу и т. п.; но за всѣмъ тѣмъ оставалось все-таки много такихъ, которые не находили мѣста и оказывались въ самомъ безвыходномъ положеніи.

[1]) Преемникъ гр. Толстого, И. Д. Деляновъ, также не жаловалъ „кухаркиныхъ дѣтей".

Удивительно ли, что при такихъ условіяхъ были случаи самоубійствъ и что случаи эти стали настолько часто повторяться, что о нихъ заговорили. Гимназіи, конечно, этихъ случаевъ не считали, какъ нѣкоторые грѣшники не считаютъ своихъ грѣховъ. Разъ воспитанники въ ихъ исходящихъ бумагахъ значились выбывшими изъ заведеній, то можно было говорить: „происходитъ это не у насъ, а на сторонѣ, и мы не знаемъ, да и не обязаны знать — по какимъ причинамъ мальчишки стрѣляются"... Но вотъ произошло нѣсколько самоубійствъ уже въ непосредственной и наглядной связи съ учебной жизнью и экзаменами, и тогда гр. Толстой напечаталъ въ „Прав. Вѣстникѣ" свой знаменитый циркуляръ о неосторожномъ обращеніи съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, рекомендуя или, вѣрнѣе, предписывая родителямъ не давать ихъ дѣтямъ-гимназистамъ оружія. Такъ какъ все, очевидно, клонилось слишкомъ уже въ одну благопріятную для министерства сторону дѣтской неосторожности, то я и написалъ по этому поводу замѣтку, въ которой поставилъ вопросъ: отъ одного ли неосторожнаго обращенія съ оружіемъ происходятъ случаи самоубійствъ и не играютъ ли при этомъ также роли другія обстоятельства, вродѣ учебныхъ строгостей, трудности экзаменовъ и огромнаго количества ежегодно исключаемыхъ и по разнымъ другимъ причинамъ выходящихъ изъ гимназій до окончанія курса, при чемъ привелъ и соотвѣтствующія цифры. Цифры эти были очень значительны: въ 1873 г., напр., въ 123 гимназіяхъ и 44 прогимназіяхъ изъ общаго числа 41.712 воспитанниковъ было выключено и по другимъ причинамъ выбыло 10.792 чел., въ 1874 г.—9.162 чел. и т. д. А въ связи съ этимъ былъ поставленъ и другой вопросъ: „куда дѣвается вся эта несчастная почти десяти-тысячная масса ежегодно выбывающихъ и остается ли ей какое-нибудь мѣсто въ жизни для труда и самообразованія?"

Замѣтка была напечатана въ газетѣ „Русская Правда". Это была очень хорошая газета, къ сожалѣнію, не долго просуществовавшая. Издавалъ ее Д. К. Гирсъ, человѣкъ несомнѣнно талантливый и хорошій. Я въ газетѣ не участвовалъ, но частенько заходилъ въ „дружественную редакцію" по пути въ „Отеч. Записки", гдѣ въ то время работалъ. Въ газетѣ, начиная съ самого Гирса [1]), принимали ближайшее участіе люди,

---

[1]) Гирсъ дебютировалъ въ „Отеч. Зап." началомъ прекраснаго большого романа „Старая и юная Россія", съ которымъ, къ сожалѣнію, по разнымъ причинамъ, не справился и такъ его и не кончилъ.

такъ или иначе прикосновенные къ „Отеч. Запискамъ": г.г. Протопоповъ (М. А.), Кулишеръ, Котелянскій и др.

Гр. Толстой, положеніе котораго тогда начинало обостряться, остался очень недоволенъ моею замѣткой: она, какъ говорится, попала не въ бровь, а прямо въ глазъ. Потомъ мы узнали, что кто-то (можетъ быть, кто-нибудь изъ высокопоставленныхъ родственниковъ Гирса, а можетъ быть и кто-нибудь другой) показалъ ее покойному государю Александру II-му, а тотъ, будто бы, въ очень рѣзкой формѣ выразилъ Толстому свое неудовольствіе. Такъ это было или нѣтъ—не знаю, но знаю только, что черезъ нѣкоторое время гр. Толстой прислалъ въ редакцію запросъ: кто авторъ статьи? — съ требованіемъ, чтобы послѣдній явился къ нему „для необходимыхъ объясненій". Гирсъ вѣжливо, но съ достоинствомъ отвѣтилъ, что не имѣетъ права никому, кромѣ суда, называть авторовъ неподписанныхъ статей, но что передастъ автору о желаніи графа. Я отъ явки къ Толстому отказался, сказавъ, что пусть въ самомъ дѣлѣ онъ обращается къ суду съ своими претензіями. Гирсъ въ этомъ смыслѣ и отвѣтилъ. Черезъ нѣкоторое время отъ Толстого вновь пріѣхалъ какой-то чиновникъ съ тѣмъ же въ сущности требованіемъ, но въ болѣе вѣжливой формѣ: „графъ, молъ, желаетъ совмѣстно съ авторомъ выяснить нѣкоторыя недоразумѣнія и проситъ его пріѣхать"... Послѣ этого разговора Гирсъ пріѣхалъ ко мнѣ, а я пошелъ посовѣтоваться съ Г. З. Елисеевымъ и отъ него къ Гирсу. Елисеевъ, подсмѣиваясь надъ положеніемъ и домогательствами Толстого и надъ тѣмъ, какъ я отказываюсь (т.-е. боюсь) отъ столь лестнаго знакомства, одно твердилъ: „Ни за что къ нему не ходите и себя не называйте. Есть законный путь,— пусть его и держится, а не требуетъ къ себѣ писателей, какъ какихъ-нибудь курьеровъ". Придя къ Гирсу, я на минуту поколебался было въ своемъ рѣшеніи... Онъ ходилъ какой-то скучный по кабинету. Хотя мы по большей части также смѣялись надъ положеніемъ Толстого, представляя себѣ, какъ онъ можетъ провалиться на судѣ, но тотъ, повидимому, не желалъ доставить намъ этого удовольствія, а между тѣмъ не отставалъ. Переговоры тянулись, кажется, уже больше двухъ недѣль и были очень томительны; въ типографію и редакцію стали заходить какія-то темныя фигуры, которыя что-то разнюхивали; положеніе Гирса было не изъ пріятныхъ, и мнѣ было передъ нимъ неловко, тогда какъ поѣздка моя могла бы все это прекратить. Но съ другой стороны я думалъ: ну, зачѣмъ я поѣду? Мы—не дѣти. Толстой

знаетъ, что̀ дѣлаетъ, и я тоже знаю, что̀ дѣлаю. Ни онъ меня, ни я его не переубѣдимъ. О чемъ же намъ разговаривать?

— Мнѣ кажется,—сказалъ Гирсъ,—что онъ хочетъ, чтобы мы сами написали какую-нибудь поправку къ статьѣ.

— Мнѣ тоже кажется, — отвѣтилъ я,—но именно этого-то и не слѣдуетъ дѣлать.

— Почему-то,—продолжалъ Гирсъ,—очень его интересуетъ еще ссылка въ статьѣ на государственный контроль.

Тутъ нужно нѣкоторое поясненіе. Незадолго до этого эпизода я собирался писать статью по народному образованію для „Отеч. Зап.“ и говорилъ по этому поводу съ вышеупомянутымъ сотрудникомъ нашимъ Котелянскимъ, который, послѣ разговора, далъ мнѣ табличку съ цифрами учениковъ, исключаемыхъ и выходящихъ изъ гимназій до окончанія курса, полученную имъ отъ знакомыхъ изъ государственнаго контроля. Хотя цифры эти въ разрозненномъ видѣ появлялись и раньше въ газетахъ и въ календарѣ Суворина, но все-таки я ихъ провѣрилъ по „Журналу Мин. Нар. Просв.“, и такъ какъ онѣ оказались вѣрны, то, вводя ихъ въ замѣтку, напечатанную въ „Русск. Правдѣ“, не придалъ особаго значенія фразѣ „по свѣдѣніямъ госуд. контроля“. Между тѣмъ, фраза эта заинтриговала Толстого, у котораго въ то время были какіе-то счеты съ контролемъ. Контроль собирался *угостить* его какимъ-то нововведеніемъ, и очень вѣроятно, что онъ заинтересованъ былъ узнать—кто оттуда (а также и туда) сообщаетъ неблагопріятныя свѣдѣнія? Очень возможно, что пойди я къ нему, онъ поставилъ бы мнѣ этотъ вопросъ, и я очутился бы въ самомъ щекотливомъ положеніи, не имѣя ни права, ни желанія называть третьихъ лицъ. Къ тому же, въ это время бѣдный Котелянскій заболѣлъ тифомъ и умеръ. Словомъ, по разнымъ причинамъ, ѣхать къ Толстому было крайне непріятно. Впрочемъ, я предлагалъ Гирсу, что если онъ желаетъ, то я поѣду, но онъ категорически сказалъ, что вовсе этого не желаетъ и не находитъ нужнымъ, а скорбитъ только о положеніи русской печати и видитъ, какъ при такихъ условіяхъ трудно издавать газету. Не помню дальнѣйшаго теченія этой исторіи, но помню, что она продолжалась, что Толстой злился и на „Русскую Правду“, и на поддерживавшій ее „Голосъ“, и говорилъ, что такъ или иначе узнаетъ своихъ „благопріятелей“ (онъ подозрѣвалъ еще какихъ-то учителей); помню, что, узнавъ объ этомъ отъ С. Н. Терпигорева, я сообщилъ объ этомъ Гирсу и сказалъ, что если Толстой, уклоняясь отъ прямого пути, будетъ продолжать свои развѣдки административнымъ порядкомъ, то чтобы онъ отвѣтилъ,

что авторъ статьи умеръ, т.-е. что писалъ ее покойный Котелянскій. Кажется, въ концѣ концовъ, Гирсъ такъ и сдѣлалъ. И вотъ, черезъ нѣкоторое время, „Русская Правда" получила изъ министерства народн. просв. ругательнѣйшее опроверженіе, которое должна была напечатать въ № 20, 1879 г., „на основаніи ст. 44 прил. къ ст. 4 (примѣч.) уст. ценз. свод. зак. т. XIV, по прод. 1876 г.". Обширное опроверженіе это ($3^1/_2$ столбца) чрезвычайно интересно, какъ по ругательному тону и подтасовкѣ данныхъ, такъ и по тому, что ровно ничего не опровергло, а только подтвердило и даже усугубило еще то, что мы говорили. Замѣтка моя обзывалась „неумѣлой", я обвинялся въ „непониманіи предмета", въ „навѣтахъ", въ „превратныхъ толкованіяхъ", въ „агитаціи" и прочихъ смертныхъ грѣхахъ. Но лучше всего я позволю себѣ привести нѣкоторыя наиболѣе характерныя выдержки изъ этого документа.

„Въ № 89 газеты „Русская Правда" за 1878 годъ превратно изложены и переданы распоряженія министерства народнаго просвѣщенія, обнародованныя въ „Правительственномъ Вѣстникѣ", касающіяся неосторожнаго обращенія съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, слишкомъ часто дозволяемаго иными родителями учащимся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. „Русская Правда" силится доказать, что означенныя распоряженія вызваны не предусмотрительностью учебнаго начальства, имѣющаго въ виду безопасность учащихся, но многочисленностью случающихся будто бы въ послѣдніе годы самоубійствъ; причемъ, съ цѣлью подтвердить свои догадки, „Русская Правда" сообщаетъ ложныя свѣдѣнія о ходѣ преподаванія и системѣ воспитанія въ училищахъ, не указывая другихъ источниковъ, откуда заимствованы эти свѣдѣнія, кромѣ „Календаря Суворина на 1879 годъ" и какихъ-то данныхъ, имѣющихся будто бы въ государственномъ контролѣ".

Затѣмъ, на основаніи „точныхъ (?) статистическихъ свѣдѣній, тщательно провѣренныхъ и напечатанныхъ въ свое время въ Журн. Мин. Нар. Просв.", а также на основаніи данныхъ, „извлеченныхъ изъ подлиннаго (?) дѣлопроизводства министерства", слѣдовало утвержденіе, что случаи самоубійствъ „между учениками гимназій чрезвычайно рѣдки", а именно „только 20 случаевъ въ теченіе семи лѣтъ". Невольно является вопросъ: если случаевъ этихъ было, дѣйствительно, такъ мало, то зачѣмъ понадобился циркуляръ, въ которомъ говорилось о самоубійствѣ? А это, видите ли, отъ избытка заботливости: чтобы, „исчисляя несчастные случаи" отъ неосторожнаго обращенія съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, указать „между прочимъ" родителямъ „и на

немногіе случаи самоубійства, совершаемые иногда даже несовершеннолѣтними" подъ вліяніемъ „дикихъ порывовъ, минутнаго возбужденія или хронической меланхоліи". Любопытно, что ниже министерство само говорило, что даже изъ 20 приведенныхъ имъ случаевъ только 3 произошло отъ неосторожнаго обращенія съ оружіемъ! Такъ вотъ, „исчисляя" эти три случая, оно „между прочимъ" упомянуло и объ остальныхъ... А виновато во всемъ этомъ было, конечно, огнестрѣльное оружіе, „слишкомъ часто дозволяемое (?) иными родителями учащимся", или, лучше сказать, сами родители. Неужели это было не казуистикой, да еще не самой безцеремонной и беззастѣнчивой?! Мы уже указывали, что гимназіи не регистрировали случаевъ самоубійствъ послѣ выключенія учениковъ изъ своихъ списковъ, а еслибы онѣ это дѣлали, то, конечно, получили бы иныя цифры. Мы утверждали и продолжаемъ утверждать, что случаевъ самоубійствъ было гораздо больше. „Насъ поступило въ гимназію 53 чел.,—говорилъ, напр., недавно г. Петрищевъ.—Изъ нихъ получило аттестатъ зрѣлости 7, кончило самоубійствомъ 3" [1]).

Далѣе, изслѣдуя причины самоубійствъ, министерство пришло также къ самымъ успокоительнымъ для себя выводамъ.

„Анатомическія изслѣдованія, тщательные разспросы и розысканія о семейной обстановкѣ погибшихъ, ихъ отношеніяхъ къ товарищамъ, преподавателямъ и начальству, произведенные при содѣйствіи прокуроровъ и судебныхъ слѣдователей, губернской полиціи и даже жандармскихъ управленій, убѣждаютъ, что причиною смерти было, въ большинствѣ случаевъ, давнее органическое разстройство здоровья, выражавшееся или постоянною меланхоліею и нелюдимостью, или нервною возбужденностью и крайне чувствительною впечатлительностью. Ближайшимъ же поводомъ къ катастрофамъ бывали иногда событія, тяжелымъ гнетомъ ложившіяся на нравственное состояніе молодого человѣка, но въ другихъ случаяхъ обстоятельства малозначащія. Изъ 20 случаевъ, вышеприведенныхъ, 3 случая произошли отъ шалости и неосторожнаго обращенія съ оружіемъ; 3 случая отъ семейнаго горя, каковы: переходъ отъ богатства и роскоши къ бѣдности, при физическомъ недостаткѣ (искривленная нога начинаетъ сохнуть), смерть нѣжно любимыхъ родителей, крайняя бѣдность родителей. Къ этой категоріи несчастій, послѣдовавшихъ отъ семейной обстановки, слѣдуетъ причислить утонувшаго въ виленскомъ учебномъ округѣ, въ 1875 году. Его смерть приписы-

---

[1]) „Изъ замѣтокъ школьнаго учителя". „Русское Богатство", № 11, 1904 г.

ваютъ, по догадкамъ, жестокому обращенію отца, его *истязаніямъ*, и неудачному экзамену, при переходѣ изъ III въ IV классъ гимназіи. Неуспѣхъ экзамена зависѣлъ не отъ строгости испытательной коммиссіи, но отъ слабыхъ способностей несчастнаго. Три случая самоубійства послѣдовали послѣ взысканія болѣе или менѣе строгаго, а именно: одинъ былъ назначенъ къ увольненію изъ гимназіи за дурное поведеніе; одинъ заключенъ въ карцеръ на одинъ часъ, и доведено до свѣдѣнія отца о его проступкѣ, ослушаніи инспектору; одинъ арестованъ въ классѣ на 3 часа... Причины смерти остальныхъ 8 человѣкъ (за исключеніемъ Познанскаго) не открыто никакой, кромѣ болѣзненнаго ихъ состоянія и постоянной меланхоліи".

Одинъ, напр., „былъ отъ природы калѣкою на правую руку и ногу", что могло погружать его въ меланхолію, какъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда у трехъ юношей „искривленная нога начинала сохнуть"; а въ остальныхъ случаяхъ причинъ меланхоліи не было „открыто". Хотя „двое (изъ этихъ 8) считались учениками посредственными и были оставлены на второй годъ въ томъ же классѣ", но это, по мнѣнію министерства, едва ли могло имѣть вліяніе. Вообще, причиною самоубійствъ „въ большинствѣ случаевъ" была „постоянная меланхолія". Это было констатировано не только учебнымъ начальствомъ, но и судебн. слѣдователями, прокурорами, губернской полиціей и *даже* жандармскими управленіями. О врачахъ министерство не упоминало, вѣроятно, въ виду безусловной компетентности этихъ лицъ и учрежденій. Вообще, меланхолія была болѣзнью распространенной и чрезвычайно удобной для объясненій.

Затѣмъ, министерство говорило, что „Русская Правда" не имѣла ни повода, ни права выводить ошибочное заключеніе, что будто бы въ средѣ гимназистовъ *господствуетъ повальная болѣзнь* самоубійства". Такъ какъ „Русская Правда" о „повальности" самоубійствъ не говорила, то это было не больше какъ гиперболой или, попросту, ложью на газету. Выводъ же такой былъ сдѣланъ изъ моихъ словъ о томъ, что общество привыкло соединять случаи гимназическихъ самоубійствъ съ неудачно выдержанными экзаменами. „Если немногія, неизвѣстныя лица,— продолжало министерство,—дѣйствительно составили себѣ столь неправильное понятіе о воспитаніи въ гимназіяхъ, то потому очевидно, что... не читаютъ печатаемыхъ оффиціальныхъ отчетовъ по этому предмету", въ которыхъ не разъ указывалось, что „выпускные экзамены въ гимназіяхъ не представляютъ особаго затрудненія для большинства учащихся" и что въ общей сло-

жности не выдерживаютъ ихъ только „8 изъ 100 учениковъ". Кто же читалъ тогда оффиціальные отчеты и кто имъ вѣрилъ, когда у всѣхъ передъ глазами были совершенно другого рода факты? Министерство могло также утверждать, что при содѣйствіи „опытнѣйшихъ педагоговъ" оно будто бы достигло „во всѣхъ отношеніяхъ" такихъ результатовъ „благоустройства ввѣренныхъ ему учебныхъ заведеній", что „успѣхъ превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія"; но опять-таки кто же мало-мальски знакомый съ дѣломъ могъ безъ смѣха или безъ негодованія читать это беззастѣнчивое самохвальство? Наконецъ, въ „Русской Правдѣ" рѣчь шла вовсе не объ однихъ только выпускныхъ, а и о переводныхъ экзаменахъ, да и не объ однихъ только экзаменахъ, а объ учебной системѣ вообще. Само опроверженіе говорило, что „Русская Правда" просила министерство обратить вниманіе „на условія воспитанія, школьную дисциплину, обращеніе съ учениками, систему преподаванія, размѣры требованій, учебныя строгости, недопусканіе къ выпускному экзамену за малоуспѣшность въ ученіи и по нравственной незрѣлости и на исключеніе учениковъ изъ гимназій въ большихъ размѣрахъ". Вопросъ былъ поставленъ о цѣлой системѣ клиньевъ, изъ которыхъ каждый въ отдѣльности и всѣ въ совокупности давили на гимназическую жизнь, и отвѣтить на этотъ вопросъ утвержденіемъ, что выпускныя испытанія зрѣлости настолько для большинства нетрудны, что ихъ не выдерживаютъ только 8 чел. изъ 100, значило въ сущности ничего не отвѣтить. Общество видѣло сотни и тысячи исключаемыхъ изъ гимназій, видѣло, какъ съ каждымъ годомъ, при переходахъ въ слѣдующіе классы, таетъ число учениковъ [1]), какъ аттестатъ зрѣлости получаютъ только 5—6 чел. изъ заведенія или только 3 и 2% изъ общаго числа учениковъ (а иногда, какъ въ 1873 г., и меньше 2%), оно, въ лицѣ родителей, само переживало учебную тяготу, а его увѣряли, что это ему только кажется.

„Въ подкрѣпленіе агитаціи, возбуждаемой противъ гимназической строгости,—продолжало министерство,—„Русская Правда" приводитъ числа учащихся за 1873, 1874, 1875 и 1877 годы, утверждая, что будто бы изъ общей массы ежегодно исключаются за лѣность или дурное поведеніе отъ 8 до 10 тыс. учениковъ, а кончаютъ курсъ не болѣе 700 или 1000 чел."... Необходимо

---

[1]) Напр.: въ началѣ 1874—5 учебн. года изъ общей цифры 44.138 гимназистовъ на I классъ приходилось 20,9%, на II кл. — 19,8%, а на VI кл.—уже только 5,7% и на VII съ двухгодичнымъ курсомъ 6,5%, т.-е. еще меньше на курсъ.

опять замѣтить, что „Русская Правда“ говорила вовсе не объ однихъ только исключаемыхъ, а и объ ученикахъ, по другимъ причинамъ выходящихъ изъ заведеній до окончанія курса, такъ что, вѣжливо выражаясь, тутъ опять была употреблена полемическая уловка? А затѣмъ, министерство не только не обнаружило *ошибочности* приведенныхъ цифръ, а напротивъ, только ихъ подтвердило и еще дополнило. И по его даннымъ, въ среднемъ за упомянутые 4 года, аттестатъ зрѣлости получили меньше чѣмъ по 1.000 чел. въ годъ, а въ 1873 г.—только 584 чел. (меньше, чѣмъ показано было въ „Русской Правдѣ“) и въ 1874 г. только 781 чел. „Число выбывшихъ изъ гимназій и прогимназій, по тѣмъ же свѣдѣніямъ, простиралось въ 1873 г. до 10.792 чел., въ 1874 — 9.162, въ 1875 — 8.146, въ 1876 — 8.293 и въ 1877—8.861 чел.“ [1]), т. е. болѣе 8 — 10 тыс. ежегодно. За пять лѣтъ это составило 45.254 чел., при общемъ составѣ гимназій отъ 42 до 50 тыс. чел. Посмотримъ теперь, какія операціи произвело министерство надъ этими цифрами. „По справедливости — читаемъ далѣе — *значительное большинство* этихъ учениковъ нельзя вовсе считать *выбывшими* изъ гимназій, а именно: а) окончившихъ курсъ въ какой-либо прогимназіи и поступающихъ въ высшіе классы гимназій, и б) переходящихъ по семейнымъ обстоятельствамъ изъ одной гимназіи или прогимназіи въ другую“. Тѣ и другіе вмѣстѣ составляли, по его разсчету, приблизительно 25% или даже нѣсколько больше. Зачѣмъ же, въ такомъ случаѣ, они значились въ отчетахъ не кончившими курсъ или перешедшими, а выбывшими? Это во-первыхъ, а во-вторыхъ, развѣ 25% могли составлять „значительное большинство“? Относительно „добровольно выбывающихъ“ и „добровольно переходящихъ“ изъ однѣхъ учебныхъ заведеній въ другія, какъ увидимъ ниже, допускались также значительныя неточности и умолчанія или замѣна однихъ словъ и понятій другими; но сначала посмотримъ, на какія детальныя рубрики разбивались выбывающіе, чтобы показать, какъ мало было собственно исключаемыхъ.

„Подъ терминами *исключить, исключаемый*, подразумѣваютъ обыкновенно рѣдкіе случаи удаленія изъ училища, за важные и непростительные проступки, съ воспрещеніемъ виновному поступать въ какое-либо другое учебное заведеніе. Въ 1875 г. такихъ случаевъ было 5 въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ всѣхъ учебныхъ округовъ, въ 1876 г.—2 случая и въ 1877 г.—13, а не

---

[1]) „Русская Правда“, № 20, 1879 г. „Опроверженіе“.

8.000 и не 10.000 ежегодно, какъ ошибочно утверждаетъ „Русская Правда". Сверхъ того, къ этому же разряду провинившихся можно присоединить уволенныхъ за неодобрительное поведеніе, но безъ лишенія права перехода въ другое учебное заведеніе. Таковыхъ насчитывалось въ 1875 г.—275 человѣкъ во всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, въ 1876 г.—285 и въ 1877 г.—318, что составляетъ не болѣе 5 или 6 человѣкъ изъ 1.000 учащихся. Если, наконецъ, къ этимъ числамъ присоединить еще и уволенныхъ по § 34 устава гимназій за безуспѣшность въ ученіи, которыхъ числилось въ 1875 г.—1.103, въ 1876 г.—997, а въ 1877 г.—1.195, что не составляетъ даже 2 учениковъ изъ 100, то получимъ исключенныхъ и уволенныхъ за неодобрительное поведеніе и за слабые успѣхи въ ученіи, всѣхъ вмѣстѣ, въ 1875 г.—1.383 человѣка, въ 1876—1.284 и въ 1877—1.526, а не по 8.000 и не по 10.000 ежегодно, какъ утверждаетъ „Русская Правда".

Прежде всего читатель могъ спросить: куда же дѣвались годы 1873 и 1874, на которыхъ главнымъ образомъ останавливалась „Русская Правда", какъ на годахъ наибольшаго педагогическаго свирѣпства и наибольшаго количества такъ называемыхъ выбывшихъ? Очевидно, эти годы были не столь удачны для примѣра, какъ послѣдующіе. Затѣмъ, министерство продолжало: „очевидно, что „Правда", по недоразумѣнію, за *исключаемыхъ* считала всѣхъ добровольно выбывшихъ до окончанія полнаго 8-лѣтняго гимназическаго курса", какъ-то: окончившихъ прогимназіи и переходящихъ изъ одной гимназіи въ другую „или въ другія учебныя заведенія, какъ напр. ветеринарные институты, учительскіе институты, реальныя училища, военныя школы и т. п.", а также „увольняющихся, по желанію родителей, для занятій хозяйствомъ и торговлею, для поступленія на службу военную или гражданскую, общественную или частную" и т. д. По всей вѣроятности, министерство не представляло себѣ, какъ прекрасно всѣ знаютъ, что значатъ эти *добровольные* переходы изъ гимназій въ реальныя и юнкерскія училища, всѣ эти увольненія, по желанію родителей, для занятій хозяйствомъ и торговлею, для поступленія на службу и т. д. Всѣ отлично знали, какъ вызывали родителей и говорили имъ: „возьмите вашихъ лѣнтяевъ, или исключимъ". Были и еще увольнительныя рубрики—за невзносъ платы и по болѣзни. Но послѣднюю рубрику знаютъ и чиновники, какъ часто она вмѣстѣ съ домашними обстоятельствами имѣетъ совершенно иной смыслъ. Говорилъ о разстроенномъ здоровьѣ и самъ гр. Толстой, когда оставлялъ

министерскій постъ. Для чего же была вся эта ложь, для чего невѣроятная грубость и безсердечіе, доходившія до жестокости, прикрывались какимъ-то флеромъ внѣшняго приличія и казенной вѣжливости? Но возвратимся къ опроверженію, чтобы покончить съ нимъ.

Всѣ вышеуказанныя манипуляціи закончились слѣдующимъ утвержденіемъ министерства: „Около половины всѣхъ выбывающихъ, 45% или 48%, не прерываетъ ученія, но переходитъ по собственному желанію изъ одного учебнаго заведенія въ другое, около 14% поступаютъ на службу государственную или частную, около 19% выбываютъ безъ объясненія своихъ видовъ и намѣреній, около 2% умираютъ и до 17% увольняются по безуспѣшности въ ученіи или за неодобрительное поведеніе“.

Какъ былъ вычисленъ % переходящихъ въ учебныя заведенія другихъ вѣдомствъ—осталось совершенно неизвѣстнымъ. Всего вѣроятнѣе вычисленіе дѣлалось по прошеніямъ объ увольненіи, гдѣ высказывались желанія поступить туда-то, но такъ какъ желанія эти далеко не всегда осуществлялись, то тутъ могла получить мѣсто самая недостовѣрная статистика. Вопросъ о числѣ учениковъ, доходящихъ до выпускныхъ экзаменовъ, и о томъ, куда дѣваются выходящіе до окончанія курса, министерство назвало „совершенно празднымъ, давно уже разъясненнымъ въ отчетахъ министерства“,—между тѣмъ, когда пришлось говорить о маломъ числѣ учениковъ въ VIII классѣ, то прибѣгло не къ документальнымъ даннымъ, а къ слѣдующей приблизительной ариѳметической выкладкѣ: при 9-ти-классномъ (съ приготовительнымъ) курсѣ гимназій, на каждый классъ дожно было бы приходиться по 11% учениковъ, но такъ какъ-де вообще во всѣхъ школахъ въ низшихъ классахъ учениковъ всегда бываетъ больше, чѣмъ въ высшихъ (часть остается на второй годъ, другая выходитъ, умираетъ и т. п.), то поэтому старшій классъ надо считать „втрое менѣе численностью противъ опредѣленной выше нормы“, а потому получимъ въ немъ „всего только 3½% изъ общей массы учащихся, какъ въ дѣйствительности и выходитъ, приблизительно, по повѣркѣ“. Почему же средній классный составъ, т.-е. 11%, былъ раздѣленъ для VIII класса на 3, а напр. не на 2? Да очень просто почему: потому что такой дѣлитель соотвѣтствовалъ дѣйствительности.

Такъ вотъ съ какими опроверженіями приходилось имѣть дѣло нашей печати и не имѣть возможности отвѣчать на нихъ. Мало того, васъ еще ругали при этомъ и непремѣнно обвиняли въ неблагонадежности. Въ заключительныхъ строкахъ министерство

говорило, что статьи, подобныя опровергаемой, распространяя „ложные слухи и искаженныя свѣдѣнія", „волнуютъ и сбиваютъ съ толку родителей", а съ другой стороны „возбуждаютъ и возстановляютъ юношество" противъ учебныхъ заведеній, что газета, *присвоившая* себѣ имя „Русской Правды", не оправдывала этого названія, и что для того, „чтобы писать о предметѣ столь важномъ, какъ воспитаніе и образованіе юношества, надо имѣть понятіе о предметѣ, о которомъ пишешь, и быть способнымъ его понимать".

Откровенно говоря, ни я, ни другіе журналисты того времени (кромѣ развѣ „Моск. Вѣдомостей"), какъ, вѣроятно, и все общество, дѣйствительно, не понимали Толстого: прежде всего мы не видѣли въ немъ государственнаго ума, а видѣли человѣка узкихъ, реакціонныхъ взглядовъ, который былъ прямымъ порожденіемъ, а потомъ и однимъ изъ вдохновителей и двигателей реакціи противъ освободительныхъ реформъ.

Читая его литературные труды — „Исторію финансовыхъ учрежденій Россіи", „Le Catholicisme romain en Russie" и статьи по исторіи русскаго просвѣщенія, мы находили въ нихъ гораздо больше казенныхъ матеріаловъ, чѣмъ идейнаго содержанія и строго научной обработки, хотя въ нихъ онъ все-таки былъ понятнѣе и лучше, чѣмъ въ практической дѣятельности. Основательно забытыя теперь, произведенія эти все-таки могли служить для справокъ, при писаніи классныхъ сочиненій и спѣшномъ составленіи диссертацій тѣми изъ студентовъ, которые не любятъ первоисточниковъ; практическая же его дѣятельность могла и можетъ быть поучительной развѣ только въ отрицательномъ смыслѣ. Честолюбивый, властолюбивый, упорный и самонадѣянный, онъ брался рѣшительно за все, за что можно было взяться [1]), садился даже сразу на два стула (синодальное и министерское), но нигдѣ не могъ создать ничего путнаго, за что современники и потомство сказали бы спасибо. Онъ дѣлалъ одно, а выходило совсѣмъ другое: религіозные вопросы превращались въ полицейскіе, изъ просвѣщенія выходило умопомраченіе; проводя „принципъ сильной власти", никто такъ его не компрометировалъ и не создавалъ ему столько враговъ, какъ онъ, и т. д. Мы такъ привыкли къ этимъ несоотвѣтствіямъ, что перестали понимать даже его слова. Когда въ одной изъ своихъ

---

[1]) Онъ служилъ въ морскомъ вѣдомствѣ, занимался финансовыми вопросами, былъ оберъ-прокуроромъ св. синода и руководилъ духовными дѣлами, былъ министромъ нар. просв. и наконецъ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

рѣчей онъ сказалъ (по поводу непониманія его обществомъ) фразу: „я скажу вамъ, м.м. г.г., одну французскую поговорку: нѣсть пророкъ въ отечествѣ своемъ“, то и при этомъ всѣ мы знали, что это вовсе не французская поговорка, а евангельское изреченіе... И дѣйствительность, и логика были, конечно, на нашей сторонѣ.

Какъ бы то ни было, но черезъ годъ (вначалѣ 1880 г.) насталъ и на нашей улицѣ праздникъ,—правда, кратковременный, но все-таки праздникъ: Толстой долженъ былъ оставить министерскій постъ и удалился отдыхать въ свое рязанское имѣніе. Помню, какъ вздохнула печать послѣ его удаленія; а отношеніе къ нему общества въ то время лучше всего выразилось въ томъ, что въ михайловскомъ земствѣ онъ былъ забаллотированъ даже въ гласные. Печать торжествовала и комментировала этотъ фактъ, при чемъ особенно отличался „Голосъ“. Говорили, что даже никогда не писавшій Краевскій самъ будто бы написалъ нѣсколько торжествующихъ строкъ. Ближайшее будущее показало, какъ мы были легковѣрны и какъ рано отпраздновали побѣду: въ маѣ 1882 г. Толстой былъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и началъ полемизировать съ нами иначе. „Русской Правды“ тогда уже не было, а потому вниманіе его сосредоточилось на „Голосѣ“. Положеніе „Голоса“ въ то время было очень видное. Если передовая интиллигенція относилась къ нему неодобрительно за его вилянье, то большинство общества находило въ немъ выраженіе своихъ взглядовъ и интересовъ. Къ нему примыкали профессора (А. Градовскій, Бильбасовъ и др.), его читала буквально вся высшая администрація, у него были „связи“. Кары начались не сразу, а исподволь, какъ бы не по старымъ счетамъ, а по справедливости, но затѣмъ стали увеличиваться. Помню, какъ говорилось, что „Голосъ“ трудно закрыть, что Толстой не осмѣлится этого сдѣлать, такъ какъ это значило бы возстановить противъ себя не только общество, но и всѣ петербургскія бюрократическія сферы, и что наконецъ „Голосъ“ представляетъ такую имущественную цѣнность, съ которою связано столько матеріальныхъ интересовъ, что раздавить и уничтожить все это не такъ-то легко. Но Толстой не посмотрѣлъ на все это и, наигравшись какъ кошка съ мышью, въ 1883 г. закрылъ „Голосъ“. А въ началѣ 1884 г. были закрыты „Отеч. Записки“ и „Дѣло“. Хотя „Отеч. Записки“ въ редакціонномъ отношеніи стояли совершенно независимо, но издателемъ ихъ былъ все-таки Краевскій, такъ что закрытіемъ ихъ былъ нанесенъ первый ударъ

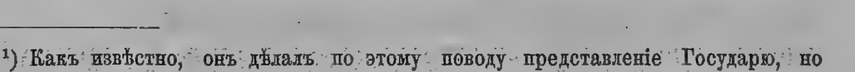
опять ему же, а второй—ненавистнымъ журналистамъ съ Салтыковымъ во главѣ. Услужливый г. Плеве, бывшій тогда директоромъ департамента государственной полиціи, предлагалъ Толстому сдѣлать у Салтыкова обыскъ, но графъ былъ великодушенъ и отклонилъ это предложеніе. Вотъ что онъ разсказывалъ по этому поводу сосѣду своему по имѣнію, г. Худекову, когда тотъ спросилъ его: правда ли, что Салтыкова хотѣли въ то время выслать?

— Зачѣмъ его высылать? — говорилъ гр. Толстой. — Чтобы сдѣлать его мученикомъ, яко бы пострадавшимъ за правду? Чтобы разные подпольные писаки имѣли случай окружить его ореоломъ страданій? Онъ совершенно безвреденъ, когда у него нѣтъ въ рукахъ журнала для пропаганды нелѣпыхъ теорій и бредней. Плеве предлагалъ мнѣ сдѣлать у него обыскъ, но и это даже я отклонилъ. Увѣренъ, что равнодушіе мое больше всего и бѣситъ Салтыкова. Безъ журнала — онъ безъ рукъ, а безъ рукъ онъ безсиленъ...

М. Е. Салтыковъ былъ дѣйствительно огорченъ, но совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ думалъ гр. Толстой: онъ былъ огорченъ произволомъ и неправдой, благодаря которымъ былъ закрытъ журналъ, а также тѣмъ, что сотрудники его пострадали больше, чѣмъ онъ. Послѣднее весьма характерно для Салтыкова. Зато имя его и при жизни, и послѣ смерти окружено было ореоломъ общественнаго почета и теперь вспоминается не иначе, какъ съ чувствомъ глубочайшаго уваженія.

Послѣ расправы съ печатью, доходившей до того, что гр. Толстой хотѣлъ даже своего знаменитаго однофамильца — Льва Николаевича—упрятать въ монастырь [1]), онъ занялся урѣзываніемъ земскаго и городского самоуправленія, институтомъ земскихъ начальниковъ и прочими реформами, которыя, при благосклонномъ участіи Плеве и другихъ его единомышленниковъ, привели Россію къ нынѣшнему ея положенію.

С. К.

[1]) Какъ извѣстно, онъ дѣлалъ по этому поводу представленіе Государю, но представленіе это не было одобрено.

ВЪ
ІЮЛѢ МѢСЯЦѢ

РАЗСКАЗЪ ГЕРМАНА ГЕССЕ.

Diesseits. Erzählungen von Hermann Hesse. Berlin. S. Fischer. 1907.

Усадьба Эрленгофъ была расположена невдалекѣ отъ лѣса и горъ среди высокой равнины. Передъ домомъ разстилалась обширная, усыпанная крупнымъ пескомъ, площадка, примыкавшая къ дорогѣ, и въ яркій солнечный день она до того ослѣпляла глаза и казалась раскаленною, что страшно было ступить на нее.

Эта площадь отдѣляла домъ отъ парка—весьма обширнаго, шедшаго въ глубину, съ чудными стройными кленами, вязами, платанами, извилистыми дорожками, молодою зарослью ельника и скамейками для отдыха. Тамъ и сямъ виднѣлись свѣтлые, озаренные солнцемъ островки дерна; иные изъ нихъ были украшены клумбами цвѣтовъ, иные пустовали, и на этомъ свѣтломъ и тепломъ зеленомъ фонѣ поразительно выдѣлялись стоявшія по одиночкѣ два большихъ дерева.

Одно изъ нихъ была ива. Вокругъ ея ствола шла узкая скамейка, а длинныя, нѣжно шелковистыя, усталыя вѣтви висѣли такъ низко и были такъ густы, что онѣ образовали родъ шатра или храма, гдѣ, несмотря на постоянную тѣнь и полумракъ, всегда ощущалась нѣжащая теплота.

Другое отдѣленное отъ ивы зеленою лужайкою дерево былъ колоссальный красный букъ. Если стать подъ нимъ и посмотрѣть вверхъ—листва наружныхъ его вѣтвей, пронизанная солнечными лучами, словно горѣла тихимъ мягкимъ багрянцемъ, торжествен-

нымъ ровнымъ сіяніемъ, какое вливается въ окна церкви. Старый букъ былъ достопримѣчательностью и украшеніемъ сада, его можно было видѣть отовсюду; его твердая, мощная, красиво закругленная вершина поднималась въ голубомъ небѣ, подобно воздушной башнѣ, и чѣмъ свѣтлѣе и ослѣпительнѣе была небесная лазурь, тѣмъ чернѣе и торжественнѣе казалась вершина. Сообразно съ погодою и порою дня—букъ мѣнялъ свое выраженіе: иногда видно было, что, сознавая свою красоту, онъ гордо глядитъ черезъ головы остальныхъ деревьевъ; порою, наоборотъ, онъ словно сознавалъ свое одиночество, чувствуя, что здѣсь нѣтъ ему равнаго, и съ мольбою простиралъ вѣтви къ другимъ деревьямъ. Всего прекраснѣе онъ бывалъ по утрамъ и на закатѣ; онъ весь рдѣлъ въ пурпурномъ огнѣ, и когда онъ угасалъ, вокругъ него становилось особенно темно.

Вообще въ паркѣ попадались замѣчательныя группы деревьевъ различныхъ породъ; видно было, что онъ разбивался по художественно составленному плану, деревья тщательно подстригались, но съ теченіемъ времени, когда у людей уже не стало возможности ухаживать за ними, имъ предоставили свободу, и они, заключивъ между собою тѣсный дружескій союзъ, переплелись вѣтвями. Прямолинейныя дорожки поросли травою, корни расползлись во всѣ стороны, и когда у людей снова нашелся досугъ, паркъ уже превратился въ лѣсъ. На этотъ разъ владѣльцы ограничились подчисткою; кое-гдѣ были возстановлены прежнія аллеи, устроены скамьи. Заглохшая чаща стала паркомъ, доступнымъ для солнца и вѣтра; тамъ распѣвали птицы, и люди могли предаваться своимъ мыслямъ, мечтамъ и удовольствіямъ.

Пауль Абдереггъ лежалъ въ полутѣни между лѣсочкомъ и лужайкою; въ рукахъ онъ держалъ книгу въ бѣломъ съ краснымъ переплетѣ. По временамъ онъ прерывалъ чтеніе и слѣдилъ взоромъ за рѣявшими надъ травою стрекозами. Онъ остановился на томъ мѣстѣ, гдѣ Фритіофъ уходитъ въ море, Фритіофъ - влюбленный, Фритіофъ - разбойникъ, Фритіофъ - изгнанникъ изъ отчизны. Съ гнѣвомъ и раскаяніемъ въ сердцѣ плыветъ онъ по бурному морю; онъ стоитъ у руля, буря и волны готовы побѣдить быстроходное судно, а горькая тоска по отчизнѣ удручаетъ отважнаго рулевого.

На лужайкѣ, подъ сильнымъ пригрѣвомъ, высоко и рѣзко пѣли стрекозы, а въ сумракѣ лѣса — нѣжнѣе и глубже распѣвали птицы. Въ этомъ сплетеніи звуковъ, ароматовъ и солнеч-

ныхъ лучей чудесно было лежать, растянувшись въ травѣ, глядѣть, прищурившись, въ жаркое небо, или потягиваться съ закрытыми глазами, ощущая всѣмъ своимъ тѣломъ благотворное тепло. Но Фритіофъ уже вышелъ въ море, а завтра пріѣзжаютъ гости, и если сегодня онъ не дочитаетъ книги до конца, повторится то же, что было въ прошломъ году. Тогда онъ также лежалъ здѣсь и читалъ сагу о Фритіофѣ, и также пріѣхали гости, и чтенію наступилъ конецъ. А въ городѣ онъ, ходя въ школу, постоянно думалъ, въ промежуткахъ между Гомеромъ и Тацитомъ, о начатой книгѣ и о томъ, что случится съ героемъ.

Онъ ревностно принялся читать вполголоса; надъ нимъ шелестѣлъ въ вершинахъ вязовъ легкій вѣтерокъ, пѣли птицы, жужжали пчелы и мошкара.

Когда онъ наконецъ захлопнулъ книгу, дочитавъ ее до конца, и вскочилъ на ноги, по лужайкѣ уже стлались тѣни и вечеръ угасалъ въ ярко-красномъ небѣ.

Усталая пчела усѣлась у него на рукавѣ и позволила нести себя; стрекозы все еще пѣли.

Пауль быстро зашагалъ между кустами къ дому. На него пріятно было смотрѣть; въ шестнадцать лѣтъ онъ былъ силенъ и строенъ, голова его съ задумчивыми глазами была опущена: судьба сѣвернаго героя повергла его въ раздумье.

Лѣтняя столовая, бывшая въ сущности террасою съ одною стѣною изъ стеколъ, находилась позади дома „у озера“, какъ всѣ называли продолговатый прудъ, лежавшій между грядами, фруктовыми шпалерами, куртинами цвѣтовъ. Лѣстница, ведшая въ садъ, была убрана пальмами и олеандрами, но въ общемъ, все имѣло скорѣе уютный, нежели величественный видъ.

— Итакъ, завтра пріѣзжаютъ гости, — сказалъ отецъ, — ты радъ, Пауль?

— Ничего себѣ.

— Но не то чтобы очень? Ничего съ этимъ не подѣлаешь. Домъ и садъ слишкомъ велики для насъ двоихъ. Какой же въ нихъ прокъ? Усадьбы и дачи для того и существуютъ, чтобы туда съѣзжались люди повеселиться и отдохнуть, и чѣмъ больше— тѣмъ лучше. А притомъ, ты являешься со значительнымъ опозданіемъ. Супъ уже убрали.

Онъ обернулся къ учителю.

— Многоуважаемый, почему васъ никогда не видать въ саду? Я думалъ, что вы обожаете жизнь на лонѣ природы.

Г. Гомбургеръ наморщилъ лобъ.

— Быть можетъ, вы и правы. Но я хотѣлъ бы воспользоваться каникулами для моихъ личныхъ занятій.

— Честь вамъ и слава. Когда вы прославитесь на цѣлый міръ, я прикажу прибить подъ вашимъ окномъ дощечку, на которой будетъ вырѣзанъ годъ вашего рожденія. Надѣюсь дожить до этого дня.

Учитель придалъ своему лицу высокомѣрное выраженіе.

— Вы слишкомъ преувеличиваете мое честолюбіе. Мнѣ все равно: станетъ ли извѣстнымъ мое имя или нѣтъ? Что же касается дощечки...

Тетка сочла умѣстнымъ выступить на защиту кандидата. Она знала привычку хозяина дома къ этимъ вѣжливымъ діалогамъ и опасалась ихъ. Предлагая вина, она постаралась дать разговору другое направленіе.

Говорили главнымъ образомъ объ ожидавшихся гостяхъ. Пауль почти не слушалъ. Онъ кушалъ съ аппетитомъ и спрашивалъ себя: почему рядомъ съ его сѣдобородымъ отцомъ молодой учитель всегда кажется старшимъ?

Садъ, деревья, прудъ и небо, видимые изъ оконъ и балконныхъ дверей, стали измѣняться; по нимъ пробѣжалъ первый трепетъ надвигающейся ночи. Кусты почернѣли, а деревья, вершины которыхъ перерѣзывали далекую линію холмовъ, приняли какія-то невиданныя днемъ очертанія и тянулись съ безмолвною страстностью къ поблѣднѣвшему небу. Разносторонній ландшафтъ потерялъ свой мирный, пестро оживленный характеръ и сомкнулся въ плотную темную массу. Далекія горы выступили еще рѣзче и опредѣленнѣе. У оконъ дневной свѣтъ слабо боролся съ огнемъ зажженной лампы.

Пауль стоялъ у открытой стеклянной двери, но не думалъ о томъ, что̀ видѣлъ. Наступала ночь, но онъ не чувствовалъ красоты этого часа, такъ какъ былъ еще слишкомъ юнъ и жизнерадостенъ. Онъ думалъ о ночи у сѣвернаго моря, о Фритіофѣ. На берегу, среди черныхъ деревьевъ, пылаетъ храмъ, о скалы разбиваются волны и отражаютъ красное зарево, во тьмѣ несется на всѣхъ парусахъ корабль викинга...

— Ну, Пауль,—спросилъ отецъ, — что̀ ты читалъ сегодня?

— „Фритіофа“.

— Значитъ, его еще до сихъ поръ читаетъ молодежь? Что̀ вы объ этомъ думаете, г. Гомбургеръ? Какого вы нынче мнѣнія о старикѣ Тегнерѣ? Существуетъ онъ или не существуетъ?

— Онъ умеръ, г. Абдереггъ.

— Охотно этому вѣрю. Онъ былъ мертвъ уже въ ту пору,

когда я читалъ его. Я хотѣлъ спросить: въ модѣ онъ теперь или нѣтъ?

— Чрезвычайно сожалѣю, но я ничего не могу сказать о модахъ. Что же касается научно-эстетической оцѣнки...

— Я вотъ именно это и хотѣлъ сказать. Итакъ, съ научной точки зрѣнія...

— Исторія литературы, къ сожалѣнію, еще причисляетъ вышеупомянутаго Тегнéра къ именамъ. Онъ былъ, какъ вы правильно выразились, въ модѣ. Но теперь — для насъ по крайней мѣрѣ—онъ не существуетъ. Онъ кажется намъ не настоящимъ, мелкимъ, слащавымъ...

Пауль быстро обернулся.

— Этого не можетъ быть, г. Гомбургеръ!

— Смѣю спросить: почему?

— Потому что это прекрасно, истинно прекрасно!

— Вы полагаете? Если вы такъ твердо въ этомъ убѣждены, вамъ остается только поучать другихъ. Но, какъ видите, Пауль, ваше сужденіе идетъ на этотъ разъ въ разрѣзъ съ эстетикой. Съ Ѳукидидомъ у васъ было какъ разъ наоборотъ: наука находитъ его прекраснымъ, а вы—ужаснымъ. Что же касается „Фритіофа"...

— Но вѣдь онъ не относится къ наукѣ.

— Нѣтъ ничего, что̀ не имѣло бы отношенія къ наукѣ. Но вы позволите мнѣ удалиться, г. Абдереггъ?

— Уже?

— Мнѣ хотѣлось бы позаняться.

— Жаль, мы только-что разговорились. Но свобода—прежде всего. Итакъ, доброй ночи.

Г. Гомбургеръ, сохраняя, насколько возможно, свою неподвижность, учтиво поклонился и безшумно исчезъ въ глубинѣ коридора.

— Значитъ — старый разсказъ о похожденіяхъ понравился тебѣ, Пауль?—засмѣялся отецъ:—въ такомъ случаѣ пускай наука не портитъ тебѣ впечатлѣнія. Надѣюсь, что ты не вздумалъ разсердиться?

— Конечно нѣтъ. Но, знаешь, я все же надѣялся, что г. Гомбургеръ не поѣдетъ съ нами на дачу. Вѣдь ты говорилъ, что мнѣ незачѣмъ зубрить и корпѣть надъ книгами во время каникулъ.

— Такъ оно и будетъ, можешь радоваться. А г. Гомбургеръ не съѣстъ тебя.

— Но почему ты пригласилъ его?

— Видишь ли, Пауль, куда же ему было дѣваться? Тамъ, гдѣ онъ живетъ, ему не особенно хорошо. А здѣсь — и мнѣ удовольствіе. Я люблю поговорить съ умными людьми, все чему-нибудь да научишься...

— У тебя, папа, никогда не разберешь: серьезно ты говоришь или шутишь?

— Учись разбирать, сынъ мой. Это пригодится тебѣ въ жизни. А теперь мы немножко поиграемъ, не правда ли?

Пауль радостно потащилъ отца въ сосѣднюю комнату: тотъ не часто самъ предлагалъ ему поиграть. И это не было удивительно, такъ какъ онъ игралъ артистически, и рядомъ съ нимъ исполненіе Пауля казалось ученическимъ.

Тетя Грета осталась одна.

Отецъ и сынъ принадлежали къ тѣмъ музыкантамъ, которые не любятъ, чтобы слушатели торчали у нихъ передъ глазами, но зато охотно играютъ для невидимой публики, и тетя Грета это знала. Какъ же ей было не знать этого? Отъ нея не могла ускользнуть ни малѣйшая черта характера ихъ обоихъ, такъ какъ она, живя здѣсь въ домѣ, уже много лѣтъ окружала ихъ заботливостью и любовью, привыкнувъ смотрѣть на того и на другого, какъ на дѣтей.

Она сидѣла, отдыхая въ складномъ креслѣ, и прислушивалась. Они играли увертюру въ четыре руки, слышанную ею, конечно, много разъ, но названія которой она не помнила, несмотря на то, что очень любила музыку. Она знала, что, по окончаніи, старикъ или молодой непремѣнно спросятъ: — А что мы такое играли, тетя?—И она скажетъ:—Это былъ Моцартъ!—Или:—Это изъ „Карменъ“,—и они станутъ потѣшаться надъ нею. Такъ всегда бывало.

Она слушала и улыбалась, откинувшись на спинку кресла. Жаль, что никто не могъ этого видѣть, такъ какъ улыбка ея была настоящая, прекрасная, Богомъ данная улыбка. Музыка была чудесная и чрезвычайно ей нравилась, но слушала она не одну только увертюру, хотя и старалась слѣдить за нею. Сначала она попробовала угадать: кто играетъ primo, кто—secundo? и вскорѣ ей стало ясно, что въ дискантахъ играетъ не Пауль. Не то чтобы онъ имѣлъ привычку барабанить, но верхній голосъ звучалъ такъ свѣтло, смѣло, и выражалъ такую глубину чувства, какая не подъ силу ученику. Тетя ясно представляла себѣ всю сцену; она видѣла ихъ сидящими за роялемъ: при самыхъ замѣчательныхъ мѣстахъ отецъ любовно улыбается, а Пауль полуприподнимается на табуреткѣ—съ горящими глазами и полуоткры-

тыми губами. При особенно веселыхъ, граціозныхъ пассажахъ онъ бываетъ готовъ разсмѣяться, но отецъ корчитъ комически-грозное лицо или дѣлаетъ такое забавное движеніе рукою, что постороннему зрителю трудно бываетъ удержаться отъ смѣха. Чѣмъ дальше подвигалась увертюра, тѣмъ отчетливѣе видѣла ихъ передъ собою тетя Грета, тѣмъ яснѣе читала она впечатлѣніе, вызванное музыкою на ихъ возбужденныхъ лицахъ. Въ быстромъ темпѣ увертюры передъ нею развертывалась цѣлая пьеса жизни, любви и пониманія.

Наступила ночь; всѣ попрощались другъ съ другомъ и разошлись по своимъ комнатамъ. То здѣсь, то тамъ слышался стукъ затворяемой двери или окна. Затѣмъ все стихло. Все, что въ деревнѣ понятно само собою, кажется горожанамъ какимъ-то чудомъ. Человѣка, пріѣхавшаго къ себѣ въ усадьбу или въ деревенскій домъ, эта глубокая тишина охватываетъ какимъ-то особымъ роднымъ очарованіемъ, близостью мирной пристани, какъ только онъ останавливается у окна въ первый вечеръ по пріѣздѣ, или ложится въ постель. Ему кажется, что онъ приблизился къ настоящему, здоровому, — и онъ уже ощущаетъ дуновеніе вѣчности.

Полной тишины не бываетъ. Она полна звуковъ, но это — темные, заглушенные, таинственные звуки ночи, между тѣмъ какъ въ городахъ ночной шумъ обидно мало отличается отъ дневного.

Ночные звуки—кваканье лягушекъ, шелестъ деревьевъ, плескъ ручья, хлопанье крыльевъ ночной птицы. А если раздастся стукъ колесъ запоздавшаго экипажа или залаетъ дворовый песъ — это прозвучитъ желаннымъ привѣтомъ жизни и величаво поглотится широкимъ просторомъ, какъ бы растаявъ въ воздухѣ.

Человѣкъ, привыкшій къ житейской суетѣ и тревогѣ, прислушиваясь къ этой тишинѣ, глубоко ощущаетъ присутствіе ночи —утѣшительницы и царицы, черпающей изъ неистощимыхъ источниковъ отдыхъ, утѣшеніе, мечты, забвеніе и новыя силы, ниспосылаемыя ею людямъ.

У молодого учителя еще горѣла свѣча, онъ тревожно и устало шагалъ по комнатѣ; онъ прозанимался весь вечеръ до полночи.

Въ сущности Гомбургеръ былъ не то, чѣмъ онъ хотѣлъ казаться: не мыслитель и не человѣкъ науки. Но онъ обладалъ извѣстными дарованіями и молодостью, и потому не чувствовалъ недостатка въ идеалахъ.

Въ настоящее время его занимали разныя книги, въ которыхъ изумительно ловко приспособляющіеся юноши воображали, что они работаютъ надъ сооруженіемъ новаго культурнаго зданія, между тѣмъ какъ они въ мягкомъ, благозвучномъ стилѣ воровали то у Ницше, то у Рёскина многое изъ плохо лежащихъ мелкихъ драгоцѣнностей. Эти книжки были гораздо интереснѣе и доступнѣе самихъ Рёскина и Ницше; онѣ отличались кокетливою граціей и величіемъ въ маломъ, и щеголяли гордымъ блескомъ. Тамъ, гдѣ шло дѣло о мощномъ порывѣ, сильныхъ словахъ и страсти—онѣ цитировали Данте и Заратустру.

Вотъ почему чело Гомбургера было омрачено и походка его—развинчена, словно онъ прошелъ громадное пространство. Онъ чувствовалъ, что надо пробить брешь въ окружающихъ его стѣнахъ повседневной пошлости, идти на ряду съ пророками, носителями новаго счастья. Красота и геній—разольются кругомъ, и при каждомъ шагѣ въ этотъ новый міръ—во всѣ стороны полетятъ брызги мудрости и поэзіи.

Передъ окнами его разстилалось усѣянное звѣздами небо, несущіяся облака, задумчивый паркъ, дышащее во снѣ поле и вся красота природы. Она ждала, чтобы онъ подошелъ къ окну и поглядѣлъ на нее. Она ждала его для того, чтобы влить ему въ душу тоску по родинѣ, освѣжить его глаза, развязать крылья души его.

Но онъ легъ въ постель, придвинулъ лампу и продолжалъ читать.

Пауль загасилъ огонь, но не спалъ, а сидѣлъ въ рубашкѣ на окнѣ и любовался спокойными вершинами деревъ. Онъ забылъ о „Фритіофѣ". Онъ не думалъ ни о чемъ опредѣленномъ, но просто наслаждался позднимъ часомъ, и это живое чувство наслажденія отгоняло сонъ. Какъ прекрасны были звѣзды въ темномъ небѣ! И какъ чудно игралъ сегодня отецъ! И какимъ сказочно-тихимъ казался во мракѣ садъ!

Лѣтняя ночь нѣжно охватывала юношу; она шла ему навстрѣчу, она освѣжала все, что еще горѣло и пылало въ немъ. Она незамѣтно уносила избытокъ его несдержанной юности, покуда взоръ его не сталъ спокойнѣе и виски не остыли, а затѣмъ она съ улыбкою заглянула ему въ глаза, какъ добрая мать.

Онъ перестал сознавать, кто глядитъ ему въ очи; онъ лежалъ въ постели и засыпалъ, глубоко дыша и бездумно глядя въ тихіе глаза ночи, въ зеркалѣ которыхъ отражались *вчера* и *сегодня*—въ сказочныхъ, чудесно переплетенныхъ между собою образахъ.

Погасъ огонь и въ окнѣ кандидата. Случайный прохожій могъ бы ощутить вмѣстѣ съ тоскою по родинѣ чувство легкой зависти при видѣ объятаго дремотою дома и парка. И еслибы онъ былъ безпріютнымъ, неимущимъ борцомъ, онъ могъ бы безъ колебанія войти въ незапертую калитку сада и расположиться для ночлега на первой попавшейся скамьѣ.

Поутру противъ своего обыкновенія кандидатъ поднялся на этотъ разъ раньше всѣхъ, но отъ этого онъ не сталъ веселѣе. Отъ долгаго чтенія при лампѣ у него разболѣлась голова, а когда онъ наконецъ погасилъ ее, постель оказалась такою разрытою и нагрѣтой, что заснуть не представлялось возможности, и онъ всталъ не выспавшись, съ утомленными глазами.

Онъ ощущалъ яснѣе, чѣмъ когда-либо, необходимость въ новомъ возрожденіи, но не стремился продолжать свои занятія, а почувствовалъ, наоборотъ, потребность въ свѣжемъ воздухѣ. Поэтому онъ вышелъ изъ дому и отправился въ поле.

Повсюду крестьяне были уже за работою; они мелькомъ и, какъ ему показалось, насмѣшливо посмотрѣли вслѣдъ задумчиво шагавшему юному мыслителю. Это обидѣло его, и онъ поспѣшилъ дойти до ближайшаго лѣса, сулившаго ему отдыхъ, прохладу и кроткій полумракъ. Онъ проходилъ тамъ съ полчаса, чувствуя внутреннюю пустоту, и затѣмъ принялся соображать: скоро ли можетъ быть кофе? Онъ повернулъ назадъ и быстро прошелъ мимо неутомимыхъ крестьянъ по полямъ, уже пригрѣтымъ солнцемъ.

У дверей ему пришло, однако, въ голову, что неприлично такъ спѣшить къ завтраку; поэтому онъ, сдѣлавъ надъ собою усиліе, свернулъ въ аллею и прошелъ по ней размѣреннымъ шагомъ для того, чтобы не явиться запыхавшись къ столу. Искусственно-небрежною походкою онъ шелъ по аллеѣ изъ платановъ, какъ вдругъ неожиданное зрѣлище встревожило его.

На послѣдней, полускрытой кустами скамейкѣ лежалъ, вытянувшись ничкомъ, человѣкъ, подпиравшій лицо руками. Прежде всего г. Гомбургеръ подумалъ, что видитъ передъ собою жертву преступленія, но вскорѣ спокойное дыханіе незнакомца убѣдило его, что тотъ мирно спитъ. Спящій показался кандидату такимъ оборваннымъ, жалкимъ и очевидно безсильнымъ парнишкой, что учитель преисполнился мужествомъ и благороднымъ негодованіемъ при видѣ пришельца. Послѣ краткаго колебанія, онъ подошелъ къ спящему и встряхнулъ его.

— Встаньте! Что вы здѣсь дѣлаете?

Подмастерье испуганно вскочилъ и безсмысленно-боязливо глядѣлъ на Божій міръ. Онъ увидѣлъ передъ собою господина въ сюртукѣ, допрашивавшаго его съ повелительнымъ видомъ, и ему пришло наконецъ въ голову, что вѣдь онъ забрался ночью въ чужой садъ и переночевалъ тамъ.

— Развѣ вы не можете сказать: что вы здѣсь дѣлали?

— Спалъ! — отвѣтилъ со вздохомъ строго вопрошаемый, и окончательно поднялся съ мѣста. Его тщедушное сложеніе вполнѣ гармонировало съ полудѣтскимъ лицомъ,—ему могло быть не болѣе восемнадцати лѣтъ.

— Пойдемте со мною!—приказалъ кандидатъ и повелъ пассивно слѣдовавшаго за нимъ пришельца къ дому, гдѣ ихъ встрѣтилъ г. Абдереггъ.

— Съ добрымъ утромъ, г. Гомбургеръ. Рано же вы сегодня поднялись! Но что за страннаго гостя ведете вы съ собою?

— Этотъ парень принялъ вашъ паркъ за ночлежный домъ. Я счелъ долгомъ поставить васъ объ этомъ въ извѣстность.

Хозяинъ дома понялъ и улыбнулся.

— Благодарю васъ. Говоря откровенно, я не подозрѣвалъ, что вы такъ мягкосердечны. Но вы правы, бѣднягу нужно напоить кофе. Не скажете ли вы фрейлейнъ, чтобы она прислала ему позавтракать? Или—постойте. Мы лучше проведемъ его на кухню. Пойдемъ, мальчуганъ, тамъ навѣрно что-нибудь найдется перекусить.

За кофе будущій строитель новой культуры окружилъ себя величавымъ облакомъ серьезности и молчаливости, что немало радовало хозяина, хотя онъ не дѣлалъ попытокъ подразнить его, такъ какъ мысли его были сосредоточены исключительно на ожидаемыхъ гостяхъ.

Когда Пауль опасался прибытія гостей, прерывающаго спокойное теченіе его каникулярной жизни, онъ обыкновенно пытался изучить ихъ посредствомъ наблюденія. И теперь, по дорогѣ съ вокзала, онъ молчаливо наблюдалъ за пріѣзжими: оживленно говорившимъ профессоромъ, и — не безъ нѣкотораго страха—за двумя барышнями.

Профессоръ понравился ему уже потому, что былъ старымъ другомъ его отца; въ общемъ онъ нашелъ его нѣсколько строгимъ и пожилымъ, но чрезвычайно умнымъ. Относительно другого пункта труднѣе было придти къ какому-нибудь заключенію. Одна изъ барышенъ была подростокъ—приблизительно его лѣтъ;

онъ только не могъ рѣшить: принадлежитъ ли она къ породѣ добродушныхъ или „насмѣшницъ", и сообразно этому—будетъ ли у нихъ миръ или война? Въ сущности всѣ барышни этого возраста—одинаковы; съ ними трудно бываетъ говорить. Ему понравилось, что она была по крайней мѣрѣ не болтушка и не сыпала вопросами какъ горохомъ.

Вторая казалась значительно сложнѣе. Ей было,—чего онъ, конечно, не могъ сообразить,—года двадцать-три, двадцать-четыре, и она принадлежала къ разряду дамъ, которыми Пауль охотно любовался со стороны, но ближайшее знакомство съ которыми повергало его въ глубокое смущеніе. Онъ какъ-то не умѣлъ отдѣлить ихъ красоту отъ элегантныхъ манеръ и костюмовъ, находилъ ихъ движенія и прическу аффектированными и подозрѣвалъ, что онѣ обладаютъ массою познаній по вопросамъ, представлявшимъ для него глубокую загадку.

По серьезномъ размышленіи, онъ пришелъ къ убѣжденію, что ненавидитъ всю эту породу. Всѣ онѣ кажутся хороши собою, но всѣ одинаково обладаютъ граціозною самоувѣренностью и съ одинаково презрительною снисходительностью относятся къ юношамъ его возраста. Ихъ смѣхъ и улыбка — фальшивы и притворны въ корнѣ. Подростки, если ужъ на то пошло, все-таки сноснѣе.

Въ разговорѣ обоихъ мужчинъ принимала участіе лишь фрейлейнъ Туснельда—старшая. Младшая—бѣлокурая Берта—молчала такъ же упорно и застѣнчиво, какъ ея vis-à-vis—Пауль. На ней была большая, мягко изогнутая, изъ небѣленой соломы шляпа съ голубыми лентами и совсѣмъ блѣдно-голубое тонкое лѣтнее платьице съ свободнымъ поясомъ, обшитое узенькою бѣлою тесьмою. Она казалась совершенно поглощенною созерцаніемъ солнечныхъ полей и жаркихъ сѣнокосныхъ лужаекъ.

Въ промежуткахъ она украдкою поглядывала на Пауля. Поѣздка въ Эрленгофъ доставила бы ей еще больше удовольствія, не будь здѣсь мальчугана. Положимъ, онъ имѣлъ приличный и умный видъ, но эти умники — хуже всего. Они любятъ приводить мудреныя иностранныя слова, спрашивать о названіи какого-нибудь неизвѣстнаго ей цвѣтка и затѣмъ — насмѣшливо улыбаться. Она знала эту ихъ привычку по своимъ кузенамъ: студенту и гимназисту; гимназистъ „дерзилъ", а студентъ обращался съ нею иногда съ тою невыносимою „кавалерскою" вѣжливостью, которая внушала ей истинный ужасъ.

Одно только Берта твердо усвоила и дала себѣ зарокъ: она не станетъ плакать. Ни плакать, ни сердиться,—иначе она бу-

детъ „опозорена“. Ее утѣшала мысль о присутствіи тети Греты, къ защитѣ которой она прибѣгнетъ въ случаѣ надобности.

— Пауль, онѣмѣлъ ты что-ли? — неожиданно воскликнулъ г. Абдереггъ.

— Нѣтъ, папа. Почему ты спрашиваешь?

— Потому что ты забываешь, что мы не одни въ экипажѣ. Ты могъ бы выказать Бертѣ бо̀льшее вниманіе.

Пауль неслышно вздохнулъ. Началось!

— Взгляните, фрейлейнъ Берта, вонъ тамъ уже виденъ нашъ домъ.

— Неужели, дѣти, вы станете говорить другъ другу: „вы“?

— Право, не знаю, папа. Думаю, что—да.

— Какъ знаете, но, по моему, это—лишнее.

Берта покраснѣла и не смѣла взглянуть на Пауля, онъ— на нее. Разговоръ снова прекратился, и они были рады, что старшіе этого не замѣтили.

Она облегченно вздохнула, когда ландо повернуло къ дому и колеса заскрипѣли по песку площадки.

— Позвольте помочь вамъ, фрейлейнъ, — сказалъ Пауль, высаживая Берту.

Въ дверяхъ уже стояла тетя, и казалось, что вмѣстѣ съ нею улыбается и говоритъ: „милости просимъ!“ весь домъ,—такъ гостепріимно, весело и сердечно улыбалась она, здороваясь съ гостями. Ихъ проводили въ ихъ комнаты съ просьбою — выйти поскорѣе къ столу и принести съ собою хорошій аппетитъ.

На бѣлой скатерти стояли два большихъ букета цвѣтовъ, благоуханіе которыхъ смѣшивалось съ запахомъ кушаній. Хозяинъ рѣзалъ жаркое, тетя зорко осматривала рюмки и тарелки. Профессоръ, весело настроенный и парадный — въ своемъ черномъ сюртукѣ, сидѣлъ на почетномъ мѣстѣ, ласково поглядывалъ на тетю, острилъ и засыпалъ вопросами хозяина дома, усердно работавшаго большимъ ножомъ.

Фрейлейнъ Туснельда, граціозно улыбаясь, помогала передавать порціи; она замѣтила при этомъ, что сосѣдъ ея, кандидатъ, мало ѣлъ и еще меньше говорилъ. Присутствіе „отсталаго“ профессора и двухъ барышенъ — превратило его въ камень. Ежеминутно опасаясь, что его достоинству угрожаютъ какія-то нападенія, онъ заранѣе парировалъ ихъ своимъ упорнымъ молчаніемъ и леденящими взорами.

Берта сидѣла рядомъ съ тетею и чувствовала себя подъ

надежнымъ прикрытіемъ. Пауль старался больше кушать для того, чтобы меньше говорить, и въ концѣ концовъ дѣйствительно этимъ увлекся.

Къ серединѣ завтрака хозяинъ дома, послѣ жаркой схватки съ другомъ, оказался побѣдителемъ, и, получивъ слово, уже не переставалъ имъ пользоваться. Лишь тогда у побѣжденнаго профессора нашелся досугъ для ѣды, и онъ вскорѣ наверсталъ потерянное время. Г. Гомбургеръ убѣдился, но уже слишкомъ поздно, что никто не питаетъ противъ него злыхъ умысловъ, что его молчаніе — очень невѣжливо и что сосѣдка насмѣшливо смотритъ на него. Онъ такъ низко опустилъ голову, что подъ его подбородкомъ образовалась складка, поднялъ брови кверху и, казалось, принялся за рѣшеніе міровыхъ проблемъ.

Пауль, насытившись, положилъ ножикъ и вилку и, осмотрѣвшись, замѣтилъ профессора въ комическомъ положеніи.

Онъ только-что отправилъ въ ротъ порядочный кусокъ мяса и еще держалъ вилку въ рукахъ, когда г. Абдереггъ сдѣлалъ ему какое-то возраженіе по существу. Не будучи въ состояніи отвѣтить сразу, онъ съ вытаращенными глазами и открытымъ ртомъ глядѣлъ на друга, не выпуская вилки изъ рукъ. Несмотря на всѣ усилія, Пауль, не будучи въ состояніи удержаться, фыркнулъ потихоньку.

Г. Абдереггъ въ пылу рѣчи лишь метнулъ въ его сторону гнѣвный взглядъ. Кандидатъ прикусилъ себѣ губу, но Берта откровенно расхохоталась. Она искренно порадовалась мальчишеству Пауля: по крайней мѣрѣ, онъ не принадлежитъ къ безукоризненнымъ пай-мальчикамъ!

— Почему вы разсмѣялись? — спросила фрейлейнъ Туснельда.

— Такъ.

— А ты, Берта?

— Я тоже такъ.

— Позвольте налить вамъ вина? — сдержанно обратился къ ней г. Гомбургеръ.

— Нѣтъ, благодарю васъ.

— А мнѣ пожалуйста налейте, — сказала любезная тетя, хотя оставила вино нетронутымъ.

Со стола убрали и подали кофе, коньякъ и сигары, „если это дѣйствительно не обезпокоитъ дамъ“?

Дамы дали разрѣшеніе, и даже кандидатъ закурилъ сигару.

Фрейлейнъ Туснельда спросила Пауля: куритъ ли онъ?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ онъ, — мнѣ не нравится куренье. Да мнѣ и не позволяютъ! — прибавилъ онъ честно.

Услышавъ это, фрейлейнъ Туснельда лукаво ему улыбнулась, слегка склонивъ голову на бокъ. Въ этотъ мигъ она показалась мальчику очаровательной, и онъ раскаялся въ своей прежней ненависти.

Она могла быть очень милой.

Вечеръ былъ такой теплый и пріятный, что общество до 11-ти часовъ просидѣло въ саду при свѣтѣ свѣчей, мигавшихъ подъ колпачками. Въ тепломъ воздухѣ ощущались по временамъ легкія колебанія влажности. Небо въ вышинѣ было усѣяно ярко сверкавшими звѣздами; ближе къ горамъ оно казалось чернымъ и порою вспыхивало зарницами. Отъ кустовъ струился сильный сладкій запахъ и звѣздочки бѣлаго жасмина призрачно свѣтились во мракѣ.

— Итакъ, вы полагаете, что реформу нынѣшней культуры произведетъ не народъ, а отдѣльныя исключительныя личности?— спрашивалъ профессоръ.

— Я такъ полагаю,—и кандидатъ началъ по этому поводу длинную рѣчь.

Г. Абдереггъ шутилъ съ маленькою Бертою, которую поддерживала тетя. Онъ удобно расположился въ креслѣ и блаженствовалъ, попивая содовую воду съ бѣлымъ виномъ.

— Значитъ, вы читали и Экгардта?—говорила Паулю фрейлейнъ Туснельда.

Она лежала на низкомъ раскидномъ креслѣ, откинувъ голову назадъ, и смотрѣла въ небо.

— Въ сущности, вамъ не слѣдовало бы дозволять читать такія книги.

— Вотъ какъ! Почему же?

— Потому что вы не все можете тамъ понять.

— Вы такъ думаете?

— Конечно.

— Однако тамъ встрѣчаются слова, которыя я, быть-можетъ, лучше понимаю, чѣмъ вы.

— Въ самомъ дѣлѣ? Какія же?

— Латинскія.

— Вотъ какъ вы острите!

— Дѣлаешь что можешь.

Пауль былъ очень веселъ. Онъ выпилъ за обѣдомъ лишнюю рюмку вина и находилъ восхитительнымъ разговаривать такимъ образомъ въ эту мягкую темную ночь. Ему хотѣлось вызвать

изящную барышню на болѣе рѣзкое возраженіе или заставить ее разсмѣяться. Но она не глядѣла на него; она лежала неподвижно съ поднятымъ къ небу лицомъ; одна рука ея покоилась на ручкѣ кресла, другая свѣсилась почти до земли. Ея бѣлая шея и лицо мягко отсвѣчивали на фонѣ темныхъ деревьевъ.

— Что же вамъ больше всего понравилось у Экгардта?

— То мѣсто, гдѣ Праксседа освобождаетъ узника. Помните? Она еще засыпаетъ слѣды пепломъ... А вамъ?

— То же самое. Помните, какъ она на прощанье цѣлуетъ его и съ улыбкою возвращается въ замокъ?

— Да, да, — повторилъ Пауль, хотя насчетъ поцѣлуя онъ что-то не помнилъ.

Бесѣда профессора съ кандидатомъ пришла къ концу. Г. Абдереггъ закурилъ виргинію, и Берта съ любопытствомъ слѣдила за тѣмъ, какъ вспыхнулъ кончикъ длинной сигары. Дѣвочка, обнявъ правою рукою тетю, съ широко раскрытыми глазами слушала удивительные разсказы г. Абдерегга о поѣздкѣ въ Неаполь.

— Неужели все это правда? — осмѣлилась наконецъ она спросить.

Г. Абдереггъ разсмѣялся.

— Это зависитъ отъ васъ самихъ, маленькая барышня. Въ каждомъ разсказѣ правдиво то, во что вѣритъ слушатель.

— Право? Я спрошу папу.

— Спросите.

Тетя погладила Берту по головѣ:

— Это шутка, дѣточка.

Она слушала веселую болтовню, отгоняла мошекъ отъ стакановъ съ виномъ и смотрѣла на всѣхъ благожелательнымъ взоромъ. Она радовалась на стариковъ, на Берту, на оживленно болтающаго Пауля, на красивую Туснельду, любовавшуюся ночнымъ небомъ, на кандидата, упивавшагося собственными рѣчами. Она была еще довольно молода и не забыла, какъ хорошо бываетъ молодежи въ такія чудныя лѣтнія ночи въ саду. Сколько новаго, интереснаго еще сулитъ судьба этой милой молодежи и симпатичнымъ старикамъ! И кандидату — тоже. Каждому человѣку важна его жизнь, его желанія и надежды. А какъ красива фрейлейнъ Туснельда! Настоящая красавица! Поглаживая руку Берты, тетя Грета улыбалась сидѣвшему нѣсколько поодаль кандидату, и въ то же время ощупывала за спиною хозяина: хорошо ли стоитъ во льду его бутылка?

— Разскажите мнѣ что-нибудь о вашей школѣ, — сказала Туснельда Паулю.

— Богъ съ нею! Теперь у насъ каникулы.

— Развѣ вы неохотно ходите въ гимназію?

— А вы знаете кого-нибудь, кто бы ходилъ туда охотно?

— Но вѣдь вы хотите учиться?

— Хочу, но...

— Но вы предпочитаете что-нибудь другое?

— Другое? Ха! ха! Я предпочелъ бы стать морскимъ разбойникомъ, пиратомъ.

— И что̀ бы вы тогда сдѣлали?

— Этого я не могу сказать.

— Ну и не говорите.

— И не скажу.

Паулю вдругъ сдѣлалось скучно. Онъ придвинулся къ Бертѣ и сталъ слушать. Папа былъ необычайно веселъ; онъ говорилъ одинъ, всѣ слушали его и смѣялись.

Тогда фрейлейнъ Туснельда медленно поднялась въ своемъ свободномъ платьѣ англійскаго покроя и подошла къ столу.

— Я хотѣла бы пожелать всѣмъ доброй ночи.

Всѣ поспѣшно встали, поглядѣли на часы и подивились тому, что уже полночь.

По дорогѣ домой Пауль шелъ рядомъ съ Бертою, которая понравилась ему тѣмъ, что такъ отъ души смѣялась шуткамъ его отца. Какой онъ былъ оселъ, что сердился на пріѣздъ гостей!

Очень пріятно поболтать вечеромъ съ барышнями.

Онъ чувствовалъ себя кавалеромъ и сожалѣлъ, что цѣлый вечеръ занимался исключительно одною гостьей. Въ сущности она—кривляка. Берта показалась ему милою, и онъ попробовалъ это высказать ей. Она захихикала.

— Вашъ папа такъ интересно разсказывалъ... Онъ такой очаровательный!

Пауль предложилъ ей прогуляться завтра въ Эйхельбергъ, это недалеко, а мѣсто очень живописное. Онъ пустился въ описанія, говорилъ о дорогѣ, о видѣ, и совсѣмъ воодушевился.

Фрейлейнъ Туснельда прошла мимо нихъ въ эту самую минуту. Она обернулась и посмотрѣла ему въ лицо — спокойно и съ нѣкоторымъ любопытствомъ, но ему почудилась въ ея взорѣ насмѣшка, и онъ тотчасъ же смолкъ.

Берта изумленно взглянула на него и увидѣла, что онъ неизвѣстно почему надулся.

Они подошли къ дому. Берта подала Паулю руку, онъ пожелалъ ей доброй ночи. Она кивнула головою и ушла.

Туснельда прошла впередъ, не прощаясь, и глядя, какъ она поднималась по лѣстницѣ, Пауль почему-то разсердился на нее.

Пауль лежалъ безъ сна въ постели. Теплая ночь лихорадочно возбуждала его нервы. Еще больше парило, блескъ зарницъ поминутно озарялъ комнату, по временамъ слышался далекій громъ. Онъ грохоталъ съ длинными перерывами, и тогда же поднимался слабый вѣтерокъ, еле шелестившій въ вершинахъ деревьевъ.

Юноша въ полудремотѣ перебиралъ въ памяти событія этого вечера и чувствовалъ, что сегодня все было по иному. Онъ казался самому себѣ взрослымъ, или — точнѣе сказать — роль взрослаго лучше удалась ему, нежели при прежнихъ попыткахъ. Онъ удачно разговаривалъ съ фрейлейнъ Туснельдою и затѣмъ — съ Бертою.

Его мучила мысль: приняла ли его Туснельда въ серьёзъ? Быть можетъ, она лишь потѣшалась надъ нимъ? Надо будетъ завтра перечесть это мѣсто о поцѣлуѣ Пракседы. Не обратилъ онъ на него вниманія, или просто забылъ?

Ему хотѣлось бы знать: дѣйствительно ли фрейлейнъ Туснельда хороша собой? Она казалась ему красавицей, но онъ не довѣрялъ ни ей, ни себѣ. Она понравилась ему въ ту минуту, какъ она полулежала въ креслѣ—такая стройная и спокойная при слабомъ свѣтѣ лампы. Какъ лѣниво смотрѣла она вверхъ — полуусталая, полудовольная; эта бѣлая шея, стильное платье—просились на картину.

Правда, Берта больше понравилась ему. Она, быть можетъ, слишкомъ наивна, но зато — кроткая и хорошенькая, и съ нею можно говорить, не опасаясь того, что она станетъ за спиною подсмѣиваться надъ вами.

Еслибы онъ съ самаго начала былъ больше съ нею, они уже успѣли бы подружиться. Вообще онъ сталъ жалѣть о томъ, что гости пробудутъ всего два дня.

Но почему, при возвращеніи домой, когда они съ Бертою шутили и смѣялись, другая такъ поглядѣла на него мимоходомъ? Онъ еще видитъ поворотъ ея головы и взглядъ — явно насмѣшливый. Чему она смѣялась? По поводу Экгардта или потому, что онъ шутилъ съ Бертою? Чувство досады преслѣдовало его даже во снѣ.

На слѣдующій день небо оказалось обложеннымъ тучами, хотя дождь еще не шелъ. Пахло сѣномъ и теплой земляной пылью.

— Какъ жаль, что сегодня нельзя будетъ идти на прогулку,—пожаловалась Берта, сойдя къ завтраку.

— Дождь не продержится весь день, — утѣшилъ ее г. Абдереггъ.

— Ты, кажется, вообще не любительница прогулокъ,—замѣтила Туснельда.

— Но вѣдь мы здѣсь на такое короткое время!

— У насъ есть кегельбанъ на открытомъ воздухѣ, — предложилъ Пауль,—есть и крокетъ, но крокетъ—тоска.

— Я люблю крокетъ,—сказала Туснельда.

— Въ такомъ случаѣ давайте играть.

— Хорошо, потомъ. Мы должны сперва напиться кофе.

Послѣ завтрака молодые люди вышли въ садъ; къ нимъ присоединился и кандидатъ. Трава оказалась черезчуръ высокою для крокета, и Пауль притащилъ кегли.

— Кто начинаетъ?

— Всегда тотъ, кто спрашиваетъ.

Пауль былъ партнеромъ Туснельды. Онъ игралъ хорошо и надѣялся, что она станетъ хвалить или поддразнивать его, но она ничего не замѣтила и вообще мало обращала вниманія на игру, даже не замѣчая, какъ ложились кегли. Вмѣсто этого она бесѣдовала съ кандидатомъ о Тургеневѣ. Сегодня онъ былъ очень любезенъ. Одна лишь Берта вся отдавалась игрѣ; она помогала устанавливать кегли, и Пауль училъ ее, какъ надо цѣлиться.

— Мы выигрываемъ, фрейлейнъ!—воскликнулъ Пауль, обращаясь къ Туснельдѣ:—у насъ уже двѣнадцать.

Она кивнула головою.

— Въ сущности, Тургенева нельзя считать русскимъ, онъ—космополитъ, — сказалъ кандидатъ, забывая, что онъ долженъ играть. Пауль разсердился.

— Г. Гомбургеръ, ваша очередь!

— Моя?

— Да, мы всѣ ждемъ васъ.

Онъ съ удовольствіемъ бы пустилъ въ него шаромъ. Берта, замѣтивъ его неудовольствіе, встревожилась и уже больше не попадала въ цѣль.

— Въ такомъ случаѣ нечего продолжать игру?

Никто не возражалъ. Фрейлейнъ Туснельда медленно отошла, учитель слѣдовалъ за нею.

Пауль сердито оттолкнулъ ногою валявшіеся кегли.

— А развѣ мы не поиграемъ?—робко спросила Берта.

— Вдвоемъ неинтересно. Я лучше все приберу.

Она скромно помогала ему. Когда кегли были убраны, онъ сталъ искать глазами Туснельду, но она исчезла. Конечно, онъ для нея — не болѣе какъ глупый мальчишка. Ахъ, этотъ надутый учителишка! Что такое?

— Не покажете ли вы мнѣ часть парка?

Онъ такъ быстро зашагалъ впередъ, что Берта, едва переводя духъ, должна была поспѣвать за нимъ. Онъ показалъ ей лѣсокъ, платановую аллею, красный букъ, лужайки. Внутренно стыдясь своей рѣзкости и молчаливости, онъ изумлялся и тому, что совсѣмъ не стѣсняется съ Бертою. Онъ обращался съ нею такъ, словно она была моложе на два года. Она была тиха, кротка, застѣнчива, едва осмѣливалась говорить и смотрѣла на него такъ, какъ будто въ чемъ-то извинялась.

У большой ивы они встрѣтились съ другою парой. Кандидатъ все еще говорилъ, но Туснельда смолкла и казалась не въ духѣ. Пауль вдругъ сдѣлался разговорчивымъ; онъ указалъ гостьѣ на старое дерево, отстранилъ его ниспадающія вѣтви и показалъ шедшую вокругъ ствола скамью.

— Сядемъ,—приказала фрейлейнъ Туснельда.

Всѣ усѣлись рядомъ на скамью. Тутъ было жарко и душно, въ зеленомъ полумракѣ вѣтвей клонило ко сну. Пауль сѣлъ рядомъ съ Туснельдою по правую ея сторону.

— Какъ здѣсь тихо!—началъ г. Гомбургеръ.

— И жарко! — прибавила она. — Посидимъ съ минутку молча.

Возлѣ Пауля лежала на скамьѣ рука Туснельды — узкая и длинная, съ гибкими пальцами и тщательно выхоленными, блестящими ноготками. Пауль, не отрываясь, смотрѣлъ на руку.

Рука лежала неподвижно, словно усталая, такъ же, какъ она лежала вчера вечеромъ, и это шло къ ея фигурѣ, къ ея платью, къ ея пріятному, нѣсколько глухому голосу, даже къ ея лицу съ умными выжидающими глазами.

Кандидатъ взглянулъ на часы.

— Простите, mesdames, я долженъ идти заниматься. Вы остаетесь, Пауль?

Онъ поклонился и ушелъ.

Оставшіеся сидѣли молча. Пауль украдкою, словно преступникъ, положилъ свою лѣвую руку рядомъ съ рукою Туснельды, и затѣмъ незамѣтно передвинулъ ее такъ, что она почти коснулась ея руки. Это сдѣлалось какъ-то помимо его воли, и тѣмъ

не менѣе его бросило въ жаръ и на лбу у него проступили капли пота.

— Я тоже не люблю крокета,—тихо сказала Берта.

Уходъ кандидата оставилъ пустое мѣсто между нею и Пауломъ, и она спрашивала себя: подвинуться ей или остаться на мѣстѣ? Чѣмъ дольше она колебалась, тѣмъ труднѣе казалось ей рѣшиться на это, и для того, чтобы не чувствовать своего одиночества, она вдругъ заговорила.

— Это совсѣмъ неинтересная игра,—прибавила она неувѣреннымъ голосомъ послѣ долгой паузы. Никто не отвѣчалъ.

Снова наступала тишина. Паулю казалось, что онъ слышитъ біеніе своего сердца. Ему хотѣлось вскочить, сказать что-нибудь веселое, глупое, или—убѣжать. Но онъ продолжалъ сидѣть, и у него было такое чувство, словно воздуха оказывается все меньше и меньше и онъ готовъ задохнуться. Но въ этомъ ощущеніи была своего рода мучительная сладость.

Туснельда поглядѣла Паулю въ лицо своимъ спокойнымъ, нѣсколько усталымъ взоромъ; она увидѣла, что онъ, не отрываясь, смотритъ на свою лѣвую руку, и тогда она легкимъ естественнымъ движеніемъ положила на нее свою правую.

Рука ея была мягкая, но сильная, теплая и сухая. Пауль вздрогнулъ, какъ пойманный въ воровствѣ, и весь затрепеталъ, но не отдернулъ руки. Онъ еле дышалъ—такъ участилось біеніе его сердца; все тѣло его горѣло въ огнѣ и холодѣло въ одно и то же время. Онъ необычайно поблѣднѣлъ и взглянулъ на Туснельду молящимъ, испуганнымъ взоромъ.

— Вы испугались?—засмѣялась она.—Я думала, что вы заснули.

Онъ ничего не могъ отвѣтить,—все въ головѣ у него спуталось: было смутно и туманно.

Но тутъ его вывели изъ забытья раздавшіеся позади него заглушенные, жалобно всхлипывающіе звуки. Онъ вскочилъ, почувствовавъ себя свободнымъ, и съ облегченіемъ перевелъ духъ. Даже Туснельда поднялась.

Берта сидѣла, согнувшись на скамейкѣ, и плакала.

— Ступайте домой,—сказала Туснельда Паулю,—мы сейчасъ придемъ. У нея заболѣла голова.

Когда Пауль ушелъ, она обратилась къ сестрѣ.

— Пойдемъ, Берта. Здѣсь слишкомъ душно, задохнуться можно. Пожалуйста успокойся, мы идемъ въ комнаты.

Берта не отвѣчала. Ея худенькая шейка лежала на блѣдно-голубомъ рукавѣ ея полукороткаго платья дѣвочки-подростка,

изъ-подъ широкаго рукава виднѣлась тонкая, угловатая ручка съ широкою ладонью.

Она плакала, тихо всхлипывая, и наконецъ поднялась—вся красная, машинально откинула назадъ волосы и такъ же машинально улыбнулась.

Пауль не находилъ покоя. Почему Туснельда это сдѣлала? Было ли это простою шуткою? Или она знала, какую боль она причиняетъ ему?

Онъ пробѣжалъ мимо дома и долго ходилъ по огороду. Тѣмъ временемъ духота еще усилилась. Небо совершенно заволоклось тучами и казалось грозовымъ. Не было ни малѣйшаго вѣтерка, но по листвѣ пробѣгалъ неуловимый робкій трепетъ и даже блѣдное гладкое зеркало пруда вдругъ подернулось серебристою рябью.

Юношѣ бросился въ глаза привязанный къ берегу старый челнъ. Онъ усѣлся на единственную уцѣлѣвшую скамью; вёселъ уже не было. Пауль опустилъ руки въ воду, которая была непріятно тепла.

Его неожиданно охватила несвойственная ему, безпричинная грусть. Онъ словно пробудился отъ тяжелаго сна и не могъ пошевелить ни однимъ членомъ. Блѣдный свѣтъ, омрачившееся небо, поросшій плѣсенью прудъ, старый, полусгнившій челнъ безъ руля и вёселъ—какъ все это было жалко, печально, проникнуто удручающей безнадежностью, которая сообщилась и ему!

Изъ дому къ нему неясно донеслись звуки музыки. Вѣроятно всѣ собрались въ залѣ, и папа играетъ имъ. Пауль скоро узналъ пьесу: сюиту Грига изъ „Пера Гинта"; онъ охотно вернулся бы домой, но почему-то онъ сидѣлъ и глядѣлъ на неподвижную воду, на блѣдное небо, виднѣвшееся сквозь застывшія вѣтви фруктовыхъ деревьевъ. Онъ не радовался даже предстоящей грозѣ—первой за нынѣшнее лѣто.

Музыка смолкла, и нѣкоторое время все было тихо. Затѣмъ раздались тихіе, словно убаюкивающіе аккорды, и женскій голосъ запѣлъ незнакомую Паулю мелодію. Голосъ онъ узналъ—нѣсколько глухой и словно утомленный. Пѣла Туснельда. Въ пѣніи ея не было, вѣроятно, ничего особеннаго, но оно подѣйствовало на мальчика такъ же удручающе и мучительно, какъ и прикосновеніе ея руки. Онъ слушалъ, не шевелясь, и тѣмъ временемъ первыя дождевыя капли тяжело и лѣниво упали въ воду. Онъ даже не замѣтилъ, какъ онѣ коснулись его лица и рукъ. Онъ чувствовалъ только, что то̀ напряженное, мучительное, волнующее, что̀ сейчасъ зародилось въ немъ,—растетъ и ищетъ себѣ

исхода. И тутъ же ему вспомнилась сцена изъ Экгардта, и что-то озарило его: онъ понялъ, что онъ любитъ Туснельду, понялъ также, что она—взрослая барышня, а онъ — школьникъ, и что завтра она уѣзжаетъ!

Тутъ раздался звонъ колокола, призывающій къ столу, и Пауль медленно пошелъ къ дому. У двери онъ смахнулъ дождевыя капли съ рукава, откинулъ назадъ волосы и глубоко перевелъ духъ, словно приготовляясь къ важному шагу.

— Вотъ уже и дождь пошелъ,—сказала Берта,—теперь не удастся, значитъ...

— Что такое?—спросилъ Пауль, не поднимая глазъ отъ тарелки.

— Вѣдь мы собирались?.. Вы обѣщали сводить меня въ Эйхельбергъ.

— Ахъ, да! При такой погодѣ, конечно, не удастся.

Ей хотѣлось, чтобы онъ спросилъ ее, какъ она себя чувствуетъ, и въ то же время она этого боялась. Очевидно, онъ совершенно забылъ прискорбный инцидентъ подъ сѣнью ивы.

Ея неожиданныя слезы, вѣроятно, лишь усилили его убѣжденіе въ томъ, что она—еще совсѣмъ маленькая дѣвочка. Не обращая на нее вниманіе, онъ все время косился въ сторону Туснельды, которая вела съ учителемъ, стыдившимся своего вчерашняго глупаго поведенія, оживленный разговоръ о спортѣ.

Съ кандидатомъ случилось то же, что бываетъ съ большинствомъ людей: онъ говорилъ о вещахъ, въ которыхъ ничего не смыслилъ, гораздо увѣреннѣе и развязнѣе, нежели о близко знакомомъ ему предметѣ. Туснельда первенствовала, конечно, въ разговорѣ; онъ довольствовался подаваніемъ во-время соотвѣтственныхъ репликъ. Кокетливая манера вести разговоръ, свойственная этой молодой особѣ, выводила его изъ обычнаго ему состоянія толстокожести; ему удалось даже посмѣяться надъ собственною неловкостью, когда, наливая вино, онъ пролилъ его на скатерть. Однако лукавый его подходъ—просьбу о разрѣшеніи ему прочесть ей главу изъ его любимой книги—фрейлейнъ Туснельда мило отклонила.

— У тебя не болитъ больше голова, дѣточка?—спросила тетя Грета.

— О, нѣтъ, совсѣмъ не болитъ!—отвѣтила вполголоса Берта, казавшаяся блѣдной и подавленной.

„Ахъ, вы дѣти, дѣти!"—подумала тетя Грета, отъ которой

не укрылось волненіе Пауля; у нея явились кое-какія соображенія, и она рѣшила, не мѣшаясь въ дѣла молодежи, наблюдать за ними. Съ Паулемъ это случилось въ первый разъ, но скоро, скоро онъ уйдетъ изъ-подъ ея вліянія и пойдетъ своимъ путемъ.

На дворѣ почти совсѣмъ стемнѣло. Лилъ дождь, шумѣлъ порывами вѣтеръ, но громъ гремѣлъ еще вдали.

— Вы боитесь грозы?—спрашивалъ кандидатъ свою даму.

— Наоборотъ. Я не знаю ничего прекраснѣе. Мы можемъ пойти потомъ въ павильонъ. Ты пойдешь, Берта?

— Хорошо.

— И вы тоже, г. кандидатъ? Очень рада.

Вставъ изъ-за стола, они подъ дождевыми зонтиками отправились въ павильонъ. Берта захватила съ собою книгу.

— А ты развѣ не идешь, Пауль?—спросила тетка.

— Нѣтъ, благодарю. Мнѣ надо бы поупражняться.

Среди сумятицы охватившихъ его чувствъ онъ прошелъ въ залу, но едва началъ онъ играть, не понимая самъ—что̀, какъ вошелъ отецъ.

— Пауль, не можешь ли ты удалиться въ какую-нибудь другую комнату? Это очень похвально, что ты вздумалъ упражняться, но на все—свое время, и мы—старшее поколѣніе—предпочитаемъ по такой погодѣ подремать. До свиданія.

Пауль прошелъ черезъ столовую и, слыша за собою тихіе шаги тети, выбѣжалъ, засунувъ руки въ карманы, съ непокрытою головою на дождь. Громъ грохоталъ, и первые лучи молній уже прорѣзывали сѣрыя тучи.

Пауль обошелъ весь домъ и приблизился къ пруду. Съ болѣзненнымъ раздраженіемъ онъ упорно старался вымокнуть на дождѣ. Еще не освѣжившійся воздухъ душилъ его, и онъ даже засучилъ рукава для того, чтобы прохладиться.

„Они“ сидятъ теперь въ павильонѣ, весело болтаютъ и смѣются, и никто рѣшительно о немъ не думаетъ... Его потянуло туда, но упрямство одержало верхъ: онъ не захотѣлъ идти вмѣстѣ со всѣми,—нечего, значитъ, бѣжать теперь. Притомъ Туснельда и не звала его, она позвала только Берту и учителя. Почему?

Промокнувъ насквозь, онъ пришелъ, самъ не замѣтивъ, какою дорогою, къ домику садовника. Молніи почти безъ перерыва падали стремительно внизъ или пересѣкали небо фантастически смѣлыми линіями, а дождь шумѣлъ все сильнѣе. Подъ лѣстницею слышалось ворчаніе и звяканье цѣпью большой сторожевой собаки. Узнавъ Пауля, она вылѣзла на встрѣчу и стала радостно

ласкаться къ нему. А онъ, въ припадкѣ непонятной нѣжности, обнялъ ея шею рукою и присѣвъ, съ нею въ уголкѣ, принялся ласкать ее и говорить съ нею, не отдавая себѣ отчета во времени.

Въ павильонѣ г. Гомбургеръ придвинулъ желѣзный столикъ къ стѣнѣ, на которой былъ изображенъ итальянскій прибрежный ландшафтъ. Яркія нѣжныя краски не гармонировали съ сѣрою пеленою дождя,—казалось, что онѣ зябнутъ.

— Въ плохую погоду пожаловали вы въ Эрленгофъ,—сказалъ г. Гомбургеръ.

— Почему? Я нахожу ее великолѣпной.

— А вы, фрейлейнъ Берта?

— Мнѣ тоже нравится.

Онъ злился на то, что она привела съ собою дѣвочку. Какъ разъ въ то время, когда они стали лучше понимать другъ друга!

— Неужели вы дѣйствительно завтра уѣдете?

— Почему вы говорите это такъ трагически?

— Мнѣ будетъ очень жаль...

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Многоуважаемая фрейлейнъ...

Дождь барабанилъ по тонкой крышѣ и стекалъ бурными потоками по желобамъ.

— А знаете, г. кандидатъ, у васъ очень милый ученикъ. Заниматься съ нимъ должно быть истиннымъ удовольствіемъ.

— Вы говорите серьезно?

— Конечно. Онъ пресимпатичный юноша. Не правда ли, Берта?

— Не знаю. Я такъ мало видѣла его.

— Развѣ онъ тебѣ не нравится?

— Нѣтъ, то-есть да, ничего себѣ.

— Что̀ изображаетъ этотъ пейзажъ, г. кандидатъ? Видъ Ривьеры?

Пауль, вернувшись домой два часа спустя, смертельно усталый и промокшій до костей, принялъ холодную ванну и переодѣлся. Онъ выждалъ возвращенія Туснельды и, услыхавъ ея голосъ, рѣшился на то̀, что̀ минуту тому назадъ онъ считалъ невозможнымъ. Подкарауливъ ее въ то время, какъ она поднималась одна по лѣстницѣ, онъ преподнесъ ей букетикъ дикихъ розъ, срѣзанныхъ имъ подъ дождемъ.

— Это мнѣ?—сказала Туснельда.

— Вамъ.

— Чѣмъ я это заслужила? Я уже боялась, что вы терпѣть меня не можете.

— Вы смѣетесь надо мною?

— Нѣтъ, милый Пауль. И я очень благодарю васъ за цвѣты. Это розы?

— Дикія розы.

— Я приколю одну изъ нихъ.

Съ этимъ она исчезла въ своей комнатѣ.

Вечеромъ всѣ остались сидѣть на террасѣ. Воздухъ былъ свѣжъ и душистъ, на омытыхъ вѣткахъ еще сверкали свѣтлыя капли. Мужчины курили, молодежь пила лимонадъ. Тетя съ Бертою разсматривали альбомъ, и тетя разсказывала Бертѣ старыя исторіи. Туснельда была въ духѣ и много смѣялась; учитель былъ, наоборотъ, въ нервномъ состояніи; онъ остался недоволенъ разговоромъ въ павильонѣ, и теперь болѣзненно морщилъ лобъ. Онъ находилъ смѣшнымъ ея кокетство съ мальчуганомъ и отыскивалъ форму, въ которой онъ скажетъ ей это.

Пауль былъ самымъ оживленнымъ изъ всѣхъ. Его розы, приколотыя къ корсажу Туснельды, и ея слова „милый Пауль"— ударили ему въ голову, какъ крѣпкое вино.

Онъ острилъ, разсказывалъ, щеки у него горѣли, и онъ не сводилъ глазъ съ красавицы, граціозно принимавшей его поклоненіе. При этомъ онъ не переставалъ повторять мысленно: „Она уѣдетъ! Завтра она уѣдетъ!"—и чѣмъ громче и тоскливѣе звучалъ въ его сердцѣ этотъ голосъ, тѣмъ отчаяннѣе цѣплялся онъ за уходящій „прекрасный мигъ", и тѣмъ веселѣе говорилъ.

Г. Абдереггъ, на минуту прислушавшійся къ ихъ разговору, воскликнулъ со смѣхомъ:—Пауль, рано же ты начинаешь!—Но это не смутило мальчика, хотя по временамъ у него являлось желаніе выскочить за дверь и разрыдаться. Нѣтъ, этого не будетъ!

Тѣмъ временемъ Берта уже перешла съ тетею на „ты" и была несказанно ей благодарна за то, что та пригрѣла ее подъ своимъ крылышкомъ. На ней словно лежалъ какой-то гнетъ отъ того, что Пауль ее совсѣмъ не хочетъ знать, не говоритъ съ нею ни слова, какъ будто ее и на свѣтѣ нѣтъ.

Оба старыхъ друга съ жаромъ перебирали свои воспоминанія и почти не замѣчали, что рядомъ съ ними идетъ перекрестный огонь молодыхъ увлеченій и борьба страстей.

Г. Гомбургеръ все болѣе и болѣе отходилъ на задній планъ. Вставляемыя имъ ядовитыя замѣчанія оставались безъ вниманія, и чѣмъ сильнѣе росло въ немъ чувство недовольства

тѣмъ менѣе удавалось ему выразить его. Онъ находилъ подобное поведеніе со стороны Пауля—мальчишескимъ, а со стороны Туснельды—непростительнымъ, и всего бы охотнѣе пожелалъ обществу покойной ночи. Но это явилось бы сознаніемъ, что онъ растерялъ свой порохъ и покидаетъ поле сраженія. И какъ ни было противно ему обращеніе Туснельды съ мальчуганомъ, ея слабо раскраснѣвшееся лицо и мягкія движенія — онъ не могъ отъ нихъ оторваться.

Туснельда видѣла его насквозь и не давала себѣ труда скрывать удовольствіе, которое доставляло ей ухаживаніе Пауля, въ особенности потому, что оно злило кандидата. А тотъ, будучи менѣе всего сильнымъ человѣкомъ, скоро почувствовалъ, что гнѣвъ его переходитъ въ мрачную покорность судьбѣ. Развѣ женщина когда-нибудь понимала и цѣнила его? Но онъ былъ настолько художникомъ, что могъ извлечь наслажденіе даже изъ чувства разочарованія и одиночества.

Неоцѣненный, отвергнутый—онъ все же былъ героемъ, носителемъ трагическаго начала, улыбавшимся съ лезвіемъ кинжала въ сердцѣ...

И онъ все время улыбался. Не принимая участія въ разговорѣ, онъ не переставалъ улыбаться—снисходительно, горестно, обдуманно, и для него было новымъ горькимъ торжествомъ видѣть, что никто не замѣчаетъ, до какой степени болѣзненна его улыбка.

Общество поздно разошлось. Когда Пауль вошелъ въ свою прохладную спальню, онъ увидѣлъ въ окно спокойное небо съ застывшими молочно-бѣлыми облаками; сквозь прозрачную ихъ дымку мягко струился яркій лунный свѣтъ, отражавшійся во влажной листвѣ.

Далеко надъ холмами свѣтилась, подобно островку, узкая полоска чистаго неба и въ ней—единственная блѣдная звѣзда.

Пауль долго смотрѣлъ въ окно и ничего не видѣлъ, кромѣ блѣднаго сіянія; онъ чувствовалъ вѣяніе прохлады и, прислушиваясь къ невѣдомымъ голосамъ, дышалъ воздухомъ иного, новаго міра. Передъ нимъ разстилалась невѣдомая страна жизни и страсти, потрясаемая грозными бурями и омраченная черными тучами.

Тетя Грета легла въ постель послѣднею. Она заботливо осмотрѣла двери и ставни, потушила огни, всюду заглянула и усѣлась передъ сномъ въ своемъ старомодномъ креслѣ. Она радовалась, что гости завтра уѣзжаютъ. Хорошо, если все это бла-

гополучно окончится. Она знала, что душа Пауля вскорѣ станетъ для нея закрытою книгою, и со страхомъ слѣдила за его первыми шагами въ саду любви, отъ плодовъ котораго она мало вкусила на своемъ вѣку, да и тѣ оказались горькими. Она подумала о Бертѣ, слегка улыбнулась и стала рыться въ своей шифоньеркѣ, отыскивая для дѣвочки прощальный подарокъ. Тутъ она испугалась, увидѣвъ, какъ уже поздно.

А надъ спящимъ домомъ и стемнѣвшимъ садомъ островокъ яснаго неба все разростался и превратился мало-по-малу въ широкое, чистое, темно-свѣтлое поле, усѣянное слабо мерцающими звѣздами. Въ саду глубоко дышали освѣжившіяся деревья, а на лугу тонкія прозрачныя отраженія облаковъ причудливо скользили въ темномъ кругу отъ тѣни, отбрасываемой старымъ букомъ.

Мягкій, еще насыщенный влагою утренній воздухъ слегка дымился на фонѣ безоблачнаго неба. На песчаной площадкѣ передъ домомъ еще стояли свѣтлыя лужи, въ которыхъ отражались золото солнечныхъ лучей и синева лазури. Экипажъ подъѣхалъ, скрипя колесами по песку, и гости усѣлись въ него; ихъ провожали г. Абдереггъ съ Паулемъ.

Оставшіеся на крыльцѣ — тетя Грета и кандидатъ простились съ пріѣзжими; она привѣтливо улыбалась и жала имъ руки, онъ низко кланялся.

Пауль сидѣлъ въ ландо напротивъ Туснельды и разыгрывалъ роль беззаботнаго. Онъ расхваливалъ погоду, говорилъ о горныхъ экскурсіяхъ и упивался ея взглядами и улыбками. Раннимъ утромъ онъ съ виновною совѣстью пробрался въ садъ и срѣзалъ съ любимой клумбы отца великолѣпную полураспустившуюся чайную розу. Завернутая въ шолковую бумагу, она покоилась въ его грудномъ карманѣ, и онъ ужасно опасался измять ее. Не менѣе боялся онъ, что отецъ откроетъ ея присутствіе.

Маленькая Берта совсѣмъ притихла и держала у лица цвѣтущую вѣточку жасмина, данную ей тетею. Она почти радовалась отъѣзду.

— Прислать вамъ открытку?—весело спрашивала Туснельда.

— Пожалуйста, не забудьте. Это будетъ чудесно! И вы также припишете, фрейлейнъ Берта?

Она вздрогнула отъ неожиданности и кивнула головою.

Они подъѣхали къ вокзалу. Поѣздъ ожидался черезъ четверть часа, и Пауль обрадовался этой отсрочкѣ, какъ неожиданному дару судьбы. Но, ступивъ на платформу, онъ сразу утратилъ

оживленіе, какъ-то осѣлъ и сталъ поглядывать на часы. Лишь въ послѣднюю минуту онъ вынулъ розу и подалъ ее Туснельдѣ, уже стоявшей на площадкѣ. Она весело кивнула ему и вошла въ вагонъ. Затѣмъ поѣздъ отошелъ—и все кончилось.

Паулю не хотѣлось возвращаться домой вмѣстѣ съ отцомъ, и онъ заявилъ, что ему хочется пройтись.

— У тебя совѣсть не чиста, Паульхенъ?

— Нѣтъ, папа, я могу и ѣхать.

Отецъ разсмѣялся и, махнувъ ему рукою, уѣхалъ одинъ.

„Пусть справится съ собою,—думалъ онъ дорогою,—это не разобьетъ его сердце“.

Ему припомнилась его собственная первая любовь, и онъ подивился тому, какъ хорошо онъ все это помнитъ. А вотъ уже настала очередь его сына! Но ему понравилось, что мальчикъ укралъ розу.

Тѣмъ временемъ Пауль быстро шагалъ по дорогѣ, вызывая образъ прекрасной Туснельды, и лишь дойдя до парка, усталый и разгоряченный, онъ спросилъ себя: что онъ станетъ теперь дѣлать? Его неудержимо потянуло къ ивѣ. Онъ съ волненіемъ подошелъ къ дереву, раздвинулъ вѣтви и опустился на завѣтную скамью. Онъ закрылъ глаза, опустилъ руку и снова ощутилъ охватившую его вчера бурю. Вокругъ него колебалось пламя, шумѣли моря, и бури на пурпуровыхъ крылахъ со свистомъ пролетали надъ его головою...

Но Пауль не долго просидѣлъ въ одиночествѣ. Онъ увидѣлъ передъ собою кандидата и очнулся отъ мечтаній.

— Вы здѣсь, Пауль? Уже давно?

— Нѣтъ. Я вѣдь былъ на вокзалѣ и вернулся домой пѣшкомъ.

— И вотъ вы сидите здѣсь въ меланхоліи!

— Я не въ меланхоліи.

— Вотъ какъ? Но я видѣлъ васъ и въ лучшемъ настроеніи.

Пауль не отвѣчалъ.

— Вы очень ухаживали за дамами.

— Вы находите?

— Въ особенности за одною. Я даже думалъ вначалѣ, что вы отдадите предпочтеніе младшей.

— Подростку? Гмъ!

— Вотъ именно—подростку.

Пауль увидѣлъ на лицѣ учителя адскую усмѣшку, и, не отвѣчая ему, вскочилъ и убѣжалъ.

Обѣдъ прошелъ очень тихо.

— Мы, кажется, всѣ немного устали?—улыбнулся г. Абдереггъ:—даже ты, Пауль? И вы тоже, г. Гомбургеръ? Но вѣдь это было пріятное развлеченіе, не такъ ли?

— Безъ сомнѣнія, г. Абдереггъ.

— Вы, кажется, много разговаривали съ фрейлейнъ Туснельдою? Она, вѣроятно, очень начитана?

— Спросите Пауля,—я, къ сожалѣнію, мало пользовался ея обществомъ.

— Что ты скажешь на это, Пауль?

— Я? О комъ вы говорите?

— О фрейлейнъ Туснельдѣ, если ты ничего противъ этого не имѣешь. Но ты, кажется, разсѣянъ?

— Очень ему интересны дамы!—вступилась тетя Грета.

— Пожалуй ты права.

Снова наступила жара, и лужицы высохли. На солнечной лужайкѣ стоялъ залитый сіяніемъ красный букъ, и на одной изъ его вѣтвей сидѣлъ, прислонясь къ стволу, Пауль. Это было его старинное, насиженное мѣсто, гдѣ онъ чувствовалъ себя въ безопасности.

Тамъ, три года назадъ, онъ тайкомъ прочиталъ „Разбойниковъ", тамъ онъ выкурилъ свою первую сигару, тамъ написалъ сатиру на своего прежняго учителя, весьма всполошившую тетю. Онъ думалъ теперь объ этомъ, какъ о чемъ-то пережитомъ, далекомъ... Дѣтскія шалости!

Пауль со вздохомъ вытащилъ изъ кармана ножикъ и принялся скоблить кору. Надо будетъ вырѣзать великолѣпную букву *Т*, хотя бы пришлось потратить на это не одинъ день.

Въ тотъ же вечеръ онъ снесъ садовнику ножъ, чтобы тотъ хорошенько отточилъ его. На возвратномъ пути онъ посидѣлъ въ лодкѣ, стараясь припомнить слышанную имъ здѣсь вчера мелодію. Небо было наполовину затянуто тучами, и думалось, что къ ночи снова разыграется гроза.

Съ нѣмец. О. Ч.

БѢЛАЯ НОЧЬ.

Облеченная ризой льняною,
Свѣтлоокаго Сѣвера дочь,
Ты ясна двуединой зарею,
Благодатная майская ночь!

Ты начало съ концомъ сочетаешь,
Жизнь и смерть вяжешь цѣпью живой,
Незакатной надеждой сіяешь
Въ часъ полночный надъ скорбью земной.

О. Бѣляевская.

ВЪ ДНИ КОМЕТЫ

ПОВѢСТЬ.

H. G. Wells. In the days of the Comet.

КНИГА ВТОРАЯ [1]).

I.

Три дня послѣ этого, въ среду, произошла первая изъ зловѣщихъ вспышекъ, кончившихся кровопролитіемъ при Пикокъ-Гровѣ. Мнѣ суждено было быть очевидцемъ только одного изъ этихъ подготовительныхъ волненій, сравнительно незначительнаго.

Отчеты, которые писались объ этомъ событіи, крайне разнорѣчивы. Читая ихъ, нельзя не удивляться характерному для тогдашней прессы легкомысленному отношенію къ истинѣ. У меня хранятся цѣлыя груды старинныхъ газетъ — я коллекціонирую ихъ,—и передо мной теперь три, четыре нумера того времени; я вынулъ ихъ и просмотрѣлъ, чтобы освѣжить въ памяти событія. Они имѣютъ крайне потрепанный видъ; дешевая бумага уже совершенно потемнѣла и потрескалась, буквы выцвѣли, и приходится обращаться съ ними крайне осторожно, чтобы бумага не разсыпалась. Когда читаешь эти газеты среди теперешней безмятежности, то ихъ тонъ, ихъ доводы и увѣщанія кажутся бредомъ пьяныхъ людей. Точно слышишь выкрики и взвизгиванія плохого грамофона. Только въ нумерѣ отъ понедѣльника я нахожу на послѣдней страницѣ, послѣ извѣстій о

[1]) См. выше: іюнь, стр. 693.

теченіи войны, сообщеніе о волненіяхъ въ Клэйтонѣ и Сватингли.

То, чему я былъ свидѣтелемъ, случилось подъ вечеръ. Я учился тогда стрѣлять изъ только-что купленнаго револьвера, и прошелъ за четыре или пять верстъ на маленькую, лежащую поодаль отъ дороги лужайку, заросшую колокольчиками, на полъ-пути между Литомъ и Стафордомъ. Тамъ я провелъ нѣсколько часовъ, упражняясь въ стрѣльбѣ съ мрачной настойчивостью. Послѣ многократныхъ опытовъ, я наконецъ дошелъ до того, что могъ прострѣлить карту въ тридцати шагахъ девять разъ изъ десяти. Когда стало темнѣть, я успокоился, почувствовалъ, что проголодался, и направился домой въ Сватингли.

Я пошелъ вдоль главной улицы Сватингли; по ней шла паровая конка, а съ обѣихъ сторонъ тянулись жалкіе домики рабочихъ. Сначала на улицѣ было очень тихо и пусто, но, начиная съ первыхъ пивныхъ, я сталъ замѣчать оживленіе. Никто не шумѣлъ, и даже дѣти какъ-то присмирѣли, но всюду стояли люди маленькими кучками и все движеніе направлялось къ воротамъ угольной шахты Бантокъ-Бурдена.

Работы тамъ прекратились, хотя забастовка еще не была объявлена и все еще тянулись переговоры между хозяевами и рабочими въ клэйтонской ратушѣ. Но одинъ изъ рабочихъ Бантокъ-Бурдена, Джэкъ Бриско, былъ соціалистъ и обратилъ на себя вниманіе рѣзкой статьей въ соціалистической газетѣ „Труба“ съ нападками на лорда Редкара. Послѣ появленія статьи, Джэка Бриско тотчасъ же разсчитали. Вотъ что̀ лордъ Редкаръ писалъ черезъ день или два въ „Times“—у меня есть этотъ нумеръ „Times“, также какъ всѣ другія лондонскія газеты послѣдняго мѣсяца передъ „Переворотомъ“.

„Рабочаго, — сообщалъ лордъ Редкаръ,—разсчитали и выгнали. Всякій уважающій себя хозяинъ поступилъ бы точно такъ же“. Это случилось такъ быстро, что рабочіе не сообразили сразу, какъ поступить. Часть ихъ бросила работу въ угольныхъ копяхъ лорда Редкара, сдѣлавъ это безъ предупрежденія и нарушая контрактъ внезапной остановкой работы. Но во время долгой борьбы въ Сватингли рабочіе все время дѣйствовали противозаконно, и съ опрометчивостью неразвитыхъ людей сами же нарушали свои интересы.

Ушли, однако, не всѣ рабочіе. Работа продолжалась; былъ слухъ, что лордъ Редкаръ выписалъ рабочихъ изъ Дургама, и они уже спустились въ шахту. Совершенно невозможно было

установить дѣйствительное положеніе дѣлъ. Газеты полны были слуховъ, но ничего достовѣрнаго не было извѣстно.

Я бы, вѣроятно, прошелъ мимо шахты, гдѣ происходила глухая драма, ни о чемъ не спрашивая, еслибы случайно почти одновременно со мной не появился лордъ Редкаръ, и дѣло не приняло сразу острый оборотъ.

Онъ заявилъ уже накануиѣ, что если рабочимъ хочется помѣряться съ нимъ силами, то онъ покажетъ имъ себя; весь день онъ велъ себя вызывающимъ образомъ и приготовлялъ цѣлую армію замѣстителей стачечниковъ. Я самъ былъ свидѣтелемъ того, что произошло затѣмъ передъ входомъ въ шахту, — но все-таки не могу въ точности установить ходъ событій.

Вотъ, приблизительно, что я видѣлъ:

Я спускался по крутой, изрытой дорогѣ, между возвышающимися футовъ на шесть тротуарами; надъ ними открывались двери однообразнаго ряда темныхъ низкихъ домиковъ. Перспектива синихъ аспидныхъ крышъ и наклоненныхъ печныхъ трубъ спускалась къ площадкѣ передъ шахтой; все пространство, изрытое колесами, было покрыто каменной пылью; слѣва былъ свалъ мусора, а справа—ворота въ шахту. Дальше—улица съ рядомъ лавокъ и рельсы паровой конки, исчезавшіе за угломъ; затѣмъ, въ перспективѣ, — темнѣющая масса дорогъ, безконечное количество маленькихъ дымящихся трубъ, церкви, кабаки, школы и другія зданія. Направо ясно вырисовывалась на фонѣ вечерняго неба шахта съ рядомъ большихъ черныхъ колесъ. И среди широкаго яснаго неба, разстилающагося надъ всей этой картиной жалкой человѣческой суеты, сіяла большая комета, блѣдно зеленоватаго цвѣта, поражавшая всѣ взоры своей красотой. Догоравшій закатъ освѣщалъ всѣ очертанія и горизонтъ на западѣ, а комета всходила на востокѣ, среди клубовъ дыма, выходившаго изъ фабричныхъ трубъ. Луна еще не взошла.

Въ то время комета уже принимала облакоподобный видъ, хорошо извѣстный по тысячамъ фотографій и рисунковъ. Вначалѣ она была блѣднымъ пятномъ, видимымъ только въ телескопъ, потомъ стала разгораться и приняла размѣры самой большой звѣзды на небѣ; затѣмъ она все увеличивалась въ своемъ невѣроятно быстромъ, безшумномъ и неотвратимомъ поступательномъ движеніи къ землѣ, пока наконецъ не сравнялась съ мѣсяцемъ и не превзошла его по величинѣ. Въ то время, о которомъ я говорю, она была неописуемой красоты. Я никогда не видѣлъ фотографіи, которая бы вполнѣ передавала ея видъ. Никогда у нея не было хвоста, который приписывается кометамъ.

Астрономы говорили, что у нея было два хвоста: одинъ спереди, другой сзади, но оба они были незамѣтны, такъ что въ общемъ комета казалась раздутымъ пузыремъ изъ свѣтящагося дыма съ болѣе яркимъ сіяніемъ по срединѣ. Она казалась сначала оранжевой и обнаруживала свой зеленоватый цвѣтъ только поздно ночью, послѣ того какъ разсѣивались вечерніе туманы.

Она невольно приковывала къ себѣ вниманіе. Какъ я ни былъ занятъ своими личными интересами, я все же не могъ оторвать отъ нея глазъ, и смутно чувствовалъ, что нѣчто столь странное и прекрасное должно имѣть какое-то вліяніе на мою жизнь.

Но тутъ я вспомнилъ о Парлодѣ и о томъ, какъ ученые старались разсѣять тревогу, возбужденную появленіемъ кометы, и увѣряли, что ея вѣсъ—ничтожный, самое большее—нѣсколько сотъ тоннъ разряженнаго газа и пыли,—такъ что еслибы даже она столкнулась съ землей, все-таки ничего бы не произошло.

„Да и вообще,—подумалъ я,—какое значеніе могутъ имѣть звѣзды для человѣческой жизни?!“

По мѣрѣ того, какъ я спускался внизъ, я все яснѣе видѣлъ поднимающіеся мнѣ навстрѣчу дома и зданія, видѣлъ группы ожидающихъ чего-то людей, и забылъ о небѣ. Занятый собой и своими тревожными мыслями, я пробирался черезъ толпу и хотѣлъ незамѣтно пройти дальше, какъ вдругъ передъ моими глазами разыгралась драма.

Общее вниманіе внезапно устремилось съ неотразимой магнитной силой къ главной улицѣ, и потокъ захватилъ меня, какъ рѣка увлекаетъ соломинку въ своемъ теченіи. Вся толпа сразу стала кричать, произнося одинъ звукъ. Это было не слово, а неясный звукъ, соединяющій угрозы и протестъ, а пыхтѣніе автомобиля лорда Редкара было какъ бы насмѣшливымъ отвѣтомъ на возгласы толпы.

Всѣ двинулись къ воротамъ угольныхъ копей, и я вмѣстѣ съ другими. Вдругъ раздался страшный крикъ. Черезъ толпу вокругъ меня я увидѣлъ, какъ автомобиль остановился, потомъ быстро двинулся впередъ, а на землѣ лежало и извивалось что-то темное. Потомъ утверждали, что лордъ Редкаръ, проѣзжая въ автомобилѣ, намѣренно наѣхалъ на маленькаго мальчика, который не хотѣлъ уступить ему дороги. Другіе съ такой же твердостью сообщали, что это былъ не мальчикъ, а взрослый человѣкъ, который хотѣлъ перейти черезъ дорогу въ то время, какъ автомобиль медленно ѣхалъ среди толпы, что человѣкъ этотъ чуть-чуть не попалъ подъ автомобиль, но все-таки успѣлъ перебѣжать, а потомъ поскользнулся на рельсахъ трамвая и упалъ.

Обѣ версіи напечатаны были подъ крикливыми заглавіями въ двухъ разныхъ газетахъ, которыя лежатъ теперь передо мной на столѣ. Правду такъ и не удалось установить. И развѣ мыслима правда при такомъ возбужденіи умовъ? Всѣ кинулись впередъ; раздался гудокъ автомобиля, и толпа хлынула направо; потомъ раздалось что-то вродѣ ружейнаго выстрѣла. Всѣ бросились бѣжать. Какая-то женщина, съ укутаннымъ въ платокъ ребенкомъ на рукахъ, чуть не опрокинула меня, кинувшись въ мою сторону. Всѣ думали, что началась стрѣльба, но на самомъ дѣлѣ что-то лопнуло въ моторѣ, и надъ нимъ взвилось облачко синеватаго дыма. Толпа разбѣжалась во всѣ стороны и очистила мѣсто вокругъ автомобиля.

Человѣкъ или мальчикъ, упавшій на землю, лежалъ недвижимо, но никто уже не обращалъ на него вниманія. Автомобиль остановился, и трое людей, сидѣвшихъ въ немъ, поднялись съ мѣстъ. Шесть или семь черныхъ человѣкъ окружили моторъ и не давали ему сдвинуться съ мѣста. Одинъ изъ нихъ—это былъ извѣстный вожакъ рабочихъ, Митчель—о чемъ-то настойчиво спорилъ съ лордомъ Редкаромъ. Я стоялъ слишкомъ далеко, чтобы слышать, что они говорили. Ворота за мной были открыты, и оттуда, повидимому, должны были явиться люди на помощь сидѣвшимъ въ автомобилѣ. Между моторомъ и воротами было пространство ярдовъ въ пятьдесятъ, а дальше чернѣли колеса и верхъ шахты. Я стоялъ въ полукругѣ людей, еще не выяснившихъ своего отношенія къ происходившему спору. Я инстинктивно опустилъ руку въ карманъ и сжалъ въ ней револьверъ. Затѣмъ я направился къ автомобилю съ самыми смутными намѣреніями, причемъ другіе уже меня опередили, побѣжавъ быстрѣе къ мѣсту катастрофы.

Лордъ Редкаръ стоялъ въ своемъ толстомъ мѣховомъ пальто, возвышаясь надъ окружавшей его кучкой людей; онъ говорилъ громкимъ голосомъ и возбужденно жестикулировалъ. Я долженъ сознаться, что онъ имѣлъ внушительный видъ: онъ былъ большой, красивый молодой блондинъ, съ пріятнымъ голосомъ и смѣлымъ, рѣшительнымъ выраженіемъ лица. Я впился въ него глазами. Онъ казался мнѣ олицетвореніемъ торжествующаго насилія высшихъ классовъ и возбуждалъ во мнѣ чувство безсильной злобы. Его шофферъ сидѣлъ сгорбившись и выглядывалъ на толпу изъ-подъ поднятой руки своего хозяина. Но и Митчель имѣлъ внушительный видъ, и голосъ его звучалъ твердо и грозно.

— Вы его сшибли съ ногъ,—говорилъ Митчель.—Подождите, пока мы посмотримъ, что съ нимъ.

— Я подожду или не подожду—какъ мнѣ заблагоразсудится, сказалъ лордъ Редкаръ, и прибавилъ, обращаясь къ шофферу:— Пойдите, посмотрите, что съ мальчикомъ.

— Лучше не ходите,—сказалъ Митчель, и шофферъ остановился въ нерѣшительности.

Человѣкъ, сидѣвшій на заднемъ сидѣньи, высунулся впередъ и заговорилъ съ лордомъ Редкаромъ. Я взглянулъ на него—это былъ молодой Вераль. Его красивое лицо ясно и красиво выдѣлялось при блѣдно-зеленоватомъ свѣтѣ кометы. Я пересталъ слушать споръ Митчеля и лорда Редкара; новое впечатлѣніе отодвинуло на задній планъ все остальное. Передо мной былъ Вераль,—мое смутное намѣреніе неожиданно опредѣлилось и казалось близкимъ къ осуществленію... Навѣрное произойдетъ побоище, и тогда мы....

Какъ поступить? Я быстро все обдумалъ и, если память не измѣняетъ мнѣ, сталъ дѣйствовать очень рѣшительно. Я сжалъ рукой револьверъ, и тогда только вспомнилъ, что онъ не заряженъ. Я быстро повернулъ назадъ и выбрался изъ возбужденной толпы, которая все тѣснѣе обступала автомобиль. Я рѣшилъ отойти куда-нибудь подальше и незамѣтно зарядить револьверъ... Рослый молодой человѣкъ, быстро шагавшій впередъ съ сжатыми кулаками, остановился на минуту, взглянувъ на меня.

— Это что?—сказалъ онъ.—Испугались, что-ли?

Я обернулся, взглянулъ на него черезъ плечо, и выраженіе его лица измѣнилось; онъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня и пошелъ дальше, что-то пробормотавъ.

Я слышалъ за собой громкіе, рѣзкіе голоса, на минуту остановился въ нерѣшимости, потомъ быстро побѣжалъ по направленію къ мѣсту, гдѣ свалены были кучи мусора. Я хотѣлъ зарядить револьверъ незамѣтно, такъ какъ сохранилъ хладнокровіе и думалъ заранѣе о послѣдствіяхъ того, что рѣшилъ сдѣлать.

Я еще разъ оглянулся, туда, гдѣ происходилъ споръ—или, можетъ быть, онъ уже перешелъ въ драку?—затѣмъ свернулъ въ сторону, присѣлъ на землю среди кустовъ и сталъ заряжать револьверъ дрожащими руками. Я вложилъ одну пулю, потомъ поднялся, прошелъ шаговъ двѣнадцать, осмотрѣлся, вернулся и вложилъ всѣ остальныя пули. Затѣмъ я обождалъ еще нѣсколько секундъ, борясь противъ внутренняго голоса, останавливавшаго меня, и въ это время вниманіе мое отвлечено было зеленоватымъ метеоромъ, блестѣвшимъ надо мной. Я въ первый разъ сознательно почувствовалъ связь его съ возбужденіемъ, охватившимъ людей, и сталъ думать о своемъ рѣшеніи: вѣдь я собирался

застрѣлить молодого Вераля какъ бы подъ охраной этого зеленаго сіянія.

Но какъ же быть относительно Нетти?..

Я вышелъ изъ своей засады и медленно направился къ мѣсту, гдѣ происходила борьба. Конечно, я долженъ убить его... Но мнѣ вовсе не хотѣлось убить молодого Вераля именно тогда. Я не представлялъ себѣ именно такихъ обстоятельствъ, не думалъ о Вералѣ въ связи съ лордомъ Редкаромъ и угольными копями. Онъ былъ для меня частью совершенно иного міра, міра парковъ и садовъ Чекшиля, міра солнечныхъ чувствъ и Нетти. Его появленіе здѣсь сбило меня съ толку. Я былъ слишкомъ утомленъ и голоденъ, чтобы разсуждать логично, и сознавалъ только нашу вражду, которая и вызвала во мнѣ неуклонную рѣшимость покончить съ обидчикомъ.

Вдругъ я услышалъ рѣзкій крикъ женщины, и толпа хлынула назадъ. Началась свалка. Кажется, лордъ Редкаръ соскочилъ съ автомобиля и повалилъ Митчеля; изъ воротъ шахты прибѣжали люди ему на помощь.

Я съ трудомъ пробрался чрезъ толпу; ясно помню, что я на минуту очутился между двумя толстяками, которые такъ сжали меня съ двухъ сторонъ, что я не могъ двинуть руками; всѣ другія подробности исчезли изъ моей памяти. Помню только, какъ меня толкнули впередъ,—я стукнулся о край мотора и очутился лицомъ къ лицу съ молодымъ Вералемъ, который какъ разъ сходилъ съ автомобиля. Лицо его озарено было оранжевымъ отблескомъ большихъ фонарей автомобиля, и свѣтъ этотъ, соединяясь съ сіяніемъ кометы, придавалъ странное искаженное выраженіе его лицу. Это длилось одну секунду, но мнѣ сдѣлалось жутко. Потомъ онъ сдѣлалъ шагъ впередъ, и странная игра свѣта прекратилась.

Не думаю, чтобъ онъ узналъ меня, но онъ замѣтилъ, что я собираюсь напасть на него, и, замахнувшись, ударилъ меня прямо въ лицо. Я инстинктивно выпустилъ револьверъ, выхватилъ правую руку изъ кармана и изо всѣхъ силъ ударилъ его въ грудь. Онъ зашатался, и когда онъ откинулся назадъ, я увидѣлъ по его лицу, что онъ узналъ меня...

— Вы знаете, кто я! — крикнулъ я, и ударилъ его снова. Потомъ я отскочилъ въ сторону, оглушенный ударомъ кулака въ челюсть. Передо мной мелькнула высокая фигура лорда Редкара въ большомъ мѣховомъ пальто. Онъ что-то говорилъ молодому746 Вералю. Меня окружили, раздались крики и ругательства, потомъ все закружилось вокругъ меня, я упалъ и видѣлъ только,

какъ шофферъ, Вераль и лордъ Редкаръ быстро бѣжали при зеленоватомъ свѣтѣ кометы въ открытыя ворота шахты.

Я поднялся, опираясь на руки... Револьверъ такъ и остался въ карманѣ — я забылъ про него. Я былъ весь покрытъ угольной пылью и грязью. Поднявшись съ трудомъ на ноги, охваченный мучительнымъ чувствомъ жалкаго безсилія, я направился было къ воротамъ шахты, но потомъ повернулъ назадъ и пошелъ, прихрамывая, домой, въ страшно угнетенномъ состояніи духа. У меня не было никакого желанія ломать и жечь вмѣстѣ съ толпой моторъ лорда Редкара.

II.

Ночью боль, усталость и жаръ пробудили меня отъ тревожнаго сна, и меня охватило безконечное отчаяніе, безнадежное чувство позора. Я проклиналъ Бога, котораго отрицалъ. Въ короткіе промежутки забытья, прерывавшіе мучительную безсонницу, мнѣ представлялась Нетти; она терзала меня своей красотой, усиливая муку оскорбленнаго самолюбія. Она была какъ бы воплощеніемъ всего, въ чемъ мнѣ отказала жизнь, насмѣшкой надъ моимъ пораженіемъ. Я смотрѣлъ на нее, и еще сильнѣе чувствовалъ боль въ челюсти, еще острѣе страдалъ отъ позора, вспоминая, какъ я лежалъ въ грязи передъ моими врагами. Минутами я былъ близокъ къ безумію и впивался ногтями въ руки, чувствуя безсиліе проклятій и криковъ. Подъ утро я всталъ съ постели и сѣлъ у зеркала, держа въ рукѣ заряженный револьверъ. Наконецъ, я поднялся, положилъ револьверъ въ ящикъ стола и заперъ его, чтобы уберечь себя отъ безразсуднаго порыва. Послѣ этого я легъ въ постель и заснулъ.

Такія ночи были частымъ явленіемъ въ старомъ мірѣ. Не было того города, не было такой ночи въ теченіе круглаго года, когда бы гдѣ-нибудь не терзались люди безсонницей, не болѣли, не испытывали мукъ, приводящихъ ихъ къ безумію.

Слѣдующій день я провелъ въ мрачномъ бездѣйствіи. Я хотѣлъ пойти въ Чекшиль, но у меня распухла нога, и я не могъ двигаться. Я сидѣлъ дома въ тускло освѣщенной кухнѣ внизу, съ забинтованной ногой, предавался мрачнымъ мыслямъ и вздыхалъ... Бѣдная мама ухаживала за мной, глядѣла мнѣ въ лицо и не понимала моего угрюмаго молчанія. Я ей не сказалъ, какимъ образомъ я повредилъ себѣ ногу и почему я вернулся весь въ грязи. Платье мое она вычистила, прежде чѣмъ я всталъ.

Теперь матерямъ, къ счастью, легче живется. Не знаю, смогу ли я описать такъ, чтобы вы поняли меня, нашу тогдашнюю обстановку. Представьте себѣ темную, убогую комнату, съ непокрытымъ деревяннымъ столомъ, ободранными обоями, кострюлями и котломъ на узкой полкѣ, золу въ очагѣ, заржавленную чугунную рѣшетку, на которую я поставилъ больную ногу, а затѣмъ—сидящаго на стулѣ блѣднаго, возбужденнаго юношу, какимъ я тогда былъ, небритаго, безъ воротника, и маленькую, грязную, запуганную старую женщину, которая суетилась вокругъ меня, глядя на меня съ любовью изъ-подъ опухшихъ вѣкъ.

Когда она вышла купить овощей на обѣдъ, она купила газету за полъ-пенни. Это была такая же газета, какъ тѣ, которыя лежатъ теперь у меня на столѣ, но та была еще сырая, а эти такъ покоробились, что чуть не разсыпаются отъ прикосновенія. У меня какъ разъ есть нумеръ, который я читалъ въ то утро. Газета называлась „Новой Газетой“ и была въ то утро полна такихъ сенсаціонныхъ новостей, что я на минуту забылъ о своихъ личныхъ дѣлахъ, захваченный болѣе широкими интересами. Рѣчь шла о неминуемой, будто бы, войнѣ между Англіей и Германіей.

Изъ всѣхъ чудовищно-безсмысленныхъ явленій стараго міра война была несомнѣнно самымъ безумнымъ. По существу она, вѣроятно, была менѣе зловредна, чѣмъ болѣе мирныя невзгоды, чѣмъ, напримѣръ, частное владѣніе землей, но пагубныя послѣдствія войны были такъ очевидны, что даже въ тѣ времена общаго смятенія умовъ люди изумлялись возможности войнъ. Въ нихъ не было никакого смысла. Ничего, кромѣ смерти и увѣчья многихъ тысячъ людей, кромѣ траты безконечныхъ количествъ разныхъ продуктовъ, кромѣ напрасной потери силъ и энергіи, война не давала. Прежнія войны варварскихъ народовъ мѣняли, по крайней мѣрѣ, жизнь человѣчества; одна нація выказывала свое физическое и духовное превосходство надъ другой, захватывала земли и женщинъ покореннаго врага и укрѣпляла въ дальнѣйшихъ поколѣніяхъ свое благосостояніе и силу. Войны новаго времени мѣняли только цвѣтъ и видъ почтовыхъ марокъ и отношенія между нѣсколькими случайно стоящими впереди другихъ лицами. Въ одномъ изъ послѣднихъ международныхъ эпилептическихъ припадковъ, напримѣръ, англичане, поплатившись за это эпидеміей дезинтеріи и множествомъ плохихъ стиховъ, теряя по нѣскольку сотъ человѣкъ въ каждой битвѣ, одержали побѣду надъ южно-африканскими бурами; побѣда стоила, при-

близительно, по три тысячи фунтовъ за каждаго побѣжденнаго бура, а можно было бы купить всю эту поддѣльную націю за десятую часть такой цѣны. И за исключеніемъ нѣкоторыхъ перемѣнъ личнаго состава, замѣны одной группы недобросовѣстныхъ чиновниковъ другою, и т. д., никакой существенной перемѣны не произошло. А между тѣмъ одинъ сумасбродный молодой человѣкъ въ Австріи застрѣлился, когда наконецъ Трансвааль пересталъ быть „націей". Тѣ, которые посѣтили театръ этой войны послѣ заключенія мира, не нашли тамъ никакой перемѣны, кромѣ общаго обѣднѣнія, да еще неимовѣрнаго количества пустыхъ жестянокъ для провіанта, а также проволоки и патроновъ. Въ остальномъ все было по-прежнему: люди вернулись къ старымъ привычкамъ и прежнимъ ссорамъ; негры попрежнему жили въ грязныхъ лачугахъ, а бѣлые—въ уродливыхъ, плохо устроенныхъ сараяхъ.

Но, ослѣпленные толками газетъ, мы, какъ безумцы, увлекались войной. Вся моя юность, отъ четырнадцати до семнадцати лѣтъ, прошла подъ аккомпаниментъ этого чудовищнаго пустозвонства, возбужденія, тревогъ, развѣвающихся флаговъ, негодованія противъ доблестнаго Буллера, восхищенія героизмомъ Де-Вета, которому всегда удавалось убѣжать во время,—въ этомъ и заключался героизмъ Де-Вета,—и намъ никогда не приходило въ голову, что весь народъ, противъ котораго шла война, равнялся меньшей половинѣ нищенствующаго населенія долины четырехъ городовъ, въ которой протекла моя юность.

Но до и послѣ этой безсмысленной войны нарождался и развивался болѣе знаменательный антагонизмъ двухъ націй, который долженъ былъ неизбѣжно привести къ столкновенію; иногда онъ ускользалъ отъ общаго вниманія, потомъ вдругъ обострялся и проявлялся при новыхъ обстоятельствахъ, дѣлаясь все болѣе и болѣе грознымъ: это былъ антагонизмъ между Германіей и Великобританіей.

Когда я думаю о наростающемъ количествѣ читателей, выросшихъ при новомъ строѣ жизни, имѣющихъ лишь смутныя представленія о старомъ мірѣ, я испытываю величайшую трудность въ изображеніи непостижимаго безразсудства, которое, однако, казалось чѣмъ-то совершенно нормальнымъ ихъ отцамъ.

Насъ было сорокъ-одинъ милліонъ англичанъ, жившихъ въ почти неописуемо-безцѣльномъ экономическомъ и нравственномъ хаосѣ, въ которомъ мы были безсильны разобраться; наши интересы были къ тому же безнадежно спутаны съ интересами трехсотъ-пятидесяти милліоновъ чуждыхъ намъ по духу людей,

разбросанныхъ по лицу земли. Съ другой стороны были нѣмцы, пятьдесятъ-шесть милліоновъ людей, живущихъ въ такомъ же хаосѣ, какъ и мы,—а крикливые люди, которые писали книги, сочиняли газетныя статьи и читали лекціи, провозглашая себя выразителями національнаго духа, хлопотали въ обѣихъ странахъ съ какимъ-то адскимъ единодушіемъ, убѣждая оба народа отдать всѣ свои матеріальныя, нравственныя и интеллектуальныя силы на разрушительное, безцѣльное дѣло войны. И никто бы не могъ указать на какое-нибудь дѣйствительное благо, на что-нибудь, составляющее противовѣсъ разрушительнымъ результатамъ войны между Англіей и Германіей,—все равно, каковъ бы ни былъ ея исходъ, разбила ли бы Англія Германію, или потерпѣла бы пораженіе. Это безсмысленное массовое увлеченіе было такимъ же уродливымъ явленіемъ въ нашей національной исторіи, какъ охватившая меня эгоистическая ревность въ моей личной жизни. Какъ я сдѣлался рабомъ своей злобы и ходилъ всюду съ заряженнымъ револьверомъ, обдумывая дикіе планы мести, такъ и эти двѣ націи метались по міру, обезумѣвъ отъ гнѣва, съ вооруженнымъ флотомъ и готовыми арміями. Но для оправданія ихъ глупости не было даже такой причины, какъ измѣна Нетти. Были только воображаемыя угрозы съ обѣихъ сторонъ.

Главнымъ орудіемъ, натравлявшимъ эти двѣ толпы народа одна на другую, была пресса. Ее составляли всѣ эти газеты, столь же лишенныя смысла для насъ теперь, какъ понятія „имперія", „нація", какъ „трёсты" и другія чудовищныя явленія того страннаго времени. Пресса была непредвидѣнной случайностью въ старомъ мірѣ. Она разрослась, какъ сорная трава въ заброшенномъ саду, только потому, что въ жизни отсутствовала руководящая разумная воля. Къ концу эта „пресса" очутилась почти всецѣло въ рукахъ молодыхъ людей, очень энергичныхъ, но весьма неразумныхъ, не понимавшихъ своей собственной безцѣльности, преслѣдующихъ ничтожныя цѣли съ невѣроятнымъ рвеніемъ. И если вы хотите дѣйствительно понять ту безумную эпоху, конецъ которой положила комета, вы должны помнить, что все совершалось тогда съ безцѣльной огромной затратой силъ и въ порывѣ сосредоточенной воли.

Я опишу вамъ вкратцѣ, какъ составлялись и распространялись въ то время газеты.

Представьте себѣ, прежде всего, торопливо построенное по еще болѣе торопливо составленному плану зданіе въ грязномъ, заваленномъ обрывками бумагъ, закоулкѣ стараго Лондона. Множество плохо одѣтыхъ людей снуютъ по улицѣ съ быстротой

снарядовъ, выпущенныхъ изъ пушекъ. Внутри зданія цѣлая армія наборщиковъ быстро работаетъ ловкими пальцами въ какой-то адской кухнѣ, перебирая металлическіе слитки въ ящикахъ. Надъ ними, въ верхнемъ этажѣ, въ нѣсколько лучше освѣщенныхъ комнатахъ сидятъ растрепанные люди и быстро пишутъ. Вокругъ нихъ звонитъ телефонъ, стучитъ телеграфъ, бѣгаютъ разсыльные и разносятъ полосы. Потомъ начинается грохотъ машинъ, вертящихся все быстрѣе и быстрѣе; механики, которымъ некогда было помыться съ самаго дня ихъ рожденія, бѣгаютъ взадъ и впередъ; по валикамъ катится бумага съ безумной быстротой. Наконецъ, является собственникъ газеты, примчавшійся на быстромъ моторѣ. Онъ врывается, прежде чѣмъ остановились машины, держа въ рукахъ пачки писемъ и документовъ, и начинаетъ всѣхъ подгонять,—на самомъ дѣлѣ мѣшая работѣ. При его появленіи даже мальчики, ожидающіе приказаній, вскакиваютъ съ мѣстъ и начинаютъ безсмысленно бѣгать во всѣ стороны. Прибавьте ко всему этому шумъ, споры, брань, безсмысленныя слова и движенія. Всѣ эти составныя части сложной сумасшедшей машины работаютъ съ наростающей истерической возбужденностью, по мѣрѣ того какъ проходитъ ночь. Въ концѣ концовъ кажется, что среди этой судорожной быстроты медленнѣе всего движутся стрѣлки часовъ.

Наконецъ, приближается моментъ выхода газеты — созданія всей этой напряженной торопливой работы. Подъ утро темныя и пустынныя до того улицы наполняются людьми и повозками. Изъ каждой двери выбрасываются тюки газетъ, которые расхватываются съ бою налетѣвшими со всѣхъ сторонъ людьми, и съ шумомъ и грохотомъ увозятся и уносятся на востокъ и на западъ, на сѣверъ и на югъ. Возбужденіе переходитъ на улицу. Люди, наполнявшіе душныя комнаты, идутъ домой; наборщики расходятся, зѣвая; грохотъ машинъ затихаетъ. Газета издана. За производствомъ слѣдуетъ потребленіе—и мы послѣдуемъ за тюками.

Начинается прежде всего лихорадочно-быстрое распространеніе газеты по всей странѣ. Тюки газетъ увозятъ на вокзалы, вбрасываютъ въ поѣзда въ послѣднюю минуту до отхода; тамъ ихъ раздѣляютъ на меньшія пачки, которыя выбрасываютъ изъ поѣзда на каждой станціи. Эти пачки раскладываются на станціяхъ на еще меньшія, затѣмъ, наконецъ, на отдѣльные нумера, и наступленіе утра проходитъ незамѣтнымъ среди бѣготни и криковъ мальчиковъ, бросающихъ газеты въ ящики для писемъ у дверей домовъ, въ открывающіяся окна, на прилавки га-

зетчиковъ. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ вся страна покрывается пятнами бѣлой шуршащей бумаги и огромными плакатами, крикливо возвѣщающими торопливо придуманную для текущаго дня новость. Мужчины и женщины въ поѣздахъ, за утреннимъ чаемъ и у камина въ рабочихъ кабинетахъ, матери, сыновья и дочери, ожидающіе, пока отецъ кончитъ чтеніе,— милліонъ людей, разсѣянныхъ по разнымъ мѣстамъ, лихорадочно читаетъ или жаждетъ скорѣе прочесть газету. Точно какой-то мощный потокъ раскидалъ эту бѣлую бумажную пѣну по всей странѣ... И потомъ эта пѣна такъ же безслѣдно исчезаетъ, какъ слѣдъ волнъ на песчаномъ берегу...

Все это, вмѣстѣ взятое—какой-то шумный пароксизмъ безсмыслицы, безразсуднаго возбужденія и нелѣпой траты силъ на ничто...

Однимъ изъ этихъ бѣлыхъ брызговъ пѣны была газета, которую я сталъ читать, сидя съ забинтованной ногой въ темной подвальной кухнѣ моей матери, и когда я прочелъ заголовокъ первой статьи, я забылъ сразу о своихъ личныхъ волненіяхъ.

Этотъ нумеръ газеты былъ очагомъ заразы, охватывающей организмъ. Я былъ ничтожной частицей огромнаго безформеннаго тѣла англійской націи, одной изъ сорока милліоновъ такихъ же единицъ, какъ я,—и, несмотря на всѣ мои личныя заботы, эти строки, эта газетная отрава охватила и меня. И по всей странѣ въ этотъ день милліоны людей читали газету съ такимъ же чувствомъ, какъ и я, подпадая подъ тѣ же чары. Всѣ мы увидѣли—какъ это мы говорили тогда?—врага лицомъ къ лицу.

Комета отошла на второй планъ. Столбецъ подъ заглавіемъ: „Авторитетный ученый утверждаетъ, что комета столкнется съ землей. Что̀ тогда произойдетъ?"—остался непрочитаннымъ. „Германія"—я обыкновенно представлялъ себѣ ее въ видѣ затянутаго въ узкій мундиръ императора, съ торчащими усами, съ геральдическими черными крыльями и большимъ мечомъ—Германія оскорбила наше знамя. Вотъ какую вѣсть принесла „Новая Газета", и я видѣлъ надъ собой чудовище, грозящее новыми оскорбленіями нашей національной гордости. Кто-то поднялъ британскій флагъ на правомъ берегу невѣдомой до того рѣки въ тропикахъ, а пьяный нѣмецкій офицеръ, въ силу неясныхъ инструкцій, сорвалъ его. Послѣ того какой-то туземецъ,—котораго мы уже считали британскимъ подданнымъ въ виду того, что тамъ водрузили британскій флагъ,—былъ раненъ выстрѣломъ въ ногу. Факты не были выяснены,—но для всѣхъ было очевидно, что мы не потерпимъ нанесеннаго намъ Германіей оскорбленія. Случи-

лось ли все это или нѣтъ,—но мы требуемъ извиненій, а, повидимому, Германія не желаетъ.

„Будетъ ли, наконецъ, война?“

Такъ гласилъ заголовокъ статьи, и я всей душой стоялъ за утвердительный отвѣтъ. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ я перестать думать о Нетти, мечтая о сухопутныхъ и морскихъ битвахъ, объ истребленіи многихъ тысячъ людей.

На слѣдующее утро, однако, я отправился въ Чекшиль—и забылъ о кометахъ, о стачкахъ и о войнѣ.

III.

Имѣйте въ виду, что я не замышлялъ убійства, направляясь въ Чекшиль. У меня не было вообще никакихъ плановъ. Въ головѣ моей былъ хаосъ разныхъ романтическихъ мыслей объ угрозахъ, обличеніяхъ, но убивать я не собирался. Я взялъ съ собой револьверъ просто потому, что онъ у меня былъ, и что мнѣ нравилось ходить съ револьверомъ въ карманѣ. Это какъ-то возвышало меня въ собственныхъ глазахъ. Но никакихъ опредѣленныхъ плановъ, повторяю, у меня не было.

Почему-то я шелъ въ Чекшиль въ повышенномъ, почти радостномъ настроеніи. Я проснулся въ то утро съ надеждой—можетъ быть, это былъ слѣдъ забытаго сна,—что Нетти, можетъ быть, еще измѣнитъ свое отношеніе ко мнѣ и что, несмотря на все случившееся, она еще меня любитъ. Я даже считалъ возможнымъ, что я ложно истолковалъ то, что̀ видѣлъ, и что, можетъ быть, она все объяснитъ. И все-таки у меня былъ съ собой револьверъ.

Въ началѣ пути я нѣсколько прихрамывалъ, но потомъ я забылъ о боли въ ногѣ, размышляя о томъ, что, можетъ быть, я напрасно обвинялъ Нетти. Съ этою мыслью я вошелъ въ паркъ. Видъ запоздалыхъ синихъ гіацинтовъ неподалеку отъ дома садовника напомнилъ мнѣ, какъ мы съ Нетти рвали вдвоемъ эти цвѣты, и я почувствовалъ, что разрыва между нами не можетъ быть. Меня охватила волна нѣжности, когда я проходилъ по маленькой полянѣ и приближался къ деревьямъ сада; но тамъ я уже забылъ о своихъ дѣтскихъ чувствахъ къ Нетти и сталъ думать о ея красотѣ, пробудившей во мнѣ страстныя чувства. Тогда я вспомнилъ о человѣкѣ, котораго видѣлъ при лунномъ свѣтѣ, и настроеніе мое сразу омрачилось...

Я пошелъ черезъ рощу и приблизился къ саду съ тяжелымъ

чувствомъ. Когда я дошелъ до зеленой калитки въ стѣнѣ сада, меня охватила такая дрожь, что я едва могъ открыть калитку: я уже внутренно не сомнѣвался, что меня ждетъ горе. Я почувствовалъ, что щеки у меня влажныя, и не могъ сдержать слезъ, охваченный жалостью къ самому себѣ. Я легъ на траву и долго рыдалъ... Я даже подумывалъ о томъ, чтобы уйти, не войдя въ домъ, но потомъ мое волненіе улеглось, печаль разсѣялась, какъ облако, и я спокойно вошелъ въ садъ.

Черезъ открытую дверь одной изъ стеклянныхъ оранжерей я увидѣлъ старика Стюарта. Онъ стоялъ, засунувъ руки въ карманы, и былъ такъ погруженъ въ мысли, что не замѣтилъ меня. Я сначала остановился въ нерѣшительности, а потомъ медленно направился къ дому. Но меня поразило, что домъ имѣетъ какой-то необычный видъ. Я сразу не могъ опредѣлить, въ чемъ заключалась перемѣна, но потомъ увидѣлъ, что одно окно въ спальнѣ было раскрыто, и короткая ставня закрывала половину окна; это придавало акуратному домику непривычный неряшливый видъ. Дверь была широко открыта, и въ домѣ было тихо. Но въ прибранной обыкновенно передней стояла на стульяхъ грязная посуда. Было два часа дня, и этотъ безпорядокъ поразилъ меня.

Я вошелъ, оглянулся и постучался въ дверь, ведущую во внутреннія комнаты. Отвѣта не послѣдовало. Черезъ нѣсколько времени, я хотѣлъ было постучать вторично, когда въ дверяхъ показалась Пусъ. Мы съ минуту глядѣли другъ на друга, ничего не говоря. Волосы у нея были растрепаны, лицо въ слезахъ и сильно раскраснѣвшееся. Она съ удивленіемъ взглянула на меня. Я думалъ, что она что-нибудь скажетъ, но она быстро выбѣжала изъ дома.

— Пусъ!—крикнулъ я, и быстро пошелъ за ней.—Пусъ, что̀ случилось? Гдѣ Нетти?

Но она исчезла за угломъ дома. Я остановился въ нерѣшительности. Что̀ все это значило?.. Но въ эту минуту я услышалъ шаги наверху.

— Вилли!—крикнулъ голосъ м-ссъ Стюартъ.—Это ты?

— Да,—отвѣтилъ я.—Но гдѣ всѣ? Гдѣ Нетти? Мнѣ нужно ее видѣть.

М-ссъ Стюартъ ничего не отвѣтила, и я услышалъ шуршаніе ея платья; я думалъ, что она спускается внизъ, и остановился у лѣстницы, поджидая ее. Но вдругъ раздались какіе-то странные звуки, какія-то несвязныя слова, прерываемыя жалобнымъ плачемъ...—Я не могу, не могу!—вотъ все, что̀ я могъ разслышать.

Я совершенно растерялся и побѣжалъ наверхъ. Она стояла въ корридорѣ, у дверей своей спальни, прислонившись къ комоду, и горько плакала. Когда я подошелъ къ ней, она стала еще сильнѣе рыдать.—До чего я дожила!—заговорила она сквозь душившія ея слезы.—Какой позоръ!—Я былъ такъ пораженъ, что не могъ выговорить ни слова; я никогда не видалъ, чтобы такъ безутѣшно рыдали.

— Зачѣмъ я дожила до этого?—заговорила она опять.— Лучше бы она убила меня!

Я началъ понимать.—М-ссъ Стюартъ,—сказалъ я, пересиливъ себя,—что случилось съ Нетти?

— Зачѣмъ я дожила до этого дня?—повторяла она вмѣсто отвѣта, и я долженъ былъ ждать, пока она опять успокоилась. Я ничего не понималъ и забылъ о томъ, что у меня револьверъ въ карманѣ. Вдругъ она подняла лицо и обратилась ко мнѣ, вытирая распухшіе глаза. — Вилли,—сказала она всхлипывая,— она ушла!

— Нетти?

— Ушла... Убѣжала изъ дому. Какой позоръ, Вилли, какой грѣхъ!

Она опустила голову на мое плечо и опять стала причитать о томъ, что она лучше хотѣла бы умереть.

— Успокойтесь, успокойтесь!—сказалъ я, въ то время, какъ самъ весь дрожалъ. — Куда она ушла?—Я спросилъ это какъ можно мягче.

— Не знаю,—не знаю... Она ушла вчера утромъ. Я сказала ей: Нетти, куда это ты уходишь такая нарядная съ утра?— „Я рада солнцу,—потому и нарядилась“, сказала она,—и это были ея послѣднія слова. Вилли.... я ее вскормила своей грудью, а вотъ какой она стала!

— Да, да. Но куда она ушла?

Она продолжала разсказывать торопливо и прерывая разсказъ рыданіями:

— Она ушла, улыбаясь, изъ родного дома. Она была такая веселая, Вилли, — точно она радовалась уходу.

— Радовалась уходу,—повторилъ я беззвучно.

— Очень ужъ ты нарядна для утренней прогулки,—сказала я,—очень нарядна.—„Почему ей не наряжаться,—сказалъ отецъ, —на то она молода“. А она незамѣтно захватила съ собой узелокъ съ вещами и ушла—ушла изъ дому навсегда!

Она стала говорить спокойнѣе.

— Пусть наряжается, пока молода,—повторяла она,—пусть

наряжается, пока молода... Какъ мы будемъ жить безъ нея, Вилли?.. Отецъ скрываетъ, но онъ убитъ горемъ. Она была его любимицей... А она такое съ нимъ сдѣлала!

— Куда же она ушла?—снова спросилъ я.

— Не знаю. Она покинула насъ, ушла къ... Это убьетъ меня, Вилли. Лучше бы она и я лежали вмѣстѣ въ могилѣ!

— Но, можетъ быть, — медленно проговорилъ я,—можетъ быть, она ушла изъ дому, чтобы выйти замужъ.

— Еслибы это было такъ! Я молила Бога, чтобъ это такъ было. Я молила Бога, чтобы онъ сжалился надъ ней—тотъ, съ кѣмъ она ушла.

— Кто онъ?—крикнулъ я.

— Она говоритъ въ письмѣ, что онъ благороднаго рода.

— Въ письмѣ? Она писала вамъ? Покажите мнѣ письмо.

— Оно у отца,—оно пришло сегодня утромъ.

— Откуда?

— Она не пишетъ, гдѣ она. Говоритъ, что счастлива... Что любовь вихремъ налетѣла на нее!

— Гдѣ письмо? покажите мнѣ его! А кто этотъ человѣкъ— это вы сами знаете.

— Вилли...—запротестовала она.

— Вѣдь это молодой Вераль!

Она ничего не отвѣтила.—Все, что я могу сказать тебѣ въ утѣшеніе...—начала она.

— Вѣдь это Вераль?—настаивалъ я.

Она взглянула мнѣ въ лицо—и мы поняли другъ друга безъ словъ.

Потомъ она опять отвернулась и стала вытирать глаза платкомъ, избѣгая моего взгляда. Я пересталъ чувствовать къ ней жалость. Она знала, какъ и я, что Нетти ушла съ сыномъ ея хозяйки. Она должна была предвидѣть это. Я постоялъ нѣсколько времени около нея, чувствуя глубокое возмущеніе въ душѣ. Наконецъ, я вспомнилъ о старикѣ Стюартѣ, котораго видѣлъ въ оранжереѣ, и быстро спустился съ лѣстницы. А м-ссъ Стюартъ медленно прошла къ себѣ въ комнату.

IV.

Старикъ Стюартъ показался мнѣ очень жалкимъ. Я засталъ его въ оранжереѣ, тамъ же, гдѣ видѣлъ его, когда пришелъ. Онъ не шевельнулся, когда я подошелъ къ нему, медленно взгля-

нулъ на меня, и потомъ сталъ опять смотрѣть на стоящіе передъ нимъ горшки цвѣтовъ.

— Да, Вилли,—сказалъ онъ, — пришелъ черный день для всѣхъ насъ.

— Что вы намѣрены дѣлать?—спросилъ я.

— Что дѣлаютъ въ такихъ случаяхъ? Нужно, чтобы онъ женился на ней.

— Конечно!—воскликнулъ я.—Жениться-то онъ долженъ во всякомъ случаѣ.

— Долженъ... Но какъ я его заставлю? А если онъ не захочетъ? Это вполнѣ возможно. Что тогда?

Онъ опустилъ голову въ глубокомъ отчаяніи. — Вотъ этотъ домикъ...—сказалъ онъ, продолжая какъ бы думать вслухъ.—Мы здѣсь прожили, можно сказать, всю нашу жизнь... Уйти отсюда въ мои годы... Нельзя же умереть въ трущобѣ...

Я стоялъ передъ нимъ, стараясь восполнить мысли, скрывавшіяся за отрывистыми словами. Его апатія и его соображенія, о которыхъ я смутно догадывался, возмутили меня. Я отрывисто сказалъ:—Ея письмо при васъ?

Онъ опустилъ руку въ карманъ, застылъ на нѣсколько секундъ, потомъ пришелъ въ себя, вынулъ письмо и молча протянулъ мнѣ его, предварительно вынувъ изъ конверта.

— Что это?—крикнулъ онъ, въ первый разъ взглянувъ на меня.—Что это у тебя на лицѣ, Вилли?

— Ничего,—отвѣтилъ я.—Я ушибся.

Я сталъ читать письмо. Оно было написано на блѣдно-зеленоватой бумагѣ; почеркъ былъ ясный и спокойный, безъ всякихъ слѣдовъ волненія.

Вотъ что она писала:

„Дорогая мама, не горюй о томъ, что я ушла. Мнѣ теперь хорошо, и со мной человѣкъ, который меня очень любитъ. Мнѣ жаль васъ всѣхъ, но такъ должно было быть. Любовь неожиданно покоряетъ сердце, и съ ней нельзя бороться. Не думай, что я стыжусь. Я счастлива своей любовью, и ты обо мнѣ не тревожься. Я очень, очень счастлива (нѣсколько разъ подчеркнуто). Цѣлую папу и Пусъ.—Любящая тебя дочь Нетти“.

Теперь я вижу, сколько было дѣтской простоты въ этомъ письмецѣ, но тогда я читалъ его съ бѣшенствомъ въ душѣ. Я чувствовалъ себя глубоко опозореннымъ, и мнѣ казалось, что я не смогу дольше жить, если не отомщу. Я продолжалъ смотрѣть на прямыя, круглыя буквы, не рѣшаясь выговорить ни слова. Наконецъ, я поднялъ глаза на Стюарта.

Онъ держалъ конвертъ въ рукахъ и смотрѣлъ на почтовую марку.

— Нельзя разобрать, откуда она пишетъ,—сказалъ онъ, безнадежно вертя письмо въ рукахъ.—Жестоко она поступила съ нами, Вилли! Ей жилось у насъ хорошо. Всѣ ее баловали—ей даже не приходилось работать по дому. И вдругъ она ушла и покинула насъ... какъ птичка, научившаяся летать. Она не довѣряетъ намъ — вотъ что̀ самое обидное... А главное — что̀ съ ней будетъ?

Онъ покачалъ головой, выражая свою безпомощность.

— Поѣзжайте къ ней,—сказалъ я ровнымъ голосомъ.—Вы должны заставить его жениться.

— Куда поѣхать?—безнадежно спросилъ онъ, протягивая мнѣ конвертъ выразительнымъ жестомъ. — И что я могу сдѣлать? Даже еслибы я зналъ, — какъ я могу оставить садъ?

— Вотъ какъ!—крикнулъ я:—тогда вы не можете оставить сады! Дѣло идетъ о вашей чести. Еслибы она была моей дочерью,—я бы растерзалъ весь міръ...—Я запнулся.—А вы намѣрены примириться съ тѣмъ, что̀ произошло!

— Что̀ я могу сдѣлать?

— Заставить его жениться на ней. Избить его кнутомъ... Я бы задушилъ его...

Онъ медленно почесалъ свою волосатую щеку, раскрылъ ротъ и покачалъ головой; потомъ, съ нестерпимой для меня мягкой мудростью, онъ сказалъ:

— Люди въ нашемъ положеніи не могутъ такъ поступать...

Я пришелъ въ полное бѣшенство, и готовъ былъ ударить его по лицу. Разъ, въ дѣтствѣ, я увидалъ птичку, помятую кошкой, и убилъ эту птичку въ припадкѣ ужаса и жалости. Теперь у меня былъ приливъ того же чувства при видѣ этой позорно искалѣченной души, распростертой во прахѣ. Потомъ я пересталъ заниматься его психологіей и сталъ думать только о Нетти.

— Дайте посмотрѣть!—сказалъ я.

Онъ неохотно протянулъ мнѣ конвертъ и указалъ на неразборчивость штемпеля. Я сталъ вглядываться въ буквы и сразу, какимъ-то чутьемъ, разобралъ названіе—Шапгамбури. Я зналъ, что есть такой городокъ гдѣ-то въ Норфолькѣ или Суффолькѣ.

— Да вѣдь это...—воскликнулъ я, и остановился. Зачѣмъ говорить ему? Нужно только самому запомнить себѣ названіе города. Я отдалъ ему конвертъ.

— Неужели ты разобралъ?—сказалъ онъ.

— Мнѣ на минуту показалось, что это можетъ быть Гамптонъ.

— Гамптонъ?—повторилъ онъ.—Да что ты? Ни одна буква не подходитъ. Нѣтъ, ты хуже меня разбираешь.

Онъ снова положилъ письмо въ конвертъ и опустилъ его въ карманъ. Я же вынулъ карандашъ изъ жилетнаго кармана, быстро отвернулся и написалъ на маншеткѣ: „Шапгамбури"; потомъ я опять повернулся къ нему и заговорилъ о чемъ-то безразличномъ.

Но я не закончилъ начатой фразы, потому что поднялъ глаза и увидѣлъ въ дверяхъ появившуюся тамъ женщину.

V.

Это была старая м-ссъ Вераль.

Не знаю, удастся ли мнѣ дать вамъ представленіе объ этой женщинѣ. Она была маленькая старая дама, съ волосами льняного цвѣта, съ надменнымъ выраженіемъ орлиныхъ чертъ лица, очень богато одѣтая. Теперь никто не одѣвается такъ богато; никто, ни молодыя, ни старыя, не любятъ такой пышности. Но не представляйте себѣ при этомъ какой-либо особой оригинальности одежды или пышности красокъ. Она носила черныя платья и темные мѣха, и богатство сказывалось только въ необычайной дороговизнѣ матеріала. Она носила черные шолковые брокаты очень замысловатыхъ рисунковъ, безцѣнныя черныя кружева на палевомъ или красномъ атласѣ, бархатъ, а зимой—рѣдкіе мѣха. На ней были плотно охватывающія руки перчатки, и она носила цѣпи изъ тонкаго золота и жемчуговъ, и множество браслетовъ. Чувствовалось, что каждая вещь на ней стоитъ безконечно дороже, чѣмъ весь гардеробъ дюжины такихъ дѣвушекъ, какъ Нетти. Шляпа у нея была простая, но ясно было, что эта простота стоила огромныхъ денегъ. Первое впечатлѣніе, которое она производила, было впечатлѣніе богатства, а второе—чистоты. Чувствовалось, что старая м-ссъ Вераль необыкновенно чисто вымыта. Еслибы мою бѣдную старую маму мыть цѣлый мѣсяцъ въ содѣ, то все-таки она не была бы такъ чиста, какъ м-ссъ Вераль. И во всемъ существѣ м-ссъ Вераль проявлялось еще третье ея свойство — непоколебимая увѣренность въ почтительномъ подчиненіи всего свѣта ея власти.

Она въ этотъ день была блѣдна и неровно дышала, но не теряла самообладанія; для меня было ясно, что она пришла поговорить съ Стюартомъ о безразсудномъ увлеченіи сына, какъ бы перекинувшемъ мостъ черезъ пропасть, раздѣлявшую ихъ семьи.

Я опять пишу на непонятномъ, въ особенности для моихъ молодыхъ читателей, языкѣ. Вы, которые вступили въ жизнь послѣ великаго переворота, не въ состояніи вообразить себѣ многаго, о чемъ я пишу. Я могу сослаться относительно этого, какъ и другого, на старыя газеты. О чемъ я говорю—казалось настолько очевиднымъ, что даже не вызывало толковъ. Въ Англіи и Америкѣ, какъ во всемъ мірѣ, люди дѣлились на два класса—обезпеченныхъ и необезпеченныхъ. Въ обѣихъ странахъ, собственно говоря, не было аристократіи: ни передъ закономъ, ни въ обычномъ правѣ не существовало прерогативъ аристократическихъ родовъ, и у насъ не было, какъ, напр., въ Россіи, бѣднаго дворянства. Пэрство было наслѣдственнымъ достояніемъ, переходившимъ только къ старшимъ сыновьямъ, и оно не накладывало никакого „долга чести". Всѣ остальные были равноправны. Но въ виду того, что установлена была частная собственность на землю, развившаяся вслѣдствіе устарѣлыхъ феодальныхъ переживаній въ Англіи и полнаго отсутствія политическаго смысла въ Америкѣ, огромныя владѣнія искусственно сосредоточились въ рукахъ небольшого меньшинства, которое захватило все промышленное производство страны и было объединено не традиціями чести и благородства, а общностью интересовъ и общей любовью къ широкой жизни. Образовался общественный классъ безъ точно намѣченныхъ границъ. Много сильныхъ людей необезпеченнаго класса, пользуясь большей частью насильственными и сомнительными въ смыслѣ нравственности средствами, переходили въ ряды обезпеченныхъ, а напротивъ того, сыновья и дочери обезпеченныхъ людей могли лишиться, по винѣ собственнаго легкомыслія или же несчастныхъ обстоятельствъ, своихъ преимуществъ; тогда имъ приходилось жить среди заботъ, составлявшихъ жизнь большинства людей. Остальное населеніе было безземельное и могло жить только работой на обезпеченныхъ. И такова была неразумность того времени, таковъ былъ нашъ безграничный эгоизмъ, что лишь очень немногіе изъ обезпеченныхъ сомнѣвались въ естественности такого порядка вещей.

Я изображаю вамъ жизнь необезпеченныхъ въ старомъ мірѣ, и надѣюсь, что хоть отчасти показалъ вамъ ея безнадежную горечь. Но вы не должны думать, что и обезпеченные жили среди райскаго блаженства. Самый фактъ необезпеченности и нищеты отражался и на нихъ. Жизнь вокругъ нихъ была уродлива; нельзя было избѣгнуть вида жалкихъ рабовъ, скверно одѣтыхъ людей, приставаній уличныхъ торгашей. Все это ихъ смутно

тревожило. Они боялись будущаго, боялись попасть сами въ бездну необезпеченности и заняты были главнымъ образомъ устройствомъ своихъ дѣлъ, исканіемъ связей; желаніе утвердить и улучшить свое положеніе было ихъ постоянной заботой. Кромѣ того, они страдали отъ нерадѣнія слугъ. Читайте ихъ книги. Каждое поколѣніе въ нихъ оплакиваетъ упадокъ вѣрности въ слугахъ. Они не понимали, что плохое устройство сказывается во всемъ. Они считали, что нѣтъ достаточнаго количества благъ, чтобы хватило на всѣхъ, и увѣрены были, что существующій порядокъ установленъ Богомъ, что неравенство неискоренимо въ мірѣ, и держались съ сознаніемъ своего права за свое привилегированное положеніе. Они поддерживали организацію „общества", составленнаго изъ всѣхъ обезпеченныхъ людей, и самое названіе это характерно для ихъ философіи. Если вы въ состояніи уразумѣть идейную основу столь чуждаго вамъ стараго міра, то вы тоже поймете, до чего всѣ эти люди боялись браковъ съ необезпеченными. Такіе браки были дѣйствительно рѣдкостью въ ихъ средѣ и считались несчастьемъ и даже преступленіемъ передъ обществомъ.

Вы понимаете поэтому, какая печальная судьба ожидала въ тѣ темные дни всякую необезпеченную дѣвушку, которая отдавалась любви безъ брака,—и вы можете также понять, каково было положеніе Нетти, полюбившей молодого Вераля. Или она, или онъ должны были пострадать. И такъ какъ оба они были во власти своихъ чувствъ и способны были оба къ порывамъ великодушія относительно другъ друга, то для такой матери, какъ м-ссъ Вераль, прежде всего поднимался тревожный вопросъ, не окажется ли пострадавшимъ лицомъ ея сынъ, и не кончится ли дѣло тѣмъ, что Нетти сдѣлается хозяйкой Чекшиля Тоуэрса. Это, конечно, было мало вѣроятно, но такіе случаи бывали.

Такіе законы и обычаи, я знаю, кажутся теперь измышленіемъ какихъ-то злыхъ безумцевъ. Но они были непоколебимыми фактами въ томъ исчезнувшемъ мірѣ, въ которомъ я случайно родился, и напротивъ того мечты о лучшемъ строѣ казались полнымъ безуміемъ. Подумайте только: дѣвушка, которую я любилъ всей душой, для которой готовъ былъ пожертвовать жизнью, оказывалась неподходящей женой для молодого Вераля! А между тѣмъ онъ не былъ выше меня ни въ какомъ отношеніи. По всей вѣроятности, онъ позабавится ею, пока она ему не надоѣстъ, а потомъ броситъ, — и она сама настолько пропитана ядомъ нашего общественнаго устройства, — его изящное платье,

его свобода и богатство окружали его такимъ ореоломъ, — что она шла на это... Возмущенiе общественными условностями, создававшими такiя взаимоотношенiя, называлось тогда „классовой завистью“, и проповѣдники упрекали насъ даже за самый мягкiй протестъ противъ несправедливости, какой не стерпѣлъ бы теперь ни одинъ человѣкъ.

Если вы дѣйствительно представляете себѣ по моимъ словамъ позорное уродство тогдашней жизни, то вы поймете, какiя мысли вызвало во мнѣ появленiе старой м-ссъ Вераль. Она пришла предложить какой-нибудь компромиссъ—это было ясно для меня. И Стюарты—я въ этомъ не сомнѣвался—примутъ всякое ея предложенiе. Чувство глубокаго отвращенiя, охватившее меня, заставило меня дѣйствовать безразсудно и рѣзко. Я прежде всего не хотѣлъ присутствовать при ея разговорѣ съ Стюартомъ.

— Я ухожу,—сказалъ я, и быстро отвернулся отъ Стюарта, не прощаясь.

Я долженъ былъ пройти мимо старой дамы, и направился къ ней. Я увидѣлъ, какъ лицо ея измѣнилось; губы ея слегка раскрылись, лобъ нахмурился и глаза округлились. Мой видъ показался ей страннымъ и что-то въ моей походкѣ обезпокоило ее. Она стояла на верху маленькой лѣстницы, спускавшейся въ оранжерею, и гордо отступила, когда я порывисто направился къ ней. Проходя мимо нея, я, не поклонившись, подошелъ къ ней и, глядя ей въ лицо, спросилъ:

— Вы пришли предложить имъ деньги?

Не дожидаясь ея отвѣта, я быстро вышелъ, сжимая кулаки, охваченный злобой противъ всего мiра.

Съ тѣхъ поръ я думалъ не разъ о томъ, въ какомъ видѣ ей представилась моя выходка? До того, я для нея не существовалъ, или былъ какимъ-то незамѣтнымъ пятнышкомъ гдѣ-то вдали отъ ея владѣнiй. И вдругъ, когда она пришла въ свой собственный садъ и направилась въ оранжерею, поговорить со Стюартомъ, я предсталъ передъ нею въ образѣ неряшливо одѣтаго, запыленнаго юноши, который сначала таращилъ глаза на нее, а потомъ выругалъ ее. Узнавъ о моемъ существованiи, она очень быстро стала придавать мнѣ слишкомъ большое значенiе. Въ перспективѣ времени я прiобрѣталъ какой-то грозный видъ. Оказывалось, что я поднялся на ступеньки лѣстницы съ невообразимой наглостью, стоялъ, возвышаясь надъ нею, какъ воплощенiе новой французской революцiи, и произнесъ настойчиво и рѣшительно ужасныя, непонятныя слова. На одну минуту я превратился въ угрозу всему существующему. Но, къ счастью,

это длилось лишь нѣсколько мгновеній. Затѣмъ я ушелъ, и прежній міровой порядокъ возстановился,—остались только воспоминаніе о какомъ-то налетѣвшемъ вихрѣ и легкое чувство безпокойства относительно будущаго.

Мнѣ никогда не приходило въ голову въ то время, что значительная часть богатыхъ людей живетъ въ полномъ сознаніи своей правоты. Я думалъ, что они такъ же ясно понимаютъ все, какъ я, и только безсовѣстно отрицаютъ истину. Въ дѣйствительности же м-ссъ Вераль никогда не сомнѣвалась въ несомнѣнности правъ своихъ и своей семьи на полновластное господство въ своихъ обширныхъ земляхъ, также, какъ не сомнѣвалась въ непоколебимости всѣхъ устоевъ, поддерживающихъ прочность ея міра. Я навѣрное сильно ее изумилъ и испугалъ. Но она не могла понять смыслъ происшедшаго. Никто изъ ея круга, повидимому, не понималъ неожиданныхъ вспышекъ гнѣва, озарившихъ вдругъ яркимъ пламенемъ мрачную бездну у ихъ ногъ. Что-то вспыхивало на минуту и исчезало, какъ подозрительная фигура, на минуту появляющаяся на пустынной дорогѣ при свѣтѣ фонаря отъ проѣзжающей коляски и затѣмъ пропадающая въ темнотѣ. Имъ это казалось кошмаромъ, и они старались забыть то, что было, очевидно, столь же неважнымъ, какъ и непріятнымъ.

VI.

Съ той минуты, какъ я оскорбилъ старую м-ссъ Вераль, я почувствовалъ себя представителемъ всѣхъ обездоленныхъ на землѣ. Я потерялъ всякую надежду на личную радость и горѣлъ возмущеніемъ противъ Бога и людей. Я уже пошелъ дальше смутныхъ намѣреній, и твердо зналъ, что сдѣлаю.

Я отомщу и умру. Я рѣшилъ убить Нетти,—Нетти, которая улыбалась мнѣ и обѣщала быть моей женой, а теперь отдала свою любовь другому и стала для меня олицетвореніемъ всѣхъ неосуществимыхъ, погибшихъ и недостижимыхъ радостей жизни. А Вераль воплощалъ собой всѣхъ тѣхъ, которые пользуются для своей выгоды непоправимой несправедливостью нашего общественнаго строя... Я убью ихъ обоихъ, а потомъ застрѣлю себя, и тогда видно будетъ, какая месть послѣдуетъ за моимъ отказомъ отъ жизни. Вотъ на что я рѣшился. Я горѣлъ гнѣвомъ,—а надо мною, затмевая звѣзды, торжествуя надъ желтымъ мѣсяцемъ, гигантскій метеоръ подвигался къ зениту.

— Только бы убить ихъ!—кричалъ я:—только бы убить!

Я былъ такъ разгоряченъ, что не чувствовалъ голода и усталости и прошелъ семнадцать верстъ обратнаго пути, не думая объ отдыхѣ и о томъ, что съ утра ничего не ѣлъ.

Я совершенно ясно понимаю свое тогдашнее бѣшенство, помню, какъ я то плакалъ, быстро шагая при странномъ свѣтѣ кометы, то дерзко разсуждалъ съ тѣмъ, кого я называлъ „духомъ вселенной", обращаясь все время къ бѣлому сіянію на небѣ.

— Почему я долженъ претерпѣвать униженія?—спрашивалъ я. — Почему ты одарилъ меня гордостью, которая не можетъ быть удовлетворена, желаніями, которыя мучатъ меня? Что̀ это — насмѣшка? Я — даже я — выше такихъ шутокъ, и ты могъ бы научиться милосердію у меня. Развѣ я мучилъ изо дня въ день какого-нибудь жалкаго червя —зачѣмъ же ты это дѣлаешь? Выдумай шутки получше, подобрѣе, — не приносящія такихъ адскихъ мученій!

— Ты говоришь, что дѣлаешь это намѣренно, что въ мукахъ рождается душа. Какъ я могу тебѣ повѣрить?.. У меня вѣдь есть глаза. Оставимъ мои личныя страданія... ну, а лягушка, задавленная колесомъ,—или птичка, растерзанная кошкой?

Послѣ такихъ дерзостныхъ вопросовъ, я поднималъ къ небу дѣтскую руку и взывалъ:—Отвѣть мнѣ на это!

За недѣлю передъ тѣмъ, въ паркѣ свѣтила луна холоднымъ, рѣзкимъ свѣтомъ,—теперь же свѣтъ былъ мертвенный и туманный. Странный, низко стелющійся бѣлый туманъ стоялъ фута на три надъ травой, и изъ этого призрачнаго моря поднимались деревья, принимая сказочный видъ. Міръ казался огромнымъ и непонятнымъ въ ту ночь; казалось, что всѣ люди точно вымерли, и только мой тоненькій голосъ раздавался одиноко въ таинственной тишинѣ. Я переходилъ отъ остраго возбужденія къ тихому отчаянію, а потомъ опять начиналъ бѣсноваться, думая о томъ, какъ Нетти смѣется надо мной, и о томъ, какъ она цѣлуетъ Вераля.—Я этого не допущу,—восклицалъ я,—не допущу!

Въ одинъ изъ такихъ моментовъ я вынулъ револьверъ изъ кармана и три раза выстрѣлилъ на воздухъ. Встревоженныя деревья тихо зашептались, и потомъ все успокоилось. Тишина поглотила мои мысли, мои проклятія, мое кощунство и мои молитвы. Все это какъ-то странно утонуло въ властномъ сіяніи. Шумъ выстрѣловъ, отозвавшійся въ окружающей природѣ, показался на минуту страшно громкимъ, но потомъ быстро затихъ. Я стоялъ съ поднятымъ въ рукѣ револьверомъ, изумленный,

охваченный какимъ-то непонятнымъ чувствомъ. Потомъ я взглянулъ на небо, увидѣлъ ярко сіявшую комету и долго не могъ оторвать отъ нея глазъ.

— Кто ты?—спросилъ я наконецъ. Я былъ подобенъ человѣку, который слышитъ таинственный голосъ, стоя въ пустынѣ... Но и это странное чувство скоро прошло.

Проходя черезъ Клейтонъ-Крестъ, я уже не засталъ толпу, которая приходила каждый вечеръ смотрѣть на комету; не засталъ и проповѣдника, который собиралъ вокругъ себя внимательныхъ слушателей, убѣждая грѣшниковъ покаяться передъ наступающимъ Страшнымъ Судомъ. Было уже далеко за полночь, и всѣ разошлись по домамъ. Я забылъ о позднемъ часѣ и былъ пораженъ необычайной тишиной. Газетчикъ, торговавшій на опустѣвшей улицѣ, закрылъ лавочку и пошелъ домой, но одна доска съ аншлагомъ осталась позабытой и висѣла у входа въ лавочку. На аншлагѣ стояло одно только слово огромными буквами, и слово это было: „Война".

Представьте себѣ пустую улицу, на которой глухо раздавались мои шаги, полную тишину и меня, остановившагося у газетной лавочки. А среди этого соннаго царства, подъ холоднымъ свѣтомъ кометы—страшное, зловѣщее слово: „Война"...

Я проснулся успокоенный, какъ это часто бываетъ послѣ сильныхъ волненій. Было уже поздно, и у постели стояла моя мать. Она принесла мнѣ завтракъ на подносикѣ.

— Не вставай еще, милый,—сказала она.—Выспись хорошенько. Ты вернулся въ три часа ночи и навѣрное очень усталъ... Ты былъ блѣденъ какъ смерть... Я перепугалась, увидавъ тебя. Ты шатался, поднимаясь по лѣстницѣ.

Я быстро взглянулъ на мою курточку и увидѣлъ оттопыривавшійся карманъ.

— Я былъ въ Чекшилѣ,—сказалъ я.—Ты знаешь?

— Я получила письмо вчера вечеромъ, милый,—сказала она и, поставивъ подносъ мнѣ на колѣни, поцѣловала мои волосы.

— Не бери моего платья, мама,—поспѣшно сказалъ я.— Я самъ почищу. Нельзя допустить, чтобы ты вѣчно работала за меня.

Она удивилась моей внезапной заботливости, но покорно вышла, привыкнувъ подчиняться.

Въ то утро мнѣ казалось, что я уже не способенъ болѣе предаваться бурнымъ чувствамъ. Я принялъ непоколебимое рѣ-

шеніе, и во мнѣ не оставалось ни любви, ни ненависти, ни страха,—мнѣ только было жалко мать, когда я думалъ о томъ, сколько горя ожидаетъ ее впереди. Я медленно позавтракалъ, думая о томъ, какъ узнать, гдѣ находится Шапгамбури и какъ попасть туда... У меня не было даже пяти шиллинговъ.

Я аккуратно одѣлся, выбравъ наименѣе потрепанный изъ моихъ воротниковъ, выбрился болѣе тщательно, чѣмъ обыкновенно, и пошелъ за справками въ публичную библіотеку. Оказалось, что Шапгамбури—въ Эссексѣ и что добраться туда изъ Клейтона довольно трудно. Я пошелъ на вокзалъ и узналъ отъ кассира, что поѣздка туда будетъ стоить не менѣе двухъ фунтовъ. Тогда я снова направился въ публичную библіотеку, прошелъ въ газетную читальню и, сидя тамъ, сталъ думать о томъ, какъ достать денегъ на дорогу въ Шапгамбури. Среди этихъ мыслей я былъ пораженъ наплывомъ посѣтителей, жадно читавшихъ утреннія газеты; въ читальнѣ чувствовалось странное возбужденіе, всѣ оживленно разговаривали другъ съ другомъ. Въ первую минуту я не понималъ, въ чемъ дѣло, но потомъ сообразилъ: вѣдь объявлена война съ Германіей и гдѣ-то на Сѣверномъ морѣ происходитъ морское сраженіе. Но мнѣ было не до того. Я былъ слишкомъ поглощенъ своимъ личнымъ дѣломъ.

Не пойти ли къ Парлоду и попросить у него денегъ взаймы? Нѣтъ,—онъ не дастъ. Потомъ я сталъ думать о томъ, нельзя ли продать или заложить что-нибудь изъ моихъ вещей, но и это пришлось отвергнуть. Мое зимнее пальто стоило новымъ меньше фунта, а за часы могли дать всего нѣсколько шиллинговъ. Но, конечно, и это нужно имѣть въ виду. У меня мелькнула было мысль о деньгахъ, отложенныхъ матерью на уплату за квартиру. Я зналъ, что деньги спрятаны у нея въ шкатулкѣ отъ чая, въ спальнѣ. Я былъ увѣренъ, что добровольно она этихъ денегъ не дастъ, и хотя въ томъ состояніи, въ какомъ я находился, все остальное не имѣло значенія, все же мнѣ тяжело было думать о шкатулкѣ отъ чая. Можетъ быть, удастся собрать понемногу изъ разныхъ источниковъ, а потомъ выпросить у нея нѣсколько недостающихъ шиллинговъ.

Я чувствовалъ, что время проходитъ, но это меня не волновало. „Тише ѣдешь, дальше будешь", говорилъ Парлодъ, и я рѣшилъ составить точно обдуманный планъ дѣйствія, а потомъ уже выполнить его съ неуклонной твердостью и быстротой. Я остановился у дверей закладчика, направляясь домой къ обѣду въ полдень, но рѣшилъ заложить часы вмѣстѣ съ пальто, и пошелъ обѣдать. Я ѣлъ молча, думая о своихъ планахъ.

Послѣ обѣда, состоявшаго изъ картофельнаго пирога съ капустой и саломъ, я надѣлъ пальто и ушелъ изъ дому, въ то время, какъ мать мыла посуду въ задней кухнѣ. Въ наше время, въ такихъ домахъ, какъ нашъ, устроены были за кухней, служившей жилой комнатой, сырыя подвальныя заднія кухни; наша была еще болѣе грязной, чѣмъ обыкновенно, потому что по срединѣ ея была угольная яма безъ крышки, и оттуда поднималась угольная пыль, покрывавшая неровный кирпичный полъ. Тамъ мыли посуду послѣ каждой ѣды, и въ воздухѣ была постоянная сырость, стоялъ запахъ вареной капусты; всюду были черныя пятна сажи отъ кострюль и котловъ, валялись картофельная шелуха и неслыханно грязныя тряпки для вытиранія посуды. Главное мѣсто занимала грязная каменная раковина для мытья посуды подъ краномъ съ холодной водой, причемъ устройство было такое, что вода расплескивалась во всѣ стороны. Среди этой грязи суетилась маленькая старая женщина, запуганная и кроткая, безкорыстная, готовая на самопожертвованіе, грязная, въ стоптанныхъ сапогахъ, съ загрубѣлыми отъ работы руками, со спутанными сѣдыми волосами,—это была моя мать. Зимой, руки ея распухали отъ холода, и она кашляла. И вотъ въ то время, какъ она мыла посуду, я пошелъ продавать часы и пальто, съ намѣреніемъ покинуть ее.

Я долго колебался въ выборѣ мѣста, гдѣ заложить вещи. Я боялся пойти къ закладчику въ Клейтонѣ, потому что онъ зналъ меня, и направился въ Сватингли, къ закладчику, у котораго купилъ револьверъ. Потомъ я подумалъ, что не слѣдуетъ давать слишкомъ много свѣдѣній о себѣ одному человѣку, и все-таки вернулся въ Клейтонъ. Не помню, сколько денегъ я получилъ, но знаю, что меньше, чѣмъ нужно было на проѣздъ въ Шапгамбури. Тогда я отправился въ библіотеку, чтобы разузнать, нельзя ли сократить дорогу, пройдя гдѣ-нибудь пѣшкомъ десять-двѣнадцать верстъ. Но сапоги мои были въ ужасномъ состояніи, подошва на одномъ едва держалась, и я понималъ, что въ такомъ видѣ нельзя двинуться въ далекій путь. Я пошелъ къ сапожнику, но онъ не брался починить сапоги меньше, чѣмъ въ два дня.

Я вернулся домой около трехъ часовъ, рѣшивъ уѣхать въ пять часовъ въ Бирмингамъ, но все еще не имѣя достаточно денегъ. Я думалъ заложить какую-нибудь книгу или еще что-нибудь, но не находилъ ничего, имѣвшаго какую-либо цѣнность. Серебро, имѣвшееся у моей матери—двѣ ложки и солонка, были уже заложены за нѣсколько недѣль до того, для уплаты домо-

хозяину. Но въ головѣ у меня мелькали разные фантастическіе планы.

Поднимаясь на крыльцо, я увидалъ, что мистеръ Габитасъ вдругъ выглянулъ изъ-за занавѣски съ какой-то тревожной рѣшимостью во взорѣ, и потомъ исчезъ, а когда я вошелъ въ переднюю, онъ быстро вышелъ изъ своей комнаты и остановилъ меня.

Вы, надѣюсь, ясно себѣ представляете меня теперь, какъ смуглаго юношу съ мрачнымъ лицомъ, въ очень обтрепанномъ, лоснящемся всюду платьѣ, съ выцвѣтшимъ краснымъ галстукомъ и въ смятой рубашкѣ. Моя лѣвая рука засунута была въ карманъ, и я держалъ въ ней револьверъ. М-ръ Габитасъ былъ ниже меня ростомъ, и въ лицѣ его было что-то птичье и веселое. Только птицы никогда не держатъ ротъ открытымъ и не дышатъ такъ прерывисто. На немъ было пасторское платье, очень дешевое, изъ плохой черной матеріи, неуклюжаго покроя. Бѣлый галстукъ подъ круглымъ воротникомъ, подпиравшимъ невинное круглое лицо, былъ нѣсколько грязноватъ, и въ зубахъ онъ держалъ деревянную трубку. Лицо у него было слегка вздутое, и хотя ему было не болѣе тридцати-трехъ лѣтъ, но его безцвѣтные волосы уже начали слегка лысѣть.

Васъ, конечно, удивила бы его непривлекательная внѣшность, лишенная всякой внушительности, но въ то время онъ вызывалъ почтеніе къ себѣ. Онъ умеръ всего около года тому назадъ, но впослѣдствіи очень измѣнился. Когда я увидалъ его въ тотъ день, онъ былъ очень невзраченъ; не только платье его было уродливо, но еслибы его раздѣть, то его рыхлое тѣло и желтый цвѣтъ кожи доказали бы отсутствіе всякой заботы о силѣ и красотѣ тѣла. При взглядѣ на него, чувствовалось, что онъ жилъ какъ попало, питаясь чѣмъ попало, вѣря во что пришлось, исполняя кое-какъ свои случайныя обязанности; казалось даже, что онъ родился тоже какъ-то случайно. Нельзя было представить себѣ его сыномъ гордыхъ, энергичныхъ, охваченныхъ сильной страстью родителей. Но мы всѣ тогда рождались „кое-какъ“, такъ что, можетъ быть, не стоитъ останавливаться именно на этомъ невзрачномъ, ничтожномъ пасторѣ.

— Здравствуйте, — сказалъ онъ очень привѣтливо. — Что это васъ не видать по цѣлымъ недѣлямъ? Зайдемте во мнѣ поболтать.

Приглашеніе жильца, занимавшаго лучшую комнату въ домѣ, было своего рода приказомъ. Мнѣ бы очень хотѣлось отказаться, потому что приглашеніе его только безполезно задерживало меня, — но я не зналъ, какъ это сдѣлать, и покорно пошелъ за нимъ.

— Я вамъ очень радъ,—сказалъ онъ, открывая передо мной дверь.—Тутъ вѣдь рѣдко съ кѣмъ можно потолковать.

Я никакъ не могъ понять, чего онъ собственно хочетъ. Онъ суетился съ нервнымъ гостепріимствомъ, говорилъ отрывисто, потиралъ руки и поглядывалъ на меня поверхъ очковъ. Сѣвъ на его кожаное кресло, я почему-то вспомнилъ кресло клейтоновскаго дантиста.

— Кажется, заваривается каша на Сѣверномъ морѣ,—сказалъ онъ.—Я радъ, что объявлена война.

Въ его комнатѣ чувствовалась атмосфера культурности, которая всегда покоряла меня, и на этотъ разъ она тоже произвела обычное впечатлѣніе. Столъ у окна заваленъ былъ фотографическими принадлежностями и снимками, сдѣланными во время путешествій по Европѣ; а на книжныхъ полкахъ, по обѣимъ сторонамъ камина, стояли книги въ огромномъ, по моимъ тогдашнимъ понятіямъ, количествѣ; ихъ было около восьмисотъ, включая альбомы съ фотографическими карточками и школьные учебники. Впечатлѣніе учености усугублялось портретомъ мистера Габитаса, въ костюмѣ оксфордскаго студента, на стѣнѣ противъ камина. По срединѣ стѣны стояло его бюро; крышка бюро была опущена,—но я видалъ его нѣсколько разъ открытымъ, и зналъ, что въ немъ есть множество ящиковъ, набитыхъ рукописями. За этимъ бюро м-ръ Габитасъ писалъ свои проповѣди.

— Да,—сказалъ онъ, подойдя къ камину,—война была неизбѣжна. Теперь мы разобьемъ ихъ флотъ—и дѣло съ концомъ.

Я кашлянулъ въ отвѣтъ, думая о томъ, какъ бы скорѣе уйти. Онъ предложилъ мнѣ покурить—въ то время эта дурная привычка была очень распространена, — и когда я отказался, сталъ говорить конфиденціальнымъ тономъ объ ужасѣ стачекъ и нападать на безразсудство углекоповъ, которые начали стачку только въ интересахъ рабочаго союза, не думая о женахъ и дѣтяхъ. Я сталъ возражать и отвлекся отъ мыслей о побѣгѣ.

— Я съ вами не согласенъ,—сказалъ я.—Еслибы они теперь не объявили стачку, защищая интересы товарищей, и союзъ бы закрылся,—какъ бы они могли бороться противъ пониженія рабочей платы со стороны хозяевъ?—Онъ сталъ говорить, что хозяева не могутъ много платить рабочимъ, когда понижается цѣна на товаръ; я же возражалъ, доказывая, что хозяева эксплуатируютъ рабочихъ, и что послѣдніе должны защищаться. Мы оба разгорячились, и такъ какъ я не умѣлъ доказательно разсуждать, то больше кричалъ и раздражался, а у м-ра Габитаса раскраснѣлось лицо отъ гнѣва.

— Я соціалистъ,—объявилъ я наконецъ, — и полагаю, что міръ существуетъ не для маленькой кучки привилегированныхъ людей, которые угнетаютъ всѣхъ остальныхъ.

— Я тоже соціалистъ,—отвѣтилъ Габитасъ,—но не сторонникъ классовой вражды.

Тутъ наша бесѣда оборвалась, такъ какъ раздался стукъ въ дверь. Я хотѣлъ воспользоваться этимъ, чтобы уйти, но м-ръ Габитасъ задержалъ меня.—Нѣтъ,—сказалъ онъ,—наша бесѣда теперь только становится интересной. Не уходите;—это пришли за деньгами для приходскихъ бѣдныхъ.

Въ комнату вошла миссъ Рамель, молодая дѣвушка съ старообразнымъ лицомъ, одна изъ мѣстныхъ благотворительницъ. Она поздоровалась съ м-ромъ Габитасомъ, не обращая вниманія на меня, и спросила, не помѣшала ли она.

— Ничуть,—отвѣтилъ онъ, и, подойдя къ бюро, открылъ его. Раздраженный невозможностью уйти, я молча стоялъ и слушалъ его разговоръ съ миссъ Рамель, невольно слѣдя глазами за движеніями мистера Габитаса, который открылъ ящикъ, наполненный золотомъ. Миссъ Рамель жаловалась на бѣдняковъ, развращенныхъ, по ея словамъ, безуміемъ соціализма. Я отвернулся отъ нихъ, подошелъ къ камину и сталъ разсматривать размѣщенныя на немъ фотографіи, трубки и пепельницы. „Что это мнѣ нужно было еще придумать до отъѣзда? Ахъ, да, вспомнилъ!“ Вдругъ я какъ-то невольно подумалъ о золотѣ въ ящикѣ бюро; м-ръ Габитасъ какъ разъ въ эту минуту задвинулъ ящикъ.

— Я не буду вамъ больше мѣшать,—сказала миссъ Рамель, направляясь къ двери, и мистеръ Габитасъ вѣжливо пошелъ ее проводить; на минуту я осязательно почувствовалъ странную близость золота, — въ ящикѣ было, по моему, десять-двѣнадцать золотыхъ совереновъ. Входная дверь закрылась, и м-ръ Габитасъ вернулся.

— Мнѣ пора,—сказалъ я, охваченный странно усилившимся желаніемъ скорѣе выйти изъ комнаты м-ра Габитаса, но онъ меня удержалъ, и чтобы снова завязать разговоръ, спросилъ, прочелъ ли я книжку Бурбля и каково мое мнѣніе о ней.

Я былъ такъ сердитъ на него, что рѣшилъ говорить совершенно искренно. Зачѣмъ притворяться, что я признаю его умственное и соціальное превосходство надъ собой? Можетъ быть, узнавъ мой истинный образъ мыслей, онъ скорѣе отпуститъ меня.

— Вы говорите о маленькой книжкѣ, которую вы одолжили

мнѣ прошлымъ лѣтомъ?—спросилъ я, стоя у камина.—Мнѣ она кажется неубѣдительной.

— Что вы? Бурбль—одинъ изъ самыхъ умныхъ лондонскихъ епископовъ.

— Можетъ быть, но онъ совершенно неправъ и ничего не доказываетъ въ своей книгѣ. Всѣ его разсужденія—вздорныя.

Мистеръ Габитасъ слегка поблѣднѣлъ и нахмурился.—Очень печально, что вы такого мнѣнія!—сказалъ онъ наконецъ; не приглашая меня снова сѣсть, онъ направился къ окну и потомъ снова повернулся ко мнѣ.—Согласитесь, однако...—началъ онъ съ раздражающей снисходительностью тона.

Я не буду передавать вамъ нашего спора. Всю нашу аргументацію вы можете найти, если пожелаете, въ старыхъ книжкахъ, хранящихся въ нашихъ книжныхъ музеяхъ, какъ, напримѣръ, въ изданіяхъ „Раціоналистической прессы", изъ которыхъ я черпалъ всѣ мои доводы. Тамъ же вы найдете и безконечные „отвѣты" защитниковъ стараго строя. Всѣ эти споры нашихъ отцовъ, доходившіе иногда до полнаго неистовства, кажутся теперь непонятными. Вы не можете представить себѣ, чтобы разумныя существа могли такъ безцѣльно разсуждать, и вамъ такъ же непонятны наши теологическія распри, какъ непонятно, почему древніе народы говорили о своихъ богахъ иносказательно, не называя ихъ, или почему дикари умирали изъ-за того, что ихъ фотографировали, или почему какой-нибудь фермеръ временъ Елизаветы возвращался домой, не заключивъ выгодной сдѣлки, только потому, что встрѣтилъ похороны; даже мнѣ, прошедшему черезъ все это, наши споры кажутся теперь почти невѣроятными.

Вѣру мы понимаемъ и въ наши дни; всѣ люди живутъ вѣрой. Но въ старомъ мірѣ безнадежно смѣшивали вѣру съ обязательнымъ подчиненіемъ установленнымъ формуламъ. Собственно говоря, ни вѣрующіе, ни отрицавшіе вѣру не вѣрили въ нашемъ смыслѣ слова,—у нихъ не было достаточной силы ума для этого. Они не довѣряли ничему, чего не могли видѣть и осязать,—какъ ихъ варварскіе предки, которые никогда не заключали сдѣлки, не обмѣниваясь залогами. Если они уже и не поклонялись камнямъ, то все же нуждались въ осязательныхъ образахъ, въ напечатанныхъ словахъ и формулахъ.

Но зачѣмъ воскрешать отголоски нашихъ старинныхъ словопреній? Достаточно сказать, что мы оба выходили изъ себя, говоря о Богѣ и объ истинѣ, и наговорили каждый много глупостей. И въ общемъ,—теперь, въ семьдесятъ-три года, я могу судить

о прошломъ безпристрастно; я утверждаю, что если моя діалектика была слаба, то разсужденія пастора Габитаса были еще менѣе доказательны.

У него выступили на щекахъ красныя пятна, и голосъ сдѣлался крикливымъ. Мы прерывали другъ друга, выдумывали факты и ссылались на авторитеты, имена которыхъ я даже не могъ выговорить какъ слѣдуетъ. Замѣтивъ, что Габитасъ не твердъ въ нѣмецкой учености, я старался произвести эффектъ именами Карла Маркса и Энгельса, ссылаясь на нихъ, какъ на отцовъ церкви. Мы кричали все громче, и мирная бесѣда превращалась въ настоящую ссору. Рѣчь зашла объ этическомъ превосходствѣ христіанства надъ другими религіями, и мы дѣлали смѣлыя обобщенія, не обладая достаточными для этого знаніями исторіи. Я доказывалъ, что христіанство—этика рабовъ, выставляя себя ученикомъ знаменитаго въ то время нѣмецкаго писателя Ницше.

Я долженъ сознаться, что для ученика я былъ довольно плохо знакомъ съ произведеніями учителя. Я въ сущности зналъ только то, что̀ прочелъ за недѣлю до того на двухъ столбцахъ газеты „Труба". Но пасторъ Габитасъ не читалъ этой газеты. Не знаю, повѣрите ли вы мнѣ, но я теперь убѣжденъ, что онъ не зналъ даже имени Ницше, хотя этотъ писатель спеціально занимался нападками на вѣру, представителемъ которой былъ Габитасъ.

— Я ученикъ Ницше,—сказалъ я торжествующимъ тономъ,—точно этимъ все сказано.

Габитасъ видимо растерялся, когда я назвалъ это невѣдомое ему имя, и я нарочно тотчасъ же его повторилъ:—А вы знаете, что̀ говоритъ Ницше?—настаивалъ я.

— Онъ опровергнутъ въ достаточной степени,—отвѣтилъ онъ, все еще стараясь уклониться отъ неудобнаго возраженія.

— Кѣмъ?—задорно спросилъ я.—Кѣмъ, позвольте васъ спросить?—и я посмотрѣлъ на него, безпощадно выжидая отвѣта.

Счастливый случай избавилъ на этотъ разъ Габитаса отъ необходимости отвѣтить и толкнулъ меня на шагъ дальше по пути моихъ личныхъ бѣдствій.

Раздался стукъ экипажа, остановившагося у нашего дома. Передъ окномъ мелькнули пара великолѣпныхъ гнѣдыхъ лошадей и кучеръ въ соломенной шляпѣ. Коляска была необыкновенно роскошна для Клейтона.

— Кто бы это могъ быть?—спросилъ Габитасъ, подходя къ окну.—Да это старая м-ссъ Вераль! На что̀ я ей понадобился?

Онъ повернулся ко мнѣ съ сіяющимъ лицомъ; весь гнѣвъ его прошелъ. Очевидно, визитъ м-ссъ Вераль былъ для него рѣдкой честью.

— Намъ сегодня все мѣшаютъ, — сказалъ онъ съ радостнымъ видомъ.—Подождите меня здѣсь,—я только выйду къ ней на минутку. Потомъ я вамъ скажу про вашего... Только, пожалуйста, не уходите; наша бесѣда становится чрезвычайно интересной...

Онъ быстро вышелъ изъ комнаты.

— Я долженъ уйти!—крикнулъ я ему вслѣдъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!—кричалъ онъ изъ корридора.—Я знаю, чтò вамъ отвѣтить...

И я увидѣлъ, какъ онъ сбѣжалъ съ крыльца навстрѣчу старой дамѣ.

Я былъ внѣ себя отъ новой проволочки. Направившись къ окну, чтобы взглянуть на подъѣхавшую гостью, я прошелъ мимо злополучнаго бюро. Я взглянулъ на него, а потомъ на старую даму, которая возмущала меня своимъ безсмысленнымъ могуществомъ. И въ эту минуту я вспомнилъ объ ея сынѣ и о Нетти...

Стюарты уже навѣрное примирились съ неотвратимымъ фактомъ. И я тоже...

Я не могу вспомнить, чтò совершилось въ нѣсколько секундъ въ моей душѣ. Знаю только, что я вдругъ очнулся, точно послѣ забытья, и почувствовалъ необычайный приливъ энергіи. Я взглянулъ для безопасности на почтительно согнутую спину пастора, на орлиный носъ и дрожащую руку старой дамы, затѣмъ быстрымъ движеніемъ выдвинулъ маленькій ящикъ, взялъ четыре золотыхъ монеты, сунулъ ихъ въ карманъ, задвинулъ ящикъ и быстро подошелъ къ окну: они еще стояли и разговаривали.

Все обошлось благополучно. Онъ заглянетъ въ ящикъ не ранѣе какъ черезъ нѣсколько часовъ. Я взглянулъ на его часы. Двадцать минутъ до отхода поѣзда. Какъ разъ достаточно, чтобы купить сапоги и уѣхать. Я смѣло вышелъ въ переднюю и взялъ шляпу и палку. Пройти мимо него? Конечно. Онъ не будетъ удерживать меня, занятый разговоромъ съ столь важной особой.

Я смѣло спустился по ступенькамъ крыльца.

— Я бы хотѣла имѣть списокъ бѣдныхъ, дѣйствительно заслуживающихъ помощи,—говорила въ эту минуту м-ссъ Вераль.

Странно, но мнѣ тогда не приходило въ голову, что передо мной стоитъ мать человѣка, котораго я собирался убить. Я видѣлъ ее въ совершенно иномъ свѣтѣ. Я чувствовалъ только безсмысленность общественнаго строя, въ которомъ эта почти раз-

битая параличомъ женщина можетъ давать или отнимать необходимое для жизни у сотни подобныхъ ей существъ, сообразно своимъ глупымъ соображеніямъ о заслугахъ.

— Мы можемъ составить приблизительный списокъ такого рода,—отвѣчалъ ей пасторъ и тревожно взглянулъ на меня.

— Я долженъ идти, — сказалъ я въ отвѣтъ на его вопросительный взглядъ.

— Я вернусь черезъ двадцать минутъ,—прибавилъ я и вышелъ на улицу. Габитасъ снова обратился къ своей патронессѣ, точно забывъ о моемъ существованіи. Можетъ быть, онъ былъ даже радъ моему уходу. Я чувствовалъ полное спокойствіе духа и былъ пріятно возбужденъ быстро и удачно совершенной кражей. Мое великое рѣшеніе можетъ осуществиться. Меня уже не подавляла мысль о препятствіяхъ. Я чувствовалъ, что умѣю справляться съ случайностями и обращать ихъ въ свою пользу. Теперь я пойду къ сапожнику, куплю хорошіе, крѣпкіе сапоги— для этого достаточно десяти минутъ, — затѣмъ на вокзалъ; еще пять минутъ, и я умчусь на поѣздѣ. Я чувствовалъ себя сильнымъ, стоящимъ выше морали, какъ бы воплощеніемъ ницшевскаго сверхчеловѣка. Мнѣ не приходило въ голову, что часы м-ра Габитаса могли внести ошибку въ мои разсчеты.

VII.

Я опоздалъ на поѣздъ. Это произошло отчасти оттого, что часы пастора отставали и отчасти вслѣдствіе упрямства сапожника, который настоялъ на примѣркѣ еще одной пары сапогъ, несмотря на мои увѣренія, что мнѣ некогда. Я купилъ послѣднюю изъ примѣренныхъ паръ, далъ вымышленный адресъ для отсылки старыхъ сапогъ и только тогда пересталъ чувствовать себя сверхчеловѣкомъ, когда увидѣлъ, что поѣздъ ушелъ со станціи.

Но я не растерялся и тогда. Мнѣ сейчасъ же пришло въ голову, что гораздо благоразумнѣе не садиться на поѣздъ въ Клейтонѣ, что это было бы даже ошибкой, отъ которой меня уберегъ счастливый случай. Я и такъ слишкомъ неосторожно разспрашивалъ о Шапгамбури, и при первой тревогѣ кассиръ желѣзной дороги припомнилъ бы меня. А теперь онъ будетъ непричастенъ ко всему. Я не зашелъ на вокзалъ, не показалъ никому вида, что опоздалъ на поѣздъ, а спокойно прошелъ дальше по дорогѣ, перешелъ черезъ желѣзный мостъ для пѣше-

ходовъ и направился черезъ Клейтонъ-Крестъ къ слѣдующей станціи, куда, по моимъ соображеніямъ, я могъ поспѣть во-время къ поѣзду въ 6 ч. 13 м.

Я не чувствовалъ никакого страха. Пусть даже, разсуждалъ я, пасторъ случайно сейчасъ же подойдетъ къ ящику: неужели онъ сразу замѣтитъ, что недостаетъ четырехъ изъ десяти или одиннадцати золотыхъ монетъ? А если замѣтитъ,—подумаетъ ли онъ сейчасъ же, что я ихъ взялъ? А если подумаетъ,—предприметъ ли сейчасъ же мѣры, или будетъ ждать моего возвращенія? Если рѣшитъ дѣйствовать сейчасъ же, —обратится ли онъ къ моей матери или позоветъ полицію? А затѣмъ изъ Клейтона ведутъ дюжины дорогъ и даже нѣсколько желѣзнодорожныхъ путей: какъ онъ можетъ знать, по какому направленію я уѣхалъ? Предположимъ даже, что онъ сразу попадетъ на вѣрный вокзалъ, — но тамъ не будутъ знать о моемъ отъѣздѣ, такъ какъ я не уѣхалъ. Можетъ быть, на вокзалѣ вспомнятъ мои разспросы о Шапгамбури? Это было очень мало вѣроятно.

Я рѣшилъ поѣхать не прямо въ Шапгамбури изъ Бирмингама, а сначала изъ Бирмингама въ Монкгамптонъ и пріѣхать въ Шапгамбури съ сѣвера. Для этого мнѣ придется остановиться гдѣ-нибудь на ночь, но зато предотвращалась всякая опасность быть накрытымъ. И, кромѣ того, дѣло шло еще пока не объ убійствѣ, а о кражѣ четырехъ совереновъ.

У меня прошелъ всякій страхъ, прежде чѣмъ я дошелъ до Клейтонъ-Креста. Очутившись на вершинѣ, я оглянулся назадъ и вдругъ подумалъ, что въ послѣдній разъ стою на этомъ мѣстѣ. Если я поймаю бѣглецовъ и мой планъ удастся, то я съ ними умру, или меня повѣсятъ. Я остановился и съ большимъ вниманіемъ оглянулся назадъ, на широкую долину, не представлявшую ничего красиваго.

Здѣсь была моя родина, и я покидалъ ее съ намѣреніемъ никогда не возвращаться; долина четырехъ городовъ, въ которой я провелъ свою жалкую, искалѣченную юность, показалась мнѣ теперь какой-то странной, можетъ быть потому, что я привыкъ смотрѣть на нее съ высоты только въ мягкомъ вечернемъ свѣтѣ, а теперь увидѣлъ въ будни, въ ясный день... Можетъ быть, также тяжелыя переживанія послѣднихъ недѣль содѣйствовали болѣе внимательной критикѣ того, что я увидалъ. Я, кажется, въ первый разъ обратилъ вниманіе на уродство этого скопленія домовъ, угольныхъ копей и фабрикъ, желѣзныхъ дорогъ и каналовъ, церквей и пустырей, тѣснившихся рядомъ, и среди которыхъ люди жили, какъ лягушки, барахтающіяся въ

болотѣ. Слишкомъ большая скученность зданій и учрежденій создавала цѣлый рядъ взаимныхъ неудобствъ; дымъ фабрикъ грязнилъ глину гончарныхъ заводовъ; шумъ желѣзныхъ дорогъ оглушалъ молящихся въ церквахъ; кабаки вносили развращающую атмосферу въ расположенныя рядомъ школы; угрюмые дома, втиснутые среди фабричныхъ зданій, имѣли жалкій, нелѣпый видъ. Казалось, что человѣчество задавлено своимъ собственнымъ производствомъ, и вся энергія направлена на усугубленіе хаоса,— точно какое-то ослѣпшее существо тщетно барахтается, погружаясь въ трясину.

Все это смутно носилось у меня въ головѣ, хотя я и не разсуждалъ съ полной ясностью, и не думалъ о томъ, каково отношеніе всего этого къ моей жизни и къ задуманному мною убійству. Я чувствовалъ, что задыхаюсь, и думалъ о томъ, что никогда больше не вернусь сюда. Вдругъ изъ Сватингли донесся какой то звукъ—точно гулъ далекой толпы, и вслѣдъ затѣмъ послышались быстро одинъ за другимъ три выстрѣла... Что это значило?.. Ну, да не все ли равно, — я вѣдь навсегда ухожу отсюда. Но когда я пошелъ дальше, я подумалъ о матери. Тяжело было покидать ее въ мірѣ, гдѣ царитъ зло. Вотъ она теперь суетится и хлопочетъ, еще не зная, что потеряла меня; она, можетъ быть, убираетъ кухню, или же сидитъ у огня, поджидая меня къ чаю. Меня охватила глубокая жалость къ ней, и я уже чуть-чуть не подумалъ вернуться къ ней. Но я вспомнилъ о похищенныхъ золотыхъ монетахъ. Если Габитасъ хватился ихъ, какъ же я вернусь? А если и нѣтъ, то какъ положить деньги обратно? и какъ отказаться отъ мести?.. Что, если молодой Вераль вернется? А Нетти?

Нѣтъ, вернуться невозможно. Почему только я не поцѣловалъ мать на прощанье, не предупредилъ ее? Вѣдь она будетъ ждать меня всю ночь... Не послать ли ей телеграмму съ ближайшей станціи? Нѣтъ, и это невозможно. Я бы этимъ обнаружилъ свой планъ, и меня бы настигли. Ничего не подѣлать. Мать моя должна страдать.

Я сѣлъ въ поѣздъ, доѣхалъ до Бирмингама, гдѣ какъ разъ попалъ на послѣдній поѣздъ въ Монкгамптонъ; тамъ я рѣшилъ провести ночь.

VIII.

Поѣздъ, который увозилъ меня изъ Бирмингама въ Монкгамптонъ, не только везъ меня по совершенно новой для меня

мѣстности, но уносилъ отъ обычнаго дневного свѣта и привычной атмосферы въ странную ночь, освѣщенную гигантскимъ метеоромъ.

Въ то время страннымъ образомъ усилилась обычная разница между днемъ и ночью. Они раздѣлялись теперь полной перемѣной отношенія къ окружающей жизни. Днемъ о кометѣ упоминали въ газетахъ, но вскользь, среди тысячи болѣе живыхъ интересовъ, и о ней забывали среди волнующихъ извѣстій о войнѣ. Она была далекимъ астрономическимъ явленіемъ, и мы не думали о ней. Но какъ только заходило солнце, всѣ взоры обращались на востокъ, и комета завладѣвала нашими мыслями. Каждый вечеръ ждали ея появленія, и каждый вечеръ она поражала своей неожиданностью; она все ярче сверкала, все увеличивалась въ размѣрѣ, странно мѣняя очертанія, и была окружена болѣе узкимъ зеленоватымъ дискомъ, растущимъ вмѣстѣ съ ея ростомъ; это была тѣнь земли. Комета сіяла также собственнымъ свѣтомъ, такъ что и тѣнь была не рѣзкая и не черная, а искрилась фосфорическимъ блескомъ. Этотъ блѣдно-зеленоватый свѣтъ странно все преображалъ вокругъ. Беззвѣздное небо казалось темно-синимъ; такой синевы я никогда не видѣлъ ни до, ни послѣ того. Помню также, какъ, выглядывая изъ поѣзда, я былъ изумленъ какимъ-то мѣдно-краснымъ свѣтомъ, примѣшивавшимся къ тѣнямъ, которыя бросала комета...

Этотъ свѣтъ превращалъ наши невзрачные англійскіе промышленные города во что-то волшебное. Мѣстныя власти перестали освѣщать улицы,—до того ярко свѣтила комета. Пріѣхавъ въ Монкгамптонъ, я пошелъ по бѣлымъ, страннымъ улицамъ. Освѣщенныя окна горѣли оранжевымъ свѣтомъ, точно отверстія въ какой-то фантастической занавѣси, висящей передъ очагомъ. Полисмэнъ указалъ мнѣ на гостинницу, расплывавшуюся въ лунномъ свѣтѣ. Мнѣ открылъ хозяинъ съ зеленоватымъ лицомъ, и я провелъ тамъ ночь. На слѣдующее утро поднялся стукъ и гамъ, и домъ, поразившій меня своей необычайностью въ лунную ночь, оказался грязнымъ маленькимъ кабакомъ, въ которомъ пахло пивомъ, а хозяинъ былъ жирный человѣкъ съ багровымъ лицомъ.

Я уплатилъ по счету и вышелъ на улицу, оглашенную выкриками газетчиковъ и шумнымъ лаемъ собаки, которой хотѣлось ихъ перекричать. Газетчики выкрикивали: „Англійская катастрофа на Сѣверномъ морѣ! Потеря военнаго судна со всѣмъ экипажемъ!“

Я купилъ газету и пошелъ къ вокзалу, читая подробности

этого торжества старой культуры, взрыва большого бронированнаго судна, полнаго пушекъ, взрывчатыхъ матеріаловъ и чрезвычайно дорогихъ и прекрасныхъ машинъ, вмѣстѣ съ девятью стами людей,—всѣ они погибли, наткнувшись на нѣмецкую подводную лодку. Я весь загорѣлся воинственнымъ жаромъ и забылъ не только о кометѣ, но даже о томъ, изъ-за чего я пріѣхалъ сюда по пути въ Шапгамбури. День снова завладѣлъ своими правами, и люди забыли ночь. Каждую ночь надъ нами сіяла красота и сулила какія-то глубины. А при первыхъ звукахъ дня, когда раскрывались ставни и по улицамъ начинали развозить молоко, мы забывали о ночи среди охватывающей насъ будничной суеты. Къ небу вздымался угольный дымъ, и мы тянули наше сѣрое существованіе.

— Такова жизнь,—говорили мы.—Такъ оно всегда и будетъ...

Странность этихъ ночей казалась всѣмъ только красивымъ зрѣлищемъ,—никакого значенія мы кометѣ не придавали. Во всей западной Европѣ только очень небольшая невѣжественная кучка людей низшихъ классовъ считала комету предвозвѣстницей конца міра. Въ другихъ странахъ, гдѣ было крестьянское населеніе, настроеніе было другое, но въ Англіи крестьянство уже исчезло. Всѣ читали газеты, а газеты распространяли успокаивающія свѣдѣнія. Всѣ вплоть до маленькихъ дѣтей знали, что все это яркое облако вѣситъ лишь немного тоннъ; это объяснялось въ подробностяхъ, съ вѣскими доказательствами, причемъ говорили, что когда комета встрѣтится, наконецъ, съ землей, то это будетъ только великолѣпнымъ зрѣлищемъ; мы не знали, будетъ ли оно видно у насъ. Метеоръ покроетъ все небо, причемъ тѣнь земли выѣстъ его блестящую сердцевину и, въ концѣ концовъ, все небо будетъ окутано сверкающими зелеными облаками, съ бѣлымъ сіяніемъ на горизонтѣ, съ востока и запада. Затѣмъ наступитъ перерывъ—неизвѣстно, сколько онъ будетъ длиться,—и затѣмъ—дождь падающихъ звѣздъ. Можетъ быть, онѣ будутъ какого-нибудь необычайнаго цвѣта, въ виду того, что неизвѣстно, изъ какихъ элементовъ состоитъ зеленая полоска. Надѣялись, что хоть нѣсколько звѣздъ упадетъ на землю, и ихъ можно будетъ подвергнуть анализу.

Этимъ все и должно было ограничиться, по увѣреніямъ науки. Зеленыя облака погрузятся и исчезнутъ: можетъ быть, будутъ грозы. Но потомъ снова появятся старыя звѣзды, и все будетъ по прежнему. Все это должно было случиться между часомъ ночи и одиннадцатью утра въ ближайшій вторникъ—я ночевалъ въ Монкгамптонѣ въ субботу—и будетъ видно только отчасти

изъ нашихъ мѣстъ. Можетъ быть, даже мы только увидимъ падающую звѣзду низко на небѣ. Все это намъ доказывала наука, и все-таки послѣднія ночи кометы были самыми прекрасными и памятными для людей, видавшихъ ихъ...

Ночи сдѣлались очень теплыми; на слѣдующій день я тщетно обыскалъ весь Шапгамбури, и когда наступила ночь въ своемъ несравненномъ очарованіи, мнѣ мучительно было думать, что красота ея озаряетъ счастье Верраля и Нетти.

Я ходилъ вдоль моря, вглядываясь въ лица гулявшихъ тамъ молодыхъ паръ, засунувъ руку въ карманъ и съ странно болѣзненнымъ чувствомъ въ сердцѣ, не имѣвшимъ ничего общаго съ гнѣвомъ. Послѣдніе изъ гулявшихъ пошли, наконецъ, домой, и я остался одинъ.

Мой поѣздъ изъ Виверна въ Шапгамбури опоздалъ на цѣлый часъ въ это утро; мнѣ сказали, что задержка произошла отъ наплыва войскъ, стянутыхъ сюда на случай возможнаго непріятельскаго нападенія.

IX.

Шапгамбури произвелъ на меня странное впечатлѣніе. Я мало бывалъ у моря до того и не зналъ восточнаго побережья съ его низкой береговой линіей. Я сейчасъ же принялся за тщательные розыски и разспросы, очень затрудненные тѣмъ, что всякій, съ кѣмъ я заговаривалъ, предпочиталъ говорить о шансахъ нѣмецкой аттаки до прибытія ламаншскаго флота. Я ночевалъ въ субботу въ маленькой гостинницѣ въ Вивернѣ, и такъ какъ поѣзда ходили по воскресеньямъ съ большими промежутками, то попалъ въ Шапгамбури уже въ два часа дня, и до понедѣльника ничего не могъ разузнать. По дорогѣ въ Шапгамбури, въ поѣздѣ маленькой желѣзнодорожной вѣтви, я видѣлъ изъ окна зеленыя поля, среди которыхъ стояли огромные плакаты, разрѣзая линію морского горизонта. Большинство объявленій рекламировало какіе-нибудь съѣстные припасы или лекарства для пищеваренія. Напечатаны они были болѣе крикливо, чѣмъ красиво, для того, чтобы эффектно вырисовываться среди сѣрыхъ тоновъ воздуха. Большинство объявленій, которыя были такимъ важнымъ элементомъ тогдашней жизни, и на которыхъ держалось главнымъ образомъ газетное дѣло, относились къ ѣдѣ и питью, табаку и лекарствамъ, обѣщавшимъ возстановить равновѣсіе, нарушенное ѣдой. Кромѣ того, на ряду съ такими объявленіями, стояли еще огромныя черныя и бѣлыя доски, возвѣщав-

шія о продажѣ земель. Индивидуалистическій духъ тогдашней промышленности превратилъ всѣ мѣстности вокругъ морскихъ береговъ въ дороги и мѣста для построекъ; еслибы планы предпринимателей удались, то все населеніе острова разселилось бы у морскихъ границъ. Но ничего подобнаго не произошло, и все дѣло свелось къ денежнымъ спекуляціямъ; мѣста для построекъ стояли заросшія травой, и только кое-гдѣ на углахъ замѣчались надписи распланированныхъ, но не построенныхъ улицъ. Кое-гдѣ возвышались также некрасивые, жалкіе дома, построенные какимъ-нибудь мелкимъ лавочникомъ, отдавшимъ свои сбереженія въ руки строительныхъ агентовъ. Потомъ поѣздъ пошелъ по большой дорогѣ, и рядъ монотонныхъ кирпичныхъ домовъ — рабочихъ коттэджей—былъ признакомъ нашего приближенія къ городскому центру. Опять пошли маленькіе дома, затѣмъ огромное, неуклюжее зданіе электрической станціи съ большой трубой—тогда еще не научились сжигать уголь безъ остатка;—затѣмъ мы въѣхали на станцію. Вокзалъ былъ на разстояніи версты отъ центра города, обозначеннаго въ путеводителяхъ какъ пріятное и здоровое мѣстопребываніе.

Я осмотрѣлъ городъ, прежде чѣмъ начать разспросы. Сначала шелъ рядъ дешевыхъ лавокъ, затѣмъ кабакъ, стоянка кэбмэновъ, потомъ нѣсколько красныхъ маленькихъ виллъ, окруженныхъ садами; а за ними начиналась главная улица, пестрая, но довольно нарядная; теперь все было закрыто по случаю воскресенья. Гдѣ-то вдали раздавался звукъ колокола, и дѣти въ праздничныхъ платьицахъ шли въ воскресную школу. Пройдя мимо опрятныхъ домиковъ, гдѣ сдавались комнаты,—они казались лучше и чище дома моей матери,—я пошелъ къ морю, сѣлъ на желѣзный стулъ и сталъ сначала оглядывать песчаный берегъ со смѣшными купальными домиками на колесахъ, оклеенными объявленіями о какихъ-то пилюляхъ. Затѣмъ я сталъ смотрѣть на дома. Справа и слѣва шли отели, пансіоны и дома съ комнатами для найма; въ одномъ направленіи шли еще постройки, а въ другомъ,—отдѣленный большимъ пространствомъ,—возвышался огромный отель, царившій надъ всѣмъ окружающимъ. Къ сѣверу шли низкія блѣдныя зубчатыя скалы, а къ югу тянулись широкія полосы песчаныхъ дюнъ, среди которыхъ торчали кое-гдѣ сосны и стояли столбы съ плакатами. Надъ всѣмъ этимъ возвышалось синее небо, заходящее солнце бросало черныя тѣни, а на востокѣ бѣлѣло море. Было воскресенье, и всѣ были теперь за обѣдомъ.

Какъ мнѣ начать разспросы? О чемъ спрашивать? Я долго

думалъ и, наконецъ, принялъ рѣшеніе. Я выдумалъ довольно остроумную исторію, рѣшилъ, что буду разсказывать о томъ, какъ пріѣхалъ провести воскресный день въ Шапгамбури, и хочу воспользоваться случаемъ и поискать собственницу дорогого боа изъ перьевъ; боа это оставлено было въ гостинницѣ моего дяди въ Виварнѣ, молодой дамой, путешествовавшей въ сопровожденіи молодого господина,—это была, вѣроятно, парочка новобрачныхъ. Они пріѣхали въ Шапгамбури, вѣроятно, въ четвергъ. Я нѣсколько разъ повторилъ про себя эту исторію, и выдумалъ подходящія имена для моего воображаемаго дяди и названіе для его отеля. Во всякомъ случаѣ, эта выдумка могла бы служить достаточнымъ оправданіемъ для всѣхъ моихъ разспросовъ. Такъ я рѣшилъ, но нѣсколько времени сидѣлъ, не зная, съ чего начать. Потомъ я направился къ большому отелю, разсудивъ, по неопытности, что молодой человѣкъ изъ богатой семьи долженъ выбрать какъ разъ такой отель. Огромныя, защищенныя отъ сквозняка двери повернулись, и меня впустилъ съ иронической вѣжливостью младшій портье въ великолѣпномъ зеленомъ мундирѣ. Онъ посмотрѣлъ на мою одежду въ то время, какъ я предлагалъ ему свои вопросы, затѣмъ, говоря нѣмецкимъ акцентомъ, направилъ меня къ главному портье, величественнаго вида, который послалъ меня къ молодому человѣку, похожему на принца и сидѣвшему за конторкой полированнаго дерева съ бронзовой обшивкой,—какъ банкиръ. Молодой человѣкъ, отвѣчая мнѣ, глядѣлъ на мой воротникъ и галстукъ, и я понялъ, что они ужасны.

— Я хочу знать, здѣсь ли дама и господинъ, пріѣхавшіе въ Шапгамбури въ четвергъ?—спросилъ я.

— Они ваши знакомые? — спросилъ онъ съ безпощадной тонкостью ироніи.

Я убѣдился, что во всякомъ случаѣ ихъ здѣсь не было. Можетъ быть, они приходили завтракать или обѣдать, но не жили здѣсь. Я ушелъ смущенный, и уже въ этотъ день ни въ какой другой отель не направлялся. Моя рѣшительность нѣсколько ослабѣла. Гуляющихъ становилось все больше на улицахъ; всѣ были наряжены по воскресному, и я чувствовалъ себя неловко среди нихъ. Я пошелъ вдоль берега за городъ, и тамъ легъ среди камешковъ и морскихъ травъ. Угнетенность продолжалась весь день. Вечеромъ, послѣ заката солнца, я пошелъ на вокзалъ, и сталъ разспрашивать носильщиковъ. Но оказалось, что носильщики помнятъ скорѣе багажъ, чѣмъ пассажировъ, а я не имѣлъ ни малѣйшаго представленія о томъ, какой можетъ быть

багажъ у Вераля и Нетти. Я вступилъ было въ разговоръ съ какимъ-то старикомъ, ходившимъ на деревяшкѣ и носившимъ серебряное кольцо на пальцѣ; онъ подметалъ ступени лѣстницы, ведущей къ берегу. Онъ зналъ много молодыхъ парочекъ, но лишь въ общихъ чертахъ, и какъ разъ тѣхъ, кого я искалъ, онъ не зналъ. Я ушелъ; мое удрученное настроеніе стало разсѣиваться. Я сѣлъ на стулъ на променадѣ, и разсматривалъ багровыя облачка на западѣ. Моя усталость прошла; я весь ожилъ по мѣрѣ того, какъ наступали сумерки, замѣняя солнечный свѣтъ; вся банальность незнакомаго города исчезала, и сердце мое снова охватили мечты о мести за поруганную честь. Въ старомъ мірѣ ночь и блескъ звѣздъ имѣли обаяніе, котораго лишенъ былъ дневной свѣтъ. День захватывалъ людей цѣликомъ, утомлялъ и мучилъ ихъ своими настойчивыми требованіями, — а ночная мгла прикрывала всю призрачность человѣческой тѣсноты и суеты — и давала свободу фантазіи.

У меня была какая-то странная увѣренность въ тотъ вечеръ, что Нетти и ея возлюбленный—близко отсюда, и что я какънибудь случайно столкнусь съ ними. При видѣ каждой пары, шедшей мнѣ навстрѣчу, я думалъ, что это—они. Наконецъ, я легъ спать въ неуютномъ номерѣ гостинницы, увѣшанномъ евангельскими изреченіями въ краскахъ, и проклиналъ себя за то, что потерялъ день.

X.

Я тщетно искалъ ихъ на слѣдующее утро, но послѣ полудня напалъ на чрезмѣрное даже обиліе слѣдовъ. Вначалѣ я не могъ найти ни одной молодой парочки, которая напоминала бы Вераля и Нетти, а теперь оказалось цѣлыхъ четыре подходящихъ пары,—нужно было только рѣшить, за которой изъ нихъ слѣдить. Всѣ онѣ пріѣхали въ среду или четвергъ. Вскорѣ, однако, я сократилъ мой списокъ, увидавъ одну изъ четырехъ паръ — молодого человѣка въ костюмѣ песочнаго цвѣта, съ бакенбардами, и его подругу—даму лѣтъ тридцати. Другую пару я выслѣдилъ въ ресторанѣ. Они сидѣли послѣ прогулки за обѣдомъ у отдѣльнаго маленькаго столика, въ нишѣ у окна, и смотрѣли изъ окна на комету. Молодая женщина была очень красива и изящна; ея спутникъ—типичный аристократъ, почти безъ подбородка, съ большимъ носомъ, маленькой бѣлокурой головой и нѣсколько томнымъ выраженіемъ лица. Это были не тѣ бѣглецы,

которыхъ я искалъ, и мнѣ сдѣлалось очень досадно, что я потерялъ столько времени на выслѣживаніе ихъ.

Поиски въ самомъ Шапгамбури кончились, — нужно было рѣшить, которую изъ двухъ остальныхъ парочекъ выслѣживать теперь. Одна уѣхала въ Лондонъ, другая въ Бивуаки—деревню въ Бонъ-Клифѣ. Но гдѣ этотъ Бонъ-Клифъ?

Увидавъ старика съ деревяшкой, стоявшаго наверху лѣстницы, спускавшейся къ морю, я подошелъ къ нему.

— Послушайте, — началъ я.

— Славно!—отвѣтилъ онъ, указывая на море своей трубкой.

— А что?—спросилъ я.

— Сигнальные огни... Дымъ... Суда двинулись на сѣверъ... Еслибы млечный путь не былъ такимъ зеленымъ, намъ было бы видно.

Я спросилъ его, гдѣ Бивуаки, но онъ былъ слишкомъ поглощенъ своими наблюденіями, чтобы отвѣтить на мой вопросъ. Наконецъ, онъ презрительно сказалъ черезъ плечо:

— Бивуаки? Знаю. Тамъ живутъ артисты—и всякій такой народъ... Чортъ знаетъ, что тамъ творится. Общее купаніе — мужчины и женщины вмѣстѣ... безобразіе!

— Но гдѣ же эта деревня?— спросилъ я съ нетерпѣніемъ.

— Тамъ,—сказалъ онъ, указывая пальцемъ вдаль.—Что это сверкнуло? Пушечный огонь?

— Не можетъ быть. Мы бы услышали пальбу.

Онъ ничего не отвѣтилъ и сосредоточенно смотрѣлъ на странные призраки, двигавшіеся на горизонтѣ; я сталъ трясти его за рукавъ, чтобы добиться отвѣта.

— Семь миль, отвѣтилъ онъ, наконецъ,—по прямой дорогѣ. А теперь убирайтесь и оставьте меня въ покоѣ!

Я тоже выругался, вмѣсто того, чтобы поблагодарить его, и пошелъ по указанному направленію. Встрѣтивъ полисмэна, который стоялъ и смотрѣлъ на небо, я провѣрилъ у него указанія человѣка съ деревяшкой.

— Дорога очень пустынная!—крикнулъ мнѣ въ слѣдъ полисмэнъ.

Я почему-то былъ увѣренъ, что напалъ на вѣрный слѣдъ. Я шелъ въ блѣдномъ сіяніи этой странной ночи съ спокойной увѣренностью путника, приближающагося къ цѣли своего пути. Я не помню подробностей долгаго странствованія въ послѣдовательномъ порядкѣ, — помню только чувство наростающей усталости. Море было спокойное, гладкое какъ зеркало, и казалось широкой серебряной полосой, покрытой тихой рябью подъ легкимъ дуно-

веніемъ мягкаго вѣтерка. Дорога вдоль берега была мѣстами покрыта безцвѣтнымъ серебристымъ пескомъ, а мѣстами шелъ известнякъ, сверкавшій при странномъ свѣтѣ кометы. Попадались мѣста, заросшія темнымъ кустарникомъ, пастбища, на которыхъ вырисовывались призрачныя большія фигуры овецъ. Затѣмъ пошелъ сосновый лѣсъ, выдѣлявшійся темнымъ пятномъ вдоль дороги; сосны протягивали во всѣ стороны вѣтви и казались странными фигурами съ застывшими непонятными жестами. А отъ времени до времени, на пустыхъ земельныхъ участкахъ высились надписи на огромныхъ доскахъ, возвѣщавшія ночной тишинѣ, тѣнямъ и сіянію, разлитому въ воздухѣ, что „здѣсь можно строить дома по вкусу покупателей".

Помню, что издалека раздался лай собаки, потомъ я нѣсколько разъ вынималъ изъ кармана револьверъ и тщательно осматривалъ его. Вѣроятно, я думалъ при этомъ о Нетти и о томъ, какъ я отомщу ей,—но это изгладилось изъ моей памяти. Помню только зеленоватый свѣтъ, озарявшій курокъ и дуло револьвера, когда я вертѣлъ его въ рукѣ.

Надо мной высилось небо, изумительное, беззвѣздное, и густая синева разстилалась по краю его, между кометой и моремъ. Потомъ я вдругъ увидѣлъ вдали какіе-то странные призраки: три длинныхъ военныхъ судна быстро и безшумно скользили по гладкой поверхности моря; на нихъ не было ни мачтъ, ни парусовъ, ни дыма, ни огней. Когда я снова взглянулъ на нихъ, черезъ нѣкоторое время, они уже едва виднѣлись и наконецъ совсѣмъ утонули въ сіяніи.

Вдругъ что-то сверкнуло, раздался звукъ, который я принялъ за пушечный залпъ, но, поднявъ глаза, я увидѣлъ исчезающій слѣдъ зеленаго сіянія на небѣ. Послѣ этого въ воздухѣ что-то задрожало, пронесся странный тихій шопотъ, и я почувствовалъ себя сразу удивительно свѣжимъ и бодрымъ.

Нѣсколько времени спустя, я очутился на перепутьи двухъ дорогъ, пошелъ наугадъ по одной изъ нихъ, долго увязалъ въ глубокомъ пескѣ и, наконецъ, вышелъ опять къ морю. Я подошелъ совсѣмъ близко къ водѣ, замѣтивъ издали фосфорическое сіяніе. Я наклонился и сталъ глядѣть на пятна свѣта, мелькавшія на поверхности. Потомъ я поднялъ голову и оглянулся, наслаждаясь тишиной этой изумительной ночи. Комета протянула сверкающую сѣть по всему небу и была близка къ закату. На востокѣ яснѣе обозначалась синева; море простиралось широкой черной полосой, и, вырвавшись изъ разлитаго по всему небу

сіянія, одна блѣдная, но сохраняющая свой дрожащій блескъ звѣздочка свѣтилась на границѣ незримаго.

Какъ прекрасно было тихое небо! Какой глубокій покой!.. У меня переполнилась душа смутнымъ сладостнымъ чувствомъ, и я заплакалъ. Что-то новое и странное охватило меня. Я вдругъ почувствовалъ, что не хочу никого убивать.

Я не хотѣлъ никого убивать, не хотѣлъ быть болѣе рабомъ моихъ страстей. Мнѣ безумно захотѣлось уйти отъ жизни, уйти отъ дневного свѣта, отъ борьбы и желаній—въ прохладную ночь вѣчности.

Я стоялъ у края большого океана и полонъ былъ молитвеннаго чувства и желалъ покоя—отъ себя самого.

Но на востокѣ уже скоро заалѣетъ красная завѣса и скроетъ чудеса этой таинственной ночи. — Приближалась заря. Я зналъ, что вмѣстѣ съ нею ко мнѣ вернутся прежнія чувства. Послѣ краткаго перерыва я снова буду Вильямомъ Лидфортомъ, полуголоднымъ, обтрепаннымъ и неуклюжимъ юношей, буду помнить, что я уворовалъ деньги, что изъ-за меня страдаетъ моя мать—и что мнѣ остается только отомстить и умереть.

Зачѣмъ мстить? Мнѣ пришло въ голову, что лучше покончить съ собой и оставить другихъ въ покоѣ. Войти въ море, въ теплую влагу, соединяющую свойства воды и свѣта, стать въ водѣ по грудь, вставить дуло револьвера въ ротъ. Почему этого не сдѣлать? Я съ усиліемъ отошелъ отъ моря и пошелъ вдоль берега. Что-то въ душѣ препятствовало моему новому рѣшенію.

Я прошелъ дальше по глубокому песку, сѣлъ подъ кустомъ, вынулъ револьверъ и сталъ глядѣть на него. Что̀ выбрать—жизнь или смерть? Мысли мои старались проникнуть въ самыя глубины бытія, но какъ-то незамѣтно я, сидя, уснулъ...

Когда я проснулся, я увидѣлъ, что въ морѣ купаются двое людей. Все еще длилась свѣтлая волшебная ночь, и синяя полоса яснаго неба была не шире, чѣмъ прежде. Эти люди пришли, очевидно, когда я спалъ, и разбудили меня теперь своими голосами. Они возвращались изъ середины моря къ берегу; впереди шла женщина съ заколотыми высоко на головѣ волосами, а за нею—мужчина. Вокругъ нихъ серебрились сверкающіе брызги воды. Онъ разсѣкалъ воду руками и брызгалъ ею вслѣдъ женщинѣ. Они подходили все ближе, вода уже доходила имъ только до колѣнъ, потомъ на минуту ноги ихъ пересѣкли длинный серебристый край воды. На нихъ обоихъ были плотно облегающіе купальные костюмы, которые обрисовывали красоту ихъ молодого тѣло.

Она оглянулась и, увидя, что онъ ближе, чѣмъ она думала, вскрикнула и, выскочивъ изъ воды, помчалась по берегу, пробѣжала мимо меня и исчезла въ черныхъ кустахъ. Онъ побѣжалъ слѣдомъ за нею.

И въ ту же минуту во мнѣ проснулась вся прежняя дикая ярость; я вскочилъ и остановился, поднимая къ нему сжатый кулакъ въ позѣ безсильной угрозы.

Быстро промчавшаяся мимо меня, облитая свѣтомъ, прекрасная женщина была Нетти;—а за нею бѣжалъ тотъ, изъ-за кого она измѣнила мнѣ. И меня охватилъ ужасъ отъ мысли, что еслибы я поддался слабости воли,—я умеръ бы, не отомстивъ.

Я бросился бѣжать за ними съ револьверомъ въ рукѣ по безшумному песку.

XI.

Я добѣжалъ до маленькой деревушки, лежащей въ дюнахъ,—это и было Бивуаки. Я услышалъ какъ хлопнула дверь, бѣглецы исчезли, и я остановился, не зная, что теперь дѣлать.

Передо мной было три домика,—но я не успѣлъ замѣтить, въ который изъ нихъ они вбѣжали. Во всѣхъ двери и окна были открыты и нигдѣ не было свѣта.

Мѣсто, куда я попалъ, было создано реакціей людей съ художественнымъ вкусомъ противъ дороговизны и чопорности тогдашнихъ морскихъ купаній. Въ то время желѣзнодорожныя компаніи продавали обыкновенно свои вагоны послѣ того, какъ они прослужили установленное число лѣтъ,—и кому-то пришла въ голову отличная мысль приспособить эти вагоны для лѣтняго жилья. Такіе домики нравились интеллигентной богемѣ. Такимъ образомъ устроено было много подобнаго рода импровизованныхъ лѣтнихъ дачъ, съ пристройками для широкихъ верандъ; создалось нѣчто очень изящное въ противоположность скучному однообразію модныхъ приморскихъ купаній. Конечно, такая бивуачная жизнь представляла много неудобствъ, съ которыми приходилось мириться, и на этомъ песчаномъ побережьи селилась главнымъ образомъ молодежь. Кисейныя платья художественныхъ цвѣтовъ, игра на банджо, китайскіе фонари—были характерными особенностями такихъ поселеній. Но я, въ особенности послѣ свѣдѣній, полученныхъ отъ человѣка съ деревяшкой, не могъ сочувствовать людямъ, беззаботно предающимся отдыху, а отнесся къ нимъ злобно,—какъ всѣ тогдашніе бѣдняки, отравленные неисполнимостью всѣхъ своихъ стремленій даже къ самымъ простымъ

радостямъ жизни. Для бѣдныхъ людей, обремененныхъ работой, чистота и красота были совершенно недостижимы, и живя въ грязи, въ уродствѣ, они смотрѣли на болѣе счастливыхъ товарищей съ завистью и злобной подозрительностью. Представьте себѣ жизнь, въ которой свободная любовь считалась чѣмъ-то позорнымъ,—почти какъ пьянство... Къ вопросу о любви всегда примѣшивались элементы борьбы и самолюбія. Я лично былъ тогда твердо убѣжденъ, что истинная любовь всегда является вызовомъ любящихъ кому-то другому, что любишь наперекоръ всему свѣту. А эти двое любили наперекоръ мнѣ, ихъ любовь была оскорбленіемъ, нанесеннымъ лично мнѣ,—и я твердо рѣшилъ отомстить имъ... Я не могъ вынести мысли, что Нетти добровольно отдала свою любовь другому, и шелъ по маленькому поселку съ мрачными, злобными мыслями.

Я остановился, чтобы обдумать планъ дѣйствія. Какъ ихъ найти? Ходить изъ домика въ домикъ, пока мнѣ не отворитъ дверь Нетти или Вераль. Но вѣдь вмѣсто нихъ можетъ выйти служанка. Ждать до утра? А тѣмъ временемъ...

Во всѣхъ домикахъ было тихо. Еслибы я подошелъ къ открытымъ окнамъ, я могъ бы напасть на ихъ слѣдъ, — но было такъ свѣтло, что Нетти могла бы узнать меня издали. Разспрашивать чужихъ людей я не рѣшался, потому что тогда могло бы случиться, что я очутился бы лицомъ къ лицу съ моими врагами не одинъ, а въ сопровожденіи другихъ, которые обезоружили бы меня прежде, чѣмъ я исполнилъ бы свой планъ. Къ тому же, какъ спросить о нихъ? Они навѣрное живутъ подъ вымышленными именами.

— Бумъ!—раздалось вдругъ за моей спиной, и я съ изумленіемъ обернулся. На морѣ, — не болѣе чѣмъ миляхъ въ четырехъ отъ берега,—стоялъ большой броненосецъ, и изъ его трубъ взлетали на воздухъ багровыя искры. Сверкнулъ пушечный огонь, направленный къ морю, а въ отвѣтъ показалось зарево и столбъ дыма на горизонтѣ.

Въ это время съ высоты надъ деревней раздалось громкое шипѣніе и взвилась ракета, разсыпавшаяся золотымъ дождемъ среди сіянія кометы. Потомъ снова раздалась пальба.

Въ окнахъ домиковъ зажглись огоньки, раскрылись двери, пропуская желтыя полоски свѣта, утопавшія сейчасъ же въ яркомъ сіяніи кометы, и появились люди... Бумъ! Бумъ!—раздалось снова, и надъ броненосцемъ взвилось огненное облачко. Я услышалъ голоса людей по близости. Изъ ближайшаго домика вышелъ человѣкъ въ купальномъ халатѣ съ капюшономъ, похо-

жій на араба въ бурнусѣ. Онъ заслонилъ глаза рукой, защищаясь отъ сіянія кометы, и сталъ звать кого-то изъ дома... Можетъ быть, и она выйдетъ на зовъ!.. Я сжалъ въ рукѣ револьверъ. Чтò мнѣ за дѣло до войны! Можетъ быть, даже морское сраженіе поможетъ мнѣ выполнить мою месть, — другого интереса оно для меня не представляло. Бумъ! Бумъ!

Грохотъ пальбы проносился мимо меня. Сейчасъ навѣрное выйдетъ Нетти.

Сначала изъ домика вышли еще двѣ закутанныя фигуры и приблизились къ человѣку, стоявшему на берегу. Онъ указалъ рукой на море и громко сказалъ:

— Это германскій броненосецъ! Онъ погибъ.

Другіе стали что-то возражать, потомъ всѣ вскрикнули хоромъ, и я тоже посмотрѣлъ туда, куда они всѣ устремили взоры. Я увидѣлъ столбъ воды, поднятый залпомъ, не попавшимъ въ броненосецъ, затѣмъ второй, третій фонтанъ еще ближе къ берегу. За этимъ послѣдовалъ новый страшный залпъ, и человѣкъ въ бѣломъ бурнусѣ громко вскрикнулъ:—Попали!

Въ то же время раздался женскій голосъ, выкрикивавшій:

— Эй вы, молодожены, выходите посмотрѣть!

Что-то блеснуло въ тѣни ближайшаго домика, и послышался мужской голосъ. Чтò онъ сказалъ, я не разобралъ, но вдругъ я услышалъ голосъ Нетти, произнесшей очень отчетливо:

— Мы ходили купаться.

Человѣкъ, вышедшій первымъ, крикнулъ:—Развѣ вы не слышите пушекъ? Началось сраженіе на морѣ—миляхъ въ пяти отъ берега.

Я не слышалъ, чтò отвѣтили изъ домика, потому что медленно подходилъ къ стоявшимъ на берегу, выйдя изъ тѣни одного домика, за которымъ спрятался при появленіи людей. Всѣ были слишкомъ заняты сраженіемъ, чтобы оглянуться на меня, и я прямо пошелъ къ домику Нетти.

— Смотрите!—крикнулъ кто-то и указалъ на небо.

Я поднялъ глаза и увидѣлъ нѣчто изумительное. Небо было покрыто яркими зелеными полосами. Они шли изъ какого-то пункта между западной частью горизонта и зенитомъ, и среди сіяющихъ облачковъ кометы началось движеніе; они расплывались съ трескомъ, какъ отъ оружейныхъ выстрѣловъ. Мнѣ казалось, что комета пришла на помощь мнѣ, опускаясь какъ завѣса, чтобы закрыть отъ взоровъ безсмысленное происшествіе на морѣ.

— Бумъ! — грохнула пушка на броненосцѣ.—Бумъ! —отвѣ-

тили пушки на преслѣдующихъ его крейсерахъ. И въ это время небо залито было струящимися свѣтовыми облаками, отъ вида которыхъ кружилась голова. Я стоялъ ошеломленный и готовъ былъ повѣрить въ эту минуту, что комета возвѣщала конецъ міра, какъ думали суевѣрные люди.

А потомъ мнѣ стало казаться, что все это происходитъ ради меня. Сраженіе на морѣ, вихрь на небѣ были какъ бы грознымъ аккомпаниментомъ моего суда надъ клятвопреступницей. Я услышалъ голосъ Нетти, и снова во мнѣ забушевалъ гнѣвъ. Я направился къ ней среди ужасовъ, возвѣщавшихъ ей близкую смерть. Моя пуля убьетъ ее наповалъ подъ грохотъ залповъ. При этой мысли я не могъ удержаться отъ громкаго крика, который слился съ общимъ гуломъ, и рѣшительно направился къ ней съ револьверомъ въ рукахъ. Я подходилъ все ближе и ближе,—маленькая группа людей, все еще не замѣчавшихъ меня, увеличилась; зеленое небо и суда на морѣ все болѣе отходили вдаль. Кто-то выскочилъ изъ ближайшаго домика и остановился при видѣ меня. Это была Нетти, кокетливо закутанная въ шаль, и зеленое сіяніе озаряло ея лицо и нѣжную шею. Я увидѣлъ ея лицо, искаженное отъ ужаса при моемъ приближеніи.

— Бумъ!—раздалось съ броненосца, какъ команда.—Бангъ!—грянулъ въ отвѣтъ мой револьверъ. Я даже не хотѣлъ выстрѣлить въ нее въ ту минуту,—совершенно не хотѣлъ. Но почему-то я выстрѣлилъ опять и потомъ еще разъ — и все мимо. Она сдѣлала шагъ ко мнѣ, не отрывая отъ меня глазъ, потомъ кто-то очутился подлѣ нея,—это былъ молодой Вераль.

Затѣмъ вдругъ выросъ точно изъ-подъ земли какой-то человѣкъ въ купальномъ халатѣ съ капюшономъ и сталъ передо мной, защищаясь. У него было испуганное, изумленное лицо. Онъ кинулся ко мнѣ, вытянувъ впередъ руки, точно собираясь остановить взбѣсившуюся лошадь, и сталъ что-то кричать, въ чемъ-то убѣждать меня.

— Оставьте!—крикнулъ я, но онъ все-таки стоялъ, прикрывая собой Нетти.

У меня было безумное желаніе прострѣлить его грузное тѣло, но я какъ-то понималъ, что не долженъ стрѣлять въ него. Я быстро рванулся къ нему, отстранилъ его распростертыя руки, и передо мною снова очутились Нетти и Вераль. Я тогда выстрѣлилъ третій разъ въ воздухъ. Меня окружили, и я бросился къ нимъ. Какой-то человѣкъ подбѣжалъ и хотѣлъ схватить меня, но я оттолкнулъ его и расчистилъ путь. Я увидѣлъ бѣжавшихъ Вераля и Нетти, выстрѣлилъ въ четвертый разъ, но тоже не-

удачно, и въ бѣшенствѣ быстро рѣшилъ догнать ихъ и уже стрѣлять въ упоръ.

За мной погнались, но вскорѣ всѣ отстали, и мы только бѣжали втроемъ — они впереди, а я за ними. Нѣсколько времени прошло въ быстромъ бѣгѣ. Песокъ превратился въ вихрь зеленоватаго сіянія, насъ окружалъ какой-то сіяющій зеленый туманъ,—но мнѣ было не до того. Я не зналъ, нагоняю ли я ихъ, или отстаю. Они пробѣжали черезъ отверстіе въ разломанномъ заборѣ, и я—за ними. Мы очутились на дорогѣ, но приходилось съ трудомъ пробираться сквозь зеленый туманъ. Они исчезали изъ виду, и я сдѣлалъ прыжокъ футовъ въ двѣнадцать изъ боязни упустить ихъ изъ виду.

Она пошатнулась; онъ схватилъ ее за руку и потащилъ ее за собой. Они свернули налѣво. Мы опять очутились на дорогѣ и бѣжали по мягкому грунту. Потомъ я упалъ куда-то, гдѣ все было полно дыма, опять вскочилъ, но они казались уже какими-то призраками, рѣющими въ вихрѣ.

Я продолжалъ бѣжать, спотыкался, слышалъ грохотъ пушекъ. Ихъ уже не было видно, но я продолжалъ бѣжать. Мнѣ что-то мѣшало, ноги увязали въ чемъ-то,—но я не видѣлъ, что это такое — все исчезало въ туманѣ. Въ головѣ кружилось, я слышалъ шумъ и все не могъ прорваться черезъ какую-то зеленую завѣсу, которая спускалась все ниже и ниже. Становилось темно вокругъ.

Я сдѣлалъ послѣднее отчаянное усиліе, поднялъ револьверъ въ рукѣ, выстрѣлилъ наугадъ и упалъ на землю. Зеленая завѣса сдѣлалась черной, и все исчезло вокругъ меня.

Съ англ. З. В.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюля 1907.

Высочайшій манифестъ 3-го іюня.—Новый избирательный законъ.—Его формальная сторона. — Измѣненія въ числѣ и въ распредѣленіи выборщиковъ. — Исключеніе мѣстныхъ крестьянъ изъ состава избирателей-землевладѣльцевъ.—Раздѣленіе городскихъ избирателей на два разряда. — Новыя полномочія министра внутреннихъ дѣлъ.—Новый порядокъ избранія членовъ Думы.—Выборы на окраинахъ имперіи.—Выборныя коммиссіи.—Графъ П. А. Гейденъ †.

3-го іюня обнародованъ слѣдующій Высочайшій манифестъ:

„По повелѣнію и указаніямъ Нашимъ, со времени роспуска Государственной Думы перваго созыва, правительство Наше принимало послѣдовательный рядъ мѣръ къ успокоенію страны и установленію правильнаго теченія дѣлъ государственныхъ.

Созванная Нами вторая Государственная Дума призвана была содѣйствовать, согласно Державной Волѣ Нашей, успокоенію Россіи: первѣе всего работою законодательною, безъ которой невозможны жизнь Государства и усовершенствованіе его строя, затѣмъ разсмотрѣніемъ росписи доходовъ и расходовъ, опредѣляющей правильность государственнаго хозяйства, и наконецъ разумнымъ осуществленіемъ права запросовъ Правительству, въ цѣляхъ укрѣпленія повсемѣстно правды и справедливости.

Обязанности эти, ввѣренныя Нами выборнымъ отъ населенія, наложили на нихъ тѣмъ самымъ тяжелую отвѣтственность и святой долгъ пользоваться правами своими для разумной работы на благо и утвержденіе Державы Россійской.

Таковы были мысль и воля Наши при дарованіи населенію новыхъ основъ государственной жизни.

Къ прискорбію Нашему, значительная часть состава второй Государственной Думы не оправдала ожиданій Нашихъ. Не съ чистымъ

сердцемъ, не съ желаніемъ укрѣпить Россію и улучшить ея строй, приступили многія изъ присланныхъ отъ населенія лицъ къ работѣ, а съ явнымъ стремленіемъ увеличить смуту и способствовать разложенію Государства.

Дѣятельность этихъ лицъ въ Государственной Думѣ послужила непреодолимымъ препятствіемъ къ плодотворной работѣ. Въ среду самой Думы внесенъ былъ духъ вражды, помѣшавшій сплотиться достаточному числу членовъ ея, желавшихъ работать на пользу родной земли.

По этой причинѣ, выработанныя Правительствомъ Нашимъ обширныя мѣропріятія Государственная Дума или не подвергала вовсе разсмотрѣнію, или замедляла обсужденіемъ, или отвергала, не остановившись даже передъ отклоненіемъ законовъ, каравшихъ открытое восхваленіе преступленій и сугубо наказывавшихъ сѣятелей смуты въ войскахъ. Уклонившись отъ осужденія убійствъ и насилій, Государственная Дума не оказала въ дѣлѣ водворенія порядка нравственнаго содѣйствія Правительству и Россія продолжаетъ переживать позоръ преступнаго лихолѣтія.

Медлительное разсмотрѣніе Государственною Думою росписи государственной вызвало затрудненіе въ своевременномъ удовлетвореніи многихъ насущныхъ потребностей народныхъ.

Право запросовъ Правительству значительная часть Думы превратила въ способъ борьбы съ Правительствомъ и возбужденія недовѣрія къ нему въ широкихъ слояхъ населенія.

Наконецъ свершилось дѣяніе, неслыханное въ лѣтописяхъ исторіи. Судебною властью былъ раскрытъ заговоръ цѣлой части Государственной Думы противъ государства и Царской Власти. Когда же Правительство Наше потребовало временнаго, до окончанія суда, устраненія обвиняемыхъ въ преступленіи этомъ пятидесяти пяти членовъ Думы и заключенія наиболѣе уличаемыхъ изъ нихъ подъ стражу, то Государственная Дума не исполнила немедленно законнаго требованія властей, не допускавшаго никакого отлагательства.

Все это побудило Насъ указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату 3 сего іюня, Государственную Думу второго созыва распустить, опредѣливъ срокъ созыва новой Думы на 1 ноября сего 1907 года.

Но, вѣря въ любовь къ Родинѣ и государственный разумъ народа Нашего, Мы усматриваемъ причину двукратнаго неуспѣха дѣятельности Государственной Думы въ томъ, что, по новизнѣ дѣла и несовершенству избирательнаго закона, законодательное учрежденіе это пополнялось членами, не явившимися настоящими выразителями нуждъ и желаній народныхъ.

Посему, оставляя въ силѣ всѣ дарованныя подданнымъ нашимъ Манифестомъ 17 октября 1905 года и основными законами права,

воспріяли Мы рѣшеніе измѣнить лишь самый способъ призыва выборныхъ отъ народа въ Государственную Думу, дабы каждая часть народа имѣла въ ней своихъ избранниковъ.

Созданная для укрѣпленія Государства Россійскаго, Государственная Дума должна быть русскою и по духу.

Иныя народности, входящія въ составъ Державы Нашей, должны имѣть въ Государственной Думѣ представителей нуждъ своихъ, но не должны и не будутъ являться въ числѣ, дающемъ имъ возможность быть вершителями вопросовъ чисто-русскихъ.

Въ тѣхъ же окраинахъ Государства, гдѣ населеніе не достигло достаточнаго развитія гражданственности, выборы въ Государственную Думу должны быть временно пріостановлены.

Всѣ эти измѣненія въ порядкѣ выборовъ не могутъ быть проведены обычнымъ законодательнымъ путемъ черезъ ту Государственную Думу, составъ коей признанъ Нами неудовлетворительнымъ, вслѣдствіе несовершенства самаго способа избранія ея членовъ. Только Власти, даровавшей первый избирательный законъ, исторической Власти Русскаго Царя, довлѣетъ право отмѣнить оный и замѣнить его новымъ.

Отъ Господа Бога вручена Намъ власть Царская надъ народомъ Нашимъ. Передъ Престоломъ Его Мы дадимъ отвѣтъ за судьбы Державы Россійской.

Въ сознаніи этомъ черпаемъ Мы твердую рѣшимость довести до конца начатое Нами великое дѣло преобразованія Россіи и даруемъ ей новый избирательный законъ, обнародовать который повелѣваемъ Правительствующему Сенату.

Отъ вѣрныхъ же подданныхъ Нашихъ Мы ждемъ единодушнаго и бодраго, по указанному Нами пути, служенія Родинѣ, сыны которой во всѣ времена являлись твердымъ оплотомъ ея крѣпости, величія и славы".

Въ тотъ же день 3-го іюня обнародованы именные Высочайшіе указы Сенату: 1) о роспускѣ Думы, производствѣ новыхъ выборовъ съ 1-го сентября и созывѣ новой Думы на 1-ое ноября, и 2) объ утвержденіи новаго положенія о выборахъ въ Государственную Думу.

Манифестомъ 3-го іюня, какъ и манифестомъ 9-го іюля прошлаго года, роспускъ Государственной Думы мотивируется, главнымъ образомъ, ея ошибками, неправильными дѣйствіями и упущеніями.

„Выработанныя правительствомъ обширныя мѣропріятія" Государственная Дума, по словамъ манифеста, „или не подвергала вовсе раз-

смотрѣнію, или замедляла обсужденіемъ, или отвергала“. Мы имѣли уже случай показать [1]), что быстротою дѣйствій законодательное собраніе, въ первые мѣсяцы послѣ его созыва, никогда и нигдѣ не отличается и не отличалось. Даже тамъ, гдѣ господствуютъ миръ и тишина, даже тамъ, гдѣ парламентская жизнь вошла въ народные нравы и привычки, вновь выбранная палата не можетъ сразу приняться за дѣло, не можетъ безотлагательно двинуть впередъ всѣ части своей задачи. Народные представители должны узнать другъ друга, столковаться по крайней мѣрѣ о важнѣйшемъ и ближайшемъ, образовать болѣе или менѣе устойчивыя группы. Этотъ процессъ совершается тѣмъ труднѣе, а слѣдовательно и тѣмъ медленнѣе, чѣмъ меньше онъ встрѣчаетъ готовыхъ рамокъ и прочныхъ преданій. Еслибы ему одному были посвящены Думою цѣлыя недѣли, этимъ не доказывалось бы еще отсутствіе у нея умѣнья и желанія трудиться. На самомъ дѣлѣ, однако, вторая Дума успѣла, въ короткое время, многое предпринять, многое подготовить и кое-что закончить. Утвердивъ значительную часть своего наказа, она создала условія, значительно усилившія интенсивность ея работы и еще больше обѣщавшія въ будущемъ. Дѣловымъ вопросамъ она отвела цѣлый рядъ вечернихъ засѣданій, благодаря которымъ они получали, одинъ за другимъ, скорое рѣшеніе. Болѣе объемистые, болѣе важные законопроекты были распредѣлены между коммиссіями, изъ которыхъ двѣ—о мѣстномъ судѣ и о неприкосновенности личности—внесли въ Думу обширные доклады. Въ коммиссіяхъ, по необходимости, всегда сосредоточивается на первое время значительная часть труда, выпадающаго на долю народнаго представительства. Торопливость была бы здѣсь совершенно неумѣстна, да и совершенно излишня, потому что одновременное разсмотрѣніе Думою цѣлой массы коммиссіонныхъ докладовъ все равно оказалось бы физически невозможнымъ. О пренебрежительномъ отношеніи Думы къ правительственнымъ законопроектамъ не можетъ быть рѣчи уже потому, что именно для ихъ обсужденія было учреждено большинство коммиссій. Законопроектовъ, исходящихъ отъ думской иниціативы, было на этотъ разъ гораздо меньше, чѣмъ въ прошломъ году.

Въ вину Думѣ ставится въ особенности „медлительное разсмотрѣніе государственной росписи, вызвавшее затрудненіе въ своевременномъ удовлетвореніи многихъ насущныхъ потребностей народныхъ“. До сихъ поръ государственная роспись составлялась и повѣрялась въ рутинномъ бюрократическомъ порядкѣ и только теперь въ первый разъ предстала на судъ народныхъ представителей. Не сразу

[1]) См. „Внутр. Обозрѣніе“ въ № 5 „Вѣстника Европы“ за текущій годъ.

могла стать для нихъ доступной ея сложность; неизбѣжно они должны были взглянуть на нее съ совершенно новой точки зрѣнія, предъявить къ ней совершенно новыя требованія. Едва ли, поэтому, есть поводъ удивляться тому, что въ два съ небольшимъ мѣсяца бюджетная коммиссія не успѣла окончить своихъ занятій. Слишкомъ велика была бы отвѣтственность ея передъ страною, еслибы она отнеслась къ своей задачѣ поверхностно, формально и, повѣривъ итоги и ограничившись кое-какими замѣчаніями, поспѣшила бы признать, что все обстоитъ благополучно. Съ другой стороны, если своевременное утвержденіе росписи столь необходимо для удовлетворенія „насущныхъ потребностей" населенія, то почему же допущенъ былъ столь долгій промежутокъ между роспускомъ первой и созывомъ второй Государственной Думы? Еслибы первое междудумье было ограничено хотя бы такимъ же срокомъ, какъ второе—т. е. пятью мѣсяцами,—то государственная роспись на 1907-й годъ могла бы быть утверждена гораздо раньше. Еще нормальнѣе было бы ея движеніе, еслибы не была распущена—или была распущена нѣсколько позднѣе—первая Государственная Дума.

Изъ числа законопроектовъ, отвергнутыхъ Думою, особенно подчеркиваются тѣ, которыми „каралось открытое восхваленіе преступленій и сугубо наказывались сѣятели смуты въ войскахъ". Въ общественной хроникѣ нашего журнала были уже указаны причины, вызвавшія отрицательное отношеніе Думы къ этимъ проектамъ. Отнюдь не оправдывая восхваленіе преступленій или пропаганду въ войскахъ, Дума находила, что какъ то, такъ и другое предусмотрѣно уже уголовнымъ уложеніемъ и нѣтъ основанія замѣнять строго обдуманныя постановленія, согласованныя съ общей системой нашего права, наскоро редактированными и явно неудовлетворительными мѣрами. Исправить дефекты этихъ мѣръ Дума не могла, потому что онѣ представляли собою не законопроекты, разсматриваемые въ обычномъ порядкѣ, а дѣйствующіе уже временные законы. Не воспользовавшись правомъ немедленной ихъ отмѣны, Дума рисковала продлить существованіе ихъ, въ прежнемъ видѣ, на неопредѣленное время.

„Право запросовъ правительству значительная часть Думы"—читаемъ мы въ манифестѣ—„превратила въ способъ борьбы съ правительствомъ и возбужденія къ нему недовѣрія въ широкихъ слояхъ населенія". Если факты, составляющіе предметъ запроса, дѣйствительно совершились и если впечатлѣніе, ими производимое, неблагопріятно для тѣхъ или другихъ органовъ власти, то можно ли ставить такой результатъ въ пассивъ Думы или хотя бы части Думы? Не очевидно ли, что все зависитъ здѣсь отъ послѣдующаго образа дѣйствій министерства? Если оно привлекаетъ виновныхъ къ законной

отвѣтственности, то первоначальное впечатлѣніе сглаживается или исчезаетъ; въ противномъ случаѣ впечатлѣніе усиливается, но усиливается не потому, что раскрыты злоупотребленія, а потому, что ничего не сдѣлано для предупрежденія ихъ на будущее время. Упрекъ въ систематической тенденціозности запросовъ былъ бы заслуженъ Думой, еслибы значительно бо̀льшая ихъ часть оказалась лишенною всякихъ основаній и еслибы, притомъ, они ставились безъ какой бы то ни было провѣрки. Ни того, ни другого сказать нельзя: всѣ запросы подвергались предварительному разсмотрѣнію въ особой коммиссіи, и многіе изъ нихъ были приняты большинствомъ, близкимъ къ единогласію. Источникомъ недовѣрія къ правительству могли служить не столько самые запросы, сколько нѣкоторыя изъ противопоставленныхъ имъ объясненій. Достаточно припомнить пренія 30-го апрѣля по поводу четырехъ лицъ, присужденныхъ военно-полевымъ судомъ сначала къ каторгѣ, а потомъ, другимъ составомъ суда, къ смертной казни. Попытка доказать, что *оставленіе приговора безъ исполненія*, влекущее за собою новое разсмотрѣніе дѣла, не равносильно *отмѣнѣ приговора*, должна была вызвать самое тяжелое чувство не только въ юристахъ, уважающихъ свое призваніе, но и во всякомъ безпристрастномъ читателѣ или слушателѣ... Допустимъ, наконецъ, что запросы, съ точки зрѣнія ихъ авторовъ, являлись иногда не столько средствомъ раскрытія истины, сколько орудіемъ борьбы съ министерствомъ. Безъ такой борьбы немыслима конституціонная жизнь; страшной она можетъ казаться лишь съ непривычки, какъ нѣчто рѣзко противоположное господствовавшей у насъ еще недавно „тиши и глади". Что большинство Думы не хотѣло выдвигать эту борьбу на первый планъ, отводить ей слишкомъ много мѣста и вести ее изъ-за нея самой — это видно уже изъ того, что для обсужденія запросовъ назначено было только одно изъ числа шести [1]) еженедѣльныхъ засѣданій.

„Значительная часть состава второй Государственной Думы" — гласитъ манифестъ — „не оправдала ожиданій Нашихъ. Не съ чистымъ сердцемъ, не съ желаніемъ укрѣпить Россію и улучшить ея строй приступили многія изъ присланныхъ отъ населенія лицъ къ работѣ, а съ явнымъ стремленіемъ увеличить смуту и способствовать разложенію государства. Дѣятельность этихъ лицъ въ Государственной Думѣ послужила непреодолимымъ препятствіемъ къ плодотворной работѣ. Въ среду самой Думы внесенъ былъ духъ вражды, помѣшавшій сплотиться достаточному числу членовъ ея, желавшихъ работать на пользу родной земли". Что не всѣ члены Думы вошли въ нее исклю-

---

[1]) Начиная съ мая мѣсяца Дума имѣла еженедѣльно, кромѣ четырехъ дневныхъ, два вечернихъ засѣданія.

чительно для участія въ мирной работѣ—это безспорно; но не менѣе несомнѣнно и то, что шансы успѣха такой работы постоянно возрастали, число работниковъ постоянно увеличивалось—и продолжало бы увеличиваться, еслибы продлилось существованіе Думы. Препятствія, съ которыми Дума встрѣчалась въ собственной своей средѣ, нѣсколько разъ были ею устраняемы и, слѣдовательно, не были непреодолимыми. Воздержавшись отъ рѣзкаго отвѣта на декларацію министерства, отклонивъ изслѣдованіе продовольственнаго вопроса на мѣстахъ, постановивъ войти въ подробное разсмотрѣніе бюджета, утвердивъ контингентъ, поставивъ на ближайшую очередь дѣла, наименѣе грозившія конфликтомъ, отказавшись, въ послѣднюю минуту вступить на путь экстра-легальныхъ резолюцій, большинство Думы ясно доказало свое намѣреніе оставаться въ предѣлахъ законодательной дѣятельности. Съ теченіемъ времени колеблющіяся рамки большинства получили бы бо̀льшую прочность и опредѣленность. Начиналось уже, повидимому, разложеніе группы трудовиковъ, болѣе правые элементы которой могли бы составить, вмѣстѣ съ кадетами и ихъ обычными союзниками, крѣпкое и устойчивое цѣлое, способное играть роль настоящаго парламентскаго центра. Чѣмъ непримиримѣе оказались бы, затѣмъ, ультра-лѣвыя партіи, тѣмъ слабѣе становилось бы ихъ вліяніе на ходъ думской работы. Оставаясь въ Думѣ, но испытывая на каждомъ шагу отпоръ со стороны организованнаго большинства, представители этихъ партій усвоили бы себѣ, быть можетъ, менѣе воинствующую тактику и менѣе прямолинейную программу. Зародившіяся и широко распространившіяся въ тайнѣ, подъ тяжкимъ гнетомъ, крайнія стремленія потеряли бы часть своей силы, еслибы за ними была сохранена возможность открытаго выраженія. Противорѣчія, обостренныя безпощадною борьбою, смягчились бы, мало-по-малу, на почвѣ совмѣстнаго труда.

Государственной Думѣ ставится въ вину, что она уклонилась отъ осужденія убійствъ и насилій и не оказала нравственнаго содѣйствія правительству въ водвореніи порядка. Что молчаніе по жгучему вопросу о красномъ террорѣ было ошибкой со стороны Думы—это мы нѣсколько разъ прямо признавали; но исправить ошибку было еще вполнѣ возможно, да и въ обстоятельствахъ, уменьшающихъ ея значеніе, не было недостатка. Сюда относится, прежде всего, вызывающее поведеніе крайнихъ правыхъ, заставлявшее многихъ и многихъ воздерживаться отъ всего того, что̀ могло показаться уступкой провокаціонному вымогательству. Еще важнѣе—осужденіе террористическихъ актовъ, часто слышавшееся въ рѣчахъ ораторовъ центра и даже лѣвой стороны. Для внимательнаго и спокойнаго наблюдателя

было совершенно ясно, что Дума, въ огромномъ своемъ большинствѣ, не сочувствуетъ насиліямъ и высоко цѣнитъ человѣческую жизнь.

Послѣдняго и самаго серьезнаго обвиненія, мотивированнаго отношеніемъ Думы къ требованію устранить изъ ея среды, впредь до судебнаго приговора, членовъ соціалъ-демократической группы, заподозрѣнныхъ въ государственномъ преступленіи, мы здѣсь касаться не будемъ, потому что все непосредственно предшествовавшее роспуску Думы подробно разсмотрѣно ниже, въ отдѣлѣ „Общественной Хроники".

Манифестъ 9-го іюля 1906 года оставилъ неприкосновеннымъ порядокъ избранія Государственной Думы, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ опредѣленъ актами 6-го августа и 11-го декабря 1905-го года и закрѣпленъ новой редакціей основныхъ законовъ. Совершенно инымъ является положеніе дѣлъ, созданное манифестомъ 3-го іюня. Одновременно съ нимъ обнародованъ новый избирательный законъ, существенно измѣнившій положеніе о выборахъ въ Государственную Думу. Форма, въ которую облеченъ этотъ законъ, не предусмотрѣна нашимъ законодательствомъ. Съ 17-го октября 1905-го и 20-го февраля 1906-го года ему извѣстны только *законы*, одобренные Государственною Думой и Государственнымъ Совѣтомъ и утвержденные Государемъ (зак. основн. ст. 86), и временныя *мѣры* законодательнаго характера, вызываемыя чрезвычайными обстоятельствами и принимаемыя Государемъ, во время междудумья, по представленію совѣта министровъ (зак. основн. ст. 87). Къ числу подобныхъ мѣръ новый избирательный законъ не можетъ быть отнесенъ ни по способу изданія, ни по сроку дѣйствія, ни, въ особенности, по своему содержанію: онъ *замѣняетъ* собой положеніе о выборахъ въ Государственную Думу, подлежавшее измѣненію, за силою ст. 87-й, не иначе, какъ въ общемъ *нормальномъ* законодательномъ порядкѣ. Нельзя, очевидно, подвести новый законъ — какъ это старается сдѣлать газета, извѣстная своею „услужливостью", — подъ категорію актовъ верховнаго управленія; издаваемые въ этомъ порядкѣ указы должны *соотвѣтствовать законамъ* (зак. основн. ст. 11), ни въ чемъ ихъ не измѣняя и, тѣмъ болѣе, не отмѣняя. Манифестъ 3-го іюня и не ищетъ, впрочемъ, формальной точки опоры для возвѣщаемой имъ перемѣны. По его словамъ, „власти, даровавшей первый избирательный законъ, довлѣетъ право отмѣнить оный и замѣнить его новымъ". „Отъ Господа Бога"—читаемъ мы дальше—„вручена Намъ власть Царская надъ народомъ Нашимъ. Передъ престоломъ Его Мы дадимъ отвѣтъ за судьбы державы россійской".

Наиболѣе характерный комментарій къ этимъ словамъ мы находимъ, какъ и слѣдовало ожидать, въ той газетѣ, которая не пере-

ставала отрицать новый государственный строй и подкапываться подъ его основы. Съ точки зрѣнія „Московскихъ Вѣдомостей“ „государственный переворотъ“, точно такъ же, какъ и „конституція“—въ томъ смыслѣ, въ какомъ о нихъ говорятъ у насъ—не что иное, какъ „пустыя, неразумныя слова“. Конституція — синонимъ государственной организаціи; а „государственная организація существуетъ у насъ еще со временъ Рюрика“. Ни изъ чего не слѣдуетъ, что „русскій государственный организмъ, какъ учрежденіе, т.-е. конституція, долженъ имѣть въ своей основѣ не самодержавную власть монарха, а какія-то договорныя отношенія между монархомъ и народомъ... Русскій монархъ по самой природѣ своей власти никакого государственнаго переворота совершить не можетъ, по той простой причинѣ, что земная власть его безгранична, и всякій государственный актъ его закономѣренъ, а слѣдовательно и не можетъ быть насильственнымъ. А насиліе и есть самая существенная часть всякаго переворота: нѣтъ насилія—нѣтъ и государственнаго переворота“. Нужно особенное искусство, чтобы нагромоздить въ немногихъ строкахъ столько вопіющей неправды. Этимологическое происхожденіе термина *конституція* смѣшивается съ значеніемъ, которое онъ получилъ во всѣхъ образованныхъ странахъ и съ которымъ онъ перешелъ въ русскій обиходъ. Конституція, въ этомъ значеніи, существуетъ у насъ только съ 17-го октября 1905-го года—и существуетъ именно потому, что съ этого времени власть монарха перестала быть безграничной. Строго говоря, даже и раньше не всякій актъ, исходящій отъ монарха, могъ считаться закономѣрнымъ. Издавна у насъ если не дѣйствовала, то имѣлась на бумагѣ статья, въ силу которой управленіе имперіей должно было быть построено „на твердыхъ основаніяхъ положительныхъ законовъ“; издавна былъ установленъ и порядокъ изготовленія „положительныхъ законовъ“. Повторяясь на каждомъ шагу и принимая самыя разнообразныя формы, нарушенія этого порядка никому не казались „государственнымъ переворотомъ“,—но ихъ незакономѣрность и тогда уже была очевидна какъ для знатоковъ государственнаго права, такъ и для публицистовъ, плывшихъ противъ теченія [1]). Съ тѣхъ поръ понятіе о закономѣрности пріобрѣло и несравненно бо̀льшую опредѣленность, и несравненно бо̀льшую важность. Старый Государственный Совѣтъ, какъ законосовѣщательный органъ, стоялъ, конечно, выше, чѣмъ комитетъ министровъ; но между обоими учрежденіями, однородными по способу образованія и по характеру состава, не было той громадной разницы, какая существуетъ между бюрократіей и народнымъ представительствомъ. Отстранить послѣд-

[1]) См., напр., „Внутреннее Обозрѣніе“ въ № 1 „Вѣстника Европы“ за 1895 г.

нибудь ощутимое вліяніе на исходъ выборовъ. Таково положеніе дѣлъ при прямыхъ и даже при двухстепенныхъ выборахъ; но не таково оно при выборахъ многостепенныхъ. Членъ волостного схода участвуетъ только въ избраніи уполномоченныхъ, отъ которыхъ уже зависитъ избраніе выборщиковъ. Еще гомеопатичнѣе, если можно такъ выразиться, доля участія въ выборахъ, принадлежащая членамъ сельскаго схода. Она сводится почти къ нулю, если десятидворные посылаются сельскимъ сходомъ на волостной сходъ не ad hoc, т.-е. не спеціально въ виду предстоящихъ выборовъ въ Государственную Думу, а просто за истеченіемъ срока полномочій волостного схода. Сохраненіе за мѣстными крестьянами-землевладѣльцами права голоса на землевладѣльческихъ съѣздахъ не было бы, слѣдовательно, существеннымъ нарушеніемъ вышеуказаннаго принципа. Даже при самой строгой послѣдовательности изъ него вытекало бы только одно: воспрещеніе крестьянамъ-землевладѣльцамъ—если они хотятъ, какъ таковые, воспользоваться избирательнымъ правомъ—принимать участіе въ волостномъ сходѣ, избирающемъ уполномоченныхъ, и въ сельскомъ сходѣ, непосредственно предшествующемъ этому избранію. Еще проще было бы примѣнить къ крестьянамъ-землевладѣльцамъ общее правило, установленное для другихъ категорій избирателей, т.-е. предоставить каждому изъ нихъ избрать, по своему усмотрѣнію, тотъ или другой способъ участія въ выборахъ [1]). Множественность вотумовъ этимъ путемъ была бы устранена, а справедливость не была бы нарушена. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что громадное большинство крестьянъ-землевладѣльцевъ предпочло бы остаться участниками землевладѣльческихъ съѣздовъ. Многіе изъ нихъ имѣютъ очень мало общаго съ своими обществами и волостями, только по имени оставаясь ихъ членами и вовсе не являясь на сельскіе сходы.

Чтобы понять настоящій смыслъ разсматриваемой нами мѣры, необходимо припомнить нѣкоторые факты изъ недавняго прошлаго. На основаніи земскаго положенія 1864-го года крестьяне, обладавшіе, помимо надѣльной земли, установленнымъ цензомъ, пользовались избирательнымъ правомъ и въ качествѣ членовъ сельскихъ обществъ, и въ качествѣ личныхъ землевладѣльцевъ. Положеніе 1890-го года исключило ихъ изъ числа избирателей-землевладѣльцевъ. Высочайшій указъ 5-го октября 1906-го года возвратилъ имъ утраченное право, предоставивъ имъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, участвовать и въ выборѣ гласныхъ отъ сельскихъ обществъ. Почему все это случилось—объяснить нетрудно. Когда создавались земскія учрежденія, законодателю была

[1]) То же самое слѣдуетъ сказать и о рабочихъ, которыхъ новый законъ безусловно, независимо отъ ихъ воли, включаетъ въ рабочую избирательную курію, лишая ихъ права предпочесть участіе въ выборахъ по другому цензу.

чужда мысль объ искусственномъ покровительствѣ какой-либо одной части населенія. Въ основу группировки избирателей былъ положенъ исключительно характеръ ихъ ценза: всѣ владѣвшіе землею не въ силу уставныхъ грамотъ или аналогичныхъ актовъ были соединены въ одну категорію, независимо отъ принадлежности ихъ къ тому или другому сословію. Крестьяне-личные землевладѣльцы были уравнены со всѣми остальными. Въ 1890-мъ году намѣренія законодателя были совершенно иныя: рѣшено было поднять авторитетъ дворянства и понизить значеніе крестьянъ, только-что поставленныхъ подъ опеку земскихъ начальниковъ. Съ этою цѣлью, одновременно съ значительнымъ уменьшеніемъ числа гласныхъ отъ сельскихъ обществъ и обезпеченіемъ большинства за землевладѣльцами-дворянами, изъ группы землевладѣльцевъ-недворянъ были совершенно исключены крестьяне. Несправедливость такого исключенія была сознана осенью прошлаго года, когда отъ крестьянъ все еще ожидалось голосованіе въ духѣ правительственныхъ пожеланій и склонить ихъ къ тому имѣлось въ виду цѣлымъ рядомъ мѣръ, направленныхъ къ уравненію ихъ съ другими сословіями. Одною изъ этихъ мѣръ и было частичное возстановленіе избирательной системы 1864-го года. Что̀ же измѣнилось въ промежутокъ времени между 5-мъ октября 1906-го и 3-мъ іюня 1907-го года? Почему въ сферу думскихъ выборовъ внесено новшество прямо противоположное тому, которое такъ недавно введено въ сферу выборовъ земскихъ? Очевидно—потому, что вторая Дума окончательно поколебала довѣріе власти къ избирателямъ-крестьянамъ. Этимъ объясняются и перемѣны, произведенныя въ числѣ выборщиковъ. Разсуждая a priori, можно было бы думать, что пріуроченіе избирательнаго права крестьянъ *исключительно* къ сельскимъ и волостнымъ сходамъ повлечетъ за собою увеличеніе числа выборщиковъ отъ волостей, а уменьшеніе числа избирателей-землевладѣльцевъ—соотвѣтственное уменьшеніе числа выборщиковъ отъ уѣздныхъ съѣздовъ. На самомъ дѣлѣ, какъ мы уже видѣли, уменьшилась, наоборотъ, численность первой, увеличилась—численность второй категоріи выборщиковъ. Составъ землевладѣльческой куріи сталъ, одновременно, и болѣе одностороннимъ, и болѣе вліятельнымъ.

Аналогичными побужденіями вызвана перемѣна, происшедшая въ городской куріи. Какъ ни далеко отъ порядка, созданнаго указомъ 11-го декабря, до всеобщей подачи голосовъ, все-таки къ голосованію призваны довольно широкіе слои городского населенія. Ни одинъ изъ нихъ не лишенъ новымъ закономъ избирательнаго права; но городскіе избиратели образуютъ не одинъ съѣздъ, какъ было до сихъ поръ, а два. Въ составъ перваго съѣзда входятъ, главнымъ образомъ, болѣе зажиточные обыватели (владѣльцы болѣе цѣнныхъ недвижимыхъ иму-

могутъ считаться рабочіе; но къ землевладѣльцамъ и къ горожанамъ это названіе непримѣнимо. Элементы, изъ которыхъ составляется уѣздный избирательный съѣздъ, весьма разнородны. Много ли общаго, напримѣръ, между обладателями латифундій, сдаваемыхъ въ аренду, и мелкими собственниками, лично обработывающими свой клочокъ земли? Много ли общаго между землевладѣльцами въ собственномъ смыслѣ слова—и дачевладѣльцами или домовладѣльцами въ посадахъ и мѣстечкахъ? Еще меньше точекъ соприкосновенія между различными категоріями избирателей, искусственно соединенныхъ въ городскіе съѣзды. Достаточно припомнить, что многіе изъ нихъ даже не живутъ въ городѣ и совершенно чужды городскимъ интересамъ; да и въ средѣ городскихъ обывателей торговцы и промышленники очень далеки, напримѣръ, отъ врачей, писателей, адвокатовъ. Представительства всѣхъ *частей народа* новый избирательный законъ, такимъ образомъ, не создаетъ и создать не можетъ; напрасно было бы даже искать въ немъ точекъ опоры для представительства *профессій*... Спросимъ себя, далѣе, необходимо ли присутствіе въ Думѣ нѣкотораго минимальнаго числа депутатовъ отъ разныхъ „частей народа"? Членъ Государственной Думы призванъ не къ тому, чтобы стоять за свое сословіе, свой классъ, свою общественную группу; онъ долженъ сознавать и чувствовать себя представителемъ всего государства, всего народа. Чѣмъ меньше онъ связанъ съ опредѣленной категоріей избирателей, тѣмъ лучше: тѣсная связь легко можетъ обратиться въ зависимость. Желателенъ, конечно, не слишкомъ однообразный составъ Думы; желательно, чтобы среди ея членовъ были люди самыхъ различныхъ занятій, самаго различнаго общественнаго положенія — но, при правильной избирательной системѣ, это достигается само собою, безъ ограниченія свободы дѣйствій избирателей.

Кому приходилось участвовать въ губернскомъ избирательномъ собраніи, тотъ знаетъ, съ какими затрудненіями было сопряжено избраніе выборщиками-крестьянами одного изъ своей среды. Мало зная другъ друга, они долго не могутъ столковаться относительно наиболѣе желательнаго кандидата. Одна баллотировка слѣдуетъ за другою, не приводя къ цѣли. Проходитъ иногда нѣсколько часовъ, прежде чѣмъ кому-либо посчастливится получить большинство голосовъ, бо̀льшею частью очень незначительное. А между тѣмъ, у выборщиковъ-крестьянъ есть общія чувства, общіе интересы; имъ сравнительно легко собрать свѣдѣнія, отъ которыхъ долженъ зависѣть ихъ выборъ. Чѣмъ же будутъ руководствоваться выборщики другихъ категорій при обязательномъ выборѣ крестьянина? Легко ли будетъ, затѣмъ, землевладѣльцу остановиться на одномъ изъ горожанъ, если они всѣ одинаково мало ему извѣстны? Не таково ли будетъ, сплошь и рядомъ, и положеніе

горожанина, разъ что ему придется во что бы то ни стало подать голосъ за одного изъ землевладѣльцевъ? По какимъ признакамъ землевладѣльцы и горожане будутъ опредѣлять, кого именно изъ рабочихъ надлежитъ проводить въ депутаты?.. Наша избирательная система съ самаго начала имѣла тотъ существенно-важный недостатокъ, что избирать нужно было сразу нѣсколькихъ, иногда даже многихъ депутатовъ изъ сравнительно ограниченнаго круга лицъ, могущихъ быть избранными. Теперь этотъ недостатокъ обостряется еще больше, потому что уменьшается—въ первомъ фазисѣ процедуры, иногда, какъ мы уже знаемъ, остающемся единственнымъ,—число лицъ, изъ среды которыхъ долженъ быть сдѣланъ выборъ. Представимъ себѣ губернское избирательное собраніе, выбирающее всего четырехъ депутатовъ. При дѣйствіи прежняго закона обязательнымъ для такого собранія было лишь избраніе одного крестьянина; въ выборѣ трехъ остальныхъ членовъ Думы собраніе было стѣснено исключительно тѣмъ, что избранію подлежали только выборщики. Если наибольшее довѣріе внушали большинству три выборщика одной и той же категоріи, ничто не мѣшало выбрать ихъ всѣхъ трехъ; столь же возможно было выбрать, напримѣръ, двухъ землевладѣльцевъ и одного горожанина или остановиться на другой аналогичной комбинаціи. Теперь выборщики несвободны. Какимъ бы довѣріемъ и уваженіемъ ни пользовались, изъ числа выборщиковъ одной и той же категоріи, два или три лица, выбрано можетъ быть только одно изъ нихъ; остальныя мѣста должны быть отданы не болѣе достойнымъ, не болѣе извѣстнымъ, а подходящимъ подъ формальное требованіе закона. При такомъ порядкѣ возможны, вѣроятны, даже неизбѣжны чисто случайные выборы, выборы на удачу, съ завязанными глазами. Меньше всего обезпечивается такимъ образомъ выборъ „лучшихъ людей"... Нѣсколько болѣе благопріятно положеніе тѣхъ избирательныхъ собраній, гдѣ, по окончаніи обязательныхъ выборовъ, остаются еще незамѣщенныя депутатскія мѣста; но далеко не безразлично, безъ сомнѣнія, *число* такихъ мѣстъ, теперь вездѣ меньшее чѣмъ прежде.

Разъ что депутатъ долженъ быть непремѣнно выбранъ изъ извѣстной категоріи выборщиковъ, всего естественнѣе было бы предоставить участіе въ его избраніи именно и только выборщикамъ этой категоріи. При всѣхъ своихъ слабыхъ сторонахъ, существовавшій до сихъ поръ порядокъ, въ силу котораго крестьянинъ избирался крестьянами, имѣлъ безспорное преимущество передъ нынѣшнимъ, при которомъ одного крестьянина будутъ обязательно выбирать всѣ выборщики. Избираемый только крестьянами, депутатъ-крестьянинъ раздѣлялъ, въ бо̀льшей или меньшей степени, господствующее между ними настроеніе; его можно было назвать, хотя и не безъ натяжки, представителемъ „части на-

рода". Избираемый всѣми выборщиками, при нынѣшнемъ ихъ составѣ, депутатъ-крестьянинъ будетъ представлять собою, въ большинствѣ случаевъ, то изъ существующихъ въ крестьянствѣ теченій, которое всего меньше расходится съ видами и интересами землевладѣльцевъ. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что именно таково и было намѣреніе составителей новаго избирательнаго закона. Осуществленію этого намѣренія способствуетъ другая перемѣна, касающаяся способа образованія крестьянской куріи. По прежнему положенію о выборахъ для избранія въ уполномоченные отъ волостей требовалась только принадлежность къ составу сельскихъ обществъ данной волости. Рестриктивное толкованіе этого правила, данное Сенатомъ во время междудумья, обращено теперь въ законъ: въ уполномоченные отъ волостей могутъ быть избираемы лишь „тѣ принадлежащіе къ сельскимъ обществамъ данной волости крестьяне, которые, владѣя въ предѣлахъ волости надѣльной или пріобрѣтенной въ собственность землей и проживая въ ней не менѣе года, лично ведутъ хозяйство". Между выборщиками изъ числа такихъ крестьянъ весьма легко могутъ оказаться лица, чуждыя желаніямъ и взглядамъ крестьянской массы — и вотъ, на одномъ изъ нихъ и остановится всего скорѣе большинство губернскаго избирательнаго собранія, образованнаго по закону 3-го іюня.

Одною изъ самыхъ важныхъ особенностей новаго избирательнаго закона является отношеніе его къ окраинамъ имперіи. Значительно сокращено число избираемыхъ ими депутатовъ, опредѣляемое не по тѣмъ основаніямъ, какія остаются въ силѣ для внутреннихъ губерній, а по соображеніямъ совершенно иного рода. До сихъ поръ десять губерній Царства Польскаго посылали въ Думу 37 представителей, въ томъ числѣ одного отъ русскаго населенія люблинской и сѣдлецкой губерній; теперь ихъ будетъ только 14, въ томъ числѣ одинъ отъ русскаго населенія города Варшавы и одинъ отъ русскаго населенія губерній люблинской и сѣдлецкой. На долю Кавказа (не считая ставропольской губерніи) и Закавказья приходилось 29 депутатовъ; теперь ихъ будетъ только 10, въ томъ числѣ одинъ отъ русскаго населенія Закавказья. Отъ Азіатской Россіи было 44 депутата, а будетъ только 15, при чемъ совершенно безъ представительства остаются области Якутская, Акмолинская, Семипалатинская, Семирѣченская, Сыръ-Дарьинская, Ферганская, Самаркандская и Закаспійская. Объясненіе этой перемѣны даютъ слѣдующія слова манифеста 3-го іюня: „созданная для укрѣпленія Государства Россійскаго, Государственная Дума должна быть русскою и по духу. Иныя народности, входящія въ составъ Державы Нашей, должны имѣть въ Государственной Думѣ

представителей нуждъ своихъ, но не должны и не будутъ являться въ числѣ, дающемъ имъ возможность быть вершителями вопросовъ чисто-русскихъ. Въ тѣхъ же окраинахъ государства, гдѣ населеніе не достигло достаточнаго развитія гражданственности, выборы въ Государственную Думу должны быть временно пріостановлены".

До сихъ поръ представители окраинъ составляли около одной пятой части членовъ Государственной Думы. Рѣшающая роль, поэтому, могла принадлежать имъ — или нѣкоторымъ изъ нихъ—лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда остальные члены Думы раздѣлялись на части приблизительно равночисленныя. Такіе случаи будутъ возможны и теперь, не смотря на уменьшеніе почти втрое (съ 110 до 39) общаго числа окраинныхъ депутатовъ. Всѣхъ членовъ въ новой Думѣ будетъ 442, въ томъ числѣ 403 — отъ Европейской Россіи (безъ Царства Польскаго). Если послѣдніе, по какому-либо вопросу, раздѣлятся поровну или почти поровну, исходъ дѣла будетъ зависѣть отъ того, на чью сторону станутъ представители окраинъ. Если къ одной половинѣ депутатовъ, избранныхъ Европейскою Россіею, присоединятся представители одной изъ трехъ окраинъ, а къ другой половинѣ—представители двухъ остальныхъ, то побѣда останется за второю половиною. Значеніе окраинныхъ депутатовъ обусловливается, слѣдовательно, не столько ихъ числомъ, сколько соотношеніемъ партій, наличностью или отсутствіемъ въ Думѣ прочнаго, крѣпко сплоченнаго большинства. Во второй Думѣ такого большинства не было, вслѣдствіе чего рѣшающій голосъ принадлежалъ иногда польскому коло, иногда—мусульманской группѣ (въ составъ послѣдней входили, впрочемъ, не только закавказскіе и туркестанскіе депутаты).

Въ законодательномъ собраніи, вѣдающемъ дѣла обширнаго, сложнаго по своему этнографическому составу государства, чисто-національную окраску (т.-е. окраску господствующей національности) могутъ имѣть только немногіе вопросы. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ для собранія обязательна точка зрѣнія общегосударственная и общенародная, не дѣлающая различія между національностями, населяющими страну. Государственная Дума, избранная русскимъ народомъ, не можетъ не быть русскою по духу, но русскою не въ томъ узкомъ смыслѣ, въ какомъ слишкомъ часто, въ послѣднее время, употребляется это слово, а въ смыслѣ преданности интересамъ всей Россіи, какъ одного великаго цѣлаго. Этому требованію Дума, въ которой равномѣрно представлены всѣ элементы населенія, удовлетворяетъ въ бо́льшей степени, чѣмъ Дума, въ которой искусственно уменьшено или вовсе устранено представительство тѣхъ или другихъ національностей. Задачей Думы является не одно только *укрѣпленіе* государства, но и его обновленіе, возможное лишь при свободныхъ,

дружныхъ усиліяхъ всѣхъ и каждаго. Нужно, чтобы всѣ видѣли въ государствѣ мать, а не мачиху, чтобы всѣ, одинаково много отъ него получая, одинаково были заинтересованы въ его развитіи и процвѣтаніи. Сближеніе національностей у насъ въ Россіи было затруднено цѣлыми десятилѣтіями или вѣками государственной политики, направленной къ ихъ внѣшнему объединенію, но на самомъ дѣлѣ поддерживавшей или усиливавшей ихъ внутреннюю разрозненность и взаимную отчужденность. Началомъ новой эпохи должно было послужить представительство ихъ въ Государственной Думѣ, на равныхъ для всѣхъ основаніяхъ. Теперь опять произошелъ поворотъ въ другую сторону, тѣмъ болѣе чувствительный, что ему предшествовало рѣшительное движеніе впередъ. Въ политической жизни вопросъ, шутливо поставленный въ одной изъ комедій Островскаго: „что лучше—ждать и не дождаться, или имѣть и потерять“, — имѣетъ иногда весьма серьезное, даже трагическое значеніе. Потеря права несомнѣнно ощущается еще болѣзненнѣе, чѣмъ задержка въ его пріобрѣтеніи. Отсюда—удручающее впечатлѣніе, производимое указанною нами стороною новаго избирательнаго закона.

Пріостановлены, на неопредѣленное время, выборы въ Государственную Думу не только тамъ, гдѣ населеніе, исключительно инородческое, стоитъ на очень низкой степени гражданскаго развитія, но и тамъ, гдѣ живутъ въ немаломъ числѣ русскіе поселенцы, да и коренные обыватели способны отнестись сознательно къ своимъ правамъ и обязанностямъ. Уральская область, напримѣръ, по прежнему избирательному закону имѣла трехъ представителей: отъ городского и осѣдлаго сельскаго населенія, не принадлежащаго къ числу инородцевъ и казаковъ,—отъ инородцевъ—и отъ войскового населенія уральскаго казачьяго войска. Теперь выбираетъ депутата только послѣднее; между тѣмъ осѣдлаго не-казачьяго населенія въ однихъ городахъ области насчитывается больше сорока тысячъ. Акмолинская область, теперь вовсе лишенная представительства, прежде посылала двухъ депутатовъ: одного отъ инородцевъ, другого — отъ осѣдлаго городского и сельскаго населенія. Численность этого населенія приближается къ 400 тысячамъ; въ Омскѣ—53 тыс., въ Петропавловскѣ—30 тыс. жителей. Инородческое населеніе области состоитъ изъ киргизовъ, значительная часть которыхъ занимается земледѣліемъ и переходитъ къ осѣдлому образу жизни. Въ Сыръ-Дарьинской области, гдѣ живетъ болѣе 60 тысячъ русскихъ, безъ представительства остается такой городъ какъ Ташкентъ, съ 150 слишкомъ тысячами жителей. Даже въ Якутской области русскихъ, не считая ссыльныхъ, насчитывается болѣе 15 тысячъ. У каждой обездоленной мѣстности есть свои особенности, свои спеціальныя нужды, которыя, при отсутствіи предста-

вительства, могутъ быть неправильно поняты или забыты. Ограничимся однимъ примѣромъ: легко ли будетъ приспособить новые судебные порядки къ Туркестану, не выслушавъ никого изъ мѣстныхъ людей?

Не лишены значенія и нѣкоторыя изъ второстепенныхъ нововведеній избирательнаго закона. Значительно измѣненъ составъ губернскихъ по дѣламъ о выборахъ коммиссій, съ очевидною цѣлью усилить въ нихъ вліяніе губернатора. До сихъ поръ губернская администрація была представлена тамъ только непремѣннымъ членомъ губернскаго или губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, а теперь къ нему присоединяются еще непремѣнный членъ губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія и старшій совѣтникъ губернскаго правленія. До сихъ поръ въ составъ коммиссіи обязательно входилъ управляющій казенною палатою, а теперь, вмѣсто того, будетъ входить одинъ изъ начальниковъ мѣстныхъ губернскихъ управленій, *по приглашенію губернатора*. За губернаторомъ обезпечены, такимъ образомъ, четыре голоса (изъ девяти), а въ губерніяхъ, гдѣ нѣтъ земства — пять (выборнаго предсѣдателя губернской земской управы замѣняетъ тамъ назначенный предсѣдатель губернской управы по дѣламъ земскаго хозяйства). Въ послѣднемъ случаѣ большинство, внимательное къ указаніямъ свыше, всегда имѣется на лицо, а въ первомъ случаѣ для его образованія довольно присоединенія одного голоса (напр. уѣзднаго предводителя дворянства или городского головы, весьма часто находящихся въ зависимости отъ губернатора). Къ какимъ рѣшеніямъ можетъ придти недостаточно самостоятельная губернская коммиссія—этому мы видѣли немало примѣровъ во время выборовъ во вторую Государственную Думу... Изъ состава уѣздной коммиссіи исключенъ податной инспекторъ, безъ сомнѣнія—потому, что въ немъ не всегда находили поддержку административные виды... Къ праву надзора за ходомъ выборовъ, которое и прежде принадлежало министру внутреннихъ дѣлъ, губернаторамъ и градоначальникамъ, новый законъ присоединилъ право предлагать объ усмотрѣнныхъ неправильностяхъ на обсужденіе уѣздныхъ и губернскихъ по дѣламъ о выборахъ коммиссій, приносить въ губернскія коммиссіи протесты на постановленія уѣздныхъ коммиссій и объ отмѣнѣ рѣшеній губернскихъ коммиссій предлагать Сенату.

Чего можно ожидать отъ новаго избирательнаго закона—объ этомъ даетъ понятіе все сказанное нами выше. Весьма вѣроятно, что третья Дума будетъ мало похожа на первую и вторую; весьма возможно, что ея большинство окажется именно такимъ, какое желательно для кабинета П. А. Столыпина. Не слѣдуетъ забывать, однако, что для успокоенія страны недостаточно гармоніи между Думой и министер-

ствомъ: нужно еще, чтобы совмѣстная ихъ работа отвѣчала желаніямъ народной массы, теперь гораздо болѣе сознательнымъ — и гораздо болѣе настойчивымъ,—чѣмъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Еслибы третья Дума оказалась, напримѣръ, похожей на только-что закончившійся въ Москвѣ земскій съѣздъ, ей, конечно, не удалось бы вывести Россію изъ „моря бѣдъ“, въ которое она погружена съ 1904-го года... Какъ бы ни были неблагопріятны условія борьбы, созданныя новымъ избирательнымъ закономъ для сторонниковъ конституціоннаго строя и соціальнаго прогресса, участіе, дѣятельное участіе ихъ въ борьбѣ совершенно необходимо: бойкотъ Думы былъ бы теперь еще болѣе крупной ошибкой, чѣмъ полтора года тому назадъ.

Крайне тяжелую потерю понесло русское общество въ лицѣ графа П. А. Гейдена, скончавшагося 15-го іюня въ Москвѣ, куда онъ пріѣхалъ какъ одинъ изъ организаторовъ земскаго съѣзда. Широкимъ кругамъ онъ сталъ извѣстенъ только въ послѣдніе годы, но дѣятельность его уже давно заслуживала серьезнаго вниманія. Окончивъ курсъ въ пажескомъ корпусѣ, онъ самъ образовалъ себя настолько, что сдѣлался однимъ изъ выдающихся членовъ с.-петербургскаго окружного суда, потомъ с.-петербургской судебной палаты. Получивъ видную должность въ канцеляріи для принятія прошеній, на Высочайшее имя приносимыхъ, онъ скоро ее оставилъ, потому что не чувствовалъ себя тамъ достаточно самостоятельнымъ, и удовольствовался скромною дѣятельностью уѣзднаго предводителя дворянства (опочецкаго уѣзда, псковской губерніи) и земскаго гласнаго. Когда, въ половинѣ 90-хъ годовъ, было воздвигнуто гоненіе на спб. комитетъ грамотности, состоявшій при вольномъ экономическомъ обществѣ, а потомъ и на самое общество, П. А. согласился занять постъ президента общества, въ которомъ шла въ это время усиленная внутренняя работа и выступалъ, болѣе или менѣе прямо, только-что зарождавшійся марксизмъ. Непосредственные предшественники гр. Гейдена чуждались новизны, находили ее нежелательной и опасной; П. А. взялъ ее подъ свою защиту, потому что видѣлъ въ безпрепятственномъ обмѣнѣ мнѣній лучшее средство раскрытія истины. Отстоять комитетъ грамотности ему не удалось, но, благодаря его энергіи и его вліянію, на нѣсколько лѣтъ былъ задержанъ ударъ, давно угрожавшій вольному экономическому обществу. Когда этотъ ударъ, наконецъ, разразился, П. А. упорно продолжалъ добиваться возвращенія обществу утраченной свободы дѣйствій и сложилъ съ себя званіе президента только для того, чтобы посвятить себя другому, болѣе трудному дѣлу. Въ земскихъ съѣздахъ онъ принималъ дѣятельное участіе еще въ то

время, когда они состояли подъ запретомъ, и съ свойственною ему откровенностью и мужествомъ отстаивалъ ихъ право на существованіе. Съ ноября 1904-го по ноябрь 1905-го года онъ не пропустилъ ни одного съѣзда, часто предсѣдательствуя въ засѣданіяхъ и входя въ составъ бюро, на которомъ лежала подготовительная работа. Онъ былъ однимъ изъ членовъ депутаціи съѣзда, представлявшейся Государю 6-го іюня 1905-го года. Одинъ изъ учредителей союза 17-го октября, онъ вышелъ изъ его состава, какъ только убѣдился въ двойственности его политики. Избранный отъ псковской губерніи въ первую Государственную Думу, онъ принадлежалъ къ правой ея сторонѣ, но не разрывалъ связи съ центромъ, вотируя противъ него только въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда слишкомъ сильно, съ точки зрѣнія П. А., было уклоненіе его влѣво. Еще до роспуска первой Думы онъ способствовалъ образованію партіи мирнаго обновленія, отличающейся отъ партіи народной свободы не столько программой, сколько тактикой. Предложеніе вступить въ составъ кабинета П. А. отклонилъ, потому что не были приняты условія, поставленныя имъ вмѣстѣ съ другими общественными дѣятелями. Во вторую Думу онъ выбранъ не былъ.

Громадная трудоспособность, разностороннее образованіе, практическій смыслъ, проницательный умъ, привычка и умѣнье вращаться въ самыхъ различныхъ сферахъ — все это, при другихъ общественныхъ условіяхъ, должно было выдвинуть гр. Гейдена на одно изъ выдающихся мѣстъ въ государствѣ. У насъ онъ долго раздѣлялъ участь многихъ другихъ дѣятелей того же типа, не находившихъ доступа къ тому, къ чему они больше всего были призваны, или лишь ненадолго, случайно, попадавшихъ на свою настоящую дорогу. Какъ только закипѣла у насъ политическая жизнь, ея волна захватила гр. Гейдена и вынесла его на широкую сцену; но запоздалость движенія усилила его остроту, и на первомъ планѣ скоро очутились люди крайнихъ направленій, оттѣснившіе, на время, представителей болѣе умѣренныхъ взглядовъ. Еслибы гр. Гейдену дано было еще нѣсколько лѣтъ, нѣсколько мѣсяцевъ жизни, несправедливость судьбы была бы, по всей вѣроятности, исправлена. Какъ цѣнно было бы его присутствіе въ третьей Думѣ, какимъ противовѣсомъ его спокойное, но мѣткое, острое слово могло бы служить тупой злобѣ „истинно-русскихъ людей" и недомыслію болѣе или менѣе мнимыхъ „октябристовъ"! Члены іюньскаго земскаго съѣзда почтили память гр. Гейдена вставаніемъ; но при жизни онъ въ средѣ большинства съѣзда, оказался бы чужимъ, и его послѣдніе дни были бы отравлены зрѣлищемъ контраста между этимъ съѣздомъ и прежними, сходными съ нимъ только по имени.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюля 1907.

I.

— Н. Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина. Книга двадцать-первая. Спб., 1907.

Біографъ Погодина умеръ въ ноябрѣ 1906 г., и этотъ послѣдній томъ, законченный имъ въ рукописи, изданъ уже его братомъ, А. П. Барсуковымъ. На этомъ томѣ и оборвется жизнеописаніе Погодина; А. П. Барсуковъ кончаетъ свое предисловіе такими словами: „Благоговѣніе мое къ памяти брата и труду его заставляетъ меня отказаться отъ мысли завершить или продолжить его долголѣтній трудъ, ибо чувствую, что не въ силахъ сдѣлать это дѣло какъ слѣдуетъ, не имѣя возможности, подобно брату, отдаться ему всецѣло". Итакъ, изданіе закончено: 21 томъ, около десяти тысячъ страницъ, — цѣлая библіотечка! И 21-й томъ, какъ двѣ капли воды, похожъ на 3-й, на 10-й.

О Барсуковской біографіи Погодина принято говорить, что это, хотя и смѣшная, но полезная вещь: полная-де энциклопедія русской умственной жизни за цѣлые полвѣка. Мы не раздѣляемъ этого мнѣнія; на нашъ взглядъ, „Жизнь и труды М. П. Погодина", какъ трудъ обще-историческій, очень мало даетъ спеціалисту, такъ какъ въ огромной своей части представляетъ перепечатку печатныхъ матеріаловъ, и еще меньше—простому читателю, вслѣдствіе совершенно механическаго способа изложенія и полнаго отсутствія какихъ бы то ни было обобщеній, руководящихъ мыслей и пр., если не считать того общаго *тона*, который достаточно характеризуется полудюжиной эпиграфовъ, помѣщаемыхъ на обложкѣ каждаго тома, — вродѣ: „И я

не будущимъ, а прошлымъ оживленъ!" или: „Цари и вельможи! Покровительствуйте Музамъ: онѣ благодарны".

Вышедшій сейчасъ 21-й томъ, какъ сказано, вполнѣ достоинъ своихъ предшественниковъ. Подобно имъ, онъ лишенъ всякаго плана. Трудно представить себѣ что-либо болѣе хаотическое, нежели эта большая книга въ 460 страницъ. Ея содержаніемъ являются событія 1863—64 гг.,—но какія событія? Если это — извѣстный періодъ изъ жизни Погодина, для него было бы достаточно нѣсколькихъ десятковъ страницъ; если же это — эпоха русской общественной жизни, то для нея мало цѣлаго тома. Но авторъ не имѣлъ въ виду ни того, ни другого; онъ просто, въ связи — и часто безъ всякой связи—съ дѣйствіями Погодина, пересказываетъ всевозможныя исторіи, относящіяся къ даннымъ годамъ, большею частью неинтересныя, въ случайной послѣдовательности, и пересказываетъ почти исключительно безконечными цитатами изъ печатнаго матеріала. Чего только здѣсь нѣтъ! Томъ начинается, наперекоръ всякому вѣроятію, съ путешествія наслѣдника цесаревича по Россіи, къ каковому путешествію Погодинъ не имѣлъ никакого отношенія. „Лѣтомъ 1863 года (такъ начинается эта 21-я книга біографіи Погодина), наслѣдникъ русскаго престола, для ближайшаго ознакомленія съ Отечествомъ, по волѣ государя, предпринялъ грандіозное путешествіе по Русскому царству... Это путешествіе явило міру неразрывную связь Русскаго царя съ своимъ царствомъ и послужило къ торжеству Россіи. Оно представляетъ цѣлую эпопею, которую сохранили для назиданія потомковъ К. П. Побѣдоносцевъ и И. К. Бабстъ въ своей книгѣ" такой-то,—и затѣмъ слѣдуютъ *четырнадцать* главъ, 71 стр., гдѣ Барсуковъ, „руководствуясь" этой книгой, да еще „Воспоминаніями" Оома, т.-е. выписывая то изъ той, то изъ другой книги, шагъ за шагомъ прослѣживаетъ весь длинный путь торжественныхъ встрѣчъ, молебствій, обѣдовъ, празднествъ, осмотровъ и пр., составившихъ „эпопею" высочайшаго путешествія. Покончивъ съ этимъ эпизодомъ, авторъ открываетъ главу XV слѣдующимъ неожиданнымъ сообщеніемъ: „1863 годъ ознаменовался въ Москвѣ открытіемъ всесословной думы". И эта единая строчка служитъ, такъ сказать, водораздѣломъ между концомъ послѣдней цитаты изъ Оома и началомъ предлинной выписки изъ воспоминаній епископа можайскаго Саввы, о томъ, какъ затруднило его приказаніе митрополита сказать слово выборнымъ послѣ приведенія ихъ къ присягѣ, и что̀ онъ набросалъ въ видѣ плана. Затѣмъ слѣдуетъ нѣсколько десятковъ страницъ рѣчей Погодина передъ открытіемъ думы и въ самой думѣ, а тамъ опять механическій переходъ къ новому предмету: такого-то числа Москва была опечалена неожиданной кончиною своего любимаго генералъ-губернатора П. А. Тучкова,—и дальше новый по-

токъ выдержекъ изъ „Моск. Вѣд.“ о послѣднихъ дняхъ жизни Тучкова и изъ писемъ и воспоминаній всевозможныхъ современниковъ — о заслугахъ покойнаго и о качествахъ его преемника Офросимова, и все это опять безъ всякаго достаточнаго основанія, потому что нельзя же считать такимъ основаніемъ тѣ двадцать формальныхъ словъ, которыми вспомнилъ Погодинъ покойнаго Тучкова въ одной изъ своихъ думскихъ рѣчей.

И совершенно такимъ же способомъ составлены всѣ остальныя триста страницъ этой книги, какъ и всѣ десять тысячъ страницъ Барсуковской „энциклопедіи“. Въ каждомъ томѣ трактуется множество разнородныхъ сюжетовъ совершенно случайнаго свойства; въ ихъ выборѣ не видно ни малѣйшей цѣлесообразности; забота о томъ, чтобы, выбирая существенное и располагая матеріалъ въ извѣстной перспективѣ, возсоздать передъ читателемъ вѣрную картину прошлаго, вполнѣ чужда автору. Но даже и по поводу тѣхъ событій, на которыхъ останавливается его бродячее вниманіе, онъ не сообщаетъ ничего цѣннаго. О сколько-нибудь систематическомъ анализѣ или освѣщеніи такихъ событій, о сознательномъ подборѣ свѣдѣній, нѣтъ и рѣчи; изъ случайно подвернувшихся книгъ или газетъ (а въ библіотекѣ Н. П. Барсукова преобладала, очевидно, литература назидательно-охранительная) набираются неисчислимыя цитаты всяческаго содержанія по поводу даннаго событія, и переписываются рядомъ одна за другой, пока авторъ такъ же неожиданно не оборветъ данную тему на какой-нибудь выдержкѣ, какъ за двадцать страницъ передъ тѣмъ онъ неожиданно приступилъ къ ней. При такомъ способѣ работы можно было безъ всякаго труда составить не то, что 21, но сколько угодно томовъ съ эпиграфомъ: „*пою* дондеже есмь“. И, точно такъ же, нѣтъ ничего удивительнаго, что среди этакой кучи хлама попадаются подлинныя жемчужины—яркія черты быта, типическія лица и пр. Какое наслажденіе, напримѣръ, на пути торжественнаго слѣдованія наслѣдника цесаревича по ликующимъ градамъ и весямъ россійскимъ наткнуться на фигуру богатѣйшаго рыбинскаго купца, предсѣдателя биржевого комитета Журавлева, который славился вольнолюбивымъ образомъ мыслей и весьма строго судилъ объ иныхъ мѣрахъ правительства, но, узнавъ, что наслѣдникъ посѣтитъ и Рыбинскъ, сломя голову бросился въ Петербургъ совѣтоваться о томъ, какъ устроить достойную встрѣчу, и тамъ, одушевленно сообщая свой планъ—поднести высокому гостю живого осетра, вдругъ останавливался среди рѣчи и съ ужасомъ восклицалъ: „*а какъ уснетъ, анаѳема!*“

Подлинную цѣнность трудъ Н. П. Барсукова имѣетъ, на нашъ взглядъ, лишь въ весьма скромной сферѣ—какъ собраніе матеріаловъ для біографіи Погодина. Это, разумѣется, не біографія: здѣсь нѣтъ и

намека на систематическое изученіе личности и дѣятельности героя; но и такая механическая сводка всего матеріала имѣетъ свою цѣну. Погодинъ — не очень крупная, но, безъ сомнѣнія, одна изъ самыхъ характерныхъ фигуръ нашего прошлаго, и собрать воедино, въ цѣльный портретъ, безчисленныя черты его облика, разсѣянныя по двадцати томамъ Барсуковской книги, было бы благодарной задачей. Мы рѣшительно не раздѣляемъ сужденія П. Н. Милюкова о Барсуковской работѣ, какъ безсознательномъ обвинительномъ актѣ противъ Погодина; напротивъ, съ каждымъ дальнѣйшимъ томомъ Погодинъ, думается, все болѣе выигрываетъ въ глазахъ читателей, и конечный итогъ оказывается положительно за него.

Эта неугомонная живучесть и вѣчно-бодрый интересъ, характеризующіе Погодина въ старости, кажется, еще больше, чѣмъ въ молодые годы, рѣзко выдѣляютъ его на фонѣ московской неподвижности, вялости, обособленности. Все занимаетъ его, ему до всего дѣло, и всему, что задѣнетъ его интересъ, онъ отдается со страстью, не жалѣя ни времени, ни усилій, ни даже порою денегъ (а это для него тягчайшая изъ жертвъ); и эта беззавѣтная искренность въ соединеніи съ чудовищной взбалмошностью и безтактностью, въ соединеніи также съ наивнѣйшимъ, пожирающимъ корыстолюбіемъ, образуетъ чрезвычайно колоритную и, на нашъ вкусъ, въ концѣ концовъ очень привлекательную фигуру.

Вотъ, напримѣръ, открывается въ Москвѣ всесословная дума. Погодинъ, разумѣется, тутъ какъ тутъ; да онъ же и домовладѣлецъ. Онъ принимаетъ самое дѣятельное участіе въ предвыборныхъ собраніяхъ, всюду произноситъ рѣчи, вырабатываетъ цѣлый реестръ „качествъ, необходимыхъ для городского головы“, агитируетъ за избраніе Кошелева, и т. д. А по открытіи думы, попавъ, конечно, въ гласные, какихъ только проектовъ не предлагаетъ онъ въ видахъ поднятія городского благоустройства,—все съ увлеченіемъ, въ отеческомъ тонѣ, съ журьбой да съ наставленіемъ! Онъ говоритъ рѣшительно обо всемъ. Пятьдесятъ тысячъ на газовое освѣщеніе? У насъ и денегъ такихъ нѣтъ, да и не нуженъ намъ газъ. Москва, слава Богу, не Парижъ, не Лондонъ; въ Москвѣ и на самыхъ людныхъ улицахъ „послѣ 10-го часа разъѣзжаютъ не дѣловые люди, не производительные обыватели (тѣ давно уже спятъ), а тунеядцы, игроки, запоздалые гости, праздношатающіеся. Ну, если кто изъ подобныхъ господъ повредитъ себѣ немножко лобъ, то эта бѣда не велика“. Онъ говоритъ всегда „отъ здраваго смысла“, и часто очень дѣльно; многія его предложенія осуществлены сорокъ лѣтъ спустя, другія оказываются слишкомъ смѣлыми даже для нашихъ дней и нисколько не утратили своего интереса.

И таковъ онъ во всемъ. Появится ли на научномъ горизонтѣ Кояловичъ, онъ принимается дѣятельно пропагандировать Кояловича и добивается того, что ему назначаютъ ежегодное содержаніе въ полторы тысячи. Онъ поднимаетъ шумъ по поводу затрудненій, испытываемыхъ Далемъ при составленіи его „Толковаго словаря", возстанавливаетъ противъ себя товарищей-академиковъ требованіемъ избрать Даля въ академію, и въ концѣ концовъ добивается этого. Хлопотать за другихъ—это вообще его страсть. По поводу 50-лѣтія литературной дѣятельности Ѳ. Н. Глинки и П. М. Строева онъ развиваетъ всю свою неугомонную энергію. Съ первымъ дѣло было просто: чтобы утѣшить его кстати въ потерѣ супруги, приснопамятной Авдотьи Глинки, Погодинъ выхлопоталъ ему Станислава, и это осчастливило Глинку выше всякой мѣры. А со Строевымъ вышла непріятность. Самъ Строевъ мечталъ только объ увеличеніи своей пенсіи съ 570 до 1000 руб. Погодинъ же пенсіи ему не прибавилъ, но выпросилъ ему чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, и первый поспѣшилъ поздравить его съ чиномъ, чѣмъ повергъ Строева въ совершенное отчаяніе: чинъ ему не былъ нуженъ ни на что, а заплатить за него надо было изъ скудныхъ средствъ сто слишкомъ рублей. Поэтому, въ отвѣтъ на свое поздравленіе Погодинъ получилъ такую записочку въ третьемъ лицѣ: „П. М. Строевъ свидѣтельствуетъ усерднѣйшій поклонъ М. П. Погодину и, признавая вполнѣ петербургскія его хлопоты, покорнѣйше проситъ оставить всякое стараніе о празднованіи юбилея"; дѣло въ томъ, что Погодинъ еще хлопоталъ объ устройствѣ обѣда въ честь Строева и собиралъ деньги на подарокъ ему (и самъ, искренно цѣня его, подписалъ больше всѣхъ: 50 руб.). Потомъ ему и въ первомъ лицѣ пришлось выслушать отъ Строева, что-де хлопоты ваши оказались очень неудачны, благодаря „той поспѣшности, съ какою вы принялись за дѣло", и что вообще „вы какъ-то несчастливы въ стараніяхъ вашихъ о комъ или о чемъ-либо". И замѣчательно, что, несмотря на все это, и несмотря на то, что деньги, собранныя для чествованія Строева, пришлось вернуть жертвователямъ,—два года спустя, когда министромъ народнаго просвѣщенія сталъ Д. А. Толстой, Погодинъ, гостя у него въ деревнѣ, получаетъ отъ него обѣщаніе увеличить пенсію Строева, и пишетъ Строеву, чтобы онъ составилъ записку о своихъ трудахъ и поскорѣе прислалъ ему для врученія графу. На этотъ разъ пенсія дѣйствительно была дана, и первый объ этомъ извѣстилъ Строева Погодинъ же.

Это лишь пара примѣровъ изъ многихъ. Таковъ былъ Погодинъ всю жизнь, и что бы ни говорить о немъ,—въ одномъ его нельзя упрекнуть: въ равнодушіи, въ формализмѣ; цѣльность его натуры, полной противорѣчій, удивительна, и во всякое дѣло, большое или

маленькое, онъ входитъ цѣликомъ, со всѣмъ пыломъ своей души, какъ это очень рѣдко встрѣчается, особенно въ русскомъ обществѣ. За эту искреннюю горячность ему можно простить многіе его грѣхи и всѣ его убѣжденія—дикую смѣсь Домостроя съ доморощеннымъ анархизмомъ, а дочитавъ 21-й томъ, вы, во всякомъ случаѣ, съ интересомъ и симпатіей вглядитесь въ великолѣпный портретъ стараго Погодина, приложенный къ этому тому. Онъ былъ очень хорошій, истинно-добрый и сострадательный человѣкъ, и настоящій патріотъ, въ мѣру своего разумѣнія.

II.

— А. Амфитеатровъ и Е. Аничковъ. Побѣдоносцевъ. Изд. „Шиповникъ". 1907. Стр. 162.

Въ этой книжкѣ—два блестящихъ памфлета, клокочущихъ ненавистью и болью. Они писаны еще при жизни Побѣдоносцева, но увидѣли свѣтъ, когда его не стало. Они обращены къ прошлому; въ нихъ слышенъ вздохъ облегченія: наконецъ-то, наконецъ можно высказать, что накипѣло въ душѣ, дать волю такъ долго сдерживаемымъ проклятіямъ.

Задача г. Аничкова была легче. „Побѣдоносцевъ и православная церковь"! Тутъ можно руками нащупать, что сдѣлалъ Побѣдоносцевъ; тутъ опредѣленная сфера и Побѣдоносцевъ властвуетъ въ ней одинъ; тутъ всѣ плоды послѣднихъ двадцати-пяти лѣтъ должны быть всецѣло отнесены на его счетъ: „укрѣпленіе раскола—вмѣсто сближенія, массовыя отпаденія отъ православія въ сторону евангелическихъ сектъ, развитіе баптизма и все возрастающее презрѣніе общества къ установленной церкви". Но какъ изобразить Побѣдоносцева-человѣка, Побѣдоносцева-государственнаго дѣятеля? Онъ стоялъ въ тѣни, онъ дѣйствовалъ за кулисами, внушеніемъ и совѣтомъ: какъ его уловить и оформить? Но такимъ и изобразилъ его г. Амфитеатровъ. Это, говоритъ онъ, вампиръ. Въ Моравіи есть повѣрье, что вампиръ умѣетъ принимать форму тумана и въ этомъ видѣ проникать въ человѣка, а затѣмъ, выждавъ свой часъ, онъ выходитъ грознымъ видѣніемъ и сосетъ изъ спящихъ кровь. Таковъ былъ К. П. Побѣдоносцевъ. „Онъ—туманъ. Вездѣсущій, всевидящій, всеслышащій, всеотравляющій туманъ кровососной власти. Отъ него нечѣмъ дышать русскому обывателю, и, напитываясь имъ, дурѣетъ и впадаетъ въ административное неистовство русскій государственный дѣятель, правитель, министръ. Онъ—медленное убійство въ средѣ правящихъ и медленная смерть—среди управляемыхъ".

Съ замѣчательной силой анализа г. Амфитеатровъ вскрываетъ главную пружину этой скрытой дѣятельности. Онъ показываетъ, что вся сила Побѣдоносцева заключалась въ настойчивой, систематической, всесторонне-обдуманной лжи. Онъ приближаетъ къ нашимъ глазамъ этого умнѣйшаго изъ царедворцевъ, который лучше всѣхъ понялъ, что нужно въ этой обстановкѣ, и потому властвовалъ дольше и державнѣе всѣхъ, который никогда не былъ „льстецомъ", но подъ видомъ честной откровенности, рѣзкаго обличенія, горькаго сожалѣнія, окутывалъ власть-имущихъ туманомъ лжи, имъ пріятной и выгодной. „Эти люди живутъ въ палатахъ съ разрисованными окнами. Внутри зданія свѣта достаточно какъ-разъ настолько, чтобы хозяевамъ видѣть въ лицо другъ друга и услуживающихъ имъ лакеевъ, а наружу они видятъ лишь то и такъ, что и какъ позволяютъ рисунки окна. Г. Побѣдоносцевъ—великій раскрашиватель дворцовыхъ оконъ. Его сила—въ наглости публицистической лжи, которую онъ ставитъ между глазами своихъ вѣрующихъ и дѣйствительностью, смѣло и опытно, зная, что они не могутъ, да и не пойдутъ провѣрять дѣйствительность, еслибы даже могли". „Онъ, — говоритъ г. Амфитеатровъ, — фанатикъ своей лжи: онъ способенъ единовременно разстрѣливать прихожанъ въ Крожахъ и зарекаться именемъ Бога отъ желанія насиловать чьи-либо религіозныя убѣжденія". „Въ немъ есть извѣстныя отвлеченныя—и весьма кислосладкія—азбучныя пониманія абсолютнаго добра; но сопряженныя съ таковыми практическія осуществленія ему ненавистны. Онъ въ состояніи сентиментально вообразить себѣ учительницу, самоотверженно голодающую въ сельской школѣ во имя просвѣщенія народнаго, и вчужѣ умилиться идеальнымъ священникомъ, вродѣ героя Потапенкова „На дѣйствительной службѣ". Но, встрѣтясь съ этими фантомами не въ фантазіи литератора или въ собственномъ своемъ кейфующемъ воображеніи, онъ, — подобно мистеру Подснапу у Диккенса, легко „закидывающему за плечо", какъ вовсе не существующій, всякій общественный вопросъ, который ему не нравится, — „безцеремонно перекидываетъ ихъ черезъ плечо первымъ пришедшимъ въ его семинарскую память текстомъ—и перекидываетъ съ такою энергіей, что, глядишь, трогательная учительница упала гдѣ-нибудь въ якутской губерніи, а умилительный священникъ — въ суздальскомъ Спасо-Евфиміевомъ монастырѣ".

Но что же представлялъ собою этотъ человѣкъ самъ въ себѣ, чѣмъ онъ жилъ, чего добивался? Этотъ вопросъ неотступно встаетъ передъ читателемъ на каждой страницѣ памфлета; мучительно ищешь понять внутренній механизмъ этой страшной силы. Г. Амфитеатрова это не интересуетъ—ему довольно было изобразить дѣйствіе машины, но онъ и въ этой области, кажется, многое угадалъ вѣрно, да и не-

посредственныхъ данныхъ для такого сужденія у него почти не было. Уже послѣ выхода книжки гг. Амфитеатрова и Аничкова, въ „Русскомъ Архивѣ“ (кн. 4 и 5 за текущій годъ) появились нѣкоторые матеріалы для личной характеристики Побѣдоносцева. Это, во-первыхъ, обширныя выдержки изъ его дневника за время пребыванія въ училищѣ правовѣдѣнія, 1842—44 гг., во-вторыхъ, собраніе его писемъ къ Е. Ѳ. Тютчевой за первыя недѣли царствованія Александра III. Дневникъ поражаетъ безжизненностью, безличностью; въ немъ совсѣмъ нѣтъ ни движенія, ни красокъ, все какъ-то скучно-опредѣленно и сѣро, — а Побѣдоносцеву было тогда всего 15—17 лѣтъ. Г. Амфитеатровъ въ одномъ мѣстѣ замѣчаетъ, что Побѣдоносцевъ никогда не былъ молодъ и всегда былъ микроцефаломъ. Вотъ нѣсколько поразительныхъ строкъ изъ дневника: такъ шестнадцати-лѣтній отрокъ описываетъ обыкновенную мальчишескую шалость. Во время свободнаго урока „нѣкоторымъ школьникамъ вздумалось пошалить“; одинъ посадилъ другого на спину и расхаживалъ по классу, поощряемый криками товарищей и, нечаянно навалившись на дверь, попалъ изъ класса въ залу. „Ихъ,—записываетъ шестнадцати-лѣтній Побѣдоносцевъ,—провожали крики *безразсудныхъ* и *забывчивыхъ* шалуновъ; въ это время *неподозрѣваемый ими* директоръ стоялъ въ залѣ вмѣстѣ съ инспекторомъ. Въ гнѣвѣ (*да какъ было и не разсердиться!*) быстрыми шагами подбѣжалъ онъ“ и т. д.

Человѣкъ, который въ шестнадцать лѣтъ смотрѣлъ на міръ глазами класснаго наставника, могъ въ пятьдесятъ смотрѣть глазами Побѣдоносцева. Что Побѣдоносцевъ служилъ нѣкоторой идеѣ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія,—иначе онъ не былъ бы такъ силенъ; но, сколько теперь можно судить, его идея была не существеннаго, а чисто-формальнаго свойства. Онъ принадлежалъ, кажется, къ числу тѣхъ умовъ, для которыхъ порядокъ, симметрія, исправность являются непреложными, органическими требованіями, до такой степени, что *содержаніе* жизни для нихъ не имѣетъ никакой цѣны, они его просто не замѣчаютъ; и такъ какъ настоящая, живая жизнь—всегда махрова, неправильна, несимметрична, то они по самой своей природѣ ненавидятъ все живое, ненавидятъ ростъ, развитіе, движеніе, словомъ—жизнь. Таковъ, кажется, былъ Побѣдоносцевъ; онъ жизни не видѣлъ, у него для этого вовсе не было органа; онъ чувствовалъ ее только со стороны порядка, радовался, когда все стояло на мѣстѣ, и физіологически страдалъ, когда замѣчалъ движеніе, неправильность. Онъ былъ верховный жрецъ „порядка“—того условнаго расположенія вещей, которое освящено вѣками,—и онъ служилъ своему богу благочестиво и преданно, и—такъ какъ время этого требовало—служилъ ложью, сознавая себя чистымъ передъ своимъ божествомъ. И оттого онъ вдвойнѣ, вдеся-

теро былъ твердъ, какъ скала: потому что у него была сильная вѣра, и потому что эта вѣра была такова, что онъ, какъ панцыремъ, былъ защищенъ ею противъ впечатлѣній жизни. Онъ, безъ сомнѣнія, совершенно искренно пишетъ (по поводу апрѣльскихъ событій 1881 г.): „Не о себѣ я забочусь, а о Россіи и о государѣ, котораго люблю", и въ другой разъ: „Сохрани, Господи, вѣчную сироту свою, несчастную Россію!" Но и царя, и Россію онъ обнимаетъ мертвыми руками, онъ жадно, какъ любовникъ, ждетъ отъ нихъ возстановленія „порядка", привычной, нарушенной на время неподвижности, и только ради этого ихъ любитъ, т.-е. любитъ въ нихъ не живое ихъ содержаніе, а ихъ потенціальное отношеніе къ порядку. И потому что онъ не чувствуетъ жизни,—онъ презираетъ ея, такъ называемыя другими, потребности, и ненавидитъ все, что можетъ служить удовлетворенію этихъ потребностей. „Прошу передать письмо Чичерину... Онъ тоже видитъ единственное спасеніе въ призваніи депутатовъ отъ дворянства и отъ земства. Удивительное ослѣпленіе! Какъ будто во множествѣ и во множествѣ рѣчей и мнѣній можетъ родиться сила воли и разума!" Нужно всегда и прежде всего одно—неподвижность порядка; поэтому нужно создать такія формы жизни, которыя непрерывно парализовали бы естественное дѣйствіе живыхъ силъ, обусловливающее безпорядокъ; и вотъ вся государственная дѣятельность Побѣдоносцева съ рѣдкой въ исторіи настойчивостью была направлена на то, чтобы превратить русскую систему правленія въ такой механизмъ, непрерывно возстановляющій порядокъ, т.-е. непрерывно погашающій жизнь.—Это объясненіе психологіи Побѣдоносцева, конечно,—гипотеза, но, кажется, иначе его невозможно понять.

III.

— Н. Крашенинниковъ. Угасающая Башкирія. Москва, 1907.

Какъ бываютъ на сценѣ выигрышныя роли, такъ есть выигрышныя темы для разсказовъ. Такова тема г. Крашенинникова. Въ его книгѣ одиннадцать наполовину беллетристическихъ, наполовину этнографическихъ очерковъ изъ башкирской жизни. Если всякое умираніе трогаетъ, то зрѣлище угасающаго народа, притомъ угасающаго такъ покорно и безропотно, какъ башкиры, не можетъ не возбуждать глубокаго участія. И сюда присоединяется еще нѣчто другое. Гибель Башкиріи—одно изъ самыхъ вопіющихъ преступленій старой русской власти; за пять вѣковъ эта власть, частью прямо, частью путемъ поощренія и попустительства, успѣла въ конецъ обобрать несчастныхъ башкиръ,

не давъ имъ взамѣнъ свободы и степного приволья ни христіанства, ни школъ, ни культурныхъ навыковъ, но развративъ ихъ наивную душу водкой и униженіемъ. Она самымъ ужаснымъ образомъ исказила ихъ естественное развитіе: въ то время, когда она, какъ коршунъ, настигла ихъ, они были кочевымъ народомъ и едва только начали переходить къ земледѣлію; она отняла у нихъ землю прежде, чѣмъ они привыкли къ земледѣльческой осѣдлости; лишенные возможности кочевать, они остались въ душѣ номадами—и скучно имъ на землѣ, тоскуютъ они по прежней волѣ, и, разумѣется, земледѣльцы они никуда негодные, а отсюда — нищета, апатія, вымираніе. Вглядываясь въ башкирскую жизнь, какъ ее изображаетъ г. Крашенинниковъ, вы ясно видите, что башкирская деревенская нищета—не чета русской: ее отличаетъ отъ послѣдней какое-то неуловимое выраженіе безповоротности, безнадежности; это упадокъ роковой, неотвратимо ведущій все глубже въ пучину разоренія и маразма. Вотъ обыкновенная башкирская деревушка: на улицѣ — ни души, развѣ голый ребенокъ копается въ сорѣ, да тоскливо блеетъ коза; одиноко разбросанныя жалкія избы изъ тонкихъ, кривыхъ, неумѣло пригнанныхъ бревенъ, съ маленькими неровными окнами, гдѣ стекло часто замѣняютъ бумага или бычачій пузырь, съ накиданной сверху глиной вмѣсто крыши; внутри—тѣснота, грязь, вонь; войдешь — баба что-нибудь шьетъ или моетъ, а хозяинъ спитъ, хотя въ домѣ нѣтъ куска хлѣба. Или вотъ авторъ въѣзжаетъ въ башкирскую деревню весною, когда люди еще не успѣли оправиться „съ зимовки", т.-е. послѣ обычной зимней голодухи: „Я не могъ надивиться: равнодушные, желтые, словно только-что пробудившіеся отъ долголѣтняго сна, они тихо слонялись изъ стороны въ сторону, грѣясь на солнцѣ, и, казалось, не было слышно ни ихъ голоса, ни шаговъ. Они скользили какъ тѣни. Это были не люди, — это были тѣни живыхъ существъ. Когда они засмѣялись, я весь вздрогнулъ: смѣются мертвые!.. И самое ужасное было то, что они были спокойны и не видѣли въ своемъ положеніи ничего необычнаго: точно такъ и должна была идти жизнь: зимой умирать, съ весеннимъ солнцемъ подниматься, и такъ до новой зимы".

Но равнодушные въ настоящемъ, они съ любовью помнятъ свое прошлое. Почти въ каждомъ разсказѣ г. Крашенинникова кто-нибудь изъ башкиръ мечтательно вспоминаетъ: „Какъ жили! Какія стада водили! Какъ кочевали! Какъ пѣли, какъ плясали! — Все наша была!" И съ этой грустью о прошломъ естественно соединяется глухая вражда и ненависть къ Россіи, отнявшей все. Когда-то башкиры въ громадныхъ мятежахъ пытались отстоять свои права; съ половины XVII вѣка эти возстанія идутъ почти непрерывной чередой до послѣдней четверти XVIII-го; у нихъ были тогда герои — Сеитъ, Салавата и др.,

о которыхъ они донынѣ поютъ пѣсни. Но русская власть усмиряла эти бунты съ безпощадной жестокостью, а главное — общая апатія, овладѣвшая башкирскимъ народомъ, погасила въ его крови послѣднія искры дѣйственнаго одушевленія, и теперь онъ и русскихъ ненавидитъ какъ-то пассивно, и больше жалуется, нежели проклинаетъ. Тяжелый гнетъ почти задушилъ въ немъ національное чувство, какъ задушилъ всѣ живыя силы его души. Да и какъ имъ было уцѣлѣть? Его гнули въ три погибели, надъ нимъ издѣвались съ неслыханнымъ цинизмомъ. Одинъ изъ героевъ г. Крашенинникова разсказываетъ, какъ перестраивались по приказанію начальства башкирскія деревни. Людей угоняли со степи въ лѣса, приходилось продавать лошадей и все добро; строили деревню не по башкирскому обычаю, а крестомъ, что̀, разумѣется, страшно оскорбляло башкиръ; когда потомъ велѣно было каждому сѣять хлѣбъ, приходилось съ тяжкими усиліями корчевать столѣтніе пни. А главная обида—не взлюбило начальство исконный очагъ башкирскій, чувало, и приказало вмѣсто него класть въ избахъ русскія печи: „Тяжело было лишиться чувала, — хмуро разсказываетъ старикъ.— Съ дѣдовскихъ временъ привыкли!“ Съ чуваломъ ушло изъ башкирской лачуги все уютство; онъ давалъ и тепло, и свѣтъ, а теперь пришлось разоряться на свѣчи, заводить лучину; и посуда башкирская въ печку не влѣзала, приходилось готовить по новому, въ небольшихъ русскихъ горшкахъ, и обращаться бабы не умѣли съ печью, закрывали до времени, и много народу отъ угара погибло. Такъ вводили здѣсь культуру.

Книга г. Крашенинникова не даетъ широкой картины башкирскаго быта; это скорѣе рядъ набросковъ, не очень яркихъ и не забирающихъ глубоко, но все же вдумчивыхъ и не лишенныхъ художественности. „Выдумка“ плохо удается автору, но общій колоритъ, описанія мѣстностей и нѣкоторыя отдѣльныя характеристики положительно хороши, несмотря на чрезмѣрную, можетъ быть, близость къ Тургеневской манерѣ (башкирскія „Записки охотника“!). А лучшее, что̀ есть въ книгѣ г. Крашенинникова, это его неподдѣльное, теплое участіе къ тихо-угасающей несчастной Башкиріи.

IV.

— В. Стефаникъ. Разсказы. Переводъ съ украинскаго В. Козиненко. Предисловіе Г. Алексинскаго. Спб., 1907. Стр. XXI и 194.

Василь Стефаникъ—пѣвецъ несчастнаго галиційскаго крестьянства, пѣвецъ его нужды и горя, самъ крестьянинъ родомъ. Его разсказы полны великой жалости и скорби; и какъ это часто случается съ

художниками даровитыми, но не геніальными, живая боль туманитъ у него красоту, и передъ читателемъ — скорѣе сама жизнь, нежели образъ ея въ магическомъ зеркалѣ искусства. И геній, какъ человѣкъ, знаетъ жалость; но въ творчествѣ своемъ онъ внѣ жалости, въ какой-то другой плоскости, онъ безмятеженъ и свѣтелъ,—можетъ быть, потому, что, какъ сказалъ нѣмецкій поэтъ, кто способенъ разслышать *весь* голосъ природы, тому этотъ голосъ звучитъ гармоніей. Здѣсь нѣтъ мѣста для суда или сравненія; великъ геній, но свята и боль сострадания, мѣшающая художнику творить невозмутимо. Это просто — двѣ разныя вещи, которыя нельзя мѣрить однимъ аршиномъ.

Стефаникъ — несомнѣнно талантливый писатель. Его коротенькіе разсказы удивляютъ четкостью очертаній, строгимъ реализмомъ, индивидуальной опредѣленностью дѣйствующихъ лицъ. Одна изъ самыхъ характерныхъ и драгоцѣнныхъ его чертъ—это его большая сосредоточенность и сжатость. Онъ почти никогда не повѣствуетъ; обыкновенно тема его разсказа — одинъ какой-нибудь моментъ въ жизни дѣйствующаго лица, но въ этомъ моментѣ онъ сосредоточиваетъ и всю жизнь, и всю психологію человѣка, такъ что получается своего рода трагическій портретъ. Вотъ старикъ положилъ около себя грабли, сѣлъ на межу, закурилъ трубку и говоритъ самъ съ собою; помыкаютъ имъ сынъ и невѣстка, всего обобрали, въ церковь не въ чемъ пойти и велятъ работать, а кости ноютъ, руки свело. Всталъ съ межи, спряталъ трубку, взялъ грабли и поплелся домой; смотритъ на улетающую журавлиную стаю и думаетъ: „Еслибы кто, добрый человѣкъ, мнѣ сказалъ, дождусь ли я со старухой, какъ они назадъ полетятъ? Вѣрно, ужъ одного изъ насъ въ живыхъ не будетъ. Не видать ужъ намъ журавлей"... Или вотъ мужикъ, все пропившій послѣ смерти жены и дѣтей, продалъ хату, выправилъ у войта синюю рабочую книжку и собрался идти на заработки; сидитъ онъ теперь пьяный за околицей и разсуждаетъ на все село, бьетъ себя кулаками въ грудь, разсказываетъ свою горькую долю: легко ли отдавать домъ, хозяйство, поле, идти въ батраки! Или умираетъ у Романихи корова, бьется въ агоніи, а Романиха бьется надъ нею, убивается; она полжизни на то потратила, чтобы коровы дождаться, напролетъ ночи пряла, а теперь гдѣ ей, старой, про новую думать? На двухъ-трехъ страницахъ—цѣлая драма, отъ которой сердце сжимается острой болью. И таковы всѣ разсказы Стефаника. Ихъ сила—въ большой сжатости содержанія, которой соотвѣтствуетъ и объективная манера автора. Психологію дѣйствующихъ лицъ онъ никогда не изображаетъ въ третьемъ лицѣ, со стороны, а всегда — изнутри, въ ихъ поступкахъ или рѣчахъ, и такъ какъ онъ строго-реалистиченъ, то этимъ способомъ достигается замѣчательная сосредоточенность впечатлѣнія. Онъ

самъ всегда за кулисами, и лиризмъ его собственнаго чувства сказывается только въ выборѣ сюжетовъ да въ тонѣ суроваго и простого разсказа. Онъ и похожъ, и непохожъ на Чехова въ „Мужикахъ": Чеховъ владѣетъ собою, Стефаникъ явно сдерживаетъ себя; Чеховъ господствуетъ надъ своимъ сюжетомъ, Стефаникъ—весь въ его власти.

И надо сознаться: передъ зрѣлищемъ, которое рисуетъ Стефаникъ, трудно сохранить спокойствіе. Бытъ галиційскаго крестьянства — это такая пучина горя, нужды, невѣжества, одичалости, что даже русская деревня, по сравненію съ нею, кажется раемъ. Малоземелье, тяжелое податное бремя и слабое развитіе промышленности обусловили въ Галиціи ужасающую задолженность крестьянства, которая держитъ его въ крѣпостной зависимости отъ помѣщика, арендатора или кулака. Жизнь впроголодь, полная нечеловѣческаго труда, неимовѣрныхъ лишеній, всякаго горя и униженія,—таково общее содержаніе разсказовъ Стефаника. Самый трудъ и самую нужду въ ихъ чистомъ видѣ онъ изображаетъ рѣдко; большею частью онъ рисуетъ ихъ отраженіе въ различныхъ сферахъ человѣческой жизни и духа, такъ сказать, ихъ обертоны. Все человѣческое, все душевное ими искажено, затоптано въ грязь. Въ этомъ мірѣ нѣтъ любви, нѣтъ жалости; рожденіе ребенка здѣсь встрѣчается проклятіями, старость попрекаютъ, что зажилась и хлѣбъ ѣстъ, больную дочь—что не живетъ и не умираетъ, и всѣ часто говорятъ о смерти, призывая ее — и не въ сердцахъ, а серьезно — другъ на друга и на самихъ себя, и только передъ ея лицомъ на минуту образумливаются, и говоритъ мужикъ надъ трупомъ жены: „Ой, Катерина, я не успѣлъ еще съ тобой наговориться, а ты ужъ разсердилась и ушла отъ меня... Люди добрые, я съ ней ни слова не промолвилъ, за работой и ее забылъ, и разговоры".—Почти какъ въ „Dichterliebe" Шамиссо, гдѣ поэтъ говоритъ своей умершей возлюбленной: „ты въ первый разъ меня огорчила". Но какой ужасъ въ этой народившейся мысли: ни разу не поговорилъ по хорошему, все некогда было!

Между этими скорбными разсказами есть страшные — картины звѣрства, кровавыхъ расправъ, а радостныхъ почти нѣтъ: ихъ только два, и одинъ взятъ изъ старины, когда крестьянинъ еще жилъ въ довольствѣ, такъ что на современность галиційскаго крестьянства приходится только одна свѣтлая картина, и на десятки измученныхъ, темныхъ людей — одна свѣтлая фигурка трехлѣтняго Андрійко, мамина пѣстуна, точно солнечный лучъ среди кромѣшной тьмы.

V.

— Ѳедоръ Сологубъ. Истлѣвающія личины. Книга разсказовъ. К-во Грифъ. Москва, 1907. Стр. 108.

Ѳ. Сологубъ—безъ сомнѣнія сильный художникъ, но—странное дѣло!—прочитать сряду цѣлую книжку его разсказовъ, даже такую небольшую, какъ эта, скучно и не хочется. Онъ похожъ на актера, который, при всей талантливости, остается одинаковымъ во всѣхъ роляхъ, подъ всякимъ гримомъ. Его манера разсказывать чрезвычайно однообразна. Онъ выработалъ себѣ для историческихъ повѣствованій опредѣленный стиль—тяжеловѣсно-обстоятельный, изощренно-простой, дешевую и довольно грубую поддѣлку подъ примитивы; и вотъ этимъ языкомъ онъ пишетъ уже безъ различія все не-современное: самъ ли онъ разсказываетъ о чудѣ отрока Лина, или заставляетъ дикаго человѣка гдѣ-нибудь въ дебряхъ Африки передавать слушателямъ повѣсть о томъ, какъ его деревня убила своего хищнаго бога,—оба разсказа ведутся въ одинаковомъ тонѣ, въ одинаковомъ ритмѣ языка и чувства, и хитрый дикарь-старѣйшина Белезисъ на священной рѣкѣ Мейруръ говоритъ совершенно тѣмъ же языкомъ, какъ и римскій центуріонъ Марцеллъ. Для разсказовъ изъ современной жизни у г. Сологуба имѣется другой стиль, тоже совершенно однообразный для всѣхъ случаевъ и самъ по себѣ одноцвѣтный, родственный тому историческому слогу по тягучей обстоятельности и округленности фразъ. Въ общемъ языкъ г. Сологуба—тусклый, не-нервный, насквозь сознательный и вмѣстѣ негибкій; въ немъ нѣтъ и тѣни свободы, непосредственности; чувствуется какая-то одержимость, которая влечетъ въ одну сторону, но не окрыляетъ, а гнететъ; чувствуется что-то жестокое, но безъ силы, слабое, но безъ нѣжности.

И таково все творчество г. Сологуба. Его талантъ можно опредѣлить, какъ сочетаніе *одержимости* въ основномъ, въ содержаніи и направленіи его интересовъ, мыслей и настроеній, съ утонченной *сознательностью* въ воспроизведеніи. Внутри себя онъ болѣе чѣмъ непосредственъ: онъ—рабъ своихъ переживаній, безотвѣтственный органъ властной темной стихіи, царящей въ немъ; но чѣмъ безсильнѣе онъ внутри, тѣмъ болѣе онъ во-внѣ старается придать себѣ свободный видъ, и для этого доводитъ свою разсудочность до конца, такъ что у него не остается ни одного непосредственнаго слова, всѣ фразы—обдуманныя и зрячія. Это сочетаніе одержимости съ крайней разсудочностью встрѣчается довольно часто; такова въ общемъ всякая художественная натура,—вопросъ только въ томъ, насколько гармо-

нично соединяются оба эти элемента. Въ г. Сологубѣ мы не находимъ этой гармоніи; онъ и слишкомъ одержимъ внутри, и слишкомъ раффинированъ во-внѣ, чтобы создавать совершенныя произведенія.

Новый сборникъ г. Сологуба только подтверждаетъ это сужденіе. Въ немъ есть нѣсколько разсказовъ поразительной силы, но нѣтъ ни одного, который бы неотразимо увлекъ и покорилъ читателя; всюду васъ расхолаживаетъ дисгармонія между художественнымъ ядромъ разсказа и его искусственной оболочкой, гдѣ все обдумано, взвѣшено и подогнано въ точку. Иногда это доходитъ до смѣшного. Первое мѣсто въ „Истлѣвающихъ личинахъ“ занимаетъ разсказъ „Дикій Богъ“, одинъ изъ лучшихъ въ сборникѣ. Мелехъ и его юный братъ Синъ, жители глухой страны на священной рѣкѣ Мейруръ, пришли въ столицу великаго царя, чтобы посмотрѣть ее; у нихъ былъ тамъ другъ, Сарру, который и взялся показать имъ достопримѣчательности столицы. Между прочимъ, онъ привелъ ихъ въ звѣринецъ,—и здѣсь случилось нѣчто такое, что̀ глубоко потрясло ихъ. Ходя между клѣтками и восторгаясь заключенными въ нихъ чудовищами, они вдругъ услышали грозный и священный голосъ—рыканіе великаго бога, то самое рыканіе, которое въ ихъ родномъ селеніи не разъ по ночамъ повергало ихъ въ трепетъ, такъ какъ оно означало, что богъ, „алкая новой жертвы, рыщетъ священными стопами своими у околицы нашего селенія“. Оба мгновенно въ ужасѣ поверглись ницъ, чѣмъ вызвали общій смѣхъ всѣхъ остальныхъ зрителей, и затѣмъ ушли, не смѣя поднять взоръ на бога; только юный Синъ успѣлъ кинуть взглядъ въ ту сторону, и на обратномъ пути, уже подходя къ родному селенію, открылся брату: онъ ясно видѣлъ, что святое рыканіе исходило отъ звѣря, запертаго въ клѣткѣ. Дома Синъ не замедлилъ сообщить свое открытіе своимъ сверстникамъ. Оно произвело потрясающее впечатлѣніе; столько лѣтъ безропотно покорялись они великому богу, столько пожралъ онъ нѣжныхъ дѣвъ и веселыхъ дѣтей, а онъ оказывается только дикимъ звѣремъ съ зелеными глазами и съ черными пятнами на желтой шкурѣ, и его можно изловить и посадить въ клѣтку. Начались тайныя совѣщанія среди молодежи; тщетно благочестивые усовѣщивали молодыхъ оставить кощунственные замыслы, тщетно и самъ Мелехъ вразумлялъ сомнѣвающихся, „что̀ богъ не могъ быть въ клѣткѣ, и исходившее изъ клѣтки божіе рыканіе было однимъ изъ тѣхъ неизъяснимыхъ явленій, которыя не могутъ быть постигнуты слабымъ человѣческимъ разумомъ и о которыхъ лучше всего хранить благоговѣйное молчаніе“. Образовались двѣ партіи, начались раздоры; наконецъ мудрый и хитрый Белезисъ предложилъ планъ, на которомъ могли помириться обѣ партіи. Онъ заявилъ, что, во-первыхъ, завѣщанное предками ученіе о поклоненіи богу, обитающему въ чащѣ и

требующему человѣческихъ жертвъ, должно остаться ненарушимымъ, ибо иначе весь строй жизни придетъ въ совершенное замѣшательство: „буйные и своевольные юноши наши, откинувъ мысль о богѣ и истребивъ въ себѣ священный трепетъ передъ таинственнымъ верховнымъ существомъ, безъ сомнѣнія, впадутъ въ самый неистовый развратъ". Но, съ другой стороны, нельзя не вѣрить Сину, что божественное рыканіе исходило отъ существа, во всемъ подобнаго звѣрю. Итакъ, почему бы и намъ не приготовить для бога помѣщенія столь же изукрашеннаго, какъ то, которое находится въ звѣринцѣ великаго царя? И откуда мы знаемъ, что богъ хочетъ непремѣнно человѣческаго мяса? Можетъ быть, онъ станетъ довольствоваться живыми телятами и ягнятами.

Не будемъ излагать окончаніе разсказа—исторію постепеннаго прозрѣнія, вплоть до того момента, когда селеніе огласилось радостными кликами: „Звѣрь издыхаетъ!"—не богъ, а звѣрь; глубокая концепція разсказа ясна уже изъ переданнаго. Это, если угодно, аллегорія, но истинно-художественная по замыслу; вѣчныя, какъ человѣчество, движенія мысли и чувства воплощены здѣсь въ живые, конкретные образы, и форма такъ тѣсно слита съ художественной идеей, что, казалось бы, здѣсь должно было получиться совершенное произведеніе искусства.

Между тѣмъ этого нѣтъ,—разсказъ вышелъ только интереснымъ и оставляетъ читателя холоднымъ; онъ испорченъ той ухищренной обдуманностью, съ которой авторъ отдѣлывалъ каждую деталь, стремясь разсудочно къ всесторонней, абсолютной наглядности. Странно видѣть, до какихъ грубыхъ ошибокъ и нелѣпостей доводитъ его эта забота. Достаточно сказать, что Мелехъ ведетъ свой разсказъ *въ лицахъ*! Онъ передаетъ подлинными словами и то, что говорилъ Сарру, и рѣчь Белезиса, и свой разговоръ съ Синомъ, и проч. Эти рѣчи и разговоры, взятые въ отдѣльности, великолѣпны, но въ устахъ Мелеха они чудовищны: такъ ли онъ сталъ бы разсказывать? И въ цѣломъ весь его разсказъ, какъ устное повѣствованіе такого человѣка—нелѣпость. Авторъ заставляетъ разсказчика передавать каждый этапъ событій съ той именно точки зрѣнія, на которой онъ, Мелехъ, стоялъ въ тотъ моментъ,—тогда какъ живой Мелехъ, разумѣется, *все* разсказалъ бы со своей *окончательной* точки зрѣнія (т.-е., что это былъ просто хищный звѣрь), хотя бы и вспоминая свое тогдашнее, ложное, отношеніе къ предмету; онъ вкладываетъ въ его уста соображенія чрезвычайно сложныя, а иногда и глубокія, какъ, напримѣръ, когда Мелехъ на обратномъ пути изъ столицы мучительно раздумываетъ, что могло значить рыканіе бога въ звѣринцѣ, и, задавшись вопросомъ, не было ли оно священнымъ знаменіемъ, отвѣчаетъ себѣ: „Но

согласно ли съ истиннымъ богопочитаніемъ, завѣщаннымъ намъ нашими благочестивыми предками, думать, что святѣйшее въ мірѣ является не само для себя, въ своей таинственной и неизъяснимой самоцѣльности, а только для того, чтобы въ мірѣ дѣяній человѣческихъ быть нѣкоимъ вѣщимъ знакомъ?" Мелехъ вообще не сталъ бы припоминать подробно свои прошлыя соображенія; приписавъ ему этотъ глубокій интересъ къ идеямъ и психическимъ движеніямъ, г. Сологубъ сдѣлалъ такую же грубую ошибку, какъ еслибы заставилъ его пересыпать свой разсказъ цитатами изъ Гёте и Шекспира. И разсказъ безконечно выигралъ бы, еслибы авторъ, не гоняясь столь зорко за изобразительностью въ деталяхъ, заставилъ Мелеха разсказать эту исторію о богѣ-шакалѣ такъ, какъ долженъ былъ бы разсказать ее обитатель той страны,—дико и просто, въ рѣзкихъ чертахъ, безъ психологіи и нарочитой наглядности. А теперь мы холодно читаемъ разсказъ, хвалимъ искусство г. Сологуба и сожалѣемъ объ испорченномъ художественномъ произведеніи.

Основной интересъ г. Сологуба, центральный пунктъ его переживаній и его одержимости—это подспудная душевная жизнь человѣка. За нашимъ дневнымъ сознаніемъ, безпрестанно захлестывая его своей волной, живетъ и движется другое, заднее наше сознаніе, безсмысленно-мудрое, стихійное, родовое. Имъ мы общаемся съ отдаленнѣйшими предками, чрезъ него непосредственно циркулируютъ въ насъ жизнь и душа природы; оно, какъ подземный родникъ, питаетъ всю нашу психическую жизнь. Есть предрасположенныя натуры, нервныя организаціи (особенно среди дѣтей), въ которыхъ это заднее сознаніе непрерывно перекрещивается съ дневнымъ, нормальнымъ сознаніемъ, и даже у здоровыхъ людей бываютъ минуты нервной возбужденности или усталости, когда заднее сознаніе бурно вторгается въ дневное и вызываетъ въ немъ глубокія пертурбаціи. Изображать такія состоянія—излюбленная тема г. Сологуба, и въ этой области онъ достигъ дѣйствительно большого мастерства. Его обычные герои—нервно-чуткія дѣти и взрослые въ состояніи переутомленія, крайней подавленности, возбужденности и пр.

Эти разсказы, кажущіеся фантастическими, въ дѣйствительности совершенно реальны. Вотъ писатель Сонпольевъ, нервный и раздражительный. У него бываетъ юноша Гармоновъ, начинающій поэтъ; присутствіе этого большеротаго, длиннолицаго, медлительнаго юнца странно раздражаетъ Сонпольева, и послѣ одного такого нестерпимо-долгаго посѣщенія возбужденный умъ Сонпольева начинаетъ сверлить безумная мысль: „Такъ ненавидѣть, такъ мучительно ненавидѣть можно только то, что очень къ намъ близко. Но въ чемъ же тайна этой дьявольской близости? Какой демонъ и какими нечистыми

чарами связалъ наши души?" И вотъ изъ-за бронзовой чернильницы выскочилъ маленькій, вертлявый, сѣро-стального цвѣта, весь съ безъимянный палецъ величиною; и онъ говоритъ Сонпольеву: „вспомни свое прошлое, свое первоначальное прошлое тѣхъ древнихъ дней, когда ты и онъ жили въ одномъ тѣлѣ". Раскрылось заднее сознаніе, и точно въ волшебномъ зеркалѣ Сонпольевъ видитъ себя въ своемъ давно-минувшемъ существованіи: молодой и сильный, полуобнаженный, онъ среди легкихъ колоннъ пляшетъ подъ звуки флейты, а за пиршественнымъ столомъ сидитъ, наслаждаясь его пляской, его господинъ—наглое, пьяное, обрюзглое лицо. Бѣшеная злоба душитъ юношу, онъ уже готовъ нанести ударъ; но пробуждается его вторая душа, хитрая и ласковая, кошачья душа, и, улыбаясь пирующему, проносится юноша мимо него въ легкомъ танцѣ, и затѣмъ снова ненависть застилаетъ глаза, и снова хитрая дѣланная улыбка, пока, наконецъ, обѣ воли сливаются въ одну—ударъ, хриплый крикъ, и все смѣшалось. Въ этомъ юношѣ были оба, теперь это двѣ половинныя души—Сонпольевъ и Гармоновъ. И дальше мы узнаемъ, какъ этотъ маленькій „соединяющій души" даетъ Сонпольеву средство возстановить единство, какъ Сонпольевъ предлагаетъ это Гармонову (надо было сжечь волосъ на свѣчѣ), и Гармоновъ соглашается, но въ послѣднюю минуту ему становится страшно и больно, онъ корчится и, не выдержавъ, бросается впередъ и гаситъ догорающій волосъ. Глубокое творчество г. Сологуба нельзя понять, не уяснивъ себѣ, что эти состоянія сознанія имѣютъ для него вовсе не субъективное значеніе: онъ чрезъ нихъ созерцаетъ тайную реальность міра; то, что̀ въ рѣдкія минуты ясновидѣнія открываетъ намъ наше заднее сознаніе, это и есть самое истинное и самое основное, предопредѣляющее всю нашу видимую жизнь. Это—Тютчевскій хаосъ, но только Ѳ. Сологубъ безконечно глубже изучилъ этотъ страшно-сложный міръ таинственныхъ и могучихъ силъ, который для Тютчева былъ еще только элементарной стихіей. Разница между ними еще та, что Тютчевъ созерцаетъ хаосъ космическій, тогда какъ Ѳ. Сологубъ всецѣло поглощенъ изученіемъ властвованія хаоса въ человѣческомъ духѣ. Онъ весь во власти психическихъ обертоновъ; подобно Гофману или Эдгару По, онъ—не отъ міра сего, онъ одержимъ, и притомъ въ такой степени, которая уже серьезно вредитъ художественному совершенству его созданій.—М. Г.

VI.

— А. И. Воейковъ. Распредѣленіе населенія земли въ зависимости отъ природныхъ условій и дѣятельности человѣка. Спб. 1906, стр. 134.

Проблема населенія составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ соціологіи, и нѣкоторые ученые полагаютъ даже, что ростъ населенія является главнымъ факторомъ экономической эволюціи, которая въ свою очередь полагается въ основаніе культурнаго развитія человѣчества. Неудивительно, поэтому, если къ данной проблемѣ постоянно обращается человѣческая мысль; и въ наше время къ ея разрѣшенію примѣняются методы историко-статистическаго изслѣдованія. Нѣсколько времени тому назадъ, мы бесѣдовали съ читателемъ объ одномъ сочиненіи на эту тему (Ю. Г. Жуковскаго), въ которомъ разсматривался, между прочимъ, вопросъ о причинахъ даннаго размѣщенія населенія по территоріи земного шара. Въ заголовкѣ настоящей замѣтки указано другое сочиненіе (первоначально напечатанное въ „Извѣстіяхъ Географическаго Общества“), принадлежащее перу извѣстнаго географа и климатолога, А. И. Воейкова, поставившаго себѣ въ немъ задачу указать связь даннаго размѣщенія населенія съ природными условіями мѣстности и хозяйственной дѣятельностью человѣка. Книга состоитъ изъ шести главъ, посвященныхъ населенію земного шара (густота населенія, естественная его прибыль, препятствіе къ его размноженію, переселенія, причины даннаго распредѣленія населенія и вопросъ о емкости земли для человѣка), и двухъ главъ, трактующихъ о хлѣбной производительности и международной торговлѣ продуктами сельскаго хозяйства. Сочиненіе имѣетъ статистическій характеръ, и можно только пожалѣть, что въ немъ отсутствуютъ абсолютныя данныя по многимъ предметамъ, для которыхъ приведены лишь среднія или процентныя отношенія. Помимо того, что эти данныя, извлеченныя изъ многихъ и малораспространенныхъ источниковъ, представляютъ самостоятельную цѣнность въ качествѣ матеріаловъ для различныхъ сопоставленій, они были бы не излишни и для провѣрки сомнительныхъ цифръ разсматриваемаго сочиненія, не свободнаго отъ опечатокъ и не исправившаго послѣднія.

На территоріи земного шара можно различать три крупныя области съ высокой плотностью населенія: Европу, юго-восточную Азію и восточную часть Соединенныхъ Штатовъ Сѣв. Америки, при чемъ наибольшую плотность имѣютъ Индія и восточная половина Китая. Эти страны отличаются, кромѣ того, характеромъ размѣщенія населенія. Тогда какъ въ Европѣ и Сѣв.-Ам. Соед. Штатахъ, говоря

вообще, уплотненіе населенія сопровождается распространеніемъ крупныхъ городовъ, и можно даже высказать правило (имѣющее, однако, исключенія), что густое населеніе встрѣчается здѣсь лишь въ областяхъ, гдѣ значительная часть его живетъ въ городахъ; — въ Азіи густо размѣщено именно земледѣльческое населеніе и мѣстами можно даже наблюдать обратное соотношеніе между плотностью населенія и распространеніемъ городовъ. Условіемъ, если не причиною, такого различія европейскаго городского и азіатскаго сельскаго типа размѣщенія населенія нужно считать фактъ независимости европейскихъ городовъ въ ихъ пропитаніи отъ сосѣднихъ мѣстностей, дающихъ лишь опредѣленное количество избыточнаго продукта. Широкое развитіе внѣшней торговли позволяетъ городамъ европейски-цивилизованныхъ странъ получать жизненные припасы со всего міра; и распространеніе въ такихъ странахъ городского населенія вполнѣ подчиняется другимъ условіямъ развивающейся жизни. Излишне, кажется, объяснять, что страны съ европейскимъ характеромъ размѣщенія населенія отличаются развитіемъ торгово-промышленной дѣятельности, и именно „торговля и промышленность и являются здѣсь рѣшающимъ факторомъ для густоты населенія“.

Вопросъ о плотности населенія естественно приводитъ къ вопросу объ увеличеніи послѣдняго. Это увеличеніе совершается, какъ извѣстно, двумя путями: естественнымъ его размноженіемъ и путемъ переселеній. Естественный приростъ населенія, говоря вообще, выше въ странахъ земледѣльческихъ. „Вездѣ до сихъ поръ размножалось преимущественно сельское населеніе, живущее физическимъ трудомъ и имѣющее невысокій уровень потребностей. Болѣе богатые и образованные классы имѣли менѣе дѣтей, и убыль высшихъ классовъ и городского населенія пополнялась сельчанами“. Въ соотвѣтствіи со сказаннымъ находится интересный фактъ замедленія естественнаго прироста населенія Соед. Шт. Америки, по мѣрѣ промышленнаго ихъ развитія: въ пятидесятыхъ годахъ естественный годовой приростъ населенія составлялъ здѣсь 2,5%, а теперь—всего 1,5%. Въ Штатахъ Массачузетъ и Родъ-Айландъ — самыхъ густонаселенныхъ и культурныхъ—рождаемость ниже даже французской. Примѣръ Франціи, впрочемъ, не согласуется съ заключеніемъ о болѣе быстромъ размноженіи земледѣльческаго населенія, такъ какъ слабое размноженіе въ этой странѣ поддерживается и крестьянствомъ. Однако французское населеніе Канады, занимающееся также сельскимъ хозяйствомъ, но при большемъ земельномъ просторѣ, размножается довольно быстро, и приростъ ея населенія одинаковъ съ приростомъ его въ Европейской Россіи.

Крупныя переселенія идутъ, какъ извѣстно, изъ Европы въ Америку и Австралію, и, благодаря именно переселенцамъ, въ самыхъ

молодыхъ культурныхъ странахъ очень рѣзко выражается типическій для промышленной Европы—городской характеръ размѣщенія населенія; половина, напр., жителей штата Южной Австраліи обитаетъ въ одномъ городѣ, Аделаидѣ. Авторъ раздѣляетъ переселеніе на крестьянское, рабочее и буржуазное. Подъ послѣднимъ онъ понимаетъ переселеніе „людей энергическихъ, работающихъ и обладающихъ средствами тысячъ въ десять рублей и болѣе. Англія—родина наибольшаго числа такихъ переселенцевъ. Это—по большей части младшіе сыновья аристократіи и богатой буржуазіи. Старшему въ родѣ достается львиная доля наслѣдства, младшимъ даютъ нѣкоторыя средства, а главное — надлежащее образованіе и воспитаніе. Есть школы, спеціально приспособленныя къ воспитанію такихъ юношей и приготовленію ихъ къ работѣ въ дальнихъ странахъ". Такіе энергичные и обладающіе нѣкоторыми средствами переселенцы создали шерстяное овцеводство въ Австраліи, южной Африкѣ и въ лаплатскихъ странахъ, кофейныя и чайныя плантаціи въ Индіи и на о. Цейлонѣ. Переселеніе на земли Соед. Штатовъ тоже болѣе и болѣе принимаетъ буржуазный характеръ, такъ какъ хозяйственное обзаведеніе стоитъ теперь здѣсь гораздо больше того, что можетъ принести съ собой европейскій крестьянинъ. „Бѣдному фермеру, не живущему такъ широко, какъ принято въ этихъ странахъ, очень тяжело: его презираютъ, лишаютъ кредита, стараются выжить изъ округа". Поэтому-то изъ милліона почти людей, ежегодно переселяющихся въ Сѣверную Америку, „врядъ-ли 10% становятся земледѣльцами, а болѣе 90% остаются въ городахъ или на рудникахъ". Приличное мѣсто европейскому земледѣльцу — въ Аргентинѣ и Урагваѣ; „тамъ преобладающій типъ сельскаго хозяина—бѣднякъ, а потому жители юга Европы тамъ садятся на землю, обыкновенно начиная съ аренды".

Среднюю быстроту естественнаго размноженія населенія въ странахъ, имѣющихъ достовѣрную статистику, авторъ принимаетъ въ 1% въ годъ; изъ его же таблицы, впрочемъ, слѣдуетъ, что она значительно выше. Но и принимая 1%, нужно ожидать сравнительно очень быстраго перенаселенія земного шара, равно какъ и приходится удивляться, почему не страдаютъ отъ перенаселенія многія страны древней культуры. Авторъ поэтому совершенно естественно переходитъ къ вопросу о препятствіяхъ размноженію населенія. Эти препятствія въ прошломъ заключались въ войнахъ, голодѣ и эпидеміяхъ, опустошавшихъ цѣлыя страны; новѣйшая же цивилизація ведетъ къ пониженію рождаемости, зависящему отчасти отъ вырожденія, сопровождающаго искусственную буржуазную культуру, главнымъ же образомъ отъ умышленнаго воздержанія лицъ и классовъ, подымающихся по лѣстницѣ благосостоянія и дорожащихъ достигнутымъ благополучіемъ. Это препятствіе раз-

множенію населенія особенно быстро, по мнѣнію автора, распространяется въ заморскихъ, наиболѣе богатыхъ, колоніяхъ; а путемъ обратнаго воздѣйствія эмигрировавшихъ въ Соединенные Штаты европейцевъ на прежнихъ своихъ соотечественниковъ аналогичные обычаи распространяются и среди рабочихъ классовъ Европы.

За вопросомъ о размноженіи, естественно, выдвигается вопросъ о емкости для человѣка территоріи земного шара; а этотъ вопросъ сводится къ вопросу о пропитаніи населенія. А. И. Воейковъ различаетъ два типа жизни, два типа питанія, предъявляющіе неодинаковыя требованія къ сельско-хозяйственному производству и различно-отражающіеся на этомъ послѣднемъ. Типъ европейскій или американско-европейскій — городской жизни и питанія по преимуществу животными веществами, и типъ китайскій—сельская жизнь и потребленіе растительныхъ продуктовъ. Животная пища больше требуетъ отъ почвы, чѣмъ растительная; а городской типъ жизни ведетъ къ утратѣ землею тѣхъ азотистыхъ веществъ, которыя въ зернѣ и мясѣ увозятся въ города и не возвращаются обратно. Поэтому, емкость территорій для европейски-культурнаго населенія меньше, чѣмъ для китайскаго или японскаго. Это выражаютъ еще такъ, что потребности европейца выше, чѣмъ китайца; и, констатировавъ данный фактъ, авторъ спрашиваетъ: „хорошо это или дурно?“. Мы не будемъ останавливаться на этомъ вопросѣ и замѣтимъ только, что квалификація потребностей европейца, какъ „болѣе высокихъ“, далеко не всегда означаетъ лучшее удовлетвореніе физіологическихъ потребностей человѣческаго организма. Напротивъ того, по мнѣнію автора, „китайцы относительно пищи, питья и одежды живутъ раціональнѣе англичанъ, не обременяя себя лишнимъ и вреднымъ“. „Высшія“ матеріальныя потребности европейца, прибавимъ отъ себя, это—болѣе разнообразныя и дорогія формы удовлетворенія матеріальныхъ нуждъ, разсчитанныя на развитіе и культивированіе чувственной природы человѣка. И большія затраты на поддержаніе „высшей“ культуры этого рода не могутъ, конечно, не отражаться неблагопріятно на удовлетвореніи массою европейскаго населенія болѣе благородныхъ потребностей человѣка.

VII.

— М. И. Боголѣповъ. Финансы, правительство и общественные интересы. Спб. Ц. 1 р.

Разсматриваемое сочиненіе ставитъ себѣ задачей не столько фактическую полноту изложенія, сколько освѣщеніе и выясненіе нѣкоторыхъ финансовыхъ вопросовъ, причемъ особенно настойчиво про-

водится мысль о близкомъ финансовомъ крахѣ Россіи. Книга состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ статей. Въ статьѣ, посвященной бюджету и бюджетному праву вообще, объясняется, почему государственный бюджетъ пріобрѣлъ современныя „совершенныя формы и строго опредѣленное юридическое положеніе" лишь въ новѣйшій періодъ исторіи, когда „европейскія революціи похоронили абсолютизмъ государственной власти", а государственная дѣятельность стала характеризоваться „сложностью и многочисленностью задачъ и цѣлей", требующей точнаго учета государственныхъ средствъ и строгаго согласованія ихъ съ огромными и быстро растущими государственными расходами. Аналогичное движеніе въ исторіи русскаго бюджета, вплоть до послѣдняго ея момента, связаннаго съ созывомъ Государственной Думы, авторъ разсматриваетъ при свѣтѣ двухъ положеній: вліянія нашихъ иностранныхъ кредиторовъ, требовавшихъ гласности и правильнаго контроля бюджета, и стремленія власти сохранить прерогативы произвольнаго и безконтрольнаго распоряженія народными деньгами. Въ статьѣ „Война и государственные финансы" авторъ разсматриваетъ источники средствъ для покрытія военныхъ расходовъ Россіи на протяженіи трехъ послѣднихъ столѣтій, причемъ такими источниками, въ его изложеніи, первоначально служили натуральныя повинности населенія, обложеніе послѣдняго разорительными налогами и порча монеты; затѣмъ — выпускъ бумажныхъ денегъ и, наконецъ, займы. При этомъ, въ противорѣчіе съ дѣйствительностью и съ собственнымъ послѣдующимъ утвержденіемъ, что „главнѣйшую часть нашего государственнаго долга составляютъ займы на военныя надобности" (стр. 284), авторъ высказываетъ, что до послѣднихъ лѣтъ въ покрытіи военныхъ расходовъ займы „не играли особенно замѣтной роли" (стр. 247). Ошибочно и утвержденіе автора, что турецкая война 1877 г. „была послѣдней войной, произведенной на *бумажныя* деньги". Во-первыхъ, японская война оставила намъ больше излишне выпущенныхъ кредитокъ, чѣмъ турецкая; во-вторыхъ, кредитные билеты выпускались во время турецкой войны, главнымъ образомъ, въ виду медленной реализаціи заключаемыхъ займовъ, и, по мѣрѣ полученія занятыхъ суммъ, выпущенные билеты погашались. Такимъ образомъ было погашено болѣе милліарда рублей.

Въ статьѣ „Финансы старой Россіи" авторъ останавливается на поступленіи нашихъ государственныхъ доходовъ въ 1904 и 1905 гг., когда, несмотря на возвышеніе многихъ налоговъ, поступленіе государственныхъ доходовъ не достигло суммы 1903 г. Авторъ не считаетъ этого пониженія доходовъ временнымъ явленіемъ, вызваннымъ революціоннымъ состояніемъ страны, а видитъ въ немъ начало финансоваго краха, подготовлявшагося всей предшествовавшей исторіей.

„Два фактора задерживали поступательное развитіе давно назрѣвшаго финансоваго кризиса,—говоритъ онъ:—частичное раскрѣпощеніе сельскаго хозяйства, увеличившее производительность крестьянскаго труда, и накопленіе на западно-европейскихъ рынкахъ грандіозныхъ свободныхъ капиталовъ, искавшихъ выгоднаго помѣщенія въ странахъ, бѣдныхъ денежными капиталами“ (стр. 96). Въ основѣ финансоваго кризиса лежитъ „хищническое веденіе государственнаго хозяйства“, щадившее „только привилегированное классы — духовенство, дворянство и крупную торгово-промышленную буржуазію“ (стр. 97). Хищническій же способъ веденія государственнаго хозяйства тѣсно связанъ съ порядками нашего политическаго строя. „Существуютъ такія политическія организаціи, при которыхъ государственные финансы обыкновенно приходятъ въ окончательное и безповоротное разстройство“. Такое разстройство особенно ясно обнаруживается, какъ показываетъ исторія, когда абсолютизмъ доживаетъ послѣдніе дни. „Когда режимъ полицейской автократіи начинаетъ чувствовать, что подъ его ногами колеблется почва, то между осужденными жизнью и представителями новаго начинается ожесточенная борьба, въ которой ставится на карту все и прежде всего находящіеся въ безконтрольномъ распоряженіи слугъ стараго режима государственные финансы. Для стараго режима борьба въ особенности обходится дорого, такъ какъ его слуги „работаютъ“ въ большинствѣ случаевъ не за совѣсть, а за деньги“. Финансы естественно приходятъ при этомъ въ страшное разстройство, усиливаемое еще тѣмъ, что „экономическій кризисъ, обостряемый тяжелыми формами напряженной политической борьбы, разстраиваетъ всѣ финансовые источники, т.-е. ослабляетъ возможныя денежныя поступленія для самаго ближайшаго будущаго“ (стр. 102). Таково именно, по мнѣнію автора, современное положеніе Россіи.

Эта тема получаетъ дальнѣйшее развитіе въ статьѣ „О русскомъ государственномъ долгѣ“; причемъ идея о разстройствѣ русскихъ финансовъ получаетъ уже нѣсколько иную постановку. „Абсолютныя правительства,—нѣсколько смѣло заявляетъ авторъ,—не любятъ прибѣгать къ прямымъ налогамъ, такъ какъ при этомъ очень рѣзко обнаруживается привилегированное положеніе тѣхъ классовъ, которые служатъ „опорою престола и отечества“. Поэтому они обращаются къ преимущественному развитію косвеннаго обложенія, а въ новѣйшее время—къ пользованію кредитомъ. „Въ Россіи, напр., деньги занимались для покрытія обыкновенныхъ расходовъ; это явное нарушеніе финансовыхъ правилъ лучше всего свидѣтельствуетъ о боязни правительства повышать прямые налоги“. Когда же въ обществѣ проявилось недовольство косвенными налогами—правительство замазало взиманіе самаго крупнаго косвеннаго налога—на спиртъ—введеніемъ

водочной регаліи; увеличеніе же таможенныхъ пошлинъ скрывается подъ теоріей покровительства отечественной промышленности. „Такъ идетъ дѣло въ мирное время, когда политическіе горизонты ясны и чисты. Единственная забота правительства — жить въ ладу съ тѣми общественными классами, на которые оно опирается... Обстоятельства рѣзко мѣняются, когда политическій горизонтъ омрачается тучами, накопившимися изъ внутреннихъ испареній. Политическія бури всегда разстраиваютъ финансы", потому что власть, озабоченная сохраненіемъ своихъ позицій подъ напоромъ революціонной волны, теряетъ способность творческой работы приспособленія финансовъ къ развитію экономической жизни. Это наблюдалось въ свое время въ исторіи западно-европейскихъ государствъ, и такой моментъ переживаетъ въ настоящее время Россія, причемъ „самое крупное замѣшательство финансовъ произошло на почвѣ государственнаго кредита", который требуетъ ежегоднаго расхода около 400 милл. руб., составляющихъ отъ 1/4 до 1/3 нашего бюджета, освобожденнаго отъ оборотныхъ суммъ. Когда безъ займовъ нельзя обойтись, а государственный кредитъ до того упалъ, что наши послѣдніе займы заключаются изъ 7% дѣйствительныхъ, то вопросъ о финансовомъ крахѣ есть вопросъ самой реальной дѣйствительности. „Существующая финансовая система доживаетъ послѣдніе дни.., и фактъ чрезмѣрной задолженности сыгралъ въ этомъ отношеніи выдающуюся роль",—заключаетъ авторъ.

Задолженность русскаго правительства не останется безъ вліянія и на политическія судьбы Россіи, и политическому значенію государственнаго кредита посвящена особая статья разсматриваемаго нами изданія. Значеніе это покоится на естественномъ стремленіи кредиторовъ государства обезопасить себя отъ возможныхъ потерь вслѣдствіе несостоятельности послѣдняго. Они поэтому склонны поддерживать старые или новые политическіе порядки—въ зависимости отъ того, какіе изъ нихъ лучше гарантируютъ правильное полученіе ими процентовъ. Важнымъ условіемъ финансовой состоятельности государства служитъ контроль финансовъ со стороны народнаго представительства. И государственные кредиторы стоятъ за осуществленіе такого контроля. Россійскій обыватель хорошо оцѣнилъ значеніе этого обстоятельства въ исторіи нашихъ послѣднихъ лѣтъ, и вліянію иностранныхъ кредиторовъ приписываетъ, быть можетъ, даже преувеличенное значеніе въ созданіи нашей „конституціи". Заимодавцы воздѣйствуютъ въ данномъ случаѣ на правительство путемъ того или иного отношенія къ новымъ, заключаемымъ имъ займамъ; но въ случаяхъ съ мелкими государствами они прямо берутъ подъ свой контроль ихъ пошатнувшіеся финансы. Для защиты своихъ интересовъ государственные кредиторы учреждаютъ особыя корпораціи. По признанію

предсѣдателя „Корпораціи иностранныхъ держателей фондовъ“ въ Лондонѣ, задача ея заключается въ примѣненіи „моральной силы принужденія къ иностраннымъ государствамъ, заключающимъ займы, а также къ нашему собственному правительству, побуждая его дѣлать то, чего оно не хочетъ сдѣлать по доброй волѣ“ (стр. 322).

По поводу значенія иностранныхъ кредиторовъ Россіи въ политической борьбѣ, завязавшейся у насъ между властью и народомъ, считаемъ не лишнимъ указать на то обстоятельство, что, помимо держателей иностранныхъ фондовъ, успѣхъ государственнаго займа зависитъ отъ банкировъ, берущихъ на себя реализацію займовъ. Банкиры же руководствуются въ этомъ своими личными интересами, и за приличное вознагражденіе готовы рекомендовать своимъ кліентамъ и не особенно надежныя бумаги, поддерживая такимъ образомъ, въ ущербъ интересамъ дѣйствительныхъ кредиторовъ, — правительства, борющіяся за сохраненіе отжившаго строя. Путемъ такихъ пріемовъ и пріобрѣтало въ послѣдніе годы деньги русское правительство.

Г. Боголѣповъ высказываетъ въ своей книгѣ предположеніе, что, разочаровавшись въ возможности получить нужныя имъ средства путемъ займовъ, вдохновители нашей правительственной политики не остановятся передъ мѣрою нарушенія металлическаго денежнаго обращенія и станутъ фабриковать деньги при посредствѣ печатнаго станка. Мы считаемъ такой шагъ весьма возможнымъ со стороны людей, заботящихся не о благѣ страны, а томъ, чтобы возможно больше сохранить свои привилегіи. Прекращеніе размѣна кредитокъ не только освободитъ почти милліардный золотой фондъ для разсчета съ заграничными кредиторами, но и можетъ оживить на первое время промышленную жизнь страны, повышая, вслѣдствіе упадка курса, цѣну (въ кредитныхъ рубляхъ) вывозимыхъ за границу товаровъ и увеличивая такимъ образомъ покупательныя средства классовъ, производящихъ экспортные продукты. Чего же больше нужно людямъ, девизомъ которыхъ въ настоящее смутное время служитъ правило: послѣ насъ хоть потопъ!

Изъ всего, что было говорено выше, читатель можетъ заключить, какіе интересные вопросы разсматриваются въ книгѣ М. И. Боголѣпова; и хотя далеко не всѣ заключенія автора достаточно обоснованы, нельзя не рекомендовать его трудъ вниманію читателя.

VIII.

— Охрана жизни и здоровья работающихъ. Систематическое изложеніе профессіональной гигіены. Врача М. С. Уварова и фабричнаго инспектора московской губ. инженеръ-технолога П. М. Лялина. Москва. 1907. Ц. 3 р.

Никто, кажется, не сомнѣвается нынѣ въ томъ, что старые порядки рушатся у насъ безвозвратно, и что новая Россія будетъ создаваться при широкомъ участіи въ строительствѣ представителей всего народа и отдѣльныхъ, свободно образующихся его группъ. Особенно рѣзко проявилось стремленіе къ новымъ порядкамъ со стороны рабочихъ классовъ и крестьянскаго населенія; и хотя въ законодательномъ порядкѣ для тѣхъ и другихъ въ послѣдніе годы сдѣлано очень мало, но собственными усиліями трудящееся населеніе достигло довольно значительныхъ результатовъ: пониженіе арендныхъ цѣнъ земли, повышеніе заработной платы сельско-хозяйственныхъ и фабрично-заводскихъ рабочихъ, ограниченіе часовъ работы на фабрикахъ и въ мастерскихъ и т. п. наблюдается въ послѣдніе годы на всемъ пространствѣ Россійской имперіи. Результаты эти достигнуты, главнымъ образомъ, путемъ стихійныхъ движеній, принимавшихъ подъ часъ дикія формы, такъ какъ планомѣрная, европейская борьба классовъ въ атмосферѣ царствующаго еще у насъ безправія и насилія, представляется, пожалуй, и невозможной. Но массы рабочаго класса проявляютъ совершенно ясное стремленіе выступить на путь такой борьбы; и однимъ изъ важнѣйшихъ и наиболѣе благотворныхъ результатовъ освободительнаго движенія нужно считать то тяготѣніе къ организаціи, которое обнаруживается теперь среди самыхъ разнообразныхъ профессій и съ которымъ, съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго примѣненія, борется правительство, мѣшая превращенію стихійнаго, полусознательнаго процесса въ планомѣрный и поддающійся общественному регулированію. Несмотря на всѣ препятствія, профессіональныя организаціи, однако, крѣпнутъ и разростаются, а вмѣстѣ съ тѣмъ чаще стали примѣняться и способы мирнаго улаживанія конфликтовъ рабочихъ съ хозяевами.

Систематическая работа организованныхъ группъ въ дѣлѣ улучшенія положенія труда допускаетъ бо́льшую планомѣрность усилій и цѣлесообразность путей достиженія желательныхъ результатовъ. А въ такомъ случаѣ пріобрѣтаетъ особенное значеніе распространеніе въ обществѣ научнаго освѣщенія всѣхъ тѣхъ частныхъ вопросовъ, совокупность которыхъ образуетъ практическую сторону одного великаго рабочаго вопроса. Задачу такого освѣщенія вопросовъ нѣкоторыхъ

категорій преслѣдуетъ трудъ авторовъ, названный въ заголовкѣ настоящей замѣтки.

Трудъ этотъ, какъ видитъ читатель, имѣетъ двойное заглавіе: болѣе общее („Охрана труда“) и болѣе узкое („Систематическое изложеніе соціальной гигіены“). Это обстоятельство находится въ связи съ характеромъ книги, въ которой понятію профессіональной гигіены дается очень широкое толкованіе. „Гигіена труда,—говорятъ авторы,—должна, конечно, отмежеваться отъ вопросовъ чисто соціальныхъ, но такая задача довольно трудна, и граница должна по необходимости быть расплывчатой“. „Для устраненія большинства недуговъ рабочей среды мы не можемъ прописывать рецептовъ, а должны мобилизировать цѣлый рядъ современныхъ культурныхъ пріобрѣтеній, на первый взглядъ какъ бы и не имѣющихъ отношенія къ гигіенѣ—страхованіе, потребительныя и ссудосберегательныя товарищества, организаціи развлеченій, отпуски и др.; должны коснуться квартирнаго вопроса, браковъ, нравственности и т. п.“. Авторы, конечно, правы; и еслибы, напр., они произвели изслѣдованіе о томъ, какимъ образомъ страхованіе рабочихъ отразилось на состояніи ихъ здоровья, они не вышли бы изъ границъ своего предмета. Но включеніе авторами въ свой трудъ историческаго очерка страхованія рабочихъ, рабочихъ союзовъ, устава новаго профессіональнаго общества и т. п. — при наличности массы книгъ, спеціально посвященныхъ названнымъ предметамъ,—расширяетъ задачу изданія за предѣлы „систематическаго изложенія профессіональной гигіены“.

Книга гг. Уварова и Лялина состоитъ изъ общей и спеціальной частей и добавочной статьи подъ заглавіемъ „Общій обзоръ положенія трудящагося населенія въ Россіи“, не выражающимъ, впрочемъ, ея содержанія. Первая часть, по объему немного уступающая второй, разсматриваетъ общія начала и общія условія работы и жизни трудящихся и разъясняетъ связь между обстановкой фабричнаго быта и тѣми или другими ненормальностями и болѣзненными состояніями организма рабочихъ различныхъ профессій. Начинается она статьей о физіологіи физической работы и разстройствахъ организма, вызываемыхъ продолжительностью и напряженностью различныхъ работъ [1]). Затѣмъ идетъ разсматриваніе санитарныхъ условій работы на открытомъ воздухѣ, въ мастерскихъ и фабрикахъ съ машинами, станками

---

[1]) Замѣтимъ кстати, что при объясненіи пріемовъ опредѣленія физіологической нормы работы у Сѣченова, основанныхъ на сравнительной продолжительности, при различныхъ движеніяхъ, фазы дѣятельности мышцъ и ихъ покоя, упущенъ изъ виду факторъ напряженности или быстроты движеній, и разсужденіе ведется такимъ образомъ, какъ будто быстрая, напр., ходьба въ теченіе десяти часовъ требуетъ такого же послѣдовательнаго отдыха, какъ и медленная.

и другими приспособленіями, работы надъ матеріалами, дающими пыль, вредныя испаренія и т. п. Послѣ того излагаются основанія нормальныхъ отношеній питанія, одежды и жилища рабочихъ и фактическое положеніе дѣлъ. Особая глава посвящена женскому и дѣтскому труду. Общая часть книги заканчивается разборомъ весьма неполнаго статистическаго матеріала о заболѣваніяхъ, смертности и несчастныхъ случаяхъ въ различныхъ профессіяхъ, и жиденькими параграфами объ общественныхъ предохранительныхъ мѣрахъ противъ заболѣваній и несчастныхъ случаевъ и о мѣрахъ обезпеченія пострадавшихъ.

Спеціальная часть книги посвящена условіямъ работы и быта рабочихъ въ отдѣльныхъ крупныхъ промышленныхъ отрасляхъ. Вслѣдствіе бѣдности матеріала о фабричномъ бытѣ, главную часть этого отдѣла пришлось ограничить изложеніемъ технической стороны производства и санитарной его обстановки, съ указаніемъ особенно опасныхъ моментовъ работы, способовъ предупрежденія несчастій и устраненія вредныхъ факторовъ производства.

Книга, трактующая объ охранѣ рабочихъ, не можетъ, конечно, не пытаться опредѣлить численность послѣднихъ и ихъ распредѣленіе по поламъ, возрастамъ, по различнымъ профессіямъ и отраслямъ производства. Такія исчисленія имѣются и въ разсматриваемомъ нами трудѣ, при чемъ авторы выходятъ даже изъ предѣловъ прямой своей задачи и пытаются опредѣлить сравнительную численность въ Россіи земледѣльческаго и промышленнаго классовъ. Основываясь на нѣкоторыхъ данныхъ и соображеніяхъ, они вопреки общепринятому мнѣнію утверждаютъ, что земледѣліемъ въ Россіи занимается гораздо меньше половины населенія. „Выводъ, быть можетъ, и неожиданный; но солидно опровергнуть его мы не можемъ“, добавляютъ авторы (стр. 554). Заключеніе это они основываютъ, главнымъ образомъ, на таблицѣ о главныхъ занятіяхъ населенія въ изданіи „Общій сводъ результатовъ разработки данныхъ въ первой всеобщей переписи населенія“. Въ этой таблицѣ значится, что изъ 33 милліоновъ лицъ, составляющихъ „самостоятельное“ населеніе Россіи, на долю сельскаго хозяйства приходится около 17 милліоновъ. Авторы полагаютъ, что подъ „самостоятельнымъ“ въ переписи понимается работающее, профессіональное населеніе, и что указанное выше соотношеніе цифръ опредѣляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и сравнительный численный составъ земледѣльческой и неземледѣльческихъ профессій. Между тѣмъ въ томъ самомъ изданіи, изъ котораго они заимствуютъ свои данныя, разъясняется, что во всѣхъ занятіяхъ, кромѣ земледѣлія, понятіе самостоятельности имѣетъ дѣйствительно значеніе „непосредственнаго участія въ занятіи“; въ земледѣліи же этимъ понятіемъ выражаются

имущественныя отношенія, и въ рубрику „самостоятельныхъ" заносились лишь хозяева двора или надѣла, независимо отъ ихъ пола и возраста, а прочіе члены семьи — работающіе на землѣ или нѣтъ— соединялись воедино подъ именемъ несамостоятельныхъ. Еслибы послѣ такого разъясненія вы пожелали полнѣе учесть число земледѣльцевъ, то, въ отношеніи по крайней мѣрѣ мужского пола, къ числу самостоятельныхъ слѣдовало бы прибавить почти все число взрослыхъ, зачисленныхъ въ отдѣлъ несамостоятельнаго земледѣльческаго населенія, по тому соображенію, что въ простомъ народѣ нѣтъ праздно живущихъ людей, и членъ крестьянской семьи, не занесенный при переписи ни въ какую профессію, занимается вѣроятно сельскимъ хозяйствомъ. Въ такомъ случаѣ мужчинъ-земледѣльцевъ оказалось бы слишкомъ въ $1^1/_2$ раза больше, чѣмъ мужчинъ-самостоятельныхъ въ сельскомъ населеніи, и сельское хозяйство оказалось бы привлекающимъ къ себѣ почти въ три раза больше рабочихъ, чѣмъ всѣ остальныя занятія.

Болѣе близкое знакомство авторовъ съ „Общимъ Сводомъ" данныхъ всероссійской переписи позволило бы имъ точнѣе учесть и то рабочее населеніе, охранѣ котораго посвященъ ихъ солидный трудъ. Авторы основательно подвергаютъ сомнѣнію правильность показаній таблицы переписи о главныхъ занятіяхъ населенія и предполагаютъ, что, по причинѣ производства переписи зимою, многіе представители лѣтнихъ промышленныхъ занятій, опрошенные на мѣстѣ ихъ постояннаго жительства въ крестьянской семьѣ, показали себя земледѣльцами. Изъ того, что было разъяснено выше, слѣдуетъ, что многіе такіе промышленники, дѣйствительно, были зачислены въ число „самостоятельныхъ" въ области сельскаго хозяйства, но не вслѣдствіе неправильнаго ихъ показанія о своей профессіи, а потому что они были хозяевами надѣловъ. Но ихъ подлинное занятіе не ускользнуло благодаря этому отъ учета; оно только показано въ другой таблицѣ, въ качествѣ дополнительнаго занятія при сельскомъ хозяйствѣ. И если бы авторы „Охраны рабочихъ" перелистали весь II томъ „Общаго свода данныхъ переписи", они бы натолкнулись на эту таблицу и нашли бы въ ней не только промышленныхъ рабочихъ, зачисленныхъ въ группу самостоятельныхъ въ области сельскаго хозяйства, но и число лицъ, занимающихся промысломъ, какъ дополненіемъ къ земледѣлію. Эта таблица значительно бы измѣнила разсчеты авторовъ относительно распредѣленія рабочаго населенія Россіи по занятіямъ, поламъ и возрастамъ. Достаточно, напр., указать, что число лицъ, занятыхъ обработкой волокнистыхъ веществъ, при полномъ учетѣ всѣхъ работающихъ, опредѣляется, согласно переписи, не въ одинъ милліонъ, какъ считаютъ гг. Уваровъ и Лялинъ, а въ три милліона.

Несмотря на эти промахи въ разсчетахъ о числѣ трудящагося населенія, книга гг. Уварова и Лялина сохраняетъ свое значеніе курса профессіональной гигіены—въ каковомъ испытывается у насъ большая нужда—и получитъ, конечно, широкое распространеніе.—В. В.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ въ Редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Байронъ.—Шильонскій узникъ. Поэма. Новый переводъ В. Ф. М. 907. Ц. 15 к.

Башмаковъ, А.—Избирательная реформа въ Австріи и выборы въ рейхсратъ по новому закону о всенародномъ голосованіи. Спб. 907.

Бланъ, Луи.—Исторія революціи 1848 года. Перев. С. Ч., съ критическимъ очеркомъ Е. Колбасина: „О Луиблановскомъ соціализмѣ". Спб. 907. Ц. 3 р.

Бородкинъ. М.—Современныя бесѣды: II. О соціализмѣ. III. Національный вопросъ. IV. Военный вопросъ. Спб. 907.

Бороздинъ, А.—Литературныя характеристики. XIX-ый вѣкъ. Съ 3 портр. Спб. 907. Ц. 1 р. 75 к.

Бутовскій, А.—О школьномъ товарищескомъ судѣ. Спб. 907.

Галкинъ-Враскій, ст.-секрет.—Предварительный отчетъ Главноуполномоченнаго Попечительства трудовой помощи. Трудовая помощь въ неурожайныхъ губерніяхъ съ сент. 1905 г. по декабрь 1906 г. Спб. 907.

Гаршинъ, Всеволодъ.—Разсказы. Съ біографіею, написанной А. М. Скабичевскимъ, и съ четырьмя портретами. Изд. 11-ое, Литературнаго фонда. Спб. 907. Ц. 2 р.

Дауге, П.—Философія и Тактика. М. 907. Ц. 10.

Дицгенъ, Іос.—Мелкія философскія статьи. Съ нѣм. Г. Гуссотъ. Подъ ред. П. Дауге. Спб. 907. Ц. 80 коп.

Ефименко, А.—Исторія Украйны и ея народа. Съ портр. и рис. Спб. 907. Ц. 50 к.

Кадеръ, С.—Нефть и ея дериваты, какъ товаръ и предметъ обложенія налогомъ. Могил.-на-Дн. 907.

Кажановъ, Н.—Соціально-хозяйственная эволюція и смѣна цивилизацій. Эскизъ. Съ предисловіемъ проф. А. Скворцова. Спб. 907. Ц. 55 коп.

Катаевъ, Н.—Учебникъ Русской исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній. Вып. 1. М. 907. Ц. 50 к.

Клингенгеферъ, О.—О современномъ положеніи зубоврачебнаго дѣла въ Россіи. Спб. 906.

Кони, А.—Воспоминанія о князѣ Урусовѣ. М. 907.

Кроль, А.—Другъ дѣтей. Очерки изъ жизни проф. Н. И. Быстрова. Спб. 907. Ц. 50 к.

Лоджъ, сэръ Оливеръ.—Школьное обученіе и реформа школы. Перев. п. р. В. Лермонтова. Спб. 907. Ц. 70 к.

М. А.—Послѣднее политическое движеніе въ Персіи, по разсказамъ персовъ-тегеранцевъ, съ 20-ю рис. и съ приложеніемъ нѣкоторыхъ документовъ. Вып. 1—2. Спб. 907. Ц. по 40 коп.

Мережковскій, Д.—Трилогія.—Христосъ и Антихристъ. II. Воскресшіе боги. Леонардо да Винчи. Спб. 907. Ц. 3 р. 50 к.

——— Вѣчные спутники. Ибсенъ. 3-е изд. Спб. 907. Ц. 30 к.

Миклашевскій, Ал.—Арбитражъ и соглашеніе въ промышленныхъ спорахъ. Юрьевъ-Дерптъ. 907. Ц. 50 к.

Мюллеръ, А.—Рабочіе секретаріаты и страхованіе рабочихъ въ Германіи. Съ предисл. и статьей проф. И. Озерова. М. 907. Ц. 1 р.

Ницше, Фр. — Антихристіанинъ. Опытъ критики христіанства. Перев. В. Флеровой, подъ ред. А. Ефименко. Спб. 907. Ц. 75 к.

Нѣмоевскій, А.—Изъ-подъ пыли вѣковъ. I: Сократъ. Перев. Е. Леонтьевыхъ. Спб. 907. Ц. 1 р.

Паршинъ, А.—Что̀ такое государство? Научное изслѣдованіе природы государства. М. 907. Ц. 1 р. 50 к.

Плетневъ, Алексѣй.—Программы будущаго соціальнаго строя. Выборгская программа. Спб. 907. Стр. 16. Ц. 15 к.

Полиловъ-Сѣверцевъ, Г. Т.—Наши дѣды-купцы. Бытовыя картины начала XIX-го вѣка. Съ рис. Спб. 907.

Полянскій, Н. Н. — Стачка рабочихъ и уголовный законъ. Спб. 907. Ц. 1 р. 50 к.

Пясецкій, Л.—Алгебра для среднихъ учебныхъ заведеній. Ч. V. Спб. 907. Ц. 50 к.

Райскій, Д.—К. С. Аксаковъ о свободѣ совѣсти, свободѣ слова и печати. Спб. 907. Ц. 20 к.

Рахмановъ, А.—Неврофибрилла и хроматофильное вещество въ нервныхъ клѣткахъ. Спб. 907.

Редлихъ, Іос. — Англійское мѣстное управленіе. Съ нѣм. Ф. Ельяшевичъ, съ вступит. статьей проф. Виноградова. Т. I. Спб. 907. Ц. 3 р.

Ремизовъ, А.—Лимонарь, сирѣчь: Лугъ духовный. Спб. 907. Ц. 60 к.

Рождествинъ, А.—Петръ Дмитріевичъ Шестаковъ. Очеркъ жизни и педагогической дѣятельности. Каз. 907. Ц. 75 к.

Роландъ-Гольстъ, Генріета. — Этюды о соціалистической этикѣ. Съ нѣм. Ш. Гершеръ, подъ ред. П. Дауге. М. 907. Ц. 20 к.

Суворовъ, П. — Къ вопросу о равноправіи. Положеніе русскихъ въ Финляндіи и финляндцевъ въ Имперіи. Спб. 907. Ц. 30 к.

Сукенниковъ, М.—Девятое Термидора. Спб. 907. Ц. 15 к.

Тульчинскій, К. Н.—Очеркъ полезныхъ ископаемыхъ русскаго Сахалина. Спб. 907.

Яснопольскій, проф. Н. П.—Спеціализація учебныхъ плановъ преподаванія и занятій науками юридическими, государственными и экономическими въ университетахъ Россіи. Кіевъ. 907.

Эльснеръ, Анат.—Сойдите внизъ! Поэма. Ц. 20 к. Спб. 907.

— Аграрный вопросъ. Изд. Аграрной Коммиссіи партіи Народной Свободы. Спб. 907. Ц. 2 р. 50 к.

— Библіотека Декабристовъ. Вып. 4-ый. 1907 годъ. Политическая жизнь въ Россіи. М. А. Фонъ-Визинъ.—Проектъ конституціи Н. Муравьева. М. 907. Ц. 90 к.

— Библіотека „Освободительнаго движенія“: Первые борцы. Вып. 1. Спб. 907. Ц. 25 к.

— Ежегодникъ Императорскихъ театровъ. Сезонъ 1904—1906 г. Ред. П. П. Гнѣдичъ. Вып. XV, съ приложеніемъ: Н. Дризенъ, Стопятидесятилѣтіе Имп. театровъ. Спб. 907.

— Изданія журнала „Русская Школа“: 1) А. Красевъ, Что могутъ и должны давать наши начальныя народныя училища. Спб. 907. Ц. 75 к. 2) А. Готлибъ, Очеркъ народнаго образованія въ Швейцаріи. Спб. 907. Ц. 50 к. 3) П. Скворцовъ, Гигіена воспитанія и образованія. Спб. 907. Ц. 1 р.

— Изданія С. Скирмунта: 1) Іос. Дингенъ, Философія соціалъ-демократіи.—Сборникъ мелкихъ философскихъ статей. Ц. 60 к.—2) Э. Махъ, Анализъ ощущеній и отношеніе физическаго къ психическому. Ц. 75 к. 3) В. Зомбартъ, Соціализмъ и соціальное движеніе. Ц. 60 к.

— Изданія товарищества „Знаніе“: 1) Сборникъ Товарищества „Знаніе“ за 1907 годъ. Кн. XVII: М. Горькій, А. Черешновъ, В. Вересаевъ и Н. Гаринъ. Ц. 1 р.—2) Леонидъ Андреевъ, т. IV: Разсказы и пьесы. Ц. 1 р.—3) Фридр. Энгельсъ, Жилищный вопросъ. Ц. 15 к. — 4) Г. Григорьевъ, Краткій курсъ химіи. Изд. 5-ое. Ц. 80 к. — 5) Нѣкоторыя замѣчанія о теоріи и практикѣ марксизма. Франца Меринга. Ц. 8 к. — 6) К. Каутскій, Революціонныя перспективы. Ц. 10 к. Спб. 907.

— Московская губернія по мѣстному обслѣдованію 1898—1900 гг. Т. III: Комбинаціонныя таблицы основныхъ статистическихъ свѣдѣній объ экономическомъ положеніи крестьянскихъ семей Московской губерніи. Вып. 1.—Томъ IV. Земледѣльческое хозяйство. Вып. 1. М. 907.

— Отчетъ двадцать-третій Попечительства Императрицы Маріи Александровны о слѣпыхъ. 1905 годъ. Спб. 906.

— Отчетъ Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ за 1906 годъ. М. 907.

— Отчетъ Спб. Пожарной Команды за 1906 годъ. III. Спб. 907.

— Политическая Энциклопедія, подъ ред. Л. З. Слонимскаго. Т. I, вып. 4-й: Выборы—Драго. Спб. 907. Ц. 1 р.

— Проектъ учебнаго плана по математикѣ для мужскихъ гимназій. Кіевъ. 907.

— Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ Архива Собственной Е. И. В. Канцеляріи. Вып. XIII. Состав. Н. Дубровинъ. Спб. 906.

— Харбинъ и О—во К.-В. Ж. Д. Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ О—ва Кит.-Вост. ж. дор. и населенія г. Харбина. Харб. 907.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюля 1907 г.

Событія въ южной Франціи.—Палата депутатовъ и министерство Клемансо.—Новый австрійскій парламентъ и императоръ Францъ-Іосифъ. — Внутреннія дѣла Германіи и Пруссіи.

Чрезвычайно странное революціонное движеніе возникло и разгорѣлось въ южной Франціи. Направленное противъ правительства и парламента, оно не имѣло, однако, никакого политическаго характера— по крайней мѣрѣ въ сознаніи своихъ вождей и участниковъ; возникши на почвѣ экономическаго кризиса, вызваннаго упадкомъ сбыта мѣстныхъ винъ, оно не выдвигало никакихъ опредѣленныхъ экономическихъ требованій и не обнаруживало никакой связи съ программами и стремленіями соціализма. Это было возстаніе бѣдняковъ, но не бездомныхъ рабочихъ, а собственниковъ и промышленниковъ, мелкихъ хозяевъ-крестьянъ, доведенныхъ неблагопріятными обстоятельствами до тяжелой матеріальной нужды и отчасти даже до нищенства. Бѣдствіе происходило не отъ неурожая и не отъ перепроизводства; напротивъ, виноградники не обманули ожиданій владѣльцевъ, и количество продуктовъ соотвѣтствовало обычной нормѣ; общая же площадь земли, отведенной подъ винодѣліе, значительно сократилась за послѣдніе годы, и она теперь гораздо меньше, чѣмъ въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Постепенное уменьшеніе спроса и цѣнъ на мѣстныя вина чувствовалось уже давно, и заинтересованная часть населенія старалась по возможности приспособиться къ измѣнившимся условіямъ рынка; но кризисъ все болѣе обострялся, одновременно съ расширеніемъ оборотовъ производителей искусственныхъ и поддѣльныхъ винъ. Приготовленіе напитковъ этой послѣдней категоріи, съ примѣсью сахара и разныхъ другихъ веществъ, сдѣлалось спеціальностью многихъ крупныхъ фирмъ и приносило имъ огромныя выгоды, тогда какъ настоящія природныя вина не находили покупателей или должны были продаваться въ убытокъ. Винодѣліе южныхъ департаментовъ, долго служившее для нихъ источникомъ обогащенія, перестало кормить населеніе; бѣдствовавшіе обыватели волновались, настойчиво требовали рѣшительныхъ мѣръ противъ фальсификаціи винъ и громко выражали свое неудовольствіе противъ министровъ и депутатовъ, слишкомъ мало озабоченныхъ, повидимому, насущными интересами юга. Въ разныхъ мѣстахъ образовались комитеты для защиты

вамъ примѣръ. Провозглашена отставка всѣхъ муниципалитетовъ. Да здравствуетъ югъ! Да здравствуетъ природное вино!" И опять безконечная овація, восторженные возгласы толпы въ честь „искупителя", Марселена Альбера. На трибуну всходитъ докторъ Ферруль, мэръ Нарбонны. „Сигналъ данъ, — говоритъ онъ.—Марселенъ Альберъ подалъ сигналъ забастовки налоговъ и забастовки политической. Теперь югъ перестаетъ говорить,—онъ начинаетъ дѣйствовать. Можно было бы ничего не сказать больше, но мы не можемъ оставить безъ отвѣта вызовъ, брошенный намъ органами правительства. Насъ обвиняютъ въ томъ, что мы поддаемся вліянію реакціонеровъ, что мы вовсе не воплощаемъ собою юга, поднявшагося для защиты своей жизни. Мы протестуемъ противъ этого обвиненія и противъ безсознательныхъ властей, неспособныхъ съ достаточною энергіею исполнять свои прямыя обязанности. Нашъ югъ протестуетъ противъ бездѣйствія правительства, ибо мы умираемъ съ голоду и мы хотимъ жить. Муниципальная жизнь должна исчезнуть. Ни одинъ честный муниципалитетъ, достойный быть южнымъ, не останется на мѣстѣ. На васъ возлагается исполненіе этого декрета бѣдняковъ. Этой южной землѣ, столь великодушной и плодородной, столь долго питавшей пиратовъ и паразитовъ, мы клянемся доставить счастье и процвѣтаніе. А теперь, граждане, будемъ дѣйствовать! Завтра вечеромъ, по звуку колокола, я брошу въ лицо правительства свой шарфъ мэра". Среди всеобщаго возбужденія одинъ изъ присутствовавшихъ мэровъ заявляетъ, что, какъ старѣйшій мэръ департамента, онъ тутъ же немедленно бросаетъ свой шарфъ. Въ заключеніе Марселенъ Альберъ торжественно произноситъ клятву союзниковъ и кончаетъ словами: „кто повредитъ нашему дѣлу, тотъ будетъ судимъ и осужденъ". Толпа проноситъ своего героя на рукахъ до ратуши, гдѣ онъ съ балкона говоритъ на прощаніе: „Будемъ едины. Ни политики, ни соперничества, ни споровъ! Особенно соблюдайте спокойствіе. Мы сражаемся за правое дѣло. Митингъ принялъ размѣры, которые возбудятъ уваженіе. Будемъ дѣйствовать, но сохранимъ спокойствіе".

Размѣры митинга были дѣйствительно необыкновенны: одна желѣзная дорога доставила 250 поѣздовъ съ манифестантами; изъ окрестныхъ селъ прибыло 27.000 телѣгъ, наполненныхъ людьми, и болѣе 2.500 велосипедовъ, не считая автомобилей. Настроеніе было возбужденное, приподнятое, антиправительственное, но безъ всякаго политическаго или партійнаго оттѣнка; нѣкоторое чувство злобы прорывается иногда противъ отсутствующихъ депутатовъ, и по рукамъ ходитъ афиша, ядовито изображающая поведеніе французскаго парламента въ двухъ различныхъ засѣданіяхъ: „Засѣданіе 22 ноября 1906. Увеличеніе жалованья депутатовъ до 15.000 франковъ. Присутствуютъ

530 депутатовъ. Увеличеніе принимается немедленно. — Засѣданіе 7 іюня 1907. Обсужденіе кризиса винодѣлія. Присутствуютъ 25 депутатовъ. Никакого рѣшенія". Это простое, но краснорѣчивое сопоставленіе должно служить наглядной общедоступной сатирой на своекорыстныхъ парламентскихъ дѣльцовъ, но въ сущности оно характеризуетъ лишь наивную простоту ума самихъ критикующихъ: еслибы кризисъ винодѣлія могъ быть улаженъ ассигнованіемъ опредѣленной суммы, хотя бы до 15 милліоновъ франковъ, то палата, вѣроятно, разрѣшила бы вопросъ такъ же быстро и легко, какъ она приняла проектъ объ увеличеніи содержанія депутатовъ. Послѣдній проектъ можно было принять или отвергнуть, но обсуждать его или спорить о немъ не было надобности, ибо никакихъ сложныхъ вопросовъ онъ не касался и не затрагивалъ; между тѣмъ кризисъ винодѣлія не только не даетъ матеріала для ясныхъ и простыхъ рѣшеній, но напротивъ, задѣваетъ очень трудныя и едва ли устранимыя хозяйственныя проблемы, которыя, быть можетъ, даже безполезно обсуждать съ точки зрѣнія практической политики. Какъ заставить потребителей покупать природныя южно-французскія вина, когда они упорно предпочитаютъ болѣе вкусные поддѣльные напитки? Помогутъ ли самыя суровыя мѣры противъ фальсификаціи, если послѣдняя одобряется и поддерживается публикою? Наконецъ, имѣемъ ли мы основаніе предположить, что даже съ полнымъ устраненіемъ поддѣлки покупатели обратятся опять къ природнымъ южно-французскимъ винамъ, а не къ какимъ-нибудь другимъ, болѣе утонченнымъ суррогатамъ? Правительство и парламентъ, очевидно, совершенно безсильны или, вѣрнѣе, некомпетентны въ дѣлѣ обезпеченія сбыта такого товара, на который почему-либо нѣтъ спроса; единственное, что̀ могло бы сдѣлать государство, — это самому явиться покупателемъ или побудить своихъ агентовъ принять участіе въ пріобрѣтеніи и потребленіи даннаго продукта, что̀ отчасти и устроилось косвенно при занятіи извѣстныхъ мѣстностей войсками: нѣкоторое количество запасовъ мѣстнаго вина ушло на армію, на ея многочисленный офицерскій и штабный персоналъ. Простодушные южные винодѣлы приписываютъ государственной власти такую силу, какой она вовсе не имѣетъ; они ждутъ своего спасенія отъ новыхъ законовъ и назначаютъ для ихъ изданія кратчайшій срокъ, чтобы какъ можно скорѣе покончить съ тяжелымъ кризисомъ. Правительство въ свое время выработало и внесло въ палату законопроектъ, подробно предусматривающій разные виды фальсификаціи винъ; между прочимъ, наложенъ дополнительный крупный акцизъ на сахаръ, употребляемый для подслащенія напитковъ,—противъ чего настойчиво протестовали сахарозаводчики сѣверныхъ департаментовъ. Обсужденіе закона въ палатѣ вызывало различныя воз-

раженія и поправки со стороны представителей заинтересованныхъ отраслей промышленности, и оно не могло идти такимъ быстрымъ темпомъ, какъ того желали Марселенъ Альберъ и его товарищи. Но можно быть заранѣе увѣреннымъ, что положеніе южно-французскаго винодѣлія мало измѣнится послѣ принятія спасительныхъ законодательныхъ мѣръ; условія производства и рынка не легко поддаются внѣшнему искусственному воздѣйствію, тѣмъ болѣе, что существуютъ многочисленные способы обхода неудобныхъ законовъ и постепеннаго приспособленія къ нимъ. Мы видимъ въ Сѣверной Америкѣ, въ какихъ разнообразныхъ и энергическихъ формахъ ведется борьба противъ обширныхъ промышленныхъ синдикатовъ или трёстовъ и какъ ничтожны положительные результаты, достигнутые до сихъ поръ въ этомъ направленіи; трёсты усиливаются и процвѣтаютъ, вопреки всѣмъ преслѣдованіямъ и реформаторскимъ попыткамъ властныхъ противниковъ. Злоупотребленія крупной промышленности слишкомъ тѣсно связаны съ ея организаціею и внутреннею природою, чтобы можно было успѣшно бороться съ ними при помощи чисто внѣшнихъ мѣропріятій; въ данномъ же случаѣ, въ вопросѣ о винодѣліи, дѣло идетъ не о чьихъ-либо злоупотребленіяхъ, а объ упадкѣ сбыта или цѣнъ, имѣющемъ, вѣроятно, свои общія причины, независимо отъ конкурренціи фальсификаторовъ. Какъ бы то ни было, южно-французскіе винодѣлы недовольны правительствомъ и объявили забастовку муниципалитетовъ и отказъ въ уплатѣ прямыхъ налоговъ; въ особой мотивированной инструкціи, за подписью Марселена Альбера и членовъ комитета Аржелье, предлагается всѣмъ союзнымъ общинамъ, начиная съ 10 іюня, исполнить одобренное въ Монпелье рѣшеніе, согласно ультиматуму, принятому единодушно 500.000 винодѣловъ послѣ митинга 12 мая въ Безьèрѣ. „Мы должны идти безъ насилія—сказано въ „инструкціи"—по законному пути, на который мы вступили, и прогрессивно и послѣдовательно пользоваться тѣми средствами, которыя наше право или наша сила предоставитъ въ наше распоряженіе. Было бы фатально для нашего дѣла—исчерпать однимъ ударомъ всѣ наши средства защиты. Направленіе должно быть единое, повиновеніе и дисциплина—полныя... Никакихъ безпорядковъ! Часъ еще не насталъ, и мы хотимъ еще надѣяться, что онъ никогда не настанетъ. Прежде чѣмъ рѣшиться на крайнія мѣры и принять на себя подавляющую отвѣтственность, мы обязываемся спросить васъ всѣхъ".

Съ этого момента начинается пассивная борьба цѣлаго края противъ правительства; въ короткое время около пятисотъ муниципалитетовъ послѣдовало призыву комитета Аржелье, и вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчается поворотъ въ настроеніи массъ. Настоятельные совѣты соблюдать законность и порядокъ не приводятъ къ желанной цѣли; въ

толпѣ просыпаются враждебныя чувства къ полиціи и жандармамъ, а также къ содѣйствующимъ имъ отрядамъ войска. Въ Монпелье, на другой день послѣ митинга, арестованъ былъ человѣкъ, державшій знамя съ надписью: „Долой фальсификаторовъ! Всѣ—въ Парижъ! Да здравствуетъ революція!“ Публика требовала его освобожденія, окружила полицейское управленіе и бросала камнями въ конныхъ жандармовъ; одинъ офицеръ былъ тяжело раненъ, и самъ префектъ едва выбрался изъ толпы, которую хотѣлъ успокоить послѣ того, какъ арестованный былъ уже выпущенъ на свободу. Правительство отнеслось вполнѣ серьезно къ возвѣщенной политической и податной забастовкѣ южныхъ общинъ; глава кабинета, министръ внутреннихъ дѣлъ, Клемансо, разослалъ всѣмъ мэрамъ, заявившимъ о своей отставкѣ, весьма длинное и обстоятельное письмо, въ которомъ подробно объяснилъ весь вредъ и практическую безцѣльность принятаго рѣшенія. Посланіе Клемансо, представляющее собою цѣлую диссертацію, заключаетъ въ себѣ много разумныхъ мыслей и проникнуто миролюбивымъ, снисходительнымъ тономъ; но доводы разсудка не могли уже повліять на разгоряченные умы. Волненія и безпорядки разростаются до того, что приходится поневолѣ обращаться къ содѣйствію вооруженной силы; въ извѣстные пункты посылаются войска; нѣкоторые изъ руководителей движенія, какъ мэръ Нарбонны, докторъ Ферруль, и члены комитета Аржелье, кромѣ скрывшагося Марселена Альбера, были арестованы по распоряженію судебной власти; въ Аржелье образовался тотчасъ новый комитетъ, обратившійся съ успокоительнымъ манифестомъ къ населенію. Съ 19-го іюня въ Нарбоннѣ, Монпелье и Перпиньянѣ происходятъ настоящія революціонныя вспышки; воздвигаются баррикады, совершаются нападенія толпы на публичныя зданія, на полицію и войска; въ отдѣльныхъ мѣстахъ разыгрываются страшные кровавые эпизоды, свидѣтельствующіе о неукротимыхъ звѣрскихъ инстинктахъ народной массы и объ упорныхъ традиціяхъ ненависти къ полицейскимъ чинамъ. Народъ врывался въ помѣщенія префектуръ, разорялъ обстановку и давалъ просторъ своему озлобленію; одинъ полицейскій агентъ, узнанный кѣмъ-то на улицѣ, былъ избитъ до полусмерти, брошенъ съ моста въ воду, и когда онъ всетаки очнулся и поплылъ, то его забросали каменьями, потомъ опять вытащили изъ воды и понесли къ городской ратушѣ, чтобы онъ выдалъ еще своихъ товарищей по сыску; безчеловѣчная, продолжительная расправа съ этимъ коммиссаромъ, избѣгнувшимъ смерти какимъ-то чудомъ, наглядно доказываетъ, что психологія толпы не измѣнилась къ лучшему со временъ великой французской революціи. Въ связи съ этими жестокими сценами въ Нарбоннѣ, солдаты стрѣляли въ манифестантовъ, причемъ, по обыкновенію, жертвами были посторонія

случайныя лица, въ томъ числѣ женщины; военные отряды вообще дѣйствовали крайне сдержанно, и въ ихъ средѣ было болѣе пострадавшихъ, чѣмъ со стороны участниковъ уличныхъ демонстрацій. Строгія, категорическія предписанія правительства рекомендовали военнымъ начальникамъ „крайнее терпѣніе" при конфликтахъ съ обывателями и допускали употребленіе огнестрѣльнаго оружія только для защиты отъ нападеній, угрожающихъ жизни самихъ солдатъ; впрочемъ, мѣстные жители относились къ войскамъ далеко не съ такою непріязнью, какъ къ полиціи, хотя и горячо протестовали противъ присылки ихъ, и только кирасиры почему-то вызывали противъ себя общее раздраженіе. Весьма серьезными симптомами ненормально-повышенной политической атмосферы въ южныхъ департаментахъ являлись частыя колебанія дисциплины въ войскахъ, дошедшія наконецъ въ одномъ пѣхотномъ полку до прямого возмущенія и ухода значительной части нижнихъ чиновъ; возмутившіеся, разгромивъ казармы въ городѣ Агдѣ и захвативъ большое количество патроновъ, самовольно отправились обратно въ Безьѐръ, откуда они были переведены, и собирались отомстить кирасирамъ за стрѣльбу въ народъ на улицахъ Нарбонны; только съ большими усиліями удалось командирамъ успокоить возставшихъ солдатъ въ Безьѐрѣ и уговорить ихъ сдаться подъ условіемъ освобожденія отъ законныхъ каръ, послѣ чего эти солдаты были высланы въ Алжиръ. Дѣятельное участіе въ стараніяхъ уладить этотъ прискорбный инцидентъ принимали члены комитета Аржелье, говорившіе и дѣйствовавшіе отъ имени Марселена Альбера.

Вожди движенія, очевидно, были озадачены печальными результатами своей боевой политики; они какъ будто растерялись при видѣ тяжелыхъ и кровавыхъ событій, отодвинувшихъ уже кризисъ винодѣлія на задній планъ; самъ знаменитый Марселенъ Альберъ забылъ свою роль „искупителя", „спасителя юга" и внезапно превратился опять въ простого запуганнаго обывателя, готоваго искать спасенія у министровъ. Своимъ неожиданнымъ визитомъ у Клемансо, 23 іюня, Альберъ сразу разрушилъ обаяніе своей легендарной личности и уничтожилъ свою политическую репутацію; онъ оказался крайне впечатлительнымъ, нервнымъ и наивнымъ человѣкомъ, съ которымъ ничего не стоило справиться такому опытному дѣятелю, какъ нынѣшній глава кабинета. Марселенъ Альберъ явился въ министерство съ запиской, въ которой просилъ умиротворить край освобожденіемъ отъ ареста доктора Ферруля и членовъ комитета въ Аржелье. Увидѣвъ подъ запискою подпись диктатора юга, Клемансо тотчасъ велѣлъ ввести его къ себѣ въ кабинетъ и, оставшись съ нимъ наединѣ, заговорилъ въ суровомъ тонѣ объ его отвѣтственности за происшедшіе безпорядки и за пролитую кровь; упреки по поводу жертвъ привели

Марселена Альбера въ такое состояніе, что онъ тутъ же расплакался. Придя въ себя, онъ выразилъ готовность способствовать умиротворенію и спросилъ министра, что ему для этого дѣлать; Клемансо отвѣтилъ: „отдайте себя въ распоряженіе закона и употребите ваше вліяніе на то, чтобы побудить своихъ соотечественниковъ возвратиться на путь порядка и законности". На замѣчаніе Альбера, что у него нѣтъ денегъ на дорогу, министръ предложилъ ему сто франковъ, которые тотъ принялъ; Марселенъ Альберъ отправился на югъ для исполненія своей новой миссіи, забывъ уже о заявленныхъ имъ требованіяхъ и о судьбѣ арестованныхъ товарищей. Онъ откровенно сообщилъ южанамъ подробности своего свиданія съ Клемансо, говорилъ объ его добротѣ, пытался объяснить, почему взялъ у него деньги на дорогу, и сталъ доказывать необходимость соглашенія; его встрѣчали и слушали съ обычными признаками вниманія и сочувствія, но уже безъ всякаго энтузіазма, отчасти даже съ видимымъ недоумѣніемъ и разочарованіемъ. Миссія Марселена Альбера не имѣла успѣха, и самъ комитетъ Аржелье рѣшилъ, что бывшему „искупителю" остается только отдаться въ руки правосудія, согласно обѣщанію, данному Клемансо; 26-го іюня Альберъ исполнилъ это обязательство въ Монпелье, отославъ предварительно министру взятые у него сто франковъ. Такъ окончилась баснословная карьера человѣка, который силою своей индивидуальности и инціативы возвысился въ короткое время до положенія какого-то Наполеона и вслѣдъ затѣмъ, по непонятнымъ причинамъ, добровольно подчинился личному авторитету враждебнаго ему министра. Если желательно было соглашеніе съ правительствомъ, то не слѣдовало съ такимъ паѳосомъ проповѣдывать борьбу и торжественно давать клятву довести дѣло до конца; всего менѣе подобало смѣлому организатору революціоннаго движенія южныхъ департаментовъ совѣтоваться съ главою кабинета, какъ ему поступить послѣ всего имъ сдѣланнаго, и наконецъ смѣшная исторія съ займомъ денегъ у министра выставляетъ Марселена Альбера въ видѣ какого-то расслабленнаго нейрастеника, не отдающаго себѣ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. Можно думать, что, будучи прежде всего человѣкомъ непосредственнаго чувства, Марселенъ Альберъ былъ подавленъ тяжестью непредвидѣнныхъ имъ реальныхъ послѣдствій своей дѣятельности; его угнетала мысль о кровопролитіи, и онъ скромно возвратился въ свое первобытное состояніе, отказавшись отъ непосильныхъ для него широкихъ цѣлей и порывовъ. Для Клемансо это добровольное подчиненіе опаснаго южнаго агитатора было крупною и совершенно неожиданною политическою побѣдою.

Въ палатѣ депутатовъ министерство Клемансо подвергалось энергическимъ нападкамъ съ разныхъ сторонъ, то за недостатокъ рѣши-

тельности въ подавленіи безпорядковъ, то за чрезмѣрную суровость репрессивныхъ мѣръ. Въ засѣданіи 21 іюня обсуждались запросы о дѣйствіяхъ военныхъ и судебныхъ властей въ южныхъ провинціяхъ; Клемансо представилъ подробный отчетъ о событіяхъ, объ арестахъ и вызванныхъ ими волненіяхъ, объ извѣстныхъ инцидентахъ въ арміи, и старался доказать, что правительство употребляло всѣ усилія для возстановленія и обезпеченія законнаго порядка съ возможно меньшими жертвами, безъ излишней слабости, но и безъ прямолинейнаго формализма, доводящаго до безцѣльной жестокости. Оттого и возмутившимся солдатамъ дана была возможность вернуться на путь законности безъ крутой расправы и безъ примѣненія строгихъ военныхъ правилъ, въ виду особыхъ мѣстныхъ обстоятельствъ, смягчающихъ ихъ вину. Депутатъ Альди, мотивируя свой запросъ, обвиняетъ министерство въ томъ, что оно сначала относилось къ движенію винодѣловъ равнодушно и даже сочувственно, а потомъ стало разстрѣливать манифестантовъ и арестовывать ихъ вождей; войска дѣйствовали, будто бы, безъ предупрежденій, и если нѣкоторые военные отряды возмутились, то только потому, что не желали воевать противъ своихъ согражданъ. „Это не полицейскіе чины, не исполнители кровавой репрессіи; они охотно дрались бы на границѣ, но отказывались выступать противъ своихъ же французовъ. Если будетъ продолжаться система репрессіи, то предстоятъ самыя тяжкія столкновенія; вчера это были мирныя и грандіозныя манифестаціи, сегодня—возстаніе, а завтра — это будетъ уже революція“. Депутатъ Бруссъ объясняетъ хозяйственныя причины кризиса и требуетъ обдуманныхъ мѣръ для ихъ устраненія; Леруа-Больё съ негодованіемъ отвергаетъ мысль о томъ, что движеніе юга вдохновлялось сторонниками реакціи и врагами республики; Шарль Бенуа утверждаетъ, что духъ революціи и анархіи поощряется самимъ правительствомъ и его радикальными союзниками; наконецъ, Миллеранъ вдается въ оцѣнку личнаго характера Клемансо, говоритъ объ его постоянныхъ внутреннихъ противорѣчіяхъ и увлеченіяхъ, объ его рѣзкихъ переходахъ изъ одной крайности въ другую, и ставитъ прямо вопросъ объ его органической неспособности справиться съ трудной задачей поддержанія порядка въ странѣ. „Преимущество республиканскаго строя именно въ томъ и заключается, что люди, стоящіе во главѣ правительства, могутъ быть смѣнены въ двадцать четыре часа“; потому необходимо, по мнѣнію Миллерана, тотчасъ же заявить, что министерство Клемансо не заслуживаетъ довѣрія и должно уступить мѣсто другому, болѣе подходящему. Клемансо отвѣчаетъ съ обычнымъ своимъ остроуміемъ и высказываетъ нѣсколько интересныхъ общихъ соображеній о внутренней политикѣ республики. „Въ обществѣ пробудился мессіанскій

духъ; люди ищутъ спасителя. Мы — не спасители, мы демократы; мы представляемъ собою эту великую вещь — управленіе страны самимъ народомъ. Здѣсь собраны представители всѣхъ партій Франціи; нужно согласовать и примирить ихъ интересы. Страну губитъ упадокъ характеровъ, господство страха. Отказываютъ въ уплатѣ податей изъ страха, идутъ на митинги изъ страха, выходятъ въ отставку изъ страха. Если мы легкомысленны, то мы все-таки имѣемъ ту заслугу, что не боимся отвѣтственности и не поддаемся чувству страха". Жоресъ настаиваетъ на невозможности репрессіи противъ цѣлаго народа, доведеннаго своими бѣдствіями до мечты о спасителѣ; нужна политика мира, а для нея не годится Клемансо, олицетворяющій междоусобную войну. Палата, однако, не согласилась съ оппозиціонными ораторами и большинствомъ 328 противъ 227 голосовъ приняла формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ, выражающую довѣріе къ правительству въ дѣлѣ „обезпеченія уваженія къ закону и скорѣйшаго умиротворенія страны". Въ дѣйствительности Клемансо показалъ себя гибкимъ и ловкимъ государственнымъ человѣкомъ, сохраняющимъ самообладаніе и энергію въ самые критическіе моменты, и по отношенію къ разыгравшимся на югѣ событіямъ онъ несомнѣнно обнаружилъ гораздо бо̀льшую отзывчивость, чѣмъ засѣдающіе въ палатѣ представители южныхъ департаментовъ, не сумѣвшіе своевременно заинтересовать парламентъ нуждами своихъ избирателей и не считавшіе даже долгомъ посѣтить свои округа при обостреніи мѣстнаго кризиса. Когда нѣкоторые изъ этихъ депутатовъ отправились потомъ на югъ, они были встрѣчены свистками и должны были уѣхать обратно ни съ чѣмъ; населеніе гораздо болѣе недовольно парламентомъ, чѣмъ министрами, и оно не можетъ простить депутатамъ ихъ склонность къ устройству своихъ личныхъ дѣлъ на общественный и казенный счетъ, при даровомъ полученіи болѣе сорока франковъ суточныхъ денегъ. Недостатки французскаго парламентаризма зависятъ, впрочемъ, не столько отъ учрежденій, сколько отъ нравовъ, понятій и интересовъ, господствующихъ среди французской буржуазіи.

Обновленный австрійскій парламентъ открылъ свои засѣданія 17-го іюня; старѣйшій изъ депутатовъ, Функе, произнесъ вступительную рѣчь, въ которой выразилъ надежду, что первая палата, избранная всеобщимъ голосованіемъ, окажется народною палатою въ истинномъ и полномъ смыслѣ этого слова. При обычномъ возгласѣ въ честь императора встали и соціалъ-демократы, въ отличіе отъ своихъ германскихъ коллегъ, которые въ подобныхъ случаяхъ предварительно покидаютъ залъ засѣданій; это отчасти объясняется тѣмъ, что нѣмецкіе соціалисты слишкомъ долго подвергались преслѣдованіямъ со стороны

правительства, отрицавшаго ихъ право на свободное законное существованіе, какъ самостоятельной политической партіи, — чего не испытывали австрійскіе соціалъ-демократы. Тронная рѣчь была прочитана императоромъ въ торжественномъ собраніи обѣихъ палатъ во дворцѣ, 19-го іюня. „Избирательная реформа—говорилъ или, вѣрнѣе, читалъ престарѣлый Францъ-Іосифъ — устраняетъ всякія преимущества въ избирательныхъ правахъ, признаетъ всѣхъ гражданъ совершеннолѣтними и предоставляетъ каждому одинаковую долю вліянія на общественныя дѣла; эта реформа основана на довѣріи, которое я питаю къ преданности моихъ народовъ государству. На вновь избранной палатѣ депутатовъ лежитъ особая задача — оправдать это довѣріе и доказать, что значительное расширеніе основъ политическаго строя идетъ рука объ руку съ укрѣпленіемъ и увеличеніемъ политическихъ силъ государства; ибо право участія въ государственныхъ дѣлахъ вызываетъ обязательное участіе въ отвѣтственности за судьбу цѣлаго. Поэтому я ожидаю, что возникшее изъ всеобщаго избирательнаго права народное представительство, сознавая свои обязанности предъ государствомъ, будетъ вмѣстѣ съ моимъ правительствомъ заботиться объ удовлетвореніи насущныхъ потребностей государственной жизни и станетъ плодотворно работать для блага отечества". Въ тронной рѣчи говорится далѣе о необходимости разрѣшенія національныхъ споровъ въ духѣ компромисса и примиренія. „Я желаю—продолжалъ императоръ — оставить моимъ народамъ, какъ драгоцѣнное наслѣдіе, обезпеченное сохраненіе ихъ національныхъ благъ и этимъ упрочить для всего общества національный миръ, который долженъ быть достояніемъ всѣхъ друзей отечества. Я поставилъ въ обязанность моему правительству употребить для этого всѣ силы, и я обращаюсь съ просьбою ко всѣмъ, кому одинаково дороги ихъ національныя особенности и благо государства, способствовать достиженію этой цѣли". Остальная часть тронной рѣчи посвящена подробному обзору главныхъ задачъ и вопросовъ внутренней политики, а также характеристикѣ отношеній монархіи къ иностраннымъ державамъ.

Въ Австріи нѣтъ парламентаризма, но тамъ давно существуетъ добросовѣстное и отвѣтственное правительство; австрійскіе министры, хотя и назначаемые обыкновенно не изъ среды парламентскаго большинства, безусловно подчиняются и обязаны подчиняться законамъ, не ставятъ себя выше общественнаго мнѣнія, серьезно относятся къ конституціи и не считаютъ, что званіе „слуги императора и престола" почетнѣе званія „слуги отечества и страны". Самъ императоръ выросъ въ традиціяхъ абсолютной монархіи и божественнаго права; онъ олицетворяетъ собою древнѣйшую изъ европейскихъ феодальныхъ династій, и не было бы ничего удивительнаго въ томъ, что онъ при-

знавалъ бы имперію своимъ достояніемъ, за которое онъ отвѣчаетъ только передъ престоломъ Всевышняго. Однако, онъ не повторяетъ словъ и фразъ стараго средневѣковаго стиля, не злоупотребляетъ именемъ Господа Бога для оправданія своихъ рѣшеній, не возноситъ себя на недосягаемую высоту надъ своими вѣрными народами, а благодушно говоритъ объ отвѣтственномъ участіи всѣхъ гражданъ въ государственныхъ дѣлахъ, о желательности искренняго внутренняго мира между различными народностями и о важныхъ преимуществахъ всеобщаго избирательнаго права. Его нисколько не тревожитъ появленіе въ новой палатѣ депутатовъ многочисленной соціалъ-демократической партіи; министръ-президентъ, баронъ Бекъ, въ одномъ изъ позднѣйшихъ засѣданій парламента, заявилъ уже въ своей програмной рѣчи, что самая многочисленность этой партіи должна побудить ее принять дѣятельное активное участіе въ положительной парламентской работѣ. Никому изъ австрійскихъ бюрократовъ не придетъ, конечно, въ голову требовать преданія всей этой партіи суду на томъ основаніи, что ея печатная программа обнаруживаетъ республиканскія тенденціи и что отдѣльные соціалъ-демократы уже теперь стремятся къ подготовленію будущаго торжества своихъ идеаловъ. Законность не есть въ Австріи пустое слово, служащее лишь прикрытіемъ для беззаконія и произвола, — ибо явленія этихъ послѣднихъ категорій давно перешли въ область преданій. Австрійскій государственный порядокъ держится на принципѣ преемственной послѣдовательности; онъ не подвергается шатаніямъ въ разныя стороны, въ зависимости отъ случайныхъ закулисныхъ вліяній, и предпринимаемыя въ немъ реформы вводятся не для того, чтобы потомъ ихъ отнимать или ограничивать. Когда императоръ Францъ-Іосифъ говоритъ о своихъ надеждахъ, связанныхъ съ осуществленіемъ всеобщаго избирательнаго права, то онъ не имѣетъ, конечно, въ виду отказаться отъ принятой разъ системы, если эти надежды его не оправдаются; онъ знаетъ, что реформа требовалась настоятельными интересами монархіи и общественнымъ мнѣніемъ ея народовъ,—и этого для него достаточно. И въ Австріи существуютъ истинно-австрійскіе патріоты, вѣрные поклонники старины, проповѣдники насилія и угнетенія; но Францъ-Іосифъ не выражаетъ имъ публично своихъ симпатій, не усматриваетъ въ нихъ оплота своей власти и не даетъ повода предполагать, что его личные политическіе идеалы находятся назади, а не впереди. Новый парламентъ собрался безъ всякихъ опасеній за свое будущее, среди полнаго общественнаго спокойствія; нѣтъ и не можетъ быть никакихъ слуховъ о разгонѣ или роспускѣ; никто не безпокоится за судьбу всеобщаго избирательнаго права, каковы бы ни были его практическіе результаты съ точки зрѣнія вліятельныхъ придворныхъ сферъ и господствующаго земле-

владѣльческаго класса. При спокойной увѣренности общества въ завтрашнемъ днѣ, при повсемѣстномъ владычествѣ твердыхъ законовъ и порядковъ, современная Австрія не знаетъ ни внутренней смуты, ни террора, и императоръ Францъ-Іосифъ можетъ мирно, съ чистой совѣстью, доживать свои послѣдніе годы, окруженный почтительною преданностью и уваженіемъ своихъ вѣрныхъ народовъ.

Въ Германіи и Пруссіи существуетъ еще отчасти личный режимъ въ культурныхъ его формахъ, безъ ущерба для господства строгой законности; въ высшемъ составѣ правительства и въ направленіи внѣшней политики происходятъ иногда перемѣны, мотивы которыхъ остаются неизвѣстными или непонятными для публики и общественнаго мнѣнія. Одинъ изъ наиболѣе даровитыхъ и заслуженныхъ дѣятелей имперіи, статсъ-секретарь по внутреннимъ дѣламъ, графъ Посадовскій, занимавшій этотъ постъ въ теченіе почти десяти лѣтъ (съ іюля 1897 года), уволенъ въ отставку, и на его мѣсто назначенъ бывшій съ 1905 года прусскимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ фонъ-Бетманъ-Гольвегъ; въ этомъ случаѣ выдающійся представитель умѣренно-прогрессивной соціальной политики замѣненъ зауряднымъ консервативнымъ чиновникомъ, который пока еще ничѣмъ не доказалъ ни своихъ дарованій, ни своей компетентности по соціальнымъ вопросамъ. Въ то же время удалился со сцены реакціонно-клерикальный прусскій министръ народнаго просвѣщенія и вѣроисповѣданій, фонъ-Штудтъ, и мѣсто его занялъ бывшій товарищъ министра публичныхъ работъ, Голле, имѣющій репутацію дѣльнаго чиновника и пользующійся также сочувствіемъ клерикаловъ; эта перемѣна привѣтствуется либеральною печатью уже потому, что Штудтъ былъ воплощеніемъ узкой и мелочной реакціи, и всякій другой министръ будетъ лучше его. Говорятъ, что отставка Посадовскаго и Штудта знаменуетъ торжество канцлера Бюлова надъ какими-то закулисными интригами, и что теперь возстановлено единство управленія, которое прежде нарушалось чрезмѣрною самостоятельностью имперскаго министра внутреннихъ дѣлъ и чрезмѣрною близостью прусскаго министра культовъ къ клерикаламъ; но самые проницательные нѣмецкіе публицисты затрудняются объяснить неожиданное возвышеніе фонъ-Бетмана-Гольвега, назначеннаго также вице-президентомъ прусскаго министерства. Большого значенія эти перемѣны имѣть не могутъ, но онѣ даютъ газетамъ обильную пищу для догадокъ и комментаріевъ, характеризующихъ придворно-бюрократическій міръ Пруссіи.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Hermann Esswein. August Strindberg. Ein psychologischer Versuch. München, R. Piper Verlag, 1907.

Писатели создаютъ въ своемъ творчествѣ извѣстныя цѣнности — художественныя, философскія или этическія, и тѣмъ, принимаемъ ли мы или отвергаемъ эти цѣнности, опредѣляется наше отношеніе къ нимъ. Можно принимать идеи писателя или спорить съ ними, цѣнить его художественный талантъ или не признавать его,—но во всякомъ случаѣ его творчество—мы говоримъ, конечно, о писателяхъ крупныхъ, съ опредѣлившейся индивидуальностью, съ утвердившимся положеніемъ въ литературѣ — представляется цѣльнымъ явленіемъ, органически развивающимся бытіемъ духа.

Но бываютъ исключенія, — бываютъ писатели, значеніе которыхъ не въ созданныхъ ими идейныхъ и художественныхъ цѣнностяхъ, а только въ ихъ внутреннихъ переживаніяхъ и въ силѣ, съ которой они ихъ возсоздаютъ. Съ ними не приходится спорить или соглашаться,—потому что они не утверждаютъ ничего общеобязательнаго, не формулируютъ никакихъ объективныхъ истинъ, а устанавливаютъ только свое личное отношеніе къ міру; ихъ даже нельзя разсматривать какъ художниковъ, потому что они не достигаютъ гармоніи, требующей духовной уравновѣшенности, выбора, ограниченія стихійныхъ порывовъ въ разныя стороны. Но они влекутъ къ себѣ, какъ стихійная сила. Они не создаютъ литературнаго теченія, хотя и отзываются со всей силой пламеннаго духа на вліянія историческаго момента, — и въ нихъ важна только искренность ихъ переживаній. Такія исключенія довольно рѣдки,—каждая эпоха насчитываетъ ихъ лишь весьма немного. Въ наше время одной изъ такихъ исключительныхъ по своей оригинальности художественныхъ натуръ является шведскій писатель Августъ Стриндбергъ. Къ нему относятся различно. Многихъ отталкиваетъ его страстная защита самыхъ противорѣчивыхъ положеній: онъ былъ въ началѣ своей дѣятельности горячимъ сторонникомъ женской эмансипаціи, однимъ изъ тѣхъ, которые воспитали общественное мнѣніе въ этомъ отношеніи и создали высокое положеніе женщины въ скандинавскихъ странахъ. А потомъ никто не напа-

далъ такъ яростно на женщинъ, никто такъ не низводилъ нравственныя качества женщинъ, какъ тотъ же Стриндбергъ, клеймившій женщину какъ начало зла въ природѣ. Долго Стриндбергъ былъ непримиримымъ матеріалистомъ и видѣлъ источникъ духовнаго освобожденія человѣчества въ естественныхъ наукахъ, въ позитивномъ міросозерцаніи,—а потомъ онъ проникся религіозными настроеніями, искалъ спасенія для своихъ душевныхъ мукъ въ оккультизмѣ и основывалъ свое этическое совершенствованіе на прямыхъ общеніяхъ съ „исправительными духами"; этими и еще другими противорѣчіями полны чрезвычайно многочисленныя произведенія Стриндберга,—и потому идейная ихъ цѣнность—шаткая. Но если все-таки онъ—одинъ изъ самыхъ сильныхъ писателей нашего времени, то потому что есть въ немъ нѣчто искупающее съ избыткомъ хаосъ его міросозерцанія. Стриндбергъ привлекаетъ какъ сильная личность съ трагической судьбой и съ глубоко-искреннимъ отношеніемъ къ себѣ и своимъ переживаніямъ. Все его творчество—духовная автобіографія, и такъ какъ его душевная трагедія, его переживанія въ духѣ, вѣчно вопрошающемъ, вѣчно ищущемъ исхода изъ міровыхъ сомнѣній, отражаетъ именно трагедію современнаго человѣка, то все, что онъ переживаетъ болѣзненно чуткими нервами и передаетъ съ поразительно точнымъ, трезвымъ и яснымъ самоанализомъ, волнуетъ его современниковъ, какъ бы они ни были далеки отъ того, чтобы раздѣлять его мысли, его теоріи, его историческіе и общественные взгляды и въ особенности принимать за факты его болѣзненныя галлюцинаціи.

Недавно вышедшая монографія о Стриндбергѣ Германна Эсвейна интересна тѣмъ, что авторъ разсматриваетъ Стриндберга именно психологически, приводя его творчество въ непосредственную связь съ его внѣшними и внутренними переживаніями,—не входя въ критику его идей, а объясняя его значеніе силой и искренностью его самоанализа. „Стриндберга нужно разсматривать какъ судьбу",—говоритъ онъ, утверждая въ этихъ словахъ, что его творчество—исповѣдь человѣка съ своеобразной трагической судьбой, вызванной столкновеніемъ между обостренно-впечатлительной душой и суровыми обстоятельствами жизни—въ сущности типичными для всякой жизни въ современныхъ условіяхъ. Это опредѣленіе указываетъ исходную точку критика или, вѣрнѣе, автора духовной біографіи Стриндберга. Очеркъ Эсвейна, благодаря такому пониманію творчества Стриндберга, даетъ ясное представленіе объ оригинальной силѣ шведскаго писателя, независимой отъ внутренной цѣнности противорѣчивыхъ идей, заключенныхъ въ его романахъ, разсказахъ и драмахъ. Эсвейнъ далеко не исчерпываетъ анализъ произведеній Стриндберга и даже говоритъ лишь о немногихъ его книгахъ, но онъ беретъ самое характерное для ду-

ховной біографіи писателя и даетъ этимъ ключъ къ пониманію его болѣе объективныхъ, и реалистическихъ, и фантастическихъ до бреда книгъ; этотъ ключъ раскрываетъ многое, что можетъ казаться безъисходно хаотичнымъ въ творчествѣ Стриндберга.

Эсвейнъ разбираетъ главнымъ образомъ нѣсколько автобіографическихъ произведеній Стриндберга, объясняющихъ его судьбу и порожденную ею психологію. Основная черта этихъ произведеній—ихъ подкупающая искренность; она несомнѣнна, и не потому только, что разсказанные факты соотвѣтствуютъ дѣйствительности, а потому что важны не они, а то, какъ на нихъ отзывалась впечатлительная душа Стриндберга, и какъ исторія его жизни и его духовныхъ переживаній объясняетъ эволюціи его идейной жизни. Основная черта его переживаній, какъ они вырисовываются въ его собственномъ изложеніи, это тотъ усиленный темпъ его жизни, который отпугиваетъ отъ него среднихъ людей. „Они чувствуютъ, — говоритъ Эсвейнъ, — что они при такой силѣ воспріимчивости сломали бы себѣ шею", и что стихійность этого человѣка титаническая. Какъ такую трагическую судьбу человѣка, титана не по силѣ воли, а по воспріимчивости духа и пламенной жаждѣ совершенства, Эсвейнъ и разсматриваетъ творчество, т.-е. самую личность Стриндберга.

Матеріала для этого болѣе чѣмъ достаточно въ произведеніяхъ Стриндберга. Критикъ останавливается на трехъ автобіографическихъ книгахъ Стриндберга, на трехъ его исповѣдяхъ, относящихся къ тремъ смѣняющимся періодамъ его жизни, или его мученичества въ духѣ. Первая изъ нихъ, „Прошлое глупца", носящая въ оригиналѣ заглавіе „Сынъ служанки". Говоря въ ней о себѣ и своихъ дѣтскихъ впечатлѣніяхъ, Стриндбергъ изображаетъ также свое время, бытъ, среди котораго онъ выросъ, всѣ разрушающія вліянія окружавшей его среды, и автобіографія его становится характернымъ документомъ времени. Въ „Сынѣ служанки" разсказана исторія даровитаго человѣка съ высокими стремленіями, несчастіе котораго—въ томъ, что его собственная жизнь и жизнь его времени сдѣлались для него сознательнымъ переживаніемъ. Несчастіе же его умственной жизни—въ его безпредѣльной жаждѣ знанія: онъ стремится обнять всѣ области науки и не въ состояніи сосредоточиться ни на какой спеціальности. Эти природные задатки подготовляютъ его къ трагической судьбѣ и усугубляются еще другими чертами характера, страстью къ самоанализу, способностью отдавать себѣ отчетъ въ каждомъ движеніи души—способностью, доходящей почти до ясновидѣнія, до того, что его самоопредѣленія въ этой первой автобіографической книгѣ становятся почти пророчествомъ объ его позднѣйшей судьбѣ. Кромѣ того, Стриндбергъ—отъ природы непримиримый пессимистъ, подавлен-

ный неразрѣшимой загадочностью человѣческихъ судебъ, болѣющій—дѣйствительно, реально болѣющій—несправедливостью въ распредѣленіи счастья и несчастья въ жизни людей. Стриндбергъ не находитъ отвѣта на свои сомнѣнія, тѣмъ болѣе мучительныя, что онъ всецѣло поглощенъ этическими стремленіями и потому не можетъ выработать метафизики, стоящей выше вопросовъ добра и зла, какъ они отражаются въ человѣческомъ пониманіи. Всѣ эти индивидуальныя черты опредѣляютъ воздѣйствіе Стриндберга на обстоятельства жизни—на крайне тяжелыя впечатлѣнія дѣтства и юношества, изображенныя въ „Сынѣ служанки". Стриндбергъ разсказываетъ о переживаніяхъ въ родной семьѣ, потомъ въ школѣ и университетѣ, и въ передачѣ его рисуется крайне мрачная картина. Дѣтство его прошло въ большомъ старомъ домѣ въ Стокгольмѣ, гдѣ его родители жили въ крайней бѣдности, въ непосильномъ трудѣ. Семья, состоявшая изъ родителей, семерыхъ дѣтей и двухъ служанокъ, тѣснилась въ трехъ комнатахъ; дѣти спали на гладильной доскѣ, на стульяхъ, въ кроватяхъ и колыбеляхъ. Воспитаніе ихъ было въ рукахъ служанокъ, заражавшихъ ихъ суевѣріями,—а потомъ это домашнее вліяніе смѣнялось школьнымъ. Такъ росли въ то время всѣ дѣти низшихъ классовъ, и Стриндбергъ сокрушается о томъ, что мать его отстранила отъ себя самое важное дѣло жизни—воспитаніе дѣтей. Но обвинять именно ее въ этомъ онъ самъ не рѣшается: она была изнуренной, слабой женщиной, родила двѣнадцать дѣтей и заболѣла чахоткой отъ непосильнаго труда. Обобщая свои впечатлѣнія дѣтства, Стриндбергъ приходитъ къ слѣдующему, безъисходно пессимистическому представленію о семьѣ. „Семья,—говоритъ онъ,—чрезвычайно несовершенное учрежденіе. Это учрежденіе для ѣды, мытья и глаженія, но не на экономныхъ началахъ. Все время проходитъ въ изготовленіи пищи, покупкахъ на рынкѣ, въ овощной и молочной, въ мытьѣ и глаженіи, въ уборкѣ жилья. Сколько силъ тратится на нѣсколькихъ людей! Содержатель ресторана, у котораго ѣдятъ въ день болѣе ста человѣкъ, едва ли тратитъ больше времени и силъ на хозяйство. Воспитаніе заключается въ брани, шлепкахъ и требованіи послушанія отъ дѣтей. Жизнь встрѣчаетъ ребенка только обязанностями—безъ всякихъ правъ. Всѣ имѣютъ право высказывать желанія,—только не дѣти. Ребенокъ не можетъ ничего коснуться, не совершая этимъ проступка, никуда повернуться, чтобы не мѣшать кому-нибудь изъ взрослыхъ, не сказать ни слова, чтобы не вызвать неудовольствія. Въ концѣ концовъ онъ не рѣшается двинуться съ мѣста. Его главная обязанность и наибольшая заслуга—спокойно сидѣть на мѣстѣ, никому не мѣшая". Безотрадное положеніе ребенка въ бѣдной рабочей семьѣ отягчалось еще несправедливыми наказаніями и колотушками, вызванными часто только

раздраженіемъ старшихъ. Заслуга Стриндберга—въ томъ, что онъ не озлобился, не сталъ—какъ это часто бываетъ—упрямцемъ, мнящимъ себя выше другихъ. Онъ сохранилъ трезвое отношеніе къ себѣ и могъ поэтому писать потомъ свои правдивыя, безпощадныя и къ себѣ исповѣди.

Въ дѣтствѣ Стриндбергъ былъ религіозенъ, такъ что его возвратъ къ религіозности подъ старость, послѣ долгаго періода рѣзкаго позитивизма, объясняется отчасти и дѣтскими склонностями, и чертой, унаслѣдованной отъ религіозно настроенной матери. Проснувшійся интересъ къ религіознымъ вопросамъ связанъ былъ въ дѣтствѣ Стриндберга съ его страстью къ чтенію. Онъ былъ нервный, болѣзненный мальчикъ, склонный къ мрачнымъ настроеніямъ. Занятія учебными предметами не удовлетворяли его, потому что они не имѣли отношенія къ жизни, а его волновали вопросы непосредственной дѣйствительности, противорѣчія между рано развитымъ чувствомъ справедливости и окружающей жизнью. Въ религіи его привлекало то, что она коренится въ жизни, отвѣчаетъ на непосредственные запросы совѣсти. Въ религіозныхъ книгахъ онъ находилъ пищу для своего этическаго паѳоса. Онъ наблюдалъ въ себѣ нервныя явленія, сказывавшіяся въ предосудительныхъ по его пониманію дѣйствіяхъ, и религіозныя книги вызывали въ немъ стремленіе къ совершенствованію, въ то время какъ ясный разсудокъ давалъ ему возможность точно изучать и опредѣлять себя.

По окончаніи гимназіи, Стриндбергъ сдѣлался народнымъ учителемъ, такъ какъ не имѣлъ средствъ сразу вступить въ университетъ. Его возмущалъ педантизмъ навязываемой ему педагогической системы, и онъ былъ всегда въ душѣ за-одно со своими учениками противъ школьнаго начальства. Съ этихъ поръ начались его духовныя мытарства, выражавшіяся въ разрозненности порывовъ, въ вѣчной борьбѣ противъ себя—опять-таки во имя обуревавшаго его этическаго паѳоса. Онъ съ какимъ-то бѣшенствомъ ломалъ свою натуру, доходилъ до попытокъ самоубійства. Религіозный кризисъ ранней юности миновалъ;—изъ чувства самосохраненія, ища оплота въ жизни, онъ увлекся точными знаніями, сдѣлался убѣжденнымъ позитивистомъ, удовлетворяя этимъ свои интеллектуально-позитивныя потребности,—но въ то же время въ немъ кипѣла романтическая натура, страстная фантазія, склонность къ иллюзіонизму. Романтизмъ увлекалъ его къ общенію съ массами, порождалъ желаніе проповѣдывать, а противоположные раціоналистическіе мотивы побуждали его работать надъ личнымъ самоусовершенствованіемъ. Внутренній разрывъ отражался и во внѣшней жизни, постоянной смѣной занятій и профессій. Онъ сталъ заниматься медициной, когда помощь состоятельнаго покровителя дала

ему возможность поступить въ университетъ; потомъ вдругъ сдѣлался актеромъ,—изображеніе героевъ на сценѣ, перевоплощеніе въ людей съ высокимъ духомъ казалось ему средствомъ самовоспитанія. Во всѣхъ этихъ метаніяхъ сказывалась мучительная борьба между страстной душой и сильной трезвой жаждой познаванія,—и нравственное величіе Стриндберга заключается въ томъ, что онъ не искалъ успокоенія, не останавливался во имя спокойствія души на какомъ-нибудь одномъ этапѣ, а безпощадно отдавался мучительнымъ исканіямъ, къ которымъ увлекалъ его неутомимый духъ.

Больше всего, однако, онъ занимался естественными науками, укрѣплявшими въ немъ позитивизмъ, временно давшій ему устойчивость. Но онъ не сдѣлался спеціалистомъ-естественникомъ, и ему предстояло еще много кризисовъ въ жизни. Онъ стремился къ универсальнымъ знаніямъ. Ничто его не удовлетворяло; отъ всякаго опредѣленнаго знанія его неудержимо влекло къ другому,—и по его произведеніямъ ясно видно, какъ онъ шелъ къ безднѣ безумія. Его спасъ уже въ позднѣйшіе годы окончательный поворотъ къ религіи,—которая стала для него опять-таки не метафизическимъ міропониманіемъ, а средствомъ для этическаго совершенствованія.

Позитивизмъ Стриндберга, сказавшійся и въ цѣломъ рядѣ натуралистическихъ литературныхъ произведеній, привелъ его къ кризису, отразившемуся въ двухъ автобіографическихъ книгахъ: „На морѣ“ и „Исповѣдь глупца“. Въ первой изъ этихъ двухъ книгъ Стриндбергъ говоритъ не отъ собственнаго имени, а облекаетъ свою исповѣдь въ объективную форму повѣсти; но автобіографическій характеръ ея очевиденъ, хотя она вмѣстѣ съ тѣмъ—документъ времени, духовной жизни цѣлаго поколѣнія, пережившаго кризисъ матеріализма. Исторія д-ра Акселя Борга—трагедія непримиримаго позитивиста, отрѣшившагося отъ всякой фантазіи, отъ всякаго иллюзіонизма, отъ всего, что соотвѣтствуетъ художественной потребности души, т.-е. отъ самой этой художественной потребности. Стриндбергъ воплотилъ въ своемъ героѣ свой собственный позитивизмъ, отдѣленный отъ того, что составляло его вторую натуру, т.-е. отъ прирожденнаго ему романтизма.

Аксель Боргъ не приходитъ къ позитивизму разочарованный въ другихъ потребностяхъ духа. Его позитивизмъ—органическій. Уже отецъ его былъ свободенъ отъ всякой мечтательности и воспиталъ сына въ своихъ принципахъ. Для Акселя Борга ясны отношенія человѣка къ вселенной, ясны отношенія къ силамъ природы, которыя человѣкъ можетъ лишь до извѣстной степени подчинять себѣ. У него нѣтъ страха передъ неизвѣстнымъ, передъ смертью и передъ Богомъ, и онъ становится умнымъ, разсудительнымъ человѣкомъ, чуждымъ всякихъ диссонансовъ, удовлетвореннымъ исканіями въ области научныхъ

истинъ, презирающимъ „дары фантазіи"... Путешествія по разнымъ странамъ еще болѣе усилили въ немъ его разсудочность и преисполнили его презрѣніемъ къ массѣ, живущей пережевываніемъ чужихъ мыслей, обуреваемой страстями и безплодной жаждой власти. Онъ приходитъ къ крайнему индивидуализму, къ желанію уйти отъ міра въ сознаніи своего духовнаго превосходства, въ стремленіи къ самоутвержденію. Въ немъ такимъ образомъ изображены послѣдніе выводы позитивизма, предѣлы позитивнаго самоутвержденія личности,— и судьба его становится трагедіей такого, доведеннаго до послѣднихъ предѣловъ, отколовшагося отъ разнообразія жизни позитивизма. Его жизненная задача сводится къ тому, чтобы утвердить свою личность въ враждебномъ ему мірѣ и продолжить выработавшійся въ немъ новый типъ сильной личности,—и на выполненіи этой задачи онъ гибнетъ. Онъ поселяется, получивъ должность инспектора рыболовныхъ промысловъ, на одинокомъ островѣ въ шхерахъ; рыбаки относятся къ нему съ страшной враждой, и его стремленіе воздѣйствовать на нихъ, воспитать ихъ въ своемъ духѣ не удается; онъ сходитъ съ ума и гибнетъ жертвой борьбы со средой. Гибели его содѣйствуетъ любовь къ истеричной женщинѣ, съ которой у него завязываются мучительныя, основанныя на непрерывной духовной борьбѣ отношенія; уже тутъ намѣчаются мысли Стриндберга о гибельномъ вліяніи женщины. Полностью отношеніе къ женщинѣ сказалось въ третьемъ его автобіографическомъ произведеніи, въ „Исповѣди глупца". Это—исторія его личныхъ переживаній въ бракѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ пламенная проповѣдь противъ семьи, дышащая изступленнымъ гнѣвомъ противъ женщины. Въ этой книгѣ психологія автора опять, какъ всегда у Стриндберга, соткана изъ противорѣчій. Онъ—суровый критикъ брака и жертва своихъ иллюзій относительно любви и брака. Опять борьба между пламенной стихійностью и холодной разсудочностью. Трагизмъ его семейныхъ переживаній—въ томъ, что, возводя въ мечтахъ женщину на высоту чистой мадонны, онъ столкнулся съ такой же необузданной, страстной и дикой въ своемъ эротизмѣ подругой, и катастрофа, сопровождаемая обманами и измѣной, должна была неминуемо наступить. По силѣ обличеній и, главное, по силѣ страданій, вылившихся въ несправедливой по существу, но страшной по обнаженности измученной души исповѣди, эта книга Стриндберга—одна изъ самыхъ поразительныхъ въ литературѣ.

Разочарованіемъ въ женщинѣ и дикой ненавистью къ ней завершается пессимистическій позитивизмъ Стриндберга. Онъ дошелъ до той точки отчаянія, на которой наступаетъ безуміе—и онъ чрезвычайно близокъ къ нему. Цѣлый рядъ литературныхъ произведеній, главнымъ образомъ большинство его прославленныхъ драмъ,—„Отецъ",

„Фрейлейнъ Юлія“, „Кредиторы“,—отражаетъ съ большой художественной силой этотъ фазисъ его душевной жизни. Во всѣхъ нихъ сказывается дикая ненависть къ женщинѣ, которая всегда изображена истеричнымъ эротическимъ существомъ, попирающимъ душу мужчины. Какъ всегда въ гнѣвныхъ обличеніяхъ, сила врага преувеличивается, и женщины Стриндберга необыкновенно, сверхчеловѣчески могущественны въ своемъ пользованіи женскими средствами, своей красотой, своимъ коварствомъ, своимъ соблазномъ. Фрейлейнъ Юлія—отчасти сама жертва своего истерическаго эротизма, но она—героиня, высшее существо, свободная въ своемъ эротизмѣ до того, что она своимъ капризомъ разрушаетъ преграды между общественными классами, даруетъ страсть гордой аристократки дерзкому слугѣ, оставаясь при этомъ гордой и властной, дѣлая его игрушкой своихъ чувствъ. Еще сильнѣе женщина—будто бы хорошая, честная буржуазка, любящая свою дочь—въ „Отцѣ“, гдѣ она, пользуясь орудіемъ материнства, доводитъ своего мужа до настоящаго безумія, внушая ему сомнѣніе въ томъ, что онъ—отецъ ихъ дочери. Спорить съ этими обличеніями не приходится;—дѣло не въ томъ, дѣйствительно ли женщины такъ стихійно испорчены, какъ полагаетъ Стриндбергъ, а въ томъ, съ какой глубиной онъ возсоздаетъ терзанія души, мечущейся въ безсильномъ стремленіи подняться изъ хаоса противорѣчивыхъ влеченій.

Стриндбергъ уцѣлѣлъ, однако, въ этой борьбѣ—уцѣлѣлъ психологически, сохранилъ разсудокъ и нашелъ опору для своего этическаго паѳоса. Опору эту онъ нашелъ въ воскресшемъ религіозномъ чувствѣ, которое привело его сначала къ оккультизму, а потомъ—къ строгому католицизму. И тутъ опять, какъ относительно крайностей его позитивизма, его похода противъ женщины и т. д., не слѣдуетъ цѣнить его по абсолютной цѣнности его новаго міровоззрѣнія. Онъ сталъ вѣрить въ духовъ, въ знаки карающаго и обращающаго на путь добра божества, и выдаетъ за факты явныя галлюцинаціи. Но исповѣдь его новыхъ настроеній, искренность пережитыхъ имъ нравственныхъ мученій такъ же сильно дѣйствуетъ, какъ и его прежнія исповѣди, проникнутыя невозможностью мириться съ несправедливостью и въ личной судьбѣ, и въ окружающемъ мірѣ. Его „Inferno“, „Легенды“, „Путь въ Дамаскъ“, несмотря на хаотичность, подчасъ дикость содержанія, приковываютъ своей искренностью, демонической силой переживаній и, главное, страстнымъ влеченіемъ къ добру. Стриндбергъ ищетъ оправданій, знаковъ, удостовѣряющихъ истинность и законность его жажды самосовершенствованія—и успокаивается на категорическихъ велѣніяхъ, которыя находитъ въ своихъ религіозныхъ идеяхъ.

Творчество Стриндберга, такимъ образомъ, крайне индивидуально уже тѣмъ, что оно отражаетъ исключительно сильную, исключительно

остро воспринимающую всѣ впечатлѣнія душу. Самое же общечеловѣческое въ немъ—его этическій паѳосъ, силой котораго онъ ведетъ свою разрушительную кампанію противъ „зла жизни".

II.

Schalom Asch. Der Gott der Rache. Drama. Berlin 1907. S. Fischer Verlag.

Недавно выдвинулся писатель, который по языку, по описываемому имъ быту долженъ быть причисленъ къ группѣ этнографическихъ бытописателей, изображающихъ жизнь и бытъ ограниченной, замкнутой въ своихъ спеціальныхъ и своеобразныхъ условіяхъ жизни народной группы. Это—Саломъ Ашъ, изображающій среду русскихъ и польскихъ евреевъ; произведенія его написаны на нарѣчіи или жаргонѣ русско-польскаго еврейства. Но въ послѣдніе годы сочиненія его, въ особенности драмы, переведены на русскій и на нѣмецкій языки и сдѣлались общелитературнымъ достояніемъ. И тогда оказалось, что этотъ этнографическій писатель представляетъ общечеловѣческій интересъ, что затрагиваемыя имъ темы, разработанныя съ истинно художественнымъ талантомъ, выходятъ далеко за предѣлы узко-національной жизни, которую онъ описываетъ. Двѣ драмы Салома Аша пріобрѣли наибольшую извѣстность: „По пути въ Сіонъ" и „Богъ мести". Послѣдняя шла и идетъ съ большимъ успѣхомъ на русской сценѣ, а также въ Германіи. Въ настоящее время она вышла въ печати и по-русски, и въ нѣмецкомъ переводѣ.

Саломъ Ашъ привлекаетъ самобытностью своихъ мыслей и своего таланта. Онъ—внѣ литературныхъ вліяній, и въ немъ выгодно сказывается необыкновенная свѣжесть, почвенность, отсутствіе литературныхъ традицій. Къ самымъ сложнымъ психологическимъ задачамъ онъ подступаетъ съ большой простотой; бытовыя драмы, созданныя обстоятельствами тѣсной, трудной жизни въ мелкихъ провинціальныхъ условіяхъ, углублены до паѳоса трагедій живой совѣсти. Трагизмъ въ его пьесахъ—безхитростный и тѣмъ сильнѣе захватывающій.

„Богъ мести" — трагедія ветхозавѣтнаго человѣка, поставленнаго лицомъ къ лицу съ самыми страшными вопросами духа — съ вопросомъ объ отвѣтственности за свои дѣянія передъ высшимъ судомъ божественной справедливости. Самобытность Салома Аша, противоположная интеллектуальной изощренности писателей съ долгимъ литературнымъ прошлымъ, заключается въ необычайной прямолинейности, наивной простотѣ постановки вопроса. Его герой чувствуетъ себя стоящимъ непосредственно лицомъ къ лицу съ Богомъ, противъ

котораго онъ ополчился, и месть котораго онъ стремится отклонить. Онъ не сомнѣвается въ прямомъ воздѣйствіи Бога на его личную судьбу. У него не возникаетъ гамлетовскихъ міровыхъ вопросовъ о тайнахъ божественной справедливости въ мірѣ; онъ чувствуетъ наивно-религіозной душой власть Бога въ своихъ личныхъ дѣлахъ—и борется съ Богомъ, какъ съ реальнымъ противникомъ, подчиняясь справедливому гнѣву и ополчаясь противъ несправедливой мести. Наивность этой борьбы, чувство близости къ грозной силѣ, разрушающей жизнь человѣка, дѣлаетъ драму и очень человѣчной, и вмѣстѣ съ тѣмъ очень углубленной; трагизмъ ея — близкій и безъисходный. И еще нѣчто придаетъ благородный подъемъ драмѣ Салома Аша, — то, что драма, происходящая въ средѣ, живущей самыми низменными интересами и разсчетами, имѣетъ чисто духовный характеръ. Ничего мѣняющаго его внѣшнюю жизнь, ничего нарушающаго его жизненные интересы не происходитъ для героя драмы,—вся трагедія сосредоточена исключительно въ его душѣ; его окружающимъ кажется только, что случилось вполнѣ возможное несчастіе, съ которымъ можно справиться путемъ компромиссовъ; но въ немъ самомъ зрѣетъ и разражается катастрофа. Онъ составилъ себѣ опредѣленное понятіе о справедливости, установилъ опредѣленное отношеніе къ своему Богу — и Богъ разрушилъ его правду своей грозной карой. Происходитъ трагедія духа—только духа,—воплощенная въ жизни человѣка, занимающагося презрѣннымъ ремесломъ, презирающаго себя самого за свою жизнь. И подобный человѣкъ поднимается на такую высоту въ своемъ поединкѣ съ божественной справедливостью, что его гнѣвъ, его человѣческій судъ надъ божественнымъ закономъ мести не кажется мелкимъ; на днѣ его нравственнаго паденія въ жизни воскресаетъ сила духа, преображающаго его.

Центральное лицо драмы „Богъ мести"—герой, соединяющій нравственное паденіе съ пламенѣющимъ чувствомъ справедливости—еврей Янкель, сознательно занимающійся постыднымъ дѣломъ, содержатель притона. Всѣ вокругъ него,—его жена, ставшая хозяйкой послѣ того, какъ она долго была въ числѣ пансіонерокъ заведенія, его подчиненные,—всѣ какъ-то стараются найти компромиссъ, оправдать себя,—одинъ Янкель ясно сознаетъ, что онъ такое, и въ своемъ наивномъ представленіи о прямомъ воздаяніи человѣку за его проступки, заранѣе примиряется со всѣми карами, которыя Богъ можетъ ниспослать на него. Его отношенія къ Богу ясны для него — онъ свято чтитъ Его, подчиняется закону справедливаго возмездія, и въ этой примиренности онъ спокоенъ. Онъ избралъ въ жизни дурное, захотѣлъ нажиться неправеднымъ путемъ, — за это онъ готовъ и поплатиться. У жены его совѣсть не чуткая; она и сама довольствуется

самообманомъ — и доказываетъ мужу, что, наживъ деньги, можно потомъ забыть объ ихъ происхожденіи и жить „честно" со спокойной совѣстью. Но Янкель не обманываетъ себя. Онъ мечтаетъ иногда о томъ, чтобы бросить дѣло и заняться чѣмъ-нибудь менѣе выгоднымъ, но болѣе честнымъ, — но тотчасъ же оставляетъ эти мечты, считая себя все равно погибшимъ, въ виду всего, что сдѣлалъ въ жизни.

Но все-таки, готовый принять всякую кару отъ „Бога мести", онъ лелѣетъ одну святыню въ душѣ. Янкель имѣетъ дочь, молоденькую Ривкеле, и ее онъ охраняетъ отъ зла. Она выростаетъ честной дѣвушкой, — главное, честной,—и ей воздастся въ жизни по ея чистотѣ. Онъ благоговѣетъ передъ ея нетронутостью — и возрождается душой, думая о своей прекрасной, чистой дочери. Тутъ, по его міропониманію, предѣлъ Божьяго гнѣва. На дочь его кара за его тяжкіе грѣхи распространиться не можетъ. Она достойна милостей Господнихъ—и онѣ ей достанутся. Янкель — не возставшій на Бога нечестивецъ, какъ его подчиненный, лѣнтяй Шлойме, живущій на счетъ женщины, которая кормитъ его своимъ постыднымъ ремесломъ. Для Шлойме нѣтъ ничего святого, совѣсть его не мучитъ, онъ думаетъ только о выгодѣ и не считается съ Богомъ мести. А Янкель остается вѣрнымъ слугой Господнимъ. Онъ и паденіемъ своимъ славитъ Его,— вѣря въ справедливость кары, и точно такъ же видитъ высшее благо въ чистотѣ, и знаетъ, что чистота угодна Богу. Для завидной доли праведницы онъ готовитъ свою дочь, и мечтаетъ о ея свѣтлой судьбѣ. Онъ знаетъ, что на него самого блага Господни не распространятся, и онъ готовъ все претерпѣть. Пусть онъ погибнетъ—лишь бы жизнь Ривкеле сложилась прекрасно и свѣтло, вдали отъ ея презрѣнныхъ родителей,—непремѣнно вдали, ибо не для себя, а для нея онъ ждетъ благословенія Господня. И для этой цѣли, составляющей святыню его жизни, онъ все дѣлаетъ. Онъ живетъ съ женой и дочкой въ верхнемъ этажѣ дома, а заведеніе—внизу. Но онъ не допускаетъ сношеній между верхомъ и низомъ, увѣренъ, что Ривкеле и понятія не имѣетъ о жизни внизу. Она живетъ богобоязненно у родителей; низъ для нея—другой міръ, съ которымъ она никогда не столкнется. Янкель прогоняетъ Шлойме и его подругу, когда они приходятъ наверхъ толковать съ нимъ о дѣлахъ. Это все тамъ — здѣсь онъ отецъ благочестивой дѣвушки, по близости отъ которой не должно свершаться и говориться что-либо нечистое.

И Янкель надумалъ сдѣлать еще нѣчто большее для того, чтобы призвать милости Господни на голову своей дочери. Онъ заказываетъ тору—свитки закона — и приглашаетъ благочестиваго раввина для освященія торы къ себѣ въ домъ. Раввинъ, далекій отъ мірскихъ дѣлъ, погруженный въ святыя книги старикъ, не знаетъ—въ чей домъ

онъ пришелъ. Ему говорятъ, что хозяинъ богобоязненный еврей, рѣшившій освятить свой домъ присутствіемъ въ немъ торы. И раввинъ читаетъ наставленіе Янкелю. „Ты долженъ хорошенько понять, какое великое дѣло тора“, — говоритъ онъ. — „На святой торѣ стоитъ міръ, и каждая отдѣльная тора такъ же священна, какъ таблицы закона, полученныя Моисеемъ на горѣ Синаѣ. Каждая точка въ торѣ выведена въ чистотѣ и благоговѣніи. Въ домѣ, гдѣ находится тора, присутствуетъ Господь, и поэтому домъ долженъ быть охраненъ отъ всего нечистаго“. Эти простыя слова о святынѣ въ домахъ и сердцахъ человѣческихъ вполнѣ соотвѣтствуютъ чистому пламени вѣры въ содержателѣ притона Янкелѣ. Онъ такъ проникнутъ благоговѣніемъ къ святынѣ, что ни за что не осквернитъ ее соприкосновеніемъ съ собой. Тора будетъ стоять въ комнатѣ Ривкеле—она одна, чистое дитя, достойна блюсти святыню, которая распостранитъ благословеніе на нее, — и потомъ, когда найдется достойный женихъ для честной дѣвушки, Янкель дастъ ему въ приданое эту тору, наградитъ его всѣми деньгами, которыя у него есть, — а заработалъ онъ много своимъ дѣломъ,—и потомъ будетъ только радоваться, что дочь его—честная, благочестивая женщина, которая сама будетъ славить Господа и сдѣлается матерью такихъ же чистыхъ, какъ она, дѣтей. Міръ оправданъ въ глазахъ Янкеля, пока сохраняется равновѣсіе, пока наказаны нечестивые и благословенны праведные. Бога карающаго и Бога ниспосылающаго милости Янкель чтитъ съ одинаковымъ благочестіемъ.

Но гармонія его религіозной души, смиренной во грѣхѣ, пламенной въ молитвахъ, нарушается налетѣвшей на него бурей,—и всѣ его надежды на справедливость Бога рушатся. Ривкеле—не такая, какою онъ представляетъ ее себѣ. Въ ней говоритъ кровь матери, въ ней сказались грѣхи отца. Она чиста по невѣдѣнію, — но уже относится съ любопытствомъ къ тому, что происходитъ внизу. Одну изъ дѣвушекъ снизу, Маньку, она нѣжно полюбила. Манька—ея единственная подруга. Манька приходитъ къ ней тайкомъ и учитъ ее причесывать голову, учитъ вышивать—она нарисовала рисунокъ вышивки, которую Ривкеле готовитъ для покрова торы. Дѣвушекъ соединяетъ нѣжная дружба,—и дочь хозяина неудержимо влечетъ внизъ, туда, гдѣ живетъ Манька, жизни которой она не понимаетъ, смутно чувствуя странный соблазнъ этой запретности. Когда Янкель, послѣ того, какъ ушелъ раввинъ, благословившій тору, послѣ того, какъ уже заведены со сватомъ разговоры о подходящемъ женихѣ для Ривкеле, спускается внизъ отдать распоряженія, присмотрѣть за порядкомъ,—онъ къ ужасу своему настигаетъ на лѣстницѣ, ведущей внизъ, Ривкеле. Она что-то бормочетъ про то, что мать послала ее сюда за

нимъ,—и онъ въ бѣшенствѣ готовъ обвинить жену за ея преступный недосмотръ за дочкой, тащитъ дѣвочку наверхъ, грозя ей побоями, если она посмѣетъ еще разъ придти сюда. Но Ривкеле уже обречена своимъ любопытствомъ, своими инстинктами—наслѣдственными. Чуть засыпаетъ, наконецъ, отецъ, какъ она опять прокрадывается внизъ къ своей Манькѣ—и тутъ осуществляется низкій заговоръ противъ Янкеля. Шлойме обѣщалъ своей подругѣ жениться на ней, когда имъ удастся тоже выйти въ люди, зажить порядочной жизнью, какъ всѣ,—т. е. не служить у Янкеля, а имѣть свое „заведеніе". Имъ нужна какая-нибудь приманка для обезпеченія своихъ дѣлъ,—и они задумываютъ заманить къ себѣ Ривкеле, которая охотно послѣдуетъ за своей подругой Манькой. Планъ удается. Манька завлекаетъ дѣвочку, привязавшуюся къ ней, и онѣ вдвоемъ покидаютъ домъ и спасаются въ домѣ Шлойме.

Вотъ какъ воздалъ Богъ мести Янкелю за его благоговѣйное почитаніе святыни чистоты. Когда побѣгъ дѣвушки открытъ, Янкель неистовствуетъ и начинаетъ возмущаться противъ Бога мести. Жена успокаиваетъ его, говоритъ, что дѣвушку разыщутъ, что Шлойме — всѣ понимаютъ, что ея исчезновеніе дѣло его рукъ — вернетъ имъ дочь; нужно только заплатить какъ слѣдуетъ. Она старается образумить его, чтобы онъ не разглашалъ позора. Для нея главное—мнѣніе людей, внѣшнее сохраненіе чести; она живетъ компромиссами. И сватъ, узнавшій о несчастіи, дѣйствуетъ согласно съ нею; онъ успокаиваетъ Янкеля, говоритъ, что нужно будетъ только увеличить сумму приданаго, и Ривкеле все-таки можно будетъ выдать „честно" замужъ. Одинъ Янкель не знаетъ компромиссовъ. Для него трагедія сосредоточена между нимъ и Богомъ, не принявшимъ его раскаянія, покаравшимъ за него невинную душу чистой дѣвушки, толкнувшимъ ее на позоръ. Никакія житейскія соглашенія не могутъ удовлетворить его. Онъ борется съ грознымъ Богомъ мести. Онъ вѣдь готовъ былъ признать смиренно всякую кару—пусть бы проклятіе обрушилось на него, пусть бы онъ обнищалъ, сдѣлался калѣкой, пусть бы несчастіе обрушилось на его нечестивую жену—оба они заслуживаютъ всѣхъ каръ. Но почему на Ривкеле? Почему ей невинно страдать за грѣхи отцовъ?

Жена Янкеле дѣйствуетъ практично: она призываетъ Шлойме, подкупаетъ его подарками и деньгами и уговариваетъ вернуть дочь. Шлойме поддается, — и черезъ нѣсколько времени приводятъ дочь. Какъ разъ въ это время ожидается приходъ свата съ отцомъ предполагаемаго жениха для Ривкеле. Но Янкель не допуститъ обмана, не согласенъ дѣйствовать, какъ внушаютъ ему жена и сватъ. Онъ долженъ предложить только одинъ вопросъ своей дочери — только одинъ, — и это рѣшитъ все. Ривкеле входитъ въ родительскій домъ

растерянная, смущенная. Мать прежде всего старается обласкать ее, отклонить гнѣвъ отца,—но онъ подступаетъ къ Ривкеле съ грознымъ вопросомъ: „Скажи, такъ ли ты чиста, какъ была, выходя изъ родительскаго дома?"—Ему не нужно даже прямого отвѣта. Срывая съ нея шаль, въ которую она закутана, онъ видитъ ее, одѣтую въ традиціонный бѣлый костюмъ дѣвушекъ въ его заведеніи,—и первыя слова Ривкеле, ея вопросъ, почему она должна быть лучше, чѣмъ отецъ и мать, ея вызывающій тонъ, слова, что она все узнала о прошломъ матери,—все объясняютъ. Катастрофа разразилась—Богъ мести покаралъ Янкеля. Тогда въ немъ загорается бунтъ противъ воли Бога, бывшей для него закономъ. Теперь онъ правъ, правъ, несмотря на всѣ свои грѣхи, на всю гнусность своей жизни, — неправъ оказался Богъ, въ которомъ онъ чтилъ высшую справедливость. Янкель толкаетъ дочь въ ея комнату при входѣ гостей. И когда сватъ заводитъ разговоръ о желательности брака между ученымъ, благочестивымъ юношей и богобоязненной дочерью Янкеля, послѣдній быстро бѣжитъ въ комнату Ривкеле, тащитъ испуганную дѣвушку оттуда и, приведя въ комнату, разражается грозной богохульной рѣчью, говоритъ, какова эта чистая дѣвушка, говоритъ, какъ отмстилъ ему Богъ, и, кляня дочь, толкаетъ ее къ лѣстницѣ:—„Ступай внизъ—твое мѣсто тамъ!"—кричитъ онъ, не взирая на вопли жены. Испуганный и растерянный гость быстро удаляется вмѣстѣ со сватомъ, а Янкель кричитъ имъ въ неистовствѣ:—„Заберите съ собой вашу тору! Она мнѣ не нужна".

Трагедія богоборчества кончается пораженіемъ возставшаго человѣка. Грозный Богъ не знаетъ человѣческихъ мѣрилъ справедливости,—и человѣку, не понимающему справедливости божественной, остается или покориться ей, или возставать въ безсильномъ гнѣвѣ, губящемъ только его. Драма заканчивается бунтомъ, — разверзается пропасть между человѣкомъ и Богомъ мести. Отвѣта нѣтъ на дерзкій вопросъ человѣка, предъявляющаго небу свои человѣческія требованія справедливости; есть только судьба, карающая человѣка, когда онъ самовольно ставитъ условія божественному закону. И судьба эта воплощена въ драмѣ Салома Аша съ глубокой жизненностью, съ паѳосомъ истиннаго страданія.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 іюля 1907.

Роспускъ второй Государственной Думы.—Послѣдніе два дня передъ роспускомъ.—Требованіе правительства объ устраненіи соціалъ-демократической фракціи.—Оборванная роспускомъ работа думскихъ коммиссій.—Впечатлѣнія роспуска.—Ближайшія перспективы.—Земскій съѣздъ.—Новыя правила о печати.—Изъ рѣчи костромского губернатора.

Всего на тридцать-два дня пережила Дума вторая—„осторожная“—Думу первую — „короткую“! Семьдесятъ-два дня просуществовала „Дума народныхъ надеждъ“—Дума, которую народъ выбиралъ съ молитвеннымъ благоговѣніемъ и которая была полна вѣры въ непобѣдимое могущество и силу идеи представительства... Сто-четыре дня прожила „Дума послѣдней надежды“—Дума, образуя которую, народъ, главнѣе всего, наказывалъ ее „беречь“ и въ которой одна часть членовъ лихорадочно работала подъ вѣчной угрозой „меча разгона“, другая считала „разгонъ“ неотвратимымъ, а третья желала его скорѣйшаго наступленія...

Въ пятницу, 1 іюня, должно было происходить дѣловое засѣданіе—продолженіе преній по докладу коммиссіи о реформѣ мѣстнаго суда. Но, уже входя въ Думу, можно было видѣть, что вмѣсто очередного дѣлового засѣданія будетъ экстраординарное. Изъ устъ въ уста передавалось, что всѣ министры въ сборѣ и что П. А. Столыпинъ потребовалъ удаленія публики и журналистовъ. По объявленіи засѣданія открытымъ, Ѳ. А. Головинъ предоставилъ слово предсѣдателю совѣта министровъ, который обратился къ Думѣ съ слѣдующей рѣчью... „Имѣя въ виду, что въ настоящее время, въ связи съ обыскомъ въ квартирѣ члена Государственной Думы Озола, предварительнымъ слѣдствіемъ выяснены главнѣйшія данныя по дѣлу объ организаціи преступнаго сообщества, въ составъ котораго вошли нѣкоторые члены Государственной Думы, и представляется необходимымъ немедленное принятіе мѣръ къ обезпеченію правильнаго хода правосудія, я прошу Государственную Думу выслушать представителя судебнаго вѣдомства, прокурора с.-петербургской судебной палаты, который ознакомитъ Думу съ постановленіемъ судебнаго слѣдователя о привлеченіи нѣсколькихъ изъ ея членовъ въ качествѣ обвиняемыхъ. Дальнѣйшія поясненія, по прочтеніи этого акта, можетъ дать Государственной Думѣ присутствующій въ засѣданіи господинъ министръ юстиціи. Обязываюсь присовокупить, что всякое промедленіе со стороны Государственной Думы въ разрѣ-

шеніи предъявляемыхъ къ ней, на основаніи §§ 16 и 21 Учр. Государственной Думы, требованій или удовлетвореніе ихъ не въ полной мѣрѣ поставило бы правительство въ невозможность дальнѣйшаго обезпеченія спокойствія и порядка въ государствѣ".

Хотя засѣданіе происходило при закрытыхъ дверяхъ, но на другой же день въ „Новомъ Времени", а затѣмъ и въ другихъ газетахъ, было напечатано прочитанное прокуроромъ петербургской судебной палаты постановленіе судебнаго слѣдователя и также были приведены почти полностью вызванныя требованіемъ правительства пренія. Рѣчь же П. А. Столыпина была 2 іюня оффиціально сообщена газетамъ „Освѣдомительнымъ бюро".

Обыскъ въ квартирѣ И. П. Озола, имѣвшій мѣсто вечеромъ и ночью 5 мая, былъ предметомъ сужденій Государственной Думы еще 7 мая. Членами соціалистическихъ фракцій по поводу этого обыска тогда было внесено предложеніе о запросѣ, въ виду явной незакономѣрности дѣйствій полиціи. Незакономѣрность была завѣрена, между прочимъ, любопытнымъ документомъ, оглашеннымъ членомъ Думы Салтыковымъ: запиской, написанной подъ диктовку прокурора судебной палаты, который самъ призналъ свою оплошность въ томъ, что при первоначальномъ предъявленіи ему ордера градоначальника объ обыскѣ не обратилъ вниманія на основаніе сдѣланнаго распоряженія и, полагая, что оно послѣдовало въ порядкѣ закона объ охранѣ, въ теченіе двухъ часовъ отказывался отъ вмѣшательства въ дѣло. Когда же г. Камышанскій внимательно прочелъ ордеръ и увидѣлъ въ немъ ссылку на 258 ст. устава уголовнаго судопроизводства, дающую полиціи право на производство слѣдственныхъ дѣйствій лишь до прибытія на мѣсто судебнаго слѣдователя, то предложилъ участковому приставу пріостановиться въ исполненіи распоряженія, потребовалъ отъ него представленія фактическихъ данныхъ, послужившихъ поводомъ для обыска, и, по ознакомленіи съ ними, не нашелъ ихъ достаточными для начатія предварительнаго слѣдствія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для производства какихъ бы то ни было слѣдственныхъ дѣйствій.

Словомъ, обыскъ въ квартирѣ И. П. Озола, какъ онъ обрисовался въ засѣданіи Думы 7 мая, ясно носилъ характеръ дѣйствія, произведеннаго полиціей и формально неправильно, и по существу безъ достаточныхъ основаній. Вслѣдствіе этого Дума не могла придать особаго значенія тому, что было сказано во время преній П. А. Столыпинымъ и И. Г. Щегловитовымъ. Болѣе, чѣмъ естественно, было услышать въ ихъ рѣчахъ ноту оправданія. Противъ нихъ стоялъ фактъ: прекращеніе дѣйствій полиціи по распоряженію прокурора судебной палаты. Правда, П. А. Столыпинъ, между прочимъ, говорилъ: „я долженъ, въ оправданіе дѣйствій полиціи, сказать слѣдующее: на

слѣдующій день были произведены дополнительныя дѣйствія не только полицейской, но и слѣдственной властью и обнаружено отношеніе квартиры депутата Озола къ военно-революціонной организаціи, поставившей своей цѣлью вызвать возстаніе въ войскахъ". То же повторилъ И. Г. Щегловитовъ, заявившій, на основаніи свѣдѣній, собранныхъ 6 мая, что въ квартирѣ г. Озола „вечеромъ 5 мая должно было происходить соединенное засѣданіе представителей революціонной военной организаціи и представителей извѣстной фракціи членовъ Государственной Думы", и что полиція, вошедшая въ квартиру, „опоздала на полчаса". Не заподозривая авторитетности этихъ заявленій, можно было, однако, усумниться въ точности свѣдѣній, собранныхъ послѣ незакономѣрнаго обыска, разъ оказались неубѣдительными даже для представителя прокурорскаго надзора свѣдѣнія, собранныя до обыска. Категорическое заявленіе соціалъ-демократовъ, что никакого сборища революціонныхъ организацій въ квартирѣ И. П. Озола 5 мая не было и не предполагалось, невольно внушало довѣріе. И хотя черезъ день стало извѣстно, что 8 мая въ той же квартирѣ снова производился обыскъ, уже въ судебномъ порядкѣ, а впослѣдствіи неоднократно раздавались съ думской каѳедры указанія на обнаруженную военную революціонную организацію, но вообще инцидентъ съ обыскомъ 5 мая скоро забылся. Во всякомъ случаѣ, онъ забылся, какъ подводный камень, о который можетъ сокрушиться въ своемъ бурномъ плаваніи корабль Государственной Думы. Гораздо болѣе прочное впечатлѣніе, нежели заявленіе о связи соціалъ-демократической фракціи съ военной революціонной организаціей, оставили слѣдующія неопровергнутыя слова министра юстиціи: „Между прочимъ, обыскъ обнаружилъ, что отъ имени одной изъ фракцій Государственной Думы выдаются квитанціи лавочникамъ за снятіе бойкота, за что и берутся деньги".

Чтеніе постановленія судебнаго слѣдователя продолжалось часа полтора. По окончаніи было внесено предложеніе о перерывѣ. Правые запротестовали. Кто-то,—кто именно, не помнимъ,—кричалъ: „Зачѣмъ перерывъ, когда все такъ ясно!" Но большинство рѣшило, что перерывъ необходимъ. Дѣйствительно, моментъ былъ важный и было чрезвычайно много такого, о чемъ слѣдовало подумать и переговорить не только прежде голосованія, но и прежде открытія преній. Постановленіе, изложенное на двадцати-трехъ печатныхъ страницахъ большого формата, заключало въ себѣ слишкомъ много фактическаго матеріала, чтобы возможно было сразу составить себѣ опредѣленное сужденіе для отвѣтственнаго рѣшенія. Съ одной стороны, выступало во всей силѣ предъявленное членамъ Думы обвиненіе въ подготовленіи вооруженнаго возстанія при участіи войска, и въ памяти вставали

полными, законченными словами, стоявшими въ кавычкахъ, которыя свидѣтельствовали о буквальномъ ея воспроизведеніи. На подлинникѣ же помѣтка оказалась написанной сокращенно и отчасти одними начальными буквами словъ, допускавшими полную возможность читать ее иначе, чѣмъ читалъ судебный слѣдователь. И это былъ одинъ изъ важнѣйшихъ документовъ, устанавливавшій связь, если не всей фракціи, то ея комитета, съ военной революціонной организаціей. Другой, не менѣе важный документъ, названный въ постановленіи резолюціей, найденной въ бумагахъ соціалъ-демократической фракціи, оказался листкомъ почтовой бумаги съ написанными на немъ, неизвѣстно кѣмъ и когда, тремя тезисами — безъ всякаго заголовка, безъ подписей и безъ малѣйшаго указанія на то, что это—принятая фракціей резолюція, а не черновой набросокъ ея, быть можетъ никогда не докладывавшійся ни въ собраніи фракціи, ни въ собраніи комитета. Коммиссія послѣ этого естественно не могла оставить безъ свѣрки съ подлинными актами и документами ни одной строки постановленія. А такъ какъ документовъ было предъявлено весьма много, то работа къ назначенному сроку физически не могла быть окончена.

Одновременно съ засѣданіемъ коммиссіи, съ двухъ часовъ происходило засѣданіе Думы. Сперва были оглашены вновь поступившія дѣла. Между прочимъ, предсѣдатель Думы сообщилъ, что отъ предсѣдателя коммиссіи, разсматривавшей законопроектъ о неприкосновенности личности, поступило увѣдомленіе о томъ, что законопроектъ готовъ и можетъ быть назначенъ къ слушанію въ ближайшее время. Такъ было и въ прошломъ году: наканунѣ роспуска первой Думы тоже былъ внесенъ отъ коммиссіи законопроектъ о неприкосновенности личности. Его не довелось заслушать первой Думѣ — и снова въ теченіе цѣлаго года безпомощно висѣли въ воздухѣ слова манифеста 17-го октября: „даровать населенію незыблемыя основы гражданской свободы на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности“... Дума опредѣлила поставить законопроектъ на повѣстку ближайшаго засѣданія. Затѣмъ она перешла къ преніямъ о мѣстномъ судѣ. Почти послѣ каждой рѣчи отъ соціалистическихъ фракцій поступало предложеніе о прекращеніи преній. Крайніе лѣвые желали, чтобы Дума умерла шумно, и потому настаивали на томъ, чтобы немедленно были заслушаны и отвергнуты бюджетъ и всѣ чрезвычайныя мѣры, принятыя правительствомъ въ періодъ междудумья въ порядкѣ 87 статьи основныхъ законовъ. Кадеты каждый разъ протестовали и выходили побѣдителями. Благодаря имъ, Дума умерла буднично, но съ честью: она до послѣдней минуты осталась вѣрною конституціонной идеѣ и повиновенію закону... Около шести часовъ г. Кизеветтеръ, предсѣдатель коммиссіи, разсматривавшей постановленіе судебнаго слѣдователя, до-

ложилъ, что ранѣе, чѣмъ къ понедѣльнику, 4-го іюня, коммиссія не въ силахъ исполнить порученія.

Послѣ небольшого обѣденнаго перерыва, коммиссія продолжала работу до перваго часа ночи. Никакого обмѣна мнѣній въ коммиссіи не происходило: все время читались и изучались предъявляемые г. Камышанскимъ документы. Уходя, г. Камышанскій заявилъ, что на другой день будетъ ждать приглашенія въ коммиссію и, если то окажется нужнымъ, немедленно явится. Послѣ его ухода, было рѣшено собраться на слѣдующій день въ 12 часовъ. Какъ потомъ сообщалось въ газетахъ, два члена коммиссіи, гг. Маклаковъ и Струве, вмѣстѣ съ членами Думы, Булгаковымъ и Челноковымъ, въ этотъ моментъ сидѣли на Елагиномъ островѣ, у П. А. Столыпина. Мы не осуждаемъ ихъ за эту поѣздку и легко представляемъ себѣ тѣ чувства, которыя ихъ заставили ее предпринять. Мы увѣрены, что далеко не у нихъ однихъ, но и у многихъ другихъ членовъ коммиссіи, въ результатѣ двухъ дней нервнаго напряженія, камнемъ лежало на душѣ желаніе выйти изъ невыносимаго состоянія неизвѣстности. Такъ человѣкъ бросаетъ постель умирающаго и летитъ къ доктору, чтобы услышать приговоръ, а въ то же время въ немъ копошится слабая, трепещущая надежда своимъ вмѣшательствомъ что-то подсказать медицинской наукѣ,—что, быть можетъ, спасетъ больного... И гг. Струве, Маклаковъ, Булгаковъ и Челноковъ стремились—мы не сомнѣваемся—раскрыть глаза предсѣдателю совѣта министровъ на то, что онъ видѣлъ подъ одностороннимъ угломъ зрѣнія... Они тогда же узнали, что Дума уже распущена. Но остававшіеся въ коммиссіи до конца разошлись въ увѣренности, что по крайней мѣрѣ на завтра имъ еще предстоитъ быть членами Думы и осуществлять права и обязанности представителей народа.

Тѣхъ изъ нихъ, которые на утро пріѣхали въ Таврическій дворецъ, туда не впустили,—не впустили даже взять оставленные портфели. Другіе прочли на улицахъ манифестъ и во дворецъ не поѣхали. Во дворцѣ въ это время были уже другіе порядки и другіе хозяева. Жившій въ одной изъ комнатъ канцеляріи, секретарь Думы, М. В. Челноковъ, проснувшись, узналъ, что за дверями его спальни стоятъ сторожа, и онъ не могъ уйти, пока къ нему не пришелъ и не вывелъ его начальникъ охраны...

Коммиссія не успѣла ни обсудить дѣло, ни вынести своего заключенія. Какое это было бы заключеніе — сказать не такъ легко, какъ можетъ казаться съ перваго взгляда. Юридическое обоснованіе требованія правительства было далеко отъ абсолютной твердости. Но коммиссія несомнѣнно остановила бы свое вниманіе и на этико-политической сторонѣ вопроса. Въ данномъ отношеніи постановленіе

судебнаго слѣдователя раскрывало, что нѣкоторые члены думской соціалъ-демократической фракціи сошли въ своей дѣятельности съ роли народныхъ представителей конституціоннаго государства и злоупотребляли своимъ положеніемъ, создавая изъ себя „неприкосновенныхъ" партійныхъ агитаторовъ. Мало того,—дѣло давало указанія на намѣреніе произвести давленіе на Думу путемъ фальсификаціи широко будто бы захватившей войска военной революціонной организаціи. Насколько военный заговоръ имѣлъ именно характеръ фальсификаціи, видно изъ слѣдующаго мѣста постановленія, въ которомъ описывается, со словъ одного изъ привлеченныхъ къ слѣдствію солдатъ, какъ составлялся принесенный 5-го мая въ квартиру И. П. Озола „наказъ" отъ лица войскъ петербургскаго гарнизона. „Въ назначенный часъ въ указанномъ мѣстѣ собрались Морозова, Сопотницкій (студентъ), Архиповъ, Кутыревъ, Колясниковъ, Эпштейнъ (солдаты), казакъ Долговъ, еще два солдата и дѣвушка, называвшаяся Ириной, причемъ Ирина прочитала изготовленный наказъ, а Сопотницкій *подписалъ подъ наказомъ части войскъ*, къ которымъ принадлежали присутствующіе нижніе чины, *приписалъ и еще нѣсколько частей*, представителей отъ которыхъ здѣсь не было"... Столь же непросто отгадать, какое рѣшеніе въ концѣ концовъ приняла бы Дума. Нельзя забывать, что вопросъ подлежалъ рѣшенію закрытой баллотировкой, въ отношеніи каждаго изъ 55 соціалъ-демократовъ особо, причемъ сами они въ баллотировкѣ не участвовали бы и тѣмъ число голосующихъ уменьшилось бы болѣе, чѣмъ на восьмую часть наличнаго числа членовъ Думы. Мысль: „а мы теперь должны за нихъ отвѣчать"—едва ли, по выслушаніи требованія правительства, пришла на умъ только одному крестьянину-трудовику. Дума, дѣйствительно, не исполнила требованія правительства *немедленно*. Но исполнить его немедленно, т.-е. дать отвѣтъ 1-го же іюня и даже вечеромъ 2-го іюня, какъ первоначально сама предположила, она не имѣла ни нравственнаго права, ни фактической возможности...

Въ теченіе одиннадцати мѣсяцевъ русское общество пережило роспускъ первой Думы и роспускъ второй. Годъ назадъ былъ „разгонъ". Теперь—будничный, ординарный роспускъ. И съ внѣшней, формальной стороны актъ о роспускѣ первой Думы не былъ соображенъ съ закономъ: онъ не имѣлъ министерской скрѣпы и не назначалъ времени производства новыхъ выборовъ. Вторая Дума распущена актомъ съ формальной стороны безукоризненнымъ. Въ одинъ день съ манифестомъ и указомъ о роспускѣ былъ распубликованъ новый избирательный законъ, одна изъ основныхъ характерныхъ чертъ котораго—регламентація мелочей и детальное измѣненіе раз-

счетовъ числа выборщиковъ по губерніямъ и по куріямъ. Законъ умѣло разрѣшилъ требовавшую кропотливаго труда задачу: такъ скомбинировать условія производства выборовъ и цифровые разсчеты, чтобы никто изъ пользовавшихся избирательнымъ правомъ не былъ его лишенъ, но чтобы, вмѣстѣ съ тѣмъ, это право для главной массы избирателей обратилось въ отвлеченную, теоретическую возможность. Такой законъ не могъ быть составленъ въ короткое время. Къ роспуску, слѣдовательно, систематично и задолго готовились.

Годъ назадъ, члены Думы вечеромъ въ день роспуска уже были въ Выборгѣ и засѣдали въ пріютившей ихъ гостинницѣ. Теперь ни въ тотъ день, ни въ слѣдующій, они никуда не ѣздили и никуда ѣздить не собирались... Почему?

Тогда передъ членами Думы, внезапно лишенными права входа въ Таврическій дворецъ, впереди раскрывалось что-то невѣдомое, но большое и страшное своей новизной и неизвѣстностью. Теперь ясно было, что ничего особеннаго не произойдетъ—что нѣсколько усилятся и безъ того суровыя репрессіи и что съ другого фронта, быть можетъ, тоже нѣсколько обострятся ни на минуту уже давно не теряющія остроты отдѣльныя революціонныя вспышки. Тогда у членовъ Думы была потребность что-нибудь сдѣлать и непремѣнно всѣмъ вмѣстѣ, безъ различія партій. Это что-нибудь казалось обязательнымъ. Тогда поѣздка въ Выборгъ или куда бы то ни было была психологической необходимостью, и отъѣздъ организовался самъ собой, въ нѣсколько часовъ. Теперь никакой подобной потребности никто не ощущалъ и не могъ ощущать. Основное чувство, которое вызвало чтеніе манифеста въ членахъ второй Думы, была подавленность—подавленность безсилія, при сознаніи не только отсутствія фактической возможности, но также безцѣльности и безполезности какого бы то ни было съ ихъ стороны дѣйствія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, разъѣдаемая партійной страстностью и рознью, вторая Дума не имѣла того единаго, общаго, что такъ характерно отличало первую Думу и выражалось въ единогласныхъ рѣшеніяхъ по главнѣйшимъ вопросамъ. Предпринимать что-либо послѣ роспуска всѣмъ членамъ второй Думы, какъ единому цѣлому,—такая мысль по очевидной нелѣпости никому не могла и въ голову придти...

Распущена Дума—остались партіи. И члены Думы разбились по своимъ фракціоннымъ квартирамъ. Предметомъ сужденій сталъ прозаическій вопросъ: готовиться ли и какъ къ новымъ выборамъ? Но и эти сужденія велись съ оглядкой на дверь—не придетъ ли полиція. Она приходила и разгоняла... Среди соціалъ-демократовъ въ самый день роспуска начались аресты... А правые торжествовали: пили шампанское, кричали „ура"... Оба крайніе полюса второй Государственной Думы боролись противъ конституціонной идеи, и оба желали рос-

пуска. Онъ наступилъ. Для одного полюса — за роспускомъ послѣдовала тюрьма. Для другого—запѣнились бокалы шампанскаго...

Петербургъ и Москва отнеслись къ роспуску Думы совершенно безучастно—по крайней мѣрѣ въ проявленіяхъ уличной жизни. Вотъ отчетъ о днѣ 3-го іюня изъ Москвы въ передачѣ оффиціальнаго телеграфнаго агентства: „Всюду въ городѣ полное спокойствіе. Въ виду праздничнаго дня, масса публики. На бульварахъ, гдѣ играетъ музыка, масса гуляющихъ. На бѣгахъ, гдѣ сегодня разыгрывается дерби, огромное количество публики. Въ городъ не введено изъ лагеря ни единаго солдата". Но Россія живетъ не Петербургомъ и Москвой. Россія живетъ далекими отъ центровъ губернскими и уѣздными городами и, главнымъ образомъ, глухой крестьянской деревней. Какъ отнеслась деревня къ роспуску второй Думы? Думаемъ, что съ глубокой болью въ сердцѣ. Мы можемъ объ этомъ только думать и предполагать, но не знать. Деревня опять ушла въ себя и замолчала. И говорить—(конечно, мы имѣемъ въ виду не крикъ „иллюминаціями" помѣщичьихъ усадебъ, а говоръ требованіями, заявляемыми и предъявляемыми въ условіяхъ гражданской свободы и конституціоннаго государственнаго строя)—ей снова заказаны пути...

Положительное или отрицательное явленіе—безучастное отношеніе общества къ роспуску Думы? Съ точки зрѣнія внѣшняго порядка и показного благополучія — разумѣется, положительное. Распущены народные представители, а главный интересъ уличной толпы — дерби, мужская и женская борьба, матчишъ. Что можетъ быть удобнѣе и лучше для данной минуты?!.. Но если взглянуть черезъ данную минуту на годы впередъ, то это явленіе представится во всемъ трагизмѣ своего діаметрально-противоположнаго значенія. Утомленное безплодностью борьбы за стремленіе къ свободѣ и къ общему благу, придавленное кровью справа и слѣва, снизу и сверху, и запутавшееся въ туманныхъ очертаніяхъ раскрывшихся безпредѣльно широкихъ горизонтовъ, русское общественное сознаніе вошло въ полосу реакціи. Оно слишкомъ бурно въ теченіе двухъ лѣтъ рвалось впередъ, оно слишкомъ страдало, чтобы не утомиться. И оно утомилось. Конституціонная идея не дала реальныхъ результатовъ. Вѣра въ нее поколебалась. Но что осталось? Идеалы „исконныхъ началъ", въ условіяхъ современнаго уровня народнаго сознанія и пониманія, выродились въ боевые и разрушительные кровавые призывы и истерическіе вопли „союза русскаго народа". Для успѣха такихъ призывовъ и воплей всегда есть готовая почва въ человѣческой злобности и эгоистичной мстительности. Они питаютъ сидящаго въ человѣкѣ звѣря, и онъ питаетъ ихъ собою. „Исконныя начала" сохранили полную способность разрушать и сметать. Что же осталось — какая идея—для созиданія

духовнаго и матеріальнаго блага народа, такъ глубоко разрушеннаго давно пережившими себя „исконными началами"?

Осталась—отвѣтили актъ роспуска второй Думы и новый избирательный законъ—идея самодержавнаго царя въ связи съ идеей представительства отъ высшихъ классовъ населенія — представительства, не призваннаго творить, а лишь содѣйствовать творческой работѣ органовъ царской власти. Какая безконечная цѣпь непримиримыхъ противорѣчій! Какая безнадежная мечта—построить прочное зданіе государства на логически отрицающихъ одно другое противорѣчіяхъ! Нужно ли Россіи обновленіе?—Отвѣтъ: да. Нужно ли измѣненіе формъ государственнаго бытія? — Фактъ объявленнаго созыва третьей Думы отвѣчаетъ: да. Нужно ли измѣненіе дѣйствительное или мнимое? — Прямого отвѣта уже второй годъ не дается. Дѣйствія же правительства показываютъ, что оно само колеблется. Колеблется въ сомнѣніяхъ: какое измѣненіе необходимо и что̀ есть измѣненіе дѣйствительное и что̀ мнимое. Въ ближайшей перспективѣ—опытъ разрѣшенія всѣхъ наболѣвшихъ вопросовъ по сложной неискренней схемѣ: такого измѣненія формъ государственнаго бытія, которое казалось бы дѣйствительнымъ, но, въ сущности, было бы мнимымъ. Говоря проще: съ помощью „послушной" Думы.

Можно ли ожидать, что наперекоръ законамъ логики опытъ удастся въ смыслѣ выполненія задачи? Можно ли быть увѣреннымъ въ томъ, что предстоящіе выборы дадутъ „послушную" Думу? Есть ли въ населеніи въ достаточномъ числѣ элементы, способные къ государственной работѣ и въ то же время готовые не за страхъ, а за совѣсть подчиниться созданной правительствомъ противорѣчивой схемѣ?

Земскій съѣздъ, только-что засѣдавшій въ Москвѣ, былъ, говоритъ реакціонная пресса, репетиціей третьей Думы. По нашему мнѣнію, всего вѣрнѣе охарактеризовали съѣздъ два его участника: нижегородскій гласный, г. Килевейнъ, и петербургскій—г. Кашкаровъ. Первый изъ нихъ на съѣздѣ говорилъ: „Въ началѣ съѣзда мы спорили, какой это съѣздъ: первый или не первый. Но если возможно спорить, такъ сказать, съ хронологической точки зрѣнія, то по тому направленію, которое онъ принимаетъ, по тѣмъ взглядамъ, которые здѣсь высказываютъ, по этой наивно-откровенной защитѣ сословности, по яркому выраженію классоваго интереса онъ — несомнѣнно *первый*. Въ этомъ отношеніи мы съ нашими противниками согласны, но только наши враги справа мнѣ очень напоминаютъ нашихъ враговъ слѣва. Какъ послѣдніе, ставъ на гребнѣ *революціонной* волны, забывали въ своихъ программахъ и дѣйствіяхъ реальныя условія дѣйствительности въ русской жизни, такъ и первые,—враги справа,—стоя на гребнѣ вы-

сокой *реакціонной* волны, также не учитываютъ настоящихъ условій политической и общественной жизни" („Русскія Вѣдомости", № 135). Г. Килевейнъ, впрочемъ, лѣвый земецъ, участникъ съѣздовъ 1904 и 1905 гг. Его характеристика, пожалуй, пристрастна. Но еще убійственнѣе оцѣнка земца новѣйшей формаціи. „Свѣтъ" 14 іюня писалъ: „Настроеніе на съѣздѣ у всѣхъ патріотическое, свѣтлое, удивительно хорошее. Словами его трудно передать. Лучше всего я смогу его опредѣлить фразой, которую сказалъ петербургскій депутатъ Кашкаровъ. Онъ сказалъ: „Удивительное дѣло: думалъ, что ѣду на земскій съѣздъ, а пріѣхалъ и вижу, что сижу въ русскомъ собраніи".

Да, это были засѣданія „русскаго собранія"—съ той только разницей, что на нихъ раздавались голоса и такихъ людей, которые въ „русское собраніе" не ходятъ... Мы согласны съ мыслью составителей новаго избирательнаго закона, что наиболѣе живыя интеллектуальныя силы страны—въ земствѣ. Но въ земствѣ всегда были и есть два теченія: правое и лѣвое. Изъ нихъ земское дѣло создало лѣвое теченіе. Принимать же за земскихъ людей представителей праваго теченія, побѣдившаго на выборахъ въ прошломъ году, вслѣдствіе начавшейся тогда реакціи въ дворянскихъ землевладѣльческихъ кругахъ,—можетъ или тотъ, кто не знакомъ съ жизнью мѣстнаго самоуправленія, или кто намѣренно пользуется наименованіемъ: „земскіе люди",—не раскрывая его содержанія.

Да, участники нынѣшняго земскаго съѣзда были съ дозволенія начальства избранные делегаты губернскихъ земскихъ собраній. Только это были въ подавляющемъ большинствѣ не „земскіе люди". Это были кандидаты въ вице-губернаторы, еще недавно все готовые дѣлать и сдѣлать для достиженія этой завѣтный мечты. Теперь—готовые тоже на все, чтобы добровольно, по дорогой цѣнѣ, распродать свои земли. Какъ они ярко обнаружили себя на съѣздѣ! Вмѣсто разрѣшенныхъ 16-ти дней, просидѣли 6. На дѣловыя засѣданія не являлись. Всю дѣловую часть работы скомкали и отложили до слѣдующаго съѣзда. Какъ это все хорошо знакомо истиннымъ земцамъ! Въ губерніи, близко намъ извѣстной, на окончаніе очередной сессіи губернскаго собранія обыкновенно не хватало законныхъ двадцати дней. Въ послѣднюю сессію „правые" ухитрились порѣшить всѣ дѣла въ пять дней. Зачѣмъ, впрочемъ, ходить въ земскія собранія? Какой слѣдъ въ дѣловой работѣ второй Думы оставили гр. Бобринскій, гг. Крупенскій, Синадино, Хомяковъ, гр. Стембокъ-Ферморъ и два десятка сидѣвшихъ съ ними въ Думѣ „правыхъ" земцевъ? Чѣмъ ознаменовали свое участіе въ Государственномъ Совѣтѣ князь Касаткинъ-Ростовскій, г. Ушаковъ, или самъ предсѣдатель съѣзда, г. Родзянко? Безнадежно слабая опора—эти „общественныя" силы...

Намъ вспомнился сейчасъ разговоръ съ однимъ „правымъ“ земцемъ, человѣкомъ неглупымъ и ловкимъ, при Плеве попавшимъ въ предсѣдатели управы по назначенію, а затѣмъ добившимся наконецъ вице-губернаторства. Нашъ собесѣдникъ говорилъ о новомъ губернскомъ гласномъ, избранномъ въ одномъ съ нимъ уѣздѣ.—Прекрасный—такова была аттестація—человѣкъ, умный, образованный, отличный ораторъ, работникъ, какихъ мало,—онъ навѣрное будетъ съ вами, съ „лѣвыми“...

Правда ли, что третья Дума будетъ такою, какимъ былъ земскій съѣздъ? Все сдѣлано, чтобы она была именно такою. Но... выборы будутъ происходить, хотя и въ моментъ реакціи, однако все-таки въ незакончившуюся революціонную эпоху. И всѣ хитрыя комбинаціи легко могутъ оказаться ни къ чему. А конституціонной идеѣ—двухлѣтнему прибѣжищу мятущейся народной мысли—нанесенъ жестокій ударъ, слѣдъ отъ котораго переживетъ и третью Думу, и четвертую, и, можетъ быть, откровенныя попытки возврата назадъ...

2-го іюня петербургскимъ градоначальникомъ распубликовано слѣдующее обязательное постановленіе, изданное на основаніи Высочайшаго повелѣнія 8-го іюля 1906 года и ст. 23 и 26 правилъ о положеніи чрезвычайной охраны.

„I. Воспрещается: 1) оглашеніе или публичное распространеніе какихъ-либо статей или иныхъ сообщеній, возбуждающихъ враждебное отношеніе къ правительству; 2) распространеніе произведеній печати, подвергнутыхъ аресту установленнымъ въ законѣ порядкомъ; 3) всякаго рода публичное восхваленіе преступнаго дѣянія, равно какъ распространеніе или публичное выставленіе сочиненія, либо изображенія, восхваляющихъ такое дѣяніе, и 4) оглашеніе или публичное распространеніе: а) ложныхъ о дѣятельности правительственнаго установленія или должностного лица, войска или воинской части свѣдѣній, возбуждающихъ въ населеніи враждебное къ нимъ отношеніе, и б) ложныхъ, возбуждающихъ общественную тревогу слуховъ о правительственномъ распоряженіи, общественномъ бѣдствіи или иномъ событіи. II. Виновные въ нарушеніи настоящаго постановленія подвергаются въ административномъ порядкѣ штрафу до 3.000 руб. или заключенію въ тюрьмѣ до 3-хъ мѣсяцевъ, или аресту на тотъ же срокъ. III. Настоящее обязательное постановленіе, издаваемое въ дополненіе обязательныхъ постановленій с.-петербургскаго градоначальника отъ 9-го іюля 1906 года и 30-го мая 1907 года вступаетъ въ законную силу со дня его опубликованія въ газетѣ „Вѣдомости С.-Петербургскаго Градоначальства“ и распространяется на всю территорію столицы съ пригородами“.

Это обязательное постановленіе всего ближе касается періодической печати. И поскольку оно ее касается, его правильнѣе назвать

новыми правилами о печати, ибо тождественныя или однородныя постановленія одновременно изданы въ Москвѣ, въ Варшавѣ, въ Кіевѣ, въ Минскѣ, и т. д., и т. д., — т.-е. едва ли не во всѣхъ городахъ, гдѣ выходятъ въ свѣтъ газеты. Въ порядкѣ положенія объ охранѣ проведена мѣра общая, законодательнаго характера. Что это такъ — съ полной очевидностью доказываетъ третій пунктъ постановленія. Заключающійся въ немъ запретъ съ 24-го декабря 1906 г. и до 22-го мая былъ нормой уголовнаго закона, принятою правительствомъ въ порядкѣ 87 ст. основныхъ законовъ и въ порядкѣ той же статьи утратившею силу, вслѣдствіе отклоненія Государственной Думой соотвѣтствовавшаго ей законопроекта. Теперь тотъ же самый запретъ повсемѣстно, по крайней мѣрѣ гдѣ издаются газеты, объявленъ нормой административнаго карательнаго воздѣйствія съ карательной ставкой, пониженной въ высшемъ предѣлѣ наказанія лишеніемъ свободы (вмѣсто восьми мѣсяцевъ тюрьмы — три) и въ то же время повышенной въ шесть разъ въ высшемъ предѣлѣ денежнаго штрафа (вмѣсто пятисотъ—три тысячи рублей). Но пока этотъ запретъ былъ нормой уголовнаго закона, назначенію наказанія обязательно долженъ былъ предшествовать судъ—предварительное изслѣдованіе, судебное разсмотрѣніе на началахъ состязанія и повѣрка правильности приговора. Теперь наложеніе наказанія—дискреціонное право административной власти.

Въ третьемъ пунктѣ, хотя далеко не съ полной точностью, но все-таки юридическими признаками очерчено предусматриваемое имъ дѣяніе. Еще болѣе тяжелыя условія созданы пунктами первымъ и четвертымъ. Что̀ значитъ оглашеніе статей, „возбуждающихъ враждебное отношеніе къ правительству"? Что̀ значитъ „враждебное" отношеніе? Куда отнести критику того или другого мѣропріятія— спокойную, продуманную, но тѣмъ болѣе убѣдительную? Неужели нельзя подъ угрозою штрафа или тюрьмы ничего сообщать о несомнѣнно совершенномъ органами власти правонарушеніи, ибо отсюда безъ всякаго труда можно сдѣлать выводъ о возбужденіи враждебнаго отношенія къ правительству? Въ отношеніи оглашенія ложныхъ свѣдѣній и слуховъ постановленіе совершенно игнорируетъ завѣдомую для лица лживость оглашаемаго. Заключенію въ тюрьмѣ или штрафу въ три тысячи рублей могутъ подвергнуться самые добросовѣстные авторы или редакторы, повинные только въ томъ, что въ газетномъ дѣлѣ абсолютно невозможно всегда обладать неопровержимыми доказательствами вѣрности сообщаемаго извѣстія.

Всего сильнѣе ударили новыя правила по газетамъ въ Москвѣ. „Парусъ" на протяженіи четырехъ дней понесъ 7.000 р. штрафа, и изданіе пріостановилось... Вѣренъ ли взглядъ, что свободная печать поднимаетъ общественное настроеніе? Отчасти, не споримъ,—да. Но

только отчасти. Въ гораздо большей мѣрѣ печать отражаетъ поднявшееся помимо нея настроеніе...

Образчикъ оффиціальнаго краснорѣчія.

Въ № 36 „Костромскихъ Губ. Вѣд." напечатана рѣчь костромского губернатора, г. Веретенникова, сказанная имъ 14-го мая волостнымъ старшинамъ варнавинскаго уѣзда. Вотъ выдержка изъ нея:

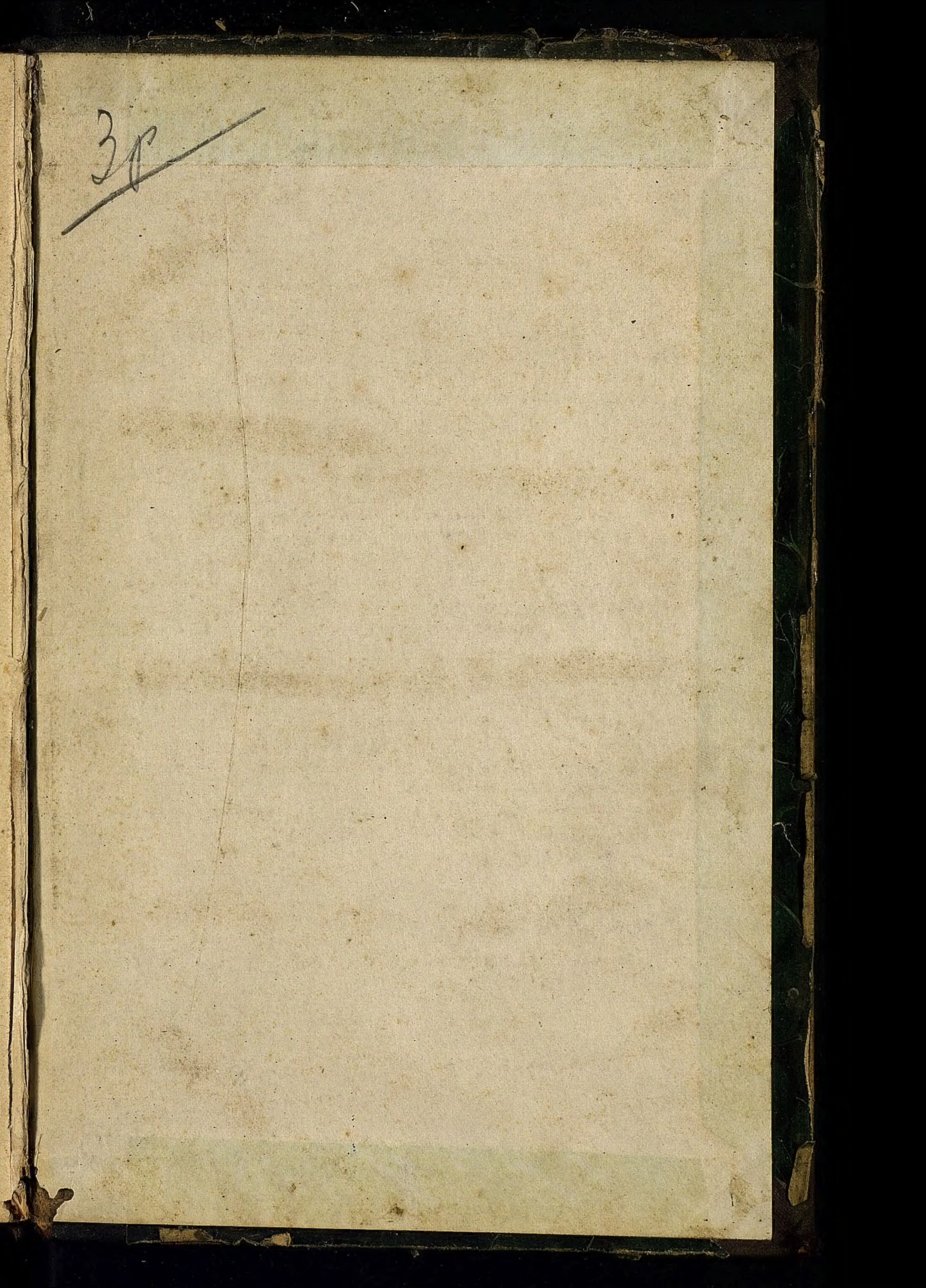
Нарисовавъ картину близкой гибели Россіи, когда „Финляндія отойдетъ къ Швеціи, Прибалтійскій край захватитъ Германія, Польшу раздѣлятъ Германія и Австрія", когда „не откажется и Румынія отъ Бессарабіи", а „Великороссія предоставлена будетъ въ полное распоряженіе евреямъ", — губернаторъ говорилъ: „Время уже видимо настаетъ и съ каждымъ днемъ мы приближаемся все ближе и ближе къ краю пропасти, пока не бросимся въ нее добровольно на смѣхъ и радость нашихъ лицемѣрныхъ друзей и совѣтчиковъ. Даже данную Царемъ народу великую милость и выказанное ему большое довѣріе учрежденіемъ Государственной Думы сумѣли эти хитрые враги наши обратить не на благо народа, а на пользу той же выгодной имъ смуты и пропаганды. Вмѣсто того, чтобы послать въ столицу людей положительныхъ, честныхъ, благонамѣренныхъ, настоящихъ совѣтчиковъ Царю, точно нарочно собрали крикуновъ со всей Россіи, оправдавшихъ лишь пословицу: „посади свинью за столъ, она и ноги на столъ". Сбитый съ толку легковѣрный народъ повѣрилъ обманнымъ и несбыточнымъ обѣщаніямъ и подавалъ свои голоса за тѣхъ, которые продавали ему шкуру, не убивши еще медвѣдя", и т. д. - добавляетъ отъ себя „Русь", (№ 149), откуда мы заимствуемъ приведенную выдержку—до предсказанія 14-го мая, что Думу „по закону приказомъ царскимъ опять распустятъ".

Такъ говорилъ представитель мѣстной администраціи о высшемъ законодательномъ учрежденіи страны, которое въ тотъ моментъ еще исполняло свои государственныя функціи...

ПОПРАВКА.

Въ іюньской книгѣ, стран. 692, строч. 2 сн., напечатано: *а ты передъ распятъемъ;* слѣдуетъ читать: *а ты передъ Распятымъ.*

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

3р

